

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IV-VII ВЕКОВ

Москва
Наследие
1998

ББК 83.3

Ответственные редакторы:
С.С.Аверинцев и М.Л.Гаспаров

Составление: О.Е. Нестерова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
№ проекта 97-04-16244*

ISBN 5-201-13332-0

© Аверинцев С.С. (вступ. ст.)
© Биbihин В.В. (Августин,
Об учителе, перевод)
© Изд-во “Наследие”, 1998

Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций

I

Эпоха, начинающаяся в первой половине IV в. и завершающаяся примерно через три столетия, — нижняя граница неотчетлива, и это связано с существом дела, — приобрела на языке христианской традиции наименование эпохи Отцов Церкви (выражаясь в стиле специфически церковно-русском — *святоотеческой*, а в терминологии международной — *патристической*; слова эти совершенно синонимичны).

С чем связано такое наименование? Оно выражает не просто особое почтение поколений верующих христиан к личной святости или к корректности богословских концепций именно тогдашних христианских авторов, канонизированных Церковью (которая еще не была разделена на католическое и православное вероисповедания). Многие из позднейших церковных писателей — скажем, схоласты XIII в. для католиков или виднейшие представители паламизма XIV в. для православных — никак не менее важны для самопонимания веры. А прежде патристической эпохи была начально-христианская пора апостолов и мучеников, пора “первой любви”, как выражается Апокалипсис (2, 4)... Но время Отцов Церкви имеет статус классической нормы для христианской культуры по следующим причинам. Время это в значительной степени, хотя не полностью, приходится на века и десятилетия, когда греко-латинская цивилизация Римской империи, терпя тяжелые внутренние кризисы, уступая напору варваров извне, затем переживая совсем уже явственные катастрофы вроде разгрома Рима ордами визигота Алариха в 410 г. и формальное упразднение власти последнего государя Западной Римской империи в 476 г., уходя в чудом сохранившиеся оазисы культуры на периферии, в монастыри, переживая острое чувство подходящего конца, — все еще была жива и сохраняла свою идентичность. То, что во времена собственно средневековые станет воспоминанием, легендой, абстрактно постулируемым образцом, что будут “возрождать” во многочисленных средневековых “ренессансах” и в том Ренессансе, который положит конец средневековью, еще было конкретной непрерывностью культурной памяти, живущей в быте школ и ветшающих патрицианских домов. С другой стороны, Миланский эдикт императора Константина I

(313 г.) положил конец гонениям на христиан (ненадолго и неуверенно возобновившимся только во время обреченной языческой реставрации Юлиана Отступника, 361-363 гг.) и вывел Церковь из положения на обочине общества, а в конце того же века, при Феодосии I, христианство окончательно приобрело на пространствах Римской империи статус господствующей, государственной религии. Все это впервые создало возможность для целостного синтеза между христианской верой и формами античной культурной традиции, осуществляемого уже не в инициативе одиночек вроде Юстина и Оригена, но в систематической работе целых поколений христианской социальной, интеллектуальной и художественной элиты. Христианизируется позднеантичная цивилизация как целое. Становятся возможными христианские базилики, великолепные христианские храмовые мозаики, так не похожие на примитивную стенопись катакомб, и прочие роскошества церковного искусства. Одновременно усваивается аппарат литературных приемов, логико-риторического упорядочения речи, философского упорядочения мысли. Происходит именно то, чего так опасался Юлиан Отступник, специальным указом отстраняя христиан от мира школ: язычество действительно теряет монополию на престиж культурно-цивилизаторских ценностей.

Именно на фоне доселе небывало последовательного перевода христианского вероучения на проясняющий язык античных философских школ, — достаточно упомянуть, что термин *единосущный* (*ὁμοούσιος*), описывающий отношение Христа к Богу Отцу, как и термин *ипостась* (*ὑπόστασις*), прилагающийся к бытию Отца, Сына и Св. Духа внутри единства Троицы¹, которые стояли в самом центре богословских споров IV в., отсутствуют в библейских текстах², но вполне обычны в греческом философском дискурсе³, — происходит упорядочение догматической системы как системы, исключительно характерное для эпохи Отцов Церкви. Конечно, христианские богословские споры начинаются едва ли не одновременно с путем самого христианства, как мы ощущаем уже по таким новозаветным текстам, как Послание апостола Иуды (8-16) и Апокалипсис, упоминающий ереси николаитов (2, 6 и 15) и последователей учения Валаама (2, 14); и споры эти отнюдь не затихают впоследствии. Однако эпоха Отцов Церкви придает им уникальный характер, не возможный ни ранее, ни впоследствии. Именно эта эпоха строит церковное вероучение как систему, выразившуюся, скажем, в Никейско-Константинопольском Символе веры, который до сих пор поется за любой православной литургией. Во времена более ранние христианские полемисты, если они не были заняты апологией своей веры против языческих обвинений, имели своей задачей в основном полемику с гностиками, в которой речь шла о самой идентичности христианства как такового, ибо гностики были не просто еретиками, отклоняющимися от церковного учения в определенных пунктах, но адептами иного, принципиально альтернативного учения; все доктринальные вопросы более сложного

свойства — прежде всего, как понимать сущностное единство Лиц Троицы или соотношение божественного и человеческого “естеств” и “воль” в единстве личности Иисуса Христа как воплощенного Логоса, — обсуждались тогда лишь от случая к случаю и фрагментарно. Напротив, классическая патристика имела своей задачей построение системы доктринальных тезисов именно как системы; когда эта задача была в принципе решена, патристическая пора завершилась “изложениями” уже готовой системы, по самой форме своей отмеченными школьной систематичностью, которые предвосхищали приход схоластики⁴. Все дальнейшие богословские споры средневековья, как византийского, так и латинского, какими бы острыми они порой ни были, велись на фоне уже осуществленного “патристического синтеза”, как порой выражаются специалисты. А системность, которая была императивом для Отцов Церкви, была продиктована как церковным пониманием авторитетного “закона, как должно веровать” (*lex credendi*), в свою очередь сформированным не только библейскими, но и римско-юридическими импульсами, так и мощным воздействием античной философской культуры с ее специфическими формами связного дискурса. Недаром сам термин *догмат* восходит к лексике, характеризовавшей жизнь античных философских школ: были свои догматы, скажем, у пифагорейцев, были свои догматы у стоиков и т. д.⁵ (термин *ересь* имеет то же происхождение). В Писании не найти образца для тех форм дискурса, которыми обеспечивается греческая системность догмата. Христос говорит о Царстве Божьем в притчах, в параболах, в метафорах, но дефиниция Царства не дается. Апостол Павел рассуждает в гл. 13 1 Послания к Коринфянам о том, как действует любовь, но он не говорит: любовь “есть” то-то и то-то. Догматика, как ее строят Отцы Церкви, — это соединение двух сил, которые прежде развивались совершенно раздельно: по-библейски понимаемой веры и по-античному понимаемой системности. Их проповедь — опять-таки соединение все той же веры с античным пониманием риторического строя речи. Надо добавить, что взгляд на Писание — в особенности на Ветхий Завет, в меньшей степени на Новый — глазами, вышколенными философией и риторикой, мощно стимулировал явление, имевшее, разумеется, и религиозные корни: иносказательную, “духовную” интерпретацию “тайн” библейских текстов. Конечно, сами эти тексты изначально содержат в себе богатую символику: уже иудейская предраввиническая и раввиническая интерпретация искала “тайн”, заключенных в библейских именах, в их истинной или мнимой этимологии, в числовых значениях букв древнееврейского алфавита и т. п.⁶; однако христианская переориентация с перспективы ветхозаветного избранного этноса “по плоти” на вселенский универсализм, как и вера в то, что во Христе и Церкви до конца сбылось предварительно намеченное (“прообразованное”) в лицах, эпизодах и пророчествах Ветхого Завета, неизбежно повышали роль символической перспективы, что привело к возникновению особого метода христианской “типологичес-

кой” экзегезы. Уже апостол Павел видит в отношениях Исаака и Измаила “прообразование” отношений Церкви и Синагоги (Рим. 9, 7-13 и Гал. 4, 22-31), а в Адаме (Рим. 5, 12-21 и I Кор. 15, 45-49) и в пасхальном агнце (I Кор. 5, 7) — “прообразование” фигуры Христа. Но, вместе с тем, аллегорическая интерпретация была глубоко укоренена и в античной культуре, где она применялась, например, для того, чтобы отыскать у Гомера рафинированные натурфилософские и моральные тезисы философов. Это отнюдь не случайно. Риторика и философия по самой своей сути ориентированы на то, чтобы в частном и конкретном искать иллюстрацию или пример (лат. *exemplum*) общих и абстрактных понятий. Как сказано еще у Аристотеля, “всякое определение и всякое знание имеют дело с общим”⁷. Истолкование лица и события как символа неких генерализирующих абстракций (в частности, богословско-моральных и богословско-метафизических) изначально свойственно логико-риторическому дискурсу в гораздо большей степени, чем библейской — ветхозаветной и евангельской — перспективе, ориентированной на событие Священной Истории и постольку на повествование о конкретном и неповторимом, о том, что сопротивляется подведению под категории. Но путь христианской культуры привел ее в патристическую эпоху к систематическому усвоению как раз логико-риторической техники и постольку к переориентации на общее, которая устремилась, как в одно из своих русел, в русло аллегории и аллегорезы. Другим руслом была практика характерологических и попросту оценочных эпитетов для участников Священной Истории, т. е. как библейских, так и агиографических персонажей, практически отсутствующая в ветхозаветных и новозаветных повествованиях, но весьма характерная для патристической и затем средневековой герменевтики, проповеди и житийной литературы; это опять-таки установка на классификацию, на соотнесение частного с общим как подлинным, по Аристотелю, предметом процедур познания.

II

Итак, первый период эпохи, которая нас интересует, — пора классической патристики. На ее пороге стоит фигура Илария Пиктавийского, воплощающая едва ли не весь набор характерных для целой культурной формации признаков — прежде всего приход к христианству из высокообразованных, специально — неоплатонических кругов, живейшее участие в центральных догматических спорах эпохи — в основном отвечая на вызов арианства, большой интерес к “иносказательной” интерпретации Ветхого Завета, образцы каковой читатель найдет в первом же тексте нашей антологии. Те же приметы едва ли не с большей отчетливостью проступают в образе Мария Викторина, выходящего из Северной Африки, который, отчасти предвосхищая путь своего земляка Августина, обратился в христианство после того, как

стяжал самую широкую известность в качестве преподавателя риторики, комментатора трудов Цицерона и переводчика логических сочинений Аристотеля, а также ряда неоплатонических текстов; его главной заслугой была очень продуманная христианская рецепция и переработка раннего неоплатонизма, мало известного в латиноязычном мире.

Амвросий Медиоланский (334 или 340—397 гг.) — одна из центральных фигур своего времени. Как религиозный мыслитель он будет превзойден великим Августином (в духовном становлении которого сыграл роль если не учителя, то, во всяком случае, идеала и образца для подражания), как стилист — двумя младшими (и гениальными) представителями христианской литературы: тем же Августином и Иеронимом; однако без него, без его продуманной, целеустремленной, упорядочивающей деятельности, без проявлений его церковно-политической и церковно-просветительской инициативы, всегда верно отвечавшей потребностям времени, многие позднейшие достижения христианской культуры, мысли и словесности были бы невысказанными. Происхождение и психологический склад связывали Амвросия с поколениями римских администраторов, из века в век управлявших империей. Он и сам начинал как юрист и затем видный магистрат, но его гражданская деятельность была прервана народным выбором, неожиданно для него и против его воли возведшим его (бывшего в тот момент всего лишь катехуменом, т. е. только готовящимся к принятию крещения) — после поспешного совершения таинства крещения и максимально ускоренного прохождения необходимых ступеней церковной иерархической лестницы — на епископскую кафедру города Медиолана (Милана). Амвросий предвосхитил — в самом благородном и достойном варианте — чрезвычайно важный для западного средневековья тип католического прелата, властного, дельного и распорядительного, исходящего из глубочайшего убеждения в примате церковной власти над светской. После кровавой резни, учиненной императором Феодосием по политическим мотивам в Фессалониках в 390 г., Амвросий сумел принудить этого властного государя, которому Церковь в плане мирском была многим обязана, к неслыханному публичному покаянию; так закладывались основы церковно-политического идеала, который будет вдохновлять самых искренних и решительных пап зрелого средневековья. Под конец жизни Амвросий был свидетелем последнего скольконибудь серьезного конфликта между традицией языческого Рима и христианской верой, когда сенат попытался добиться сохранения в курии алтаря богини Победы и противопоставить Феодосию марионеточного претендента на императорскую власть Евгения; парадокс обострялся тем, что Евгений был, во-первых, игрушкой в руках варварского предводителя Арбогаста и, во-вторых, христианином, лишь ради союза с языческой партией обещавшим в случае победы языческую политику, — так что ставка сената на эту неверную карту доводила до абсурда саму патриотико-языческую идеологию. Отныне то, что во всех дальнейших перипетиях останется от наследия Рима, будет вы-

живать исключительно в союзе с Церковью, и в этом отношении фигура Амвросия, столь образцово и выразительно воплотившего достоинство церковной власти перед лицом светской, является ключевой.

Сочинения Амвросия отмечены, как и естественно для наследника римской культурной традиции, переносом внимания с отвлеченных умозрений греческого типа — хотя он не был им чужд и хорошо владел греческим языком — на моральные проблемы: его трактат “Об обязанностях служителей Церкви” не только в заглавии, но и в организации материала следует знаменитому трактату Цицерона “Об обязанностях”. Вообще же для истории литературы в узком смысле, как предмета, отличного не только от истории Церкви, но и от общей истории культуры, Амвросий — прежде всего поэт, основатель латинской церковной гимнографии. Но и в поэзии он оставался до мозга костей римлянином, любящим здравомыслие, точность и ясность выражения. В той области церковных гимнов, в которой византийцы будут давать волю декоративной избыточности, сплетая слова в необычных сочетаниях и в сознательно трансформированном порядке, снова и снова повторяя одно и то же высказывание в изобретательно варьируемых формулировках, Амвросий разрабатывает предельную простоту ритма и стиля. Если не бояться парадокса, чуть ли не каламбура, можно сказать, что его поэзия сильна именно тем, как много в ней благородной прозаичности.

Беспокойная жизнь Софрония Евсевия Иеронима (ок. 347-420 гг.) в сочетании с его редкой для наследника античной традиции лингвистической любознательностью предрасположили его к роли посредника между культурами. Уроженец Даламации, он достиг в Риме высот латинской культуры в школе знаменитого грамматика Доната, затем, приняв крещение, бежал от соблазнов столичной жизни к аскетам Галлии, позднее в Антиохии довел до совершенства свои познания в греческом языке (и вел богословские беседы с известным богословом Аполлинарием, впоследствии “ересиархом”), а в уединении сирийской пустыни обучился также — случай для поздней античности уникальный! — еврейскому и арамейскому языкам. В Константинополе он слушал проповеди виднейшего греческого церковного мыслителя и писателя той поры Григория Назианзина (на языке традиции именуемого святителем Григорием Богословом), позднее вернулся в Рим, где стал секретарем папы Дамаса и духовным наставником группы знатных римлян, искавших пути аскезы. Затем он снова уехал на Восток, встречался с богословами и подвижниками родины христианского монашества — Египта, а последний период жизни провел в Вифлееме.

Очень впечатлительный, порой импульсивный человек и мыслитель, Иероним жил в остром напряжении между восторгом перед древней языческой культурой и отказом от нее во имя аскетического подвига. “Когда много лет назад, — повествует он в одном из писем, — я отсек от себя Царствия ради Небесного дом, родителей, сестру, близких и, что было еще труднее, привычку к отборным яствам, когда

я отправился в Иерусалим как ратоборец духовный — от библиотеки, которую собрал я себе в Риме ценой превеликих трудов и затрат, я отказаться не смог. И вот я, злосчастный, среди упражнений в посте читал Цицерона. После еженощных молитвенных бодрствований, после рыданий, исторгаемых из самых недр груди моей памятью о свершенных грехах, я брал в руки Плавта! Если же, снова приходя в себя, я понуждал себя читать Пророков, меня отталкивала неизощренность языка: слепыми моими глазами не мог я видеть свет и винил в этом не глаза, а солнце". Далее следует знаменитый рассказ о сновидении, в котором грозный Судия сказал Иерониму с укором: "Ты цицеронианец, а не христианин!" Здесь намечена типичная средневековая коллизия, повторявшаяся затем во многих судьбах — например, в судьбе многоученого Алкуина (ум. в 804 г.), строго осудившего себя за чрезмерную любовь к Вергилию, и т. п. Если бы, однако, Иероним не принял на себя бремя этого внутреннего конфликта, он не смог бы выполнить самого главного дела своей жизни — перевода Библии на латинский язык: для этого дела, сугубо церковного и одновременно сугубо литературного, нужен был человек, соединивший в себе христианское отношение к Библии, и в придачу — вдохновлявшееся этими библейскими интересами хотя бы частичное филологическое проникновение в чуждую сферу семитического языкового мышления, — с тонким чувством собственного языка, воспитанным на античных латинских классиках. Стиль Иеронимова перевода сохраняет специфический строй древнееврейской поэтики едва ли не вернее, чем выполненный в свое время александрийскими евреями греческий перевод (т. н. Септуагинта), но это достигнуто за счет уверенного владения экспрессивными средствами латыни; достаточно посмотреть, как передано крайне трудное для перевода начало Книги Иова. Перелагателем Писания Иероним был благоговейным, но робкий буквализм был для него неприемлем: он держался цицероновского принципа, согласно которому слова надо переводить *не поштучно, а на вес*. Значение переводческих трудов Иеронима для контакта между тысячелетними литературными традициями, каждая из которых имела специфическую образную систему, свой набор символов и метафор, — контакта, из которого в конечном счете родился "высокий слог" европейских литератур, — едва ли может быть переоценено. Однако при своем появлении новый перевод, что естественно для любой действительно смелой литературной инициативы, вызвал бурные споры; лишь к VII в. он получил общепризнанное равноправие с более старым переводом, т. н. "Италой", в VIII-IX вв. победоносно вытеснил "Италу"⁸, а с XIII в. получил обозначение "Вульгата" (букв. "общепринятый"), став на многие века единственно принятым библейским текстом для католического Запада.

Среди прочих сочинений Иеронима выделяются его многочисленные письма, которые имеют порой доверительно личный характер: по живости интонаций, тонкости психологической нюансировки и правди-

ности отображения обильного противоречиями характера на фоне столь же противоречивой эпохи они могут быть поставлены рядом с признанными шедеврами эпистолярного искусства Цицерона. Средневековые, преклоняясь перед авторитетом Иеронима как Отца Церкви, более того — одного из четырех Учителей Церкви, имеющих для западного средневековья такое же значение, какое Три Святителя имели для средневековья православного, не всегда способно было оценить эту сторону его писательского самопроявления; однако впоследствии гуманисты Возрождения проявят к ней особый интерес, и Иероним будет среди раннехристианских авторов их любимцем.

Иларий пришел из Галлии, Иероним — из далматинских земель. Северная Африка, которая еще во II-III вв. была ареной первого расцвета латиноязычной христианской литературы, дала в классическую пору патристики того писателя, который наиболее полно и содержательно осуществил на границе эпох, прошедшей через его сердце, синтез христианской веры и античной культуры. Это был Августин (354-430) — одна из ключевых фигур всей духовной истории Западной Европы, поворачивавшаяся к сознанию различных эпох разнообразными гранями, становясь актуальной для средневековых идеологов теократии, для инициаторов Реформации, для французских яansenистов XVII столетия, для христианских мыслителей совсем близких к нам времен.

Такой обильный контрастами и все же цельный мыслитель и писатель, как Августин, возможен только в краткий и неповторимый момент встречи двух великих эпох, когда исходные тезисы средневековой мысли уже продуманы и перечувствованы с основательностью и последовательностью, чуждой еще совсем недавним поколениям христиан, но античная изощренность ума и чувства сохранена в степени, неведомой уже младшим современникам Августина. Он имел в себе едва ли не все признаки носителя средневековой культуры, кроме одного единственного признака — средневековой ограниченности. Отсюда уникальность его исторического места.

Он родился от отца-язычника и матери-христианки в нумидийском городе Тагасте, учился риторике в культурных центрах Северной Африки, потом преподавал ту же риторику⁹. С 373 г. начинаются — под влиянием прочитанного цицероновского философского диалога “Гортензий” — драматические поиски удовлетворительного мировоззрения: Августин проходит через увлечения пессимистическим дуализмом манихейской религии, видящей материальный космос как царство зла, затем философским скептицизмом, пока в 386 г. не открывает для себя возможностей философского умозрения с неоплатонической окраской в рамках ортодоксального христианства (в чем ему помогли проповеди Амвросия Медиоланского, не в последнюю очередь благодаря применяемой в них философско-аллегорической экзегезе). Год спустя Августин принимает крещение, еще через несколько лет — рукоположение; последние десятилетия своей жизни он был епископом города

Гиппона в родной Северной Африке, принимал самое деятельное участие в борьбе с донатистским расколом и пелагианской ересью, приходя постепенно к более жесткому и, условно говоря, “средневековому” пониманию ряда вопросов веры, нежели то, которое было ему присуще сразу после обращения, видел беженцев из Рима, разграбленного ордами Алариха, и умирал в городе, осаждаемом вандалами, очень конкретно переживая конец римской цивилизации.

Августин — автор весьма продуктивный и разносторонний; его сила — не во внешней непротиворечивости (как у Фомы Аквинского, завершителя средневекового мировоззрения), но в глубине и остроте продумывания и прочувствования чрезвычайно богатого и разнообразного круга вопросов. Его духовный мир совмещает в себе резкие, несмягченные контрасты: высокую умственную восприимчивость — и устремление к авторитетной догме, острое самосознание личности — и сверхличный пафос церковности. Метафизика Августина и его доктрина о Боге как абсолютном бытии следуют неоплатоническим парадигмам, развивая инициативу Мариа Викторина, но Августин предпринимает чуждую греческим философам и богословам попытку заново продумать старые идеи, отправляясь не от объекта, а от субъекта, от самоочевидности человеческого сознания как такового (предвосхищение исходной концепции Декарта).

Главным мыслительным и литературным деянием Августина в контексте истории европейской культуры было открытие двух проблем, мимо которых практически прошла античность. Одна из этих проблем — динамика становления человеческой личности с сопровождающими это становление кризисами и переломами; другая — динамика исторического пути человечества с его внутренней противоречивостью. Первой проблеме посвящена “Исповедь” — отмеченная экспрессивным лиризмом патетических интонаций и рисующая внутреннее, сокровенное развитие Августина с младенческой поры автобиография, в которой особенное внимание уделяется конфликтам человеческого “я” с самим собой. Разумеется, центральная тема “Исповеди” — это путь, порой окольный и кружной, к христианской вере. С недостижимой для античной литературы глубиной самоанализа писатель сумел показать жизнь душевных глубин, едва ли не первым отчетливо поставив проблему того, что мы называем подсознанием. При этом личностные тенденции мысли Августина сложно, однако логично сочетаются с характерной для него богословской доктриной предопределения, ставящей выбор человека в зависимость от изначального решения Бога; именно от констатации темных “бездн” души Августин умозаключает к необходимости благодати, которая спасает личность, выводя ее из порочного круга самоотжестовленности в “падшем” состоянии. Эта теологическая доктрина будет со временем подхвачена и резко заострена Лютером и особенно Кальвином. Напротив, внимание Августина к движению личностной эмоционально-психологической жизни будет оценено — и переведено в более секулярный план — уже Петрар-

кой¹⁰; топика “исповеди” в литературе Нового Времени (вплоть до Руссо и далее) продолжала в иных культурных и духовных контекстах августиновский опыт самонаблюдения. — Другой проблеме — мистическому осмыслению истории — посвящен монументальный по объему труд “О граде Божиим”, написанный под впечатлением от разгрома Рима готами в 410 г. Исторический процесс в целом подвергнут расчленяющей периодизации, оказавшей самое широкое воздействие на средневековое осознание истории. Августин усматривает два противоположных по самой своей сути вида человеческой общности — два “града” (в античном значении слова, т. е. две “гражданские общины”): “град земной”, т. е. мир гражданской цивилизации, основанный “на любви к себе, доведенной до презрения к Богу”, и “град Божий”, т. е. духовную общность собратьев по вере, основанную “на любви к Богу, доведенной до презрения к себе”. “Град Божий” не вполне тождествен эмпирической данности церковных институций, хотя неразрывно с ними связан; он вовсе не тождествен идеалу политической теократии, в духе которого, однако, концепцию Августина будет понимать средневековье, хотя Августин выразительно подчеркивает “странный” характер “града Божия” и невозможность редуцировать его к каким бы то ни было политическим реалиям. Идея христианской священной империи, столь важная еще для греческих христианских мыслителей IV в. вроде Евсевия Кесарийского и затем — для всего средневековья, вплоть до Данте, автора трактата “О монархии”, для Августина сомнительна: он многозначительно напоминает, что первый по времени город основал братоубийца Каин, а первый по значению город, т. е. Рим, — братоубийца Ромул, что земная власть основывает себя на крови; он находит слова для иронической характеристики римлян, некогда с ликованием завоевывавших чужие города, а нынче жалующихся, что варвары в порядке исторического возмездия взяли и разграбили их собственный город, одновременно готовых впасть в уныние, винить христианскую веру — или искать забвения в зрелищах...

До сих пор мы говорили в основном о великих прозаиках; гимны Амвросия, как мы отмечали, обязаны своей скромной красотой именно тому обстоятельству, что они отказываются от состязания с классической поэзией античного Рима, предлагая существенно новую парадигму ритмизированной молитвы. Будущее имела именно эта парадигма, пригодная для выживания в богослужебном контексте. Но классическая христианская античность патристической поры не могла не попробовать своих сил на поприще поэзии в старом, традиционном смысле. Наиболее удачно это получалось у Аврелия Пруденция Клеменса (348 — после 405 г.), уроженца Испании, дважды наместника этой провинции, а затем важного магистрата при дворе императора Феодосия I, оставившего, однако, свою карьеру по аскетическим мотивам. Это, так сказать, христианский Гораций, последний мастер изощренных метрических форм, без остатка посвятивший свое творчество хрис-

тианским, часто специально молитвенным темам, но сочинявший стихи для частного чтения единоверцев, одновременно являющихся ценителями древней словесности, а не песнопения для воспевания в церкви, как тот же Амвросий. С языческими предшественниками и соперниками Пруденция объединяет горячая любовь к римской славе; это едва ли не единственный христианский автор тех веков, у которого встречается сдержанно-уважительная характеристика Юлиана Отступника — да, он предал веру, но по крайней мере не предал державу... И все же этот образцовый представитель христианской античности предвосхитил в одном весьма важном пункте продуктивную линию развития средневековой литературы, сочинив первую на латинском языке аллегорическую поэму “Психомехия” (букв. “Брань душевная”), в которой красочно живописуются поединки олицетворенных Добродетелей и противостоящих им Пороков. Поэма эта была особенно любима в продолжение всего средневековья.

Значение историко-культурного символа приобретает конфликт между талантливым поэтом из Галлии Децимом Магном Авсонием (нач. IV в. — ок. 394 г.) и его любимым учеником Павлином Ноланским (353–431 гг.), тоже уроженцем Галлии. Авсоний принадлежал, судя по всему, к числу, так сказать, номинальных христиан, рассудок которых принял новую веру, но сердце оставалось всецело предано заветам языческой старины. Христианские мотивы присутствуют в поэзии Авсония, но остаются холодной игрой ума: его настоящая святость — литература, его духовная родина — риторская школа. Для Павлина все было по-другому. Ради веры он отказался не только от карьеры магистрата и от имений, по евангельскому завету продав все и раздав нищим; он отказался и от изящного, усладительного досуга, посвященного Фебу и Каменам. Авсоний направлял ему стихотворные послания, заклиная вернуться с пути аскета на путь литератора, и Павлин отвечал ему тоже стихами:

Сердца, Христу навеки посвященные,
Для Феба затворяются.

Уже из того, что Павлин осуждал культ поэзии поэтическими средствами, достаточно видно, что в его случае спор между словесностью и верой, при всей его остроте, никак не заслуживает упрощенного понимания. Став монахом, священником и затем епископом, заслужив своим христианским образом жизни почтение современников, Павлин не переставал писать стихи. Правда, стихи эти, ввиду своего аскетического смысла, вероятно, не утешили бы Авсония...

Однако и языческие мотивы продолжают жить в традиционных поэтических формах. Читатель этой книги встретит их у Сидония Апполинария, лица духовного и даже причисленного к лику святых, у Венанция Фортуната, творца “*Vexilla regis prodeunt*”, одного из самых известных гимнов всей католической традиции, у Драконтия, у стольких других — в чисто рядоположном сосуществовании с мотивами

христианскими; а драстическая обнаженность сексуальной топики у Максимиана составляет как будто бы самый резкий контраст аскетическому настроению современной ему благочестивой литературы. И все же в перспективе историко-культурной в самой гиперболичности риторической разработки срамной темы предвосхищается некий аспект средневекового “дискурса”; об этом читатель прочтет подробнее в заметке М. Л. Гаспарова, предпосланной переводу.

Мы все время говорим о парадоксальной принадлежности тех или иных явлений литературной и мыслительной жизни двум ценностным контекстам сразу: античному и средневековому. В этом отношении совсем особое место принадлежит автору, который, заслужив себе у историков прозвание “последнего римлянина”, сделав больше, чем кто-либо из его современников, для передачи ценностей античной и специально греческой культуры потомкам, которые не будут знать греческого языка, подготовил культуру схоластики и стал чуть ли не самым любимым автором образованного средневекового читателя, чрезвычайно рано переведенным и на “варварские” языки. Речь идет, конечно, об Аниции Манлии Северине Боэтии¹¹, римском ученом и магистрате под властью варварского короля (ок. 480 — ок. 524 г.). Совершенно уникальная популярность его “Утешения от Философии”, написанного в ожидании жестокой казни, контрастирует с прохладным отношением среднего современного читателя, а равно и с недоумением некоторых исследователей конца прошлого века — да был ли христианином этот человек, углублявшийся на краю гибели в чисто философские рассуждения, не поминая в них ни Христа, ни христианского упования на загробное блаженство, не следует ли видеть в нем тайного язычника? Очень характерно, что для средневековья подобных сомнений и недоумений совершенно не существовало: средневековый любитель словесности очень хорошо понимал то, что роднило средневековую литературную культуру с античной, — автономные права законов жанра. Когда Боэтий писал богословские сочинения, он писал, как приличествует богослову; в иных жанрах самый этикет требовал от этого воздерживаться. Никакого внутреннего раздвоения это не предполагало. В конце концов — как это живо чувствовал К. С. Льюис, популярный у нас как религиозный моралист и сказочник, который был также филологом и вполне профессионально занимался средневековой литературой, разумеется, не забывая при этом своих христианских убеждений, — тема самообладания, духовного усилия, прогоняющего морок страха и дающего человеку и в беде суверенную ясность взгляда на собственную участь, иначе говоря, тема сокровенной победы страдальца над своим “я” и через это над своей судьбой, сама по себе вполне естественно составляет общее достояние дохристианской и христианской мудрости.

III

Гибель Боэтия, этого “последнего римлянина” на службе остготского монарха, на долгие времена — последнего носителя греческой эрудиции в латиноязычном мире, а в своих теологических и логических трудах — одного из предшественников схоластического метода, может с некоторой долей условности восприниматься как межа, отделяющая христианскую античность от т. н. темных веков. Такие люди, как Боэтий, как его почитатель Кассиодор, а более чем столетием позднее — Севильский епископ и автор грандиозного энциклопедического труда Исидор (ок. 560 — 636 г.), по-видимому, достаточно сознательно спешили уложить систему знаний в такие жестко упорядоченные формы, в которых эта система могла быть впоследствии оптимально усвоена поколениями, которым придется начинать с азов.

Довольно симптоматично, что Боэтий при своих серьезных богословских интересах еще был мирянином и государственным человеком в старом римском стиле, Кассиодор прожил полжизни таким же образом, но литературной и вообще цивилизаторской деятельностью занимался, став монахом, между тем как Исидор Севильский — церковный иерарх. Мы видим, как латинская культура уходит в кельи. Крушение римской цивилизации, безбрежный разлив варварской стихии оставляет на Западе монастыри в качестве единственных мест, где хранились, переписывались и читались книги (прежде всего, разумеется, богослужебные тексты и Священное Писание, затем богословские сочинения, но наряду со всем этим — и античные, языческие авторы), где получали обучение младшие поколения. То обстоятельство, что на фоне общей варваризации Европы и вытеснения или трансформации латинского языка в разговорном обиходе латынь всё же оставалась на Западе сакральным языком богослужения и богословия, ставило преграду упадку школы: более или менее развитая школьная система оказывалась необходимым условием воспроизведения дееспособного духовенства и выживания церковной традиции (в отличие, например, от Руси, где священника достаточно было обучить грамоте на его же языке, и он мог исполнять свои функции). Среди растущего варварского разноязычия духовенство на всем пространстве Западной Европы хранило латынь, отличавшую его от мирян и объединявшую его в особую космополитическую общность — поверх этнических и географических рубежей. Так складывался “клерикальный” тип раннесредневековой цивилизации. Римские епископы, с конца IV в. называвшиеся (по александрийскому примеру) “папами”, действуя в условиях коллапса всех мирских гарантов порядка, должны были принять на себя все функции символической репрезентации, прежде принадлежавшие императорам. Именно папство, чем дальше, тем отчетливее, воплощало для Западного христианства униженное, очень сильно разрушенное, но славного воспоминаниями Рима, а вместе с этим — единство христианского мира, противостоящего множеству варварских

властителей. Уже в 452 г. папа Лев I, по заслугам прозванный Великим (с которым читатель этой книги встретится и как с автором), в 452 г. отправился навстречу Атилe и уговорил его не идти на Рим; это эффективное заступничество, естественно, очень подняло авторитет папского престола. Такой же эффект имели действия Григория I, также получившего наименование “Великого”, для предотвращения нового разгрома Рима лангобардами в 592–593 гг.

Григорий Великий — вообще центральная фигура целой эпохи. Но если его энергичная и многосторонняя, руководимая достойными мотивами и в то же время прагматически успешная деятельность обычно импонирует историографии последних двух веков, то его облик как писателя и мыслителя вызывает, как правило, куда менее позитивную оценку. Слишком очевидны такие его черты, как тенденция к опрощению и упрощению, к общепонятному назиданию, к усвоению церковной доктриной народных поверий, как недоверие к языческому культурному наследию, а порой, как кажется, — и к христианскому умствованию. Когда мы его читаем, мы попадаем в совсем иной мир по сравнению даже с самыми “средневековыми” пассажами позднего Августина. Но это означает лишь, что он был человеком совсем иного времени, чем время Августина; ориентация его мысли и творчества была адекватна запросам его современников. Средневековый читатель ценил его очень высоко, не только как святого, но и как автора. Для расхожего типа складывавшейся “клерикальной” культуры Запада, для тех ее проявлений, которые наиболее непосредственно воздействовали на религиозность народа, Григорий не менее, а порой более важен, чем Августин.

Раннее средневековье — это пора, когда из беспорядочной стихии варварских нашествий начинают складываться народы будущей Европы; и вот уже эти молодые народы имеют собственную реальную историю, которая требует своих историографов. “Историю франков” написал епископ города Тура Григорий (538–594 гг.); деликатная человечность его подхода выразительно контрастирует и с жутким кровавым хаосом описываемых им событий, в череде которых дела святости только оттеняют brutальные злодеяния, и с его собственным слогом, являющим зрелище народной, “кухонной”, вопиюще нескладной латыни, уже готовой, по сути дела, переродиться в романские “народные языки”. “Церковную историю англов” написал более столетия спустя бенедиктинский монах из северо-восточной Англии Беда Досточтимый (ок. 673 — 735 г.), святой, чьей могиле путник и поныне может поклониться в капелле великолепного романского собора в городе Дарреме. Его труд стилистически чрезвычайно не похож на труд Григория Турского. Если Григорий воплотил едва ли не сознательную решимость говорить со своим временем на его языке, а не “по науке”, в Бедe реализуется воля к восстановлению логико-риторического порядка и строя латинского дискурса — это уже предвестие тех средневековых “ренессансов”, которые уже упоминались выше. Не-

маловажным было то обстоятельство, что Григорий писал в стране, где латинский язык был обиходным — и как раз поэтому вульгаризовался, превращаясь в материал для наречий, из которых со временем должен был возникнуть французский язык; напротив, в германоязычной среде Нортумбрии, где трудился Беда, латинский язык, по контрасту, гораздо отчетливее воспринимался как идентичный себе, хранящий свою чистоту язык ученых клириков, не смешивающийся с языком народа. Можно добавить, что на исходе первого христианского тысячелетия именно ирландцам и англосаксам принадлежала роль миссионеров и цивилизаторов в различных германских землях континента. В поэтических загадках еще одного англосаксонского ученого — Шерборнского епископа Альдхельма (ум. в 709 г.) — читатель ощутит очень специфическую атмосферу этой “островной” культуры, в которой рецепция вполне античной энциклопедичности очень естественно уживается с варварской архаикой загадки.

Подведем итоги. Если принять христианскую античность классической патристики — за “тезис”, а примитив “темных веков” у Григория Великого и Григория Турского за “антитезис”, то новый возврат к чувству классической мыслительной и словесной нормы, который уже не является простым пережитком, выживанием доживающего свой век, возврат издали, из самосознания клерикальных культуртрегеров посреди туманной страны англо- и саксов, даже географически столь отдаленной от Рима, открывает в перспективе ряд возможностей синтеза, специфических уже для средневековья как такового, и постольку завершает переходную эпоху.

¹ В современном словоупотреблении все мы, верующие и неверующие, привыкли в данном контексте к слову “Лица”. Но в греческом языке той поры соответствующее слово (πρόσωπον) имело нежелательные коннотации “личины”, и потому многими (хотя не всеми) Отцами Церкви избегалось; более ученое слово “ипостась”, означавшее конкретное и постольку индивидуальное бытие в отличие от общего, предотвращало нежелательные недоразумения. Иначе обстояло дело в латинском: хотя существительное *persona* также могло обозначать маску, юридические навыки римского мышления в большей степени развили в нем хотя бы потенциально значение “личности” в привычном для нас (“персоналистическом”) смысле.

² Только единожды в новозаветном Послании к Евреям (11, 1) слово ὑπόστασις употреблено — однако в совершенно ином смысле, отнюдь не в антитезе к “сущности”.

³ Разумеется, раздавались голоса, во имя консерватизма протестовавшие против употребления столь небиблейских терминов, особенно термина “единосущный”, вошедшего в Символ Веры.

⁴ Как известно, самое слово “схоластика” этимологически означает “школьная философия”.

- ⁵ Впрочем, нелишне вспомнить, что тем же самым словом *doctrina* по-гречески обозначались, например, законоположения римского Сената, так что традиция римского юризма с ним тоже коннотационно связана. “Догма” — это по-латыни, как только что сказано, *lex credendi*: юридические обороты словосочетания очевидны.
- ⁶ Не будь этой ориентации на “тайны”, Песнь Песней не была бы услышана как мистический текст о брачном союзе Бога с Его народом или с душой верующего и не вошла бы ни в синагогальный, ни в христианский канон Священного Писания.
- ⁷ Метафизика XI, 1, 1059 б.
- ⁸ Только Псалтирь, слишком привычная верующим в старом переводе, в свою очередь вытеснила перевод псалмов, выполненный Иеронимом, о чем нельзя не пожалеть, — этот перевод куда менее вразумителен, чем иеронимовские.
- ⁹ Симптоматично для перехода к культурной парадигме средневековья, что Августин — едва ли не первый носитель высшей латинской культуры, который, при всей широте своих интересов, при всей рафинированности своего чувства слова, при всем интересе к философии и всей чувствительности к литературе, почти совсем не знал греческого языка. Слово для него — практически всегда исключительно латинское слово.
- ¹⁰ Ср. диалог Петрарки “О презрении к миру”, где Августин недаром избран адресатом и как бы конфидендом душевных излияний автора.
- ¹¹ В более привычном для русского читателя варианте произношения — *Бозэии*.

Иларий Пиктавийский

Св. Иларий Пиктавийский был первым из великих Учителей Западной Церкви, предшественником Амвросия и Августина, во многом предопределившим пути развития западного богословия. О его происхождении и ранних годах жизни известно до крайности мало. Он родился в начале IV в., предположительно в языческой семье, в Аквитании, и получил превосходное образование (о достоинствах галльских школ той эпохи можно судить, например, по похвальному отзыву Иеронима в его письме к Рустику). По свидетельству Венанция Фортуната, друга и почитателя Илария, к моменту принятия крещения Иларий уже был женат и имел дочь. О мотивах своего обращения сам Иларий рассказывал в предисловии к книгам «О Троице»: не сумев найти в сочинениях языческих философов ответа на волновавший его вопрос о предназначении человека, он обрел истину, обратившись к чтению пролога к Евангелию от Иоанна, содержавшего учение о Слове, нисшедшем с небес для того, чтобы сделать принявших его сынами Божиими. Это сдержанное свидетельство побуждает вспомнить о духовных исканиях Августина, которого роднят с Иларием философический склад ума и страстное стремление обрести высший смысл жизни, наложившие отпечаток на последующую богословскую и литературную деятельность обоих отцов.

Известно, что ок. 350 г. (во всяком случае, ранее 355 г.) Иларий был избран епископом г. Пуатье (лат. Pictava), однако впервые на исторической сцене он появляется только в 355 г., когда по его инициативе был созван собор, восстановивший в правах отлученных проарианским Миланским собором 355 г. православных епископов. В 356 г. он принял участие в созванном императором Констанцием новом проарианском соборе, который должен был подтвердить принятое Миланским собором осуждение св. Афанасия Великого. На этом соборе Иларий решительно выступил против арианства, результатом чего явилось его низложение и ссылка во Фригию.

В годы ссылки окончательно оформились богословские взгляды Илария. Здесь он впервые познакомился с сочинениями греческих богословов (в том числе Оригена), что позволило ему осмыслить те терминологические проблемы, которые возникали в ходе анти-

арианской полемики. Здесь же он вступил в сношение с омиусианами (учившими не о единосущии, но о подобосущии Отца и Сына), увидев в последних возможных союзников в борьбе против арианской ереси. И, наконец, он осознал опасность монархианской ереси савеллиан, вдававшихся в крайность, диаметрально противоположную арианству. Обсуждению всей этой проблематики посвящены были два главных догматических сочинения, написанных Иларием в ссылке: обширный трактат "О Троице" в 12 книгах, где, в полемике с арианами, рассматривались вопросы об отношении Отца и Сына и о божественности Сына, и небольшой трактат "О соборах", где разбирались и сопоставлялись различные догматические формулировки символов вероисповедания.

В это же время Иларий, несмотря на свое низложение, продолжает ревностно заниматься церковной деятельностью: он участвует в Селевкийском соборе 359 г., а затем в посольстве к императору Констанцию, направленном с целью ознакомления последнего с решениями собора. Его авторитет и активность были столь велики, что в скором времени арианствующий император почел за лучшее избавиться от несговорчивого Илария, возвратив его из ссылки домой.

К этому моменту Галлия перешла под власть императора Юлиана, отказавшегося от активной поддержки ариан, что в конечном итоге способствовало торжеству православной партии. В 361 г. Иларий фактически возглавил антиарианский собор в Париже. А затем, в 364 г., вместе с Евсевием Верцелльским добивался, хотя и безуспешно, смещения с миланской епископской кафедры арианина Авксентия (об этой истории вскользь упоминает Иероним в своем первом письме). По свидетельству того же Иеронима, умер Иларий в 367 г.

Помимо догматических трактатов, Иларию принадлежали несколько гимнов, ряд небольших сочинений исторического характера, а также три экзегетических труда: толкование на Евангелие от Матфея (написанное еще до ссылки), толкование на Псалмы и небольшой по объему трактат, озаглавленный "Tractatus mysteriorum" ("Изъяснение таин"). Последний представляет особенный интерес. Само обнаружение текста этого считавшегося утраченным сочинения, впервые опубликованного Гамуррини в 1887 г., явилось событием огромной научной важности, так как до тех пор оно было известно исследователям лишь по названию, воспроизведенному в каталоге сочинений Илария у Иеронима и позволявшему лишь произвольно гадать о его содержании. В этом трактате Иларий, опираясь на предшествующую традицию, использует метод "типологического" истолкования ветхозаветных событий и образов, призванного выявить их сокровенный смысл, символически предвещающий ("прообразующий") пришествие Христа и новозаветную историю.

Изъяснение таин

Книга 1

Об Адаме

2. Адам самым именем своим проображает Рождество Господа. Ибо на языке еврейском Адам — это то же, что по-гречески *ge ruga*, а по-латыни *земля пламенная*¹, Писание же часто именует плоть человеческую землю. Каковая плоть, чрез Духа во Господе от Девы рожденная и в новый, чуждый ей образ перемененная, была соделана сообразною славе духовной², по слову Апостола: *Второй человек — от неба и Адам небесный*³, — так как перстный Адам есть образ Адама грядущего⁴. Поэтому и мы, заручившись поддержкою столь великого мужа, без опасения понимаем имя Адама в смысле некоего предуготовления будущего.

3. Далее повествуется, что, покуда Адам спит, из кости от ребер его рождается Ева. А за его пробуждением следует такое пророчество: *Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего], и будут [два] одна плоть*⁵. Здесь я не встречаю никаких затруднений, ибо Апостол, припомнив это пророчество, говорит: *Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви*⁶.

Однако мы читаем, что из Адама изъята была только кость; отчего же тогда сказано: *плоть от плоти моей*? Но ведь это могло быть сказано и применительно к настоящему положению дел, ибо, поскольку кость, взятая от ребер его, Тем Богом, для Которого все возможно, облечена была плотию в женское тело и поскольку кость, из плоти исторгнутая и сызнова в плоть облеченная, соделалась телом, то она есть как кость от кости, так и плоть от плоти.

Господь же в Евангелиях, когда иудеи искушали Его о том, позволительно ли разводиться с женою, указывает, что сие было сказано более о Нем Самом, нежели об Адаме, говоря: *Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их и сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью?*⁷ Ведь это следует сразу же за словами *плоть от плоти моей*. Стало быть, пророчество следует из того, что свершалось в Адаме. Ибо когда Господь, сотворивший мужчину и женщи-

ну, таковое изрек,— что сие кость от кости его и плоть от плоти его,— то этим через Адама Он Сам возвестил о том, что во всей полноте осуществилось во Адаме, но, не умаляя подлинности свершившегося, явил в нем и прообраз того, что свершалось в другом⁸.

Ведь коль скоро Слово сделалось плотию⁹, а Церковь есть часть тела Христова, поята от ребер Его¹⁰, и она через воду рождена, через кровь же оживлена¹¹, и опять, коль скоро плоть, в каковой рождено было предвечное Слово, то есть Сын Божий, через таинство пребывает и в нас, то здесь Он с непреложностью изъяснил, что в Адаме и Еве заключается образ Его Самого и Церкви, указуя, что после Его смертного сна последняя освящается приобщением тела Его¹².

То же самое говорится и у Апостола: *Ибо не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через рождение чад, если те пребудут в вере*¹³. Итак, Церковь составлена от мытарей, грешников и язычников; и поскольку не согрешает лишь ее Второй, Небесный Адам, то сама эта грешница спасена будет через порождение чад, пребывающих в вере. Впрочем, это не следует понимать в том смысле, что будто бы женщина не была искуплена Господом от греха или что крещение для нее излишне, если будет она оправдана в основном ради заслуг своего потомства. Ибо даже и самое рождение чад не было бы для нее защитой, так как она может быть спасена, только если рожденные ею будут тверды в вере. И не знаю, справедливо ли было бы, если бы кто-то объявлялся виновным ради чужих грехов или невинным ради чужих заслуг.

4. Но, уверенно соображая духовное с духовным¹⁴, мы поймем, что Апостол здесь говорит прежде всего о том, что великую тайну, свершившуюся во Адаме и Еве, он относит уже ко Христу и Церкви. И нам так и подобает расценивать это, как сказанное в смысле духовном, хотя его слова в одинаковой мере должны быть отнесены к непосредственному предмету его поучения и к назиданию тех, кого он наставлял.

В самом деле, проповедуя в первом из посланий к Коринфянам сугубое милосердие Божие в отношении тех неверующих, кому предстоит освятиться через брак с верующими¹⁵, он, вместе с тем, учил, что такое же освящение должно дароваться и через рождение верующих чад, так что, подобно тому, как союз с верующим супругом бывал благодетелен для неверующего, точно так же и рождение верующих чад могло помогать неверующим.

5. Кроме того, в Адамовом сне и в Евином облечении плотию нам подобает усматривать и таинственное предвозвещение сокро-

венной тайны Христа и Церкви, ибо здесь содержится обетование и образ воскресения плоти. В самом деле, при сотворении женщины берется уже не земля, и не персть обретает определенные очертания, и не от дыхания Божиего бездушное вещество обращается в душу живую¹⁶, но плоть нарастает на кости, и ей придается телесное совершенство, а за совершенством телесным приспевает и животворная сила духа.

Именно о таком порядке воскресения поведал Бог через пророка Иезекииля¹⁷, научая нас видеть в том, чему предстояло свершиться, могущество Своей силы. Ибо тут все собирается воедино: и плоть берется, и дух приспевает¹⁸, и ничто из творений Его не пропадает втуне у Бога, у Которого для создания этого тела имелось то, чего прежде не было¹⁹.

Сия же тайна, по слову Апостола, сокрыта от веков в Боге²⁰: *чтоб и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе*²¹, Который властен, как сказано у того же Апостола, *уничтоженное тело наше преобразить так, что оно будет сообразно славному телу Его*²².

Итак, восставший ото сна Своих Страстей Небесный Адам признаёт, с воскресением Церкви, Свою кость и Свою плоть, уже не из земли сотворенную и не от духовения оживленную, но нарастающую на кости и, через приспевание духа, из тела претворенную в тело. Ибо сущие во Христе воскреснут вослед Христу²³, в Котором уже осуществилось воскресение всеобщей плоти, так как Он Сам рождается во плоти нашей с силою Бога, в каковой прежде века Он был рожден от Отца. А коль скоро иудей и эллин, скиф и варвар, раб и свободный, мужчина и женщина, все они едины суть во Христе²⁴, и коль скоро нами признано, что плоть от плоти и что Церковь есть тело Христово, и тайна, сущая во Адаме и Еве, возвещает о Христе и Церкви, то, стало быть, во Адаме и Еве в начале времен уже свершилось то, что при скончании времен через Христа предуготовляется для Церкви²⁵.

О Моисее

27. В повести о деяниях Моисея также удержан тот порядок проображения, который ведется еще от Адама. И достойно милосердия Божия то, что деяния всех Его праотцев отчасти подражали тому, чему предстояло осуществиться вполне во Господе нашем. Ибо все, что исполнилось в Нем Едином и чрез Него Единого, проображается через образы, времена, поколения от кого-то другого. И хотя подражание всех этих веков не могло достигать до того, что единственно в Нем обретает истинность, однако ничто в каждом из них или через каждого из них не

свершалось без того, чтобы все, получившее затем завершение через Него или в Нем, не гласило о самом этом подражании в вершащихся ныне деяниях.

28. Хотя Моисей родился в то время, когда Фараон повелел умерщвлять всех новорожденных мужеского пола²⁶, однако он, уплыв на древе по воде²⁷, остается в живых²⁸, чтобы быть вождем для народа. Но разве в то время, когда Господь наш рожден был во человечестве, не такая же злоба и не тот же страх обуяли царя пред подобным нам человеком, какового Он, через таинство древа и воды, воспринял в Себя и для Себя, сбереженный для славы небесной и поставленный Царем над народами?

А потом сего Моисея подобрала дочь Фараонова, совершавшая в реке омовение. Подоспевшая же сестра предложила кормилицу из евреек и затем привела мать, которая взяла его покормить и возвратила дочери Фараона, усыновившей найденное дитя.

29. Сопоставь же лица, сравни дела, обозри события, и в подражании теперешнего ты отыщешь истину последующего. Закон, олицетворяемый сестрой Моисеевой, следовал за Христом вплоть до таинства древа и воды. Во дочери же Фараоновой явлен образ язычников²⁹, ибо хотя она и узрела в действительности всего лишь младенца, однако через последствия этого удержала пророческий смысл³⁰.

Ибо Закон³¹ предоставил Синагогу, как кормилицу и мать Младенцу, Церкви, словно Фараоновой дочери, и тем самым в свершавшемся соблюден был порядок духовного знаменования. Ведь по научению Закона одной подобало по плоти Христа вскормить, а другой надлежало Его воспринять.

Ставши взрослым, Моисей отыскивает своих братьев, удерживаемых в рабстве. А затем убивает господина их, египтянина, обижавшего одного из них, однако тот, за кого Моисей отомстил египтянину, выдал его властям³². Но разве Христос, по достижении полного и совершенного возраста, не пришел к людям Своим, которые были Ему братья по плоти? Да, Он пришел к погибшим овцам Израиля³³. И разве господствующего над ними диавола не поверг Он и не оборол³⁴? Ибо никто не расхитит имения сильного, если прежде не свяжет сильного³⁵. Или разве никто из тех, за которых Он отомстил диаволу и которых освободил от рабства, не выдал Его властям? Так то, что со стороны Закона есть подражание, в Боге Благодати обретает свое завершение³⁶.

30. На глазах у Моисея терновый куст воспламеняется, но не сгорает³⁷. То есть Церковь объемлется пламенем от преследова-

ний и гонений, воздвигаемых грешниками, по слову Апостола: *Мы притеснения сносим, нужду терпим, но мы не оставлены; мы низлагаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле страсти Иисуса, чтобы и жизнь Иисуса Христа открылась в теле нашем*³⁸. Так пожары всех притеснений бушуют над нами, нимало не опалая нас.

31. Далее во знамение веры полагается жезл, обращающийся в змею, и змея, обратно переменяющаяся в жезл³⁹. Однако это преобразование совершается ради подкрепления веры, а не ради изменения естества. И поскольку жезл есть царская власть, а змея — прозвище диавола, то этим нас побуждают уверовать в Того, Кто, хотя Он и был Богом веков⁴⁰, почитался за Веельзевула, а после, прозванный и почитаемый Веельзевулом, через преобразование Воскресения был признан Богом веков, каковым Он и был⁴¹.

Достоверность сего подкрепило, через уподобление, и следующее знамение, удовлетворяющее как грядущему, так и теперешнему. Ибо когда опущенная за пазуху рука стала белою, аки снег⁴², то сие означало, что нам, покоящимся в пазухе праотцев, то есть Авраама, Исаака и Иакова, предстоит сделаться просветленными, когда естество тела нашего будет принято в образ славы и чести⁴³. Когда же убранная за пазуху рука вновь возвращается к своему прежнему состоянию, то сим указывается, что прообразованного в знамении в настоящем пока еще нет.

А когда, в третьем знамении, вода, почерпнутая из реки и пролитая на землю, делается кровью, к этим смыслам присоединяется еще и смысл Таинства, поскольку тем, которые омылись водою, предстоит приступить ко вкушению крови⁴⁴.

32. Величие дел, вершившихся при праотцах, — в том, что они так сопряжены с концами вещей, что между ними и тем, что впоследствии исполнилось о Господе, нет никакого расхождения, будь то в отношении места, времени или образа действия. Ибо в Нем упреждающее уподобление достигает до образца совершенной истины, и как бы изображение сличается с тем образом, которому оно подражает. Ведь при этом они обладают истинностью и сами по себе, так как они свершались в силу телесных причин, однако сама эта истинность человеческих деяний была подражанием делу божественному, и сие устроено было ради надлежащего назидания нашего упования и веры, ибо в делах божественных не обнаруживается ничего такого, чего нельзя было бы усмотреть, как бы загаданным наперед, в жизни, обычаях и поступках людей. Ведь хотя все вышесказанное с очевидностью показало, что деяния Моисея вплоть до исхода евреев из

Египта соответствуют деяниям, свершившимся во Господе или чрез Господа, однако даже и тут духовное подражание переплетается с вещественною достоверностью.

33. В пустыне же народ томится жаждою, вода горька, поднимается ропот на вождя, является древо, и после того, как оно опущено в воду, та делается сладкою, и в сем усматривается и оправдание, и осуждение, и испытание⁴⁵. А оттуда они приходят к двенадцати источникам вод и к семидесяти финиковым деревьям и подле вод располагаются станом⁴⁶.

Хотя подстрекательства строптивых совращают умы и хотя заблуждение неверных запирает их разумение засовом непослушания, но все же не могли они не признать истинность столь великого чуда. Ибо какую принудительную силу заключает в себе кусок дерева или какое содетельное начало содержит в себе безжизненная древесина⁴⁷, чтобы могла она устранить горечь, чтобы могла она возбудить сладость, чтобы могла она естество придавать или отнимать, когда то, от чего они отказывались с отвращением, не оказалось сладким на вкус? И хотя в происходившем тогда присутствовало содетельное начало Божественной силы, переменяющей естество с одного на другое, однако надо думать, что и дерево тут сослужило свою службу, так что изменения свойств воды не случилось бы без его действия⁴⁸.

34. Но поскольку для Бога было возможно все, то тайну деяния Своего, до поры сберегаемую, приготавливает Он в настоящем. В самом деле, у народа, обретавшегося в пустыне, вода была непригодною к употреблению, однако мы видим, что и сами народы зачастую выступают под именем вод, когда говорится: *Видели Тебя воды, и убоялись*⁴⁹, — и опять: *Восплещите руками, все воды*⁵⁰. А стало быть, либо сами воды, горькие по природе своей, либо же весь народ, обретающийся в пустыне и пока не имеющий достигнуть обетованной земли, горький из-за роптания своего, каковое происходит от непокорства, через таинство древа делается сладким. И он не только удаляется того, каким был, но даже и к лучшему, превышающему насущную потребность переменяется. Ведь и та не только горькою быть перестала, но и сладость приобрела. А значит, и в сей, теперешней, воде производит свое действие древо, и в народах, подразумеваемых под именем воды, оно оказывается полезно своею таинственною силою⁵¹.

35. У того же Моисея показано, что на этом древе подвешена жизнь всех людей, когда он говорит: *Увидите жизнь вашу висящую пред взором очей ваших и ночью, и днем, и*

*будете трепетать, и не будете уверены в жизни вашей*⁵². И оно у Иеремии подкладывается в пищу: *Они составляют замышлы против меня, говоря: положим ядовитое дерево в пищу его*⁵³. Из этой материи был жезл, кудесников посрамляющий⁵⁴, Фараона устрашающий⁵⁵, Египет казнями изнуряющий⁵⁶, пучину разверзающий, море разливающий⁵⁷, источник исторгающий⁵⁸, горечь отнимающий и сладость внушающий⁵⁹; ибо таинством оного умягчаются сердца неверных и от горечи грехов и нечестия обращаются ко сладости веры⁶⁰. И дабы все в этом таинстве в сокровенных своих последствиях согласовывалось с тем, что происходило тогда, Писание прибавляет: *Там Бог положил народу оправдание и осуждение и там испытывал его*⁶¹. Хотя и употребляется слово там, однако это обозначение события, а не места. Ведь мы не видим, чтобы в том месте что-либо постановлялось к оправданию, осуждению или испытанию.

36. И напротив, в таинстве древа, на котором был подвешен Господь⁶² и на котором Он пригвоздил вместе с Собою все, что было враждебно человеческому спасению⁶³, есть и оправдание, поскольку праведный — от веры⁶⁴, и осуждение, поскольку неверующий уже осужден⁶⁵, и испытание, поскольку через соблазн креста⁶⁶ приходит спасение, ибо крест для погибающих есть юродство, а для верующих во спасение — сила Божия⁶⁷.

Итак, коль скоро позор креста есть испытание веры и коль скоро неверие есть причина осуждения, а вера есть награда оправдания, то по справедливости в таинстве древа, переменяющего воду от горечи к сладости, содержатся и оправдание, и осуждение, и испытание.

37. И пришли в Елим; там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых деревьев, и расположились там станом при водах⁶⁸. Стало быть, в происходящих событиях осуществляется духовное предустановление: ведь из Мерры, места горечи⁶⁹, они переходят в Елим, где двенадцать источников водных и семьдесят финиковых деревьев. После познания таинства древа требуется обрести место для стана апостольской веры и евангельской проповеди, где семьдесят проповедников⁷⁰ осеяют во времени и где двенадцать апостолов произливаются в вечность. А поскольку те семьдесят, избранные для проповеди Евангелия, впоследствии оказались неверными, так как они все же предали плод веры покорившимся им духам нечистым⁷¹, между тем как апостолы твердо стояли в проповеди веры, то хотя о семидесяти деревьях и было упомянуто рядом с двенадцатию источниками, однако, как уверяет Писание, упокоение обретается единственно в стане, расположенном подле вод.

38. А сколь великий и какой совершенный образ духовного заключается в мясе перепелином и в снеди манны⁷²! Народ, который был выведен из Египта, ропщет на вождей: он тоскует по мясу, питаться которым привык в Египте. Под вечер налетает стая перепелов и накрывает собою стан; и люди едят их мясо. А поутру найдена манна. Каждому, без различия пола и возраста, назначается одинаковая мера ее: у собирающего больше не бывает излишка, а у запасающего меньше не бывает недостатка. В той же, что превышала меру необходимого, заводились черви. А что оставалось от манны, собранной в стане, то истаявало под палящим солнцем.

На шестой же день ее насыпается вдвое, однако она не портится, а на седьмой день⁷³ манна не посыпается, хотя некоторые из народа все-таки тщетно ожидали ее. А в конце один гомор, то есть доля, назначенная одному человеку, помещается в золотой сосуд и сохраняется во свидетельство для будущих поколений.

39. И здесь надлежит усмотреть, что манна дается для испытания: через соблюдение меры ее каждому предстоит быть испытанным на то, способен ли он к исполнению заповедей Божиих. Ибо так и было написано: *И сказал Господь Моисею: вот, Я одожду вам хлеб с неба, и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день, чтобы Мне испытать его, будет ли он поступать по закону Моему, или нет*⁷⁴. О мясе же было сказано так: *Вечером будете есть мясо, а поутру насытитесь хлебом*⁷⁵.

Мясо знаменует вечернюю трапезу, манна же — насыщение утреннее. А значит, под мясом подразумевается то, что народ, обретающийся в пустыне, удерживает тяга к привычному, ибо он алчет египетского мяса⁷⁶. Каковое он вечером и получает, неверный, стало быть, Богу и нетерпеливый в отношении обетований. Его вплоть до скончания века, знаменуемого вечернею трапезою, и привыкший к мирским вожделениям, которые часто олицетворяются через Египет. И, наконец, народ получил это мясо лишь единожды, дабы чрез это нам было указано, что оно даровано было не для удовлетворения насущной потребности, но во знамение прообразовательное.

Что же до манны, то под ней подразумевается испытание. Ибо через нее люди испытываются на то, будут ли они покорствоваться Богу, то есть будут ли они достойны вкусить истинного хлеба с Небес, и о смысле этого испытания надлежит дознаться из нижеследующего.

40. Ее обретают утром, а это время небесной трапезы в день Воскресения Господа⁷⁷. Всякому полу и возрасту назначается одно и то же, что противоречит человеческому естеству, ибо каким же образом младенцу и мужу может быть потребно одно и то же количество пищи? Однако с точки зрения духовного прообразования это весьма уместно, чтобы все равномерно надеялись небесною пищею, сила которой не зависит от различия частей,— ведь мы обращаемся к тем, кому ведомо Таинство⁷⁸,— так что никто не имеет излишка от больших частей или недостатка от меньших, и, стало быть, все в равной мере бывают насыщены тем, что было воспринято ими разделенным на части⁷⁹.

Под тем же, что в собранном сверх меры и поутру остававшемся в избытке заводились и червь, и смрад, недвусмысленно подразумевается, что для тех, кто, сверх небесного дара и сверх духовного учения, собирал излишнее, все сие бывает смрадным для мысли, то есть испорченным через отвращение от истины, и кишащим демонскими пороками, то есть терзаемым червями, и сему, когда солнце его опалит, то есть Христос, Который и есть Солнце праведности, подвергнет суду⁸⁰. предстоит истаять.

41. В двойном же количестве манны, собираемом в день шестой ради отдохновения в день седьмой, заключено назидание к тому, чтобы заранее приготовить запасы духовных дел, дабы, когда упокоишься, воспользоваться запасенными благами.

Далее, то, что остается после шестого дня, не подвержено порче, хотя то, что оказывается превышающим меру в прочие дни, востердевает. Так и в том, что выходит из меры предписанного, заведомо предполагается порча. На протяжении же нашего века нам надлежит уготовать трудами то, чем мы могли бы воспользоваться в упокоении⁸¹. И продолжительность сего шестого тысячелетия есть то, что под именем дня шестого подразумевает пророк, глаголя: *Ибо пред очами Господа тысяча лет, как единый день*⁸². А значит, в день седьмой, то есть в день покоя Господня⁸³, вкушал народ пищу, которую припас накануне, и люди, которым в день седьмой предстояло не найти того, чем они могли бы насытиться,— поскольку многие тогда вышли в поле, но ничего не нашли,— питались тем, что они заготовили, то есть и мы по skonчании времен уже не сможем найти ничего, чем мы могли бы воспользоваться в нашем упокоении, кроме того, что нами было заранее приготовлено и припасено.

42. Наконец, им заповедуется, чтобы один гомор манны в златом сосуде они сберегали для будущих поколений в присутствии Господа⁸⁴. Однако где сей сосуд и где схороненная тогда

манна теперь, после стольких пленений, которым подвергся народ? После двукратного разрушения града и храма не осталось того, что в нем сохранялось. И что же? Не означает ли это, что мы полагаем, будто Богу неведомо было, что манна не могла быть сохранена для потомков? Нет, ибо надобно думать, что Он, Который провидит и самые отдаленные намерения людей, не пребывал в неведении относительно этого, но в образе златого сосуда и манны, сберегаемой в присутствии Бога для будущих поколений, явил, что тот, кому предстояло сохранять вмещенную телом его, словно сосудом златым, манну, будет вечен и драгоценен для Бога, взирающего на безупречное сбережение сей воспринятой нами духовной пищи.

¹ Традиция, к которой в данном случае примыкает Иларий, достаточно хорошо засвидетельствована, хотя большинство толкователей переводили имя Адама как “земля” (Филон) или как “человек” (Ориген). Вместе с тем, предлагаемый Иларием латинский перевод греческого оборота $\gamma\eta$ $\pi\upsilon\rho\acute{\rho}\acute{o}$ как *terra flammtea* не совсем обычен, и скорее всего, должен пониматься как указание на цвет (“огненно-красный”), а не на субстанцию этой “земли”. Во всяком случае, Иероним, знакомый с этой этимологией, переводит соответствующий оборот как *terra rubra* (“рыжая земля”).

² Ср. Филип. 3, 21: “Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его...”.

³ Ср. 1 Кор. 15, 47: “Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба”.

⁴ Ср. Рим. 5, 14: “Адама, который есть образ будущего”.

⁵ Быт. 2, 23.

⁶ Ефес. 5, 32. Ср. Иларий, In Psal. 138, 29: “И пророческое, и апостольское свидетельство утверждает, что Церковь есть кость Христова. Ибо когда Апостол, изъясняя то, что в Бытии было сказано об Адаме и Еве, говорит: «Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей», то он, приведя это высказывание, прибавил: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви»”.

⁷ Матф. 19, 4.

⁸ Здесь содержится указание на главный принцип типологической экзегезы: обнаружение духовного смысла того или иного события, описываемого в Ветхом завете, не отменяет реальности, подлинности этого события, то есть его буквального (или исторического) смысла.

⁹ См. Ин. 1, 14.

¹⁰ См. Ефес. 5, 30: “Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его”.

¹¹ См. Ин. 19, 34.

¹² Ср. Тертуллиан, De anima 43: “Ибо если Адам являл образ Христа, то сон Адама был смертью Христа, Которому предстояло уснуть смертным сном, равно как и через рану, причиненную ребрам его, изображалась Церковь, мать всем живущим”. Ср. также Tract. Orig. 15, p. 165: “Ибо кто же не знает, что когда Господь наш ... был подвешен на крестном древе, то из раны в ребрах Его истекла не только кровь, но и обильной струею

источающаяся вода, являя, что невеста, то есть Церковь, по прообразу первоизданных людей, создается от ребер Его, подобно как Ева была создана из ребра Адама". Впоследствии ту же самую мысль, с присущим ему изяществом, выразил Августин, *Contra Faust.* 12, 8: "Созидается спящему мужу от ребер супруга, создается Церковь умирающему Христу от таинства крови, истекшей из ребер Его, умершего".

¹³ Ср. 1 Тим. 2, 14.

¹⁴ 1 Кор. 2, 13: "Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным".

¹⁵ 1 Кор. 7, 12-15.

¹⁶ Ср. Быт. 2, 7: "И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою".

¹⁷ См. Иезек. 37, 4-10: "И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею. И видел я: и вот, жилы были на них, и плоть выросла, и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них. Тогда сказал Он мне: изреки пророчество духу, изреки пророчество, сын человеческий, и скажи духу: так говорит Господь Бог: от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут. И я изрек пророчество, как Он повелел мне, и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище".

¹⁸ Лат. *advolat*, букв. — "подлетает". Возможно, это дальний отголосок устойчивой и достаточно ранней традиции, в которой голубь символизирует Духа Святого (см., напр., Тертуллиан, *De bapt.* 8; ср. Пс.-Киприан, *Ad Novat.* 2; Ипполит, *In Theoph.* р. 261 (*Aachelis*) и др.). Правда, символика голубя-Духа связана с контекстом типологии крещения, а у Илария речь идет о воскресении плоти и вовсе не обязательно — о Духе Святом, однако эти контексты очень близки друг к другу, так как и крещение, и воскресение понимаются как "новое рождение в Духе".

¹⁹ Здесь подразумевается материя, сотворенная "из ничего".

²⁰ См. Колос. 1, 26 и Ефес. 3, 9.

²¹ Ефес. 3, 6.

²² Фил. 3, 21.

²³ Ср. 1 Фес. 4, 16.

²⁴ Ср. Колос. 3, 11.

²⁵ То есть воскресение плоти.

²⁶ Исх. 1, 15.

²⁷ Лат.: *per lignum aquae innatans* (букв. — "посредством дерева"). Ориген (см. *In Ex. hom.* 3, 4) для обозначения Моисеевой корзины использует еврейское слово *tibin*, сохраненное без перевода в Септуагинте и означающее "ковчег" или вообще некое судно. Интересно, что Иларий говорит именно о "дереве", а не о корзине или ковчеге, в котором младенец Моисей плавал по Нилу.

²⁸ Исх. 2, 10.

²⁹ Имеются в виду языческие народы, принявшие христианство, в противопоставление иудейскому народу. Ср. Ориген, *In Ex. hom.* 2, 4: “Мыслью, что в дочери Фараоновой можно усматривать Церковь, собираемую от язычников”.

³⁰ Ср. *Tract. Orig.* 7, р. 82: “Под дочерью Фараона я, стало быть, понимаю не что иное, как очистившуюся освящением в живоносной купели Церковь, которая Христа, отторгнутого плотскою матерью, Синагогой, и подкинутого, как младенца, — ибо когда Он явился во человечестве, Он предстал как младенец, — забирает к себе и оберегает, так что впредь Он принадлежит уже не той матери, которая отторгает Его и подкидывает, но той, которая принимает Его и оберегает”.

³¹ Олицетворяемый сестрой Моисея.

³² Исх. 2, 11-14.

³³ Матф. 15, 24.

³⁴ Отождествление убитого Моисеем египтянина с диаволом не совсем обычно, однако оно естественным образом вытекает из традиционного истолкования Египта как мира сего, подвластного диаволу-Фараону, а воинов Фараона — как бесов. Хотя типологическое отождествление Фараона с сатаной, или диаволом, непосредственно связано с темой перехода через Черное море, о которой Иларий даже не упоминает, однако Иларий, очевидно, был знаком с этой традицией (или, по крайней мере, — с символизмом, связанным с темой Египта).

³⁵ См. Матф. 12, 29.

³⁶ Здесь имеет место традиционное противопоставление Закона и Благодати как иудейской и христианской веры, Ветхого и Нового Заветов.

³⁷ Исх. 3, 2.

³⁸ 2 Кор. 4, 8-10.

³⁹ Исх. 4, 2-6.

⁴⁰ Ср. Пс. 144, 13: “Царство Твое — царство всех веков”. Ср. также 1 Тим. 1, 17: “Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков”.

⁴¹ Вельзевулом, то есть “князем бесов”, называли Иисуса Христа фариисей. См. Матф. 10, 25; 12, 24 и 27; Мк. 3, 22; Лук. 11, 15-19.

⁴² Исх. 4, 6-7.

⁴³ Лат. *sinus* переводится на русский язык не только как “пазуха”, но и как “лоно”. Конечно, речь здесь идет о так называемом “лоне Авраамовом” — образе рая, месте блаженного упокоения праведников (“сынов Авраама”). Один из распространенных мотивов христианской иконографии Страшного суда — изображение Авраама, укрывающего за пазухой души умерших верующих и ограждающего их своими отеческими объятиями.

⁴⁴ Иными словами, христианам, принявшим крещение водою, позволяет приступить к таинству Евхаристии. Ср. 1 Ин. 5, 6.

⁴⁵ Исх. 15, 22-26.

⁴⁶ Исх. 15, 27.

⁴⁷ Лат. *materia*, в первоначальном значении — “дерево”, “древесина”, впоследствии — философский термин, обозначающий “материальный субстрат”. В данном случае разделить эти два смысла невозможно, однако существенно, что, в согласии с аристотелевским учением о причинах, Иларий указывает на то, что сама по себе материя не может содержать “содетель-

ного начала" (*efficacia*), то есть выступать в качестве "содетельной причины" (*causa efficiens*).

⁴⁸ Ср. Ориген, *In Ex. hom.* 7, 1: "Как будто бы Бог не мог сделать сладкою воду и без древа!" Ср. также Августин, *Quaest. in Ex. LVII*: "Была ли это род дерева, наделенный таким свойством? Или же Бог, Который творил столько чудес, мог сие сотворить посредством какого угодно древа?"

⁴⁹ Пс. 76, 17.

⁵⁰ Очевидно, контаминация стихов из двух разных Псалмов; ср. Пс. 97, 8: "Да рукоплещут реки" — и Пс. 46, 2: "Восплещите руками, все народы".

⁵¹ Ср. Тертуллиан, *Adv. Jud.* 13: "Что очевиднее таинства сего древа? Поскольку жестокость века сего, потонувшая в бездне заблуждения, древом Христовым, сиречь древом Его страстей, во крещении разрешается, дабы то, что некогда погибло через древо во Адаме, восстановилось через древо Христово". Ср. также Августин, *Quaest. in Ex. LVII*: "И через древо содела сладкими воды, проображая славу и благодать Креста".

⁵² Второзак. 28, 66. В синодальном переводе: "Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей" (в переводе Септуагинты: "висеть пред твоими очами"). Иларий приводит эту цитату в редакции, близкой к той, в которой она представлена в "Пасхальной гомилии" Мелитона Сардского: "И вы увидите вашу жизнь висящею пред очами вашими ночью и днем, и не будете уверены в жизни вашей" (10, 13-19) — с добавлением "и будете трепетать".

⁵³ Иер. 11, 19. На этот текст, в связи с типологией "древа", ссылаются и Тертуллиан, см. *Adv. Marc.* 3, 19. Киприан в *Testimonia* 2, 20 приводит его под одним заголовком с цитируемым Иларием выше текстом из Второзакония (хотя последний дается у Киприана в редакции Септуагинты) как пророчество о распятии Христа иудеями.

⁵⁴ Исх. 7, 10-13.

⁵⁵ Исх. 6, 8 и сл.

⁵⁶ Исх. 7, 19 и сл.

⁵⁷ Исх. 14, 21-29.

⁵⁸ Числ. 20, 11.

⁵⁹ Исх. 15, 25. Ср. Ориген, *In Ex. hom.* 4, 6: "И что жезл, посредством которого все сие совершается, посредством которого Египет повергается и Фараон одолевается, есть Крест Христов, посредством которого сей мир побеждается и посредством которого одерживается верх над князем мира сего со начальствами и силами его".

⁶⁰ Ср. Тертуллиан, *Adv. Jud.* 13: "Ибо именно это дерево участвовало тогда в таинстве, в котором Моисей усластил горькую воду, отчего народ, погибавший от жажды в пустыне, ожил, напившись. Так и мы, которые избавлены были от бедствий мира сего, где мы пребывали, погибая от жажды, то есть лишенные Божественного слова, испивая крещальной воды древа Страстей Христовых, через веру в Него ожили". Ср. также Киприан, *De zel. et liv.* 17: "Всякая горечь, поселившаяся в душе, пусть умягчится Христовой сладостию. От таинства Креста ты приемлешь и пищу, и питье. Древо, каковое близ Мерры помогло усластить вкус в прообразе (*in imagine*), пусть тебе поможет обрести смягчающую душу кротость в действительности (*in veritate*)". Ср. также Иринеи, *Contra haer.* IV, 10, 2; *Tract. Orig.* 15, p. 164; Лактанций, *Inst.* 4, 18; Августин, *Contra Faust.* 12, 30.

⁶¹ Исх. 15, 25.

⁶² Ср. Второзак. 22, 23; Галат. 3, 13: "Ибо написано: «проклят всяк, висящий на древе»".

⁶³ Ср. Кол. 2, 1: "и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту..."

⁶⁴ См. Рим. 1, 17: "В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: «праведный верою жив будет»".

⁶⁵ Ин. 3, 18.

⁶⁶ Гал. 5, 11.

⁶⁷ См. 1 Кор. 1, 18.

⁶⁸ Исх. 15, 27.

⁶⁹ "Мерра" по-еврейски означает "горечь".

⁷⁰ Имеются в виду семьдесят учеников, посланных Иисусом на проповедническое служение, см. Лук. 10, 1-17.

⁷¹ См. Лук. 10, 17-20: "Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: ... тому не радуйтесь, что духи вам повинуются..."

⁷² Исх. 16.

⁷³ Седьмой день — это Суббота, день субботнего покоя.

⁷⁴ Исх. 16, 4.

⁷⁵ Исх. 16, 12.

⁷⁶ Ср. Ориген, *In Ex. hom.* 7, 4: "О, неблагодарный народ: по Египту тоскует тот, кто видел истребление египтян! требует мяса египетского тот, кто видел, как тела египтян были отданы рыбам морским и птицам небесным!" Ср. там же, 7 и 8.

⁷⁷ То есть время воскресной Обедни. Воскресение Христа приурочивается в Евангелии к раннему утру первого дня недели после субботы (см. Мк. 16, 2), что впоследствии и легло в основание недельного цикла христианского богослужения.

⁷⁸ Иларий говорит здесь о богословском обосновании таинства Евхаристии, прообразом которого послужила небесная манна.

⁷⁹ Символическое отождествление манны небесной и "небесного хлеба" таинства Евхаристии присутствует уже в Евангелии (см. Ио. 6, 48-58), на которое и опираются последующие толкователи. Ср., напр., Киприан, *Ер.* 69, 14: "Тайна же этого равенства возведена, как мы видим, в книге Исхода, когда манна упала с небес и, в проображение будущего, обещала вкушение хлеба небесного и пищу грядущего Христа. Ибо там все, без различия возраста или пола, собирали ровно по одному гомору".

⁸⁰ Ср. Малах. 4, 1.

⁸¹ Ср. Ориген, *In Ex. hom.* 7, 5: "Шестой день — это тот, в который мы живем теперь (ибо в шесть дней Бог создал сей мир); в этот, стало быть, день мы должны отложить и припасти столько, сколько достало бы на будущий день. И если теперь ты накопишь какие-нибудь благие дела, запасешься какими-нибудь праведными, милосердными и благочестивыми поступками, то сие тебе будет пищей в грядущем веке". Ср. также Иларий, *In Psal. XCI*, 10: "Сие же есть та совершенная суббота, тот подлинный покой, для которого, по примеру субботы века сего, заповедуется нам приготовить все накануне. Ибо нуден, следуя заповеди закона, все, что им необходимо в субботу, приготавливают накануне субботы, и им надобно заранее позаботиться о пище и питии, приготовить и запасти их, хотя они и не разумеют, что в сем явлен отблеск грядущей истины. Ибо как для обеспече-

ния субботнего досуга требуется удвоить труды в предшествующий день (ведь следует позаботиться о том, что необходимо и на этот день, и на субботу), так и нам, чающим вечной субботы, усилиями в теперешней жизни надлежит приготовить то, чем мы могли бы воспользоваться тогда, — потребное даже и теперь, но имеющее обеспечить субботний покой”.

⁸² Пс. 89, 4.

⁸³ Седьмой день — Суббота, день воспоминания о покое Бога, закончившего сотворение мира в шесть дней и опочившего от трудов.

⁸⁴ Сосуд с манной хранился в Ковчеге завета, находившемся в скинии, а позднее — в Святой святых Иерусалимского храма, то есть в месте видимого присутствия Ягве.

Марий Викторин

Гай Марий Викторин, или, иначе, Викторин Африканский, занимает совершенно особое место в истории ранней латинской патристики. В результате сознательного выбора он принял на себя нелегкую роль посредника между сложившейся греческой философской и богословской традицией и только лишь зачинавшимся западным догматическим богословием, а в силу обстоятельств своего собственного духовного развития стал живым символом перехода от парадигм языческого мышления к осмыслению новой, христианской, духовной реальности.

Биографические сведения о нем крайне скудны и практически исчерпываются краткой справкой в *“De viris illustribus”* Иеронима и воспоминаниями Августина, что, несомненно, следует объяснять его относительно поздним обращением в христианство, позволившим ему, как мирянину, оставить заметный след в истории догматических учений, но не в истории Церкви как таковой. Очевидно, он родился в Северной Африке в последней четверти III века. В дальнейшем, подвизаясь в Риме на риторическом поприще, он приобрел такую известность и сделал настолько блестящую карьеру, что при жизни удостоился статуи, воздвигнутой в его честь на форуме Траяна. Однако этой славой он был обязан не только своей педагогической, но также и литературной деятельности. Помимо сочинений, посвященных проблемам диалектики и риторики (к числу которых относятся его трактаты *“О гипотетических силлогизмах”* и *“Об определениях”*, а также комментарии к *“Топике”* и к *“De inventione”* (*“О приискании”*) Цицерона), ему принадлежали переводы на латинский язык логических сочинений Аристотеля (*“Категории”* и *“Герменевтика”*) и ряда сочинений неоплатоников (очевидно некоторых трактатов Плотина, *“Введения в «Категории» Аристотеля”* Порфирия и, предположительно, трактата Ямвлиха *“О богах”*). Переводы эти до нас не дошли (если не считать фрагментов викториновского перевода *“Isagoge”* Порфирия, сохранившихся у Боэтия). Однако именно им Августин, по его собственному признанию, был обязан своим знакомством с неоплатонической традицией, в значительной мере повлиявшим на его умонастроение и способствовавшим его обращению в христианство. Очевидно, изучение со-

чинений неоплатоников сыграло не последнюю роль и в обращении самого Мариа Викторина, рассказ о котором передает тот же Августин в 8-ой кн. "Исповеди". Из этого рассказа с несомненностью явствует, что Викторин, человек, умудренный летами, ученый и книжный, пришел к христианству не под чьим-то влиянием и не в результате какого-нибудь нравственного потрясения или мистического переживания, а умозрительным и "книжным" путем. Августин, с присущей ему любовью к психологической достоверности, специально подчеркивает это обстоятельство, сообщая, что Викторин, познакомившись со Священным Писанием и усердно изучая доступные ему книги христианских писателей, объявлял своему другу и наставнику в вере Симплициану, что уже ощущает себя христианином, однако упорно отказывался принять крещение и присоединиться к Церкви. Лишь много позже знаменитый ритор нашел в себе волю для необходимого нравственного усилия, не только крестившись, но и настояв на том, чтобы публично произнести вероисповедальную формулу, хотя ему и было предложено сделать это тайно.

Принятие крещения положило конец педагогической карьере Мариа Викторина, поскольку вскоре после этого, в 362 г., император Юлиан Отступник издал указ, воспрещавший христианам заниматься преподавательской деятельностью. С этого момента Викторин всецело посвящает себя чисто богословским занятиям. Им были составлены пространные толкования на послания апостола Павла, из которых сохранились лишь три — на послания к Галатам, к Филиппийцам и к Ефесянам. Однако гораздо большее значение для формирования собственно латинской догматико-богословской традиции имеет корпус антиарианских сочинений Мариа Викторина. Формальным поводом для написания этих сочинений послужила переписка Викторина с арианом Кандидом, предложившим на суд Викторина некоторые свои философски обосновываемые возражения против принятого Никейским собором учения о единосущии Отца и Сына. Разъясняя своему оппоненту православную точку зрения на вопрос о соотношении Лиц Святой Троицы, Викторин столкнулся с необходимостью разработки в рамках латинского языка определенного понятийного аппарата, соответствующего тому, который уже использовали в своей полемике против арианства восточные Отцы. Викторин фактически заложил основы нового для латинского Запада богословского языка, пригодного для обсуждения тонких догматических вопросов, правильное решение которых часто зависело от того, насколько корректно использовался тот или иной термин, заимствованный из греческой философской и тесно связанной с ней богословской традиции. В этой работе Марий Викторин лишь в незначительной мере мог опереться на опыт своих языческих предшественников (список ко-

торых, по существу, ограничивается двумя именами — Цицерона и Апулея). Так что не приходится удивляться тому, что его терминология еще весьма зыбка, этимологии произвольны и причудливы, а неологизмы зачастую неловки и неубедительны. Не удивительно и то, что этот труд не мог быть по достоинству оценен современниками Викторина: даже такой ученый муж, как Иероним, упоминая о его антиарианских трактатах, называет их “вельми темными и понятными разве что самым искушенным” читателям (*De vir. ill.* 101). Лишь в начале VI века у Мария Викторина нашелся последователь в лице Боэтия, как бы повторившего шаг за шагом весь путь, проделанный Викторином: осуществив новый перевод “Введения” Порфирия и “Органона” Аристотеля и составив комментарии к важнейшим аристотелевским и неоплатоническим логико-диалектическим сочинениям, он в основном завершил синтез нового богословского языка, которому предстояло стать фундаментом для диалектических построений средневековой западной схоластики и — в более отдаленной перспективе — для всей последующей западной философской традиции.

Против Ария

Книга 2¹

1. Бога Вседержителя исповедуем мы все, а вот Христа Иисуса теперь исповедуем только мы, а впредь будут исповедовать все. Те, кто верует во Христа, исповедуют и Бога Отца, и Христа Сына. И к каждому из Них, поскольку Оба Они суть вместе и порознь, то есть Бог — как Отец, а Иисус Христос — как Сын, обращено все почитание наше, и все упование, и вера. Но хотя мы и исповедуем двух, однако мы утверждаем, что Бог един и что Оба Они суть единый Бог, ибо Отец — в Сыне, а Сын — в Отце.

Правда, иные говорят, что только Отец есть единый Бог, Сын же есть человек; однако пока мы это оставим. Ведь когда мы называем Иисуса Сыном, то мы признаем, что и до того, как родился Он от Марии, Он уже был Сыном. Ибо если в начале был Логос и Логос был у Бога и если Сам Логос был Бог², и в начале им был Тот же, Кто и впоследствии, когда Логос стал плотью³, то Логос и Иисус тождественны. И если в начале был Логос, то, значит, в начале был Сын, Который позже во плоти стал Иисусом ради того таинства, каковое Он исполнил по велению Отца. А стало быть, нужно признать, что Сын обладал

бытием от начала. Но от сущности ли (substantia) Отца или от какой-либо внешней? Именно это и предстоит нам выяснить.

Признаём ли мы, что Бог есть⁴? Признаём. Далее спрашивается: называем ли мы это Его бытие *ἀνοῦσιον* или *ἐνοῦσιον*⁵, то есть лишенным сущности или сущностью? Они говорят: *ἀνοῦσιον*. Положим. Но спрашиваю: каким образом *ἀνοῦσιον*? Вообщем ли Он не есть сущность или же Он превышает сущности, то есть *ὑπερούσιον*? Но никто не назовет Бога лишенным сущности, если признает Его обладающим бытием! Ведь бытие есть для Него Его собственная сущность — не та, что обычна для нас, но Сам Он, поскольку Он есть само бытие, есть Сам по себе, и Он есть не от сущности, но самое сущность, все порождающая и от себя самой усваивающая себе бытие, — первая сущность, всеобщая сущность, досущностная сущность.

Таким образом, поскольку Он есть *ὑπερούσιος*, то иногда Его и называют *ἀνοῦσιος*, а вовсе не потому, что у Него нет сущности, ибо она, без сомнения, есть. Итак, давайте поклонимся Богу и скажем, что обладает бытием, то есть *ἐνοῦσιος*, Тот, Кто все сотворил: небо и землю, и мироздание, и духов, и ангелов, и души, и животных, и человека — *по образу и подобию*⁶ образа их.

Далее. Поскольку Бог *ἐνοῦσιος*, то Он с необходимостью именуется Отцом. И, как мы признаём, Отцом Единородного. В это веруют все. Так неужели уразумению мешает двусмысленность этого слова, если то же самое Бог и о человеках сказал: *Я же вас породил*? Так что, если слово *породил* означает и “Я сотворил их как тварь”, и “Я породил их по естеству из Своей сущности”, то что же сказать о Единородном? О Том, Который есть Сын? О Том, Который есть единый и единственный? О Том, в Котором Отец? О Том, Который в Отце? О Том, Который есть Логос, бывший в начале, и бывший у Бога, и бывший Богом, и через Которого *все начало быть*, а без Которого *ничего не начало быть*⁸? Так что же это означает, что Христос есть Единородный Сын? Ведь если Бог, в результате творения, есть Отец всему сущему, то можно ли усомниться, что этому Единородному Сыну приходится Он Родителем каким-то иным образом и что Тот — из сущности, а не из ничего? Однако до всего <сущего> не было никакой иной сущности, кроме сущности Отца. А значит, Христос — от сущности Отца.

2. Пойдем далее. Мы признаём, что и Христос есть⁹. И потому рассмотрим тот же самый вопрос: бытие у Него *ἐνοῦσιον* или же *ἀνοῦσιον*? Но, как уже было сказано выше, не может быть *ἀνοῦσιος* тот, кто обладает бытием. Так что же? Откуда сие бытие, *ἐκ τοῦ ἀνοῦσιου* или *ἐκ τοῦ ἐνοῦσιου*, то есть от того, что есть бытие (*quod est esse*)¹⁰, или от того, что есть

небытие (*quod est non esse*)? Бог, по их словам, есть бытие; и Христос тоже бытие, однако имевшее начало. Воистину так. Но это бытие, которое имело начало, получило начало от того, что каким-то образом уже обладало бытием, — так, чтобы все божественное и от божественного возникшее в возможности (*potentia*) было всегда и прежде, и впредь. Происхождение же такового есть действительность (*actus*), и проявление в движении, и нечто, связанное с порождением. А что в Боге порождается, коль скоро Бог — нерожден?! Возможно ли поверить и позволительно ли говорить, что из ничего сотворен или рожден был Христос, Которого мы именуем Сыном Божиим, Который есть *Господь величия* и прочее¹¹, как мы уже говорили выше, а также — и в других наших книгах?

Однако именно это утверждает новейшая ересь, с каковою сходна и та, которая провозглашает, что Христос получил бытие от Марии или что не сам Логос облекся плотию, но что человек воспринял Его, чтобы Логос его направлял; последнее <говорит> Маркелл, а первое — Фотин¹².

Итак, давайте исключим всех, кто так или сходным образом мыслит о Христе. Давайте побеседуем с теми, которые называют Христа Сыном и Сыном рожденным, ибо исповедуют Его *Единородным*, то есть рожденным, а не сотворенным. Мало того. Они прибавляют: *Сына от Отца, Бога от Бога, Света истинна от Света истинна*, — откуда с несомненностью следует, что и Дух от Духа и что Сын в Отце, а Отец в Сыне¹³. Правда, они исповедуют это без всякого смысла, скорее из страха, нежели из соображения истинности. И одни из них отрицают, что здесь надежит прибегать к понятию сущности, другие же упоминают ее, но при том говорят, что она лишь подобна, а не тождественна.

Для начала им следует посмотреть, что сказано у пророка Исайи: *прежде Меня не было Бога, и после Меня не будет*¹⁴. Если Христос есть Сын, то тогда, конечно, Христос после Бога. Однако после Бога нет никого, подобного Ему. Следовательно, Христос не подобен Богу или же, если Он не после Бога, то тогда Он, несомненно, вместе с Богом. Ведь Он ни в коем случае не прежде Бога. А стало быть, *ὁμοούσιος* [единосущен]. Так и у Давида: *нет подобного Тебе*¹⁵.

Кроме того, как мы доказали множеством доводов, сущность, уже в силу того, что она сущность, — тем паче, если оказывается, что она одного и того же рода у двух или более многочисленных, — именуется тождественной, а не подобной сущностью. Скажем, душа есть сущность, и хотя существует множество душ, однако в силу того, что они суть души, они обладают одной и той же сущностью, и не потому, что эта сущность предшествовала им или предсуществовала, но потому, что она всегда существовала вместе с ними. Так же обстоит дело и с прочим, и тем

более с Богом, поскольку Он Сам есть начало сущности, так что в Своем божественном рождении Сын, восприняв от Отца сущность, всегда — с Ним и в Нем, как Иной и Тожественный Ему, в единосущном (*consubstantialis*) и взаимонаполняющем единстве одной и той же сущности, без того, чтобы от одного нечто убавилось, а к другому прибавилось, присно был Богом и силой Его и существовал всегда. Это Бог и Логос, Бог и Его Образ, Отец и Сын, Бог и Иисус Христос, Бог и Сила, и Премудрость Его¹⁶. Стало быть, *ὁμοούσιος* [единосущен].

Само же это слово *ὁμοούσιος* употребляется еще и как *ὁμοειδής*, поскольку они существуют вместе в едином образе, а также — в значении *ὁμοηλικής*, одного времени и возраста. Однако тут *ὁμοούσιον* означает единосущное, вместе восуществленное, не составное и не раздельное, но всегда совместно <сущее>, хотя и различающееся силами и действиями вещей.

3. Здесь возникают вопросы. Первый связан с тем, что в Священных Писаниях якобы нет упоминаний о сущности, и уж тем более не встречается словоупотребления *ὁμοούσιον*. Второй — с тем, что, если все это так, то, когда пострадал Сын, пострадал и Отец. Третий — с тем, что, если все это так, то Отец не больше, а Сын не меньше, или что первый не посылает второго, а второй не послан первым, и прочее в том же роде.

Итак, прежде всего нам надлежит относительно сущности выяснить следующее: действительно ли Бог и Христос не обладают сущностью, или же она просто не упоминается в Писаниях? Если же не обладают, то, в соответствии с вышесказанным, мы соглашаемся с этим на том основании, что ее нет вообще или же — что она превосходит всякую сущность?

Мы не смеем говорить, что Бог не существует. И, следовательно, <Он> есть сущность, поскольку Он Бог, поскольку Он Дух, поскольку Он Свет. Так отчего же мы прибавляем еще: и Света истинна? Не признаем ли мы тем самым, что сущность в божественном и в Боге есть то же, что тела у материальных и душа у бестелесных? Нет, ибо сущность здесь — это бытие над сущностью. Все признают, что Бог обладает бытием, поскольку Он обладает возможностью <осуществления> (*potentia*) сущности, и потому — превыше сущности, и — в силу сего — сущность. Ибо возможность включает в себе бытие, поскольку может осуществить его. Но достоверно, что Бог — всемогущ, так что, в некотором смысле Он, Своею силою (*virtute*), есть все, чему дает начало или причину; поэтому у Павла сказано: *да будет Бог все во всем*¹⁷. А стало быть, Он есть и *ὄν*, и существующий, и сущность. Хотя Он и выше всего этого, так как Он родитель всего и, следовательно, возможность для всего.

Посему можно без колебаний утверждать, что Бог обладает сущностью, поскольку всякий раз, когда нам недостает точных слов для обозначения первого или наивысшего, мы, с полным на то основанием, применяем ради уразумения какое-нибудь из находящихся в нашем распоряжении <приблизительных> понятий, как и теперь мы по праву называем сущностью самое бытие Бога (*quod est Deo esse*).

В таком же смысле давайте будем принимать и утверждение, что Христос также есть сущность и что сущность у Него от Отца, поскольку Он, как известно, *свет от света, Бог от Бога*, Дух, Логос, через Него же все начало быть¹⁸, и поскольку Он благоволил Своею сущностью даже войти в телесное таинство, о чем у Апостола сказано: *а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно*¹⁹, то есть *ὁὐσιωδῶς*. Ибо Бог есть возможность, а Логос — действительность, и в каждом из них — и то, и другое. Ибо и возможность, поскольку она может быть, есть, а поскольку есть, то может быть. А значит, сама возможность есть действительность, а сама действительность есть действительность в силу возможности.

Следовательно, и Отец действует, и Сын действует. И Отец потому Отец, что возможность порождает действительность, а Сын потому Сын, что действительность происходит из возможности. А значит, и Отец в Сыне, и Сын в Отце, но оба Они в каждом, и потому одно. Однако также и два, поскольку если что-то преобладает, то обличает инакость. Однако Отец есть по преимуществу возможность, а Сын — действительность, и Он потому другой, что Он есть преимущественно действительность. Ведь Он преимущественно действительность потому, что таковая осуществляется вовне. А коль скоро дело обстоит именно так, то есть Отец и Сын обладают сущностью, и единой сущностью, и сущностью от Отца, и обладают сущностью вместе, и от века и присно суть вместе Отец и Сын, то и сущность у Них одна и та же и вместе²⁰, а это и есть *ὁμοούσιον*.

Но неужели такого словоупотребления нет в Божественных Писаниях? Во-первых, тот, кто отрицает наличие такового, признает саму вещь, однако ищет в Писании подтверждения. Ведь разве по справедливости можно было бы не допускать какой-то вещи ради того, что наши предки опустили упоминание о ней, — может быть, случайно или же по какой-то причине, — если тебя побеждают доводы рассудка? Так какое же именно слово они отрицают? — Сущность. Сущность применительно к Богу и Христу или же самое *ὁμοούσιον*? Применительно к Богу это слово употреблено у пророка Иеремии: *кто стоял в сущности Господа и видел слово Его? Кто внимал Ему и услышал?* И немного дальше: *Если бы они стояли в Моей сущности и слышали Мои слова*²¹. Далее, слово “сущность” мы находим и у

пророка Давида: *и сущность Моя в глубинах земных*²². Оно употребляется также в послании к Евреям у Павла по отношению к Христу: *Сей есть образ сущности Его*²³. Имеются и другие примеры, но я полагаю, что этого будет довольно.

4. Но ведь по-гречески здесь стоит ὑπόστασις [ипостась], а не οὐσία [сущность]. Посмотрим, каково между ними различие. Словом οὐτα [сущее] греки обозначают как то, что относится к вечному, так и то, что принадлежит к миру сему и к земным сущностям. И для вечных <сущностей> Бог есть всемогущая причина всего, и исток, и начало всего сущего, то есть τῶν οὐτῶν πάντων. Так как же? Мы признаем за Богом бытие как таковое (hoc, quod est esse), или же мы признаем бытие за всем, а за Богом не признаем? Ведь суть в том, что именно Бог есть первое Бытие. Но поскольку бытие может пониматься не только как явное бытие чем-то, то как раз это бытие, если бы оно было постигаемым, называется οὐ, то есть некая форма, приводящая в знание. Ибо таковое бытие именуется уже οὐ и ὑπαρξις [наличное бытие].

Всякое же ὑπαρξις обладает бытием как таковым (quod est esse). А само бытие как таковое не есть в то же время и ὑπαρξις, и оно есть οὐ разве что в возможности (potentialiter), а не в проявлении (in manifesto), чтобы ему именоваться οὐ. Ибо οὐ есть бытие как таковое (quod est esse), оформленное посредством некоего образа (figura). Однако поскольку все чистое постигается разумом как чистое тогда, когда постигается как уже оформленное (ибо умопостижение производится формой)²⁴, то этим ясно указывается, что форма не тождественна тому, что оформлено. Но то, что оформлено, — это бытие. Форма же — это то, что делает умопостижимым само это <чистое> бытие (illud, quod est esse). И следовательно, бытие как таковое (hoc, quod est esse) мы должны относить к Богу, а форму — ко Христу²⁵, так как Отец познается через Сына, то есть <чистое> бытие (quod est esse) — через форму. О Нем же сказано: *видевший Меня видел и Отца*²⁶.

Следовательно, и Бог есть ὑπαρξις, и Сын есть ὑπαρξις. Ведь ὑπαρξις есть бытие как таковое (quod est esse) купно с формой. И поскольку они всегда бывают вместе, то и форма есть бытие, и само бытие — форма. Отсюда — Отец в Сыне и Сын в Отце. Ведь и в Отце есть бытие, то есть возможность (potentia), которая предшествует тому, что есть форма. И опять-таки, бытие есть и в Сыне. Однако то, что есть собственно бытие как таковое (quod est esse), получает Он от Отца, чтобы быть для Него формой.

Следовательно, Один в Другом, и оба — одно. А значит, Бог есть οὐ — и Сын есть οὐ. Ведь это и есть τὸ οὐ: бытие с

формую. Так как все, что есть $\delta\upsilon$, есть бытие с формой. И оно называется и существованием (*existentia*), и сущностью (*substantia*), и ипостасью (*subsistentia*). Ибо то, что есть $\delta\upsilon$, и существует (*existit*), и наличествует (*subsistit*), и служит подосновою (*subiectum est*). Однако это бытие ни с чем не сопряженное²⁷, простое, единое. И тем очевиднее, что оно есть ипостась и существование и что его называют сущностью. Следовательно, если Бог именуется ипостасью, то тем больше оснований именовать Его сущностью, и это потому, что так обозначается подлежащее (*subiectum*) и первоначальное (*principale*), что уместно применительно к Богу. Однако подлежащее не в смысле сущности для мира, а в более высоком и древнем — как источник всецелого сущего, то есть как истинное бытие, каковое Бог предоставляет всему, что есть, чтобы все оно было.

Следовательно, это $\delta\mu\omega\iota\upsilon\mu\omega\varsigma$ [тождественно] — быть, обладая формой, и быть первым и единственным. Но поскольку именно это бытие есть чистое бытие, то оно тем более есть сущность. И обратно, поскольку форма также есть бытие, то и она также есть сущность, однако называется $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ [ипостась]. Ведь уже оформленное бытие есть ипостась. Однако оформленное <бытие> есть Бог, поскольку Бог есть еще и Отец; равно как и Сын, поскольку Он есть и Логос, и Сын. А значит, к Ним Обоим приложимо понятие “ипостась”, то есть сущность, ибо бытие как таковое (*quod est esse*), изначально совокупное с формой, именуется ипостасью.

Но оно именуется также и сущностью. И потому было сказано, что *от одной сущности — три ипостаси*²⁸, что само это бытие как таковое (*quod est esse*) наличествует трояко: как Сам Бог, как Христос, то есть $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, и как Святой Дух. Следовательно, понятие $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ [ипостась] по праву относится и к Богу, и к Логосу, то есть к Отцу и к Сыну. Латиняне же называют это субстанцией, поскольку, как мы уже сказали, его можно назвать и субстанцией (я имею в виду — то, что есть бытие, а точнее — оформленное бытие). И в таких случаях употреблялось слово $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$. А это, как мы показали, и есть $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$.

5. Теперь давайте посмотрим, не означает ли $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ [ипостась] там, где мы его встречаем <в Писании>, чего-нибудь иного, чем $\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha$. Ведь многие полагают, что этим словом, $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$, обозначают богатства или имущество. Но ведь он сказал так: *если бы стояли они в $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ Господа, то видели бы Слово Его*²⁹. Что же мы здесь подразумеваем под $\acute{\upsilon}\pi\omicron\sigma\tau\alpha\varsigma\iota\varsigma$ Господа, если не то, что есть Бог? Бог же есть Дух, Свет, Могущество (*Potentia*), Всемогущий (*Omnipotens*) и прочее. А тот, кто *стоит*, тот и разумеет; ведь тот, кто разумеет,

не заблуждается — и, значит, стоит. Разумеющий же разумеет Бога и *видит* λόγος, Сына Божиего. А стало быть, ясно, что это ὑπόστασις Бога, которая постигнута разумом и под которой подразумевается Слово. Ведь они пребывают вместе, а это и есть ὁμοούσιον. Это же он говорит и ниже: *ибо если бы они стояли в Моей ὑποστάσει, то слышали бы и Слово Мое*³⁰. Сперва он употребил слово *видеть*, теперь же — *слышать*. И оба они означают то же, что и *разуметь*. Ведь какую-либо вещь разумеет тот, кто *стоит* в сущности вещи, то есть в первоисточке этой вещи, чтобы разуметь все, что присуще ей.

Так что же? Быть может, когда слово ὑπόστασις [ипостась] употреблено и встречается нам в каких-то других местах, у Давида или в Евангелии, то оно означает что-то иное, кроме οὐσία [сущность]? Ὑπόστασις *Моя*, — говорит о Боге Давид, — ὑπόστασις *Моя в глубинах земных*³¹. Иными словами: пусть никто не думает, что скрылся, ибо Я повсюду, как и всё, что Я есмь, и *сущность Моя*, и <в> *глубинах земных*. Ибо повсюду Бог или Дух Божий, то есть сущность Бога.

6. Теперь же я хочу рассмотреть и тот пример, который дан нам в евангельской притче. Ибо сказано: некий отец семейства между двумя сыновьями ὑπόστασις *свою разделил*³². Уж здесь-то мы во всяком случае подразумеваем богатства и наследственное имение. Однако ежели это надлежит отнести к Богу, то и здесь ὑπόστασις будет только могуществом (potentia) и силою. И сие *расточает* один сын, который удалился от Бога. Ведь у того, кто *уходит в дальнюю сторону от Бога*³³, уже нет ни Духа Божия, ни света, ни Христа. Он расточает сущность Бога, которою обладал. Ибо, как мы уже сказали, это и есть ὑπόστασις Бога.

И не имеет значения, что мы говорим здесь о богатстве или об отчем имении. Ведь так же было сказано и у апостола Павла: *О, бездна богатства премудрости и ведения Божия*³⁴! А следовательно, если богатства Бога — это премудрость и ведение и если премудрость и ведение — это сама сила Божия, а сила Божия есть Христос³⁵, Христос же есть Логос, а Логос — Сын, и Сын — в Отце, то, значит, Он и есть богатство Отца и Он есть ὑπόστασις.

Стало быть, безразлично, будем ли мы понимать под ὑπόστασις богатство или οὐσίαν [сущность], так как этим словом обозначается то, что есть Сам Бог. Следовательно, <в Писании> к Богу прилагаются слова ὑπόστασις и οὐσία. То же самое подразумевается и по отношению ко Христу. Сказано было: *Я в Отце, и Отец во Мне*³⁶. И это сказано дважды оттого, что могло быть, что Сын в Отце, но не Отец в Сыне, однако, мол, в каждом из Них была полнота и тождество. Если

же одна и та же ὑπόστασις, то, значит, ὁμοούσιον. Но она одна и та же; ведь Христос есть *Бог от Бога* и *Свет от Света*. А стало быть, ὁμοούσιον. И ежели это от века и присно, то, по необходимости, вместе; а значит, поистине ὁμοούσιον.

7. А между тем, само это слово ὁμοούσιον <в Писании> не употребляется. Но ведь все, о чем мы говорим, <в Писании> есть. Я говорю вам <все это>, так как вы уже согласились относительно Бога, что Он есть и Свет, и Дух. Поэтому вы говорите: *Бог от Бога, Духа от Духа невидима и Света истинна от Света истинна*, и все это суть ὑποστάσεις [ипостаси] Бога. Однако, когда вы говорите, что Христос есть *Бог от Бога, Свет от Света* и так далее, то где вы это прочли? Или вам дозвоительно так говорить, хотя этим лучше всего подтверждается ὁμοούσιον, ну а нам говорить ὁμοούσιον не будет дозволено? Однако, если вы говорите *Свет от Света* потому, что и Бог назван Светом, и Христос назван Светом, равно как и Отец назван Богом, и Сын назван Богом, то это ясно само собою. Но *Бог от Бога* в Писании не встречается, так же как *Свет от Света*. И все же, позволительно было сие допустить. А значит, должно быть позволено из написанного составлять ненаписанное.

Вы отрицаете, что в Писании употребляется ὁμοούσιον. Но если там обнаруживается нечто подобное или нечто подобным образом обозначенное, то с тем же основанием должны мы принять и это значение. Οὐσία [сущность] Бога есть свет, свет сей есть жизнь, а сама эта жизнь есть разумение. Чем в достаточной степени разъясняется, что это есть Бог, что это — Христос: *Жив Отец, и Я жив. Отец имеет жизнь в Самом Себе, и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. Что имеет Отец, все это отдал Мне*³⁷. Этими и подобными этим словами мы постоянно доказываем, что в Отце и Сыне заключено одно и то же и что это от века и присно; потому сие и названо было ὁμοούσιον.

8. Но откуда взялось это слово? Вонми же Евангелию, вонми апостолу Павлу, вонми молитве возношения Даров! Поскольку Бог есть жизнь, и жизнь вечная, то нас, христиан, то есть верующих во Христа, Евангелие учит, каким образом мы должны молиться Богу Отцу. В сей молитве, наряду со многим другим, мы испрашиваем и хлеба³⁸, каковой хлеб есть жизнь. Ведь сказано: *Сей-то есть хлеб, сшедший с небес*³⁹. Каким же именем называет оно эту жизнь Христа и Бога, то есть вечную жизнь? Ἐπιούσιος ἄρτος, “от той же οὐσία хлеб”, то есть от жизни Божией единосущная (consubstantialis) ей жизнь. Ибо как же мы будем детьми Божиими, если не через участие в жизни вечной, которую Христос, взяв от Отца, даровал нам? А это и есть δὸς

ἡμῖν ἐπιούσιον ἄρτοι, то есть жизнь от той же сущности. Ибо если то, что мы получаем, есть Тело Христово, а Сам Христос есть жизнь, то мы испрашиваем ἐπιούσιος ἄρτος. Ведь божественность во Христе *обитает телесно*⁴⁰.

Таким образом, в греческом Евангелии стоит слово ἐπιούσιον, которое происходит от слова *сущность* или, точнее, *Божественная сущность*. Латиняне же, не понимая его или не умея дословно перевести, не смогли этого выразить и поставили всего лишь *каждодневный* (cotidianus), а не ἐπιούσιος. А стало быть, и слово такое употребляется, и сущность в Боге есть, и сказать это можно по-гречески. И хотя это по-латински не передается, однако говорится по-гречески, поскольку это подразумевается.

А потому мы, которые веруем во Христа, ибо чаем улучшить от Него жизнь вечную, так как Сам Он есть жизнь, когда следуем мы за Ним и пребываем с Ним и при Нем, пребываем при жизни вечной и прозываемся λαὸς περιούσιος. Поэтому святой апостол в Послании к Титу так говорит по-гречески: ἵνα λυτρώσῃται ἡμᾶς ἀπὸ πάσης ἀνομίας καὶ καθάρῃ ἐν ἑαυτῷ λαὸν περιούσιον, ζηλωτὴν καλῶν ἔργων⁴¹. Латинский же переводчик, поскольку не понял он περιούσιον ὄχλον: περὶ οὐσίαν τοῦ Χριστοῦ ὄντα <при сущности Христа сущие>, то есть при жизни, каковою Христос обладает и каковую Он дарует, — вместо этого поставил: *народ, изобилующий именем*. Какая же заслуга в том, чтобы спасти народ, так как он именем изобилует? И напротив, великое дело и даже необходимость — спасти тот народ, который περιούσιος. Поэтому и в молитве возношения Св. Даров в том же смысле мы молим Бога: σῶσον περιούσιον λαόν, ζηλωτὴν καλῶν ἔργων⁴².

Следовательно, в Писании употребляются всяческие слова, образованные от οὐσία. Отсюда и произведено было слово ὁμοούσιος, применяемое к Богу и Христу, что вовсе не чуждо смыслу. Ведь в нем присутствует οὐσία, как и в вышеприведенных словах, и оно образовано было точно таким же образом, и, наконец, это слово отсекает всех еретиков. И, стало быть, оно по необходимости должно было быть введено в обиход нашими Отцами. А значит, им следует пользоваться и постоянно разъяснять его смысл.

9. В то же время, поскольку оно бывает непонятным и вводит в соблазн, то нужно либо устранить его из исповедания веры и проповеди, либо же верно перевести на латынь. Они говорят: "Непонятно, а значит — и по-латыни не может быть сказано". Непонятно? Но почему же вы боитесь сего? Ведь боятся те, кто враждебен. И если вы боитесь, то вы еретики. И тщитесь прокрасться к нам, устранив его. Ведь если вы отрицаете в Боге οὐσίαν [сущность], то ради этой причины хотите и ὁμοούσιον

[единосушное] устранить, поскольку указывает оно на οὐσίαν. А стало быть, понимаете и боитесь.

Но если Василий говорит ὁμοιοῦσιον [подобосущное], то это слово также оказывается вам ненавистным, и вы оттого и его отвергаете, что отрицаете в Боге οὐσίαν [сущность]. Но раз вы его оттого отвергаете, что понимаете, и сам Василий, предпочитающий говорить ὁμοιοῦσιον (о чем мы побеседуем после), тоже его понимает, то ὁμοούσιον не является словом, которое непонятно.

Пусть, — говорят они, — это будет поименовано по латыни. Для того и требуете, что трудно поименовать. А коли поименуем, уступите? Вот так диво! Слово вас делает еретиками, и даже не слово, а звучание слова, поскольку оно по-гречески произносится. А потом, если я это скажу по-латыни, то, раз уж Церковь включает в себя и греков и раз все Писание, и Ветхого, и Нового Заветов, записано и по-гречески, и по-латински, что же станем мы отвечать на вопрос, задаваемый греками, если мы этого по-гречески не говорим? Волей-неволей придется сказать ὁμοούσιον. А значит, его нужно употреблять.

Что же? Разве в Писаниях мало встречается слов еврейских и греческих, частью переведенных, а частью — нет, как, например, ἡλεῖ, ἡλεῖ, λαμὰ ζαφθάνει⁴³ или *Голгофа*, или *Еммануил*? Или еще: *Кто не любит Господа Иисуса Христа*, ἀνάθεμα, μαρὰν ἀθά⁴⁴. И сотни подобных выражений употребляются там — или с переводом, но все же приводятся, или же вовсе без перевода, одни, как, например, *анафема*, которое не переводится ни на латынь, ни на греческий, однако же употребляется там и повседневно используется нами, равно как и *аллилуиа*, и ἀμήν [аминь], которые на всех языках остаются без изменений. А значит, можно подобным же образом употреблять и ὁμοούσιον.

Но, уж во всяком случае, когда требуется отказаться от какого-нибудь слова, то это делается потому, что либо смысл его темен, либо оно указывает на нечто противоположное, или же потому, что оно выражает больше или меньше, чем нужно, или потому, что оно совершенно излишнее. Однако это слово не темное, так как и я сказал, что оно означает, и вы его понимаете, а потому боитесь, и Василий потому его изменяет, что понимает. И оно не подразумевает противоположного. Ведь коль скоро мы все уже пришли к соглашению относительно сущности (ибо сущность — это и есть Бог, Дух и Свет, как мы говорим о Боге Отце и о Христе), то само это слово ὁμοούσιον, поскольку оно обозначает сущность, не может подразумевать противоположного⁴⁵. А может, оно выражает больше или меньше, чем нужно? Но тогда лучше уточнить, нежели упразднить. Ну, не иначе, как оно совершенно излишнее. Но каким это образом? Потому, что

это и без того уже выражено? Да где же? Или же потому, что оно бесполезное? Бесполезное оттого, что отлучает еретиков, особливо же — ариан? Что оно Отцами утверждено, подобно стене и оборонительным укреплениям? — Но утверждено лишь недавно! — Да ведь недавно вторглась к нам и ядовитая стая еретиков. Однако было оно воздвигнуто вокруг древней веры (ведь и прежде оно обсуждалось) множеством вселенских епископов, числом до трехсот пятнадцати, во граде Никейском⁴⁶, каковые епископы, разослав по всему свету определение веры, удержали в ней тысячи епископов тех и последующих лет, и оно было одобрено императором, батюшкой нашего императора.

10. Однако мы желаем, чтобы это было сказано по-латыни! — Что ж, и в этом вам не будет отказа. И вы, отрицающие сущность в Боге, хотя вас и опровергает Василий, и ты, Василий, признающий сущность, — в своей речи вы все исповедуете *ὁμοούσιον*. В самом деле: вы говорите *Бог* и *Его* же именуете *Светом* и *Духом*. А тот, кто сие говорит, говорит о сущности Бога. Ведь тот, кто называет *Его Отцом*, или *Всемогущим*, или *Благим*, или *Бесконечным*, или еще как-нибудь в том же роде, говорит не о сущности, а о качестве. Точно так же, вы называете *Сына Логосом*, *Светом*, *Духом*. А эти слова знаменуют сущность.

И опять-таки, всякий раз, когда вы говорите *Бога от Бога* и *Света истинна от Света истинна*, то тем самым приводите довод против опасений Василия, как бы не оказалась выше сущность, из которой Они Оба. Ведь коль скоро *Бог от Бога* и *Свет от Света*, то есть сущность Отца есть сущность Сына, то, в силу того, что *Бог есть Отец*, Он есть сущность, от которой сущность Сына — *Логос*, *Свет*, *Дух*. Ибо когда Он именуется *Сыном*, или *Спасителем*, или *Иисусом Христом*, то Он именуется так не по сущности, а по качеству. Так что все остальное приписывается либо Отцу, либо Сыну. А следовательно, вы признаете сущность. Так поверьте же вы Василию, который и Бога, и Христа одинаково именует *Светом*, *Богом*, *Духом* и *Логосом* и признает Их одною сущностью.

Но ведь в этом нет *ὁμοούσιον*. — Верно, если только под *ὁμοούσιον* ты не понимаешь тождественную сущность. Если же, когда слово бывает составлено таким образом, этим указывается на тождество двух или более, как, например, *ὁμοειδές*, то есть одного и того же вида, или *ὁμοῦλιξ*, то есть одного и того же возраста, или *ὁμόνυμον*, одного и того же имени, или *единодушные*, *ὁμόνοια*, одного и того же мнения, одной и той же *ἐννοία*, то, значит, то, что *единосущно*, бывает одной и той же сущности.

А если под *ὁμο* [едино] подразумевается *ὁμοῦ* [единой], то *ὁμοούσιον* по-латински будет совместно- и взаимно-сущное, и не

от чего-то иного происходящее, но от могущества (potentia) Божиего из века. Ведь если *в начале был Логос, и Логос был к Богу*⁴⁷, то, поскольку начало не имеет ничего предшествующего себе (ибо если б имело, то переставало бы быть началом), от века Бог и от века Логос. И, значит, Оба Они вместе и присно вместе, и никогда один из Них не бывает без другого, и Сын не может иметь бытие от того, чего когда-либо нет.

Стало быть, здесь и отсекается Арий, который провозгласил: $\eta\nu \delta\tau\epsilon \omicron\upsilon\kappa \eta\nu$ [было, когда не было]. Имелось у него еще и такое высказывание, что-де Сын есть $\epsilon\acute{\epsilon}\xi \omicron\upsilon\kappa \delta\upsilon\tau\omega\nu$, то есть из ничего⁴⁸. $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ означает, что совместная у Них и сущность. И против обоих этих святотатственных утверждений восстает самый смысл этого слова, ибо сие именуется $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$. Ведь если верно, что $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ — *это одной и той же сущности* (наподобие $\omicron\mu\omicron\epsilon\iota\delta\acute{\epsilon}\varsigma$, как мы разъяснили выше), то тогда исключается приведенное утверждение: что *Христос есть из ничего*. Если же Бог и Логос — одной и той же сущности, то Бог и Логос не только не из ничего, но даже и не из подобной сущности. А если $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ уясняется из того, чтобы вместе быть одною и тою же сущностью, то есть вместе восуществленну, то вместе суть Бог и Логос, и от века и присно вместе Отец и Сын.

11. Этим отменяется утверждение: *было, когда не было*. И ежели так, то одним уже этим, то есть понятием $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, обезвреживается весь яд догмата арианского. О, многосведущие епископы, о святые, о вы, крепящие веру духом! О Слово Божие, — подлинно Слово Божие, поскольку явлено нам, что Бог и Логос вместе от века и присно тождественной сущности. Итак, $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ передано на латинском. Поэтому всенепременно следует употреблять и проповедовать его, хотя бы и в греческом написании.

Однако прибавим теперь нечто еще, что, по вашему собственному признанию и через букву Божественного Писания, подтверждало бы, что $\omicron\mu\omicron\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ было выражено по-латински. Божественное речение гласит: Отец в Сыне и Сын в Отце. И, чтобы еще подкрепить вашу веру, — Сам Господь наш Иисус Христос говорит: *Я в Отце, и Отец во Мне*⁴⁹. Что же из этого следует? Разве эти наименования не усваиваются ими друг от друга? А силы, а сущности, а премудрость и могущество каждого? Отец, поскольку Он Отец, не может быть в Сыне. И, опять-таки, Сын, поскольку Он Сын, не может быть в Отце, однако то, что от силы сущности Он есть для Себя, это же самое есть и в Другом. Поэтому, когда одно пребывает в другом, то они почитаются одним, хотя бы и в отдельных ипостасях, но все-таки одним, поскольку в обоих мыслится и именуется одно и то же.

Стало быть, и Отец в Сыне, и Сын в Отце, но только указанным образом. А если это верно, то давайте посмотрим далее. Вы говорите, и правильно говорите: *Иисуса Христа, Господа нашего, Бога от Бога и Света от Света*⁵⁰. К этому близко и из этого вытекает, если, сходным образом, говорится (а значит, давайте и мы говорить, и правильно говорить): *Бога в Боге, Света во Свете*⁵¹. И сие оттого не повторяется в обратном порядке, что здесь оба раза употреблено одно слово. Ведь “Отец” и “Сын” — это два разных слова, а потому их возможно поменять друг с другом местами, чтобы сказать, что и Отец в Сыне, и Сын в Отце. Когда же в обоих случаях называется одно слово, *Бога в Боге*, то это звучит точно таким же образом и тогда, когда высказывается о другом из Них. Так же дело обстоит и тогда, когда говорится: *Света от Света*.

Таким образом, хотя, из-за необходимости употребить одно и то же имя, это говорится единократно, однако, ради того, что их двое, Отец и Сын, понимается и подразумевается, что дважды. Так давайте же говорить: *Иисуса Сына Божиего, Бога от Бога, Света от Света*. Но давайте говорить и сие: *Бога в Боге и Света во Свете*. Ведь если, как мы все признаем, и Сын в Отце, и Отец в Сыне, то Отец есть и Бог, и Свет, однако так, чтобы от Отца таковыми был Сын, а потому необходимо и правильно — говорить, что и *Бог в Боге*, и *Свет во Свете*. Может, вам это в тягость? Но все равно придется признать, что это так и есть и что так обстоит дело.

12. Что же, если уж это даже в Писании начертано, и из этих двух положений одно изложено так, что с полной очевидностью явствует, что это не мое измышление, но подтверждено Священными письменами. Псалмопевец Давид в книге Псалмов, которую именуют ключом ко всем тайнам, в тридцать пятом псалме так воспеваает к Богу, так Его восхваляет: *ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет*⁵². Полагаем ли мы, что сие было сказано к Богу, или ко Христу, или к Обоим? Ведь к кому бы из Них это ни было сказано, все будет верно. Ибо Сын в Отце, а Отец в Сыне. Но если к Богу Отцу, то это будет: *Если бы они стояли в Моей сущности и слышали слово Мое*⁵³. Если же к Сыну, то это будет: *видевший Меня видел и Отца*⁵⁴. А стало быть, *во свете Твоем мы видим свет*. Итак, есть тут и *Свет во Свете*, а значит — и *Бог в Боге*. И не следует сомневаться, вытекает ли отсюда последнее, поскольку то, что и это так, подтверждается и самим существом дела, и тем, что написано.

<Однако полно, хватит уже об этом; Исайя так говорит: *труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к Тебе перейдут и будут Твоими; они последуют за*

*Тобою, в цепях придут и повергнутся пред Тобою, и будут умолять Тебя, ибо в Тебе Бог, и нет Бога кроме Тебя*⁵⁵.>

А если это так, то давайте же подведем итог: отныне ὁμοούσιον будет и по-гречески понятным, и по-латински произносимым.

Веруем в Бога Отца, Вседержителя, и в Единородного Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, Бога от Бога, Света от Света, Бога в Боге, Света во Свете, единосущного, совместно-сущного. И так далее, все, что относится к Символу и к исповеданию веры. Переведено и окончательно решено: ὁμοούσιον в полном смысле есть и “от той же самой сущности”, и “в той же самой сущности”, и “присно вместе”. Если угодно, то пусть это так на латинском и будет. Если же предпочтительно держаться одного греческого слова, которое, с большой выразительностью и большой краткостью, объемлет в себе оба смысла, то пусть оно останется закрепленным за Богом и за Господом нашим. Так пускай ὁμοούσιος чаще и чаще употребляется, пишется, диктуется, обсуждается и по всем церквам возвещается. Ибо сие есть вера никейская, сие вера апостольская, сие вера кафолическая. Отсюда одерживается победа над арианами, над всеми еретиками вообще. Мир с теми, кто так мыслит, от Бога Отца и от Господа нашего Иисуса Христа.

Аминь.

¹ В некоторых рукописях этот трактат озаглавлен: Мария Викторина, мужа славнейшего, о ΟΜΟΟΥΣΙΟΝ по-гречески и по-латински против еретиков.

² См. Ин. 1, 1-2.

³ См. Ин. 1, 14.

⁴ Здесь предикат “есть” заключает в себе идею “обладания бытием”, на чем и строится дальнейшее рассуждение автора. Эту фразу можно было бы перевести: “Не признаем ли мы, что Бог <есть> бытие (esse)?”

⁵ Разъясняя смысл этого слова, Василий Великий указывает, что ἐνοούσιον означает и “существующее”, и “обладающее субстанцией”; см. Contra Eunom. 5, PG 29, 749 b 2 sq.

⁶ Быт. 1, 26.

⁷ Ис. 1, 2.

⁸ См. Ин. 1, 1-3.1

⁹ См. прим. 4.

¹⁰ Т.е. “чистое бытие”, “бытие как таковое”.

¹¹ См. 1 Кор. 2, 8.

¹² Речь идет о Маркелле Анкирском, ум. ок. 374 г., выступавшем соратником Афанасия Александрийского в борьбе против ариан, однако обвиненном впоследствии в приверженности савеллианской ереси, и о последователе Павла Самосатского, Фотине. Ср. у Руфина: “... Павел Самосатский, а затем и его последователь Фотин, утверждал, что Христос не был прежде века рожден от Отца, но получил бытие от Марии, и почитал Его

не Богом, родившимся человеком, но человеком, сделавшимся Богом" (In symb. apostol. 39).

¹³ Марий Викторин ссылается здесь на не дошедший до нас текст Сим-вола веры, который, очевидно, был принят в латинской традиции. Cf. Hilag., De synodis 38 et 29, PL 10, 509 B et 502 B.

¹⁴ Ис. 43, 10.

¹⁵ Пс. 34, 10.

¹⁶ Ср. 1 Кор. 1, 24.

¹⁷ 1 Кор. 15, 28.

¹⁸ Ср. Ин. 1, 3.

¹⁹ Колос. 2, 8-9.

²⁰ Так Викторин передает два смысла греческого префикса *ὄμο-*, о чем подробнее он будет говорить в 10-й гл.

²¹ Иер. 23, 18 и 22.

²² Пс. 8, 15.

²³ Евр. 1, 3.

²⁴ Ср. различие между "оформленным" и "неоформленным" Логосом, последний из которых обеспечивает познание, в трактате Августина "О Троице" 15, 15, 25.

²⁵ Ср. Филип. 2, 6: "Он, будучи образом (*forma*) Божиим, не почитал хищением быть равным Богу".

²⁶ Ин. 14, 9.

²⁷ Т.е. чистое, не имеющее предикатов.

²⁸ De una substantia tres subsistentias esse. Эта формула троичности Божества впервые засвидетельствована у Викторина.

²⁹ Иер. 23, 18.

³⁰ Иер. 23, 22.

³¹ Пс. 139, 15.

³² Лук. 15, 12.

³³ См. Лук. 15, 12-13.

³⁴ Рим. 11, 33.

³⁵ Ср. 1 Кор. 1, 24.

³⁶ Ин. 14, 10.

³⁷ Ин. 6, 57; 5, 26; 16, 15.

³⁸ Слова из молитвы Господней: "Хлеб наш насущный дай нам на сей день". См. Матф. 6, 11.

³⁹ Ин. 6, 58.

⁴⁰ Колос. 2, 9.

⁴¹ Тит. 2, 14; в синодальном переводе: "Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ *особенный*, ревностный к добрым делам". Марий Викторин понимает выражение "особенный народ" буквально, как "существующий подле народ", "пребывающий при Христе", "околосушный".

⁴² "Спаси народ избранный, ревностный к добрым делам". Об использовании греческих формул в западной литургической практике см., напр., в кн.: G. Bardy, La question de langues dans l'Eglise ancienne, P., 1948, p. 162-163.

⁴³ Матф. 27, 46.

⁴⁴ 1 Кор. 16, 22.

⁴⁵ Ср. Аристотель, Категории 5, 3 б 25: "Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что могло бы быть про-

тивоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно” (пер. А.В.Кубицкого).

⁴⁶ Никейский Собор, созванный императором Константином Великим в 325 г. Различные источники по-разному определяют число участников Собора, однако в западной традиции обычно фигурирует цифра 318. Возможно, в данном случае имела место ошибка переписчика.

⁴⁷ Ин. 1, 1.

⁴⁸ Оба этих тезиса Ария были осуждены на Никейском Соборе.

⁴⁹ Ин. 14,10.

⁵⁰ Формулировка из Никейского Символа веры.

⁵¹ С точки зрения Викторина, такая формула точнее выражает идею единосущия Бога Отца и Сына. Подобным же образом расширяют формулу Никейского Символа веры и другие западные богословы той же эпохи, например — Виктриций Руанский (см. *De laude sanctorum*, PL 20, 446) и Илариус Пиктавийский (см. *De Trinitate* 5, 37, PL 10, 154 с 4).

⁵² Пс. 35, 10.

⁵³ Иер. 23, 22.

⁵⁴ Ин. 14, 9.

⁵⁵ Ис. 45, 14-15.

Амвросий Медиоланский

Один из Отцов Западной Церкви и христианский писатель Амвросий Медиоланский прожил не слишком долгую (340—397 гг.), но насыщенную событиями и весьма деятельную жизнь. Он происходил из знатного рода. Отец его был префектом Галлии, которая объединяла тогда, помимо Галлии, еще Испанию и Британию. Главная резиденция его находилась в Трире, где, по-видимому, и родился Амвросий. Отец рано умер, и семья переехала в Рим. Там Амвросий получил обычное для его времени и социального положения образование, подготавливающее его к государственной карьере. Это был неперенный тривиум: грамматика, юриспруденция и риторика. В программу образования входило чтение языческих авторов, греческих и латинских, из которых самым любимым у Амвросия был, по-видимому, Вергилий.

Свою служебную карьеру Амвросий начал с адвокатской деятельности. Знатность происхождения и его способности содействовать тому, что уже в 30 лет (в 370 г.) он становится правителем Лигурии и Эмилии, с резиденцией в городе Медиолане (Милане), а через четыре года (в 374 г.) — епископом. Приняв сан епископа, он углубляется в изучение богословской литературы и Священного Писания. Его богословские сочинения показывают, что он многим обязан Оригену, Дидиму, Слепцу и Василию Великому.

Церковная деятельность Амвросия относится к тому периоду истории Рима, когда христианство, став государственной религией, уже не только пользовалось поддержкой государственной власти, но и само начинало оказывать влияние на государственную политику, отстаивая в то же время свою автономию в государстве. Амвросий был как раз таким церковным деятелем. Отвергая притязания светской власти, он сам влиял на политику правивших в его время императоров. С ним считался даже Феодосий Великий, которого Амвросий принудил к церковному покаянию за кровавую расправу над восставшими в Фессалониках.

Внутри Церкви Амвросий вел борьбу с арианами, партия которых, несмотря на то, что Никейский собор (в 325 г.) признал учение Ария ересью, имела много сторонников.

Решающую роль сыграл Амвросий и в деле об алтаре Победы. Жертвенник с золотой статуей богини Победы, находящийся в курии сената, стал в IV в. яблоком раздора между язычниками и христианами, а отношение к нему императоров — показателем их религиозной политики. Константин Великий не трогал статуи, Констанций ее из сената удалил, Юлиан Отступник восстановил, Валентин I не трогал, а Грациан, по совету Амвросия, удалил опять. Партия язычников, которую возглавлял Симмах, дважды (в 382 и 385 гг.) обращалась к императорам Грациану и Валентиниану II с просьбой восстановить статую. Симмах отстаивал свободу вероисповедания и предлагал рассматривать статую как реликвию славного прошлого, как символ веры, связанной с судьбой Рима, Амвросий же, пункт за пунктом отвечая на прошение Симмаха, говорит об упадке Рима, который не смогли предотвратить языческие идола, критикует языческие обряды и прославляет христианство как более высокую ступень развития человеческого разума и верований. Четырнадцатилетний Валентиниан II по совету Амвросия отверг петицию язычников.

Амвросий был плодовитым писателем. Все его многочисленные произведения можно разделить на несколько категорий: 1) произведения, посвященные разъяснению церковных догм (трактаты “О вере”, “О святом духе” и т.п.); 2) произведения, содержащие толкование Священного Писания, вроде “Шестоднева” или трактата “О рае”; 3) произведения, разбирающие вопросы церковной и вообще христианской этики; основным среди этого рода произведений надо считать трактат “Об обязанностях священнослужителей”. В нем Амвросий сознательно перенимает форму трактата Цицерона “Об обязанностях”, отдает должное Цицерону и его источнику — Панэтию, но решает все нравственные вопросы по-новому, исходя из христианских верований. Он сопоставляет мораль христианскую с моралью языческой философии, стараясь доказать превосходство первой.

Красноречие Амвросия проявилось, главным образом, в трех надгробных речах: на смерть брата Сатира, на смерть Валентиниана II и на смерть Феодосия Великого. Эти три речи представляют собой самые ранние образцы речей этого типа в христианской литературе.

Любопытны многочисленные письма Амвросия; некоторые из них имеют исторический интерес (например, письмо к Феодосию о кровопролитии в Фессалониках или два письма об алтаре Победы). Амвросий, кроме того, автор нескольких церковных гимнов. Язык его, по мнению знатоков, содержит уже значительные отклонения от классического.

Вечерняя песнь

Господь, создатель сущего,
Зиждитель звезд, сменяющий
Полудня светлость ясную
Полночной тихой дремою,

Дабы тела усталые
Вернуть к трудам окрепшими,
Унять ума терзание,
Унять печаль дрожащую!

За день сей, ныне гаснущий,
За ночь, в наш мир грядущую,
Пылая благодарностью,
Поем мы песнь уставную.

Тебе молитва теплая,
Тебе напевы звучные,
К Тебе любовь безгрешная
И ум стремится бодрственный,

Дабы, когда глубокая
Поглотит мгла сияние,
Не гасла вера бодрая,
И ночь сияла верою.

Не дай забыться совести,
Грех учит нас забвению;
Для чистых верой строгою
Дремота растворяется.

Совлекшись блудных помыслов,
Тобой да грезит сердца глубь,
И враг лукавый кознями
Не возмутит спокойствия.

Отцу и Сыну молимся,
Христову Духу Отчему —
Единство всевладычному:
Помилуй верных, Троица!

Песнь о мучениках

Дары Христовы вечные,
Святых страдальцев подвиги
Хвалой величим должною
В победном ликовании.

Церквей вожди высокие,
Полков святых начальники,
Небесной рати воины,
Благие мира светочи!

Вы плоти страх осилили,
Превозмогли терзания
И, смертью освященные,
Вошли в сиянье вечное.

Огню тела подставлены,
Зубам зверей неистовых,
Лихой руке палаческой,
Крюкам, клещам и лезвиям.

Висят утробы голые,
Кровь льется доброчестная,
Но пребывает мученик
Недвижным в стойкой доблести.

Святых любовью преданной,
Непобедимой верою,
Надеждой неизменною
Князь мира побеждается!

В страдальцах слава Отчая
И Духа изволение,
В них Сына ликование,
В них рая радость вечная.

Тебе, Спаситель, молимся:
Да с мучеников воинством
Рабов, к Тебе взывающих,
Вовеки упокоишь Ты.

Песнь на третий час

Час третий, время дивное:
Христос на крест подымлется.
Наш ум вне мыслей суетных
Да прилежит к молениям!

Кто принял в сердце Господа,
Стал чист и ясен в помыслах,
Молитвенным усердием
Стяжав дары духовные.

Вот час, в который древняя
Избытка скверна мерзости,
И жало смерти вырвано,
И вины мира отняты.

Письмо об алтаре Победы

Письмо XVIII¹

Епископ Амвросий благочестивейшему принцепсу и всемилостивейшему императору Валентиниану Августу².

1. Когда славнейший Симмах, префект города, обратился к твоей милости с просьбой вернуть на прежнее место алтарь, удаленный из курии сената города Рима, ты, император, ветеран веры, несмотря на свою молодость и неопытность, не одобрил просьбы язычников. Как только я узнал об этом, я послал тебе письмо³, в котором, хотя и высказал все, что мне казалось необходимым, однако, просил дать мне экземпляр реляции Симмаха.

2. Поэтому, не подвергая сомнению твою веру, но проявляя предусмотрительность и уверенный в доброжелательном внимании, я отвечаю в этом документе на доводы реляции, обращаясь к тебе с единственной просьбой не искать здесь изящества выражений, а принимать во внимание лишь силу фактов. Ибо, как учит Священное Писание, язык мудрых и ученых людей — золото; он сверкает красивыми, звонкими фразами, как бы отражая его драгоценный блеск, пленяя глаза видимостью красоты и ослепляя их этим внешним сиянием. Но золото это на поверку оказывается ценностью только снаружи, внутри же оно — про-

стой металл. Прошу тебя, взвесь и исследуй высказывания язычников; они говорят весомо и возвышенно, но защищают то, что далеко от истины. Они говорят о Боге, а поклоняются идолам.

3. Итак, славнейший префект города в своей реляции выдвинул три положения, которые он считает неоспоримыми: он говорит, что Рим требует исполнения своих старых обрядов, что весталкам и жрецам нужно платить жалованье и что отказ платить жрецам повлечет за собой всеобщий голод.

4. Рим, как говорит Симмах в первой части своей реляции, истекает слезами, жалобно моля восстановить старые обряды. По его словам, языческие святыни отогнали Ганнибала от стен города и не допустили галлов в Капитолий. В действительности же, пока проявилась сила святынь, слабость предала их. Ганнибал долго оскорблял римские святыни и, хотя боги боролись с ним, дошел завоевателем до самых стен города. Почему боги допускали, чтобы Рим подвергнулся осаде? За кого они сражались?

5. В самом деле, что мне сказать о галлах, которым римские реликвии не помешали бы проникнуть в святая святых Капитолия, если бы их не выдал испуганный крик гусей⁴? Какие великолепные защитники у римских храмов! А где тогда был Юпитер? Или это его голос слышался в гуслином крике?

6. Но зачем мне отрицать, что их святыни сражались за римлян? Ведь и Ганнибал поклонялся тем же самым богам! Стало быть, боги могут выбрать, кого хотят. И если святыни победили у римлян, то, следовательно, у карфагян они были побеждены, и если они торжествовали победу у карфагян, то, значит, они не принесли удачи римлянам.

7. Итак, эта отвратительная жалоба римского народа исчерпана. Рим не поручал язычникам ее произносить. Напротив, он обращается к ним с совсем иными словами. Для чего, — говорит он, — вы ежедневно обагряете меня кровью, принося в жертву целые стада невинных животных? Не в гаданиях по внутренностям, а в доблести воинов залог вашей победы. Иным искусством я покорил мир. Моим солдатом был Камилл⁵, который оттеснил победителей — галлов с Тарпейской скалы и сорвал их знамена, уже вознесенные над Капитолием: тех, кого не одолели языческие боги, победила воинская доблесть. А что мне сказать об Аттилии⁶, самая смерть которого была исполнением воинского долга? Африканец⁷ добыл свой триумф не среди алтарей Капитолия, а в боевом строю, сражаясь с Ганнибалом. Зачем вы так настаиваете на религиозных обрядах наших предков? Я ненавижу веру, которую исповедовал Нерон. А что я могу сказать об императорах на два месяца⁸ и о конце их правления, столь близком к началу? И разве для варваров это ново — выйти за пределы своих границ? Ведь не христианами были те двое⁹, с которыми

произошел беспрецедентно несчастный случай, когда один из них, попавший в плен император, и другой, получивший власть над миром, заявили, что обряды, обещавшие победу, оказались ложными. Разве тогда не было алтаря Победы? Я сожалею о своих заблуждениях: на моей седой голове красный отблеск позорного кровопролития. Но я, старик, не стыжусь переродиться вместе со всем миром. Учиться истине никогда не поздно. Пусть стыдится тот, кто не в состоянии исправиться на старости лет. В преклонном возрасте похвалы достойна не седина, а характер. Не стыдно меняться к лучшему.

В одном только я был подобен варварам — что до сих пор не знал Бога. Ваше жертвоприношение есть обряд окропления кровью животных. Почему вы ищете глас Божий в мертвых животных? Придите и присоединитесь к небесному воинству на земле. Здесь мы живем, а там будем сражаться. Тайнам небесным пусть учит меня сам Бог, который меня создал, а не человек, не сумевший познать самого себя. Чьим словам о Боге я могу верить больше, чем Самому Богу? И как я могу поверить вам, которые признаются сами, что не знают, кому поклоняются?

8. К познанию великой тайны, утверждает Симмах, можно прийти не одним путем. Я же говорю: всему, что вы знаете, научил нас Сам Бог. То, что вы силитесь разгадать, нам открыла Сама воплотившаяся Божественная Премудрость. Ваши пути отличаются от наших. Вы просите у императора мира для своих богов, мы же испрашиваем у Христа мира для самих императоров. Вы поклоняетесь деянию рук своих, мы же считаем оскорблением видеть Бога в том, что может быть сделано человеческими руками. Бог не хочет, чтобы его почитали в камне. В конце концов, даже ваши философы смеялись над этим.

9. Поэтому, если вы отрицаете, что Христос есть Бог, поскольку вы не верите в Его смерть (ведь вам неизвестно, что умерла лишь плоть, а не божество, и что теперь уже никто из верующих не умрет совсем), то кто может быть неразумней вас, чье почитание содержит оскорбление, а оскорбление — почитание? О, это почитание, полное оскорбления! Вы не верите, что Христос мог умереть. О, это полное почитания упрямство!

10. Нужно вернуть, говорит Симмах, идолам — алтари, а храмам — их древние украшения. Пусть они требуют этого, но лишь от тех, кто разделяет их суеверия: христианский император привык почитать алтарь одного Христа. Затем они принуждают благочестивые руки и верные уста пособничать им в их святотатстве? Пусть голос нашего императора произносит имя одного Христа и говорит только о Нем, Которого он чувствует, ибо "сердце царя в руке Господа"¹⁰. Разве какой-нибудь языческий император воздвигал алтарь Христу? И, пока язычники требуют восстановить то, что было, их пример напоминает нам, с каким

уважением христианские императоры должны относиться к религии, которой они следуют; ведь некогда языческие императоры все приносили в жертву своим суевериям.

11. Мы начали свое дело давно, а они уже давно хватаются за то, чего нет. Мы гордимся пролитой кровью, их волнуют расходы. Никогда язычники не принесли нам большей пользы, чем в то время, когда по их приказу мучили, изгоняли и убивали христиан. Религия сделала наградой то, что неверие считало наказанием. Какое величие души! Мы выросли благодаря потерям, благодаря нужде, благодаря жертвам, они же не верят, что их обычаи сохранятся без денежной помощи...

¹ Письмо 18 представляет собой ответ Амвросия на реляцию Симмаха об алтаре Победы. Публикуемый отрывок содержит ответ на тот пункт реляции, в котором Симмах просит вернуть на прежнее место статую богини Победы как реликвию славного прошлого и залог военных побед Рима.

² Валентиниан Август — Валентиниан II Младший.

³ Речь идет о письме 17, в котором Амвросий просит Валентиниана показать ему петицию язычников.

⁴ Согласно преданию, во время захвата Рима галлами в 390 г. до н.э. уцелел лишь Капитолий, защитники которого во время внезапного нападения галлов были разбужены криком священников гусей Юноны.

⁵ Марк Фурий Камилл — диктатор 390 г. до н.э., легендарный полководец, герой войн, которые вел Рим в кон. 5 — нач. 4 в. до н.э. против галлов и итальянских племен за завоевание Италии.

⁶ Марк Атилиус Регул — консул 267 и 256 гг. до н.э., герой первой Пунической войны (264–241 гг. до н.э.). Попад в плен к карфагенянам, он, по преданию, предпочел мученическую смерть предательству.

⁷ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший — герой второй Пунической войны (218–201 гг. до н.э.), победитель Ганнибала.

⁸ Это риторическое преувеличение может относиться либо к императорам Гальбе, Отону и Вителлию, каждый из которых правил по несколько месяцев в период политического кризиса 68–69 гг. и погиб в междоусобной борьбе, либо к императорам Пертинаксу и Дидию Юлиану, правившим в 193 г. не более двух месяцев каждый. Тот и другой погибли насильственной смертью.

⁹ Этими императорами были, по-видимому, Валериан (253–260 гг. правления) и его сын Галлиен (253–268 гг. правления), которого Валериан сделал соправителем. Валериан попал в плен к персам, где и умер. Галлиен, сделавшись единовластным правителем империи, не смог справиться ни с внутренними, ни с внешними проблемами и пал жертвой заговора.

¹⁰ Притч. 21, 1.

Утешение на смерть Валентиниана II¹

[Вступление]

1. Хотя писать о том, о чем скорбишь, значит лишь увеличить скорбь, мы часто, однако, находим утешение в воспоминаниях о человеке, чью потерю мы оплакиваем. Так как, пока мы пишем, устремляя к нему свой ум и заостряя на нем свое внимание, он кажется нам ожившим в нашей речи. Написать о последних днях Валентиниана Младшего было долгом сердца, чтобы не показалось по нашему молчанию, что мы либо предали забвению нашего возлюбленного сына и благодетеля и не почтили его память, либо что мы намеренно избегаем повода для скорби, тем более, что самая скорбь часто служит утешением для скорбящего. И когда я говорю о нем или обращаюсь к нему, я говорю как бы о присутствующем здесь или как бы для присутствующего здесь.

2. Итак, что мне оплакивать прежде всего? На что мне прежде всего горько сетовать? Дни, к которым были обращены наши желанья, обернулись для нас слезами, так как Валентиниан вернулся к нам, но не таким, каким мы его ждали. Однако даже своей смертью он пожелал исполнить обещание, хотя и до предела горьким стало его присутствие здесь, которое было таким желанным. О, пусть бы его не было с нами, лишь бы он был еще жив! Но он не стерпел, когда услышал, что итальянским Альпам угрожает враг — варвар, и предпочел подвергнуть себя опасности, оставив Галлию, чем быть вдали от нас во время нашей беды². Мы сознаем свою великую вину перед императором, потому что он хотел прийти на помощь Римской империи и это стало причиной его смерти, причиной, достойной славы. Воздадим же нашему господину дань слезами, потому что он заплатил нам дань своей жизнью.

3. Однако взывать к слезам нет необходимости. Плачут все: плачут те, которые не знали его; плачут те, которые боялись его; плачут те, которые не хотят плакать; плачут даже варвары и даже те люди, которые, казалось, были его врагами. Сколько рыданий исторгнул он у народов на всем пути из Галлии сюда! В самом деле, все оплакивают его по-родственному, как будто это умер не император, а их общий родитель; все скорбят о его смерти, как о своей собственной. Ибо мы потеряли императора, скорбь по которому усугубляют две вещи: молодость его лет и зрелость его ума. Потому я и плачу; как сказал пророк, “око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель, который оживил бы душу мою”³. Затуманились глаза не только телесные, но и

духовные, и каждое чувство притупила некая слепота; ведь меня лишили того, кто преобразил мою душу, вырвав ее из глубин отчаяния и обратив в высокой надежде.

4. “Послушайте, все народы, и взгляните на болезнь мою: девы мои и юноши мои пошли в плен!”⁴ Но когда стало известно, что они из областей, подвластных Валентиниану, то они вернулись свободными. Враг-варвар вел войну с юношей-императором и, забыв о своей победе, помнил об уважении к нему. Он по своему собственному побуждению освободил тех, кого взял в плен, сказав в свое оправдание, что он не знал, что они из Италии. Мы готовы были отгородить Альпы стеной, но достоинство Валентиниана не позволило ему положиться ни на эту ограду, ни на речные потоки, ни на глубокие снега, и он, перейдя через потоки и Альпы, защитил нас стеной своей императорской власти. Поэтому я бы привел здесь начало “Плача” пророка о том, как одиноко сидит Италия, некогда полная радостей⁵: “Горько плачет она ночью, и слезы ее на ланитах ее! Нет у нее утешителя из всех, любивших ее; все друзья ее изменили ей, сделали врагами ей”⁶.

5. И как об Иерусалиме сказано: “плачет”, — наш Иерусалим, то есть Церковь, тоже “плачет ночью”, потому что опочил тот, кто служил ее славе своей верой и благочестием. По справедливости она “горько плачет” и “слезы ее на ланитах ее”. Обильный плач обычно виден по увлажненному лицу, когда щеки орошены слезами; но так как в Писании сказано: “Щеки его — цветник ароматный, гряды благовонных растений; губы его — лилии, источают текучую мирру”⁷, — то имеется в виду таинственная благодать плачущей Церкви, которая изливает благодотворные ароматы печали на могилу Валентиниана, прославляя его добродетельную жизнь. Ему не могла повредить смерть, потому что аромат всеобщих похвал развеял зловоние тления.

6. Итак, Церковь оплакивает своего возлюбленного сына и “слезы ее на ланитах ее”⁸. Но послушай, какие ланиты: “Ударившему тебя по щеке подставь и другую”⁹, — ибо она так терпелива к страданиям, что тот, кто их причиняет, раскаявается. По одной щеке ты получила удар, Церковь, когда потеряла Грациана; ты подставила и другую, когда тебя лишили Валентиниана. По справедливости, слезы у тебя не на одной, а на обеих щеках, так как ты благочестиво оплакиваешь обоих. Итак, ты плачешь, Церковь, и ланиты твои утопают в слезах, как бы в неких потоках благочестия. Каковы же у Церкви эти ланиты, о которых в другом месте говорит Писание: “Как половинки гранатового яблока — ланиты твои”¹⁰. Ланиты эти сияют скромностью и красотой, что означает либо цветущую юность, либо совершенную зрелость. Поэтому в смерти верных императоров есть

некий упрек Церкви: столь безвременная смерть благочестивых правителей омрачает ее красоту.

[Характеристика Валентиниана II]

13. В самом деле, великий подвиг — либо вообще воздержаться от пороков юности, либо оставить их у самого порога юности и обратиться к серьезным вещам; ибо запутаны и полны соблазнов дороги юности. И, наконец, Соломон говорит: “Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице”¹¹. Давид же говорит: “Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай”¹². Потому что юноша впадает в грех не только из-за свойственной молодости неустойчивости характера, но и из-за незнания небесных предначертаний; однако тот, кто грешит по неведению, быстро получает прощение. Поэтому пророк и говорит: “Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай”¹³. Он не говорит: “Грехов старости моей и мудрости моей не вспоминай”, — но как пророк, который быстро исправил грехи своей юности, сославшись на возраст и незнание, так и Валентиниан говорил о грехе подобное пророку: “Грехи юности и неведения моего не вспоминай”. Он не только говорил, но и исправлял свои ошибки прежде, чем узнавал, что впал в грех. Поэтому он говорит: “Исправления ошибок юности моей не вспоминай”. Ошибаются многие, но не многие исправляются.

15. Что мне сказать о других его поступках, если он считал, что следует воздерживаться даже от детских игр, что нужно сдерживать свойственное молодому возрасту своеволие, что должно смягчать строгость общественного наказания и быть снисходительным к старикам, когда их обвиняют в каком-либо преступлении. Вначале говорили, что ему нравятся зрелища в цирке; но он отступился от них настолько, что считал необязательным устраивать их даже в дни рождения вельмож, хотя бы это и делалось в честь императора. Некоторые говорили, что он увлекается охотой и тем самым отвлекает свой ум от общественных дел; но на это он незамедлительно приказал перебить всех своих зверей.

16. Он умел слушать дела в совете так, что, если старики сомневались или кто-то руководился предвзятым мнением, он духом Даниила, будучи юношей, выносил справедливое и достойное старика решение. Завистники болтали, что он любит рано обедать; тогда он стал так часто постигаться, что, даже устраивая торжественные пиры для своих сподвижников, сам не ел, в угоду святой вере и приличествующей правителю обходительности.

17. До него дошла речь о том, что знатные римские юноши пропадают от любви, пленившись красотой какой-то актрисы; он приказал привести ее ко двору. Посланный был подкуплен и вернулся, не исполнив поручения; тогда он послал другого, чтобы не оказалось, что он хочет исправить пороки юношей, но не может этого сделать. Кое-кому из завистников он дал этим повод для клеветы. Однако эту женщину он никогда прежде не видел ни на сцене, ни наедине. После этого он приказал возвратить ее — и для того, чтобы все узнали, что его поручение не было напрасным, и для того, чтобы дать юношам поучительный пример того, как воздержаться от любви к женщине, от которой он сам отказался, хотя она была в полной его власти. И он сделал это, когда у него еще не было жены; однако он проявил целомудрие, словно связанный узами брака. Кто настолько властен над своим телом? Кто может быть таким судьей других, каким был он в своем молодом возрасте?

18. Что мне сказать о его благочестии? Когда ему донесли, что некоторые богатые и благородного происхождения люди уличены в злоумышлении на его престол, он попросил, чтобы не устраивали никакого кровопролития, особенно в святые дни. И через несколько дней, прочтя записку доносчика и усмотрев в ней клевету, приказал до выяснения не лишать обвиненного свободы. Ни до, ни после этого при молодом императоре никто не боялся быть оклеветанным в таком преступлении. Он смеялся, когда ему говорили, что сильные боятся императоров.

19. Рим отправил к нему послов, требуя восстановления прав храмов, привилегий языческих жрецов, культа своих святых, опираясь при этом — что самое главное — на поддержку сената¹⁴. И когда все христиане, находящиеся в собрании, наравне с язычниками, высказались за то, чтобы вернуть привилегии, Валентиниан один, возбудив в себе Дух Божий, обличал христиан в вероломстве, а возражая язычникам, сказал: “Как же я могу вернуть вам то, что отнял у вас мой благочестивый брат? Ведь в этом случае будет оскорблена и религия, и брат, а я не хочу отставать от него в благочестии”.

20. И когда ему привели в пример отца, говоря, что при нем никто ничего не отбирал, он ответил: “Вы хвалите моего отца за то, что он не отбирал, но ведь и я не отбирал. А разве отец что-нибудь возвращал, чтобы вы могли требовать того же от меня? Наконец, даже если бы отец и вернул, то брат отнял, а в этом случае я предпочитаю следовать примеру брата. И разве только отец мой был императором, а брат им не был? Равное тому и другому полагается почтение, как равны и благодеяния, оказанные тем и другим государству. Поэтому я буду следовать и тому, и другому: не отдам того, что отец мой не мог отдать, так как никто у него этого не требовал, и сохраню то, что уста-

новлено братом. Пусть Рим требует от меня чего-нибудь другого: я должен родителю любовь, но виновнику спасения я должен больше — послушание”.

21. Что мне сказать о любви к Валентиниану жителей провинций, или о том, как он сам их любил, или о том, как он не позволял налагать на них никаких новых податей и налогов? Прошлых долгов, говорил он, не могут они отдать, так смогут ли они выдерживать новые? За это же самое провинции хвалят Юлиана, но тот поступал так в зрелом возрасте, а этот — в ранней юности; тот, многое получив, все растратил, а этот, не получив ничего, изобиловал всем.

22. Находясь по ту сторону Альп, он услышал, что варвары приблизились к границам Италии; тревожась, как бы неприятель не напал на государство, он поспешил приехать, оставив спокойную жизнь в Галлии и желая принять на себя нашу беду.

23. Это у меня с другими общее. Относящееся же ко мне лично состоит в том, что он часто вспоминал обо мне, когда я отсутствовал, и предпочитал принимать священные таинства только от меня. А когда до Виенны дошел слух о том, что я еду туда с целью пригласить его в Италию, как он радовался, поздравляя себя с тем, что я поступаю по его желаниям! Задержка с моим приездом показалась ему слишком долгой. О, если бы никакой вестник не предвещал о его прибытии!

24. Я уже обещал ехать префекту и другим должностным лицам, полагая, что хотя я по скромности и не хотел бы вмешиваться в посторонние дела, однако не могу не думать о спокойствии Италии и не помочь ей в трудных обстоятельствах. Это было уже решено, как вдруг на следующий день пришло письмо о подготовке квартир, прибыли царские украшения и другие вещи, свидетельствующие о находящемся в пути императоре. По этой причине мое посольство было отменено теми же, кто его требовал.

25. Я винил себя в том, что ты надеялся на мое присутствие, а я не оправдал твоей надежды. О, если бы я испытывал вину перед тобой живым! Я сказал бы тогда в свое оправдание, что ничего не слышал о твоих бедах, что не получил никаких твоих писем, что не смог бы встретить тебя на своих лошадях, даже если бы выступил в путь. Итак, пока я, не беспокоясь о прощении, медлю с отъездом, я получаю письмо, где читаю о твоём приезде. Письмо содержит предписание выехать навстречу немедленно, так как ты хотел иметь меня своим заступником перед твоим придворным¹⁵. Разве я колебался? Разве я медлил? Я спешил тем сильнее, что причиной моего путешествия был не собор галльских епископов, от которого из-за постоянных разногласий с ними я часто отказывался, хотя и считал, что он пригодится для твоего крещения.

26. В самый момент отъезда я мог видеть признаки свершившегося, но из-за спешки ничего не заметил. Я уже преодолевал Альпийские горы, когда получил горькую для меня и для всех весть об ужасной смерти императора. Я возвратился назад, омыв свой путь слезами. По всеобщему желанию я выехал, под всеобщий плач вернулся, ибо все думали, что они лишились не императора, а своего спасения. Сам же я терзался невыразимой печалью, потому что великий император был моим вождем заложенным и перед смертью страстно желал меня видеть. Узнал я, каким волнением горел он в те два дня, когда, будучи еще жив, послал ко мне письмо. Вечером послан был гонец, а на третий день поутру он спрашивал, не вернулся ли гонец и не приехал ли я: он думал, что мой приезд будет для него спасением.

27. О, прекрасный юноша! Если бы я еще смог застать тебя в живых! О, если бы какая-нибудь заминка сохранила тебя до моего приезда! Я совсем не рассчитываю на свою добродетель, разум или жизненный опыт, но с какой заботой и каким рвением я попытался бы восстановить согласие и дружелюбие между тобой и твоим придворным. За твою верность я поручился бы сам, принял бы под свое попечение тех, которых он опасался, а, если бы он не склонился к согласию, я бы, конечно, остался с тобой. Надеюсь я, что ты меня послушаешь, если окажется, что другие не будут слушать меня, защищающего твою сторону.

28. Многое я мог бы иметь, теперь же ничего не имею, кроме плача и слез. С каждым днем все усиливается моя скорбь по тебе, умножаются рыдания. Все свидетельствует о том, как сильно ты любил меня, и все называют мое отсутствие причиной твоей смерти. Но я не Илия и не пророк, и не могу познавать будущее; но есть глас вопиющего в слезах, которыми я могу оплакивать прошлое. Что я могу сделать лучше, чем отплатить тебе слезами за такую твою любовь ко мне? Я принял тебя маленького, когда ехал послом к твоему врагу; мне вверили тебя материнские руки Юстины¹⁶; и я снова ездил твоим послом в Галлию, и мне была приятна эта обязанность и радовала возможность сделать что-то, во-первых, для твоего благополучия, во-вторых, для мира и благочестия. Ты благочестиво требовал останки моего брата и, хотя сам не был еще в безопасности, но уже заботился о том, чтобы воздать брату погребальные почести.

29. Но возвратимся к пророческому плачу ...

[Заключение]

79. "Как пали сильные"¹⁷? Как пали оба "при реках Вавилона"¹⁸? Течение их жизни было стремительнее вод самого Родана. О, прекрасные и любезные мне Грациан и Валентиниан, как тесны были границы вашей жизни! Грациан, говорю я, и Вален-

тиниан, мне приятно сближать ваши имена и находить успокоение в их упоминании. О, прекрасные и любезные всем Грациан и Валентиниан! “Согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей”¹⁹. Могила не разделила вас, соединенных любовью. Смерть не может разъединить тех, кто связан воедино благочестием. И различие добродетелей не разделило вас, вскормленных одной верой, вас, которые были простодушней, чем голуби, быстрее, чем орлы, кротки, как агнцы, и невинны, как тельцы. Стрела Грациана не возвращалась назад и правда Валентиниана не была тщетной, и не был напрасен его авторитет. Как пали сильные без битвы!

80. Скорблю о тебе, любимейший сын мой Грациан, ты дал нам много доказательств своего благочестия. Ты устремлялся ко мне среди своих бед, ты звал меня в крайних обстоятельствах, сожалел больше всего о моей печали по поводу твоих дел. Скорблю и о тебе, сын мой Валентиниан, “ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня”²⁰ как любовь залога. Ты думал, что мое присутствие поможет тебе избежать опасности; ты не только любил меня, как отца, но полагался на меня, как на своего избавителя. Ты говорил: “Увижу ли я отца своего?” Благими были чаяния твои по отношению ко мне, но, увы, — безуспешны. Тщетно уповать на человека! Но ты в лице священника искал Господа. Горе мне, что я не знал твоей воли раньше! Горе мне, что ты не послал за мной тайно раньше! Горе мне, потерявшему такие залогов. “Как пали сильные, погибло оружие бранное”²¹!

81. Господи! Так как никто не имеет столько, чтобы другому он смог дать больше, чем желает самому себе, не разлучай меня после смерти с теми, которые были дороги мне в этой жизни. Господи, “хочу, чтобы там, где я, и они были со мною”²², чтобы хотя бы там наслаждаться вечным их союзом, так как здесь я не мог более общаться с ними. Молю тебя, великий Боже, любимых юношей возбуди скорым воскресением и вознагради их тем самым за недолгую жизнь! Аминь.

¹ Валентиниан II, сын Валентиниана I и императрицы Юстины, был провозглашен императором-соправителем своего старшего брата Грациана в 375 г. в четырехлетнем возрасте. В 384 г. Грациан был убит узурпатором Максимом. Юстина с юным Валентинианом бежала на восток, к Феодосию Великому, который помог восстановить Валентиниана на престоле. В 392 г. Валентиниан II погиб от руки своего военачальника, галла Арбогаста. Речь Амвросия была произнесена на сороковой день после смерти Валентиниана.

² Имеется в виду вторжение галлов в Паннонию и Иллирию в начале 392 г. Далее в гл. 24 Амвросий сообщает, что префект города и другие должностные лица Милана убеждали его поехать в Виенну к находившемуся там императору с просьбой приехать и защитить Италию. Однако Ва-

лентиниан II, не дождавшись посольства Амвросия, сам выехал в Италию, используя события как предлог, чтобы ускользнуть от Арбогаста.

³ Плач 1, 16.

⁴ Плач 1, 18.

⁵ Плач 1, 1.

⁶ Плач 1, 2.

⁷ Песн. 5, 13.

⁸ Плач 1, 2.

⁹ Лук. 6, 29.

¹⁰ Песн. 6, 7.

¹¹ Притч. 30, 18—19.

¹² Пс. 24, 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Речь идет о посольстве язычников к Валентиниану II с требованием восстановить в курии сената статую Победы, удаленную оттуда Грацианом в 382 г. Требования язычников поддерживало большинство сенаторов, как язычников, так и христиан.

¹⁵ Имеется в виду Арбогаст, убийца Валентиниана II.

¹⁶ После того как Грациан был убит, Юстина попросила Амвросия взять под защиту малолетнего Валентиниана II и заступиться за него перед Максимумом.

¹⁷ 2 Цар. 1, 19.

¹⁸ Пс. 136, 1.

¹⁹ 2 Цар. 1, 23.

²⁰ 2 Цар. 1, 26.

²¹ 2 Цар. 1, 27.

²² Ин. 17, 24.

О девственницах

Книга 2

I. (1). В предыдущей книге мы хотели (разве что не сумели) показать, в чем состоит служение девства, дабы самая красота сего небесного служения увлекла собою читающих. В следующей книге девице полагалось бы получить наставление и, быть может, усовершениться советами достойных учителей. (2). Но поскольку и в поучениях мы не сильны, и к увещаниям не пригодны (ибо надобно, чтоб поучающий возвышался над поучаемым), то, дабы не оказалось, что мы поступились своею обязанностью, а вместе с тем и не показалось, что мы покусились на что-то чрезмерное, порешили мы деву наставлять не столько советами, сколько примерами. Может статься, примеры даже скорее ее подвигнут, ибо и оценить то, что было уже содеяно, легче, и пользы от того, что было уже испытано, больше, да и благочестию более отвечает

то, что, как бы через наследственный опыт отеческой добродетели, было воспринято нами по праву преемства.

(3). Так что, если кто хочет упрекнуть нас в самонадеянности, пусть лучше упрекнет нас в пристрастности, поскольку не счел я возможным ответить отказом на просьбы дев. Ибо лучше мне самому навлечь на себя укоризны, нежели не исполнить пожелание тех, к чьим домогательствам даже Бог наш снисходит с кротким благоволением. (4). Впрочем, в этом случае и самонадеянность наша не заслуживает порицания, ибо, если бы имели они, откуда почерпнуть поучение, то они искали бы там не столько моих наставлений, сколько любви; да и пристрастность моя извинительна, ибо, когда бы у них был пример мученика, который их побудил бы последовать наставлению, то и тут, полагаю, не оказалось бы лишним, если бы ласкательность наших речей была воспринята ими как поощрение к самому этому призванию. В поучениях больше преуспевает тот, кто со всяческою суровостию обуздывает пороки, ну а мы, к поучениям не способные, станем их завлекать ласкою.

(5). А поскольку многие отсутствующие здесь ожидали пользы от нашей беседы, то я и задумал составить сию книжицу, дабы они, удалившись к себе, сохранили бы этот залог моих слов и не ощущали бы утраты того, с кем разлучились. Но исполним наше намерение.

II. (6). Итак, пусть предстанет пред вами, как писанный образ девства, житие Марии, в котором, будто в зеркале, сияет зрак чистоты и лик добродетели. Из него вы можете черпать образцы и для вашего жития, ибо здесь наставления в добронравии, как бы запечатленные в первообразе, указуют вам, что надлежит исправлять, чего избегать и чего держаться.

(7). Именитость наставника есть первейший залог ученического рвения. Но кто именитее Матери Божией? Кто превосходит величием Ту, Которую избрало Само Величие? Кто превосходит чистотою Ту, Которая плоть породила безо всякого общения плотского? Нужно ли говорить и о прочих Ее добродетелях? Девственным было не только тело Ее, но также и ум, никакому примесью лукавства не осквернявший невинность Ее нрава. Сердцем кроткая, в речах строгая, рассудительная умом, в беседе скромная, прилежная в чтении, возлагающая Свое упование не на богатство неверное, но на молитву нищего, усердная в трудах, сторонящаяся пересудов и имеющая обычай поверять Свои помыслы не людским, а Божиим судом, ни единой душе не чинить обиды, но желать добра всякому, уступать старшим, не держать зла на сверстников, избегать похвальбы, подчиняться велениям разума, почитать добродетель.

Разве Она когда-либо огорчила родителей хотя бы взглядом? Вступила в пререкания с ближними? Разве когда-нибудь превознеслась над ничтожным, насмеялась над убогим, отвернулась от неимущего Та, чьим правилом было появляться лишь в обществе тех мужей, которых Она не стыдилась из сострадания и не чуждалась из смирения? Ничего злобного во взоре, ничего дерзкого в разговоре, ничего бесстыдного в поведении; никакой разнузданности в повадке, никакой распущенности в походке, никакой развязности в речи, так что весь Ее облик телесный был верным подобием духа Ее, отображением благонравия. Подлинно, добрый дом должен быть виден от входа и от порога являть входящему, что внутри него нет никакой тьмы, чтобы наш ум, никакими преградами не стесняемый, посылал свет наружу, подобно светильнику, находящемуся внутри.

(8) Надобно ли описывать, далее, скудость Ее трапез или обилие обязанностей Ее, если первые едва утоляли потребности естества, а последние превышали возможности естества, если труды Ее ни на малое время не прекращались, а в посте дни Ее меж собою не различались? Когда же хотела Она подкрепить свои силы, то вкушала пищу самую простую, такую, чтобы смерть отвращала, а не удовольствие доставляла¹. Сон для Нее был не столько усладою, сколько необходимостью, но и тогда, когда тело Ее погружалось в дремоту, бодрствовал дух, который нередко в мечтаниях сонных или прочитанное припоминает, или прерванное сном продолжает, или уже решенное завершает, или же то, что еще предстоит совершить, возвещает.

(9). Из дому выходить Она избегала, если только не отправлялась в молитвенное собрание, да и то лишь с родителями или близкими. Но и хлопочущая в домашнем Своем затворе, и окруженная уличною толпою, Она Сама бывала Себе наилучшим сторожем, когда, внушая почтение и поступью, и поведением, каждым шагом словно бы возносила добродетель на новую высоту.

И все же, пусть другие будут для девы стражами тела ее, а нравы свои пусть она сама соблюдает. Много будет таких, от кого она сможет получить наставление, но сама себя поучает та, наставницами которой становятся добродетели, ибо, что бы она ни делала, все оказывается ей наукою. И Мария так внимательно слушала всех, что, казалось, от многих Она научается, и так исправно служила Она добродетели, что не столько Сама поучалась, сколько поучала других.

(10). Такою изобразил Ее евангелист, такою обрел Ее ангел, такою избрал Ее Дух Святой. Так что же я буду говорить отдельно о том, как родители не чаяли в Ней души, а чужие превозносили Ее похвалами, коли Она удостоилась родить Сына Божиего? Самый приход ангела застиг Ее в дальних покоях

дома, где Она пребывала одна, без подруг, чтобы никто не нарушил Ее молитвенной сосредоточенности, никто не развлек Ее шумом. Да и не нуждалась в подругах Та, товарищами Которой были благие помыслы. Всего менее ощущала Она одиночество, когда оставалась одна, ибо разве была одинокою Та, Которую столько книг окружало и о Которой пеклось столько ангелов и столько пророков?

(11). В конце концов, и Гавриил застал Ее именно там, где привык Ее видеть, однако Мария его убоялась, смущенная тем, что явился он в облике мужа; услышав же имя Свое, приняла его, словно знакомого. И то, как отшатнулась от мужа Та, Которая не отшатнулась от ангела, позволяет признать в ней и благочестивость слуха, и скромность взора. Иными словами, приветствию вняв, Она промолчала, а окликнутая по имени — отвечала, то есть, поначалу придя в смятение, выказала затем покорность.

(12). В самом деле, на то, сколь почтительно бывала Она в отношении ближних, указывает Божественное Писание. Ибо Она преисполнилась еще большего смирения тогда, когда узнала, что избрана Богом, и без промедления отправилась к родственнице Своей в страну нагорную. И не потому, что хотела наглядного подтверждения Та, Которая еще прежде уверовала в пророчество; ибо сказано было: *блаженна Уверовавшая*². Оставалась же вместе с нею Мария три месяца, и все это время не уверения искала Она, но выказывала почтение. И все это уже после того, как, взыграв во чреве родительницы своей, восславил Матерь Господа младенец, приобщившийся к благоговению прежде, чем к бытию.

(13). Даже потом, после стольких знамений, когда неплодная родила и Дева зачала, когда немой от немоты разрешился и волхв поклонился, когда завершилось Симеоново ожидание и когда возблаговествовали светила, Мария, смутившаяся гостя, но не смутившаяся чуда, все сие сохраняла, как сказано, *в сердце своем*³. Она, Матерь Божия, возжелала научиться заповеданиям Божиим! Она, Бога рождшая, восхотела Бога познать!

(14). Ну, а то, что Она всякий год ходила в Иерусалим на празднество Пасхи, и ходила вместе с Иосифом? Ибо всякой добродетели девы повсюду сопутствует целомудрие, от девства неотлучимое, без него же и самого девства нет. И потому даже во храм не ходила Мария без стражника стыда Своего.

(15). Вот образ девства! Ибо Мария такую была для того, чтобы житие Ее одной служило для всех поучением. Итак, если сие угодно Творцу, то восхвалим сей подвиг, дабы каждая дева, желая Ее награды, подражала Ее примеру. О, сколько всяческих добродетелей сияет в единой Деве! Она есть прибежище стыд-

ливости, хоругвь веры, оплот набожности: дева в дому Своем, сподвижница в служении, мать во храме.

(16). Скольким девам вышла Она навстречу, сколько их заключила в Свои объятия и увлекла ко Господу со словами: “Се возлюбленная Сына Моего, она своим стыдом незапятнанным охранила покои брачные”. И несомненно, что подобным же образом и Сам Господь возвестит о них Своему Отцу, снова и снова повторяя эти Свои слова: “Святой Отче, вот те, которых Я сберег для Тебя, те, среди которых, главу преклонив, опочил Сын Человеческий. Молю, чтобы там, где Я пребываю, пребыли бы и они вместе со Мною. Но не только ради себя должны стяжать сие те, которые жили не ради себя: эта пусть искупит родителей, а та — братьев. Праведный Отче, мир Меня не познал⁴, сии же Меня poznали, а мира не хотели познать”.

(17). Какое торжество, какое ликование ангелов, рукоплещущих тому, что небесной обители удостоивается прожившая в нынешнем веке небесную жизнь! Тогда и Мария, вскинув тимпан, поведет за Собою хоры дев, поющих ко Господу, ибо преплыли они море мира сего, избегнувши бурь мирских. Тогда возвеселится всякая из них, говоря: “*И подойду я к жертвеннику Бога моего, к Богу, Который обрадовал младость мою*”. Приношу в жертву Богу хвалу и воздаю Всевышнему обеты мои”⁶.

(18). Ибо для меня несомненно, что дозволено будет вам приступить к жертвеннику, так как собственные ваши умы я дерзнул бы назвать жертвенниками, на которых Христос каждодневно приносится в жертву во искупление плоти. Ведь коль скоро тело девы есть Божий храм, то что есть ее дух, который, после того, как десницею Вечного Первосвященника отмечен будет пепел телесных удов, вспыхивает пламенем божественного огня? Блаженны вы, девы, одушевленные бессмертною благодатию, подобно как вертоград — цветами, храм — богослужением, а жертвенник — жертву творящим!

III. (19). Пусть же святая Мария вам будет наставницею в науке жития. А жертвенности пусть научит вас Фекла⁷, — та, которая, убегая союза брачного, осуждена была на погибель разгневанным женихом, но и самое естество диких зверей изменила, вынудив их поклониться девству. Ибо когда ее отдали на растерзание хищникам, то она, сторонившаяся даже взоров мужских, не сама предавшая живот свой на пожранье свирепому льву, учинила так, что люди, обратившие на нее очи бесстыдные, со стыдом их от нее отвели.

(20). Надобно было видеть, как простерся во прахе зверь и лизал ноги ее, безгласно свидетельствуя, что невозможно ему растерзать святое тело девы. Так дикий зверь поклонился своей добыче, позабыв свое естество и усвоив взамен наше, людьми

утраченное. Если бы ты только видела, как люди, словно бы обменявшись природою с ним и облекши себя в его дикость, поощряли свирепость его, между тем как дикий зверь, лобзая деве стопы, учил тому, что подобало бы делать людям.

Ибо девство внушает столь великое изумление, что и львы ему изумились. Их, алчущих, пища не соблазнила, их, наущаемых, ярость не охватила, их, подстрекаемых, злоба не обуяла, их, послушных обычаю своему, привычка не увлекла, в них, диких, естество не возобладало. Они учили нас благочестию, когда страстотерпице поклонялись, они учили даже и целомудрию, когда лобызали они одни лишь стопы девичьих ног, потупивши взоры свои, словно бы опасаясь, как бы муж какой или зверь не узрел деву нагою.

(21). Кто-нибудь скажет, пожалуй: "Для чего ты в примерставляешь Марию, будто можно сыскать ту, которая бы сравнялась с Матерью Божьей? Или даже Феклу, которую наставлял Учитель язычников?" Дай и нам такого учителя, если хочешь обрести ученицу!" Однако теперь я приведу вам такой пример, который убедит вас, что Апостол был учителем не для одной, но для всех.

IV. (22). Не так давно жила в Антиохии некая дева⁹, избегавшая появляться на людях. Но чем более сторонилась она взоров мужских, тем более их распаляла. Ибо красота, о которой люди наслышаны, но которой не видели, бывает особенно притягательна, так как она возбуждает две страсти: вожделение и любопытство. То, о чем помышляют мало, не ставится ни во что, а то, что завладевает помыслами, представляется сильно преувеличенным, поскольку тут не взор испытующий выносит свое суждение, а домогается вожделеющий дух.

И вот, благочестивая дева, не желая, чтобы страсть их и дальше питалась надеждою на обладание, дала обет нерушимого целомудрия и этим так остудила пыл нечестивцев, что ее уже не столько любили, сколько хулили. (23). Тут как раз случились гонения. Девица, не ведая, как ей бежать, и весьма опасаясь встретиться с теми, кто мог покуситься на стыдливость ее, приготовила дух свой на доблестное деяние, будучи столь благочестива, что смерти не трепетала, и столь целомудренна, что ее ожидала.

Настал день венца. Все преисполнены ожидания. Приводят юницу, выступившую двоякой поборницею сразу и благочестия, и чистоты. Но когда они увидали верность ее обету и страх пред бесчестьем — увидали ее, готовую быть распятою, но краснеющую под взглядами, то принялись измышлять, как бы им, воспользовавшись ее целомудрием, лишить ее благочестия, чтобы, отняв сперва то, что в ней преобладало, позднее похитить и

остальное. И присудили, чтобы дева либо принесла жертву богам, либо была помещена в лупанарий.

(24). Как же чтут богов своих те, кто выносит такой приговор? И как они сами живут, коли так судят? И вот, девица, не потому, что в благочестии пошатнулась, а потому, что бесчестия ужаснулась, сказала себе самой:

“Что же делать? Быть мне нынче либо мученицею, либо девственницею, ибо зависть отказывает мне в обоих венцах разом. Но ведь звание девы не имеет силы тогда, когда отрекаются от Сотворившего девство. Только как же остаться девою, если содержательнице угождаешь, если наложников ублажаешь, если вожделение разжигаешь? Правда, мне по силам содержать девственным ум, если не плоть! Хорошо, коль возможно и то, и другое. Ну, а коли нельзя, то тогда пусть пребуду чиста не пред людьми, а пред Богом. Была и Раав блудницею, однако после того, как в Бога уверовала, спасение обрела¹⁰. Иудифь украшала себя, чтобы полюбиться наложнику¹¹, но она это делала не для плотской любви, а для благочестия, а потому никто не обвинил ее в распутстве. Вот пример, весьма подходящий! Коли та, пожившись на благочестие, сберегла и стыд, и отчизну, то, быть может, и я, благочестие соблюдая, соблюду также и чистоту. А когда б Иудифь порешила стыдливость предпочесть благочестию, то с погибелью родины была бы погублена и стыдливость ее”.

(25). И она, укрепившись сими примерами и памятуя слово Господа, рекшего: *Погубивший душу свою ради Меня сбережет ее*¹², — заплакала и умолкла, опасаясь, как бы речей ее ненароком насильник не услышал. Ведь она не бесчестие для себя предпочла, а бесчестие от Христа отвела. Судите же сами, могла ли осквернить свое тело прелюбодеянием та, которая не осквернила им даже звука своих речей?

(26). Уже давно мою повесть удерживает смущение, словно боязно ей подступиться к чреде преступных деяний и во всеулышание поведать о них. Замкните же слух, Божии девы: деву Божию отводят в блудилище! А теперь, девы Божии, отомкните свой слух: может дева предана быть на поругание, но не может себя опорочить прелюбодеянием. Ибо коль скоро она дева Божия, то она Божий храм. И не блудилище чистоту оскверняет, но чистота даже и из подобных мест изгоняет их скверну.

(27). И вот, толпа распутников стекается к вертепу. Позабудьте же, девы святые, про именованья мест и узнайте о чудных делах мучеников. Горлица — взаперти, а снаружи клекочут коршуны, споря между собою, кому из них первому добычею завладеть. А та, воздевши руки к небесам, словно пришла она не в притон разврата, а в дом молитвы, говорит:

“Христе, Ты покорил деве диких зверей, возможно Тебе укротить и дикость людских страстей. Пал рососою на халдеев огонь¹³, и пред иудеями расступилась волна¹⁴ не по свойству природы своей, но по Твоему милосердию. Преклонила колена для казни Сусанна и над распутниками одержала победу¹⁵. Отсохла десница, что разорила дары, принесенные в храм Твой¹⁶; а днесь покушаются на самый Твой храм. Поругания святыни Ты не потерпишь, коли святотатства не потерпел! Пусть будет и ныне благословенно имя Твое, дабы я, вошед во блудилище, его покинула девою!”

(28). И едва успела она сотворить молитву сию, как врывается к ней грозный муж, с виду — воин. В какой же ужас поверг деву тот, пред которым с трепетом расступилась толпа! Но она, памятуя предание, молвила: “Вот так и Даниил пришел увидеть казнь Сусанны, и один оправдал ту, которую народ осудил. Может, и в этом муже под волчьей личиною кроется агнец? Ведь и у Христа есть свои воины и свои легионы. Ну, а может статься и то, что ко мне убийца вошел; не оробей же, душе моя, ибо так делаются мучениками”.

О, дева! *Вера твоя спасла тебя!*¹⁷

(29). Воин ей говорит:

“Прошу, сестра, не пугайся. Брат твой явился сюда не затем, чтобы душу сгубить, а затем, чтобы душу спасти! Выручи меня, чтоб выручить себя! Вступивший сюда под видом распутника, я, если будет на то твое изволение, мучеником уйду. Обменяемся же одеждами: мне подойдут твои, тебе же — мои, но и те и другие Христу подойдут. Платье твое меня сделает подлинным воином, мое же тебя — девою. Ты будешь добре укрыта, а мне лучше разоблачиться, чтобы гонитель меня признал. Прими одеяние, которое женщину утаит, и отдай взамен то, которое на мученичество посвятит. Накинь плащ, он укроет девичьи члены, стыд оградит. Надвинь шапку, она покроет власа, лицо заслонит, — ведь посетителям лупанария свойственно краснеть от смущения. А как выйдешь наружу, не оглядываясь назад, вспомни жену Лотову, которая естества своего, может быть, потому и лишилась, что очами невинными взглянула она на бесстыдных¹⁸.

И не опасайся, что сим жертва убудет. Я за тебя приношу Богу жертву, а ты за меня даешь Христу воина, приняв на себя благой ратный труд чистоты, в котором ратуют о вечных наградах, и вооружившись *броней праведности*, ограждающей тело духовным доспехом, *щитом веры*, чтобы удары им отражать, и *шлемом спасения*¹⁹. Ибо оплот спасения нашего там, где Христос: ведь как муж голова жене, так Христос голова деве”.

(30). С этими словами он сбросил плащ. Однако ей все еще подозрителен был его облик насильника и распутника; и вот, дева жизнь свою предлагала, а воин — свою накидку. Какое это

было торжество и какое благолепие, когда они во блудилище состязались о мученичестве! Надобно было, чтобы встретились двое, дева и воин, то есть существа по природе несхожие, но по милосердию Божию друг на друга похожие, дабы исполнено было пророчество: *тогда волки и агнцы будут пастись вместе*²⁰. Се, волк и агница не только пасутся вместе, но вместе и на закание себя предают!

Что дальше? Переменив одежду, юница из силка вылетает, поддерживаемая уже не своими крылами (ибо ее уносили крылья духовные), и — хоть такого еще век сей не видывал! — из лупанария дева выходит, но дева Христова.

(31). А те, чьи очи глядели, да проглядели, все требовали добычи, рыкая, точно хищные волки на агницу. Один, распалившийся сверх всякой меры, вступил внутрь. Но когда его взору открылась подмена, он воскликнул:

“Что такое? Вошла девица, а налицо — муж! Вот же, хотя и не оное баснословное *лань вместо девы*²¹, но, уж доподлинно, воин из девы. А ведь я слышал, да не верил, что Христос обратил воду в вино; теперь Он и пол взялся переменять. Унесу-ка я ноги отсюда, покуда еще остаюсь тем, кем был! Или и меня подменили, раз я вижу то, во что сам не верю? Я пришел в лупанарий, теперь зрю подмену, а выйду отсюда уже иным: я, вступивший сюда распутником, скромником отступлю!”

(32). Когда же все объяснилось, то вместо девы на казнь осудили того, кто застигнут был вместо нее, ибо именно этот венец ожидал победителя. Так из блудилища вышла не только дева, но вышли и мученики.

Рассказывают, что девица поспешила к месту казни, и оба они стали спорить, кому из них быть казненну. Ибо он говорил: “Я осужден на погибель, тебя же приговор пощадил, так как я был захвачен вместо тебя”. А она возражала, говоря:

“Я не заложником за себя тебя оставляла, но заступником стыда моего избрала. Коли они на стыд посягают, то вот поручитель; коли крови взыскуют, то не надобно мне поручительства, ибо имею, чем уплатить. На мне лежит сей приговор, который был вынесен за меня.

Ведь когда бы я выставила тебя поручителем о ссуде, и в мое отсутствие судия присудил бы займодавцу твое имя, то решение это переложил бы ты на меня, ибо за твое поручительство я отвечала бы своим достоянием. А буде я отказалась бы, то кто бы не счел меня заслуживающей заслуженной смерти? Кольми же паче, если закладывается голова? Пусть я умру невинною, лишь бы не умереть виновною! Тут середины нет: нынче буду либо виновницею крови твоей, либо свидетельницею крови своей. Если я в срок воротилась, то кто посмеет меня прогнать? А если промешкала, то кто посмеет меня оправдать? Много горше пре-

грешаю я пред законами, будучи повинна не только в бегстве своем, но еще и в казни чужой.

Пригодно для смерти тело, для бесчестия бывшее непригодным. Найдется у девы место для раны, какого не было для позора. Я не мученичество тебе уступила, а поругание от себя отвратила. Одежду переменяла, а не обет. И если теперь ты у меня смерть отнимаешь, то, значит, не избавителем был ты, а обольстителем.

Смотри же, прошу, не стань мне соперником, смотри, как бы не услышали, что ты со мной споришь. Оказавши благодеяние, не пытайся его отнять: отрицая, что надо мной тяготеет сей приговор, ты тем самым опять на меня навлекаешь тот, прежний. Ведь приговор в этом случае заменяется на более ранний. Если второму приговору не подлежу, то тогда подлежу первому. Но могут над нами обоими свершить один приговор, еслипустишь ты мне быть раньше убитою. Для тебя у них нет иной казни, кроме той, что они назначили, у девы же под угрозой стыд. И потому больше было бы чести тебе, когда бы ты из блудницы мученицу сотворил, а не из мученицы блудницу”.

(33). И что же вы думаете? Двое вели спор, и оба одержали победу; но венец не поделен был надвое, а удвоен. Так старались о благе друг друга святые мученики, и одна положила мученичеству почин, а другой его завершил.

V. (34). Правда, и в школах философов до небес превозносят пифагорейцев Дамона и Финтия²², один из которых, будучи приговорен к смерти, испросил отсрочки, чтобы распорядиться своими делами, а хитрый тиран²³, не надеясь, что сможет его воротить, потребовал, чтобы он выставил за себя поручителя, дабы тот был убит вместо него, если сам он замедлит вернуться.

Не знаю, который из двух больше заслуживает славы. Оба достойны всяческого прославления. Один сыскал поручителя, готового за него на смерть, другой — себя предложил. И вот, когда осужденный опоздал к своей казни, поручитель его с безмятежнейшим видом согласился принять смерть. Когда же его повели, друг возвратился и принес свою голову, выю свою под меч преклонил. Тогда тиран, дивясь тому, что философы ценят дружбу дороже жизни, попросил тех, кого прежде он осудил, принять и его в друзья. Как же велика привлекательность добродетели, если она заставила склониться даже тирана!

(35). Достоин сие похвалы, но наши достойны большей! Ведь там оба мужи, а тут одна из двух — дева. Те — друзья, а эти не знали друг друга. Против тех был один тиран, против этих же — многие, и даже более жестокосердные, ибо тот пощадил, а этих казнили. Один из тех двух неизбежности покорился, эти же оба изъявили добрую волю. А еще потому они

были более мудрыми, что у тех целью их устремлений была красота дружбы, а у этих — мученический венец; те пред людьми подвизались, а эти — пред Богом.

(36). И уж коли зашла у нас речь об оном царе, то стоит упомянуть и о том, какого держался он мнения о своих собственных богах, дабы в большей мере мы могли оценить бессилие тех, над которыми даже свои насмеваются. Ибо он, придя в капище Юпитера, распорядился совлечь златой покров, в который облачено было изваяние бога, и заменить его шерстяным, говоря, что в стужу в золоте зябко, а в зной тяжко. Так насмеялся он над богом своим, полагая, как видно, что тот ни тяжести вынести не способен, ни холода.

А в другой раз, увидев златую бороду Эскулапа, повелел лишить его оной, объявив, что негоже сыну носить бороду, коли отец его Аполлон до сих пор бородою не обзавелся.

А еще он похитил златые сосуды, принадлежащие изваяниям, утверждая, что ему причитается то, что даруют боги, поскольку, по его словам, “это все приношения от людей, которые делаются, чтобы истребовать нам у богов всякие блага; но ведь нет ничего лучше злата, хотя, даже если оно есть зло, то богам не пристало им обладать, а если оно есть благо, то тем более им должны владеть люди, знающие как им распорядиться”²⁴.

(37). Так были выставлены они на посмешище, и ни Юпитер не смог защитить своих риз, ни Эскулапий браны, [ни Аполлон не почал волосом обрастать], ни все прочие, именуемые богами, не смогли возвратить себе чаши, принадлежавшие им, и, уж верно, не потому, что побоялись они обвинить похитителя в воровстве, а потому, что и вовсе смыслом не обладали. Кто же станет оказывать поклонение тем, которые не способны ни постоять за себя, как пристало богам, ни, подобно людям, поправляться?

(38). А когда Иеровоам, нечестивейший царь, из храма нашего Бога похитил дары, отцом его принесенные, и на жертвеннике священном принялся творить жертву идолам, то отсохла десница, простертая им, и кумиры, к которым взывал он, не подали помощи. После же он обратился ко Господу и прощения испросил. И тотчас рука его, из-за святотатства отсохшая, была, благочестия ради, исцелена. И тем более убедителен был явленный здесь пример сразу и гнева Божия, и Его милосердия, что у кощунствовавшего тотчас рука отнялась, а покаявшемуся тотчас даровано было прощение.

VI. (39). Такое вот подношенье приготовил для вас, девы благочестивые, я, не достигший еще в священстве трехлетнего возраста и, быть может, опытом не богатый, но наученный вашими собственными обычаями. Ибо много ли мог возрасти этот

опыт в столь краткие сроки от начала моего служения Богу²⁵? Так что если вы здесь и видите какие-нибудь цветы, то почитайте, что все они собраны в юдоли вашего жития, и сие есть не поучение девам, но примеры, усвоенные от дев. Наше слово лишь запечатлело изображение вашей собственной добродетели, и в зеркале наших речей зрите вы отражение вашего собственного величия. Если здесь присутствует какая-то красота, то это вы вдохнули ее сюда; вам принадлежит все, чем благоухает книга сия.

Но ведь сколько людей, столько и мнений, и потому, если в речах наших что-то хорошо отстоялось, то пусть это все прочтут, а если зелие получилось достаточно терпким, то пусть вкусят его более зрелые, и если что-то в них дышит скромностию, то пусть тронет сердца и разрумянит ланиты, а если что-то вышло цветистым и пышным, то пусть не отвергнут сего девы цветущего возраста.

(40). Надлежало нам пробудить в невесте любовь, ибо написано: *возлюби Господа Бога твоего*²⁶. Надлежало нам в брачном пиру убрать нашу речь изящными завитками, ибо написано: *всплесни руками и топни ногою*²⁷. Надлежало нам ложе вечного брака усыпать розами. Ведь даже и в сих, мирских брачных союзах невесту сперва встречают приветами, а уж после ею повелевают, дабы строгостию повелений не оттолкнуть ее раньше, нежели окрепнет любовь, согретая нежностью. (41). Громкими хлопками жеребят приучают к шелканью по шее вожжей, чтобы они не отказывались от упряжи, и вообще укрощать их начинают не строгою плетью, а ласковым словом. Лишь когда конь покорится узде, тогда и повод натягивают, и стрекалом погоняют, тогда его и пристяжные тянут, и коренной увлекает.

Вот так и нашей деве сперва было должно натешиться благочестивой любовью, надивиться, в преддверии брачных покоев, на золотые подножия небесного ложа, наглядеться на столпы, увенчанные сплетеньями зелени, натешиться звуками хора, доносящимися изнутри, дабы она, оробевши, не ускользнула от Господней узды прежде, нежели сама покорится ей в ответ на Его зов.

(42). Итак, *иди сюда с Ливана, невеста, иди сюда с Ливана: пройдеши и преодолееши*²⁸. Ибо часто приходится нам напевать этот стих, чтобы на сей призыв, заключенный в словах Господа, откликнулась та, которая не доверяет, быть может, словам человеческим. А поучение это мы не сами измыслили, но получили свыше, ибо так наставляла нас наука небесная таинственной Песни: *Да лобзает он меня лобзанием уст своих, ибо ласки твои добрее вина и благовоние маслей твоих добрее всякого благоухания, имя твое — как растертая помасть*²⁹.

Все это место, проникнутое нежною страстию, утечи любовные воспевает, к ласкам призывает, любовь пробуждает. *Поэтому, — говорит, — юницы любили тебя и увлекали тебя. Поспешим к мастей твоих благоволию. Ввел меня царь в шатер свой*³⁰. (43). Начал с лобзаний, чтобы в шатер ввести. А та, столь терпеливая в испытаниях тяжких и столь навичная в добродетели, что отворяет рукою запоры, выходит в поля, остается во крепостях, все же поначалу спешит вослед благоуханию мастей. Лишь позже, когда она уже вступила в шатер, масти сменяются крепостями. И посмотри, чем сие завершается: *если бы, — говорит он, — она была стеною, мы построили бы на ней башни из серебра*³¹. Та, которая тешилась лобзаниями, уже воздвигает башни, дабы ей, словно башне, вознесшейся драгоценными стрехами святынь, не только натиск врагов отражать, но и соделаться непреступным оплотом благих заслуг.

¹ Ср. Августин, De doctr. chr. 4, 21, 48.

² Лук. 1, 45.

³ Лук. 2, 19.

⁴ Ср. Ин. 1, 10.

⁵ Пс. 42, 4.

⁶ Ср. Пс. 49, 14.

⁷ Фекла — иконийская дева, обращенная в христианство проповедью апостола Павла, героиня апокрифических “Деяний Павла и Феклы” и многочисленных средневековых легенд. По преданию, она отвергла любовные домогательства антиохийского правителя Александра Сириарха, за что и была отдана на растерзание диким зверям.

⁸ Т.е. апостол Павел.

⁹ Скорее всего, Амвросий имеет в виду св. мученицу Феодору, пострадавшую при гонении императора Диоклетиана в 304 г. Однако сходные мотивы присутствуют и в житиях других раннехристианских мучениц — напр., св. Агаты и св. Агнесы.

¹⁰ Раав — иерихонская блудница, спрятавшая у себя двух лазутчиков Иисуса Навина, а впоследствии принявшая иудейскую веру. См. Ис. Нав. 2, 1-21; 6, 16 и 21-24.

¹¹ Иудифь (Юдифь) — главная героиня библейской книги Иудифи, благочестивая вдова, сумевшая возбудить любовь к себе в ассирийском полководце Олоферне, а затем обезглавившая его и таким образом спасшая свой родной город от нашествия ассирийцев.

¹² Матф. 10, 39.

¹³ Речь идет о трех иудейских отроках, взятых в начале вавилонского плена ко двору Навуходоносора (отсюда — “халдеи”). За отказ поклониться идолу они были брошены в раскаленную печь, однако остались невредимы благодаря заступничеству Господа. См. Дан. 1-3.

¹⁴ Имеется в виду переход евреев, преследуемых войском фараона, через Красное (Чермное) море. См. Исх. 14.

¹⁵ История Сусанны рассказывается в кн. Даниила 13.

¹⁶ Очевидно, речь идет о нечестивом царе Иеровоаме, см. 3 Цар. 13.

¹⁷ Лук. 8, 48.

¹⁸ См. Быт. 19, 26.

¹⁹ Ефес. 6, 14, 16.

²⁰ Ис. 65, 25, по Септуагинте.

²¹ “Лань вместо девы” (*seiva pro virgine*) — выражение, вошедшее в поговорку; ср., напр., у Либания, *Epist.* 695 et 1533: ἑλαφος ἀντὶ παρθένου. Под девой подразумевается дочь царя Агамемнона, Ифигения, которую греки готовились принести в жертву и которую Артемида посредством подмены спасла от неминуемой гибели. См. Овидий, *Метаморфозы* 12, 34: “деву Микен, говорят, заменила подставленной ланью” (пер. С.Шервинского).

²² Дамон и Финтий, пифагорейцы из Сиракуз, прославившиеся своей дружбой. Рассказ о них, вслед за Аристоксеном (который относит время их жизни к эпохе правления сиракузского тирана Дионисия Младшего, 367—344 гг. до н.э.), воспроизводят Ямвлих, *V. Pyth.* 233, и Порфирий, *V. Pyth.* 59-60. Однако Цицерон, на которого, несомненно, и опирался Амвросий, ошибочно относит эту историю к эпохе Дионисия Старшего (см. *De offic.* 3, 45; *Tusc.* 5, 63; *De fin.* 2, 79).

²³ Сиракузский тиран Дионисий I (Старший), правивший в 405—367 гг. до н.э.

²⁴ В рассказе о святотатствах Дионисия Старшего Амвросий следует за Цицероном, *De nat. deor.* 3, 83.

²⁵ Трактат написан в 377 г.

²⁶ Матф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лук. 10, 27; ср. Второзак. 6, 5.

²⁷ Ср. Иезек. 6, 11.

²⁸ Ср. Песн. 4, 8.

²⁹ Ср. Песн. 1, 2-3.

³⁰ Ср. там же, 3-4.

³¹ Ср. там же, 8-9.

Шестоднев

Книга 3

О творении третьего дня

1. Нынче в нашей беседе занимается третий день, наступивший теперь в Писании. День преславный, избавивший землю от потопления по речению Божию: *Да соберется вода, которая под небом, во едино собрание!*. Отсюда и подобает нам предварить свое толкование. Сказано было воде, чтоб собралась, и та собралась; но как часто бывает, что говорится народу, чтобы собрался, он же не собирается! И немалая в этом для нас укоризна, если несмысленные стихии послушны велению Бога, а люди, наделенные смыслом от Самого Создателя, не внимают

оному. Не иначе как этот стыд и побудил вас к тому, чтобы в большем числе сошлись вы сегодня вместе, дабы не оказалось, что в тот самый день, когда воды собрались во едино собрание, не собрался народ в церковь² Господню.

Есть у нас не один только этот пример послушания, оказываемого водою. Ведь и в другом месте было написано: *Видели Тебя, Боже, воды, видели Тебя воды, и убоялись*³. То, что сказано здесь о водах, заслуживает всяческого доверия, ибо и еще в одном месте тот же Пророк говорит: *Море увидело, и побежало; Иордан обратился вспять*⁴. Ибо кто же не знает, что это действительно произошло и что море бежало, чтобы дать путь евреям? Когда расступились волны, народ перешел его посуху, будучи уверен, что море вняло, и воды его ушли. В это уверовал даже Египет, и следом туда вступил, однако встречу ему обратилась волна, прежде бежавшая⁵. А значит, умела вода и собраться, и убояться, и прочь убежать, когда Бог ей сие повелит. Станем и мы подражать сей воде и сумеем собраться во едино Господне собрание, во Единую Церковь.

Некогда была собрана здесь вода от всякого дола, от всякого озера и болота. Дол же есть ересь, дол есть язычество⁶, ибо Бог наш есть Бог гор, а не долин⁷. Лишь в Церкви царит ликование, а в ереси и язычестве — плач и стенание. Оттого и сказано: *Проходя долиною плача*⁸. От всякого, стало быть, дола был собран народ кафолический⁹, и нет уже множественных собраний, но есть едино собрание, единая Церковь. Так и тут, сказано было: *Да соберется вода от всякого дола*, — и стала община духовная, стал единый народ: от еретиков и от всяких языков наполнилась Церковь.

Дол — это поприще, дол — это ристалище, по которому мчится ненадежный для спасения конь¹⁰: там — напрасный, презренный спор, непотребство постыдных распрей. А значит, от этих людей, у которых в обычае было подвизаться на оном ристалище, взрастила себя церковная вера, от этих людей умножается ежедневный церковный собор.

А болото есть пристрастие к роскоши, неумеренность, невоздержность. Там грязь, в которой валяются свиньи похоти, там рыканье диких зверей, там логовища страстей. Всяк, кто туда забредет, увязает и уж не может выбраться. Там оскальзываются ноги, там зыбки шаги одинокого путника. Там лысухи, чистая перья свои, мараются грязью; там в вышине разносятся горестные стенания горлиц, и в трясину болотную медленно погружается черепаха. Иначе говоря, вепрь ищет болота, как лань ищет источников вод¹¹. И стало быть, от всякого болота, где люди, словно лягушки, о старой квакали ссоре¹², была собрана вера, собрана чистота духа и простота ума.

Были собраны воды ото всякого озера и ото всякого рва, чтобы брату своему никто не рыл яму, в которую сам же и ввергнется¹³, но чтобы все любили друг друга, подавали друг другу подмогу и держались все вместе, словно уды единого тела. И чтобы радость им доставляли не увлекающие в погибель музыки и пение лицедеев, расслабляющие умы для любовных страстей, но согласное пение Церкви, сей сливающийся в славословии Богу народный глас, а также — благочестивая жизнь. И чтобы наслаждение получали они не от зрелища пурпурных покровов и многоцветных завес¹⁴, но от созерцания сего, столь прекрасного, устройства мира: этих пар стихий, расположенных друг против друга¹⁵, и неба, распростертого, точно свод¹⁶, дабы укрывало оно обитателей мира сего, и земли, данной нам для возделывания ее, и вольно разливающегося воздуха, и запертых в своих пределах морей, и, наконец, сего народа, сего органа, действующего божественною силою, в звуках которого слышатся отголоски созвучий божественного гласа и который приводит в действие Божиим Духом, и самого этого Храма, святилища Троицы и обители святости, сей Церкви святой, в которой зримы отображения небесных завес, о каковых было сказано: *Расширь место шатров твоих и завес твоих, воздвигни их, не робей, отпусти длиннее верви твои и столбы твои укрепи; распространись отсюда направо и налево, и семья твоя по наследству завладеет народами, и ты заселишь опустевшие города*¹⁷. Есть, стало быть, у Него завесы, воздымая которые Он возвышает благую жизнь, прегрешение прикрывает и затмевает вину¹⁸.

Сие есть Церковь, которая основана была на морях и утверждена на потоках речных¹⁹. Ибо на вас она зиждится и утверждается, вы же от мира стекаетесь в оную чистой струей, подобные рекам, о которых сказано было: *Возвысили реки, Господи, возвысили реки глас свой от гласа вод многих. И прибавлено: Дивны вздымающиеся морские валы, дивен Господь в вышних*²⁰. Добрые реки, ибо питались вы из того полноводного и неиссякаемого Источника, к Которому притекаете, Сей же предрек вам: *Кто верует в Меня, у того, как в Писании сказано, из чрева потекут реки воды живой*. Сие же Он говорил о Духе, Которого принимать начинали те, кому предстояло в Него уверовать²¹.

2. *Да соберется,— говорит Он,— вода, которая под небом, во едино собрание, и да явится суша. И стало так*²². Может статься, кто-то почел не вполне убедительным приведенное нами ранее рассуждение, в котором речь шла о том, что невидимую земля была для того, что скрывалась она под водою, ее застилающей, и потому ее невозможно было видеть очами телесными (ибо Пророк применялся к себе, то есть к нашему состоянию²³,

не прилагая сего к величию природы Божественной, для которой, конечно, нет ничего невидимого). Но поскольку мы предприняли труд сего толкования не для того, чтобы снискать одобрение нашему собственному красноречию, а для вашего назидания, то, чтобы склонить вас на нашу сторону, мы обращаемся ко свидетельству согласных с таким пониманием слов Писания, каковые со всею очевидностью доказывают, что — после собрания вод, бывших поверх земли, и отведения их в моря — явилась суша. Так что пусть они перестанут докучать нам своими диалектическими возражениями и твердить: “Как возможно земле быть невидимую, если всякое тело от природы имеет и вид, и цвет, а всякий цвет доступен зрению?” Глас Божий взывает: *Да соберется вода и да явится суша!* И вслед за этим в Писании вновь говорится: *Собралась вода во едино собрание, и явилась суша*²⁴. Что за нужда была сие повторять, если бы Пророк не судил, что надобно отвести эти вопросы? Разве не очевидно, что он говорит: “Невидимую я назвал ее не оттого, что таково ее естество, а оттого, что она была затоплена водами”. А в заключение он прибавил, что, когда сей покров был совлечен, явилась суша, которая прежде видна не была.

Кроме того, измышляют они еще и другие вопросы, говоря: “Если вода находилась в различных местах, то возможно ли, чтобы она, раз ее скопища были и на возвышенностях, не стекала в то место, куда была она отведена после того, как Бог повелел? Ведь водное естество само по себе стекает в места более низменные. Ну, а если те скопища были в низинах, то как же вода, вопреки своему естеству, поднялась на возвышенности? Значит, либо естественное течение вод не имело нужды в повелении, либо же не могли они переместиться по повелению, противному их естеству”.

На этот вопрос я отвечу без затруднения, если только прежде они мне сами ответят: было ли и до Господнего повеления водное естество таким, чтобы проливаться и чтобы стекать вниз? Ведь оно обладает сим свойством не потому, чтобы им обладали и другие стихии, но особливо и исключительно, и не вследствие некоторого порядка вещей, но, скорее, по воле и действием Всевышнего Бога. Что бы Бог им ни повелел, они повинуются. Однако повеление Божие оказывается содетельным началом и для самого естества. И повеление это исполнено было через осуществление дела сего. Вода, которая прежде распространялась по всей земле и удерживалась во многих вместилищах, стала течь и сбегаться в единое скопище. А о том, что она и раньше текла, я не читал, показаний, что она и раньше бежала, я не имею, и того я не видел собственными глазами, не слышал собственными ушами. Стояла вода в разных местах, а по велению Божию сдвинулась. Уже ли не ясно, что естество таковое ей сотворил Божий

глас? Тварь послушалась повеления и закон его сделала для себя обычаем. Ибо закон, первоначально установленный приказанием, сей порядок сохранил и на будущее. Лишь единожды Бог создал день и ночь, однако с тех пор продолжает происходить беспрестанная их перемена и беспрестанное возобновление. Точно так же приказано было воде стекаться в некое скопище, с тех пор она и течет. Ручьи вливаются в реки, речные потоки впадают в заливы, озера сообщаются с морем; вода сама себя обгоняет, сама подгоняет и сама догоняет: единый поток, единое вещество. И хотя глубина ее может быть разною, однако поверхность ее всегда одинаково ровная. Оттого, полагаю, море и именуется *гладью*²⁵, что поверхность его гладка.

Я ответил на второе их возражение. Пусть теперь и они мне ответят: неужели они никогда не видали, как из недр бьют ключи, как вода поднимается из-под каменистой земли? Кто понуждает ее? Откуда она исторгается? Отчего не иссякает? Как получается, что из глубоких скважин в земле извергается влага? Все это происходит благодаря особенным свойствам ее сокровенного естества. Впрочем, кто же не знает, что вода, стремительными потоками падающая вниз, прежде должна подняться на изрядную высоту и взобраться вверх к обрыву горы? Или что уровень вод, отведенных во рвы рукою строителя, вновь поднимается настолько, насколько он опустился? Итак, если собственная сила увлекает ее вверх или если ее направляет искусство строителя и, вопреки ее естеству, понуждает подняться выше, то неужели вы станете удивляться тому, что, действием Божиего повеления, свойством ее естества становится то, что ей ранее свойственно не было?

Может статься, теперь они скажут: “Но каким же образом Он собрал, будто в кожаный мех, воды морские, как о том говорится в Писании²⁶?” А как источил Он воду из камня? Неужели Тот, Кто из камня мог извести воду, каковой в оном не было, не мог извести воду, каковая уже была? *Ударил Он в камень,— восклицает Давид,— и потекли воды, и разлились ручьи*²⁷. Или в другом месте: *На горах воды стояли*²⁸. В Евангелии же можно прочесть, что, когда случилась большая буря, и сделалось великое волнение на море, и апостолы, убоявшись, что лодке их угрожает крушение, разбудили спавшего на корме Господа Иисуса, Он же, восстав, воспретил ветру и морю, то успокоилась непогода и воцарилась тишь²⁹. И Тот, Кто мог, приказав, успокоить целое море, не мог, приказав, привести в движение воды? Да и о потопе мы слышали, что разверзлись источники бездны и что потом Бог навел ветер и высушил воду³⁰. И если они не согласны с тем, что естество подчинилось и что свойства стихии по приказанию Божию переменились, то пусть хотя бы признают, что воды могли побежать, когда наслан был

ветер, ибо это мы всякий день наблюдаем на море: откуда ветер подул, оттуда и катятся волны. Коли во времена Моисеевы сильный ветер, посланный с юга, высушил море, то разве подобным же образом не могло быть осушено скопище вод и не могла излиться в море та влага, которая позже была от бездны отсечена? Но да будет им ведомо: и естество могло измениться, коль скоро скала источила влагу и коль скоро железо всплыло на поверхность воды, что сподобился совершить Елисей, прибегнув не к приказанию даже, а только к молитве³¹. Если, стало быть, Елисей сделал легким железо вопреки его естеству, то неужели Христос не мог привести воды в движение? Но их воистину сдвинул Тот, Кому достаточно было воззвать: *Лазарь, иди вон*³²! — чтобы поднять мертвого.

Итак, согласись, что подобным же образом надобно понимать и слова: *Да соберется вода, и собралась она*. Но вымолвив: *Да соберется!* — Он не только побудил ее сдвинуться с места, но также и утвердил на месте, дабы там она и оставалась, а не растекалась далее. Поэтому гораздо большего изумления заслуживает то, каким образом не переполнилось общее вместилище вод, когда все их собрания слились воедино. Ведь и Писание причисляет сие к чудесам, говоря: *Все потоки бегут к морю, но море не переполняется*³³. Стало быть, и то, и другое произошло по Божьему повелению: и чтобы водам излиться, и чтобы не перелиться им через край. И вот, сдерживаемые назначенным им пределом моря запираются в оном, дабы, растекшись по землям, не наводнили они всего и, мешая возделывать пашни, не лишили бы землю способности к плодоношению. Так что придется им согласиться, что и сие учинилось Божественным повелением и действием Неба. Ибо Господь говорил к Иову из тучи, среди прочего, и о преграде, положенной морю: *Я положил пределы ему, и поставил врата и запоры, и сказал Я ему: "доселе дойдешь, и не перейдешь, и в тебе самом будут обращаться волны твои!"*³⁴ Да и самим нам разве не приходилось видеть море, бушующее так, что волны его вздымаются ввысь, подобно крутой водяной горе³⁵? Однако стоит ему направить свой натиск на берег, как оно тотчас же разбивается в пену, воспящаемое некою преградою из простого песка, почему и было написано: *Меня ли убоитесь?* — *говорит Господь.* — *Я положил песок границею морю*³⁶. Так что сим прахом ничтожнейшего песка, слабее которого нет ничего, укрощается буйная сила моря, и небесное прещение, подобно браздам, удерживает его в пределах, ему предуказанных, бурный же натиск его изнемогает в себе самом и потоками обращается вспять³⁷.

Далее, если бы сила небесного установления не удерживала его, то что помешало бы Черному морю смешать свои воды с морем Египетским на равнине Египта, каковая, как утверждают,

представляет собою плоское место и лежит, большей частью, в долинах, которые ниже морского уровня.³ Ведь именно в этом нас убеждают те, кто хотел, чтобы эти два моря друг с другом соединялись и одно перетекало в другое: Сесострис Египетский, живший в древнейшие времена, и Дарий Мидийский, который, дабы упрочить свое могущество, возжелал довести до конца то, что прежде него попытался осуществить царь той страны³⁸. Этот опыт показывает, что Индийское море, включающее в себя и Чермное, расположено выше уровня моря Египетского, ибо воды его катятся вниз. И, как видно, именно для того, чтобы море сие не разлилось шире, устремляясь с высоких мест в более низменные, оба царя отложили свои усилия.

3. Теперь я спрошу, каким образом мог Он, сказав: *Да соберется вода во едино собрание*, свести воедино все воды, которые наполняли озера, болота и бочаги, которые затопляли долины, поля и всякое низкое место, которые протекали реками и ручьями? И каким образом это собрание могло быть едино, коль скоро и посейчас существует множество разных морей? Ибо морями мы называем и Океан, и Тирренское море, и Адриатическое, и Индийское, и Египетское, равно как и Понтийское, и Пропонтиду³⁹, и Геллеспонт⁴⁰, и Евксинское⁴¹, и Эгейское, и Ионийское, и Атлантическое. А многие именуют морями также еще и Критское и северное Каспийское. Посмотрим же, на чем основаны эти слова Писания, которые легли теперь на чашу весов.

Да соберется, — говорит Он, — *вода во едино собрание*. Сие же собрание вод едино, и слитно, и сплошно, однако различные заливы морские, как было сказано у одного из языческих⁴² писателей. Ведь все пространство нашего моря⁴³ есть лишь обширнейший залив, и по праву в различных своих частях оно получило различные наименования, ибо имена этих вод были ими усвоены от названий его областей. А *едино* собрание вод оттого, что течение их, слитное и непрерывное, начинаясь от моря Индийского, достигает пределов Гадитанского берега⁴⁴, а затем направляется к Чермному морю, где, наконец, замыкается круг, так что все земли оказываются опоясаны Океаном. Внутри же Тирренское море сливается с Адриатическим, а Адриатическое — с другими морями, имеющими особые имена, но не особые воды. И это прекрасно выражено словами о том, что Бог нарек собрания вод морями. Ибо есть и единое собрание вод, зовущееся морем, и многие собрания оных, именуемые морями в соответствии с их местоположением. Ведь подобно тому, как многие земли, будь то Африка, или Испания, или Фракия, или Македония, или Сирия, или Египет, или Галлия, или Италия, называются этими именами для обозначения земных областей, хотя

земля и едина, так и о множестве морей говорится ради обозначения множества мест, само же море — одно, как сказано и у Пророка, рекшего: *Твои небеса и Твоя земля; вселенную, и что наполняет ее, Ты основал, северный ветер и море Ты сотворил*⁴⁵. И, как сказал Сам Господь, обращаясь к Иову: *Я затворил море вратами*⁴⁶.

Теперь, поскольку мы уже сказали о едином собрании, перед нами встает вопрос: если едва ли не повсеместно земная поверхность была затоплена водами, заполнявшими все низины, все ущелья в горах, все степные равнины, то неужели и вправду одно-единственное обширное морское собрание могло все те воды вобрать и освободить от них земли, которые ранее были наводнены повсюду разлитой влагою? Ибо если действительно все было покрыто водою (а он не сказал бы, что стала видна земля, когда бы не хотел указать на то, что повсюду с нее совлечен был покров) и если даже во времена Ноя, когда произведено уже было разделение вод над небом и вод под твердью⁴⁷, потоп схоронил под собою и горы⁴⁸, то тем паче нельзя усомниться, что и при оном разлитии вод были скрыты даже горные кряжи. Так куда же все то половодие было отведено? Какие вместилища, достаточно емкие и просторные, могли бы его вобрать? Тут нам могут потребоваться более обстоятельные разъяснения.

Во-первых, Создатель всего мог и раздвинуть пространства земли, какового мнения держались те, кто утверждал это еще прежде нас. Ну, а поскольку сам я на этот счет не располагаю ясными сведениями, подкрепленными свидетельствами Писания, то вопрос о том, что Он мог бы сделать (не исключая, что сделал), я оставляю неразрешенным, как некую тайну, дабы не возбудить ненароком еще и новых сомнений. Однако я признаю, вслед за Писанием, что мог Он раздвинуть глубокие низины и широкие равнины, как Он и Сам говорит: *Я пойду пред тобою, и горы сровняю*⁴⁹. Ведь даже мощь самой воды могла сделать более глубокими места, ею захваченные, при таком натиске волн и буйстве стремительно мчащейся стихии, которая и теперь всякий день возмущает морские глубины, воздымая со дна песок. А потом, кто может знать, как далеко простирается то пугающее пловцов и не освоенное мореходами море, которое объемлет своими бушующими волнами Британию и уходит в неведомые, недостижимые даже для сказочных вымыслов дали? И кто не сочтет, сколько воды могло прибавить разлившееся по всему свету море озерам Лукринскому и Авернскому, что в Италии, и Тивериадскому, что в Палестине, и тому озеру, что лежит в Аравийской пустыне, между Египтом и Палестиной, и далеким гаваням Августа и Траяна, да и всем остальным?

Но ведь существуют и замкнутые в себе озера и водоемы, которые не смешивают своих вод с другими, подобно Ларийскому⁵⁰, Бенакскому⁵¹, Альбанскому⁵² и многим иным озерам. И как в этом случае могло быть *единым* собрание вод? Однако говорится, что Бог сотворил два светила, то есть солнце и луну, хотя к числу светил принадлежали еще и звезды; точно так же говорится и о едином собрании, хотя таковые и более многочисленны. Ибо те, о которых не упомянуто, не включаются в счет.

4. Но похоже, что, пустившись в рассуждения о море, мы и сами несколько вышли из берегов. Так что давайте возвратимся к нашему первоначальному плану и посмотрим, по какой причине Господь сказал: *Да соберется вода во едино собрание, и да явится суша*, — и не сказал: *земля*. Всякий может удостовериться, что сказано было сие весьма вразумительно. Ибо это могла быть и смешанная с илом, пропитанная водою земля, поверхность которой не сделалась бы видна из-за вод, ее затопляющих. Слово же *суша* обращено было не только к роду, но и к виду земли, чтобы стать ей удобопольною, сухою, пригодною и приспособленною к тому, чтоб ее возделывали. И одновременно сие удерживает нас от ложного мнения, будто она была высушена не столько по велению Божию, сколько действием солнца, так как суша была создана раньше, нежели сотворено было солнце. Потому и Давид, различая море и землю, говорит о Господе Боге: *Ибо Его — море, и Он создал его, и сушу воздвигли руки Его*⁵³. Ведь слово *суша* указывает на самое естество, земля же есть просто наименование вещества, подразумевающего обладание некоторым свойством. Ибо подобно тому, как *животное* есть обозначение рода, каковому присуще некое отличительное свойство, быть же *разумным* животным свойственно лишь человеку, так и *землю* может равным образом называться и земля, наполненная водами, и пустынная, недоступная кораблям, лишенная влаги земля. А стало быть, и той, которая наполнена влагою, присуще такое свойство, которое позволяет ей стать сухою. И после того, как вода сошла, земля сделалась сушею, как читаем мы и в Писании: *Он превратил реки в пустыню и источники вод в сушу*⁵⁴, — то есть из земли, насыщенной водою, сделал сухую.

Итак, земля обладает своим собственным качеством, как и каждая из стихий. Ведь и воздух обладает качеством влажности, и вода — качеством холодности⁵⁵, и огонь — качеством теплоты. И каждое из этих качеств есть основное свойство отдельного элемента, которое мы постигаем разумом. А если бы мы захотели воспринять их чувственно и телесно, то нашли бы их как бы связанными и сопряженными попарно, так что земля оказалась бы суха и холодна, вода — холодна и влажна, воздух — тепл и

влажен, огонь — тепл и сух. И так, через эти сопряженные между собою качества, отдельные элементы смешиваются друг с другом. Ведь земля, поскольку она обладает качествами сухости и хладности, сочетается с водою через общее им качество хладности, а через воду — с воздухом, так как тот влажен. И потому оказывается, что вода своею хладностью и влажностью обнимает, словно двумя дланями, землю и воздух: воздух — влажностью, землю — хладностью. И в свой черед воздух, посредствуя между двумя враждебными друг другу по природе своей элементами, огнем и водою, связует их оба собою, поскольку с водою он сочетается благодаря своей влажности, а с огнем — благодаря теплоте. Равно как и огонь, будучи по природе сухим и теплым, теплотою сопрягается с воздухом, а через сухость вступает в союзническое общение с землею. И таким образом все они, замыкая кольцо, соединяются между собою в некоем хороводе взаимного согласия и общения. Потому по-гречески и называют *стихиями* то, что по-латыни мы именуем *элементами*, поскольку они сочетаются друг с другом, образуя согласный хор⁵⁶.

Но мы завели о сем речь потому, что, как говорится в Писании, Бог нарек землю сушею⁵⁷, то есть то, что главенствует в ней, поименовал через природное свойство. Ибо сухость есть природное свойство земли, и сие служит ее отличительным признаком. Главенствует, стало быть, сухость. А к сему присовокупляется также и хладность, однако первичному отдается предпочтение перед вторичным. Влажность же приобретается ею случайно, через соприкосновение с водами. Стало быть, первое для нее — свое, а второе — чужое: свое — что она суха, чужое — что влажна. Так что Создатель ее естества забрал у нее то, что сперва дал, ибо первое у нее от природы, а второе — от внешней причины. И значит, основное свойство земли должно было быть определено по изначально присущим ей признакам, а не по входящим, дабы наше о ней понятие сложилось в соответствии с ее отличительным качеством.

5. И увидел Бог, что это хорошо⁵⁸. Мы не умолчим о том, что, как утверждают некоторые, и в еврейском, и в прочих изводах отсутствуют следующие слова: *И собралась вода в свои собрания, и явилась суша; и назвал Бог землю сушею, а собрания вод назвал морями*⁵⁹. Ибо они думают, что коль скоро Бог сказал: *И стало так*, — то сей глас Творца уже есть достаточное подтверждение тому, что свершилось провозглашенное Им творение. Но поскольку и при осуществлении прочих творений имеет место как словесное выражение повеления, так и повторное подтверждение или указание на завершение деяния, то нам не кажется не имеющим смысла то, что они почитают привнесенным позднее, хотя бы мы даже и убедились, что за теми

толкователями стоит истина или авторитет. Ибо мы знаем, что отнюдь не напрасно многое было прибавлено и присоединено к еврейским Писаниям семьюдесятью мужами⁶⁰.

Итак, увидел Бог, что море хорошо. Но сколь ни прекрасно зрелище этой стихии — и тогда, когда море сверкает гребнями вздыбившихся валов, орошая утесы белоснежною пеною, и тогда, когда его гладь, зыблемая легкими ветерками и чарующая безмятежным покоем, обретает пурпурную окраску, заметную тем, кто глядит на него издали, и когда не бьется оно яростными волнами о сопредельные берега, но словно бы приветственно их лобзает, заключив в свои мирные объятия⁶¹ (и что за сладостный откат волн!), — однако я полагаю, что краса творения оценивалась отнюдь не очами, но, в соответствии с жиздительным замыслом, она определялась тем, что удовлетворяла рассуждению Зиждителя и сообразовывалась с оным.

Так что море *прекрасно* прежде всего потому, что питает потребною влагою земли, к которым по неким жилам препровождает полезные им соки. Прекрасно море и тем, что служит оно как бы прибежищем водным потокам, источником дождей, причину приливов, а также путем для подвоза товаров, благодаря чему разделенные великими расстояниями народы вступают в сношения друг с другом и благодаря чему отступает угроза войн и сдерживается яростный натиск варваров. Оно подает помощь в нужде и избавление от опасностей, оно есть отрада в увеселениях, укрепление здоровья, оно соединяет разлученных, сокращает путь странствующим, оно есть убежище притесняемым, оно дает заработок, доставляет пропитание. Оно порождает дожди, проливающиеся на землю, поскольку солнечные лучи выпаривают морскую влагу, похищая наиболее тонкие частицы ее, и чем выше она затем поднимается, тем более охлаждается в тени облаков, оборачиваясь дождем, который не только уменьшает сухость земли, но и утучняет скудные пашни.

Нужно ли перечислять острова, которым оно служит оправою, словно драгоценным камням, и которые люди, отрекающиеся соблазнов мирской роскоши и намеревающиеся вести воздержную жизнь, избирают для того, чтобы укрыться от мира и избежать опасных силков века сего? Так что море — это еще и укромное убежище для воздержности, поприще для упражнения в жизни умеренной, пристанище строгости нравов, безопасная гавань, успокоение века, трезвение мира сего и столь великий запевальщик для набожности верных и набожных, что когда звукам прибоя, накатывающего на брег, вторят распевы псалмов, то острова рукоплещут безмятежному хору праведных волн, оглашаясь гимнами праведников.

В силах ли я объять всю красоту моря, которую созерцает Творец? Надобно ли мне продолжать? Разве это согласное пение волн не есть то же самое, что и согласное пение народа? Потому-то и справедливо столь часто звучащее уподобление Церкви морю, когда ее паперти заполняют волнами сонмы притекающих к ней людей, или позже, когда запевают псалмы и певчим, подобно согласному шуму прибоя, отзываются голоса мужей, жен, дев, младенцев... Впрочем, нужно ли повторять, что волна смывает грех, а над нею веет спасительное дыхание Духа Святого?

И да попустит Господь нам те воды духовного преуспеяния преплыть на счастливом челне и пристать в безопасной гавани, и при том не познать более тяжких, чем могли бы мы превозмочь, искушений духовного непотребства и избежать крушения веры. А уж коли случится такое, что нас захлестнут грозные волны века сего, то да позволит Он нам иметь нашим кормчим, бодрствующим за нас, Господа Иисуса Христа, Который бы слово сказал — и бурю унял, возвратив спокойствие морю. Ему же честь, и слава, и хвала, и жизнь непрестанная искони век, ныне и присно, во веки веков. Аминь.

¹ Быт. 1, 9.

² Заимствованный из греческого термин *ecclesia* — “церковь” сохраняет в данном контексте и свою первоначальную семантику: “народное собрание”, “сход”, “собор”. Иными словами, здесь подразумевается церковь одновременно в широком и узком смысле слова.

³ Пс. 76, 17.

⁴ Пс. 113, 3.

⁵ См. Исх. 14.

⁶ Здесь единству соборной Церкви противопоставляется ересь (т.е. раскол), разрушающая это единство, а единству народа Божиего — множество народов (“языков”), поклонявшихся ложным богам.

⁷ См. 3 Цар. 20, 23: “Слуги царя Сирийского сказали ему: Бог их есть Бог гор, (а не Бог долин)...”

⁸ Пс. 83, 7.

⁹ Т.е. принадлежащий к единой, вселенской, соборной Церкви.

¹⁰ Ср. Пс. 32, 17.

¹¹ Ср. Пс. 41, 2.

¹² Парафраза стиха Вергилия (Георгики 1, 378). По преданию, в лягушек были превращены ликийские крестьяне, повздорившие с Латоной (см. Овидий, Метаморфозы 4, 313 и сл.).

¹³ См. Пс. 7, 16.

¹⁴ Имеются в виду ткани, употреблявшиеся для убранства театральной сцены.

¹⁵ О том, что гармоническая красота мироздания обусловлена пропорциональным соотношением четырех элементов (стихий), т.е. огня, земли, воды

и воздуха, из которых Бог творит тело мира, пишет Платон в Тимее, 31 b — 32 с.

¹⁶ Ср. Пс. 103, 2: “Ты ... простираешь небеса, как шатер”.

¹⁷ Ис. 54, 2-3.

¹⁸ В римском театре занавес не опускался, а поднимался.

¹⁹ Ср. Пс. 23, 2.

²⁰ Пс. 92, 3-4. В синодальном переводе: “Возвышают реки, Господи, возвышают реки голос свой, возвышают реки волны свои. Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь”.

²¹ См. Ин. 7, 38.

²² Быт. 1, 9.

²³ Имеется в виду телесная человеческая природа.

²⁴ Быт. 1, 9.

²⁵ Лат. *aequoq*, букв. — “равнина”, устойчивое метонимическое обозначение моря, морских просторов.

²⁶ См. Пс. 32, 7.

²⁷ Пс. 77, 20; ср. Числ. 20, 2-11, где повествуется о том, как Моисей, по приказанию Бога, чудесным образом источил воду из безводной скалы.

²⁸ Пс. 103, 6.

²⁹ См. Матф. 8, 24-26.

³⁰ См. Быт. 7, 11; 8, 1.

³¹ См. 4 Цар. 6, 3-6, где рассказывается, как Елисей заставил всплыть утонувший в Иордане топор.

³² Ин. 11, 43.

³³ Ср. Еккл. 1, 7.

³⁴ Ср. Иов. 38, 10-11.

³⁵ Ср. Вергилий, *Энеида* I, 105: “несется вослед крутая гора водяная” (пер. С.Ошерова).

³⁶ Иер. 5, 22.

³⁷ Парафраза стиха из “Энеиды” Вергилия: “*unda ... frangitur et sese scindit in reductos sinus*” (I, 161).

³⁸ О попытках строительства канала, соединяющего Красное море с Нилом, предпринятых египетским царем Сесострисом, а затем возобновленных Дарием, упоминает Аристотель (см. Метеорология I, 14). Согласно Аристотелю, оба царя прекратили работы, обнаружив, что эти земли лежат ниже уровня моря.

³⁹ Пропонтида — Мраморное море.

⁴⁰ Геллеспонт — пролив Дарданеллы.

⁴¹ Понт Евксинский — Черное море.

⁴² Очевидно, прилагательное *forenses* употреблено здесь в значении “внешние” (калька характерного для греч. патристической литературы термина, которым обозначались язычники), а не в значении “публичные” или “судебные” (*scl.* “ораторы”).

⁴³ Т.е. Средиземного моря.

⁴⁴ Гадес (Кадикс) — название острова, расположенного близ берегов Испании.

⁴⁵ Пс. 88, 12-13.

⁴⁶ Ср. Иов. 38, 8.

⁴⁷ Отделение “воды, которая под твердью, от воды, которая над твердью” происходит во второй день творения, см. Быт. 1, 7.

⁴⁸ См. Быт. 7, 19-20.

⁴⁹ Ис. 45, 2.

⁵⁰ Озеро в Транспанданской Галлии, ныне — Комское озеро.

⁵¹ Озеро в Верхней Италии, ныне — Гардское озеро.

⁵² Озеро в Лациуме, близ Рима.

⁵³ Ср. Пс. 94, 5.

⁵⁴ Пс. 101, 33.

⁵⁵ Утверждая, что основным качеством воды является холодность, а воздуха — влажность, Амвросий лишь следует за Василием Кесарийским, который, в свою очередь, опирается на трактат Аристотеля “О возникновении и уничтожении” (II, 3, 331 а 4), где представлена точка зрения, противоречащая как общепринятому стоическому учению о качествах элементов, так и мнению самого Аристотеля, излагаемому в других его сочинениях (см., напр., Метеорология IV, 4, 382 а 3-4).

⁵⁶ Амвросий возводит греч. στοιχεῖον, “стихия”, к глаголу στεῖχω, выражающему идею упорядоченного движения и специально — движения по кругу, в хороводе.

⁵⁷ В синодальном переводе: “сушу землю”.

⁵⁸ Быт. 1, 10.

⁵⁹ В еврейском тексте отсутствуют лишь слова: “И собралась вода, которая под небом, в свои собрания, и явилась суша”, — на что и указывает Василий, а не оба приведенных Амвросием стиха.

⁶⁰ Семьдесят мужей — это “семьдесят толковников”, авторы перевода еврейской Библии (Ветхого Завета) на греческий язык, т. наз. “Септуагинты”.

⁶¹ Этот необычный эпитет Амвросий заимствует у Василия, который, в свою очередь, прибег к гебраизму, достаточно часто встречающемуся в греческом переводе Ветхого Завета. У Василия “мирный” означает “желающий мира”, т. е. здоровающийся, приветствующий.

Иероним

Одним из самых плодовитых христианских писателей был Иероним, богослов и эрудит, автор канонического латинского перевода Библии. Иероним родился около 340 г. в городе Стридоне, на границе Далмации и Паннонии. Юношей он приезжает в Рим, где завершает начатое дома образование, состоящее из традиционного цикла трех гуманитарных наук: грамматики, диалектики и риторики. Иероним много читал и хорошо знал классическую литературу — поэтов “золотого века”, из которых особенно любил Вергилия и Горация, комиков, историков, ораторов и прежде всего — Цицерона. Среди его учителей был известный комментатор Теренция, грамматик Элий Донат. Кроме литературы, Иероним проявляет интерес к философии и прилежно занимается риторикой. Хорошая подготовка, особенно знание классической литературы и любовь к ней, которую Иероним сохранил на всю жизнь, оказали большое влияние на стиль его сочинений.

Неизвестно, знал ли он греческий язык с детства или стал изучать его в Риме, однако к тому времени, когда он приступил к работе над толкованием Библии, он уже мог назвать себя *trilinguis* — трехязычный, имея в виду свое знание латинского, греческого и еврейского языков.

После завершения образования в Риме Иероним отправляется в путешествие по Рейну и Галлии. Во время путешествия у него укрепляется интерес к богословию и возникает стремление к аскетическому образу жизни. К этому времени относятся и его первые литературные опыты (около 370 г.). Побывав во Фракии, Понте, Вифинии, Галатии, Каппадокии, он останавливается в Антиохии, откуда в 374 г. удаляется в Халкидскую пустыню. Четыре года в Халкиде он посвящает изучению Священного Писания и занятиям еврейским языком. Однако отзывы яростных богословских споров, идущих вокруг арианства, нарушают отшельничество Иеронима.

По активности и страстности своей натуры Иероним не остается от них в стороне. Он покидает Халкиду и едет сначала в Антиохию, где принимает сан пресвитера, а затем в Константинополь. Там он общается с Григорием Назианзином (Богословом) и Григорием Нисским, переводит “Хронику” Евсевия с

греческого на латинский, снабжая ее своими дополнениями, а после второго Вселенского собора отправляется в Рим по делам Церкви. В Риме его приближает к себе папа Дамас, который, зная эрудицию Иеронима, обращается к нему за консультациями по поводу толкования различных мест Священного Писания.

Именно папа Дамас поручает Иерониму сверить с греческим оригиналом бывший тогда в ходу латинский текст Нового Завета. Для Иеронима это было поводом сделать новый перевод. Так появилась на свет новая латинская Библия, получившая название "Вульгаты". Впоследствии "Вульгата", официально принятая для обучения в школах и в церкви, много веков служила католической Церкви. Современные ученые не считают безупречной слишком свободную интерпретацию Библии Иеронимом, однако они воздают должное его усилиям.

Тогда же Иероним начал работу по сверке и переводу Ветхого Завета, которая продолжалась до 405 г. Наряду с этими трудами Иероним занимается в Риме также переводами из Оригена и Дидима, пишет разные сочинения на богословские темы. Помимо всего, он руководит кружком знатных и образованных женщин, занимаясь с ними изучением и толкованием Библии. Этим своим сподвижницам Иероним адресовал целый ряд трактатов в виде писем, из которых наиболее значительно письмо к Евстохии о сохранении девства. Оно сильно критическим изображением различных слоев римского общества, в том числе и духовенства. Письмо к Евстохии находили богохульным и считали, что Иероним дал в руки врагов христианства оружие против него. Пафос всеобщего обличения, пронизывающий это письмо, вызвал вражду к его автору.

Лишившись со смертью Дамаса высокого покровительства, Иероним в 384 г. был вынужден покинуть Рим. Он отправляется на Восток. Вместе со своими римскими сподвижницами он посещает Палестину, Египет, а с 387 г. окончательно поселяется в Вифлееме. Здесь он опять обращается к изучению еврейского языка, к переводам и толкованию Библии, к богословским сочинениям, ведет обширную переписку. Около 393 г. Иеронимом была написана книга, не потерявшая своей ценности до настоящего времени,— это сочинение "О знаменитых мужах", представляющее собой хронологически расположенный каталог христианских писателей, заканчивающийся биографией и перечислением работ самого Иеронима. Живя в Вифлееме, Иероним принимает активное участие в богословских спорах, которые велись тогда вокруг учения Оригена, щедро расходуя на них свое красноречие и темперамент.

Умер Иероним в 420 г., пережив известие о падении Рима перед Аларихом и гибель близких ему людей. Потомки высоко ставили его подвижнический труд и писательский талант.

Экзегетические работы Иеронима обнаруживают его образованность и живой ум, они содержат немало ценных археологических и географических сведений и написаны превосходным языком.

Иеронима ценили в средние века и в эпоху Возрождения. Гуманисты (Эразм Роттердамский) чтили его особенно как эрудита и стилиста. И, действительно, среди христианских писателей Иероним, язык которого близок классическому, занимает первое место по языку и стилю. Среди особенностей его языка — неологизмы, либо взятые из народной латыни, либо образованные самим Иеронимом, грецизмы — в технической и церковной терминологии и слова-гибриды — дань времени. Речь его, живая и страстная, не укладывается в периоды, как бы отражает неукротимый темперамент Иеронима и его вечно боевой дух, неожиданные в богослове и писателе, избравшем стезю отшельничества.

Письмо 1

К пресвитеру Иннокентию о семижды пораженной мечом

1. Много раз умолял ты меня, возлюбленный Иннокентий, не умалчивать о том чуде, которое приключилось уже на моем веку. И хотя я, из оправданной, как теперь убеждаюсь, робости, противился этому, будучи не уверен, что смогу исполнить сие, — и потому, что все слова человеческие не достигали бы до высот славы небесной, и потому, что праздность, подобно некоей умственной рже, иссушила мои былые, пусть скромные, способности к красноречию, — все же ты, наперекор моим доводам, утверждал, что, когда речь идет о деяниях Божиих, надобно печься не о силах своих, а о решимости, и что невозможно оскудеть словесами тому, кто давно уже уверовал в Слово.

2. Как тут быть? Ведь и исполнить сего я не умею, но не смею и отказаться. Меня, неумелого морехода, понуждают взойти на груженое судно, меня, человека, который доселе и челнока по озеру не водил, отдают во власть бурям Евксинского моря! Уж и земля сокрылась из виду; теперь “только небо и море повсюду”¹, теперь в ночи бушуют волны, и в непроглядной мгле ненастья белеют гребни пенистых валов. Ты же побуждаешь меня поднять на мачте вздутые паруса, отвязать бечевы и взяться за кормило! И вот, я уже повинуюсь воле твоей, и, поскольку

нет ничего невозможного для любви, то верю пути мои споспешеству Духа Святого в надежде, что даже и при любом исходе обрету свое утешение: если волнами прибьет нас к желанной гавани, то все будут почитать меня за кормчего, а если моя неотточенная речь сядет на мель в извилистых протоках повествования, то тогда ты, быть может, откажешь мне в даровании, но уж никак не упрекнешь в недостатке рвения.

3. Так вот, Верцеллы — это лигурийский город, расположенный близ подножия Альп, в прошлом могущественный, ныне же почти обезлюдивший и полуразрушенный. Когда, совершая обычный объезд, туда прибыл наместник, к нему привели некую женщину вместе с ее любовником (ибо муж обвинял их в прелюбодеянии), каковые и были отправлены им в темницу на страшную пытку. И спустя краткое время, когда уже посиневшую плоть рассекли кровавые когти² и боль в истерзанных ребрах допытывалась об истине, несчастный юноша, желая скорою смертью избавить себя от длительных мук, возвел поклев на кровь свою, обвинивши тем самым и кровь чужую. Так что он, злополучный, и впрямь заслуживал казни, ибо сим у невинной отнял возможность защититься себе саму. А между тем жена, когда растянули ее на дыбе, связав за спиною веревками руки, замаранные тюремною грязью, выказала мужество, не свойственное ее полу, и, возведя к небесам очи, которые был бессилен сковать мучитель, молвила, обливаясь слезами: “Господи Иисусе, Ты, для Которого нет ничего тайного, Ты, испытующий наши сердца и чресла, Ты свидетель тому, что желаю я оправдаться не затем, чтоб погибели избежать. А ты, злополучный, которому так не терпится умереть, для чего увлекаешь на погибель двоих невинных? Я и сама жажду смерти, жажду сбросить сие постылое тело, но не хочу умереть как прелюбодейка. Выю свою под меч преклоняю, бестрепетно приемлю блестящий клинок, но с собою я унесу свою невинность. Смерти нет для того, кто идет на заклание, дабы сим улучшить новую жизнь”.

4. А тем временем наместник, упиваясь кровавым зрелищем, подобно зверю, который, вкусив единожды крови, алчет ее снова и снова, повелел муки усугубить и, скрежеща зубами от ярости, пригрозил палачу подобною же карою, если слабейший пол не сознается в том, чего не в силах была утаить даже мужская крепость.

5. Заступись же, Господи Иисусе! Сколько казней измыслили для единого Твоего чада! Тело ее крепко привязано к дыбе, а косы к столбу, под ногами раскладывают огонь, по обоим бокам ее хлещет бичом палач, не щадя и персей ее, жена же остается

тверда и, отвлекшись духом от телесных страданий, воспрещает мукам терзать ее, ибо совесть ее чиста. Ожесточившийся судия подымается, словно это над ним одержали верх, она же Господа умоляет; члены ее выворачивают из суставов, она же очи к Небесам устремляет; в обоюдном грехе один сознается, другая же отрекается за сознавшегося и, пытаемая, хочет его уволить от пытки.

6. И на все — тот же ответ: “Режь, пали, терзай меня, но я сего не творила. А коли нет веры моим словам, то будет день, когда обвинение это рассыплется в прах, ибо и я дождусь своего Судии”. Уже и палач от усталости тяжело дышал, и не было более места для новых ран; уже сама жестокость его, посрамленная ею, ужасалась на тело, которое сама же терзала. Но тут судия, движимый злобою, рек: “Для чего дивитесь вы, ротозей, тому, что жена предпочла гибели пытку? Все одно, не бывает прелюбодеяния без соучастия двоих, и мне легче поверить, что виновная отрицает свою вину, нежели что юноша сознается, будучи невиновен”.

7. И вот, обоим вынесен один приговор, и палач повлек их на казнь. Весь народ устремился на это зрелище, и толпа запрудила городские ворота, словно все разом рвались выселиться из города. С первого же удара несчастному юноше отсекают голову, и обезглавленный труп катится в лужу его собственной крови. Вслед за тем принимаются за жену: вот опустилась она на колена, над трепещущей выею блещет меч, и палач напряг привычную десницу, — но нет, чуть коснувшись плоти ее, смертоносный клинок замер, лишь слегка оцарапав кожу, — из царапины выступила самая малость крови. Разившего смутила немощь его собственной руки, и, дивясь на обессилевший меч, он занес посрамленную десницу для другого удара. И вновь ослабевший клинок обрушился на жену, но подле самой выи застыл, не причиняя вреда, как будто железо убоялось прикоснуться к казнимой. А когда сей мечник, задыхаясь от ярости, напряг все силы свои для следующего удара, он обронил, не заметив, на землю пряжку, которой склоты были края плаща, и когда его меч обрушивался на ту же рану, женщина молвила ему: “Погляди, у тебя с плеча упала золотая вещица. Подбери, чтоб не потерялась: ведь она заработана немалым трудом”.

8. Откуда, ответьте мне, подобная безмятежность? Не страшится она надвигающейся смерти, радуется ранам, а палач бледнеет от страха. Очи ее, не примечая меча, примечают пряжку, и мало того, что гибель ее не пугает, — спешит она услужить тому, кто ожесточился против нее. Вот, стало быть, и третий

удар, но и его сделала тщетным тайна Троичности. Тогда палач, более не доверяя клинку, в страхе приставляет ей острие к гор-тани, чтобы, уж коли нельзя рубить, то хоть нажимом руки вон-зить его в тело. Но — дело, неслыханное в веках! — меч заги-бается к рукояти и, точно побежденный, взирающий снизу на победителя, показывает, что не может он и колоть.

9. Вот, вот где приходит на ум пример тех трех отроков, которые в хладных клубах пламени не рыдали, но воспевали псалмы, между тем как огонь безвредно вился подле их шаровар³ и священных кудрей. Вот где надобно вспомнить предание о праведном Данииле, пред которым львы поджали хвосты, убояв-шись своей добычи. Пусть припомнится и Сусанна, прославив-шаяся верою: судом неправедным осужденная, она спасена была Духом Святым, исполнившим отрока. Ибо милосердие Господа одинаково было явлено над обоими: ту освободил судия, не по-пустив ей пойти под меч, а эту осудил судия, но меч оправдал.

10. И вот, наконец, на защиту жены поднялся народ. Всякий пол, всякий возраст гонит прочь палача, и люди, столпившись вокруг нее, не могут поверить своим очам. Весть о случившемся приводит в волнение ближний град, и народ, обступая, теснит стражников. Но тут вперед вырывается правивший казнь и, “пылью нечистой себе осыпая седины”⁴, вопиет: “Люди, взамен той жены вы требуете моей головы? Если вы столь милосердны и столь сердобольны, что хотите от казни спасти осужденную, то не дайте и мне безвинно погибнуть!” Этим плачем он тронул души людей, и всех охватила скорбная нерешительность. Воля их странным образом переменялась: как пред тем сострадание побудило их к защите жены, так теперь сострадание повелевало им попустить ее казнь.

11. Итак, являются новый меч и новый палач. Жертва стоит, защищенная одним лишь Христовым благоволением. При первом ударе она дрогнула, при втором зашаталась, при третьем, сра-женная, рухнула наземь. И — как нам превознести величие Бо-жией силы! — та, которую прежде меч четырежды разил и не уязвлял, ныне мертва только для того, чтобы из-за нее не по-гибнуть невинному.

12. Причетники, определенные к этому делу⁵, обернули окро-вавленный труп плащаницею и, обложив камнями выкопанную яму, устроили нечто наподобие гроба. Солнце быстро клонится к закату, опускается ночь, чтобы скрыть милосердное дело Гос-пода. Но тут грудь жены внезапно заколебалась, очи взыскуют света, тело возвращается к жизни: она уже дышит, уже откры-

вает глаза, уже приподымается и говорит, уже может вымолвить такие слова: *Господь за меня, не утрашусь: что сделает мне человек?*

13. А тем временем некая старица, жившая и кормившаяся при церкви, отдала Богу душу, которую задолжала, и, словно бы все нарочно так сошлось, в могиле схоронили другое тело. Но еще не настал рассвет, как является к ним диавол в обличии палача и требует тело казненной, велит показать могилу: недоумевая, как могла она умереть, он почитает ее живою. А причетники, указуя на снятый дерн и свеженасыпанную землю, приступают к нему с криками: “Вырой же кости, уже погребенные, ополчись теперь против гроба и, если этого мало, брось останки на поживу зверям и птицам! Той, которую семижды меч пора-жал, мало смерти, надобно горшее!”

14. Такими укорами устыдили они палача, а тем временем в церкви понемногу привели жену в чувства. А чтобы частые посещения лекаря не возбудили подозрений и ненароком не навели на ее след, ей обрезали косы и в сопровождении нескольких дев препроводили ее в более надежное убежище за городом. Там она жила некоторое время, переодетая в мужское платье, пока ее рана не затянулась. Но — “высший закон — поистине высшее зло”⁷: после стольких чудес законы все еще ополчаются против нее.

15. Как же далеко завела нас череда описываемых дел! Ведь теперь мы уже дошли до упоминания о нашем Евагрии⁸. Ревность его о Христе была такова, что я был бы глупцом, когда бы счел себя способным о ней возвестить словами, однако если бы я захотел вовсе о ней промолчать, то не смог бы, ибо мой глас сам излился бы в ликовании. Да и кому под силу воспеть подобающим образом то, как его стараниями был чуть ли не прежде кончины своей похоронен укрепившийся в Медиолане Авксентий⁹, а епископ Римский, едва не запутавшийся в расставленных этой сворой силках, одолел супостатов, но не стал карать побежденных?

Многое знаю еще, но, увы, не имею простора;

Об остальном умолчу и другим рассказать предоставлю¹⁰.

Скажу лишь о том, чем окончились описываемые события. Наш Евагрий ищет доступа к императору, докучает ему просьбами, умягчает его правотою дела и, наконец, через все эти хлопоты, достигает успеха: жене, возвратившейся к жизни, император возвращает и все права.

¹ Вергилий, Энеида III, 193 (пер. С.Ошерова).

² Сплетенные из кожаных ремней бичи с металлическими шипами на концах, обычное орудие пытки.

³ Лат. *sarabagaе*. Скорее всего, здесь имеются в виду головные уборы, вроде тюрбанов или головных покрывал. Аналогичным образом понимает это слово и Августин (см. Об учителе, 33 и 35), у которого оно приведено в транскрипции *saraballae*. В синодальном переводе соответствующего места кн. Даниила стоит "одежды": "над телами мужей сих огонь не имел силы, и волосы на голове их не опалены, и одежды их не изменились ..." (Дан. 3, 94).

⁴ Вергилий, Энеида XII, 611 (пер. С.Ошерова).

⁵ Т.е. "остиарии", в древней Церкви — низшие клирики, обязанностью которых было заботиться о погребении усопших.

⁶ Пс. 118, 6.

⁷ Теренций, *Heaut. Tim.* 796.

⁸ Евагрий, епископ Антиохийский, а затем (приблизительно с 388 г.) — Верцелльский (Верчелльский), деятельно боровшийся с арианством и пользовавшийся огромным авторитетом.

⁹ Авксентий, арианствующий еп. Медиоланский, осужденный в 371 г., но сохранивший за собою Медиоланскую кафедру и умерший в 374 г., после чего эту кафедру занял Амвросий Медиоланский.

¹⁰ Вергилий, Георгики IV, 147.

Письмо 57

К Паммахию¹ о наилучшем способе перевода

1. Апостол Павел, которому предстояло ответить на обвинения пред царем Агриппою и который не сомневался, что одержит в сей тяжбе победу, ибо тот, кто имел его выслушать, мог его разуместь, в самом начале поздравил себя, говоря: *Царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев*². Ведь еще прежде читал он у Иисуса: *Блажен, кто глаголет в уши немлющего*³, и знал, что слова ответчика доходят дотуда, куда простирается разумение судии.

А потому и я почитаю себя счастливым, по крайности, в том отношении, что не пред слухом неопытным мне предстоит отвечать невежественному языку, который обвиняет меня то ли в неискренности, если я не сумел, то ли в лукавстве, если я не хотел верно переложить чужое письмо: первое есть оплошность, а второе — уже преступление. И дабы мой обвинитель, с тою же легкостью, с какою он обо всем разглагольствует, и при той безнаказанности, из-за которой он все почитает себе дозволенным, ненароком не осрамил меня также и перед вами, подобно

тому, как возвел он поклеп на папу Елифания⁴, я посылаю это письмо, которое объяснит суть дела тебе, а через тебя и всем остальным, удостоивающим меня своею любовью.

2. Приблизительно два года назад вышеназванный папа Епифаний отослал епископу Иоанну письмо, в котором возражал ему по некоторым догматам и кротко призывал его к покаянию. Списки сего послания, ради заслуг его сочинителя и ради изящества его слога, были нарасхват в Палестине. В нашей обители жил один отнюдь не безвестный в своем кругу муж, Евсевий Кременский, который, поскольку письмо это витало у всех на устах и поскольку оно, благодаря своему содержанию и чистоте языка, снискало восторги как ученых, так и неученых людей, принялся меня с настойчивостию упрашивать, чтобы я перевел для него послание на латынь и, для удобопонятности, изложил его как можно яснее, так как сам он был совершенно несведущ в греческом языке.

Я исполнил его пожелание и, призвав переписчика, сразу же быстро продиктовал ему перевод, вкратце на полях пометая, какой смысл заключала в себе каждая отдельная главка. Но поскольку он очень просил отдать ему то, что я сделал лишь для себя, я, в свой черед, потребовал от него, чтобы он держал список дома и избегал показывать его кому бы то ни было.

Так оно и было на протяжении года и шести месяцев, покуда упомянутый перевод в результате неслыханного обмана не перекочевал из его ларца в Иерусалим. Ибо некий лжемонах, то ли ради денег, на что указывают все признаки, то ли по бескорыстной злобе, как зачем-то пытается нас убедить его совратитель, украл и присвоил себе его рукописи, уподобившись Иуде-предателю, и тем самым врагам моим подал повод хаять меня, чтобы среди не знающих обстоятельств дела людей посеять мнение, будто я совершил подлог: перевел не дословно — вместо *высокочитимый* сказал *возлюбленный*, и в своем злонамеренном переводе не захотел — страшно вымолвить! — передать выражение αἰδεσιμώτατος Πάππας⁵. Этот и подобного рода вздор как раз и вменяется мне в вину.

3. И для начала, прежде, чем дать пояснения относительно перевода, я хотел бы спросить тех, у кого коварство зовется предусмотрительностью: Откуда у вас список послания? Кто его передал? С какими глазами вы разглашаете то, что добыли преступной ценою? Что вообще у людей может быть сохранным, коли даже стены и ларцы не позволяют нам уберечь наши тайны? Если бы я выдвинул против вас подобное обвинение пред скамьями судей, то нашел бы управу на виновных в законах, какие приговаривают предателей даже к выплате пени в пользу

казны и, хотя допускают донос, однако порицают доносчика. Принимают они, стало быть, пользу, но не принимают намерения.

Некогда император Феодосий осудил на казнь консуляра⁶ Гесихия, с которым патриарх Гамалиил состоял в непримиримой вражде, за то что тот, подкупив нотарию, завладел рукописями последнего. А в древней истории мы читаем, что учитель, который предал неприятелю детей фалисков, был связан, выдан детям и отослан обратно к тем, кого предавал, и что римский народ не воспользовался победою, купленную ценой преступления⁷. И Фабриций счел невозможным убить Пирра, царя эпирцев, когда тот, лечившийся в стане от раны, был предан своим лекарем; более того, он отослал его связанным к господину его, дабы и во вражде не потакать злодейству⁸.

Однако то, что защищают гражданские законы, что соблюдают недруги, что священо средь войн и мечей, сие в отношении нас не было соблюдено монахами и священниками Христовыми! И один из них имеет наглость, хмурия лоб и щелкая пальцами⁹, изрекать, брызжа слюною: "Что из того, если и заплатил, если и подкупил? Он же добился того, что ему было надобно!" Странное оправдание преступления: как будто разбойники, воры и пираты не делают того, что полезно для них самих. Вот уж поистине, Анна и Каиафа, совратившие злополучного Иуду, сотворили то, что для себя почитали полезным.

4. Я волен записывать на листках моих все, что придется: размышлять над Писаниями, перебраниваться с обидчиками, срывать досаду, упражняться в способах аргументации и приписать отточенные для битвы стрелы. И покада я не оглашаю своих мнений, это только злословие, но никак не выдвижение обвинений; а вернее сказать, даже и не злословие, раз сие не доходит до слуха людей. Ты подкупаешь рабов, соблазняешь клиентов и, как читаем мы в древних баснях, со златом проникаешь к Данае¹⁰, но, закрывая глаза на то, что ты сам творишь, обзываешь меня обманщиком, хотя, обвиняя меня, ты себя самого изобличаешь во много более тяжком грехе, нежели тот, в котором ты уличаешь меня. Один обвиняет тебя в ереси, другой — в искажении догматов, ты же молчишь, не смеешь ответить. Бранишь переводчика, препираешься из-за каждого слога и все свое оправдание полагаешь в том, что поносишь безответного! Пожалеуйста, измышляй, будто при переводе я искажил или опустил что угодно. Ведь на это и направлены все твои усилия, в этом и заключается твое оправдание. Но если бы даже я и был дурным переводчиком, разве отсюда следует, что сам ты не еретик? Я не хочу сказать, что сам почитаю тебя еретиком (это может знать тот, кто тебя обвинил, это может быть ведомо тому, кто сие написал). Я лишь утверждаю, что нет ничего глупее, чем, будучи

обвиненным одним человеком, накинуться с обвинениями на другого и, будучи кругом уязвленным, искать облегчения в том, чтобы нанести удар спящему.

5. До сих пор я говорил так, будто я действительно что-то искажил в том послании, и неискусный мой перевод был ошибочен, но не преступен. Теперь же, когда само послание подтверждает, что по смыслу ничего в нем не изменено, ничего не прибавлено и никакого мнения не примышлено, то “как раз этим своим пониманием они доказывают, что ничего не понимают, и, желая изобличить чужое невежество, выставляют напоказ свое собственное”¹¹. Ибо я не только признаю, но и в полный голос заявляю, что в переводах с греческого (исключая Священное Писание, где даже порядок слов есть некая тайна) я передавал не слово словом, а смысл смыслом. И этому научил меня Туллий¹², переведший “Протагора” Платона, “Экономикон” Ксенофонта и две прекрасные речи Эсхина и Демосфена, направленные одна против другой.

Не время теперь толковать о том, сколько в них он опустил, сколько прибавил, сколько переменял, дабы особенности чуждого языка передать через особенности своего. Мне достаточно авторитета самого переводчика, который во вступлении к тем же речам говорит следующее: “Я полагал, что мне надлежит предпринять труд, полезный для учащих, хотя самому мне не столь уж необходимый. Поэтому я переложил две самые знаменитые речи, спорящие между собою, которые принадлежали двум наиболее красноречивым из аттических ораторов, Эсхину и Демосфену, и переложил их не как переводчик, но как оратор, теми же мыслями и соответствующими им образами, оборотами и словами, подходящими к нашему обиходу. Я не считал нужным переводить их дословно, но сохранил самый слог и внутренний смысл слов. Ведь мне представлялось, что я должен был не поштучно отсчитывать слова читателю, а, так сказать, отвечать их”. И, в заключение, он опять говорит: “Речи их я так и буду, надеюсь, переводить, воспроизводя все их особенности, то есть мысли, выражающие их образы и порядок изложения, и придерживаясь буквы лишь до тех пор, покуда это не расходится с нашим обычаем. И пусть даже не все, что там стояло по-гречески, нами переведено, однако мы все же старались заменить это чем-нибудь в том же роде”¹³. Да и Гораций, ученый и проницательный муж, подает тот же самый совет искусному переводчику в “Науке поэзии”¹⁴:

Не старайся

Словом в слово попасть, как усердный толмач-переводчик...

Теренций перелагал Менандра, Плавт и Цецилий — древних комиков. Разве они цеплялись за слова, а не пеклись в большей мере о том, чтобы сохранить красоту и изящество в переводе? То, что у вас зовется верностью перевода, люди, сведущие в этом, именуют какоζηλίαν¹⁵. Поэтому когда я, лет двадцать назад, переводил на латынь “Хронику” Евсевия Кесарийского, то, будучи обучен такими же учителями и пребывая во власти такого же заблуждения, написал (разумеется, не подозревая, что именно в этом вы и будете меня упрекать) в предисловии, между прочим, и следующее: “Поспешая за чужими строками, трудно где-нибудь не уклониться от них и трудно добиться, чтобы то, что на чужом языке было складным, сохранило то же изящество и в переводе. Если некоторый смысл был выражен одним, соответствующим оному словом, а в моем языке нет слова, чтобы его донести, то, покуда я тшусь восполнить сие, прибегнув к длинному описанию, сам едва успеваю пройти только краткий отрезок пути. К сему присовокупляются замысловатые перестановки слов, различие в употреблении падежей, несходство устойчивых оборотов и, наконец, особенный и, так сказать, самобытный характер языка. И вот, когда я перевожу дословно, выходит неловко, а стоит мне, в силу необходимости, что-то переменить в порядке или в способе изложения, как оказывается, что я погрешил против обязанностей переводчика”. И, упомянув еще многое, что теперь приводить будет излишним, я прибавил: “Так что, если кому-то кажется, что при переводе красота слога сохраняется неизменно, то пусть он дословно переведет на латынь Гомера. Скажу более: пусть переложит его прозаическим слогом на собственном его языке, и ты тут же увидишь, что расположение слов смехотворно, а красноречивейший из поэтов еле-еле владеет речью”.

6. Впрочем, если ссылка на мои собственные сочинения выглядит неубедительной (хотя я пытался лишь показать, что всегда, от юности, перелагал не слова, а мысли), то на этот случай имеется небольшое вступление к книге, где описывается житие блаженного Антония¹⁶, и о сказанном в нем лучше судить, обратившись к чтению его самого. “Дословный перевод с одного языка на другой скрадывает смысл, подобно тому, как буйные плевелы заглушают посевы. Ибо покуда речь рабствует фигурам и падежам, она, обинуясь длинными оборотами, едва успевает выразить то, что могло бы быть сказано в кратких словах. И вот, дабы этого избежать, я, по просьбе твоей, переложил житие блаженного Антония так, чтобы от смысла ничего не убавилось, хотя бы в словах чего-то и недоставало. Пусть другие занимаются охотою за буквами и слогами, ты же взыскуй мыслей”.

Мне не хватает дня, если стану я приводить в свою защиту свидетельства всех, кто переводил, следуя смыслу. На сей раз достаточно будет упомянуть Илария Исповедника¹⁷, переведшего с греческого на латынь беседы на Иова и многочисленные объяснения на Псалмы: он не корпел над косою буквою и не изнурял себя нудным переводом, рассчитанным на невежд, но, как бы захватывая мысли в полон, по праву победителя перелагал их на свой язык.

7. И нет ничего удивительного в том, что мы встречаемся с этим и у других мирских или церковных писателей, коль скоро и Семьдесят толковников, и Евангелисты, и Апостолы то же самое допускали в книгах священных. Мы читаем у Марка, что Господь говорит: *“талифа-куми”*, — и тут же присовокупляется: что значит: *“девица, тебе говорю, встань”*¹⁸. Пусть же они обвинят Евангелиста во лжи: для чего он прибавил тебе говорю, когда по-еврейски есть только: *девица, встань?* Но, чтобы сделать сие *ἐμφατικώτερον*¹⁹ и внушить понятие о взывающем и повелевающем, он прибавил: *тебе говорю*.

Опять же, и у Матфея, после рассказа о том, как получены были назад от Иуды-предателя тридцать серебрянников и на оные было куплено поле горшечника, написано: *Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: “и взяли тридцать серебрянников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь”*²⁰. Мы же находим сие отнюдь не у Иеремии, но у Захарии, где это сказано другими словами и в совершенно ином порядке. Ибо в Вулгате²¹ стоит следующее: *И скажу им: если вам благоугодно сие, то отдайте мне плату мою, или же откажитесь. И они отвесили мне в уплату тридцать серебрянников. И сказал мне Господь: “положи их в горнило и посмотри, так ли сии ценны, как они Меня оценили”. И взял я тридцать серебрянников и бросил их в горнило в доме Господнем. Всякому видно, сколь сильно отличается от свидетельства Евангелиста перевод Семидесяти²². Но ведь и в еврейском Писании, при том, что смысл остается тем же, слова переставлены, а то — и вовсе иные. Там говорится: *И сказал им: если благо сие в ваших глазах, то принесите мне плату мою; если же нет, то оставьте. И они отвесили мне в уплату тридцать серебрянников. И сказал мне Господь: “брось их скудельнику, — достойная цена, в какую они оценили Меня!” И взял я тридцать серебрянников и бросил их в доме Господнем для скудельника.**

Пусть же они обвинят апостола в преднамеренном искажении истины, ибо расходится он и с еврейским Писанием, и с Семьюдесятью толковниками; горше того, даже в имени ошибается, так

как вместо *Захария* он поставил *Иеремию*. Но ведь невозможно такое сказать о Христовом сподвижнике, чьею заботою было не следить за словами и слогами, но донести смысл учения.

Обратимся к другому свидетельству того же *Захарии*, каковое евангелист *Иоанн* заимствует из еврейского подлинника: *Увидят Того, Которого пронзили*²³. Вместо этого у *Семидесяти* мы читаем: καὶ ἐπιβλήσονται πρὸς με, αὐτ' ὡν ἐνωρχήσαντο, что переведено было на латынь: *И воззрят на Меня за то, что насмехались, или глумились*. Расходится с Евангелистом и перевод *Семидесяти*, и переложение на наш язык, однако единство духа примиряет разность словес.

Или у *Матфея* читаем, как Господь, предрекая бегство апостолов, Сам приводит сему в подтверждение пророчество *Захарии*, говоря: *Написано: "поражу пастыря, и рассеются овцы"*²⁴. А у *Семидесяти* и по-еврейски — совсем иначе, ибо сие говорится не от лица Бога, как утверждает Евангелист, но от лица пророка, испрашивающего у Бога Отца: *Порази пастыря, и рассеются овцы*. Я полагаю, что Евангелист тут, как разумно считают некоторые, действительно допустил погрешность, поскольку слова пророка дерзнул отнести к лицу Бога.

Далее, тот же Евангелист пишет, что *Иосиф*, по внушению Ангела, взял Младенца и Матерь Его и вошел в Египет, и там оставался до смерти *Ирода*, дабы исполнилось реченное Господом через пророка: *"из Египта воззвал Я Сына Моего"*²⁵. В наших книгах этого нет, однако у *Осии*, согласно еврейскому подлиннику, сказано: *Ибо Израиль юн, и Я возлюбил его, и из Египта воззвал сына Моего*²⁶. Взамен чего в том же самом месте *Семидесят* перевели: *Ибо Израиль юн, и Я возлюбил его, и из Египта воззвал сынов его*. Так неужели их надо признать достойными всяческого осуждения только за то, что место сие, которое по преимуществу указывает на тайну Христову, они иначе перевели? Или все же возможно даровать им, как человекам, прощение, по речению *Иакова*, говорящего: *Ибо все мы много согрешаем, и если кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело*²⁷?

А вот еще одно место у того же Евангелиста: *И пришед поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророка, что Он Назореем наречется*²⁸. Пусть ответят сии λογοβαίβαλοι²⁹ и взыскательные судьи всех толкователей, где читали они такое, и пусть узнают, что это написано у *Исаии*. Ведь в том месте, где мы в переводе читаем: *Произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь взойдет от корня его*³⁰, — там по-еврейски, в согласии с *לְדָוִד*³¹ этого языка, написано так: *Произойдет отрасль от корня Иессеева, и Назорей произрастет от корня его*. Для чего же *Семидесят* вовсе опустили то, что нельзя было передать буквально? Ведь сокрыли

они эту тайну или сами о ней не ведали, все одно это преступление.

8. Однако двинемся дальше, ибо краткость послания не позволяет нам слишком долго задерживаться на каждом отдельном примере. Тот же самый Матфей говорит: *А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: "Се, Дева возымеет во чреве и родит Сына, и наречете имя Ему: Еммануил"*³². Что у Семидесяти переведено: *"Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и наречете имя Ему: Еммануил"*. Коли уж придирается к словам, то это, во всяком случае, не одно и то же: *возымеет* и *приимет*, — равно как *нарекуют* и *наречете*. А в еврейском Писании это читается так: *Се, Дева понесет, и родит Сына, и наречет имя Ему: Еммануил*. То есть наречет не Ахаз, который был обвинен в неверии, и не иудеи, которые позже отвергнут Господа, но наречет, по его словам, Та, Которая понесет, Та самая Дева, Которая и родит.

У того же Евангелиста мы читаем, что Ирод был встревожен приходом волхвов и, собрав к себе книжников и первосвященников, допытывался у них, где родился Христос. А те отвечали: *В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: "И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой Израиля"*³³. В Вульгате же это место звучит так: *И ты, Вифлеем, дом Ефравов, ты слаб, чтобы быть тебе в Иудиных тысячах; от тебя Мне произойдет Тот, что будет Князем в Израиле*. Но ты еще более удивись тому, сколь велико различие в словах и расположении их у Матфея и у Семидесяти толковников, если заглянешь в еврейский текст, где написано так: *И ты, Вифлеем Ефравов, ты мал меж тысячами Иудиными; из тебя Мне произойдет Тот, Кто будет Владыкою в Израиле*. Рассмотрим же шаг за шагом то, как сие излагает Евангелист: *И ты, Вифлеем, земля Иудина*. Вместо *земля Иудина* в еврейском Писании стоит *Ефравов*, а у Семидесяти — *дом Ефравов*. А вместо *ничем не меньше воеводств Иудиных* у Семидесяти мы читаем: *ты слаб, чтобы быть тебе в Иудиных тысячах*, а у евреев: *ты мал меж тысячами Иудиными*. Смысл противоположный — при том, что Семьдесят, по крайности в этом месте, не расходятся с еврейским Писанием. Ведь Евангелист сказал: ты не мал среди воеводств Иудиных, хотя у тех было прямо сказано, что он именно мал и ничтожен, однако из него, малого и ничтожного, имеет произойти Вождь в Израиле, по слову Апостола: *Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное*³⁴. Да и то, что следует далее: *Который станет править, или Который упасет народ Мой Израиля*, — у пророка, как видим, сказано по-иному.

9. Я перечисляю все это не для того, чтобы обвинить Евангелистов во лжи, как делают нечестивцы — Кельс, Порфирий и Юлиан³⁵, но чтобы уличить в неосведомленности моих обвинителей и добиться от них снисхождения: пусть они извинят в обычном письме то, что придется им, хотя бы они того или нет, извинить апостолам в Священном Писании.

Марк, ученик Петра, так начинает свое Евангелие: *Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророка Исаии: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему*³⁶. Это место составлено из двух пророков, Малахии и Исаии. Ведь то, что говорится сначала: *вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою*³⁷, — написано в самом конце у Малахии. А то, что прибавлено следом: *глас вопиющего в пустыне* и прочее³⁸, — читаем мы у Исаии. Отчего же Марк в начале книги своей поставил: *как написано у пророка Исаии: вот, Я посылаю Ангела Моего*, — что написано, как мы сказали, не у Исаии, а у Малахии, последнего из двенадцати пророков? Пусть разрешит эту загадку их самонадеянное невежество, и тогда я сам стану просить у них извинения за ошибку.

У того же Марка Спаситель говорит к фарисеям: *неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников*³⁹? Обратимся же к чтению Самуила, или, если придерживаться общего их заглавия, книг Царств⁴⁰, и обнаружим, что там написано не об Авиафаре, но о первосвященнике Ахимелехе, который позже, вместе с другими священниками, был, по приказу Саула, умерщвлен Доиком⁴¹.

Обратимся теперь к апостолу Павлу. Он пишет к Коринфянам: *ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его*⁴². В этом месте зачастую усматривают даже апокрифический домысел, утверждая, что свидетельство это заимствовано из апокалипсиса Илии⁴³, хотя у Исаии, по еврейскому тексту, читается так: *От века они не слышали, и не вникали ушами. Опрichь Тебя, Боже, не видит око, что приготовил Ты уповающим на Тебя*⁴⁴. Семьдесят перевели это иначе: *От века мы не слышали, и очи наши не видали Бога, oprичь Тебя, и дела Твои праведны, и сотворишь милость надеющимся на Тебя*. Нам понятно, откуда было взято свидетельство, однако Апостол

передал его не дословно, но парафрастикῶς⁴⁵, выразив тот же смысл иными словами.

В послании к Римлянам тот же апостол Павел приводит слова из Исаии, говоря: *Вот, полагаю в Сионе камень преткновения и скалу соблазна*⁴⁶, И расходится со старым переводом, но остается в согласии с еврейским подлинником. Ибо в Септуагинте они имеют обратный смысл: *Чтобы не наткнулись вы на камень преткновения, на скалу крушения*⁴⁷, — хотя и апостол Петр также, в согласии с евреями и с Павлом, сказал: *Для неверующих же камень преткновения и скала соблазна*⁴⁸.

Из всего того вместе взятого видно, что апостолы и евангелисты при переводе древних Писаний радели не о словах, но о смысле, и не слишком пеклись о порядке и способах выражения, покуда суть была доступна для понимания.

10. Евангелист и муж апостольский Лука пишет, что Стефан, Христов первомученик, говорил в судилище иудейском: *С семьюдесятью пятью душами перешел Иаков в Египет, и скончался сам, и отцы наши перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора, отца Сихемова*⁴⁹. Этот рассказ в Бытии предстает совсем по-иному, так как оттуда явствует, что Авраам купил у Ефрона Хеттянина, сына Цохарова, за четыреста драхм серебра двойную пещеру близ Хеврона и поле окрест нее и схоронил в ней Сарру, жену свою⁵⁰. И в той же книге читаем, что позже Иаков возвратился из Месопотамии с женами и сынами своими и раскинул шатер свой перед Салимом, градом Сихемским, что в земле Хаанаанской, и обитал там, и купил часть поля, на котором стояли его шатры, у Еммора, отца Сихемова, за сотню ягнят, и поставил там жертвенник, и призвал там Бога Израилева⁵¹. Авраам купил пещеру не у Еммора, отца Сихемова, но у Ефрона, сына Цохарова, и похоронен был не в Сихеме, но в Хевроне, который неправильно называют Арбохом. А вот двенадцать патриархов были похоронены не в Арбохе, но в Сихеме, где было куплено поле вовсе не Авраамом, но Иаковом⁵². Я воздерживаюсь от решения также и этой загадки, дабы мои противники сами над ней поразмыслили и уразумели, что в Писании надобно обращать внимание не на слова, но на смысл.

По-еврейски начальные слова двадцать первого Псалма — это те же слова, которые Господь произнес на кресте: *Или, Или! лама савахфани?* — что переводится: *Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил Меня?* Так пускай они укажут причину, по которой Семьдесят толковников прибавили: *воззри на Меня*. Ибо они перевели это так: *Боже, Боже мой, воззри на меня, для чего Ты Меня оставил?* Ответят, что если и было два слова прибавлено, то сие не наносит ущерба смыслу. Но тогда пусть

признают, что и я не потряс церковных устоев, если даже, диктуя в спешке, где-то несколько слов выпустил.

11. Слишком долго пришлось бы перечислять, сколько всего Семьдесят толковников прибавили от себя и сколько опустили; все это в списках церковных помечено звездичками и чертами⁵³. Ведь евреи обычно смеются, когда слышат то, что читаем мы у Исаии: *Блажен, Чье семя в Сионе и домочадцы в Иерусалиме*⁵⁴. Или у Амоса, после описания роскоши: *Мнили, что сие пребудет, а не прейдет*⁵⁵. Прямо-таки ораторское изречение и Туллиев⁵⁶ слог! Вот только что же нам делать с подлинниками книг, в которых мы не находим этих и прочих, подобных сим, прибавлений, для перечисления каковых потребовалась бы бесконечно длинная книга, буде мы попытались бы о них рассказать?

Далее, о том, сколь многое было ими опущено, свидетельствуют и, как уже было сказано, звездички, и наш собственный перевод (если внимательный читатель сличит его с переводом старым). И все же по праву в церквах удержан был перевод Семидесяти, — потому, что он первый и составлен еще до Христова пришествия, и потому, что им пользовались апостолы (понятно, лишь постольку, поскольку он не противоречил еврейскому подлиннику). А вот Аквила⁵⁷, прозелит и вздорный прелгатель, тщившийся переводить не только слова, но даже и корнесловия, по справедливости отвергается нами. Ибо кто вместо “хлеба”, “вина” и “масла” стал бы читать или понимать $\chi\epsilon\upsilon\mu\alpha$, $\acute{o}\tau\omega\rho\iota\sigma\mu\acute{o}\nu$, $\sigma\tau\acute{\iota}\lambda\pi\nu\acute{o}\tau\eta\tau\alpha$, или, по-нашему говоря, “течение”, “плодоношение” и “маслянистость”? Или еще, поскольку у евреев имеются не только $\acute{\alpha}\rho\theta\rho\alpha$, но также и $\pi\rho\acute{o}\lambda\alpha\rho\theta\rho\alpha$, то этот $\kappa\alpha\kappa\acute{o}\zeta\eta\lambda\omega\varsigma$ ⁵⁸ переводит даже слоги и буквы, говоря: $\sigma\upsilon\nu\ \tau\acute{o}\nu\ \omicron\upsilon\rho\alpha\nu\acute{o}\nu\ \kappa\alpha\acute{\iota}\ \sigma\upsilon\nu\ \tau\eta\nu\ \gamma\eta\nu$ ⁵⁹, что совершенно не свойственно греческому и латинскому языкам, в чем мы можем удостовериться, взяв примеры из нашей собственной речи. Ведь сколь многое из того, что звучит по-гречески складно, при дословном переложении на латынь оказывается неблагозвучным, и обратно, то, что тешит наш слух, не придется по вкусу им, если это перевести слово в слово.

12. Но чтобы не продолжать так до бесконечности и все-таки показать тебе, христианнейший из всех благородных мужей и благороднейший из всех христиан муж, какого рода искажения смысла, допущенные в моем переводе послания, вменяются мне в вину, я приведу начало самого этого послания вместе с греческим текстом, дабы по одному обвинению можно было судить и о прочих. $\epsilon\delta\epsilon\iota\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma,\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\eta\tau\acute{\epsilon},\ \mu\grave{\eta}\ \tau\acute{\eta}\ \omicron\iota\eta\sigma\epsilon\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \kappa\lambda\eta\rho\omega\nu\ \phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$, что, как мне помнится, я перевел так: “Не пристало, о возлюбленнейший, чтобы честь духовного звания подавала нам

повод к гордыне". Они говорят: Вот, поглядите-ка, сколько злостных ошибок в одной только строчке! Во-первых, ἀγαπῆτός есть *возлюбленный*, а не *гордый*; ведь у него было сказано не οἱ ἡματι, но οἱ ἡσιν (первое означает *высокомерие*, а второе — *произволение*). Да и все это вместе: чтобы честь духовного звания не подавала нам повода для гордыни, — является отсебятиной.

Что же такое ты говоришь, о, столп учености и Аристарх⁶⁰ нашего времени, выносящий приговоры всем на свете писателям? Знать, напрасно мы учились так долго, зря столько раз подставляли руку под розгу⁶¹. Не успели выйти из гавани, как тут же терпим крушение! Что ж, коль скоро человеку свойственно ошибаться, то мудрому человеку свойственно сознаваться в ошибке. И раз уж ты берешься всех поправлять, то тогда сделай милость, вразуми меня, как учитель, и переведи слово в слово. "Тебе надлежало, — говорит он, — сказать: *Не пристало нам, о возлюбленный, возноситься мнением клириков*". Вот уж, подлинно, Плавтово красноречие, вот аттическое изящество, которое может, как говорится, соперничать с красноречием Муз⁶²! На мне оправдывается расхожая народная поговорка: зря расточает притирания и тратится тот, кто впускает быка в мастилице. Тут повинен не тот, под чьею личиною совсем другой разыгрывает трагедию; тут повинны его наставники, Руфин⁶³ и Мелания⁶⁴, за изрядную мзду обучившие его ничего не знать. Да и вообще, никакого христианина я бы не стал упрекать за неловкий слог, лишь бы все мы придерживались сказанного Сократом: *Я знаю, что ничего не знаю*⁶⁵, — и изреченного другим мудрецом: *Познай самого себя*⁶⁶. Уважение мне всегда внушала не велеречивая неуклюжесть, а святая простота. Тот, кто заявляет, что в речи своей подражает апостолам, пусть раньше начнет подражать добродетельной жизни тех, простоту разговора которых искупало величие святости, посрамлявшей Аристотелевы силлогизмы вкупе с мудреными ухищрениями Хрисиппа⁶⁷ тем, что она воскрешала мертвых. Ведь это, право, смешно, когда иные из нас, купаясь в Крезовых богатствах и Сарданапаловой роскоши, превозносят себя за одну лишь простецкую речь, — так что можно вообразить, будто все разбойники и всякого рода злодеи искушены в красноречии и свои обогранные кровью ножи прячут не под колодами, а между философскими свитками.

13. Я превысил пределы, отмеренные письму, но не превысил меру скорби моей. Ибо я, провозглашенный обманщиком и на все лады склоняемый женушками, сидящими за ткацкими челноками, ограничиваюсь лишь тем, чтобы отвести от себя обвинение, не перекладывая его на других. А потому я отдаю все это на

твой суд, чтобы ты прочел сие послание и по-гречески, и по-латински и смог бы сам оценить отходные, которые мне поют мои обвинители, и их оскорбительные клеветы. Мне же довольно того, что я все объяснил моему возлюбленному другу, и теперь, затворившись в келии, могу дожидаться Судного дня. И я предпочел бы, если будет возможно и если недруги мои попустят сие, составлять для тебя толкования на Писание, а не сочинять Демосфеновы и Туллиевы филиппики.

¹ Паммахий — знатный молодой человек, зять матроны из окружения Иеронима, Павлы, после смерти жены принявший монашество. Постоянный корреспондент Иеронима. В настоящем письме Иероним защищает от адресованных ему обвинений в недобросовестности сделанного им перевода с греческого языка обличительного письма Епифания к Иоанну, епископу Иерусалимскому. В связи с этим Иероним излагает те общие принципы, которыми, по его мнению, следует руководствоваться в переводческой деятельности.

² Деян. 26, 2-3.

³ Ср. Сир. 25, 12.

⁴ Речь идет о св. Епифании Саламинском.

⁵ Греч. "досточтимейший", *venerabilissimus*.

⁶ В эпоху империи консуляр — легат в консульском ранге, наместник в провинции.

⁷ См. Тит Ливий, История Рима 5, 27.

⁸ См. Авл Геллий, Аттические ночи 3, 8.

⁹ Жесты мимического персонажа, изображающего дурного учителя.

¹⁰ Даная была заключена своим отцом в медную башню, однако Зевс проник туда золотым дождем, после чего Даная родила сына. Ср., напр., Гораций, Оды 3, 16.

¹¹ Теренций, Девушка с Андроса, Пролог 17.

¹² Туллий — Марк Туллий Цицерон. Перечисленные ниже переводы не сохранились.

¹³ Цицерон, О лучшем роде ораторов 13-14.

¹⁴ Послание к Пизонам, ст. 133.

¹⁵ Греч. "дурная подражательность".

¹⁶ Речь идет о предисловии к житию св. Антония Великого, составленному св. Афанасием Александрийским и переведенному на латынь Евагрием Антиохийским.

¹⁷ Имеется в виду св. Иларий Пиктавийский.

¹⁸ Мк. 5, 41.

¹⁹ Греч. "более выразительным".

²⁰ Матф. 27, 9.

²¹ Имеется в виду доиеронимовский перевод Библии, т. наз. Итала. Впоследствии наименование "Вульгата" закрепилось за переводом самого Иеронима, сделанного с привлечением еврейского текста и др. источников.

²² Т. е. греческий перевод "семидесяти толковников", Септуагинта, с которого был осуществлен первый латинский перевод Библии, Итала.

²³ Зах. 12, 10; Ин. 19, 37.

²⁴ Зах. 13, 7; Матф. 26, 31.

²⁵ Матф. 2, 15.

²⁶ Ос. 11, 1.

²⁷ Иак. 3, 2.

²⁸ Матф. 2, 23.

²⁹ Греч. “мастера словесности”; ср. Цицерон, Брут 31.

³⁰ Ис. 11, 1.

³¹ Греч. “характер”, “особые свойства”.

³² Матф. 1, 22-23; Ис. 7, 14.

³³ Матф. 2, 5-6; Мих. 5.

³⁴ 1 Кор. 1, 27.

³⁵ Главные языческие критики христианства и основные оппоненты христианских апологетов. Свою критику строили преимущественно на отыскании в Писании противоречий и несообразностей. Кельс (2 в.) и Порфирий (3 в.) — греч. философы-платоники, Юлиан — император Юлиан Отступник (4 в.).

³⁶ Мк. 1, 1-3. В синодальном переводе — “написано у пророков”, а не “у пророка Исаии”.

³⁷ Малах. 3, 1.

³⁸ Ис. 40, 3.

³⁹ Мк. 2, 25-26.

⁴⁰ Четыре книги Царств христианского канона в еврейской Библии обозначались как кн. Самуила (1 и 2 Цар.) и кн. Царей (3 и 4 Цар.). То же название удерживает за ними Вульгата и протестантский канон.

⁴¹ См. 1 Цар. 22, 16-18.

⁴² 1 Кор. 8-9.

⁴³ Этот апокриф не сохранился.

⁴⁴ Ис. 64, 4.

⁴⁵ Греч. “иносказательно”.

⁴⁶ Рим. 9, 33.

⁴⁷ Ис. 8, 14.

⁴⁸ 1 Петр. 2, 7.

⁴⁹ Деян. 7, 14-16.

⁵⁰ См. Быт. 23.

⁵¹ См. Быт. 33, 18-20.

⁵² См. Ис. Нав. 24, 32.

⁵³ Звездочка (*asteriscus*) и черточка (*obelus*) — редакторские значки, применявшиеся александрийскими грамматиками. Первыми обозначались пропуски в рукописи, вторыми — испорченные или сомнительные места.

⁵⁴ Ис. 31, 9, по Септуагинте. В Вульгате исправлено: “Которого огонь на Сионе и горнило в Иерусалиме”.

⁵⁵ Ам. 6, 5, по Септуагинте. В Вульгате исправлено: “Думали, что владеют музыкальным инструментом, как Давид”.

⁵⁶ См. прим. 12.

⁵⁷ Аквила (или Акила) — иудей, обратившийся в христианство, а затем вновь перешедший в иудаизм из-за нежелания отказаться от предосудительных, с христианской точки зрения, занятий астрологией. Ок. 138 сделал новый перевод еврейской Библии, который призван был заменить у эллинизированных евреев Септуагинту, но который был отвергнут христианами,

а впоследствии утрачен. Иероним еще успел познакомиться с этим переводом по Гексаплам Оригена, также не сохранившимся в полном виде.

⁵⁸ Переусердствовавший, не в меру рьяный.

⁵⁹ Букв.: “со небо и со землю”. Греческим грамматическим термином ἄρθρον (“член”, “артикл”) Иероним обозначает еврейский определенный артиклъ ha, а термином πρόαρθρον (“предчлен”) — показатель объектного падежа 'et, который предшествует собственно артикляю. Слово 'et не только выполняет функцию грамматического обозначения объекта, но и имеет собственное лексическое значение, как предлог “с”, “вместе”, соответствующий греческому σύν. Попытка Аквилы передать грамматическое значение этой частицы лексическим как раз и создает бессмыслицу и нарушение падежного управления в переводе первого стиха кн. Бытия: “В начале сотворил Бог небо и землю”.

⁶⁰ Аристарх Самофракийский, знаменитый грамматик 2-го в.

⁶¹ Парафраза стиха из Ювенала, Сатиры 1, 15.

⁶² Ср. Квинтилиан, Instit. orat. 10, 1, 99: “Музы заговорили бы Плавтовым языком, если бы пожелали говорить на латыни”.

⁶³ Руфин Аквилейский, близкий друг, а впоследствии — враг Иеронима, осуждавшего увлечение Руфина оригенизмом и обвинявшего последнего в ереси.

⁶⁴ Мелания Старшая, знатная римская матрона. Рано овдовев, она отправилась в Египет, где посетила многих отцов-пустынников, а впоследствии сама основала женский монастырь в Иерусалиме, на Масличной горе. Чуть позже настоятелем находившегося по соседству мужского монастыря стал Руфин, которого с Меланией связывала тесная дружба.

⁶⁵ См. Цицерон, Acad. 1, 4.

⁶⁶ Гномическое изречение, приписывавшееся разным лицам, чаще всего — кому-то из “семи мудрецов”.

⁶⁷ Хрисипп (3 в. до н.э.) — греч. философ-стоик, один из основоположников стоической логики.

Письмо 125

К Рустику¹ о добрых иноках и худых

1. Нет никого, кто был бы счастливее христианина, ибо ему обетовано Небесное царствие; и нет никого, кто паче него труждался бы, ибо жизнь каждодневно посылает ему опасности. Нет никого сильнее него, торжествующего над диаволом; и нет никого неможнее него, одолеваемого плотию. И тому, и другому имеется много примеров. Разбойник уверовал на кресте, и тотчас сподобился услышать: *Истинно, истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю*². Иуда же от высот своего апостольства низвергся в тартар предательства, и ни участие в дружеской трапезе, ни омакание куска, ни благодать лобзания не помешали ему предать яко человека Того, в Ком познал он Божьего Сына³.

А кто сравнится в ничтожестве с самарянкою? Между тем, она не только сама уверовала и, после шести мужей, обрела Единого Господа, не только подле колодезя признала Мессию, Которого и во Храме не узнал народ иудейский, но соделалась виновницею спасения многих людей и, покуда апостолы покупали пищу, напоила жаждущего и подкрепила обессилевшего⁴. Или кто сравнится в мудрости с Соломоном? Однако, чрез свое женолюбие и он лишился ума... *Соль добрая вещь*⁵, и никакая жертва не может быть принята, не будучи присыпана ею⁶, почему и Апостол заповедует: *Слово ваше пусть будет приправлено солью*⁷. Но если она утеряет силу свою, то ее выбрасывают вон, ибо она до такой степени утрачивает отвечающие ее имени свойства, что становится непригодною даже в навозе⁸, каковым удобряют пашни, взращающие верных, и каковым утучняют скудные почвы душ.

Все это мы говорим, чтобы с первых шагов наставить тебя, сын наш Рустик, в том, как тебе приступить к великому делу и направить свои устремления к наивысшему и как, попирая соблазны младости, сопутствующие возмужанию, взойти тебе в степенство полного возраста, памятуя, что путь, по которому предстоит тебе подвигаться вперед, скользок, и потому тебе должно не столько ожидать славной победы, сколько остерегаться бесславного поражения.

2. Правда, мне нет теперь надобности водить тебя по лугам добродетелей, заботясь, чтобы с моею помощью узрел ты красу всевозможных цветов: ту чистоту, каковая свойственна кринам, и ту стыдливость, каковая присуща розанам, или то, что предвещает нам в Царстве небесном пурпур фиалок, или то, какое обетование содержится в рдеющих, наподобие лалов, цветах. Ибо, милостию Господней, ты уже взялся за рукояти сохи, уже взошел в дом и на крышу дома, подобно Петру-апостолу, который меж иудеями взалкал, однако верою Корнилия насытился и глад, причиненный неверием тех, утолил от обращения язычников, и который в сосуде о четырех углах, сосуде Евангелий, снисшедшем с небес на землю, почерпнул для себя поучение и начал других поучать о том, что спастись возможно всем людям. После чего сосуд, ему явленный, имевший вид белоснежного полотна, вновь вознесеня горе⁹, увлекая за собою с земли на небеса сонмы уверовавших, во исполнение Господня обетования: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*¹⁰.

Так что все, что я ныне желаю тебе внушить, взявшись руководить тобою (коль скоро я, словно опытный мореход, испытанный немало крушений, решился наставить неопытного пловца), — это чтобы ты знал, у каких берегов ты встретишь морских разбойников, покушающихся на твое целомудрие, или Харибду

алчности, каковая есть корень всех зол, или Сцилловых псов клеветы, о которых у Апостола сказано: *Если же друг друга угрызаєте, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом*¹¹, или что в безветренную погоду мы, понадеявшись на свою безопасность, можем сесть на мель в Сиртах Ливийских¹², или сколь многих ядоточивых существ питает пустыня века сего...

3. Пускающиеся плыть по Черному морю¹³ (где, как нам уповать подобает, вместе с войском своим потонет подлинный Фараон)¹⁴ преодолевают много опасностей и препятствий прежде, чем достигнут они града Авксумы¹⁵. По обоим берегам того моря обитают племена кочевые, да еще и лютые звери. Всегда настороже, всегда с оружием наготове, эти путники везут с собою припасов на целый год. Там повсюду много подводных скал и опаснейших мелей, так что наблюдателю, прокладываящему путь, приходится сидеть на верхушке мачты, указывая оттуда, куда надлежит судно направить и где надобно повернуть. И великая удача, ежели за шесть месяцев достигают они гавани вышеназванного града. Оттуда начинается Океан, и почти целый год занимает переход по нему в Индию, к потоку Ганга, который в Св. Писании зовется Фисон и который опоясывает всю землю Хавила¹⁶; говорят, что он истекает из Рая и выносит от истоков своих самоцветные камни всякого вида. Там есть и карбункулы, и смарагды, и блистающий белизною скатный жемчуг, распалаящий тщеславие знатных жен; там есть горы из золота, к которым не может приблизиться никто из людей ради страха драконов, грифонов и прочих огромных чудовищ, являющих нам, какими стражами окружает себя скупость.

4. К чему говорю я все это? Да разве не ясно? Если мирские купцы столько выносят, чтобы добраться до неверных и преходящих богатств, и если с угрозою для живота своего они тщатся сберечь то, что стяжали, подвергнувшись многим опасностям, то чего не пристало превозмочь Христову купцу, который, продавши все, взыскует одной многоценной жемчужины и который, уплативши всем своим достоянием, покупает поле, чтобы найти там сокровище, каковое не сможет выкопать тать или отнять разбойник¹⁷?

5. Знаю, что восстанавливаю против себя многих людей, которые всякое отвлеченное рассуждение о пороках вменяют себе в обиду, но коль скоро они на меня гnevаются, то сие означает, что совесть у них не чиста и что сами себя осуждают они много горше, чем меня. Я же не стану никого называть по имени, не стану брать кого-либо из живущих людей, чтобы выставить на позо-

рище, как то принято было в древней комедии. Муж разумный, равно как и жены разумные, обыкновенно прячет пороки, которые за собою знает, и старается их исправлять; он будет досадовать более на себя, нежели на меня, и не станет хулить того, кто пытается его остеречь, ибо последний, даже будучи обременен теми же недостатками, все же имеет пред ним то преимущество, что не любит себя собственными пороками.

6. Я слышу, что мать твоя — благочестивая женщина, давно уже овдовевшая, что она сама растила и воспитывала тебя в младенчестве, а затем, дав тебе образование в галльских школах, которые ныне весьма процветают, отослала, не считаясь с затратами, в Рим, согласившись на разлуку с сыном ради его будущности, ибо она хотела, чтобы пышность и блеск галльского красноречия умерила римская строгость, воздействуя на тебя более уздою, нежели бодцом (нечто схожее мы читаем и о знаменитых ораторах Греции, осушавших азийскую выпренность аттической солью и подрезавших садовым ножом слишком буйные побеги виноградной лозы, чтобы давящие чаны красноречия наполнялись не зеленью слов, но мыслями, подобными соку из виноградных гроздьев). Так что тебе подобает почитать ее, как родительницу, любить, как наставницу, и благоговеть перед нею, как перед женщиною праведною. И не следует подражать примеру иных людей, которые пренебрегают своею семьею, чтобы прилепиться к чужим женщинам, непотребство которых для всех очевидно, ибо под предлогом благочестивой любви ищут они лишь предосудительной близости. Мне доводилось знать таких, уже зрелых летами, жен, многие из которых проводят время среди юношей из вольноотпущенников и стараются обзавестись духовными сыновьями, чтобы затем, отложив понемногу стыд, воспользоваться всеми преимуществами супружества под прикрытием поддельного материнства. А другие, имея сестер-девиц, покидают их и на стороне находят себе вдовиц, чтобы вступить с ними в брак. Есть и такие, которые так ненавидят своих близких, что их не может удержать даже любовь, выказываемая теми; их необузданность, ставшая отличительным свойством души, не ищет себе никаких извинений и разрывает, как паутину, ненужные им завесы, обыкновенно скрывающие распутство. Или посмотри на иных мужей с препоясанными чреслами, в темных туниках и с густой бородою, которые шагу не ступят без женщины, живут с нею под общим кровом, вместе с нею ходят в собрания пирующих, держат в услужении юных рабынь и, не называя этого браком, во всем прочем ведут себя как супруги. И не звание христианина виною тому, что кто-то, под личиною благочестия, коснеет в пороке; напротив, это и для язычников

было бы посрамлением, когда бы они увидали, что в церквах осуждается то, чего не одобряют все честные люди¹⁸.

7. Ну а ты, возжелавший не только казаться монахом, а быть таковым, возымей попечение не о наследственном достоянии, с отречения от которого ты начал свой иноческий путь, но о своей душе. Пусть темные ризы твои будут знамением непорочной чистоты ума, пусть грубое вретие указывает на презрение к миру, но так, чтобы дух твой от этого не возгордился и чтобы внешний твой облик не расходился с твоими словами. Откажись от горячих бань, коль скоро ты жаждешь остудить свой телесный жар прохладою постов. Однако и эти последние пусть не будут чрезмерными, ибо в противном случае они истощат утробу и, вызывая постоянную потребность в утолении глада, приведут к дурному пищеварению, каковое есть причина сладострастия. Умеренность же и воздержность в еде полезны и для души, и для плоти.

Ты должен встречаться с матерью, но так, чтобы при этом не приходилось тебе видеть еще и других жен, чей облик запал бы тебе в сердце — “и жила бы в груди сокрытая рана”¹⁹. Помни: прислужницы, которых держит она при себе, грозят тебе великой опасностью, ибо, чем ниже их положение, тем ближе твое падение. Иоанн Креститель имел благочестивую мать и был сын первосвященника, но ни любовь к матери, ни отеческое наследие не отвратили его от того, чтобы покинуть ему родительский дом, где его целомудрие подвергалось опасности. Он стал обитать в пустыне и ничего не удостоивал взгляда, ибо очи его жаждали зреть Христа. И одежда его из грубого волоса, и кожаный пояс, и пища его, которую составляли акриды и дикий мед, все служило ему к укреплению в добродетели и воздержности.

И сыны пророческие, те иноки, о которых читаем мы в Ветхом Завете, строили себе хижины близ течения Иорданова и, удалившись от суеты городов, питались ячменным зерном и зеленым травным²⁰. А покуда ты остаешься в своем отечестве, постарайся устроить так, чтобы келия твоя была для тебя райскою кушеею: собирай многообразные плоды Священных Писаний, обретая в оных утеху и наслаждаясь в общении с ними. Если глаз твой соблазняет тебя, вырви его; если соблазняют тебя рука твоя или нога, отсеки их и брось от себя²¹. Все отдай, чтобы сберечь единственно душу. Ведь всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем²². Кто может сказать: “Я очистил сердце свое”²³? И звезды не чисты пред взором Господним; кольми же паче человеки²⁴, вся жизнь которых есть искушение?! Горе нам, ибо сколько раз вождедем, столько раз согрешаем прелюбодеянием²⁵. Сказано:

Упился меч Мой на небесах²⁶, — однако пуще упьется он на земле, что рождает одни лишь волчьи и терние²⁷. Сосуд избранный, устами которого глаголал Христос²⁸, поработил свое тело, умерщвляя его²⁹, но и он примечает, как жар его плотского естества противоборствует его воле, понуждая творить то, чего он сам не желает. И словно страдая от насилия этого, стонет он, говоря: *Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти*³⁰? Так неужели же ты мнишь, что возможно будет тебе совершить свой путь без падений и поражений, ежели ты не оградишь со всяческим тщанием свое сердце и со Спасителем не воскликнешь: *Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его*³¹? Таковое жестокосердие есть подлинно сыновняя любовь; и паче того, нет большей любви, чем соблюсти для благочестивой матери благочестивого сына. Ведь и она желает, чтобы ты жил, не видясь с нею какое-то время, но чтобы ей присно видеть тебя со Христом.

Анна родила Самуила не для себя, но для скинии³². Сыны Ионадавовы не пили ни сикера, ни вина, и жили в шатрах, останавливаясь там, где застигнет их ночь³³, однако, как сказано было в Псалме, одними из первых подверглись пленению, поскольку принуждены они были войти в города, когда Иудею опустошали халдейские рати³⁴.

8. Пусть другие думают, как хотят, а по мне град есть темница, пустыня же — райский сад. Для чего желать городской суеты, если мы даже самое наше прозвание получили от жизни уединенной³⁵? Моисей, прежде чем повести за собою народ иудейский, сорок лет подвизался в пустыне³⁶: пастырь овчий, соделался он пастырем человеческим. Апостолы, ловившие рыб в озере Генисаретском, обратились к уловлению человеков. Раньше имели они отца, невод, лодку; последовавши за Господом, покинули все это вдруг и несли каждодневно свой крест, не имея в своем владении даже дорожного посоха³⁷.

Я говорю все это затем, чтобы ты, даже если тобою движет желание стать священником, прежде сам обучился тому, чему мог бы учить, принеся Христу умную жертву, дабы не оказаться тебе воином раньше, чем новобранцем, и учителем раньше, чем учеником. Мне негоже, по ничтожеству моему, судить других и говорить худое о служителях Церкви. Пусть они сохраняют свое положение и удерживают свой чин в общем порядке, и если бы ты когда-нибудь к ним присоединился, то книга, написанная мною для Непоциана, могла бы научить тебя, как должно жить в том состоянии³⁸. Однако теперь мы ведем речь о младенчестве и о самых первых правилах жизни инока, и притом такого инока, который обучался свободным наукам и уже в юном возрасте преклонил свою выю под иго Христово.

9. Прежде всего, нам надобно обсудить вопрос о том, надлежит ли тебе жить одному, или же в монастыре, с другими монахами. Мне представляется более предпочтительным, чтобы ты делил кров с людьми высокого благочестия и тебе не пришлось бы руководствоваться лишь собственным разумением и без всякого провожатого вступить не нехоженую стезю, ибо при этом ты постоянно уклонялся бы от дороги и, лишь заблудившись, обнаруживал бы, что прошел больше или же меньше, чем следовало, так что торопливостью ты истощал бы свои силы, а сделав привал — поддавался сонливости. К отшельнику борзо подкрадывается гордыня: если он хотя бы малое время постился и не видел людей, он уже почитает себя невесть кем; позабыв о первоначальных своих побуждениях, запамätовав, откуда и куда направлялся, он не трогается с места, но зато языком забредает далече. Вопреки апостольскому заповеданию он осуждает чужих рабов³⁹; чего бы ни пожелала утроба его, все подает рука; он спит, сколько хочет; никто ему не указ, ибо всех почитает он ниже себя; в городах он бывает чаще, нежели в своей келье, и, изображая смирение перед братьями, непрестанно встревает в перебранки на площадях.

Так что же, отвергаем ли мы вовсе отшельническую жизнь? Нимало! Ведь мы и сами не раз ее восхваляли. Однако мы желаем, чтобы из училищ монастырей выходили такие воители, которых не устрашили бы первые опыты послушания, которые не уставали бы подавать зримые доказательства свершившейся в них перемены, которые были бы последними из всех, чтобы сделаться первыми среди всех, над которыми никогда не имели бы власти ни глад, ни жажда, которые радовались бы бедности, которые одеждою, речами, лицом и походкою учили бы добродетелям и которые не имели бы обычая, по примеру иных негодных монахов, измышлять небылицы о демонах, якобы ополчившихся против них, — в надежде возбудить в людях простых и неискушенных удивление пред собою и извлечь из этого прибыль.

10. Недавно пришлось нам с прискорбием наблюдать, как по смерти одного человека открылись богатства, достойные Креза, и пожертвования, собиравшиеся со всего города будто бы в пользу нищих, достались в наследство его сыновьям и потомству. В тот день железно, покоившееся в пучине, всплыло на поверхность воды⁴⁰, и меж пальмовых дерев была явлена горечь Мерры⁴¹. Однако дивиться тут нечему: он имел такого товарища и наставника, который глад неимущих обратил для себя в богатства и предназначенное нуждающимся удержал для собственных нужд. Однако роптание тех достигло Небес и тронуло многотерпеливый слух Бога, так что послан был к этому злому Навалу Кар-

милитянину⁴² ангел, сказавший ему: *безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя, и чьим будет все то, что ты заготовил*⁴³?

11. Итак, мне не хотелось бы, чтобы ты жил вместе с матерью, — как по причинам, изложенным мною выше, так и потому, что ты огорчал бы ее отказом от изысканных яств, предлагаемых ею; принимая же их, ты подливал бы масла в огонь и, в окружении множества юных дев, при свете дня созерцал бы то, что было предметом ночных мечтаний. Никогда не выпускай из рук книгу и не отводи от нее взора, заучивай Псалтырь наизусть и непрестанно твори молитву, трезвея духом и не допуская к себе суетных помышлений. Телом, равно как и духом, устремляйся ко Господу. Обуздывай гнев терпением. Возлюби науку Священных Писаний, и тогда не будет в тебе любви к плотским порокам. Пусть в уме твоём не сыщется свободного места для всякого рода страстей и волнений, ибо они, поселившись в душе, могут овладеть тобою всецело и вовлечь тебя в тяжкие прегрешения.

Справляй какую-нибудь работу, чтобы диавол всегда заставлял тебя занятым делом. Уж коли апостолы, имевшие право жить от благовествования, трудились не покладая рук, чтобы никого не обременить⁴⁴, и доставляли другим облегчение, хотя и должны были пожинать их плотское в обмен на свое духовное⁴⁵, то почему бы тебе не потрудиться над тем, чем тебе самому предстоит воспользоваться? Ты можешь вязать кошель из тростника или плести из гибкой лозы корзину. А не то — вскапывай землю, размечай гряды и, разбросав семена овощей или высадив рядами рассаду, подводи к ним воду для орошения, чтобы узреть воочию то, что описано было в прекрасных стихах:

Вдруг из-под самых бровей обрыва нагорного воду

Выведет, и, грохоча, ниспадает она, и сдвигает

Мелкие камни, волной освежая засохшие нивы⁴⁶.

Прививай бесплодные деревья черенками или же почками, и, спустя краткое время, ты будешь вкушать сладостные плоды собственных трудов. Сооруди колоды для пчел, к коим отсылают тебя Соломоновы притчи⁴⁷, и учись монастырскому уставу и послушанию царственной власти, наблюдаемым в этих малых общинах. А еще вяжи сети для ловли рыб или переписывай книги, дабы и рука зарабатывала пропитание, и душа насыщалась чтением.

*Досужим овладевают похоти*⁴⁸. В египетских монастырях держались обычая не принимать к себе никого, кто не имел бы работы или занятия; и это не столько ради насущных жизненных нужд, сколько ради спасения души, дабы та не развлекалась

опасными помыслами и, уподобясь Иерусалиму, блудливой жене, не раздвигала бы ноги свои для всякого мимоходящего⁴⁹.

12. Когда я был юн, и меня окружали безлюдные пустыни, я все же не мог пересилить греховных соблазнов и сдержать пыл естества: хотя и пытался я усмирять их бесчисленными постами, однако мой ум разжигался нечистыми помыслами. И чтобы его обуздать, пошел я в ученики к одному брату, еврею, перешедшему в нашу веру, дабы, после изощренности Квинтилиана и гладкости Цицерона, после степенности Фронтоня и живости Плиния, вновь обучаться азбуке и упражняться в произношении шипящих и шелкающих слов. Сколько трудов положил я тогда, какие преграды преодолел, сколько раз отчаивался, сколько раз все бросал, но, стремясь овладеть этим знанием, сызнова принимался за дело — тому свидетель я сам, претерпевший все это, и те, с кем я вместе жил. И я благодарен Господу за то, что от горького семени учения пожинаю теперь сладостные плоды.

13. Поведаю тебе еще кое-что, виденное мною в Египте. Был в киновии⁵⁰ юноша-грек, который никаким воздержанием, никакими великими трудами не мог загасить пламень своей плоти. И от этой угрожавшей ему напасти авва обители спас его с помощью следующей хитрости. Он наказал одному почтенному мужу, чтобы тот донимал юношу насмешками и бранью, а затем, нанеся обиду, первым обращался бы с жалобой. Призываемые свидетели показывали в пользу того, кто затеял ссору, и юноше оставалось оплакивать этот обман: никто не верил правде, и лишь отец настоятель осторожно вступился за него, дабы брат не был окончательно подавлен печалью⁵¹. Короче говоря, так он прожил год, по прошествии коего, в ответ на вопрос о бывших его помышлениях, всё ли они ему досаждают, — сказал: “Увы мне! До блуда ли, коли вовсе житья нету?” А когда бы он жил один, кто пособил бы ему одержать победу?

14. Мирские философы обыкновенно советуют избавляться от старой любви, вытесняя ее новою, подобно как клин вышибается клином. Так учинили и семеро персиянских князей, чтобы любовь к иным девам заслонила для Ахашвероша⁵² страсть к царице Астини⁵³. Но если они порок врачуют пороком, а грех грехом, то нам подобает пороки превозмогать любовью к добродетелям. Сказано было: *Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним*⁵⁴. Если мы не возненавидели зло, то не можем возлюбить и добро. Более того, нам надлежит творить добро, чтобы уклониться от зла, мира искать, чтобы войны избежать. И мало нам просто его искать, если, найдя, не примемся мы со всяческим рвением преследовать тот ускользающий мир, кото-

рый превыше всякого ума⁵⁵ и который есть обиталище Бога, по слову Пророка: *И в мире жилище Его*⁵⁶. Прекрасно сказано: *преследовать мир*, подобно как и у Апостола говорится: *Преследуй странноприимство*⁵⁷, — дабы привечали мы странников не просто словами, торопливыми и легковесными, и, если можно так выразиться, лишь краешком уст, но со всем жаром души старались бы их удержать, как будто они уносят с собою частицу нашего достоинства и богатства.

15. Никакому искусству нельзя обучиться без наставника. Даже бессловесные твари и стаи диких зверей повинуются своим вожакам. Пчелы имеют князей, и журавли следуют друг за другом, выстроившись буквою⁵⁸. Во всякой области есть лишь один правитель и один судия. И когда был основан Рим, то не мог он иметь царями сразу двух братьев, и потому осквернился братоубийством. Во чреве Ревекки бились друг с другом Исав с Иаковом. У каждой Церкви есть свой архиепископ, свой архипрезвитер, свой архидиакон, и каждый церковный чин зиждится на своих начальниках. Один кормчий в лодке, один хозяин в доме, и в самом великом войске все ожидают приказов от одного...

Но не буду более докучать читающему долгим перечислением, ибо, приводя все эти примеры, я клоню мою речь к тому, чтобы внушить тебе, что ты не должен быть покинут на свое благоусмотрение, но что тебе подобает жить в монастыре, в послушании у единого отца и в общении со многими братьями. Тогда ты сможешь от одного выучиться смирению, от другого терпению, кто-то наставит тебя молчанию, кто-то незлобivosti. Тогда ты не станешь делать все, что заблагорассудится, будешь есть, что велят, и иметь, сколько подадут. Ты будешь исправно отрабатывать свой урок, подчиняться тем, кому подчиняться не хочешь. Ты будешь отходить ко сну утомленным, засыпая еще на ногах, но, не успев насытиться сном, принужден будешь подниматься и читать в свой черед Псалмы, а для сего потребно не сладкогласие, но сосредоточение ума, как пишет Апостол: *Стану молиться духом, стану молиться и умом*⁵⁹, и еще: *Воспевая в сердцах ваших*⁶⁰, ибо прочел он заповедание: *Пойте все с разумением*⁶¹. Ты будешь угодждать братьям, омывать ноги странникам, молча сносить обиду. Пред настоятелем обители будешь трепетать, как пред господином, и будешь любить его, как отца, веруя, что для тебя спасительно все, что он только ни повелит, и не станешь обсуждать приговоров старшего, ибо твоя обязанность — повиноваться и исполнять то, что тебе повелено, по слову Моисееву: *Внимай и молчи, Израиль*⁶². За всеми этими заботами у тебя не останется места для пустых мечтаний, и, покуда ты будешь переходить от одного дела к другому и чередовать одно послу-

шание с другим, у тебя на уме будет лишь то, что тебе наказано сделать.

16. Мне случалось видеть людей, которые, после того, как они отреклись от мира (правда, не на деле, а только в одежде и на словах), отнюдь не переменили прежнего образа жизни. Имени их скорее умножилось, нежели оскудело; все те же рабы у них в услужении, все то же роскошество в трапезе. Едят они из посуды стеклянной и глиняной златыми приборами и, окруженные сонмом спящих слуг, требуют, чтобы их величали отшельниками. А те, что и впрямь бедны и скудны имением, мнят себя великими умниками и, соревнуясь в важности с носилками, на которых выносят идолов⁶³, отправляются на многолюдные площади, чтобы упражняться в киническом красноречии. Иные же втянут голову в плечи и, уставясь взором в землю, что-то бормочут себе под нос, ворочая на языке напыщенные слова, так что, будь при них еще и глашатай, можно было бы решить, что навстречу движется наместник со свитою. Есть и такие, которые, из-за сырости келий и чрезмерных постов, утомившись от одиночества и слишком усердного чтения, от какового у них днем и ночью звенит в ушах, впадают в черную немочь и нуждаются более в Гиппократовых снадобиях, нежели в наших увещеваниях. А многие никак не могут отвыкнуть от прежних своих торговых занятий и промыслов и, сложив с себя купеческое звание, продолжают те же купли и продажи не с целью доставить себе пропитание и одежду, что дозволяет Апостол⁶⁴, но ради корысти, превосходящей и ту, какой ищут миряне. И если прежде их купеческий произвол сдерживался рыночными назирателями, или, как их именуют греки, агораномами, так что плутовство не оставалось безнаказанным, то теперь они прикрывают свои незаконные сделки вывескою монашеского служения, и честное имя христианина скорее служит притеснению других, нежели навлекает гонения на себя. И еще, как ни стыдно о том говорить, а приходится, чтобы хоть это заставило нас покраснеть от нашего непотребства: на виду у всех мы протягиваем руку за хлебом, а сами копим золото в тайниках и, вопреки общему мнению, умираем богачами с полными мошнами денег, хотя прожили жизнь, как нищие.

Когда ты поселишься в монастыре, тебе ничего подобного не позволят, а как только в тебе начнет вкореняться привычка, для тебя сделается желанным то, к чему тебя сперва принуждали. Труды твои будут тебе в радость, и, позабыв все прежнее, будешь ты непрестанно стремиться к лучшему, помышляя не о том, что худого делают другие, а о том, что доброго надлежит сделать тебе самому.

17. И пусть не увлечет тебя за собою множество прегрешающих и не введет в соблазн сонмище погибающих, чтобы тебе в глубине души не подумать: “Да неужто все, живущие в городах, имеют погибнуть? Ведь вот, они распоряжаются своим именем, служат в церквах, посещают бани, не отказываются от притираний, и однако у всех слывут самыми уважаемыми людьми”. На это я тебе уже дал ответ, и теперь повторю вкратце: не о священнослужителях веду я речь в этих записках, но преподаю наставление иноку. Есть священнослужители, преисполненные благочестия, и образ их жизни достоин всяческой похвалы. А, стало быть, и ты в монастыре должен держать себя так, чтобы удостоиться права стать священником, чтобы не запятнать тебе юность твою никакими пороками, чтобы приступить тебе к жертвеннику Христову подобным деве, восставшей от ложа, и чтобы сторонние люди отзывались о тебе добрым словом, а жены знали бы твое имя, но не видели бы твое лицо. Когда же достигнешь ты зрелых лет, то, если случится, что народ или местный епископ изберет тебя для священнического служения, живи так, как живут священники, подражая лучшим из них, ибо в любом состоянии лучшее перемежается с худшим.

18. Не спешి приниматься за сочинение книг, увлекшись легким вдохновением. Надобно долгое время учиться тому, чему будешь учить. Не доверяй лстящим тебе, а вернее сказать, не спеши преклонять слух к глумящимся над тобою, ибо они размягчают тебя ласкою и словно бы усыпляют твой разум, но стоит тебе вдруг оглянуться назад, как ты увидишь, что они за твоею спиною строят аистинные шеи⁶⁵, или наставляют рукою ослиные уши, или показывают высунутый от зноя собачий язык. Никого не хули и не почитай себя святым только ради того, что порицаешь всех прочих. Мы нередко укоряем других в том, что и сами творим, так что красноречие наше оборачивается против нас же самих и мы бичуем наши собственные пороки, уподобясь немым, осуждающим тех, кто высказывается вслух.

Начиная речи свои, Грунный⁶⁶ поначалу движется медлительными шагами и еле-еле выговаривает несколько слов, перемежая их долгими остановками, чтобы ты подумал, что он не столько говорит, сколько запинаясь. Но вот он водружает на стол груды книг, а затем, насупив брови, раздув ноздри и наморщив лоб, стучит двумя пальцами, приглашая учеников ко вниманию. И уж тут он начинает нести полную околесицу, разражаясь обличительными речами против всех и каждого, так что и не скажешь, что пред тобою не критик Лонгин⁶⁷ и не блюститель римского красноречия, клеймящий и исключаящий из собрания ученых мужей всех, кого ему заблагорассудится. У такого достаточно денег, и наибольший успех стяжает он на обедах, даваемых им

самим. И не диво, если тот, кто привык прикармливать столько народу, выступает затем, сколотив себе шайку горластых бездельников, на общественном поприще, оставаясь дома Нероном, а на людях представляясь Катоном, весь — сущее двуличие, так что ты мог бы сказать, что из двух различных и противоположных друг другу природ составилось здесь единое чудище, некое новое существо, подобное тому, что описано было в стихах:

Спереди лев, назади же дракон, и коза в середине⁶⁸.

19. Посему никогда не води с такими знакомства и не имей сношений с людьми подобного толка, дабы сердце твое не уклонилось к злоречию⁶⁹ и тебе не пришлось услышать: *Сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевету⁷⁰, или: Сыны человеческие, у которых зубы — копья и стрелы⁷¹, или еще: Слова их нежнее елея, но они суть обнаженные мечи⁷², или, как еще более ясно сказано у Екклесиаста: Если змей ужалил без заговаривания, то не лучше его и тайно наговаривающий на брата своего⁷³*. Ты возразишь: “Сам я не клевету, а с другими, подобное говорящими, что я могу поделать?” Однако мы прибегаем к сей отговорке лишь для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие⁷⁴. Христа нам не обмануть такою уловкою! Не мне, но Апостолу принадлежит сие изречение: *Не обольщайте себя: Бог поругаем не бывает⁷⁵*. Он видит то, что в сердце, мы же видим лишь внешность. Соломон говорит в своих Притчах: *Северный ветер производит дождь, а язык возводящих хулу — удрученное лицо⁷⁶*. Ведь, подобно тому, как стрелы, выпущенные в нечто твердое, иногда возвращаются к пославшему их и уязвляют того, кто пытался ими сразить другого, во исполнение сказанного: *Обращались назад, как неверный лук⁷⁷, или еще: Кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову⁷⁸*, так и клеветник, видя удрученное лицо внемлющего ему (или, вернее сказать, затыкающего уши, чтобы не слышать убийственного суда⁷⁹), тотчас же, поблуднев, умолкает, и губы его смыкаются, а во рту высыхает слюна. Потому-то и говорит тот же премудрый муж: *С возводящими хулу не сообщайся, потому что внезапно придет их погибель, и беду для обоих вас кто предугадает⁸⁰* — то есть и для хулящего, и для выслушивающего хулу. Истина не любит глухих закоулков и не нуждается в нашептывающих в уши.

В послании к Тимофею говорится: *Не спеши принимать обвинение, возводимое на старейшего летами, согрешившего же обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели⁸¹*. Не следует тотчас же верить худому в отношении человека преклонного возраста, в защиту которого говорит прожитая им жизнь и по-

чтение к которому внушает самое звание старца, однако все мы лишь люди, и подчас, невзирая на зрелые лета, впадаем в юношеские пороки, так что если ты хочешь, чтобы я, совершивши проступок, исправился, то порицай меня открыто, а не угрыжай украдкой: *Пусть наказывает меня праведник в своем милосердии и пусть обличает меня; елей же грешника главы моей да не умастит*⁸². Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает⁸³. И устами Исайи глаголет Бог: *Людие мои, те, которые зовут вас блаженными, совращают вас и искривляют путь ваших стезей*⁸⁴. Ибо какая для меня будет польза, если о моих пороках поведаешь ты другим, если, оставив меня в неведении, причинишь ты досаду кому-то другому рассказом о моих прегрешениях, а больше — свою хулою, и, разглашая сие всем подряд, будешь с каждым говорить так, словно бы ты никому другому сего не сказывал? Ведь это бы означало, что ты не меня исцеляешь, а потакаешь собственному пороку. Господь заповедует нам обличать согрешающих против него не прилюдно, а разве что в присутствии свидетеля, и, если те не послушают, препоручать их Церкви, с упорствуящими же во зле обходиться как с язычниками и мытарями.

20. Я говорю о сем так настойчиво, потому что хочу сохранить тебя, чадо мое, от коросты, поражающей уши и языки, дабы ты, вновь родившийся во Христе, предстал предо всеми без единой морщинки и пятнышка, словно стыдливая дева, чистая и умом, и телом, которая бы могла похвалиться не только именем и не была бы отвергнута Женихом для того, что без масла добрых дел светильник ее угас⁸⁵.

Там у себя ты имеешь епископа Прокула⁸⁶, мужа высокого благочестия и учености, который живою и прямо к тебе обращенною речью принесет тебе большую пользу, нежели эти листки, и каждодневными назидательными проповедями сможет направить твою стезю, чтобы ты, уклонившись в сторону, не сбился с того царского пути, по которому Израиль чае вскоре прийти в обетованную землю. Лишь бы только услышан был глас Церкви, слезно молящей: *Господи! даруй нам мир, ибо Ты отдал нам все*⁸⁷. Лишь бы отречение наше от века сего было доброю волею, а не по принуждению, и мы сами искали бы бедности для славы, а не ввергались бы в оную для мучений.

Впрочем, средь бедствий нашего времени, когда повсюду неистовствуют мечи, премного богат уже тот, у кого есть кусок хлеба, и более чем владетелен тот, кого не угнали в рабство. Благочестивый Экзуперий, епископ Тулузы⁸⁸, уподобляясь вдовице Сарептской⁸⁹, сам голодает, но кормит других, и, хотя лицо его осунулось от постов, терзается лишь чужою нуждою и уже издержал все свое достояние на детищ Христовых. Однако нет никого, кто был бы его богаче, ибо в плетеной корзине разносит

он тело Господне, а в стеклянном сосуде — Господню кровь. Он изгнал из Храма стяжательство, он, без веревок и бранных возгласов, опрокинул столы маммоны у торгующих голубями, то есть дарами Святого Духа, и рассыпал деньги менял, дабы дом Божий именовался домом молитвы, а не вертепом разбойников⁹⁰. Следуй же неукоснительно по стопам этого и прочих подобных ему добродетелями мужей, которых священство делает более бедными и смиренными. А если желаешь большего совершенства, то изыди со Авраамом из отчей земли и от родства твоего и отправься в неведомый край. Если есть у тебя имение, то продай его и раздай деньги нищим, если же нет, то тогда ты свободен от отягчающего бремени: следуй нагим за нагим Христом. Тяжко, огромно, трудно, но велика и награда!

¹ Предположительно, адресатом письма был Рустик Нарбоннский, по совету Иеронима поступивший в монастырь, а в 430 г. рукоположенный во епископа Нарбонны (столицы Септинарии, впоследствии — Лангедока).

² Лук. 23, 43.

³ См. Матф. 26, 21-25; Мк. 14, 18-21; Лук. 22, 21-23; Ин. 13, 21-30.

⁴ См. Ин. 4, 5-42.

⁵ Мк. 9, 50; Лук. 14, 34.

⁶ Ср. Мк. 9, 49: “всякая жертва солью осолится”. См. также Лев. 2, 12-13.

⁷ Колос. 4, 6.

⁸ Ср. Лук. 14, 34-35.

⁹ Деян. 10, 9-16, 28.

¹⁰ Матф. 5, 8.

¹¹ Галат. 5, 15.

¹² Два изобилующих мелями залива у северного побережья Африки, между Карфагеном и Киреной.

¹³ Красное море.

¹⁴ Фараон, не сумевший воспрепятствовать переходу евреев через Чермное море и сгинувший в его волнах (см. Исх. 14), по традиции, символически отождествляется здесь с дьяволом (“подлинным Фараоном”), над которым предстоит одержать победу христианам.

¹⁵ Столица Абиссинии (Кушитского царства).

¹⁶ См. Быт. 2, 10-14: “Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат”.

¹⁷ См. Матф. 13, 46 и 44; 6, 20.

¹⁸ Очевидно, что Иероним осуждает здесь не только обычную для античности практику конкубината или браки, не освященные Церковью, но и так называемых “агапетов” — людей, ведущих совместную жизнь, заключив не плотский, но духовный союз. В еще более резких словах Иероним отзывался о такого рода союзах, осужденных в третьем каноне Никейского

собора, в своем послании к Непоциану. О соблазнительности подобной практики, довольно широко распространившейся как на Востоке, так и на Западе уже в 3 в., писали и другие Отцы Церкви, в частности — Киприан и Иоанн Златоуст.

¹⁹ См. Вергилий, Энеида IV, 67: “и живет в груди сокрытая рана” (пер. С. Ошерова).

²⁰ См. 4 Цар. 6.

²¹ См. Матф. 18, 8-9; 5, 29-30.

²² Матф. 5, 28.

²³ Притч. 20, 9.

²⁴ Ср. Иов. 25, 5-6.

²⁵ Подразумеваются слова из Нагорной проповеди: “всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем” (Матф. 5, 28).

²⁶ Ис. 34, 5.

²⁷ См. Ос. 10, 8.

²⁸ Т.е. апостол Павел; см. Деян. 9, 15.

²⁹ См. 1 Кор. 9, 27: “Но усмиряю и порабощаю тело мое...”

³⁰ Рим. 7, 24.

³¹ Лук. 8, 21.

³² См. 1 Цар. 2.

³³ Иер. 35, 6.

³⁴ Иероним ссылается на надписание Псалма 71 по Септуагинте (не воспроизведенное в синодальном переводе), где упоминаются сыны Ионадавы, “пленные первыми”.

³⁵ Греч. *μόναχος* — “одинокий”, от *μόνος* — “один”.

³⁶ См. Деян. 7, 30.

³⁷ См. Лук. 5, 10-11.

³⁸ Знаменитое письмо к Непоциану, племяннику Гелиодора, старинного друга Иеронима, посвященное обязанностям священства, было написано в 394 г.

³⁹ См. Рим. 14, 4.

⁴⁰ Подразумевается чудо, совершенное пророком Елисеем, который заставил всплыть утонувший в воде топор (см. 4 Цар. 6, 1-8). В данном случае “всплывшее железо”, очевидно, символизирует некое немислимое событие, произошедшее наперекор естественному порядку вещей.

⁴¹ Согласно книге Исхода, во время странствий евреев в пустыне Моисей, бросив в горькую воду Мерры кусок дерева, сделал ее пригодной для питья (см. Исх. 15, 23-25). Очевидно, логика этого уподобления состоит в указании на то, что запятнанная стяжательством жизнь высокопоставленного духовного лица, о котором рассказывает Иероним, превратила — в нарушение естественного нравственного закона — чистый духовный источник в источник яда и горечи.

⁴² Навал — богач и владелец огромных стад, отказавший в помощи обратившемуся к нему Давиду, олицетворение жадности и жестокосердия (см. 1 Цар. 25, 2-12).

⁴³ Лук. 12, 20.

⁴⁴ См. 2 Фес. 3, 8-9.

⁴⁵ Ср. 1 Кор. 9, 11: “Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?”

- 46 Вергилий, Георгики I, 108-110 (пер. С.Шервинского).
 47 См. Притч. 6, 8 (по Септуагинте).
 48 Притч. 13, 4 (по Септуагинте).
 49 Иезек. 16, 25.
 50 Греч. κοινωβία — монашеская община, общежитие.
 51 Ср. 2 Кор. 2, 7.
 52 Ахашверош — “князь”, “сильный муж”. Так в 1 Езд. 4, 6 именуется царь Артаксеркс, о котором и идет в данном случае речь.
 53 См. Есф. 1, 13 — 2, 4.
 54 Пс. 34, 15.
 55 Филип. 4, 7.
 56 Пс. 76 (по Септуагинте — 75), 2; в синодальном переводе — “в Салиме” (греч. транскрипция евр. *шолом* — “мир”).
 57 Рим. 12, 13.
 58 Журавлиный клин, имеющий вид греческой буквы — “дельты” или “ипсилона”.
 59 1 Кор. 14, 15.
 60 Еф. 5, 19.
 61 Пс. 47, 7 (46, 8 по Септуагинте).
 62 Второзак. 27, 9.
 63 Этот образ Иероним заимствует у Цицерона, см. “Об обязанностях” 3.
 64 См. 1 Тим. 6, 8.
 65 До сих пор употребительный в странах северного Средиземноморья дразнящий жест: рука сгибается в локте, а указательный и средний пальцы изображают клюв аиста.
 66 Букв. “хрюшка”, герой мима “Завещание свиньи” (“Porci testamentum”). Возможно, Иероним намекает здесь на своего бывшего друга, а впоследствии — смертельного врага, Руфина Аквилейского.
 67 Кассий Лонгин (3 в. н.э.), прославленный греческий грамматик и философ, изучавший риторику и философию в Александрии, а впоследствии тридцать лет преподававший в Афинах. Большинство его сочинений (включая обширные труды, посвященные толкованию Гомера) утрачено, однако сохранились значительные фрагменты принадлежащих ему трактатов “О главной цели” и “Искусство риторики”. Авторитет Лонгина в вопросах риторики был столь высок, что ему был приписан также знаменитый трактат “О возвышенном”, в действительности не принадлежащий ему.
 68 Лукреций V, 905 (описание химеры).
 69 Ср. Пс. 141, 4: “Не дай уклониться сердцу к словам лукавым”.
 70 Пс. 50, 20.
 71 Пс. 57, 4 (56, 5 по Септуагинте).
 72 Пс. 55, 21 (54, 22 по Септуагинте).
 73 Еккл. 10, 11.
 74 Пс. 141, 4.
 75 Галат. 6, 7.
 76 Притч. 25, 23.
 77 Пс. 78, 57.
 78 Сир. 27, 28.
 79 Букв. “суда крови”. Ср. Ис. 33, 15.
 80 Прем. 24, 21 (по Вульгате).

- ⁸¹ Ср. Тим. 5, 19-20.
⁸² Пс. 141, 5.
⁸³ Евр. 12, 6.
⁸⁴ Ис. 3, 12 (по Септуагинте).
⁸⁵ Подразумевается притча о разумных и неразумных девах; см. Матф. 25, 1-12.
⁸⁶ Епископ Массальский (Марсельский).
⁸⁷ Ис. 26, 12 (по Септуагинте).
⁸⁸ Друг Иеронима, до избрания епископом Тулузы бывший пресвитером в Риме. Иероним упоминает о нем в письме к Фурии (394 г.)
⁸⁹ Библейский образ самоотверженной щедрости: нищая вдова, которая, на пороге голодной смерти, поделилась последним с пророком Илией (см. 3 Цар. 17, 8-16).
⁹⁰ Ср. эпизод изгнания Иисусом Христом торгующих из Храма, Матф. 21, 12-13.

О знаменитых мужах

135. Иероним

Я, Иероним, сын Евсевия из города Стридона, разрушенного гетами, который некогда находился на границе между Далмацией и Паннонией, до настоящего, т.е. до четырнадцатого года царствования императора Феодосия, написал следующее: житие отшельника Павла, одну книгу писем к различным лицам, увещательное письмо к Гелиодору, книгу о споре между последователем Люцифера и православным, хроникю всеобщей истории, двадцать восемь бесед Оригена на книги Иеремии и Иезекииля, которые я перевел с греческого на латинский, послание о серафимах, послание о слове "Осанна", послание о бережливом и расточительном сыновьях, послание о трех спорных вопросах, касающихся Ветхого Завета, две беседы на книгу "Песнь Песней", книгу против Гельвидия о приснодевстве Марии, послание к Евстохии о сохранении девства, одну книгу писем к Марцелле, утешительное послание к Павле о смерти ее дочери, три книги толкований на послание Павла к Галатам, три книги на послание к Ефесянам, одну книгу на послание к Титу, одну книгу на послание к Филимону, толкование на книгу Екклесиаста, одну книгу еврейских преданий на книгу Бытия, одну книгу о местностях, одну книгу об еврейских именах, одну книгу Дидима о Духе Святом, которую перевел с греческого на латинский, тридцать девять бесед на Евангелие от Луки, семь трактатов на Псалмы — от десятого до шестнадцатого, житие пленного монаха Малха и житие блаженного Иллариона. Я сверил Новый

Завет с греческим подлинником, а Ветхий перевел с еврейского. Число писем к Павле и Евстохии, так как они писались ежедневно, точно неизвестно.

Кроме того, я написал толкований на Михея две книги, на Софонию одну книгу, на Наума одну книгу, на Аввакума две книги, на Аггея одну книгу и много других толкований на книги пророков, которые сейчас у меня на руках и еще не завершены. А также две книги против Иовиниана и две к Паммахию — апологию и эпитафию.

Письмо к Евстохии

2. Я пишу это, госпожа моя Евстохия, — ибо я должен называть госпожой невесту Господа моего, — чтобы с самого начала чтения ты знала: я не буду восхвалять девства, которое ты признала наилучшим состоянием и которому ты последовала, не буду перечислять тягот брака, не стану говорить о том, как полнеет чрево, кричит ребенок, сокрушает разлучница, тревожат домашние заботы и, наконец, смерть пресекает все, что казалось благом. Имеют и замужние свое достоинство, честный брак и ложе нескверное; но ты должна понять, что тебе, исходящей из Содомы, следует страшиться примера жены Лотовой¹. В моем сочинении нет лести, ибо льстец — это угодливый враг. Не будет здесь и риторических преувеличений, которые бы поставили тебя в ряд ангелов и, показав красоту девства, повергли мир к твоим ногам.

3. Нет, я хочу внушить тебе не гордость твоим девством, но страх. Ты идешь с грузом золота — тебе следует избегать разбойников. Здешняя жизнь — поприще подвигов для смертных: здесь мы прилагаем усилия, чтобы там увенчаться. Никто не ходит в безопасности среди змей и скорпионов.

6. Так как невозможно, чтобы врожденное сердечное влечение не врывалось в чувство человека, то восхваляется и называется блаженным тот, кто при самом начале страстных помыслов поражает их и разбивает о камень. Камень же есть Христос (1 Кор. 10, 4).

7. О, сколько раз, уже будучи отшельником и находясь в обширной пустыне, выжженной лучами солнца и служащей унылым жилищем для монахов, я воображал себя среди удовольствий Рима! Я пребывал в уединении, потому что был преисполнен горести. Истощенные члены были прикрыты вретисшем, и загрязненная кожа напоминала кожу эфиопов. Каждый день слезы, каждый день стенания, и всякий раз, когда сон, несмотря на мое сопротивление, сваливал меня, я слагал свои едва держащиеся в

суставах кости на голую землю. О пище и питии умалчиваю, потому что даже больные употребляют холодную воду, а иметь что-нибудь вареное было бы роскошью. И все-таки я — тот самый, который из страха перед геенной осудил тебя на такое заточение в обществе только зверей и скорпионов, — я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер во своей плоти. Лишенный всякой помощи, я припадал к ногам Иисусовым, орошал их слезами, отирал власами и враждующую плоть укрощал воздержанием от пищи по целым неделям. Я не стыжусь передавать повесть о моем бедственном положении, а, напротив, сокрушаюсь о том, что теперь я уже не таков. Я помню, что я часто день и ночь взывал к Богу и не переставал ударять себя в грудь до тех пор, пока по гласу Господнему не восстанавливалась тишина. Я боялся самой кельи моей как сообщницы помышлений. В гневе и досаде на самого себя, я один блуждал по пустыням. Где бы я ни видел горные пещеры, крутые утесы, обрывистые скалы — там было место моей молитвы, острог для моей окаянной плоти. Господь свидетель — после многих слез, возведя глаза на небо, я иногда видел себя среди сонмов ангельских и в радостном восторге пел: “Влеку меня, мы побежим за тобою” (Песн. 1, 3).

8. Если же такие искушения терпят те, которые, изнузив тело, обуреваются одними помыслами, то что сказать о девице, которая наслаждается утехами? Остается повторить изречение апостола: “заживо умерла” (1 Тим. 5, 5—6). Поэтому, если я могу давать советы, если моя опытность заслуживает доверия, то прежде всего напоминаю тебе и умоляю о том, чтобы невеста Христова избегала вина, как яда. Это первое оружие демонов против молодости. Не так сокрушает скупость, надувает спесью надменность, увлекает честолюбие. Мы легко лишаемся других пороков, но этот враг заключен в нас самих. Куда бы мы ни шли, он везде с нами. Вино и молодость — двойной огонь желания. Зачем же подливать масла в огонь? Зачем подносить трут к пылающему телу?

10. В Святом Писании есть бесчисленное множество изречений, осуждающих излишество и одобряющих простоту в пище. Но так как мы не намерены рассуждать о постах, ибо рассматривать этот предмет всесторонне было бы делом особого трактата и отдельной книги, то достаточно и того, что сказано: малое из многого. В дополнение к изложенным выше примерам можешь и сама припомнить, как первый человек, служа более чреву, чем Богу, был низвергнут из рая в сию юдоль плачевную. И самого Господа сатана искушал в пустыне голодом. И Апостол говорит: “Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит

и то, и другое" (1 Кор. 6, 13). О чревоугодниках же говорит он, что для них бог — чрево (Фил. 3, 19). Ибо, кто что любит, тот то и чтит. Поэтому должно тщательно заботиться, чтобы мы, изгнанные из рая невоздержанием, были возвращены туда постничеством.

11. Если же ты станешь возражать, что ты, происшедшая из знатного рода, всегда жившая в удовольствиях и в неге, не можешь отказаться от вина и изысканной еды и подчиняться суровым законам воздержания, то я скажу тебе: живи же по своему закону, если не хочешь жить по закону Божьему. Для Бога, Творца и Владыки вселенной, не нужно ворчание во внутренностях, пустота в желудке и жар в легких; но без этого не может быть безопасно твое целомудрие.

12. Хочешь ли убедиться в истине моих слов? Обрати внимание на примеры. Самсон, который был храбрее льва и тверже камня, который один безоружный преследовал тысячи вооруженных, потерял силу в объятиях Далилы². Давид, избранник сердца Господнего, часто воспевавший грядущего святого Христа, после того, как, прогуливаясь на кровле дома своего, пленился обнаженной Вирсавией, вслед за прелюбодеянием совершил убийство³. Заметь, кстати, при этом, что ни один человек, имеющий зрение, не безопасен от обольщения даже у себя дома. Поэтому Давид, рассказывая, говорит Господу: "Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал" (Пс. 50, 6). Ибо, кроме Господа, царь никого не боялся. Соломон, устами которого гласила сама мудрость, познавший все — от кедра ливанского до иссопа, исходящего из стены, — отступил от Господа, поскольку был женолюбив. И чтобы никто не надеялся на себя при сношениях с кровными родственниками, пусть придет ему на память Амнион, восплаивший преступной страстью к сестре Фамари⁴.

19. Быть может, кто-нибудь скажет: "И ты осмеливаешься говорить против брака, благословенного Богом?" Но предпочитать девство браку — не значит еще порицать брак. Никто не сравнивает худое с добрым. Да будут досточтимы и вышедшие замуж, хотя они и уступают первенство девам. Сказано: *плодитесь и размножайтесь, и наполните землю* (Быт. 1, 28). Пусть растет и множится тот, кто желает наполнить землю. А твое воинство — на небесах!..

30. Расскажу тебе свою несчастную историю. Много лет назад, когда я хотел ради царства небесного отказаться от дома, от родителей, сестры, знакомых и, что еще труднее, от привычки к роскошной жизни и собирався отправиться в Иерусалим, — я не мог вовсе оставить библиотеку, с таким старанием и трудом составленную мною в Риме. И таким образом я, несчастный, постился, стремясь вместе с тем читать Туллия. После многих

бессонных ночей, после слез, исторгнутых из самой глубины души воспоминанием о прежних прегрешениях, рука моя все-таки тянулась к Плавту. Иногда же я приходил в себя и начинал читать пророков,— меня ужасала необработанность их речи; слезыми глазами, не видя света, я думал, что виною этому не глаза, а солнце. Пока таким образом играл мною древний змий, приблизительно в середине Великого поста, на мое истощенное тело напала, разливаясь по внутренностям, лихорадка, и, не давая отдыха,— невероятно сказать — она так пожирала мое несчастное тело, что от меня остались почти одни кости. Уже близка была могила: в моем уже совершенно остывшем теле дыхание жизни билось в одной только едва теплевшей груди; как вдруг, внезапно, восхищенный духом, я был представлен к престолу Судии. Там было столько света, столько сияния от блеска его окружающих, что, пав ниц, я не осмелился взглянуть наверх. Спрошенный о том, кто я такой, я назвал себя христианином. Но тот, кто восседал, ответил: “Лжешь! ты цicerонианин, а не христианин; *ибо где сокровище твое, там и сердце твое*” (Матф. 6, 21). Я замолк, и под бичами (ибо он велел бить меня), еще больше мучимый огнем совести, я мысленно повторял стих: “Во гробе кто будет славить тебя?” (Пс. 6, 6). Потом я начал кричать и рыдая говорить: “Помилуй меня, Господи, помилуй меня!” Звуки эти раздавались среди ударов бичей. Наконец, присутствующие, припав к коленям Восседавшего, умолили, чтобы он простил грех юности и взамен заблуждения дал место раскаянию, с тем, чтобы наказать меня впоследствии, если я когда-нибудь стану читать сочинения языческих писателей. Я же в отчаянном моем положении готов был обещать гораздо больше и, призывая имя Божие, начал каяться и говорить: “Господи, если когда-нибудь я буду иметь светские книги, если я буду читать их — значит, я отрекся от тебя”. Отпущенный после этих клятвенных слов, я возвращаюсь на землю, к удивлению всех раскрываю глаза, так обильно наполненные слезами, что даже люди недоверчивые, видя мою печаль, должны были поверить моему рассказу. Это был не обморок, не пустой сон, подобный тем, над которыми мы часто смеемся. Свидетель — тот престол, пред которым я был распростерт, свидетель — суд, которого я испугался; да не случится мне более никогда подвергнуться такому испытанию! Плечи мои были покрыты синяками, я чувствовал после сна боль от ударов. И с тех пор я с таким усердием стал читать божественное, с каким не читал прежде светского.

34. Так как я упомянул о монахах и знаю, что ты охотно слушаешь о том, что касается святости, то останови ненадолго свое внимание. В Египте три рода монахов. Первый — киновиты, называемые у туземцев “саузы”; мы можем назвать их совместно живущими. Второй — анахореты, живущие по одному

в пустыне и называемые так потому, что уходят далеко от людей. Третий — так называемые ремоботы, угрюмые, неопрятные; они исключительно, или преимущественно, находятся в нашей стране. Они живут по два, по три вместе, но не более, и живут по своему усмотрению и своими средствами; а из того, что они зарабатывают, вносят часть в складчину, чтобы иметь общий стол. Живут же они по большей части в городах и замках; и как будто должно быть священным их ремесло, а не жизнь, — что бы они ни продавали, все стоит дорого. Между ними часто бывают ссоры, потому что, живя на своем иждивении, они не терпят подчинения кому бы то ни было. Именно они чаще всего спорят из-за постов, дела домашние делают предметом тяжб. Все у них вычурное: рукава широкие, как кузнечные меха, сапоги, грубейшая одежда, непрерывные вздохи; они часто посещают девиц, поносят священнослужителей; а когда настает праздничный день, то пресыщаются до рвоты.

35. Оставим же их, как какую-нибудь заразу, и перейдем к тем, которые во множестве живут общинами и называются, как мы уже сказали, киновитами. Первое условие у них — повиноваться старшим и исполнять все, что бы они ни приказали. Они делятся на десятки и сотни, так что у десяти человек десятый — начальник; а сотый имеет под собою десять начальников. Живут они отдельно, но в соединенных между собой кельях. До девяти часов, как положено, никто ни к кому не ходит, исключая упомянутых выше начальников; так что если кого-нибудь обуревают мысли, то он утешается их советами. После девяти часов сходятся вместе, по обыкновению поют псалмы, читают Писание. По окончании молитв, когда все сядут, тот, кого они называют отцом, встав посредине, начинает беседу. Во время его речи бывает такая тишина, что никто не смеет взглянуть на другого, никто не смеет кашлянуть: плач слушателей служит похвалой говорящему. Тихо катятся по щекам слезы, и скорбь не прорывается даже стоном. Когда же он начинает вещать о царстве Христовом, о будущем блаженстве и о славе, ты увидишь, как все слушающие сдерживают дыхание и поднятые к небу их глаза как бы говорят про себя: “Кто дал бы мне крылья, как у голубя, я улетел бы и успокоился!” (Пс. 54, 7). Затем собрание оканчивается, и каждый десяток со своим старшим отправляется к столу, за которым и прислуживает, чередуясь по неделям. Во время еды нет никакого шума; никто не разговаривает. Питаются хлебом и овощами, которые приправлены одной солью. Вино пьют только старики; для них и обед готовят общий с отроками, чтобы поддержать преклонный возраст одних и не препятствовать раннему росту других. Затем встают разом и, пропев гимн, расходятся по кельям.

36. Хотя в письме моем о девах я заговорил теперь почти без нужды о монахах, все же продолжаю рассказ о третьем роде их, называемых анахоретами. Выходя из киновии, они, кроме хлеба и соли, ничего более не выносят с собою в пустыню. Основатель этого образа жизни — Павел, учредитель — Антоний, а если пойти еще выше, то первым в нем был Иоанн Креститель. Их подвиги и образ жизни, не плотский во плоти, я опишу, если захочешь, в другое время. Теперь же возвращусь к своему предмету, так как от рассуждений о любостыжании я перешел к монахам. Представив их тебе в пример, я говорю: презирай не только золото, серебро и прочие богатства, но даже самую землю и небо, и тогда в единении только со Христом ты воспоешь: “Часть моя — Господь”.

39. Все рассуждения наши покажутся тягостными для той, которая не любит Христа. Но кто всю пышность мирскую считает прахом, все, что под солнцем — суетою, кто умер со своим Господом и воскрес с ним, кто распял плоть свою со страстями и похотью, тот охотно воскликнет: “Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?” (Рим. 8, 35).

40. Ничто не тяжело для любящих. Никакой труд не труден для благорасположенного. Посмотри, какую участь принял Иаков из-за своей жены Рахили¹: “И служил,— говорит Писание,— Иаков за Рахиль семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее” (Быт. 29, 20). Затем и сам он упоминает: “Я томился днем от жара, а ночью — от стужи...” (Быт. 31, 40). Станем же и мы любить Христа, станем искать постоянно Его объятий — и нам все трудное покажется легким, все долгое — коротким; и, уязвленные копием Его, будем говорить каждую минуту: “Увы мне, яко пришествие мое продолжися”... (Пс. 119, 2).

41. Всякий раз, как будет прельщать тебя мирское тщеславие, сколько бы ни казалось тебе что-нибудь славным в мире,— переносись умом в рай; начинай быть тем, чем намерена быть в будущем, и ты услышишь от своего Жениха: “Положи меня, как печать на сердце свое, как перстень на руку твою” (Песн. 8, 6),— и, огражденная телесно и духовно, ты воскликнешь и скажешь: “Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее” (там же, 7).

¹ По библейскому преданию, жена Лота была наказана за любопытство. Покидая обреченный на гибель город Содом, она, несмотря на запрет, обернулась назад и превратилась в соляной столб.

² Библейский богатырь Самсон пал жертвой своей чрезмерной влюбчивости: коварная филистимлянка Далила, по наущению своих соотечественников, выведала тайну его необычайной силы и способствовала его гибели.

³ Библейский царь Давид влюбился в жену своего военачальника Урии, Вирсавию, увидев ее из окна своего дворца в Иерусалиме; мужа Вирсавии он отправил на верную смерть.

⁴ Амнон, сын царя Давида, как рассказывает Библия, соблазнил свою сводную сестру Фамарь, за что был убит ее родным братом Авессаломом.

⁵ Согласно библейскому преданию, Иаков, чтобы жениться на Рахили, отслужил ее отцу семь лет.

Письмо к Марцелле о кончине Леи

1. Сегодня, около трех часов, когда мы начали читать семьдесят второй Псалом, т.е. начало третьей книги Псалмов, и старались показать, что часть этого названия относится к концу второй книги, а часть — к началу третьей, а именно, что слова: “Кончились песни Давида, сына Иессеева” (Пс. 71, 20) — составляют конец предыдущей, а псалом Асафу (71, 1) — начало следующей книги, и когда мы дошли до того места, где праведный говорит: “Но если бы я сказал: «буду рассуждать так», — то я виновен был бы перед родом сынов твоих” (Пс. 72, 15) (что в латинских рукописях читается иначе) — вдруг нас известили, что блаженнейшая Лея рассталась с жизнью, и тогда-то я увидел, что ты очень побледнела; да и подлинно, едва ли найдется душа, у которой печаль не прорвалась бы через разбившуюся хрупкую оболочку! Впрочем, ты скорбела не потому, что не предвидела этой потери, а потому, что не отдала усопшей печального погребального долга. Впоследствии, во время беседы, мы узнали, что останки Леи уже отнесены в Остию.

2. Ты спросишь, к чему клонится это воспоминание? Отвечу тебе словами Апостола: “Великое преимущество во всех отношениях” (Рим. 3, 2). Во-первых, я хочу показать, что должно напутствовать всеобщей радостью ту, которая, поправ диавола, получила уже венец упокоения. Во-вторых, я желаю кратко изобразить жизнь ее. В-третьих, я намерен показать, что нареченный консул, кончивший век свой, находится в аду.

Но кто может достойно восхвалить жизнь нашей Леи? Она так была предана Господу, что, будучи начальницей монастыря, казалась матерью девиц; она, носившая прежде легкие одежды, обременила члены власяницею; она проводила бессонные ночи и поучала своих соратниц более примером, чем словами. Она была так смиренна и так покорна, что, будучи некоторым образом госпожою многих, она казалась служанкою всех — быть может, для того, чтобы, не считаясь госпожой людей, быть больше

работу Христовой. Одежда ее была не изысканная, пища простая, голова без убранства; при всем том она избегала чьей бы то ни было похвалы, чтобы не получить в этой жизни своей награды.

3. Поэтому теперь она за краткий труд наслаждается вечным блаженством, приемлется ликами ангелов, покоится на лоне Авраамовом и с бедным Лазарем видит, как порфиноносный богач и консул, одетый только в траур, а не в тогу с вышитыми пальмами, просит капли с мизинца. Какая перемена положения! Тот, кто за несколько дней до этого достиг вершины своего положения, кто входил в Капитолий, как бы торжествуя победу над врагами, кого с плеском рук и топотом ног принял народ римский, кончиною кого был потрясен весь город, — он теперь, обнаженный и беспомощный, находится не в млечном дворце неба, как воображает его несчастная жена, но среди тьмы и смрада. А та, которую окружала таинственность одинокого ложа, которая казалась бедною и незнатною, жизнь которой почиталась безумием, — та идет за Христом и говорит: как слышали мы, так и увидели во граде Господа Сил, во граде Бога нашего (Пс. 47, 9) и прочее.

4. Поэтому увещаваю и со словами и мольбой закликаю тебя: не будем, проходя по путям этого мира, облекаться двумя туниками, т.е. двоеверием, не станем отягощаться кожаной обувью, т.е. заботами о смертном, пусть нас не давит к земле ноша богатства; не будем опираться на тростник, т.е. на мирское могущество; не пожелаем почитать одинаково и Христа, и мир. Место скоропроходящего и тленного пусть займет вечное; и ежедневно умирая (я говорю о теле), не будем считать себя вечными и в остальном, чтобы иметь возможность стать действительно вечными.

Письмо к Магну, великому оратору города Рима

О том, что наш Себезий исправился, мы узнали не столько из твоего письма, сколько из его раскаяния. И, удивительно, насколько приятней стал исправившийся, чем был неприятен заблуждающийся. Снисходительность отца и благонравие сына соревновались между собою: в то время как один не помнил прошлого, другой давал добрые обещания на будущее. Потому и мне, и тебе нужно радоваться вместе: я снова получил сына, ты — ученика.

В конце письма ты спрашиваешь, зачем я в своих сочинениях иногда привожу примеры из светских наук и белизну Церкви оскверняю нечистотами язычников. Вот тебе на это краткий ответ. Ты

никогда бы не спрашивал об этом, если бы тобою всецело не владел Цицерон, если бы ты читал Священное Писание и, оставив Волкандия¹, просматривал его толкователей. В самом деле, кому неизвестно, что и у Моисея, и в писаниях Пророков есть заимствования из языческих книг и что Соломон предлагал вопросы и отвечал философам из Тира²? Поэтому в начале книги Притчей он увещевает, чтобы мы понимали премудрость, лукавство слов, притчи и темные речи, изречения мудрецов и загадки — что преимущественно свойственно диалектикам и философам. Но и апостол Павел в послании к Титу употребил стих из поэта Эпименида: “Критяне всегда лживы, злые звери, утробы паздны” (Тит. 1, 12), полустиише, впоследствии употребленное Каллимахом. На латинском языке буквальный перевод не сохраняет ритма, но это и неудивительно: даже Гомер бессвязен в переводе на прозу того же самого языка. В другом послании он приводит также шестистопный стих Менандра: “Злые беседы растлевают добрые нравы”. И, выступая перед афинянами в Ареопаге, приводит свидетельство Арата: “его же и род есмы”, что по-гречески читается: τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν — и составляет полустиише гекзаметра. И, кроме этого, вождь христианского воинства и непобедимый оратор, защищая перед судом дело Христа, даже случайную надпись употребляет в доказательство веры. У верного Давида научился он исторгать меч из рук врагов и голову надменнейшего Голиафа отсекать его собственным мечом³. Во Второзаконии (гл. 21) он читал повеление Господа, что у пленной жены нужно обрить голову и брови, обрезать все волосы и ногти на теле и тогда выступить с нею в брак. Что же удивительного, если и я за прелесть выражения и красоту членов хочу сделать светскую мудрость из рабыни и пленницы израильянок, отсекаю или отрезаю все мертвое у ней — идолопоклонство, сластолюбие, заблуждение, разврат — и, соединившись с ее чистейшим телом, рождаю от нее детей Господу Саваофу⁴..

Против нас писали Цельс⁵ и Порфирий⁶; весьма мужественно противостояли им: первому — Ориген⁷, второму — Мефодий⁸, Евсевий⁹ и Апполинарий⁹... Почитай их — и ты увидишь, что я, в сравнении с ними, очень мало знаю и, проведя столько времени в праздности, как сквозь сон припоминаю только то, чему учился в детстве. Юлиан Август во время парфянского похода изbleвал семь книг против Христа и, по басням поэтов, умертвил себя своим мечом¹⁰. Если я попытаюсь писать против него, неужели ты запретишь мне бить эту бешеную собаку палкой Геркулеса — учением философов и стоиков¹¹?.. Иосиф, доказывая древность иудейского народа, написал две книги против Апиона, александрийского грамматика¹¹; в них представляет он столько свидетельств из светских писателей, что мне кажется чудом, каким образом еврей, с детства воспитанный на Священном Писании, перечитал всю библиотеку греков. Что же сказать

о Филоне, которого критики называют вторым, или иудейским, Платоном¹²?

Перехожу к писателям латинским. Кто его образованнее, кто остроумнее Тертуллиана¹³? Его “Апологетик” и книги “Против язычников” включают в себя всю языческую ученость. Минуций Феликс¹⁴, адвокат с римского форума, в книге под заглавием “Октавий” и в другой, “Против математиков” (если только надпись не ошибается, называя автора), что оставил нетронутым из сочинений язычников? Арнобий¹⁵ издал семь книг против язычников и столько же опубликовал его ученик Лактанций¹⁶, написавший еще две книги: “О гневе” и “О деянии Господа”. Если ты захочешь прочитать эти книги, ты найдешь в них не что иное, как сокращение диалогов Цицерона...

Иларий¹⁷, исповедник и епископ моего времени, и в слогe и в числе сочинений подражал двенадцати книгам Квинтилиана, и в коротенькой книжке против врача Диоскора показал, что он силен в светских науках. Пресвитер Ювенк¹⁸ при Константине в стихах изобразил историю Господа Спасителя: не побоялся он величие евангелия подчинить законам метра. Умалчиванию о других, как живых, так и умерших, в сочинениях которых очевидны как их познания, так и их стремления.

И не обманывайся ложной мыслью, что это позволительно только в сочинениях против язычников и что в других рассуждениях нужно избегать светской учености — потому что книги всех их, кроме тех, которые, как Эпикур, не изучали наук, изобилуют сведениями из светских наук и философии. Я привожу здесь только то, что приходит на ум при диктовке, и уверен, что ты сам знаешь, что всегда было в употреблении у людей ученых. Однако я думаю, что через тебя этот вопрос предлагает мне другой, который, может быть, — припоминаю любимые рассказы Саллюстия — носит имя Кальпурний, по прозванию Шерстобой. Пожалуйста, скажи ему, чтобы он, беззубый, не завидовал зубам тех, кто ест, и, сам будучи слеп, как крот, не унижал бы зрения диких коз. На этот счет, как видишь, можно рассуждать долго, но, по недостатку места для письма, пора кончать.

¹ Волкаций Галликан (4 в. н.э.), по свидетельству Иеронима (Против Руфина 1, 16), написал комментарий к Цицерону.

² Как рассказывает Библия, царь Соломон имел широкие связи с соседом и союзником израильского царства — Финикией, главным городом которой был Тир. Среди финикиян было много искусных мастеров и ученых, которых Соломон использовал на работе в Израиле.

³ Согласно библейскому преданию, юноша Давид, будущий царь Израиля, вступил в единоборство с филистимским великаном Голиафом, вооруженный лишь пастушьим посохом, пращой и камнями. Попад в лоб вели-

кана камнем и оглушив его, Давид вырвал у него из рук меч и одним ударом отрубил ему голову.

⁴ Цельс (сер. 2 в. н.э.) — автор “Правдивого слова”, сочинения, высмеивающего христиан, до нас не дошедшего и известного лишь по книге Оригена “*Contra Celsum*”.

⁵ Порфирий (3 в. н.э.) — уроженец Тира, ученик Плотина, философа-неоплатоника. Автор полемического сочинения “15 книг против христиан”, от которого сохранились лишь цитаты у церковных писателей.

⁶ Ориген (185–254) упоминается в связи с сочинением “*Contra Celsum*”, в котором он ревностно защищал христианское учение от нападок язычников.

⁷ Мефодий (2-я пол. 3 — нач. 4 в.) — епископ, автор сочинений, направленных против различных языческих и еретическо-христианских доктрин, в том числе и сочинения против Порфирия, которое и имеет в виду Иероним.

⁸ Евсевий (264–340) — первый церковный историограф, автор ряда апологетических сочинений. Иероним переводил на латинский язык его “Хронику”.

⁹ Аполлинарий (4 в. н.э.) — грамматик и пресвитер. Перелагал в стихи книги Ветхого Завета с целью заменить ими чтение языческих авторов.

¹⁰ Юлиан Август — обычно именуемый в истории Юлианом Отступником, римский император (годы правления 361–363), посвятивший свою деятельность возрождению язычества. Здесь имеется в виду его трактат “Против христиан”.

¹¹ Иосиф Флавий (род. в 37 г.) — историк, уроженец Иерусалима; помимо исторических сочинений об иудейской войне и истории Иудеи написал книгу против Апиона, alexсандрийского грамматика, в ответ на его “Жалобу на Иудеев”, обращенную к императору Калигуле.

¹² Филон Александрийский (род. около 20 г. н.э.) — писатель, автор сочинений по изложению и толкованию библейской истории. Мирозозрение Филона считалось близким христианскому.

¹³ Тертуллиан (150–230) — первый христианский писатель, писавший на латинском языке. Славился своей эрудицией и страстным пафосом.

¹⁴ Минуций Феликс (первая половина 3 в.) — уроженец Африки, римский адвокат, автор сочинения “Октавий”, в котором остроумно отвергает обвинения, предъявленные христианству.

¹⁵ Арнобий (ум. около 330 г.) — латинский христианский писатель, автор сочинения “*Adversus Gentes*” в семи книгах, которое является апологией христианства.

¹⁶ Лактанций (конец 3 — начало 4 в.) — ученик Арнобия, автор “Божественных установлений” в семи книгах, написанных в защиту христианства, и многих других сочинений, написанных с той же целью. Считалось, что в слогe он подражает Цицерону.

¹⁷ Илари́й (род. около 320 г. н.э.) — один из Отцов Западной Церкви, автор полемических сочинений, направленных против арианства, толкователь Священного Писания. Славился также своей светской образованностью.

¹⁸ Ювенк — уроженец Испании, пресвитер, излагал Евангелие и Ветхий Завет эпическим размером, используя фразеологию римских эпиков.

Августин

Ровесник Павлина Ноланского, младший современник Иеронима и Амвросия, Аврелий Августин, так же как и они, принадлежал к той римской интеллигенции, которая, получив высшее образование в языческой школе, достигнув возможного в те времена уровня философской и литературной культуры, порывала с язычеством и переходила в христианство.

Августин родился в 354 г. в Африке, в маленьком городке Тагасте, на территории современного Алжира. С Африкой почти целиком связана вся его жизнь и церковная деятельность. Он учился в Мадавре и Карфагене, в Карфагене же около десяти лет преподавал риторику, а затем, после немногoletнего пребывания в Риме и Милане, почти сорок лет был епископом Гиппона — до самой своей смерти в 430 г. Провинциализм Августина, возможно, помог ему в гораздо большей мере, чем остальным церковным писателям его эпохи, освободиться от античной традиции и стать у истоков средневековья.

В его интеллектуальном развитии как бы повторен путь всей эллинистико-римской философии: он увлекался сначала Цицероном, скептиками, стоиками, манихейством, потом — неоплатонизмом с его учением о гармоническом миропорядке, о бытии как высшем благе и о зле как о простом отсутствии добра. От неоплатонизма был уже нетруден переход к христианству, которое, вводя понятие греха и духовного обновления, превращало неоплатоническую схему в глубинную основу личной, эмоциональной жизни человека.

Все дошедшие до нас сочинения Августина написаны в христианский период и посвящены по большей части двум главным задачам — развенчанию скепсиса и утверждению нового взгляда на мир, на человека, на историю. При этом в центре внимания Августина оказались не вопросы церковной догматики, в достаточной мере уже разрешенные тогда на двух Вселенских соборах, а вопросы антропологии, культурологии и социологии, вопросы о том, что такое человек, как он должен воспитываться, как он должен жить.

На рубеже IV—V вв. н.э., когда варварское нашествие грозило гибелью римской культуре, новозаветная тема “нового” че-

ловека приобретала особую актуальность, и в творчестве Августина она получила свое раскрытие в трех его важнейших произведениях — “Исповеди” в 13 книгах (400 г.), “О христианской науке” в 4 книгах (397–426 гг.) и “О граде Божием” в 22 книгах (410–428 гг.), в которых дается новое понимание человека, предлагаются новые духовные ценности и строится новая картина мира.

Избранная Августином художественная форма “Исповеди” напоминала о бытовавшем в IV в. обычае публичного, всенародного покаяния и сама по себе уже предполагала самоанализ, самоосуждение, столкновение старого и нового. У Августина она стала формой рассказа о прожитой жизни, формой оценки этой жизни. В жанр античной автобиографии августиновская “Исповедь” внесла и новый взгляд на человека, и своеобразные приемы его изображения, поместив своего героя сразу в три измерения. Наряду с внешними событиями и поступками она раскрыла движение его воли, а затем и то и другое поместила как самостоятельную часть в общую систему вечного миропорядка, где любая кажущаяся случайность находит свое оправдание и назначение.

Для соединения этих трех планов в единое целое та классическая латинская словесность, на которой воспитан был Августин, не давала ему достаточно экспрессивных средств. И он нашел эти средства в Библии, в религиозной поэзии Псалмов. “Исповедь” превратилась в молитву, в “жертву хвалы”. Благодаря лирическим строкам Псалмов, щедро рассыпанным по всей “Исповеди”, в голосе героя зазвучала торжественно интимная интонация, он как бы вступил в задушевное общение в тем вечным благим миропорядком, который управляет его существованием. Язык библейских образов помог Августину описать собственную жизнь как детерминированный процесс, полный смысла, хотя и не осмысленный в начале, как победу всемогущего добра и одновременно как разоблачение тончайших психологических изгибов зла. И в этом описании главное место занял поворотный период ломки мировоззрения, “обращения” к христианству (VIII книга).

Мотив “обращения” был довольно обычным литературным приемом и у языческих, и у христианских авторов: мы встречаемся с ним и в кинико-стоической легенде о Диогене (“письма” Диогена, речи Диона Хрисостома), и в апостольских посланиях (“Обращение” Павла), и в житиях, однако нигде не играл он такой композиционной роли, как в “Исповеди” Августина. Более ранние, гораздо более спокойные описания этого периода у того же Августина позволяют оценить все нарочитое мастерство созданной им в “Исповеди” картины, где “обращение” показано как потрясающий по своему драматизму конфликт воли, как перестраивание всей внутренней структуры личности. События

жизни до “обращения” описаны как подготовка к этому кульминационному моменту, жизнь после “обращения” — как раскрытие его смысла и значения. Этим объясняется и диспропорция разных хронологических отрезков рассказа и тон подчеркнутого самобичевания, которым Августин говорит о своих былых привычках, светских развлечениях и занятиях в языческой школе.

Школа, которую так резко осудил Августин в “Исповеди” и в которой сам он провел долгие годы как ученик и как наставник, была носителем почти тысячелетних традиций гуманитарного, филологического образования в греко-римском мире. Она воспитывала в своих питомцах словесную виртуозность (блестящее владение литературной речью), тренировала их ум на запоминание множества диковинных подробностей, внушала преклонение перед древними классиками. Ее учебным материалом служили главным образом тексты Гомера и Вергилия, Горация, Теренция и Цицерона, о чем мы можем судить по дошедшим до нас от IV—V вв. “Сатурналиям” Макробия и комментариям Доната и Сервия. Эстетское любование словом сочеталось здесь с утилитарным отношением к тексту, в котором видели источник всевозможных практических сведений, а не художественную условность. Разрыв Августина с этой традицией был бегством от тесноты сложившихся авторитетов, от безнадёжности скептицизма. И он был исторически неизбежен в преддверии новой эпохи. Упреки, которые бросал Августин поэзии, говоря о безнравственности и недостоверности сообщаемых ею данных, были не новы. Они были общим местом христианской патристики и были заимствованы ею у Платона.

В противовес эллино-римской классике христианство предлагало свой текст, чтением и комментированием которого оно занималось. Этим новым по содержанию и по художественной форме текстом была Библия. Как показывают широко распространенные в IV в. толкования на Шестоднев, на книги Псалмов, пророков, апостольских посланий и т.п., в библейской критике применялись разработанные в древности приемы грамматических и аллегорических объяснений. Существовали даже особые школы (в Александрии, Антиохии, Нисивии), где обучались чтению Библии. Такие школы, однако, были только на Востоке, в Западной же империи их не было, и Августин здесь первый взял на себя задачу осмыслить и описать принципы и методы толкования Библии. По мере того, как книги Ветхого и Нового Заветов входили в духовную жизнь различных народов, их интерпретация становилась все более “многослойной”, многозначной, не буквальной. Чтобы оправдать подобный подход к ним, Августин в сочинении “О христианской науке” разработал специальную теорию иносказания, положив в основу ее стоическое учение о знаковых свойствах языка.

Подобно тому, как софисты V в. до н.э., открывшие знаковые качества речи, превратили ее в источник эмоциональной улады слуха, Августин в V в. н.э. сделал словесные образы источником интеллектуального наслаждения. Если софисты, обнаружив способность языка по-разному изображать один и тот же предмет, приходили к выводу, что “человек есть мера всех вещей”, и стремились использовать речь как орудие субъективного убеждения, для чего всячески совершенствовали ее технику, то Августин, заведомо признавая мерой всех вещей не человека, а объективную, не зависимую от него истину, смотрел на библейский текст как на зашифрованную информацию об этой истине и главную цель толкования видел в том, чтобы выявить ее сквозь различные покровы иносказания. Он дал подробную классификацию знаков, встречающихся в природе и человеческой деятельности, и одной из их разновидностей признал словесную речь. Именно характер слов-знаков сделал критерием ценности языческих и христианских текстов, заявив, что в первых заключены бесполезные знаки, не помогающие найти истину, а вторые содержат знаки полезные, раскрывающие подлинный серьезный смысл произведения.

Сущность художественного восприятия свелась тем самым для Августина не к любованию красотами слога и стиля, а к постижению истины, к угадыванию ее сокровенного смысла за оболочкой иносказаний. Чтобы понимать тексты таким образом, читателю, естественно, нужна была учебная подготовка, и Августин не преминул указать, в чем она должна заключаться. Он приспособил к христианскому пользованию весь основной цикл школьных дисциплин (риторику, диалектику, музыку, математику), добавив к ним еврейский язык. Отказ от религиозного и эмоционального наследия языческой культуры вовсе не вылился у Августина в разрушение ее научных достижений — логических методов, фактических познаний и выразительной техники. Напротив, им была построена иерархия ценностей, включившая в себя античное наследие и сделавшая возможным сохранение его для последующих эпох. В этой иерархии все вещи оказались поделенными на две категории: на предметы, которыми следует пользоваться только ради определенных целей, и предметы, служащие любви сами по себе. В первую группу у Августина попали античная наука и все то, что относится к материальной жизни, во вторую — откровения христианской веры. Словесная красота, утратив в этой схеме свою абсолютную ценность, получила новое назначение — служить средством, которое помогает истине проявлять себя.

Превращение Библии в “учебную книгу” неизбежно должно было изменить общее, “космическое” миропредставление анти-

чного человека. Если для эллинско-римской философии макро-структурой мира служил физический космос, с его гармонической согласованностью частей и повторяемостью движений, а микро-структурой — аналогичное ему устройство полиса (см. "Государство" Платона), то в христианской патристике IV в. разработана была совершенно иная аналогия — макромиром здесь стала общая цепь мировой истории, как она представлена в Библии, ее отражением — жизнь человеческой души. Этот новый способ видения мира лег у Августина в основу осмысления не только жизни отдельного индивида, но и всего человечества в целом, т.е. в основу новой концепции истории.

Посвященный этой теме огромный труд "О граде Божием" написан им как отклик на трагическое событие эпохи — захват Рима Аларихом в 410 г. — и как оправдание христиан от обвинений в подрыве римского могущества. Августин смотрит на происходящее глазами уже средневекового человека и в падении великого города не видит мировой катастрофы. Он развенчивает то историческое прошлое, с его государственностью и культурой, перед которым привыкла благоговеть римская аристократия (кн. I—X), и в противовес ему выдвигает новую "модель" социальной жизни, назвав ее "градом Божиим". Авторитету Варрона и Цицерона противопоставляется здесь авторитет Библии, политеизму язычества — монотеизм христианства. В отличие от восточно-христианских писателей с их пространными объяснениями Шестоднева, Августин опускает вопросы космологии и в общей картине мироустройства, которую он рисует, точно следуя библейскому тексту, рассматривает по преимуществу ее этический план, выделяя как некую движущую силу действие свободной воли.

Волевой акт, по мысли Августина, лежит в основе возникновения мира (мир творится соизволением Творца), он же объясняет происхождение зла (злая воля ангелов) и служит причиной грехопадения Адама. Устремленность воли характеризует и человеческие общества в истории: общество, которое сообразуется в своих поступках с абсолютом, с вечной истиной, оценивается Августином как вечное, небесное, как "град Божий". Общество, сообразующееся лишь само с собой, осуждается им как "земное", "гибнущее". При таком подходе несущественными делаются все племенные, географические, языковые различия, и идеальное государство описывается как правильный способ социальной жизни, эпизодически встречающийся в разные времена и у разных народов.

Авторитет веры и признание целесообразности мироустройства заставили Августина смотреть на историю как на постепенное развитие от зла к благу, от смерти к жизни, от бедственного состояния, вызванного преступлением первого человека, к идеальному, блаженному бытию, когда все человечество в совокупности составит единый "град Божий". "Золотой век", который

для древних лежал всегда где-то в прошлом, переносится Августин в будущее и становится для него не только благим обетованием, но и конкретной целью истории. Отличительной чертой идеального общества он называет соблюдение уже упоминавшейся иерархии ценностей, между вещами “для пользования” и вещами “для наслаждения”. Иначе говоря, Августин предписывает строгое подчинение всей практической жизни общества единому религиозному авторитету и реальную возможность осуществить этот идеал видит в Церкви, в тех принципах, на которых зиждется ее устройство.

В творчестве Августина, таким образом, наметился широкий путь средневековой эстетики и философии. Язык его “Исповеди”, классически правильный по грамматическим формам и прозрачно ясный по своему синтаксису, стал литературной нормой церковной латыни. Его учение об иносказаниях позволило средневековой аллегорически переосмыслить античную поэзию и мифологию (Фульгенций) и создать свою собственную сложную символику. Его призыв любить истину, а не слова, призыв искать в словах сокровенный смысл неоднократно повторялся в филологических трудах Беда, Алкуина, Храбана Мавра вплоть до Иоанна Скота Эриугены. Его концепция “небесного града” вошла неотъемлемой частью в духовный мир средневекового человека.

Исповедь

[Младенчество]

I. 1. Велик и всеславен Ты, Господи¹: велика сила Твоя и мудрости Твоей нет предела. И Тебя желает славить человек, частица творения Твоего, человек, носящий в себе мертвенность свою, печать греха своего, знак того, что Ты противишься гордым. И все же хочет восславить Тебя он, частица творения Твоего. Ты возбуждаешь его так, что ему приятно хвалить Тебя, потому что для Себя создал Ты нас, и сердце наше не расстается с тревогой, доколе не найдет успокоения в Тебе. Господи, даруй мне узнать и разуместь, что должен я делать прежде — призывать или славить Тебя? Или сначала надо познать Тебя, а потом уже призывать? Но, не зная Тебя, кто станет звать? Если звать, не зная, то можно иного призвать вместо Тебя. Но как станут звать того, в кого не уверовали²? Или как поверят, если нет благовествующего? Ищущие Господа восхвалят Его. Господи, я искать Тебя стану, взывая к Тебе, и призывать Тебя стану, веря в Тебя. Ведь о Тебе проповедано нам. Господи, к Тебе взывает

вера моя, которую Ты дал мне, которую внушил мне человеколюбием сына Твоего, служением благовестника Твоего...

5. Кто даст мне найти успокоение в Тебе? Кто сделает так, что Ты придешь в сердце мое, опьянишь его, и я, забыв о всех неправдах моих, восприиму Тебя, благо мое единственное? Чем же стал Ты для меня? Благоволи, и я скажу это. Но чем сам я стал для Тебя, если Ты требуешь от меня любви к Тебе и за непослушание гневаешься и грозишь великими несчастиями? А разве малое несчастье, если я не люблю Тебя? Увы мне! Господи, Боже мой, скажи мне по милосердию Твоему, чем Ты стал для меня? Скажи душе моей: "Я — спасение твое"³. Скажи так, чтобы я услышал. Господи, вот уши сердца моего пред Тобою, открой их и скажи душе моей: "Я — твое спасение". Я побегу на этот голос и обрету Тебя. Не скрой от меня лица Твоего. Я умру, но пусть умру не прежде, чем увижу его.

Тесен для Тебя дом души моей, расширь его. Он обещал — восстанови его. В нем есть мерзкое для очей Твоих — знаю, не таю. Но кто очистит его? Или к кому, кроме Тебя, воззову: "Господи, от тайных дел моих очисти меня и от чуждых пощади раба твоего"? Говорю так, потому что верю. Господи, Ты Сам это знаешь. Боже мой, не Тебе ли я исповедал грехи мои и не Ты ли простил нечестие сердца моего? Не вхожу в суд с Тобой, который есть истина. Не хочу обманывать себя, чтобы неправда моя не гнала сама себе. Поэтому не сужусь с Тобой, ведь если Ты, Господи, станешь взирать на беззакония, то кто устоит [пред Тобой]?

6. Позволь мне, однако, говорить пред милосердием Твоим; мне, земле и пеплу, позволь говорить, потому что речь мою я обращаю к милосердию Твоему, а не к человеку, насмехающемуся надо мной. И ты, возможно, посмеешься, но потом сжалишься. Господи, лишь потому хочу говорить, что не ведаю, откуда пришел я в эту то ли мертвенную жизнь, то ли жизненную смерть. Не ведаю, откуда пришел. И встретили меня Твои утешительные милости⁴, как слышал я от плотских родителей моих, от отца и матери, из которых Ты произвел меня в срок. Сам я не помню этого. Первым утешением моим было женское молоко. Ни мать, ни кормилица мои не наполняли сами себе сосцов, но Ты, как установлено Тобою, чрез них подавал мне детскую пищу и богатства, заложенные в глубине вещей. Ты внушил мне не желать большего, чем подавал Ты мне, а кормильцам моим — желание отдать мне то, что они получили от Тебя. Ведь они по естественному побуждению хотели подарить мне то, чем Ты щедро оделил их. Для них благом было благо, которое из них, нет, не "из них", а "через них" приходило ко мне. Потому что все блага из Тебя исходят, Боже, и от Бога моего все спасение мое. Я понял это позже, когда Ты звал меня

с помощью того самого, что Ты вложил во внутрь меня и чем окружил извне. А сначала я умел только сосать, нежиться от удовольствий и плакать от огорчения плоти моей, больше ничего не умел я.

Потом я начал улыбаться, сначала во сне, затем и наяву. Так мне говорили обо мне, и я верю этому, ведь и у других детей наблюдаем мы то же, сам же я не помню себя таким. И вот постепенно я начинал ощущать то, что было вокруг меня, и мне хотелось открыть свою волю тем, кто бы мог исполнить ее, но на это у меня не хватало сил, потому что желания пребывали внутри меня, а люди находились вовне и ни одним своим чувством не способны были они проникнуть в душу мою. Я делал движения и телом, и голосом — это были знаки, схожие с желаниями моими, — то немногое, что я мог сделать, такое, что я мог сделать. Но эти знаки не были по-настоящему схожи. А когда мне не повиновались, либо не поняв меня, либо боясь навредить, то я негодовал на старших, не послушавших меня, и на детей, не угодивших мне. Своим плачем я мстил им. Мне довелось наблюдать младенцев, и я узнал, что они ведут себя так. Несмысленные, они лучше, чем сведущие кормильцы мои, уверили меня в том, что и я был, как они...

[Отрочество. Обучение у грамматика]

1. 12. В пору отрочества, которое вызывало меньше тревог за меня, чем юность, я не любил науки и ненавидел, когда меня заставляли учиться. Но меня все равно заставляли, и мне это служило во благо, хотя вел я себя дурно, учась лишь по принуждению. Когда человек делает дело неохотно, он всегда поступает плохо, даже если само дело доброе. Добро творили не те, кто понуждал меня, но Ты сам, Боже мой, превращал все во благо. Ведь те, кто заставлял меня учиться, видели в этом лишь средство, открывающее мне путь для насыщения ненасытных желаний богатства и постыдной славы. Ты же, у Которого сочтены волосы головы нашей⁵, обратил мне во благо заблуждение тех, кто заставлял меня учиться. А меня, противившегося учению, Ты подвергал наказанию, и оно было заслужено мною, еще маленьким мальчиком и уже великим грешником. Итак, из поступков недобрых Ты устраивал благо для меня и за согрешение мое праведно взыскивал с меня. Ведь Ты повелел некогда, и так оно и есть, что всякое беспорядочное стремление становится наказанием само себе.

13. Что за причина была, отчего я ненавидел греческие уроки, я и сейчас не совсем понимаю. Латинские я очень любил, но не те, которые ведут самые первые учителя, а занятия с "грамма-

тиками”⁶. Ведь учиться читать, писать и считать было для меня столь же тяжело и неприятно, как и сам греческий язык. Иным ли чем это было вызвано, как не грехом и суетою жизни? Был я тогда “плоть, дыхание, которое уходит и не возвращается”⁷. Ведь те начальные знания достоверны. Благодаря им я теперь могу прочесть то, что вижу написанным, могу и сам написать любую вещь. И поэтому они лучше тех занятий, при которых я должен был, забыв о своих заблуждениях, помнить о блужданиях неведомого мне Энея и оплакивать смерть Дидоны за то, что она убила себя из-за любви⁸. Свою же собственную смерть вдали от Тебя, Боже, жизнь моя, я, несчастный, переносил с сухими глазами...

Итак, согрешил я мальчиком, предпочитая пользе пустяки, это любя, а то ненавидя. Ненавистен был мне припев: “Один да один — два, два да два — четыре”, нравилось же больше всего суетное зрелище — деревянный конь, полный вооруженных воинов, пожар Трои и самой Креусы тень⁹.

[Юность. Годы учения в риторской школе в Карфагене]

III. 1. Я прибыл в Карфаген, и там все вокруг стало звать меня к утехам постыдной любви. Я еще не любил, но любовь мне нравилась, и в затаенном желании своем я ненавидел себя за недостаток желаний. Любя любовь, я искал предмета любви и ненавидел безопасный и открытый путь, потому что внутри меня жил голод внутренней пищи, Тебя самого, Боже мой, но я не терзался от этого голода и не алкал пищи нетленной, не потому что был сыт ею, а потому, что был слишком пуст, слишком мерзок. Больна была душа моя. Покрытая струпьями, она устремлялась к внешнему миру, желая соскоблить свои струпья чувственными предметами. А они, если бы не имели души, не вызывали бы любви к себе. Любить и быть любимым приятно было мне, особенно если я наслаждался и телом любимого человека.

Естественное свойство дружбы я пятнал грязью страсти, на чистоту ее наводил тень из Тартара похоти, а сам в избытке тщеславия кичился своей благовоспитанностью и остроумием, гнусный и бесчестный. Я ввергся, наконец, в любовь, которой хотел предаться. Боже мой, спасение мое, сколько желчи примешал Ты к этой сладости во благо мне! Я был любим, связь была скреплена наслаждением, но в этой радости меня опутывали сети бедствий: будто розги каленого железа, секли меня зависть, позорения, страхи, гнев и ссоры.

2. Меня влекли к себе зрелища в театре, где все изображало мои несчастья и раздувало жегший меня огонь. Почему там че-

ловек охотно мучается, глядя на печальные и трагические события? Сами они для него не желанны, а вот боль от них желанна и сама боль для зрителя — наслаждение. Не жалкое ли это безумство? Ведь, чем понятнее человеку такие чувства, тем сильнее они волнуют его, хотя, если страдает он сам, зовут это бедой, а если состраждет другим — называют милосердием. Но какое тут милосердие, когда события выдуманы и происходят на сцене? Слушателя приглашают здесь не на помощь спешить, а лишь скорбеть, и, чем сильнее он скорбит, тем больший успех встречает творца этих картин. Когда бедствия, очень давние или вымышленные, показаны на сцене так, что их вид никого не огорчает, то автор, бранясь с досады, уходит из театра, а если зритель печален, то автор радуется и смотрит представление до конца¹⁰. Стало быть, слезы и страдания улаждают? Радоваться, конечно, хочет всякий, несчастным же быть никому не мило, но приятно быть сострадателем, что невозможно, однако, без скорби. Не поэтому ли мы и любим скорбь? Производит это живущая в нас жизненная сила дружбы.

Куда, однако, это ведет? По какому пути? Не поглощается ли здесь сострадание потоком кипящей смолы — пылающим жаром театральных страстей, в котором оно меняется, извращается по доброй воле, отторгшись и отпав от небесного света? Так что же, из-за этого надо отвергнуть сострадание? Вовсе нет! Пусть и скорби иногда будут нам приятны. Но бойся нечистоты, душа моя, имея покровителем “Бога моего, Бога отцов наших, славимого и превозносимого во все века”¹¹.

Мне и сейчас знакомо сострадание, но тогда, в театрах, я сочувствовал восторгу влюбленных, радовался их непристойным радостям, хотя это была только актерская игра и выдумка. Когда влюбленные разлучались, я из жалости к ним грустил, и мне была приятна эта печаль. Теперь же я больше болезную о том, кто весел, утопая в пороке, чем о человеке, который, словно это беда какая-то, лишился гибельных утех и потерял свое ничтожное счастье. Вот такое сострадание более истинно, но оно не улаждает скорбь. Милосердие велит печалиться о несчастье, и это похвально, но человек вдвойне милостивый предпочитает вовсе не иметь причин для горя. Если бы существовало зложелательное доброжелательство, совершенно невозможное, то тому, кто способен на искреннее, глубокое соболезнование, могло бы захотеться, чтобы всегда были страдальцы и ему было бы кого жалеть. Поэтому похвальна бывает иногда скорбь, но она никогда не должна быть любима. Боже и Господи, Ты один любишь наши души сильнее и чище, чем мы сами, и жалеешь их без лукавства, не причастный печали. Но на это кто способен¹²?

А я, бедный, любил тогда горевать и искал, о чем бы поскорбеть. Игра актеров на сцене, где изображались чужие, лживые

невзгоды, была для меня тем приятнее, чем сильнее я плакал, глядя на нее. Удивительно ли, что я, несчастная овца, отбившаяся от твоего стада и лишенная твоего надзора, покрывалась мерзкой паршой? Поэтому-то и жила во мне любовь к страданиям, хотя и не проникала в меня глубоко. Ведь я не любил сам терпеть то, на что смотрел, и, слыша о вымышленных страданиях, получал как бы легкие ссадины, от которых, однако, как от царапания когтями, воспалялась опухоль и гноилась страшная язва. Боже мой, разве это была жизнь?

3. Но с высоты осеняло меня Твое неизменное милосердие! Во многие беззакония погружался я, предавался кощунственному любопытству, оставлял Тебя из-за него, устремлялся в глубины лжи и к пагубному служению бесам, приносил им в жертву свои злые дела, и Ты меня за все это бичевал! Даже во время торжественных празднеств Твоих, в стенах Твоего храма, я не боялся предаваться страстным желаниям и затевать дело, коего плоды — смерть. За это Ты предавал меня тяжелым карам, ничтожным, однако, в сравнении с моей виной. Боже, сколь велика Твоя милость ко мне! Ты — защита моя от тех страшных опасностей, среди которых я бродил, высоко подняв голову, вдали от Тебя, полюбив пути свои, а не Твои, полюбив непрочную свободу.

Даже в тех науках, которые назывались благородными и применение имели в судебных тяжбах, я мог отличиться, лишь заслужив похвалу умением обманывать! Настолько люди слепы и хвалятся своей слепотой! В школе риторика я был уже первым учеником, очень радовался и гордился этим, хотя и вел себя сдержанно, Ты знаешь это, Господи. Я не участвовал в “ниспровержениях”, затеваемых “ниспровергателями”¹³, — этим именем, диким и диавольским, обозначается изысканная светскость. Я не был таким, как они, и стыдился бесстыдства, живя среди них. Бывая в их обществе, я иногда дружил с ними, но всегда гнушался их поступков, т.е. “ниспровержений”, которыми они нагло преследуют скромных новичков, осыпая их насмешками и теша свою злокозненность. Тут очень много похожего на бесовские действия. Можно ли дать этим людям лучшее имя, чем “ниспровергатели”? Ведь очевидно, что духи лжи уже давно испровергли их и совратили, а теперь смеются над ними, когда те насмешничают и обманывают.

4. В том неразумном возрасте я вместе с ними изучал сочинения по красноречию, в котором хотел всех превзойти, преследуя цель предосудительную и пустую, ища суетной славы человеческой. Держась принятого порядка, я, наконец, приступил к чтению одной книги Цицерона, которого почти все прославляют за его слог, но мало кто — за чувство. Книга эта была “Гортензия”¹⁴, и в ней Цицерон призывает заниматься философией.

Она изменила все мое душевное расположение, заставила меня молиться тебе, Господи, вселила в меня новые желания и стремления. Потерял для меня свою прелесть все прежние пустые надежды, и с небывалым жаром сердца я страстно возжелал бессмертной мудрости. Я начал тут понемногу приподниматься [от земли], и возвращаться к Тебе. Не ради красоты слога читал я эту книгу, купленную на деньги матери, ведь мне тогда было девятнадцать лет, и отец уже два года как умер. Не языком ее я восхищался, а тем, что в ней говорилось.

Боже мой, как рвался я, как рвался я перенестись с земли к Тебе, и не ведал я, что Ты станешь делать со мной! Ведь у Тебя обитает мудрость. А любовь к мудрости называют греческим именем “философия”. Вот ее-то и зажгла во мне эта книга.

[Годы преподавания риторики в Карфагене, Риме и Милане]

IV. 1. В продолжение девяти лет, с девятнадцатого года жизни по двадцать восьмой, я обольщался сам и обольщал других, бывал обманут и обманывал, утопая в страстях. Делал это и открыто — занимаясь “свободными” науками, и тайно — радея о ложной религии¹⁵. В науках был тщеславен, в религии — суеверен, и там и тут служил суете. Ученостью снискал себе пустую славу у людей, так что мне даже хлопали, как в театре. Любил поэтические состязания, венки из травы, вздорные зрелища и разнузданную похоть. В религии же думал смыть с себя эту грязь и носил поэтому яства так называемым “избранныкам” и “святым”, чтобы они в своих желудках состряпали для нас ангелов и богов-освободителей. И исполнял это я не один, а с друзьями, которых тоже завлек в эту неправду. Боже, пусть те, кто уверен в себе, кто не падал и кого Ты не исцелял, насмехаются надо мной, я же ради славы Твоей исповедую Тебе позор мой. Молю, позволь мне и дай сейчас снова пройти в воспоминаниях путь прежних блужданий моих и вознести Тебе жертву хвалы¹⁶. Что я без Тебя, как не путник у края пропасти? А если благоденствую, то разве не молоко Твое сосу и не услаждаюсь Тобой, пищей нетленной¹⁷? И любой человек, когда он просто человек, что он такое? Пусть смеются сильные и могучие, а мы, слабые и немощные, будем исповедоваться Тебе.

2. В те годы я преподавал риторику, из корысти торговал искусством победоносного суесловия. Господи, Ты знаешь, что я любил хороших учеников, их так теперь зовут — “хорошие”. Бесхитростно обучал я их хитростям, но не с тем, чтобы они вредили невинным, а для того, чтобы иногда щадил и виноватого. Боже, Ты видел издали, как изнемогала моя честность на

этом скользком пути, как еле светилась она в сплошном чаду, но не отказался я от нее на этой должности, среди людей, любящих суету и ищущих лжи¹⁸. В те времена у меня была подруга, которую связывал со мной не брак законный, а пылкая, безрассудная страсть. Однако женщину эту я имел одну и хранил верность ложу. На своем примере убедился я, сколь отличны друг от друга законное супружество, заключаемое ради чадородия, и союз чувственной любви, при котором дети рождаются нежеланными, хотя, родившись, заставляют любить себя.

V. 8. Ты сделал так, что мне вздумалось отправиться в Рим и там давать уроки, которые я вел в Карфагене. А почему мне вздумалось это, я не премину исповедать Тебе, потому что и тут должно разуметь и восхвалять тайну величия Твоего и Твое всегдашнее к нам милосердие. Не потому захотел переселиться я в Рим, что он, как внушали мне друзья, сулил больше доходов и почестей, правда, и это манило меня тогда, но главная и почти единственная причина была та, что в Риме, по рассказам, юноши на уроках вели себя пристойнее, не вторгались нагло в чужую школу и вообще не допускались туда без позволения учителя.

В Карфагене, напротив, гадкая разнузданность школяров не знает преград: как взбесившиеся, они без всякого стыда врываются на уроки и переворачивают порядок, заведенный каждым наставником для пользы учеников. Свои преступные шалости они творят с такой удивительной тупостью, что закон непременно карал бы их, если бы не обычай, привыкший смотреть на них как на людей до того никчемных, что им разрешаются вещи, совершенно не дозволенные Твоим вечным законом. Они мыслят, что ведут себя безнаказанно, тогда как наказываются той самой слепотой, с какой они действуют, и зло терпят безмерно худшее, чем причиняют сами. Я чуждался этих нравов в годы своего учения, а вот теперь, когда сам вел занятия, становился их жертвой. Хотелось уехать туда, где ничего этого нет, по словам людей, знавших дело. Ты же, упование мое и доля моя на земле живых¹⁹, перемену мест делал для меня источником душевного спасения. Ты гнал меня стрелам из Карфагена и в Рим завлекал приманками. Делал Ты это через людей, преданных временной жизни, поступивших здесь неразумно и там суливших пустое. И их и мою порочность Ты тайно употреблял для исправления моих путей. Ведь слепы были те, кто с безобразной яростью нарушали мой покой, но о земном мудрствовали и те, кто советовал мне ехать. Тяготясь подлинной бедой здесь, я стремился туда, к мнимому счастью.

Боже, Ты ведал, для чего нужно мне было ехать отсюда туда, но ты не открыл этого ни мне, ни моей матери, горько плакавшей о моем отъезде и провожавшей меня до самого моря. Она не отступала от меня, вынуждая либо остаться, либо взять ее с

собой. Но я обманул ее. Я притворился, что не могу расстаться с другом, пока он не уплывет при попутном ветре. Солгав матери (и какой матери!), я бежал от нее. Это тоже простил Ты мне, скверному, и от морских вод спас меня для вод благодати Твоей, которые омыли меня и осушили потоки материнских слез, всякий день орошавших землю пред лицом Твоим. Без меня она не соглашалась вернуться домой, и я с трудом уговорил ее провести ночь недалеко от корабля, в доме, посвященном памяти блаженного Киприана²⁰. Сам я тайком тогда отплыл без нее, а она, оставшись, молилась с плачем. Боже, не просила ли она у Тебя, вся в слезах, чтобы Ты помешал моему морскому странствованию? Но Ты, в высоком Твоем замысле, внимал самому большому желанию ее и чтобы сделать со мной то, о чем она привыкла просить, не исполнял тогдашней ее просьбы. Подул ветер, натянул паруса — и берег скрылся от наших взоров. А наутро мать моя предавалась там безумному горю, оглашая уши Твои укорами и стоном. Но Ты не слушал ее. Ты попускал мне увлекаться страстями, чтобы положить конец самим страстям, ей же — терпеть справедливые удары страданий, чтобы утихло ее плотское желание. Как мать, сильнее, однако, чем многие матери, она хотела, чтобы я был при ней, и не знала, в какую радость для нее Ты превратишь мое отсутствие. Она рыдала и плакала и этими муками обличала в себе наследницу Евы, со стоном требуя то, что родила со стоном. Жаловалась на мой обман и жестокость, потом, однако, стала по-прежнему молить Тебя обо мне и возвратилась к обычным делам. А я плыл в Рим.

12. В Риме я с любовью занялся тем, ради чего туда пришел, — обучением риторике. Я стал на первых порах собирать у себя в доме лиц, доставивших мне известность. Но я узнал, что в Риме творятся вещи, недопустимые в Африке. Здесь, правда, негодные юноши не устраивают “ниспровержений”. Однако, как мне рассказали, многие из них договариваются друг с другом и переходят от учителя к учителю, чтобы не вносить платы. Забывают о честности и ценят правду дешевле денег. Сердце мое возненавидело их, но не полной ненавистью, ненавистна была обида, которую они могли причинить мне, а не само их беспутство, вредящее каждому. Эти испорченные люди развращаются вдали от Тебя, любят мимолетный задор и грязную корысть, пятнающую ту руку, к которой она прикасается. Они прилепились к миру временному и небрегут о Тебе, когда Ты зовешь их, ждешь и прощаешь человеческую душу, если она, блудница, возвращается к Тебе. Я и теперь ненавижу их, ленивых и развращенных, хотя очень хочу, чтобы они исправились и деньгам предпочли науку, которую изучают, а науке — Тебя Самого, Боже, — истину, полноту благ и совершеннейший мир. Тогда,

однако, я ради себя самого больше хотел, чтобы они не поступали дурно, чем желал им стать добрыми ради Тебя.

13. Поэтому, когда префекту Рима пришло поручение найти учителя риторики для Медиолана²¹ и отправить его туда на казенный счет, я добился, чтобы Симмах, в то время бывший префектом, согласился назначить и послать в Медиолан именно меня. Я прибегаю для этого к заступничеству лиц, преданных манихейской суете, и ни я, ни они не догадывались, что я уезжаю, чтобы навсегда порвать с ними. И вот я прибыл в Медиолан, в город, где жил Амвросий, один из лучших людей на земле, благочестивый Твой служитель, чья проповедь в ту пору щедро питала народ Твой туком пшеницы Твоей²², елеем радости и вином целомудрия. Этот человек Божий принял меня, как отец, и по-епископски благожелательно отнесся к моему прибытию. Я полюбил его сначала не как наставника истины, которую уже не думал найти в Твоей Церкви, а просто как человека, благосклонного ко мне. Я старательно вслушивался в его поучения народу, но не с тем вниманием, с каким должно, а как бы проверяя, заслужена ли слава о его красноречии, не слишком ли велика или мала она. Я приковывал свое внимание к его словам, а к тому, о чем он говорил, был нелюбопытен и небрежен. Я наслаждался приятностью речи, более ученою, чем у Фавста²³, хотя менее радующей и ласкающей слух своим слогом. По содержанию, однако, они несравнимы: ведь Фавст предан был ложному заблуждению манихеев, а Амвросий здравомысленно учил спасению. Но спасение далеко отстоит от грешников, к которым принадлежал и я в то время. Мало-помалу все же я, сам того не ведая, становился к нему все ближе.

[Обращение]

VIII. 6. Господи, я исповедую имени Твоему и расскажу тебе, помощник мой и искупитель, как Ты спас меня от рабского служения заботам житейским и избавил от уз плотских вожделений, крепко державших меня. Я занят был обычными делами, но во мне росла тревога, и каждый день я воздыхал пред Тобою. Я часто посещал Твой храм, в то свободное время, которое у меня оставалось от работы, своим бременем доводившей меня до стонov. Со мной вместе жил Алипий²⁴, не имевший тогда казенной должности. Опытный юрист, он уже три раза занимал ее и теперь ждал, кому бы снова начать продавать свои советы, как я продавал словесное искусство, если только ему можно обучить. Небридий же уступил нашей дружеской просьбе и стал помощником у нашего общего приятеля Верекунда, медиоланского гражданина и учителя грамматики. Верекунду очень нужен был

верный сотрудник, и он, по праву друга, требовал себе одного из нас. Не корысть привлекла к нему Небридия, который, если он хотел, мог больше стяжать своей ученостью, а долг благожелательства, потому что он, милый и нежный друг, не желал пренебречь нашей просьбой. Он вел себя очень осмотрительно, остерегаясь знакомств с сильными мира сего и уклонялся от всего, что нарушало спокойствие духа. Он искал свободы духа и досуга, чтобы иметь время расспрашивать, читать и слушать о мудрости.

Однажды, когда Небридия почему-то не было с нами, в наш дом, ко мне и к Алипию, пришел некто Понтициан: он был, как и мы, африканец, и занимал во дворце высшую должность, а чего он хотел от нас тогда, я не знаю. Чтобы поговорить с ним, мы все трое сели рядом. Случайно Понтициана привлекла к себе рукопись на игорном столе возле нас. Он берет ее, раскрывает и находит апостола Павла, неожиданно для себя, конечно; ведь принял-то он ее за одну из книг моего ремесла. С улыбкой глядя на меня, Понтициан обрадовался и удивился тому, что такие и только такие книги лежат предо мной. Человек этот был христианин и очень ревностный, часто подолгу простирался он с молитвой в храме пред Тобою, Боже наш. Я открыл ему свою привязанность к этим книгам, и он тогда повел беседу об Антонии, египетском отшельнике, чье имя славилось среди рабов Твоих, нам же было неизвестно до того часа. Многое рассказывал Понтициан, повествуя нам, невеждам, о таком муже и дивясь нашему невежеству. Затаив дыхание, слушали мы о столь близких, чуть ли не современных нам “чудных делах Твоих”, засвидетельствованных в правой вере и вселенской Церкви. И мы и они были изумлены: мы — тем, сколь велики эти дела, Понтициан — тем, что мы о них не слыхали.

Потом речь пошла о сонмах монастырских насельников, об их нравах, благоухающих пред Тобою, о плодах, приносимых бесплодной пустыней. Об этом мы тоже ничего не знали. Не ведали и о монастыре в самом Медиолане, за городской стеной, где жило множество добродетельных братьев, которых наставлял Амвросий. Понтициан все рассказывал и рассказывал, и молча мы внимали ему. Наконец, и сам про себя рассказал он вот что.

Как-то раз в Треверах²⁵, после обеда, пока император смотрел зрелище в цирке, Понтициан с тремя товарищами отправился на прогулку в сады, прилегающие к стене. Здесь они случайно разлучились. Один пошел с Понтицианом, а двое других уклонились в сторону. Блуждая, эти двое набрали на хижину, в которой жили какие-то рабы Твои, нищие духом, те, кто наследует Царство Небесное. В той хижине нашли они рукопись с житием Антония. Один из них взял и стал ее читать и, пока читал, изумленный, его все больше охватывало пламенное желание самому начать жить так же и служить одному Тебе, покинув

светские должности, а по должности оба они были чиновниками. Он поднял, наконец, глаза, посмотрел на друга и, горя священной любовью и благоразумным стыдом, негодуя сам на себя, промолвил: "Скажи мне ты, к чему мы стремимся, снося все наши тяготы? Чего мы ищем? Ради чего боремся? Мы станем друзьями императора, — вот и все, чего мы достигнем во дворце? А там не все ли зыбко, не все ли полно опасностей? А сколько опасностей нас ждет на пути к этой должности, столь опасной! Божиим же другом я сразу могу стать, как захочу". [Затем], весь в смятении от зачинавшейся в нем новой жизни, он снова перевел взор на страницы, продолжал читать и менялся внутри, где Ты видел его. Ум его совлекал с себя все мирское, как выяснилось вскоре. В сердце его бушевали волны, читая, он издавал порою возгласы, порывая [со старым] и одобряя лучшее. Он был уже Твоим, когда сказал другу: "Прочь отметаю прежние надежды! Богу решил я отныне служить и приступаю к этому сейчас, на этом самом месте. Можешь не подражать мне, но мешать не смей". Тот ответил, что и сам хочет быть соучастником столь высокого служения и столь высокой награды. Оба они уже стали Твоими и воздвигали крепость, имея потребные на то средства — оставление всего своего и последование Тебе.

Тем временем в хижину вошли Понтициан с товарищем. Они искали друзей по всему саду и теперь, найдя их, стали звать с собой, так как уже близился вечер. Но те открыли им свое решение и намерение, поведали, как родилось и возросло в них это желание, и просили не докучать им, если сами не хотят последовать их примеру. Понтициан и его спутник, не пережившие изменения, оплакали себя, благоговейно поздравили тех двух и, вверив себя их молитвам, возвратились во дворец с сердцем, привязанным к земле, а оба друга остались в хижине, прилепившись сердцем к небу.

Оба они имели невест, и девицы эти, узнав обо всем, также принесли Тебе обет девства.

7. Таков был рассказ Понтициана. Господи, его словами Ты обращал мой взор на меня самого. Ты извлек меня из-за спины моей, куда я давно запрятал сам себя, не желая внимать себе. Ты поставил меня теперь лицом к лицу самого перед собой, чтобы я разглядел свою мерзость, уродливость и нечистоту, свои пятна и язвы. С ужасом видел я это, порывался бежать, но не мог, хотел отвести взгляд свой от себя, но Понтициан продолжал рассказывать, и ты снова ставил меня перед самим собой, снова приковывал ко мне взор мой, чтобы нашел я в себе неправду и возненавидел ее. Я знал о ней и раньше, но был беспечен и забывал. Теперь же чем больше нравилась мне эта здравомыслящие люди, всецело отдавшие себя Тебе для исцеления, тем нещаднее я ненавидел сам себя, сравнивая себя с ними. Ведь уже

давно, двенадцать полных лет тому назад, на девятнадцатом году жизни я прочел "Гортензия" Цицерона и проникся любовью к мудрости, но до сих пор не решался презреть земное счастье и свободно посвятить себя ее исследованию, хотя даже поиск ее, а не только обретение должно ценить выше всех наслаждений плоти и царств и сокровищ земных. Я был скверным, скверным, особенно в ранней юности, однако уже тогда просил у тебя чистоты и говорил: "Даруй мне чистоту и воздержание, но не подавай их теперь". Боялся я, что Ты пошлешь их слишком скоро и исцелишь недуг похоти, которую хотелось мне тешить, а не гасить. И я ходил неправыми путями святотатственного заблуждения, но не потому, чтобы доверял ему вполне, а потому, что предпочитал его другим учениям, не рассматривая их по совести, а враждебно оспаривая.

Я полагал, что день за днем медлю оставить надежду на этот мир лишь потому, что мне неясно, куда направить путь. Пришел, однако, день, когда наг стоял я перед самим собой, и совесть во мне обличала меня: "Где твой язык? Не ты ли говорил, что сбросить суетное бремя тебе мешает неуверенность в истине? Что же, теперь ты уверился, а суета по-прежнему давит тебя своим грузом! Люди же, не изнуравшие себя исканиями, не тратившие больше десяти лет на размышления, расправляют свободные плечи, будто крылья!" Вот так угрызался я внутри и от ужасного стыда был сам не свой, пока слушал Понтициана. Он, наконец, кончил беседу, уладил нужное ему дело и ушел. А я, чего только не наговорил я себе после его ухода! Какими мысленными плетями ни бичевал я свою душу, чтобы она стала заодно со мной, когда я пытался следовать тебе. Она упорствовала, не соглашалась и не оправдывалась. Были уже исчерпаны и отвергнуты все доводы, оставался один немой трепет. Как смерти, боялась она оторваться от потока привычек, в котором чахла и гибла.

8. Во внутренней моей обители велась страшная борьба, на которую я вызвал свою душу в опочивальне нашей, в сердце моем. С тревогой на лице, с мятущимися мыслями подошел я к Алинию и воскликнул: "Что творится! Слышишь? Невежды встают и берут себе небо, а мы с нашей ученостью погрязли тут в плоти и крови! Неужели стыдно идти по их стопам, если они опередили нас? Неужели не стыдно вовсе не подражать им?" Наговорив не помню что еще в таком роде, весь охваченный волнением, я кинулся прочь от него. Он же смотрел на меня безмолвно, с удивлением, пораженный столь непривычной речью. О чувстве моем больше, чем слова, говорили лоб, щеки, глаза, цвет лица, голос.

Около нашего жилища был небольшой сад, которым мы пользовались, как и всем домом, потому что хозяин дома не жил там. Туда, в этот сад увлекла меня буря, кипевшая в груди. Здесь

никто не мог помешать мне в той ожесточенной схватке, в которую я вступил с самим собой, схватке, которая длилась, пока не был найден выход, уже тогда ведомый Тебе, но не мне. Я страдал целительной болезнью и умирал живительной смертью, ощущая зло, но не постигая, какое благо придет вскоре. Итак, я ушел в сад, а следом за мной Алипий. Он ведь не был помехой моему одиночеству, а разве мог он бросить меня в таком состоянии? Мы сели с ним подальше от строений. Дух трепетал во мне, страшно негодовал я на себя за то, что не вступил в союз с Тобою, в союз, угодный Тебе, Боже мой. Все мои кости звали меня вступить в него, к небу возносились они в хвалениях. Не нужны были для этого ни корабли, ни колесницы, не надо было проходить даже того расстояния, какое прошли мы пешком от дома до места, где сидели. Не только "пойти", но и "достичь" означало здесь "захотеть идти", захотеть сильно и искренне, а не кидать из стороны в сторону свою полуйскалеченную волю, которая то встает, то падает в борьбе.

Раздраженный своей нерешительностью, я совершал много действий, которые не всегда люди властны выполнить, если стремятся к тому, но не имеют членов тела или они у них связаны оковами, расслаблены и неподвижны. Я рвал на себе волосы, бил себя по лбу, сцепив пальцы, обнимал колена и делал все это потому, что хотел. "Хотеть" я мог бы и тогда, когда не в силах был бы поступать так, не имея послушных членов тела. "Хотеть" и "мочь" здесь разные вещи, тем не менее я действовал тут и бездействовал в том, что мне было несравненно приятнее и для чего нужно только желание, но желание бесповоротное. Возможность совпадала здесь с волей, и "хотеть" уже значило "делать". Этого, однако, не происходило, и телу легче было покорствовать слабейшей воле души и заставить члены двигаться, чем душе подчинить одну лишь волю своей великой воле.

9. Что за странное явление! Откуда оно и в чем его причина? Озари меня Твоим милосердием, чтобы я мог спросить об этом! Быть может, ответ дадут тайники страданий человеческих и самые непроницаемые глубины мук сынов Адама? Что за странное явление! Откуда оно и в чем его причина? Когда дух приказывает телу, оно повинуетя тотчас, а когда приказывает самому себе, то сам же противится. Дух велит, чтобы рука двигалась, и все тут так просто, что приказ едва отличим от исполнения. При этом дух — это дух, а рука — тело. Но вот дух велит духу захотеть, дух остался прежним, однако не повинуетя теперь. Что за странное явление! Откуда оно и в чем его причина? Хотеть требует тот, говорю я, кто не стал бы принуждать, если бы не желал того, и вот сам же он не слушается приказа!

Не весь объят он желанием, вот почему и веление его не всесильно. Он требует в той мере, в какой желает, и настолько

не исполняется приказ, насколько не достает ему желания. Ведь воля сама себе, а не другому кому-то повелевает, чтобы родилась воля. Когда не вся она целиком требует, то и не наступает то, чего она требует. Если бы действовала вся она, то ей не пришлось бы приказывать, она уже была бы исполнена. Итак, вовсе не странное это явление частью “хотеть” и частью “не хотеть”, а это болезнь духа, когда он, отягощенный привычками, не весь возносится ввысь, легкий благодаря истине. Существуют две воли, и раз одна из них неполная, то у второй есть то, чего не хватает первой.

11. Так томился я и мучился, обвиняя себя строже, чем обычно, крутя и вертя себя в своих оковах, чтобы, наконец, расторглось то, что меня слегка удерживало. Что-то все еще не пускало меня. Господи, Ты нападал на меня в тайниках моих, с суровым милосердием Ты удваивал удары страха и стыда, чтобы не отступил я вспять, чтобы остающееся, малое и тонкое, оборвалось, а не усилилось снова и не связало меня еще крепче. Я во внутренней глубине своей говорил себе: “Пусть будет, пусть будет!” — и уже готов был принять решение, уже почти делал это, но все еще не делал. Я не катился назад к прошлому, но близок был к тому и едва переводил дыхание. И снова совершал усилие, был совсем уже недалеко, вот-вот уже прикасался, уже держал, однако не достигал, не прикасался, не держал, не соглашаясь умереть для смерти и жить для жизни. Зло, укоренившееся во мне, было сильнее непривычного добра. Чем ближе придвигалось мгновение, в которое я стал чем-то другим, тем в больший ужас повергало оно меня. Но не толкало назад, не оборачивало вспять, а лишь останавливало в нерешительности. Держало меня пустяковое легкомыслие и суетное тщеславие — мои древние подруги. Теребя за одежду плоти, они шептали мне: “Неужели ты уйдешь от нас?”, и “С этого мгновения мы уже не будем вечно сопутствовать тебе!”, и “С этого мгновения запрещено тебе будет и то и то!” Боже мой! Что разумели они под словами “то и то”? Они хотели, чтобы отвратилось милосердие твое от души раба Твоего. Сколько постыдного, сколько нечистого разумели они! Им внимала меньшая часть моя и не как явным противникам, стоящим лицом к лицу, а как ворчунам за спиной, которые щипали меня, уходящего от них, чтобы я оглянулся. Все же они не отступали от меня. Я медлил порывать с ними, не стряхивал их с себя и не бросался туда, куда был призван, потому что жестокая привычка спрашивала: “Неужели надеешься обойтись без них?”

Но голос ее звучал уже очень тихо. А с той стороны, куда обращено было мое лицо и где я страшился сделать решительный шаг, мне открывалось великолепие чистого воздержания, светлое, веселое без развязности. Оно честно манило меня идти к

нему без опасений. Протягивало святые руки, чтобы принять меня в свои объятия, руки, полные многих благих примеров. Сколько там отроков и отроковиц, какое число юношей и людей всех возрастов! Там и строгие вдовы и старые девственницы! И у всех одна и та же воздержность, не бесплодная, а плодovitая мать, чьи сыновья — это радости о Супруге, о Тебе, Господи! Она подсмеивалась надо мной ободряющим смехом, словно говоря: “Ты ли не сумеешь поступать, как они? Неужели своей силой, а не силой Господа они стали способны на это? Господь Бог дал меня им. Почему ты верен и не верен себе? Прострись пред Ним, не бойся, Он не даст тебе упасть. Смело прострись пред Ним, Он примет тебя и исцелит”. А я густо краснел, потому что до сих пор прислушивался к тому вздорному жужжанию и прозябал в медлительности. И снова они как бы говорили: “Глух будь к зову этих нечистых членов твоих, чтобы они отмерли совсем. Они толкуют тебе об удовольствиях, но не как о законе Господа и Бога твоего!” Так шел в моем сердце спор обо мне самом против меня самого. Алипий сидел бок о бок со мной и молча ждал, чем кончится столь необычная возбужденность.

12. Пристальное всматривание вывело наружу из бездонных глубин все мое убожество и поставило на вид сердцу. Какая буря тут разразилась! Какой ливень слез она принесла! Желая весь предаться стонам, я поднялся и ушел от Алипия: плакать удобнее одному. Я искал места, где бы он не тяготил меня своим присутствием. Вот в каком состоянии был я, и Алипий понимал это! Вставая, я произнес что-то со слезами в голосе, думаю. Он остался сидеть, весь замерший. Сам не знаю как, я бросился на землю под каким-то смоковым деревом и дал волю слезам. Из глаз моих хлынули потоки — жертва, угодная Тебе. Не совсем с такими словами, но с такими мыслями я обращался к тебе: “Господи, доколе? Господи, доколе Ты все гневаешься? Перестань вспоминать наши прежние неправды!” Пути их я ведь ощущал на себе. Вопил жалобно: «До каких пор все “завтра, завтра”, почему не теперь? Почему не кончить в сей же час с моим непотребством?»

Так говорил я, плача в горестном сокрушении сердца. И вдруг из соседнего дома зазвучал напевный голос то ли мальчика, то ли девочки, голос, повторявший все время: “Возьми и читай, возьми и читай”. Я изменился в лице и начал раздумывать, не поют ли так дети в каких-нибудь играх, но не припомнил ничего. Подавив слезы, я встал, принял эти слова за повеление взять рукопись и прочесть в ней первую же главу, которую увижу. Мне знаком был рассказ об Антонии, о том, как он был вразумлен неожиданно во время евангельского чтения, когда слушал так, будто к нему относились слова: “Иди, продай твое имущество и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небе-

сах; и приходи, и следуй за Мной”²⁶. Вняв им, он тогда же обратился к тебе.

Итак, я поспешил туда, где сидел Алипий, где, когда вставал, я положил книгу Апостола. Я схватил ее, раскрыл и молча прочел главу, которая попалась мне на глаза: “Не в пиршествах, не в пьянствах, не в сладострастии и распутстве, не в спорах и зависти [проводите жизнь свою], но облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечения о плоти не превращайте в похоть”²⁷. Дальше читать я не захотел, да и нужды не было. Лишь только прочел я это, как мирный свет точно влился в мое сердце, и вся тьма облежавших меня сомнений рассеялась.

Заложив палец или сделав иную, не помню какую, отметку на том месте, я со спокойным лицом все открыл Алипию. Тут и он мне открыл, что с ним творилось и о чем я не ведал. Для этого поступил он вот как: пожелал видеть прочитанное. Я показал ему, он обратил внимание на слова, следовавшие дальше и не замеченные мной. Слова эти такие: “Немощного в вере принимайте”. Алипий отнес их к себе и сказал мне об этом. Увещание придало ему твердости, и без тягостных колебаний он присоединился к благому намерению и решению (самому пригодному для его нравов, намного лучших, чем мои). С ним вместе мы пошли тогда к моей матери и возвестили ей обо всем. Она обрадовалась. Рассказали, как все свершилось, она торжествовала победу и благословляла Тебя, Который силен посылать больше, чем мы просим и разумеем. Теперь видела она, что Ты даровал мне много больше того, о чем в мечтаниях и с горьким плачем привыкла просить она у Тебя. Ты так обратил меня к Себе, что я отказался и от супружества, и от всех надежд века сего и твердо стал на тот путь веры, на котором видела она меня за столько лет до того по Твоему откровению. И Ты обратил слезы ее в радость, намного большую, чем она желала, радость более чистую и драгоценную, чем принесли бы ей внуки моей плоти.

¹ “Исповедь” начинается словами Пс. 144, 3. Библейские цитаты органически входят в августиновский текст, как образы, усиливающие его взволнованно лирическую интонацию.

² “Но как станут звать...” — слова Послания к Римлянам 10, 14.

³ Эта глава — наглядный образец того, как Августин наполняет свою речь цитатами из псалмов: “Скажи душе моей...” (Пс. 34, 3); “Не скрой...” (Пс. 26, 9); “Господи, от тайных...” (Пс. 18, 13–14); “Верю...” (Пс. 115, 1); “Боже мой...” (Пс. 31, 5); “Если ты...” (Пс. 129, 3).

⁴ Намек на слова Пс. 93, 19.

⁵ Намек на евангельские слова (Матф. 10, 30).

⁶ Обучение у “грамматика” соответствовало нашей средней школе и состояло главным образом в выразительном чтении и подробном комментировании произведений Вергилия и Цицерона.

⁷ “Плоть, дыхание...” — слова Пс. 77, 39.

⁸ Энеида, VI, 456–457.

⁹ Энеида, II, 772.

¹⁰ Ср. сходную картину, нарисованную Платоном в “Ионе”: “Я каждый раз вижу сверху, с возвышения, как слушатели плачут и испуганно глядят и поражаются, когда я говорю. Ведь мне необходимо очень внимательно следить за ними: если я заставляю их плакать, то сам буду смеяться, получая деньги, а если заставляю смеяться, сам буду плакать, лишившись денег” (Платон, Ион 535; перевод Я.М.Боровского).

Критика театральных зрелищ раннехристианскими учителями церкви фактически повторяет платоновскую критику сценического искусства (см. Законы 816–817).

В обоих случаях за театром признается огромная сила психологического воздействия и осуждается как “аморальный” репертуар современных автору постановок.

¹¹ Дан. 3, 52.

¹² 2 Кор. 2, 16.

¹³ О “ниспровергателях” см. ниже, кн. V, 8.

¹⁴ “Гортензий” до нас не дошел.

¹⁵ Речь идет о манихействе — восточной дуалистической религии, созданной в 3 в. н.э. Мани и сочетавшей в себе черты христианства, гностицизма, зороастризма и буддизма. Манихейство фактически приравнивало этический порядок к космическому, рассматривая мир как борьбу двух начал — света и тьмы, добра и зла — и истолковывая этические идеи как отражение космического порядка.

¹⁶ “Жертву хвалы” — библейское выражение (Пс. 49, 14).

¹⁷ Обычный в христианской литературе образ, возникающий как воспоминание евангельских слов: “Старайтесь не о пище тленной, а о пище, пребывающей в жизнь вечную...” (Ин. 6, 27).

¹⁸ “Любящих суету и ищущих лжи” — Пс. 4, 3.

¹⁹ “Упование мое и доля моя на земле живых” — Пс. 141, 5.

²⁰ Киприан — карфагенский епископ 3 в. н.э.

²¹ Меднолан (Милан) был в то время столицей Западной Римской империи. Симмах (345 — около 400 г.) — знаменитый языческий ритор, перевод его писем см. в сб. “Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства”, М., 1964.

²² “Туком пшеницы” — Пс. 80, 7; “Елеем радости” — Пс. 44, 8.

²³ Фавст — манихейский епископ, один из самых красноречивых в те времена. Августин отзывался о нем как о человеке, недостаточно образованном (см. “Исповедь”, V, 3–7); Амвросий — знаменитый миланский епископ.

²⁴ Алипий — земляк и бывший ученик Августина, впоследствии епископ Тагаста. О дружбе Алипия и Августина см. подробнее “Исповедь”, VI, 7–10.

²⁵ Речь идет о городе на Мозеле, одной из резиденций императоров (Трир).

²⁶ Матф. 19, 21.

²⁷ Римл. 13, 13.

Об учителе

*одна книга,
в которой подробно разбирается сила и назначение слов
и доказывается, что познание вещей получают не от
слов, вовне произносимых человеком, но от вечной
истины, учащей внутри¹*

Глава первая

Для чего учреждена речь

1. *Августин.* Чего, тебе кажется, мы хотим достичь когда говорим?

Адеодат. Насколько мне сейчас представляется, или научить или научиться.

Авг. Одно из этих двух вижу и согласен: в самом деле, говоря, мы явно хотим научить; но научиться каким образом?

А. Каким, ты полагаешь, если не расспрашивая?

Авг. И тогда, как я понимаю, мы хотим не чего другого как научить. Ведь скажи мне, спрашиваешь ли ты ради какой другой причины, кроме как чтобы показать тому, кого спрашиваешь, чего ты хочешь?

А. Верно сказано.

Авг. Тогда ты уже понимаешь, что в речи мы единственно стремимся лишь показать.

А. Не вполне понимаю; ведь если говорить — не что иное как произносить слова, то мы вроде бы то же делаем когда поем. Поскольку мы часто делаем так наедине, без присутствия кого-то обучающегося, не думаю, что мы хотим что-то показать.

Авг. Но по-моему существует некий род учения через припоминание, очень важный, как в этой нашей беседе покажет само дело. Впрочем, если ты не считаешь, что мы учимся вспоминая и что припоминающий научает, я тебе перечить не буду и утверждаю уже две причины говорения: или чтобы научить или чтобы напомнить, будь то другим, будь то самим себе; что мы и делаем, когда поем. Или тебе так не кажется?

А. Нет, никак; потому что так редко случается петь для напоминания себе; чаще только ради удовольствия.

Авг. Понимаю твою мысль. Но разве ты не замечаешь, что удовольствие при пении идет от некой модуляции звука; поскольку ее можно и прибавить к словам и отнять от них, одно дело говорить, другое петь? В самом деле, и на флейте и цитре попевают, и птицы поют, и мы порой без слов напеваем что-то

музыкальное, и звук нашего голоса тогда может быть назван песней и не может — речью. Или имеешь что возразить?

А. Совершенно ничего.

2. *Авг.* Так не кажется ли тебе, что речь учреждена единственно только ради научения и напоминания?

А. Показалось бы, не смущай меня то, что в молитве мы опять же говорим, а нельзя же думать, что мы научаем чему-то Бога или напоминаем Ему.

Авг. Ты словно не знаешь, что не ради чего другого нам заповедано молиться в затворенных кельях (Матф. 6, 6), каковым именем означены недра ума, как потому что Бог, даруя желаемое нами, не нуждается в наших речах для напоминания или научения. Говорящий членораздельным звуком выносит вовне знак своего желания, Бога же надо искать и молить в самых тайниках разумной души; их он пожелал иметь Своим храмом. Или не читал у Апостола, “Не знаете разве, что вы храм Божий, и дух Бога живет в вас” (1 Кор. 3, 16), и “Во внутреннем человеке живет Христос” (Еф. 3, 16-17)? Где по-твоему приносят жертву правды, как не в храме ума, в тайниках сердца? А где надлежит приносить жертву, там должно и молиться. Поэтому на молитве нет надобности в наших речах, т.е. в словах вовне произносимых, разве что, как у священников, для выражения мысли в слух не Бога, а человека, чтобы люди, проснувшись через напоминание к согласию с ними, возложили свое упование на Бога. Или полагаешь иначе?

А. Совершенно согласен.

Авг. Стало быть, тебя не смущает, что верховный Учитель, уча своих учеников молиться, научил их и определенным словам (Матф. 6, 9), причем явно сделал не что иное как показал, каким образом надо говорить при молитве?

А. Меня это вовсе ничуть не смущает: Он научил их не словам, а самим вещам через слова, призванные им же напомнить, Кому и о чем надо молиться, молясь, как сказано, в тайниках духа.

Авг. Верно понято; думаю, ты одновременно заметил, пусть кто-то здесь и возразит, что даже не издавая ни одного звука, но имея в уме сами слова, мы говорим внутренно в душе; точно так же и говоря мы не что иное делаем как припоминаем, причем память, в которой хранятся слова, перебирая их, приводит на ум сами те вещи, знаками которых эти слова служат.

А. Понимаю и следую.

Глава вторая

*Человек может показать значение слов
только словами*

3. *Авг.* Итак, мы с тобой установили, что слова суть знаки.

А. Установили.

Авг. Что же, может знак быть знаком иначе как что-либо означая?

А. Нет.

Авг. Сколько слов в этом стихе:

Если ничто от великого города бог не оставит²?

А. Восемь.

Авг. Восемь стало быть знаков.

А. Да, так.

Авг. Думаю, ты этот стих понимаешь.

А. Вроде бы достаточно понимаю.

Авг. Скажи мне тогда, что бы могло значить каждое слово в отдельности.

А. Вижу конечно, что означает *если*, но никакого другого слова, каким можно было бы его изъяснить, не нахожу.

Авг. Но хотя бы находишь, какого бы ни было значение этого слова, где оно все-таки находится?

А. Мне кажется, что *если* означает сомнение, а сомнению где быть, как не в душе.

Авг. Пока согласен. Продолжай дальше.

А. Ничто что еще означает, если не то, чего нет?

Авг. Верно, пожалуй, говоришь; но согласиться с тобой мне мешает то, с чем ты выше согласился,— что нет знака, если он чего-то не означает; а что не существует, то никак не может быть чем-либо. Поэтому второе слово в этом стихе не знак, раз не означает чего-то; и неверно мы между собой постановили, что все слова знаки или что всякий знак что-то означает.

А. Очень ты напорист; но когда мы не имеем что обозначить, то совершенно глупо произносим какое-либо слово, а ты, говоря сейчас со мной, думаю, ни одного звука напрасно не произносишь, но всеми, какие выходят из твоих уст, даешь мне знак, чтобы я что-то понял; так что тебе не пристало произносить эти два слога в разговоре, если ты что-то ими не обозначаешь. А если видишь, что из них получается необходимое высказывание и мы научаемся или припоминаем, когда они звучат в ушах, то конечно видишь и то, что я хотел бы сказать, только объяснить не могу.

Авг. Что же мы сделаем? Не скажем ли, что это слово означает скорее некое состояние души — когда она не видит вещь, и однако же находит или думает, что находит ее несуществующей, — чем саму вещь, которой нет?

А. Это самое пожалуй и есть то, что я силился изъяснить.

Авг. Двинемся же отсюда, оставив все как есть, чтобы с нами не случилось абсурднейшей вещи.

А. Какой же?

Авг. Если *ничто* нас удержит, и мы пострадаем от задержки.

А. Это действительно смешно, и однако, неведомо как, вижу возможность такому случиться; да, смотрю, явно уже и случилось.

4. *Авг.* В своем месте, если Бог позволит, яснее поймем этот род непроницаемости; сейчас пока вернись к тому стиху и попытайся как можешь развернуть значение прочих слов в нем.

А. Третье предлог, *от*, вместо которого можно было бы, полагаю, сказать *из*.

Авг. Не о том прошу, чтобы ты вместо одного слова, известного, говорил тоже известнейшее другое с тем же значением, если, конечно, с тем же, но пока допустим что все так. Конечно, скажи наш поэт не *от великого города*, а *из великого города*, я допытывался бы у тебя, что означает *из*; ты сказал бы, *от*, коль скоро эти два слова, то есть знака, означают по-твоему что-то одно; но я именно об этом самом, о чем-то одном, что обозначается этими двумя знаками, и спрашиваю.

А. Мне кажется, они означают какое-то отделение от той вещи, в которой что-то было, что называется оставшимся от нее, перестает ли она существовать, как в этом стихе, где хотя город погиб, от него могли остаться некие троянцы, или пребывает, как, мы говорим, в Африке есть купцы из города Рима.

Авг. Позволю тебе так думать и не буду перечислять всего многого, что можно найти против этого твоего правила. Ты конечно без труда заметишь, что изъясняешь слова словами, т.е. знаки знаками, причем известные известнейшими; а я хотел бы, чтобы ты, если можешь, показал мне те самые вещи, которых они знаки.

Глава третья

Возможно ли показать какую-либо вещь без знака

5. *А.* Дивлюсь, как ты не знаешь или скорее притворяешься не знающим, что в моем ответе вообще не может быть того, чего ты хочешь; поскольку мы беседуем, то и не можем ответить иначе как словами. Ты ищешь вещей, которые, чем бы они ни

были, словами конечно не являются, однако просишь их от меня тоже словами. Тогда прежде ты без слов спроси, чтобы я потом на тех же условиях ответил.

Авг. Справедливое требование, признаю; но если бы я спросил, что означают эти два слога, когда говорится *стена*, разве для того, чтобы я прямо видел саму вещь, знак которой это двусложное слово, ты не можешь показать пальцем, предъявляя ее мне, но не соотнося с ней никакого слова?

А. Допущу, что такое возможно только в отношении имен, которыми обозначаются тела, если эти самые тела налицо.

Авг. Разве мы называем цвет телом, а не скорее неким телесным качеством?

А. Качеством.

Авг. Почему тогда и его можно показать пальцем? Или к телам добавишь телесные качества, чтобы и на них тоже, если они налицо, можно было указать без слов?

А. Говоря *тела*, я подразумевал все телесное, т.е. все осязаемое в телах.

Авг. Подумай однако, не придется ли тебе и отсюда тоже что-то исключить?

А. Хорошее предостережение: я должен был бы сказать не *все телесное*, а *все видимое*. Признаю, что звук, запах, вкус, тяжесть, теплота и прочее, касающееся остальных чувств, хотя не могут ощущаться без тел и потому телесны, однако пальцем указаны быть не могут.

Авг. Разве ты никогда не видел, как с глухими ведут особого рода разговор посредством жестов, а сами глухие при помощи жестов же и спрашивают, и отвечают, и показывают, и учат, и высказывают все что хотят или по крайней мере очень многое? Когда так делают, то без слов показывают не только видимое, но и звуки и вкусы и прочее в том же роде. Да и комедианты часто показывают и развертывают в театрах целые фабулы большей частью без слов, пляской.

А. Не имею ничего возразить, кроме того что значения частицы *из* не только я, но и плясун мим не сумел бы показать тебе без слов.

6. *Авг.* Пожалуй, правда твоя; но представим себе, что сумел: полагаю, ты не усомнишься, что каким бы ни было движение тела, каким он постарается показать мне обозначаемую этим словом вещь, то будет не сама вещь, а знак. Так что и тут он будет указывать пусть не словом, но все же знак знаком, и односложная частица *из* и его телодвижение будут нечто обозначать, то самое, что я хотел бы видеть показанным мне без обозначения.

А. Но кто, скажи на милость, может то, что ты требуешь?

Авг. Как стена смогла?

А. Но ведь и она, насколько показал ход рассуждения, не может быть указана без знака. Ведь и протягивание пальца все равно не стена, а знак, благодаря которому можно увидеть стену. Так что не вижу ничего, на что можно было бы указать без знака.

Авт. А что если я спросил бы тебя что значит ходить, а ты встал бы и это сделал? разве ты не пользовался бы тогда для моего научения скорее самым делом чем словами или какими другими знаками?

А. Признаю что да, и мне стыдно, что я проглядел такую явную вещь. Теперь и мне приходит в голову тысяча вещей, которые указывают сами на себя без помощи знаков, как есть, пить, сидеть, стоять, кричать и без числа другое.

Авт. Ну-ка скажи мне теперь, как бы ты учил меня, если бы, совершенно не зная значения слова *ходить*, я спросил у тебя прохаживающегося, что такое *ходить*?

А. Делал бы то же несколько быстрее, чтобы ты после своего вопроса был привлечен некой новизной; и однако это было бы то самое, что следовало бы показать.

Авт. Разве не замечаешь, что одно дело *ходить* и другое *спешить*? Ведь и идущий не всегда спешит, и спешащий не обязательно идет: спешка бывает и при письме, в разговоре и без счета в других случаях. Так что начни ты после моего вопроса быстрее делать то что делал, я решу, что *ходить* значит просто *спешить*; это новое ты добавил; оттого я бы ошибся.

А. Признаю, что мы не можем показать вещь без знака, если нас спросят о ней, когда мы ее делаем; ибо если мы ничего не прибавим, спрашивающий подумает, что мы не хотим показать и в пренебрежении к нему упорствуем в том, что делали. Однако спроси он нас о чем-то, что мы делать в состоянии, только в момент вопроса не делаем, мы можем, начав после его вопроса то делать, самым делом лучше знака показать ему, что он спрашивает.— Разве что он спросит меня говорящего, что значит *говорить*: что я ни скажу для показа ему, мне случится именно говорить, и, поступая так, я буду учить его, пока не проясню ему желаемое им, не отступая от самой вещи, которую он просил ему показать, и не ища знаков, какими ему ее показать, вне ее самой.

Глава четвертая

Можно ли показать знаки знаками

7. Авт. Очень тонко. Тогда смотри, не согласимся ли мы уже, что без знаков можно указать то, чего мы, будучи спрошены об том, или не делаем, но можем тотчас делать, или может

быть делаем — сами знаки; ведь когда мы говорим, то делаем знаки, что и называется обозначением.

А. Согласимся.

Авг. Стало быть, когда спрашивают о каких-либо знаках, то знаки можно показать знаками; а когда спрашивают о самих вещах, которые не знаки, мы можем указать их или делая их после вопроса, если их можно делать, или подавая знаки, через которые их можно было бы заметить.

А. Так.

Авг. Что ж, в этом трехчастном распределении рассмотрим сперва, если угодно, показывание знаков знаками. Только ли слова бывают знаками?

А. Нет.

Авг. Мне кажется, что, говоря, мы обозначаем словами либо сами слова или другие знаки, например когда называем жест или букву, поскольку обозначаемое тут этими двумя словами суть опять же знаки, либо что-то другое, не знак, например когда говорим *камень*, поскольку хотя это слово и знак, раз нечто означает, но обозначаемое им само соответственно не знак. Но этот случай, т.е. когда словами обозначается то, что не знак, не входит в раздел, который мы положили разобрать. Мы ведь взялись рассмотреть обозначение знаков знаками и обнаружили тут две части: знаками мы учим и припоминаем или те же самые или другие знаки. Не так ли тебе кажется?

А. Явно так.

8. Авг. Скажи тогда, знаки, которые суть слова, к какому чувству относятся?

А. К слуху.

Авг. А жесты?

А. К зрению.

Авг. А когда мы встречаем слова написанные, разве они не слова? Или правильнее понимать их как знаки слов? Ведь слово есть то, что с неким значением произносится членораздельным звуком, а звук не воспринимается никаким другим чувством кроме слуха, так что когда пишется слово, делается знак для глаз, наводящий на ум нечто относящееся к слуху.

А. Совершенно согласен.

Авг. Думаю, согласишься и с тем, что, говоря *имя*, мы обозначаем нечто.

А. Разумеется.

Авг. Но что?

А. То самое, чем что-либо называют, например *Ромул*, *Рим*, *доблесть*, *река* и многое другое.

Авг. Не обозначают ли эти четыре имени какие-то вещи?

А. Обозначают.

Авг. Нет ли какого различия между этими именами и вещами, которые они обозначают?

А. Есть, еще какое.

Авг. Желал бы слышать от тебя, в чем оно.

А. Хотя бы то, во-первых, что имена — знаки, а вещи нет.

Авг. Хочешь, назовем обозначаемым то, что может быть означено знаками и знаками не является, подобно тому как то, что можно видеть, мы именуем видимым, чтобы облегчить впредь наш разбор?

А. Да, хочу.

Авг. А нет ли для обозначения тех четырех знаков, которые ты немного раньше назвал, еще какого другого знака?

А. Странно, ты думаешь, я уже забыл замеченное нами, что написанное служит знаком знаков, произносимых голосом.

Авг. Скажи, между этими какое различие?

А. Что одно видимое, другое слышимое. В самом деле, почему тебе не допустить и этот термин, если мы допустили обозначаемое?

Авг. Безусловно и с удовольствием допускаю. Однако опять же спрошу, нельзя ли те четыре знака обозначить еще каким-либо слышимым знаком, как ты припомнил о видимых?

А. Это тоже, помню, только что было сказано. Помню вопрос, как и сказанное вслед за ним. Я бы ответил тебе, что именем обозначается нечто, и подчинил бы его значению те четыре слова; и оно и они, коль скоро произносятся голосом, относятся к слышимому.

Авг. Чем тогда разнятся между собой слышимый знак и слышимые обозначаемые, которые сами тоже знаки?

А. Между тем, что мы произносим как *имя*, и этими четырьмя, которые мы подчинили его значению, я вижу то различие, что это слышимое есть знак слышимых знаков, а они хоть и слышимые знаки, но не знаков, а отчасти видимых вещей, как *Ромул*, *Рим*, *река*, отчасти вещей мысленных, как *доблесть*.

9. Авг. Согласен и одобряю; но ты ведь знаешь, что все произносимое нами членораздельным звуком с известным значением называется словом?

А. Знаю.

Авг. Тогда и имя есть слово, раз оно тоже, мы видим, произносится членораздельным звуком с известным значением, так что когда мы говорим например, что красноречивый человек употребляет в своей речи изысканные слова, это то же, что он употребляет и имена; и когда у Теренция слуга обратился к своему старому господину: "Пожалуйста, добрые слова"³, тот назвал и многие имена.

А. Согласен.

Авг. Тогда ты признаешь и то, что этими двумя слогами, которые мы произносим, когда говорим слово, мы обозначаем также и имя и тем самым то, чего оно знак?

А. Признаю.

Авг. Хочу, чтобы ты мне ответил и вот на что. Если слово знак имени, имя — знак реки, а река знак вещи, которую уже можно и видеть, так что между этой вещью и рекой, т.е. ее знаком, и между этим знаком и именем, знаком этого знака, есть разница, ты сказал какая, то в чем, по-твоему, разница между знаком имени, за каковой мы признали слово, и самим именем, знак которого слово?

А. В том, мне думается, что обозначаемое именем обозначается и словом: как имя есть слово, так и река есть слово же; но обозначаемое словом не всегда обозначается именем. В самом деле, и частица *если*, стоящая в начале предложенного тобою стиха, и предлог *из*, который мы так долго разбираем в нашем рассуждении, суть явно слова, но однако не имена; и таких примеров найдется много. Так что хотя все имена суть слова, но не все слова имена, и отсюда, мне кажется, ясно видна разница между словом и именем, т.е. между знаком такого знака, который не обозначает собой уже никаких других знаков, и знаком такого знака, который опять же означает еще и другие знаки.

Авг. Согласен ли ты, что всякий конь животное, но не всякое животное конь?

А. Кто усомнится?

Авг. Тогда между именем и словом такая же разница как между конем и животным; разве что согласиться с этим тебе помешает то, что словом мы называем и спрягающееся по временам, например *пишу*, *написал*, *говорю*, *сказал*, каковые слова явно не имена.

А. Ты назвал именно то, что заставляло меня еще колебаться.

Авг. Пусть тебя это не смущает. Ведь и знаками вообще мы называем все что-либо означающее, в том числе и слова. Знаками мы называем и военные знамена, т.е. собственно знаки, куда слова не относятся. И однако если я скажу тебе, что как всякий конь животное, но не всякое животное конь, так всякое слово знак, но не всякий знак слово, ты по-моему нисколько не усомнишься.

А. Понимаю и совершенно согласен, что между словом вообще и именем такое же различие как между животным и конем.

10. Август. Не сознаешь ли ты также, что когда мы говорим *животное*, то одно дело это четырехсложное имя, произносимое голосом, и другое — то, что им обозначается?

А. Я это уже выше признал в отношении всех знаков и всего обозначаемого.

Авт. А все ли знаки, ты думаешь, означают другое чем их самих, например когда мы говорим эти четыре слога, *животное*, оно никоим образом не означает того, что оно есть само?

А. Нет конечно; ведь когда мы говорим *знак*, то он означает не только прочие знаки, какие есть, но и сам себя: это слово, а все слова так или иначе знаки.

Авт. А не подобное ли нечто получается, когда мы говорим вот эти два слога, *слово*? Ведь если этим двусложным обозначается все, что с каким-либо значением произносится членораздельно голосом, то к тому же роду принадлежит и само оно.

А. Это так.

Авт. Не в том ли положении находится имя? В самом деле, оно и означает имена всех родов, и само *имя* есть имя среднего рода. Спроси я у тебя, какая часть речи *имя*, ответ твой будет правилен только если ты скажешь, что оно имя.

А. Верно говоришь.

Авт. Тогда есть знаки, которые среди всего прочего ими обозначаемого обозначают и сами себя.

А. Есть.

Авт. Не таким ли кажется тебе и этот двусложный знак, когда мы говорим: *союз*?

А. Никоим образом: то, что он обозначает, не имена, сам же он — имя.

Глава пятая

Взаимные знаки

11. *Авт.* Ты внимателен. Теперь посмотри, не встречаются ли знаки, обозначающие взаимно друг друга, чтобы как это обозначалось тем, так и то этим; не так относится двусложное слово, произносимое *союз*, к обозначаемому им, например *если*, *или*, *ибо*, *так как*, *разве*, *итак*, *поскольку* и подобному, потому что все эти частицы обозначаются им одним, а ни одно из них не обозначает того двусложного слова.

А. Вижу, и хотел бы знать, что это за знаки, взаимно обозначающие друг друга.

Авт. Ты стало быть не замечаешь, что когда мы говорим *имя* и *слово*, то произносим два слова?

А. Замечаю.

Авт. А не замечаешь, когда говорим *имя* и *слово*, что произносим два имени?

А. Замечаю и это.

Авт. Тогда ты понимаешь, что как *имя* обозначает *слово*, так и в свою очередь *слово* — *имя*.

А. Согласен.

Авг. Можешь ли сказать, чем они разнятся между собой, кроме того что пишутся и произносятся по-разному?

А. Пожалуй могу: я вижу здесь то, что сказал чуть раньше. Когда мы говорим *слова*, то обозначаем этим все, что с каким-либо значением произносится членораздельно голосом; так что всякое имя, и оно само, когда мы говорим: *имя*, есть слово, но не всякое слово есть имя, хотя когда мы говорим: *слово*, то это имя.

12. Авг. Ну, а если бы кто тебе заявил и доказал, что как всякое имя есть слово, так и всякое слово имя? ты бы смог найти между ними другую разницу кроме различного звучания в буквах?

А. Не смог бы, и определенно не думаю, чтобы между ними было тогда какое-то различие.

Авг. Что если все с каким-либо значением произносимое членораздельно голосом будет и словами и именами, только по одной причине словами, а по другой именами? разве не будет никакой разницы между именем и словом?

А. Не понимаю, каким это образом.

Авг. Понимаешь по крайней мере, что все окрашенное видимо, а все видимое окрашено, хотя эти два слова имеют каждое свое и различное значение?

А. Понимаю.

Авг. Что если так же и всякое слово имя, и всякое имя слово, хотя эти два имени или два слова, т.е. имя и слово, имеют разное значение?

А. Уже вижу, что такое может быть; только жду, что ты мне покажешь, каким образом так получается.

Авг. Ты, я думаю, замечаешь, что все, с каким-то значением произносимое членораздельным голосом, и поражает слух, чтобы можно было чувствовать, и препоручается памяти, чтобы можно было понять.

А. Замечаю.

Авг. Стало быть, когда мы что-либо произносим таким голосом, происходит двоякое.

А. Так.

Авг. Ну, а если название *слово* идет от одного из этих двух, а название *имя* от другого, т.е. *слово* от того, что поражает слух, а *имя* — от *имения*, так что первое заслужило свое название от слуха, а второе от понимания умом?

13. А. Соглашусь, когда покажешь, как можно было бы правильно называть все слова именами.

Авг. Это нетрудно: думаю, ты усвоил и помнишь, что так называемое местоимение ставится вместо имени, хотя обозначает вещь менее полно чем имя. Наверное, тот, у кого ты изучал грамматику, определял так: местоимение есть часть речи, поме-

щаемая вместо самого имени и имеющая менее полное, но то же значение.

А. Припоминаю и одобряю.

Авг. Видишь, по этому определению местоимения служат только именам и могут вставать лишь на их место; например когда говорим: *сей муж, сам царь, та же женщина, это золото, то серебро* — *сей, сам, та, это, то* суть местоимения, а *муж, царь, женщина, золото, серебро* имена, которыми вещи обозначаются полнее чем теми местоимениями.

А. Вижу и согласен.

Авг. Назови мне теперь несколько каких угодно союзов.

А. И, а, но, же.

Авг. Не кажутся тебе все названные тобою именами?

А. Вовсе нет.

Авг. Но хотя бы правильно ли, ты думаешь, я выразился, когда сказал: *всё названное тобою*?

А. Совершенно правильно, и я уже понимаю, как ловко ты сейчас мне покажешь, что я перечислил тебе имена, ведь иначе о перечисленном мною нельзя было бы сказать: *всё*. Боюсь только, не потому ли твое выражение представляется мне правильным, что приведенные мною четыре союза я считаю словами, так что в их отношении сказать *всё* могло быть правильно потому, что правильно сказать *все эти слова*. Если же спросишь у меня, какая часть речи *слова*, я отвечу не иначе как: *имя*. К этому имени, возможно, и примкнуло у тебя местоимение, чтобы реченье твое было правильно.

14. Авг. Хотя ты и остроумно ошибаешься, но чтобы перестать ошибаться, еще остроумнее вникни в то, что я буду говорить, если только сумею высказаться как желаю, потому что толковать о словах словами такое же запутанное дело как, сплетя пальцы, растирать их, когда кроме делающего так едва ли кто может распознать, какие пальцы чешутся, а какие снимают чешотку.

А. Я весь внимание, потому что самый этот пример очень задел меня.

Авг. Слова, несомненно, состоят из звучания и букв.

А. Так.

Авг. Не лучше ли нам воспользоваться свидетельством, которое для нас всего дороже. Когда апостол Павел говорит: "Не было в Христе *да* и *нет*, но было в Нем *да*" (2 Кор. 1, 19), следует, мне кажется, думать, что в Христе были не те две буквы, которые мы произносим, говоря *да*, а скорее то, что этими двумя буквами обозначается.

А. Верно сказано.

Авг. Итак, ты понимаешь, что апостол, сказав "было в Нем *да*", сделал не что иное, как словом *да* назвал то, что было в

Христе; подобно тому как если бы апостол сказал: “в Нем была добродетель”, следовало бы понимать его сказавшим не что иное как: добродетелью называется то, что в Христе было; и не думать, будто в Нем были эти четыре слога, которые мы произносим, говоря *добродетель*, а не само обозначаемое этими слогами.

А. Понимаю и согласен.

Авг. А разве не понимаешь, что нет никакой разницы, сказать ли *называется добродетелью* или *именуется добродетелью*?

А. Это ясно.

Авг. Тогда ясно и то, что нет никакой разницы, скажет ли кто *да* *именуется* или *да* *называется* то, что было в Нем.

А. Не вижу и тут никакого различия.

Авг. Не видишь ли теперь, что я хотел показать?

А. Совсем не вижу.

Авг. Стало быть не видишь, что имя есть то, чем известный предмет именуется?

А. Несомненное этого не вижу ничего.

Авг. Смотри же: *да* — имя, если то, что было в Нем, именуется *да*.

А. Не могу отрицать.

Авг. Но спроси я у тебя, что за часть речи *да*, ты, пожалуй, сказал бы не *имя*, а *слово*, хотя рассуждение наше показывает, что оно также и имя.

А. Это совершенно так, как ты говоришь.

Авг. Сомневаешься ли еще, что и прочие части речи в том же смысле, как мы доказали, суть имена?

А. Не сомневаюсь, поскольку допускаю, что они нечто собою обозначают. Однако спроси ты о самих обозначаемых ими вещах, как называется или какое имя носит в отдельности каждая из них, я могу тебе ответить лишь, что это части речи, которые не называются именами, но которые, как вижу, есть причины называть именами.

15. Август. Не смущает ли тебя опасение, что найдется человек, который опрокинет наше рассуждение, сказав, что подобает приписывать апостолу весомость не слов, а вещей, и поэтому основание нашего убеждения не так крепко, как нам кажется; ведь возможно, что Павел, пусть он жил и учил самым правильным образом, все же, сказав “в Нем было *да*”, выразился неверно, тем более что сам признает себя неискусным в слове (2 Кор. 11, 6)? Как, по-твоему, надо было бы опровергать такого человека?

А. Не имею ничего возразить и потому прошу тебя отыскать из числа людей, за которыми признается высшее знание слов, в опоре на чей авторитет ты быстрее мог бы достичь желаемого.

Авг. Стало быть, тебе без авторитетов кажется менее надежным рассуждение, доказывающее, что всеми частями речи нечто

означается, а тем самым называется; если же называется, то и именуется; а если именуется, то именуется явно именем? Всего легче это оценить в разных языках. Кому не ясно, что если спросишь, как греки именуют то, что мы именуем *кто*, ответят τίς; как греки именуют то, что мы именуем *хочу*, ответят θέλω; как греки именуют то, что мы именуем *хорошо*, ответят καλῶς; как греки именуют то, что мы именуем *написанное*, ответят τὸ γεγραμμένον; как греки именуют то, что мы именуем *и*, ответят καί; как греки именуют то, что мы именуем *от*, ответят ἀπὸ; как греки именуют то, что мы именуем *увы*, ответят ὀί; и о всех этих частях речи, которые я сейчас перечислил, спрашивающий таким манером говорит правильно, что не имело бы места, не будь они именами? Если же, оставив в стороне авторитеты всевозможных риториков, мы можем доказать, что апостол Павел выразился правильно, то какая нужда нам искать человека, чей авторитет подтвердил бы наше мнение?

16. Но чтобы никто более тупой или более наглый не продолжал твердить свое, заявляя, что может подчиниться лишь авторитетам, общепризнанным законодателям языка, то можно ли найти на латинском языке что-либо превосходнее сочинений Цицерона? А между тем в своих знаменитейших речах, известных под названием Верресовых, он называл предлог *перед*, хотя он стоит у него в том месте как наречие, именем. Как знать, может быть я понимаю то место не совсем хорошо и в другом случае сам ли я или кто другой объяснит его иначе, но есть и такое, против которого, думаю, нельзя ничего возразить. Знаменитейшие учителя диалектики говорят, что полное суждение, подлежащее утверждению или отрицанию, состоит из имени и глагола; это тот же Туллий где-то называет высказыванием; и если глагол стоит в третьем лице, при нем, говорят они, должен быть именительный падеж имени. Это они говорят справедливо. В самом деле, рассмотрев вместе со мною например следующие выражения: *человек сидит*, *конь бежит*, ты, полагаю, признаешь, что тут перед нами два высказывания.

А. Признаю.

Авт. Не видишь ли, что в каждом из них есть свое особое имя, в одном *человек*, в другом *конь*, равно как и особый глагол, в одном *сидит*, в другом *бежит*?

А. Вижу.

Авт. Итак, скажи я только *сидит* или только *бежит*, ты справедливо спросил бы у меня *кто* или *что*, чтобы я ответил *человек* или *конь* или *животное* или что другое, и присоединенное к глаголу имя могло бы восполнить высказывание, т.е. суждение, подлежащее утверждению или отрицанию.

А. Понимаю.

Авг. Не ослабляй внимания и представь, что мы видим что-то слишком далекое и не уверены, животное ли это, камень или что другое, и я говорю тебе: *это живое существо, поскольку это человек; не наобум ли я сказал бы?*

А. Совершенно наобум; но явно не наобум ты сказал бы: *это живое существо, если оно человек.*

Авг. Верно сказано. Итак, в твоём выражении мне нравится *если*, нравится оно и тебе; но и тебе и мне не нравится в моём *поскольку*.

А. Согласен.

Авг. Теперь смотри, не полными ли высказываниями будут следующие два суждения: *нравится если, не нравится поскольку?*

А. Несомненно полные.

Авг. Ну тогда скажи мне, что тут глаголы и что имена.

А. Глаголы — *нравится и не нравится*, а имена — что другое как не *если и поскольку?*

Авг. Значит, достаточно доказано, что оба союза суть и имена.

А. Совершенно достаточно.

Авг. Не сможешь ли теперь сам по тому же правилу делать то же и с другими частями речи?

А. Могу.

Глава шестая

Знаки, обозначающие сами себя

17. *Авг.* Пойдем теперь дальше и скажи мне теперь, не кажется ли тебе, что как, мы убедились, все слова суть имена, а все имена слова, так все имена суть названия, а все названия имена?

А. Кроме различного звучания слогов, я совершенно не вижу разницы между тем и другим.

Авг. И я пока не возражаю тебе, хотя есть люди, которые различают их и по значению; их мнение сейчас разбирать не нужно. Но ты конечно замечаешь, что мы перешли теперь к таким знакам, которые обозначают друг друга взаимно, не различаясь между собой ничем кроме звука, и означают вместе со всеми прочими частями речи и сами себя.

А. Не понимаю.

Авг. Не понимаешь стало быть, что и *имя* обозначается *названием*, и *название* *именем*, причем так, что, за исключением звучания букв, они ничем не разнятся между собою, насколько это касается имени вообще; ибо в более частном смысле именем

мы называем то, что стоит в ряду восьми частей речи, не содержа остальные семь.

А. Понимаю.

Авг. А это и есть сказанное мною, а именно что *название* и *имя* взаимно обозначают себя.

18. А. Понимаю, но спрошу, что значат твои слова: *когда с другими частями речи означают и сами себя*.

Авг. Не показало ли нам предыдущее рассуждение, что все части речи могут называться и именами и названиями, т.е. могут быть обозначены словами *имя* и *название*?

А. Это так.

Авг. А если бы я спросил тебя, как назовешь ты само *имя*, т.е. это звучание, выраженное двумя слогами, не правильным ли будет твой ответ, что оно *имя*?

А. Правилен.

Авг. Означает ли себя подобным же образом знак, который мы выражаем двумя слогами, говоря союз? Это имя не может числиться среди означаемого им.

А. Понимаю.

Авг. Это и есть сказанное, что имя вместе с прочим означаемым им означает и само себя; что в этом роде можно сказать о названии, ты поймешь сам.

А. Это уже нетрудно. Но мне пришло теперь на мысль, что *имя* говорится в общем и частном смысле, между тем как *название* не числится среди восьми частей речи; поэтому, думаю, *имя* и *название* разнятся между собой еще и этим помимо разности звучания.

Авг. Но различаются ли, по-твоему, имя и *ὄνομα* чем-либо еще кроме того звука, каким разнятся и языки латинский и греческий?

А. Здесь явно нет никакой разницы.

Авг. Итак, мы пришли к знакам, которые могут и означать сами себя и взаимно обозначаться один другим, причем как со стороны одного, так и со стороны другого, не разнясь между собой ничем кроме звучания. Это четвертое найдено нами только что; первые три понимаются в отношении и имени и слова.

А. Да, несомненно пришли.

Глава седьмая

Эпилог предыдущих глав

19. Авг. Теперь я хотел бы от тебя обзора того, что мы нашли беседуя.

А. Сделаю, насколько смогу. Припоминаю прежде всего, что мы с тобой были заняты какое-то время рассмотрением вопроса,

для чего мы говорим, и нашли, что говорим ради учения и напоминания, потому что и спрашивая делаем это лишь чтобы спрашиваемый научился тому, что мы желаем от него слышать; пение же, которым мы занимаемся очевидно ради удовольствия, не составляет говорения в собственном смысле; в молитве к Богу, Которого мы не можем считать учащимся или припоминающим, слова служат или припоминанию в нас самих или напоминанию или поучению другим. Наконец, когда достаточно выяснилось, что слова не что иное как знаки и что знаки не могут быть знаками, не означая чего-либо, ты предложил стих, значение отдельных слов которого старался я показать; стих этот был

Если ничто от великого города бог не оставит.

Хотя его второе слово весьма известно и ясно, однако мы не могли открыть, что оно означает. Когда мне показалось, что мы употребляем это слово в разговоре не напрасно, но учим им чему-то слушателя, ты отвечал, что это слово означает, по-видимому, состояние нашего ума, когда он находит или считает себя нашедшим, что вещи, которой он ищет, не существует; впрочем, избегая в шутку какой-то трудности вопроса, ты отложил его разбор до другого времени. Не думай, что я забыл твое обещание. Затем, когда я старался объяснить третье слово в том же стихе, ты потребовал от меня указывать не на другое слово с тем же значением, а скорее на самый предмет, который обозначается этим словом. Когда же я сказал, что как говорящие мы этого сделать не можем, начался разбор того, что спрашивающему показывают пальцем. Я считал таким все телесное, но оказалось, что таково только видимое. Отсюда мы как-то перешли к глухим и к комедиантам, которые обозначают без голоса жестом не только то, что можно видеть, но и многое сверх того и почти все что мы говорим; и эти жесты мы признали знаками. Потом опять начали разыскание, как возможно без всяких знаков указать сами обозначаемые этими знаками вещи, так как было доказано, что и стена и цвет и вообще все видимое, на что указывают пальцем, указывается при помощи какого-либо знака. Когда я при этом по ошибке сказал, что ничего подобного найти нельзя, нам удалось наконец установить, что без знака можно показать то, чего мы, когда нас о том спрашивают, не делаем, но после вопроса в состоянии делать; говорение однако не из этого рода, поскольку достаточно ясно, что если нас, говорящих, спросят о том, что значит речь, показать ее ею самой представляется достаточно легким.

20. Отсюда мы пришли к заключению, что можем указывать или знаки знаками, или нечто иное, не знаки, знаками же, или также без знака вещь, которую можем начать делать после вопроса. На рассмотрении и разборе первого из этих трех по-

ложений мы остановились наиболее внимательно. При разборе выяснилось, что с одной стороны есть знаки, которые не могут взаимно обозначаться обозначаемыми ими знаками, как например эти два слога, когда мы говорим союз, с другой — есть такие, которые могут, как например когда говорим знак, то обозначаем им и слово, а когда говорим слово, обозначаем им и знак. Ибо *знак* и *слово* в одно и то же время суть и два знака и два слова. В числе этих взаимно означающих друг друга знаков, было показано, некоторые имеют не равносильное значение, некоторые равносильное, а некоторые совершенно тождественны: однослоговое слово *знак* например обозначает собою решительно все, чем что-либо обозначается; напротив, *слово* представляет собой знак не всяких знаков, а только тех, которые произносятся членораздельными звуками. Отсюда ясно, что хотя и *знаком* обозначается *слово* и *словом* *знак*, т.е. тем одним слогом эти два и наоборот, однако *знак* имеет более широкое значение чем *слово*, т.е. слогом первого обозначается больше чем слогами второго. *Слово* же вообще и *имя* вообще имеют равносильное значение, ибо было доказано, что все части речи суть и имена, потому что к ним применимы местоимения, и обо всех можно сказать, что ими именуется что-либо, и нет ни одной, которая не могла бы, соединившись с глаголом, не составить законченного суждения. Но хотя *имя* и *слово* равнозначны, раз все что слово есть и имя, однако они не одно и то же; было показано с достаточным правдоподобием, что говоримое нами называется словом по одной причине, а именем по другой: слово берет свое название от того, что задевает слух, а имя от того, что имеется в душе, и это можно видеть уже из того, что желая упрочить что-то в памяти, мы говорим просто, что данная вещь имеет такое-то имя, но не имеем обыкновения говорить, что она имеет такое-то слово. А среди знаков, у которых не только равносильное, но и совершенно тождественное значение и между которыми не существует другого различия кроме различного звука букв, мы нашли имя и *бюцца*. При этом действительно я упустил, что в числе знаков, взаимно означающих друг друга, мы не нашли ни одного, который среди прочих означаемых не означал бы и сам себя. — Вот все что я мог припомнить. Хорошо и складно ли я пересказал, суди ты сам, не сказавший, думаю, в нашей беседе ни единого слова иначе как со знанием дела и уверенностью.

Глава восьмая

Обсуждение всего этого не напрасно.

По услышании знаков надо, чтобы ответить вопрошающему, отнести их смысл к обозначаемым ими вещам

21. *Авг.* Ты достаточно памятно воспроизвел все что мне хотелось; и, должен тебе признаться, гораздо яснее видится мне это теперь после разбора, чем когда, разыскивая и размышляя, мы оба извлекали все из каких-то тайников. Но куда собственно я силился прийти с тобой такими окольными путями, сейчас трудно сказать. Ты наверное думаешь, что мы или забавляемся, отвлекая ум от серьезных вещей какими-то ребяческими вопросиками, или ищем некой малой или умеренной полезности; а если подозреваешь рождение из этого разбора чего-то важного, то хочешь сразу уже и узнать, по крайней мере услышать. Я жду от тебя веры, что в этом разговоре мною и не затеяно никакой пошлой шутки, хоть мы пожалуй и играем, только не надо думать будто в смысле ребячества, и не замыслено какого-то малого или посредственного блага. И однако же если скажу, что хотел бы двигаться какими-то ступенями, приноровленными к нашей неверной поступи, под водительством Бога, т.е. самой истины, к блаженной жизни, она же и вечная, то боюсь показаться тебе смешным, вступив на такой путь через рассмотрение не самих обозначаемых вещей, а знаков. Так что извини, если заигрываю с тобой, — не ради игры, но для упражнения сил и остроты ума, чтобы мы смогли не только вынести, но и полюбить тепло и свет той области, где располагается блаженная жизнь.

А. Продвигайся пожалуйста как начал; никогда я не сочту заслуживающим пренебрежения то, что ты счел заслуживающим разговора или усилия.

22. *Авг.* Ну тогда рассмотрим уже и тот случай, когда знаками обозначаются не другие знаки, а то, что мы называем обозначаемым. И для начала скажи мне: человек — это человек?

А. Теперь вправду не знаю, шутишь ли.

Авг. Что так?

А. Потому что находишь нужным дознаваться у меня, не есть ли человек нечто иное чем человек.

Авг. Тогда, пожалуй, ты сочтешь насмешкой, если я спрошу еще, верно ли первый слог этого имени не что иное как *че*, а второй и третий — не что иное как *ло* и *век*.

А. Именно так.

Авг. Но эти три слога в соединении есть человек; или возразишь?

А. Кто станет возражать?

Авг. Тогда спрашиваю, есть ли ты эти три слога в соединении?

А. Никким образом; но вижу, куда клонишь.

Авг. Тогда скажи, чтобы не счесть меня задирой.

А. Полагаешь сделать тот вывод, что я не человек.

Авг. Что, не то же ли думаешь ты, признавая правду всего вышесказанного, откуда выходит это?

А. Я не скажу тебе, что думаю, не услышав прежде от тебя, спрашивал ли ты о трех слогах или о самой означаемой ими вещи, дознаваясь, есть ли человек человек?

Авг. Ты лучше ответь, в каком смысле услышал мой вопрос; ведь если он двусмысленный, ты должен был прежде остеречься и не отвечать мне, пока не удостоверился в образе моего вопроса.

А. А чем мне повредит эта двусмысленность, если я отвечаю и на то и на другое: человек это человек и есть; ни три этих слога не есть нечто иное чем три этих слога, ни означаемое ими не есть нечто иное чем то что оно есть.

Авг. Разумно, пожалуй; но почему только это из сказанного, человек, ты услышал в обоих смыслах?

А. Откуда видно, что я и прочее не так же слышал?

Авг. Не говоря уж об остальном, услышь ты мой первый вопрос весь в смысле звучания слогов, ты ничего не стал бы мне отвечать: тебе могло показаться, что я ничего и не спрашиваю; а так, когда я произнес три слова, из которых одно в конце повторил, сказав, человек — это человек? ты первое и второе слово услышал не в их знаковости, а в их означаемом, это ясно хотя бы по тому, что ты сразу же твердо и уверенно решил, что вопрос заслуживает ответа.

А. Ты прав.

Авг. Почему же только поставленное в конце ты изволил услышать и в его звучании и в его значении?

А. Ну вот тебе, уже все слышу со стороны означаемого; согласен с тобой, что мы вообще не можем говорить, если ум, слыша слова, не несется к тому, чего они знаки. Тогда покажи мне, как я был обманут умозаключением, делающим из меня не человека.

Авг. Я, наоборот, о том же тебя спрошу, чтобы ты сам нашел свой промах.

А. Хорошо.

23. Авг. Тогда повторять свой первый вопрос, раз ты уже согласился, не стану. Всмотрись внимательнее, есть ли слог *че* иное что чем *че*, а *ло* и *век* иное чем *ло* и *век*?

А. Совершенно ничего иного не вижу.

Авг. Посмотри также, получится ли от соединения этих трех человек?

А. Никак тут не соглашусь: ведь мы решили, и правильно сделали, при данном знаке обращать внимание на обозначаемое им и, рассмотрев его, принять или отвергнуть сказанное. Эти же три слога, произносимые отдельно, поскольку они звучат без всякого значения, мы признали чем-то просто прозвучавшим.

Авг. Итак, ты решил и твердо держишь в уме, что спрашивающим надо отвечать не иначе как идя от вещей, обозначаемых словами.

А. Не понимаю, почему бы не решить так, если это лишь слова.

Авг. Хотел бы я знать, как справишься ты с человеком, о котором мы слышим в шутку, что он умоzakлючил об исхождении льва из уст того, с кем вел спор: когда он спросил, действительно ли говоримое нами исходит из наших уст, а тот не мог этого отрицать, он, что было нетрудно, повел речь с ним так, что тот назвал в разговоре имя льва, а когда это случилось, стал на смех оскорблять его и теснить, что-де незлой вроде бы человек изbleвал столь лютое животное, ибо согласился, что все говоримое нами исходит из наших уст, и не мог отрицать, что произнес *лев*.

А. Ничуть не трудно будет устоять против этого шутника; я просто не соглашусь, что из наших уст исходит все что мы говорим. Мы обозначаем говоримое, и не означенные вещи, а означающий знак исходит из уст, разве что означаются сами же знаки; этот род мы разбирали немногим ранее.

24. Август. Неплохо ты вооружился против него таким образом; но однако же что ты ответишь мне, спрашивающему: человек — это имя?

А. Что же, если не имя?

Авг. Как? видя тебя, вижу имя?

А. Нет.

Авг. Хочешь, скажу, что отсюда следует?

А. Нет, пожалуйста; в самом деле, я сам себе сообщаю, что я не человек, если на твой вопрос, имя ли человек, отвечу, что имя. Да мы ведь уже решили или принимать, или отрицать говоримое идя от означаемой вещи.

Авг. Но мне кажется, ты не попусту впал в тот свой ответ: над твоей осторожностью возобладал сам закон разума, укорененный в наших умах. В самом деле, спроси я, что есть человек, ты наверное ответил бы *животное*; а спроси я, какая часть речи человек, твоим единственным правильным ответом могло быть только *имя*; так что поскольку *человек* оказывается и именем и животным, первое говорится в отношении его как знака, второе в отношении означаемой вещи. Поэтому спросившему, имя ли человек, я отвечу только *да*, ибо им достаточно обозначено желание слышать в аспекте знака; если же спросит, животное ли

он, я гораздо охотнее отвечу утвердительно; потому что если бы, умолчав и об имени и о животном, он спросил бы просто, что есть человек, смысл, по принятому правилу речи, устремился бы к тому, что обозначается этими тремя слогами, и ответом было бы не что иное как *животное*, либо же было сказано все определение, т.е. *животное разумное смертное*; тебе так не кажется?

А. Несомненно кажется; но согласившись, что *человек* имя, как избежим того скандального умозаключения, которое делает из нас нелюдей?

Авг. Как по-твоему, если не показав, что оно построено не в том смысле, в каком мы согласились со спрашивающим? Или, если согласимся, что в том же смысле, его никоим образом не надо бояться: что за беда признать, что я не *человек*, т.е. не три эти слога?

А. Совершенно верно. Почему же тогда режет слух, когда говорят, *следовательно ты не человек*, если, с принятием сказанного, все совершенно верно?

Авг. Потому что сразу же при звучании этих слов я не могу не полагать, что умозаключение относится к тому, что этими тремя слогами обозначено, — по тому самому правилу, естественно наиболее весомому, что при слышании знаков стремление не-сется к означенным вещам.

А. Принимаю то, что говоришь.

Глава девятая

*Следует ли ставить какую-либо вещь
или ее познание выше чем ее знаки*

25. Авг. Теперь я уже хочу от тебя понимания того, что обозначаемые вещи надо ценить больше чем знаки. Служащее чему-либо по необходимости низменнее того, ради чего оно; разве что ты рассудишь иначе.

А. Мне кажется, с этим не надо наобум соглашаться: мы говорим, например, *гадость*, и это имя, думаю, намного превосходнее обозначаемой им вещи. Оскорбляющее нас при слышании этого слова явно не относится к его звучанию; с изменением одной буквы в имени *гадость* будет *радость*; но между обозначаемым этими именами мы видим такую разницу. Оттого я никак не приписал бы этому имени то, что мы слышим в означаемой им вещи, и потому имею право ставить его выше нее; в самом деле, мы лучше его услышим, чем каким-либо чувством восприимем ту вещь.

Авг. Безупречная отчетливость. Стало быть, неверно, что все вещи надо ценить выше чем их знаки.

А. Похоже, так.

Авг. Скажи тогда мне, что, ты бы полагал, преследовали люди, давшие имя столь скверной и отвратительной вещи; т.е. одобряешь их или не одобряешь.

А. Я никак не возьмусь их ни одобрять ни обвинять, и какую цель они преследовали, не знаю.

Авг. Можешь ли хотя бы знать, какую цель преследовал ты, произнося это имя?

А. Это явно могу: моя цель — обозначить, чтобы научить или насторожить собеседника в отношении той вещи, которую я считаю должным ему преподать или напомнить.

Авг. Так разве научить и напомнить или научиться и стать внимательным к тому, что ты показываешь с помощью этого имени или что тебе показывают, не дороже самого имени?

А. Согласен, что само знание, полученное через знак, надо ставить выше этого знака, но не думаю, что оттого и саму вещь тоже.

26. *Авг.* Итак, в том нашем суждении хотя и ложно, что все вещи надо предпочесть их знакам, однако не ложно, что все существующее ради другого ниже того, ради чего оно. И знание о гадости, ради которого установлено это имя, надо ценить выше самого этого имени, которое, мы поняли, надо предпочитать гадости. В самом деле, знание предпочитается знаку, о котором речь, именно поскольку он явно ради знания, а не оно ради него. Допустим, некий обжора и, как говорится у апостола, работающий чреву (Рим. 16, 18), сказал, что живет для того чтобы есть, а слышавший его человек добропорядочный не снес и заметил: “Насколько бы лучше тебе есть чтобы жить”, то оба все-таки говорили исходя из того же самого правила. Ибо и тот противен именно потому что свою жизнь оценил так низко, что счел ее хуже удовольствий чрева, сказав, что живет ради пищи, и этот не по чему другому похвален, как именно потому что, понимая, что из этих двух ради чего, т.е. что чему подчинено, он напомнил, что скорее надо есть чтобы жить чем жить чтобы есть. Подобным же образом пожалуй и ты, и любой из людей, умеющих ценить дело, какому-нибудь болтуну и любителю слов на его слова: “Я учу для того чтобы говорить”, ответил бы: “Человече, почему бы лучше не говорить чтобы учить?” Если это верно, а ты знаешь, что так оно и есть, то ты ясно видишь, насколько ниже надо ценить слова чем то, ради чего мы ими пользуемся; конечно употребление слов надо предпочесть самим словам: слова существуют, чтобы ими пользовались, а пользуемся мы ими, чтобы учить. Насколько тогда учить лучше чем говорить, настолько говорение лучше чем слова. Наука, стало

быть, гораздо лучше чем слова. Но хочу слышать, что ты, возможно, полагаешь нужным возразить.

27. А. Согласен, конечно, что учение лучше слов, но не знаю, точно ли ничего нельзя возразить против этого правила, по которому все, что существует ради другого, ниже того, ради чего оно.

Авг. Где-нибудь разберем это более к месту и тщательнее; теперь то, с чем ты согласен, достаточно для того, что я стараюсь выстроить. В самом деле, ты признаешь, что познание вещей дороже чем знаки вещей. Поэтому знание обозначаемых вещей надо предпочесть знанию знаков. Или тебе так не кажется?

А. Разве я согласился, что познание вещей важнее познания знаков, а не самих знаков? Поэтому боюсь тут тебе уступить. Что если, как имя *гадость* лучше обозначаемой им вещи, так и знание этого имени тоже надо предпочитать знанию этой вещи, хотя само имя ниже этого познания? Тут собственно четыре: имя и вещь, познание имени и познание вещи. Почему бы, как первому второе, так и третьему не превосходить четвертое? Но если не превосходить, разве надо также и подчиняться?

28. Авг. Совершенно великолепно, смотрю, ты и запомнил то, в чем уступил, и объяснил, что имеешь в виду. Но, как ты, мне кажется, понимаешь, это односложное имя, звучащее, когда мы говорим *порок*, лучше чем обозначаемое им, ибо знание голого имени много ниже знания о пороках. Сопоставь тогда и рассмотри эти четыре, имя и эту вещь, познание имени и познание вещи; первое мы по праву предпочитаем второй: это имя, помещенное в стихе, когда Персий говорит: "Но изумлен пороком этим"⁴, не только никакого порока не вносит в стих, но и придает ему немалую красоту, при том что сама вещь, обозначаемая этим именем, где бы она ни была, заставляет быть порочным. Но не так и третье — четвертому: четвертое явно превосходнее третьего, ведь знание этого имени малоценно рядом со знанием пороков.

А. Неужели считаешь это знание предпочтительным даже когда оно приносит несчастье? Ведь тот же Персий прежде всех наказаний, какие придумывает жестокость тиранов или терпит их жадность, ставит то одно, каким мучатся люди, вынужденные познавать пороки, которых избежать не могут⁵.

Авг. Можешь таким же образом отрицать тогда и предпочтительность познания добродетелей познанию этого имени, поскольку видеть и не иметь добродетель мучение, которым тот сатирик пожелал чтобы наказывались тираны⁶.

А. Избави Бог от такого слабоумия: я уже понимаю, что сами познания, какими питает дух лучшая из всех наук, винить нельзя; но тех надо считать самыми несчастными, как, думаю, считает и

Персий, кто поражен такой болезнью, что ей и такое врачество не помощь.

Авг. Хорошо понимаешь. Но как бы ни обстояло дело с суждением Персия, что нам до него? В подобных вещах мы их авторитету не подвластны. Потом, какое знание предпочтительнее какому, распутать здесь нелегко. Мне довольно достигнуто: знание обозначаемых вещей выше если не знания знаков, то все же самих знаков. Так что давай лучше получше разберем уж то, каков род вещей, которые, мы говорили, можно сами по себе показать без знаков, например говорить, ходить, сидеть, бросать и другие того же рода.

А. Ага, вспоминаю, о чем ты хочешь говорить.

Глава десятая

Может ли что быть преподано без знаков. Вещам не научиться через голые слова

29. Август. Все ли, что мы в состоянии, будучи о том спрошены, сразу начать делать, можно, по-твоему, показать без знаков? или что-то ты исключаешь?

А. Я, собственно, снова и снова пересматривая весь этот род, не нахожу пока ничего, что удалось бы преподавать без знака, кроме разве речи и, пожалуй, если кто спросит это самое, что значит учить. В самом деле, что бы я после его вопроса ни сделал для его научения, он не научится из-за самой той вещи, показа которой он хочет: если кто спросит меня бездействующего, как сказано, или занятого другим, что такое ходить, а я, сразу начав ходить, попытаюсь без знака показать ему просимое, то буду бояться, не решит ли он, что ходить — это ходить ровно столько, сколько походил я? Решив так, он обманется: всякого, кто походит больше или меньше чем я, он сочтет не ходившим. А что я сказал об одном этом слове, переходит на все, которые можно, я согласился, показать без знака, кроме тех двух, которые мы исключили.

30. Август. С этим конечно согласен. Но не кажется ли тебе, что одно дело говорить, другое учить?

А. Естественно, кажется; будь оно то же самое, нельзя было бы учить не говоря; но поскольку многому мы обучаемся и другими знаками помимо слов, кто усомнится в этой разнице?

Авг. Что же, учить и обозначать разве не одно и то же? или они в чем-то разнятся?

А. Думаю, это то же самое.

Авг. Разве не справедливо говорит говорящий, что мы обозначаем для того чтобы научить?

А. Совершенно справедливо.

Авт. А если другой скажет, что мы учим чтобы обозначать? разве не опровергался бы он без труда предыдущим суждением?

А. Так и есть.

Авт. Если, стало быть, обозначаем мы чтобы научить, учим мы не чтобы обозначить; одно дело научить, другое обозначить.

А. Верно говоришь, и мой ответ о тождестве того и другого был неправилен.

Авт. Теперь отвечай вот что: учащий, что такое учить, делает это обозначая или иначе.

А. Не вижу, каким образом мог бы иначе.

Авт. Неверно стало быть ты немного раньше сказал, будто научиться вещи можно без знаков в том случае, когда спрашивают, что такое само это учить, раз и это, видно, не получится сделать без обозначения, коль скоро, ты признал, одно дело обозначать, другое учить. В самом деле, если они явно разное дело и одно показуемо не иначе как через другое, то во всяком случае не через себя показуемо, как тебе представлялось. Выходит, до сих пор не найдено ничего допускающего предъявление само через себя кроме речи, которая среди прочего обозначает и себя тоже; но поскольку она сама тоже знак, то не остается вовсе ничего, что выделось бы поддающимся преподаванию без знаков.

А. У меня нет никаких причин не согласиться с тобой.

31. *Авт.* Стало быть выяснено, что и ничего нельзя преподавать без знаков, и само познание должно нам быть дороже знаков, через которые мы познаем, хотя не все обозначаемое может быть лучше своих знаков.

А. Похоже.

Авт. А вспомни, прошу, каким долгим обходом мы достигли такой мелочи? В самом деле, то, из-за чего мы метали друг в друга словами, что так долго строили, весь труд был ради нахождения этих трех: действительно ли ничто не может быть преподано без знаков, действительно ли бывают знаки предпочтительнее обозначаемых ими вещей и действительно ли познание самих вещей лучше чем знаки. Но есть четвертое, что я сразу хотел бы от тебя узнать: действительно ли ты считал бы это такими находками, что сомневаться в них уже нельзя.

А. Хотелось бы конечно после таких блужданий и обходов достичь достоверности, но этот твой вопрос меня как-то тревожит и мешает согласиться. Сдается мне, не стал бы ты у меня это спрашивать, если бы не имел что возразить; и сама сложность дела не дает мне видеть целое и уверенно отвечать в опасении чего-то таящегося в этих извивах, чего острота моего ума просветить не может.

Авт. С охотой принимаю твое сомнение; оно признак ума не боязливого, а это лучший страж ясности. В самом деле, труднее всего не смутиться, когда то, что мы принимали с благосклонным

и безусловным одобрением, шатается от возражений противников и как бы вырывается из рук. Поэтому насколько правильно поступать хорошо продуманным и прозрачным доводам, настолько же опасно неизвестное принимать за известное. Следует опасаться, что когда часто рушится казавшееся нам устойчивым и долговечным, мы впадем в такую неприязнь к доводам или страх перед ними, что не решимся иметь веру и в самую очевидную истину.

32. Но давай теперь поскорее пересмотрим, действительно ли ты правильно сделал, начав в этом сомневаться. Скажи мне пожалуйста, если кто незнакомый с ловлей птиц, где применяют прутья и клей, встретится с птицеловом, вооруженным своим оснащением, только еще не на ловле птиц а в пути, при виде его остановится, начнет по обыкновению удивленно соображать про себя и спросит, что значит убранство этого человека, а птицелов, заметив на себе внимание, из желания показать себя приготовит свои прутья и, заметив птичку, при помощи дудки и ястреба остановит ее, привлечет к себе и поймает, то разве он не научит своего зрителя без всяких знаков самым делом тому, что тот хотел знать?

А. Боюсь, не то же ли самое тут будет, что я сказал о спрашивающем что такое ходить: не думаю, что здесь показано все птицеловство.

Авг. От этой заботы тебя избавить не трудно: достаточно допустить, что прохожий был настолько понятлив, чтобы из увиденного познать весь тот род искусства; для нашего дела довольно и того, что о некоторых вещах, пусть не о всех, и пусть хоть некоторых людей можно научить без знаков.

А. То же могу и я допустить относительно своего: хотя хождение было ему показано лишь несколькими шагами, он, будучи понятлив, узнал вполне, что значит ходить.

Авг. Допусти, пожалуйста; не только не противодействую, но даже поощряю. Видишь, у нас обоих получилось, что кое-кто может научиться чему-то без знаков, и неверно казавшееся нам незадолго перед этим, будто вовсе ничего нельзя показать без знаков. Теперь уже не что-то одно или другое, а тысячи вещей представляются уму, которые без всякого подания знака кажут сами себя. И что нам сомневаться? Не говоря уж о людях, которые во всех театрах показывают без знака самими вещами бесчисленные зрелища, разве Бог и природа не через сами вещи показывают зрячим солнце и этот свет, заливающий и облегающий вселенную, Луну и прочие звезды, земли и моря и все без числа в них рождающееся?

33. Прилежно всматриваясь, пожалуй ничего не найдешь, чему бы научались через знаки. В самом деле, когда подаваемый мне знак настигает меня не знающим, чего он знак, он ничему

научить меня не может; а если знающим, зачем мне учиться через знак? Ведь слово не кажется мне обозначающую вещь, когда я читаю: “И сарабаллы их не изменились” (Дан. 3, 94). Ибо если этим именем называются какие-то покрывала для головы, то разве, услышав это слово, я научаюсь знать, что такое голова или что такое покрывала? я и раньше это знал, и понятие о них у меня складывается не когда их называют другие, а когда я их вижу. Когда эти три слога, *голова*, впервые задели мой слух, я так же не знал их значения, как и впервые услышав и прочтя *сарабаллы*. Но часто слыша, *голова*, примечая и обращая внимание на говоримое, я обнаружил, что это именование вещи, мне по виду уже известнейшей. Пока я это не обнаружил, слово было мне пустой звук; видеть в нем знак я научился, когда обнаружил, какой он вещи знак; а вещи, как сказал, я научился не через значение, а через ее вид. Так что учатся скорее знаку по узнанной вещи, чем вещи по данному знаку.

34. Чтобы яснее понять, вообрази, что мы впервые сейчас слышим это произносимое, *голова*, и, не зная, является ли это сочетание лишь звучащим или нечто также и значит, спрашиваем, что такое голова (помни, мы хотим иметь понятие не обозначенной вещи, но ее знака, чего совершенно лишены, пока не ведаем, чего он знак): если так спрашивающим покажут пальцем саму вещь, по ее рассмотрении мы научаемся знаку, который мы только слышали, еще его не зная. Но поскольку в этом знаке есть два, звук и значение, звук мы воспринимаем явно не через знак, но через само раздражение слуха, значение же через рассмотрение обозначаемой вещи. Ведь то протягивание пальца не может означать ничего другого, кроме того, к чему тянется палец; протянут же он не к знаку, а к части тела, которая называется головой, так что таким путем я ни вещи не могу узнать, раз ее знал, ни знака, ибо не к нему тянется палец. Вообще протяжение пальца меня мало заботит, ибо я вижу тут больше знак самого показывания чем каких бы то ни было показываемых вещей, подобно наречию, произносимому как *вот*; ибо и с этим наречием мы обычно протягиваем палец, словно одного указательного знака окажется мало. И в том я всего больше пытаюсь убедить тебя в меру сил, что мы ничему не научаемся через знаки, называемые словами; скорее, как я сказал, силе слова, т.е. значению, таящемся в звуке, мы научаемся, познавая обозначающую вещь, чем ее улавливаем из такого значения.

35. И что я сказал о голове, то же скажу о покрывалах и других бесчисленных вещах. Хотя вообще они мне уже знакомы, этих сарабалл я до сих пор не знал; если кто мне их обозначит жестом или нарисует или покажет что-то, на что они похожи, не скажу что он меня не научит, а легко бы это доказал, если бы захотел говорить чуть пространнее, но скажу то, что очевидно:

не словами научит. Потому что если, заметив их в моем присутствии, он укажет мне их словами, *вот сарабаллы*, я научусь незнакомой вещи не от произнесенных слов, а от их вида, благодаря чему узнаю и затвержу и значение имени. Научившись самой вещи, я поверил не чужим словам, а своим глазам; им я поверил, пожалуй, чтобы обратить внимание, т.е. чтобы искать глазами то, что хотел бы видеть.

Глава одиннадцатая

*Мы научаемся не от звучащих извне слов,
а от учащей изнутри истины*

36. Здесь кончается сила слов, которые самое большее лишь подталкивают искать вещи, не развертывая их для познания. Учит же меня чему бы то ни было тот, кто либо зрению, либо другому телесному чувству, либо также и самому уму доставляет то, что я хочу познать. Так что от слов мы учимся только словам, вернее, звуку и шуму слов; в самом деле, если то, что не знак, не может быть словом, то хотя слово уже услышано, я не знаю, что оно слово, пока не узнаю его значение. Таким образом, с познанием вещей совершенствуется и познание слов; при слышании же слов мы и словам не научаемся. Ведь не известным же словам мы учимся, а неизвестные выучиваем явно не раньше чем схватим их значение, что случается не от слышания издаваемых звуков, но от познания обозначаемых вещей. Всего вернее, пожалуй, считать и всего надежнее говорить, что мы или знаем или не знаем значения произносимых слов, и если знаем, то скорее припоминаем чем научаемся, а если не знаем, то конечно и не припоминаем, а может быть побуждаемся к исканию.

37. Поэтому если ты скажешь, что конечно те головные повязки, название которых мы удерживаем только в звуке, мы можем узнать только увидев, и само имя поймем полнее только их узнав, тогда как известное нам о самих отроках, как верою и законом они превозмогли царя и огонь, какие хвалы Богу пели, каких почестей заслужили от самих врагов, разве не через слова нам было преподано, то я отвечу: все, что обозначено теми словами, в нашем понятии уже было; в самом деле, что такое три отрока, что печь, что огонь, что царь, что наконец неврединность от огня и все прочее, обозначаемое этими словами, я уже имел. Анания же, Азария и Мисаил мне так же неизвестны, как те сарабаллы, и для узнавания их мне нисколько не помогут эти имена и никогда не смогут помочь. Опять же, я признаю, что скорее верую чем знаю, что все читаемое в этой истории произошло во время оно так, как написано; и эта разница не была неведома тем самым, кому мы верим. В самом деле, пророк

говорит: “Если не уверуете, не поймете” (Ис. 7, 9), чего он явно не сказал бы, если бы не полагал здесь никакой разницы. Что я понимаю, в то поэтому и верю, но не все, во что верю, также и понимаю. Опять же все, что понимаю, знаю; не все, чему верю, знаю, но отсюда не следует незнание того, насколько полезно верить и во все то многое, чего я не знаю. К этой полезности присовокупляю и эту историю о трех отроках; потому, не будучи в состоянии знать многие вещи, знаю, насколько полезна вера в них.

38. И обо всем понимаемом нами мы совещаемся не с говорящим, который звучит извне, но с правящей внутри самого нашего ума истиной, словами, возможно, увещаемые совещаться с нею. Опять же тот, с кем совещаемся, и учит, — обитающий по Писанию во внутреннем человеке Христос (Еф. 3, 16-17), т.е. непреложная сила и вечная премудрость Божия, с которой собственно и совещается всякая разумная душа; но каждому подается столько, сколько он способен вместить по своей злой или доброй воле. И если когда ошибется, то не по вине советующей истины, как не вина внешнего света, если телесные глаза часто ошибаются; с этим светом мы невольно совещаемся о видимых вещах, чтобы он показал их нам в меру нашей распознающей силы.

Глава двенадцатая

Христос-истина внутри учит

39. Так что если мы совещаемся о цветах со светом, а о прочих телесно ощущаемых вещах со стихиями сего мира, с теми же ощущаемыми телами и с самими чувствами, которыми как переводчиками для познания всего подобного пользуется ум, а об умопостигаемом — с внутренней истиной в разуме, то есть ли свидетельства, из которых бы явствовало, что мы научаемся от слов чему-то кроме самого их поражающего слух звучания? В самом деле, все воспринимаемое мы воспринимаем либо телесным чувством, либо умом. То чувственное, это умопостигаемое, или, говоря по обычаю наших авторов, то плотское, это духовное. Спрошенные о том, мы отвечаем при наличии ощущаемого, например когда у нас, разглядывающих молодую луну, спрашивают, какова она и где. Тут спрашивающий, если не видит, верит словам, а часто не верит, но никоим образом не учится, если сам не видит того что говорят, причем научается уже не от звучащих слов, но от самих вещей и ощущений. Слова те же звучат для увидевшего, которые звучали для не видящего. Но когда вопрос не о том, что мы чувствуем рядом, а о том, что чувствовали когда-то, то мы говорим уже не сами вещи, а образы, запечат-

ленные ими и вверенные памяти; тут вообще не знаю, как мы можем называть их истинными, раз видим их ложность; разве что сообщая, что не видим и не ощущаем, а видели и ощущали их. Так мы носим образы ранее ощущавшихся вещей в недрах памяти, некие свидетельства, выговаривая которые в духовном созерцании с чистой совестью мы не лжем, но свидетельства эти в нас: слушатель, если чувствовал то же и был с нами, не научается из моих слов, а опознает образы, им тоже унесенные с собой; если же не чувствовал, кто не поймет, что он скорее верит чем научается от слов?

40. Когда же дело идет об усмотрениях ума, т.е. о понимании и осмыслении, то мы говорим конечно то, присутствие чего созерцаем в том внутреннем свете истины, каким озарен и пользуется сам так называемый внутренний человек, но и тогда наш слушатель, если сам все видит тайным и простым оком, узнает говоримое мною через свое созерцание, не через мои слова. Следовательно и его тоже, созерцателя истины, я не учу, говоря истину; он научается не от моих слов, а от самих явленных вещей, открываемых внутри Богом; так, спрошенный о них, сможет отвечать. И что нелепее чем думать, будто он научается от моей речи, когда он способен до всякого моего говорения развернуть, будучи спрошен, то же самое? А тот частый случай, когда расспрашиваемый что-то отвергает, но дальнейшими расспросами побуждается признать, происходит по немощи суждения, неспособного осведомиться у света о вещи в целом; тогда его склоняют делать это по частям, расспрашивая о тех самых частях, из которых состоит целое, оказавшееся не под силу его различающей способности. Если слова расспрашивающего подводят его к этому, то не поскольку учат, а поскольку расспросами облегчают расспрашиваемому внутреннее научение. Например, если бы я у тебя спросил то самое, о чем идет речь, а именно действительно ли от слов научиться ничему нельзя, и тебе, неспособному увидеть целое, это вначале показалось бы нелепым, то следовало бы спрашивать так, чтобы твоих собственных сил хватило для слышания внутреннего учителя. Я должен был бы сказать: тому, что в моих речах ты признаешь истинным, в чем уверен и в чем утверждаешь себя знающим, ты откуда научился? Ты ответил бы, возможно, что я научил. Тогда я продолжил бы: а что если бы я сказал тебе, что видел летающего человека, так же ли убедишь тебя мои слова, как если бы ты услышал, что мудрые люди лучше глупцов? Разумеется ты отрицал бы, отвечая, что первому не веришь или, даже если веришь, ничего подобного не знаешь, а второе достовернейше знаешь. Отсюда ты уже конечно поймешь, что ни в первом, чего ты при всех моих уверениях не знаешь, ни во втором, что прекрасно знаешь, ты ничему из моих слов не научился, коль скоро и спрошенный о

каждом по отдельности ты поклялся бы, что первое тебе неизвестно, а второе известно. Ты согласишься с целым, которое отрицал, коль скоро убедишься в ясности и достоверности составляющих: а именно, что слушатель либо не знает, истинно ли говоримое нами, либо не остается в незнании о его ложности, либо знает его истинность. В первом из этих трех случаев он или верит, или мнит, или сомневается; во втором противоречит или отвергает; в третьем подтверждает; нигде стало быть не учится. Потому и тот, кто после наших слов не знает вещи, и кто знает, что услышал ложь, и кто, будучи спрошен, в состоянии ответить одно со сказанным мною, явно ничему из моих слов не научился.

Глава тринадцатая

Силою слов не открывается даже смысл говорящего

41. Потому и во всем, что различает ум, напрасно речи способного различить слышит неспособный, разве что ради пользы верить в них без знания; а кто различать способен, тот внутри ученик истины, вовне судья говорящего или скорее его речей. В самом деле, весьма часто он знает говоримое, а сам говорящий не знает. Так, если кто из верящих эпикурейцам и считающих душу смертной выскажет доводы, приводимые более мудрыми людьми в защиту ее бессмертия, при слушателе, способном созерцать духовное, тот сочтет его говорящим истину, при том что говорящий не знает, истину ли говорит, и больше того, считает говоримое крайне ложным, то неужели следует полагать, что он учит тому, чего не знает? А ведь он пользуется теми же словами, какими мог бы пользоваться и знающий.

42. Так что на долю слов не остается уже и простой способности являть мысль говорящего, раз неясно даже, знает ли он то что говорит. Добавь сюда лгунов и обманщиков, на чьем примере легко поймешь, что слова не только не раскрывают, но даже скрывают смысл. Я ничуть не сомневаюсь, что слова правдивых стремятся и неким образом обещают явить смысл говорящего; с общего согласия они того и достигали бы, будь запрещено говорить лжецам. Хотя часто мы испытывали и на себе и на других, что произносятся слова не о тех вещах, которые на уме, что, по-моему, может случаться двумя способами, или когда у нас, думающих о другом, с уст слетает речение, затверженное в памяти и часто применяемое, что с нами часто бывает при пении гимнов, или когда против нашей воли по ошибке самого языка у нас выскакивают одни слова вместо других; и тут тоже слышатся знаки не тех вещей, какие имеем на уме. Лгушники именно думают тоже о тех вещах, которые говорят, и хотя мы не знаем, правду ли они говорят, мы однако знаем, что у них на уме говоримое,

разве что с ними случится одно из двух названных мною; если кто заверит, что это иногда случается, и когда случается явственно, не возражаю, хотя часто это скрыто и часто ускользало от моего слуха.

43. Но к этим добавляется другой род, очень широко распространенный и семя бесчисленных раздоров и столкновений: когда говорящий обозначает именно то самое что думает, но большей частью только для себя и некоторых других, а для того, с кем говорит, равно как и для многих других его слова имеют другое значение. Например, кто-то скажет в нашем присутствии, что некоторые звери превосходят человека доблестью; мы снести это никак не можем и с великим усердием опровергаем столь ложное и вредоносное суждение, тогда как он, возможно, называет доблестью телесные силы и этим именем высказывает то что думает, не жет, не заблуждается в вещах, не сцепляет вверенные памяти слова, перебирая в уме что-то другое, и не оговорившись произносит другое чем думал, но просто называет обдумываемую вещь другим чем мы именем, с чем мы тотчас согласились бы, если бы могли заглянуть в его мысль, которую он не сумел изъяснить нам произнесенными им словами в развернутом им суждении. Говорят, что средством от такой ошибки может быть определение. Так, если бы в данном случае он определил, что такое доблесть, стало бы ясно, что спор идет не о деле, а о слове. Я бы и согласился, что оно так, хотя много ли найдешь хороших определителей? Впрочем, вокруг науки определения было много споров; разбирать их здесь было бы некстати, и не вполне я их одобряю.

44. Опускаю, что многое мы не вполне слышим и, якобы расслышав, долго и много спорим. Так, ты недавно, когда я называл милосердие каким-то пуническим словом, сказал, что от людей лучше знающих этот язык слышал в качестве его значения благочестие, я же возражая настаивал, что ты вовсе не уловил услышанное; мне показалось, что ты сказал не *благочестие*, а *вера*, хотя и сидел ты совсем рядом со мной, и эти два имени никак не могут обмануть слух сходством звука. Я долго был уверен, что ты не уловил сказанного тебе, тогда как сам не уловил сказанного тобою; услышь я тебя как следует, мне никак не показалось бы нелепым, что благочестие и милосердие называются одним пуническим словом. Такое часто случается; но это, как я сказал, опустим, чтобы не казалось, будто я возвожу напраслину на слова из-за небрежности слушателей или даже из-за человеческой глухоты; более весомо перечисленное выше, когда из слов, отчетливейше воспринятых слухом и латинских, мы не можем, принадлежа к тому же языку, узнать мысли говорящих.

45. Но вот, уже уступаю и согласен, что когда слова восприняты слухом знающего их, он может уловить, что думал об оз-

начаемых ими вещах говорящий; разве он тем самым узнает то, что мы сейчас ищем, меру истинности сказанного?

Глава четырнадцатая

Христос учит внутри, человек словами напоминает извне

Разве к тому стремятся учителя, чтобы восприняты и усвоены были их мысли, а не сами науки, которые в своей речи они предполагают преподавать? В самом деле, кто так глупо любопытен, что посылает своего сына в школу выучить мысли учителей? Пусть даже они изъяснят все эти науки, обучить которым обещают, словами самой добродетели и мудрости, и тогда те кого именуют учениками, сами с собой соображают, истинно ли сказанное, т.е. посылно вглядываясь в ту внутреннюю истину. Тогда они научаются и, найдя внутри себя сказанное истинным, одобряют, не сознавая, что хвалят не столько учителей, сколько наученных, — если конечно сами знают, что говорят. Называя тех, кто не таковы, учителями, люди опять же обманываются потому, что большей частью между моментом говорения и моментом познания не оказывается никакого промежутка, и хотя после напоминания наставника они быстро научаются внутри, они полагают, что научились извне от того, кто напомнил.

46. Но о всей пользе слов, которая при правильном рассмотрении не мала, мы рассудим, если Бог даст, в другом месте. Сейчас я постарался внушить тебе не приписывать им больше чем следует, чтобы мы уже не только верили, но и начали понимать, как истинно предписано божественной властью не называть никого своим учителем на земле, ибо один у всех учитель на небесах (Матф. 23, 8-10). А что такое *на небесах*, научит Сам, Кто и через людей напоминает нам знаками извне, чтобы мы научались, обращаясь внутрь к Нему, Кого любить и знать есть та блаженная жизнь, об искании которой все кричат, только не много тех, кто радуется, истинно ее найдя.

Хочу однако, чтобы ты уж мне сказал, что думаешь о всей этой моей речи. Если признаешь сказанное истиной, то и, спрошенный об отдельных суждениях, скажешь, что знаешь это, и стало быть понимаешь, от Кого всему научился; ведь не от меня, на чьи вопросы ты все отвечал. А если истиной не признал, то не научил тебя ни я, ни Он, но я — потому что никак не умею учить, а Он — потому что ты еще не умеешь учиться.

А. А я, наставляемый твоими словами, научился понимать, что слова всего лишь подталкивают человека к учению и крайне редко в речи бывает явлена мысль говорящего; причем истина ли говорится, научает лишь Тот, Кто и говоря извне напоминает,

что обитает внутри. Его теперь по Его благой воле я буду тем горячее любить, чем более продвинулся в учении. Твоей же последней речи, в которой ты не сделал перерыва, я всего больше благодарен за то, что она предупредила и разрешила все, что я был готов возразить, и тобою не было забыто ничего, за что я мог бы еще опасаться, что тайный тот прорицатель ответит мне об этом не так, как объявляли твои слова.

¹ Время написания книги “Об учителе” (388 г.) устанавливается по “Исповеди” (IX 6): “Пришло время, когда мне следовало дать имя” (оглашенные записывались на крещение в начале Великого поста, т.е. в 387 году 10 марта). “Мы взяли с собой и мальчика Адеодата, рожденного от меня плотски по греху моему. Ты хорошо сделал его. Было ему едва пятнадцать лет, а он превосходил умом многих важных и ученых мужей. Моего в этом мальчике ничего кроме преступления не было. В самом деле, что он воспитан был в учении Твоем, Ты внушил нам и никто другой; исповедаю Тебе дары Твои. Есть у нас книга, озаглавленная «Об учителе». Он там разговаривает со мной. Все мысли, вставленные там от лица моего собеседника, ты знаешь, принадлежат ему, при том что лет ему было шестнадцать. Много еще более чудесного находил я в нем. Ужас на меня наводил этот ум; и кто кроме Тебя мастер таких чудес? Скоро ты унес с земли его жизнь, и спокойнее вспоминаю его, не опасаясь ни за оставшееся ему от детства, ни за юность, ни тем более за его возмужание”.

² Вергилий, Энеида II, 639.

³ Андриянка, акт 1, сцена 2, ст. 33.

⁴ Сатира III, 32.

⁵ Там же, 35-38.

⁶ Там же.

О природе блага против манихеев

1. Наибольшее благо, превыше которого нет ничего, есть Бог, и потому оно есть благо неизменяемое, поистине вечное, поистине же бессмертное. Прочие же все блага суть лишь *от* Него сущие, однако не *из* Него. Ведь то, что *из* Него, тождественно Ему, а то, что Им было создано, Ему не тождественно. И потому, коль скоро один только Он изменению не подвержен, то все, что Он сотворил, изменчиво, так как сотворено Им *из* ничего. Ибо таково Его всемогущество, что возможно Ему даже *из* ничего, то есть *из* того, чего нет вообще, сотворить блага, великие и малые, земные и небесные, духовные и телесные. А поскольку Он воистину праведен, то с тем, что *из* Себя породил, не уравнил Он в достоинстве то, что *из* ничтожества сотворил. Посему, стало быть, любые блага, будь то великие или малые, и в любом порядке вещей, могут иметь свое бытие лишь *от* Бога.

И всякая природа есть благо постольку, поскольку она природа. Никакая природа не может обладать бытием, кроме как — от всевышнего и истинного Бога. Ибо все, пусть не высшие, но приближенные к высшему блага и, с другой стороны, все низшие блага, каковые от высшего блага отстоят далеко, могут иметь бытие лишь от самого высшего блага. Итак, всякий дух, вместе с тем, еще и изменчив, всякое же тело, вместе с тем, еще и от Бога, ибо такова всякая тварная природа. Ведь любая природа есть либо дух, либо тело. Дух, не подверженный изменению, есть Бог; дух, подверженный изменению, есть природа тварная, однако он лучше тела; тело же не есть дух, если только духом, в ином несколько смысле, не называют дуновение ветра, ибо оно незримо для нас, но все же его немалая сила для нас ощутима.

2. Что же до тех, кто, будучи не способен уразуметь, что всякая природа, то есть всякий дух и всякая плоть, есть прирожденное благо, смущается порочностью духа и непрочностью плоти и пытается выводить из сего некую иную природу, от которой дух злобен, а плоть — бrenна, и которой Бог не творил, то мы рассудили, что смысл наших слов возможно довести до их разумения так: ведь они признают, что всякое благо может иметь бытие лишь от всевышнего и истинного Бога, сие же и само по себе истинно, и ко исправлению их, буде пожелают они обратиться, довлеет.

3. Мы же, кафолические христиане, почитаем Бога, от Которого суть все блага, великие или малые, и от Которого всякая мера, великая или малая, и от Которого всякий образ, великий ли, малый ли, и от Которого всякий порядок, великий ли, малый ли. Ибо чем более нечто соразмерно, сообразованно, упорядоченно, то тем большее это благо, а чем менее соразмерно, сообразованно, упорядоченно, тем меньшее это благо. Итак, эти три, мера, образ, порядок, — чтобы не упоминать о бесчисленных прочих, которые оказываются причастными этим трем, — эти, стало быть, три, мера, образ, порядок, суть как бы родовые, всеобщие блага в вещах, сотворенных от Бога, как в духе, так и в плоти. Бог же возвышается надо всякою тварною мерою, всяким образом, всяким порядком, и возвышается не пространственным отстоянием, но неизреченным и одному лишь Ему присущим могуществом, от Него же всякая мера, всякий образ и всякий порядок. Там, где эти три велики, суть блага великие; там, где малы, суть блага малые; там, где их вовсе нет, вовсе нет блага. Или иначе: там, где эти три велики, суть природы великие; там, где малы, суть природы малые; а там, где их вовсе нет, вовсе природы нет. Итак, всякая природа — благая.

4. Поэтому, когда спрашивают, откуда зло, прежде всего надлежит выяснить, что такое зло. Ибо оно есть не что иное, как повреждение либо меры, либо образа, либо порядка природного. Злою, стало быть, называется та природа, которая была повреждена: ведь природа неповрежденная есть, вместе с тем, и благая природа. Но, даже и поврежденная, она благая, поскольку она природа, и она злая, поскольку повреждена.

5. Однако может оказаться, что некая природа, по своей природной мере и образу занимающая более высокое место в общем порядке, даже и поврежденная будет превосходнее иной, неповрежденной, однако занимающей более низкое место в общем порядке: так у людей и поврежденное золото, качественная природа которого доступна зрению, ценится выше, нежели неповрежденное серебро, а поврежденное серебро — выше, нежели неповрежденный свинец. Так и между духовными природами, наделенными большей силой, разумная душа, хотя бы и поврежденная через злую волю, лучше неразумной, неповрежденной. И вообще любой поврежденный дух лучше, чем любая неповрежденная плоть. Ибо лучше та природа, которая, будучи превосходнее плоти, доставляет последнюю жизнь, нежели та, которая жизнь получает. Ведь сколь бы ни был поврежден дух, сотворенный для жизни, он может доставлять жизнь плоти, и через то он, поврежденный, лучше той, хотя и не поврежденной.

6. Однако если бы порча отнимала от вещей, подверженных повреждению, всякую меру, всякий образ и всякий порядок, то не осталось бы вовсе никакой природы. И потому всякая природа, которая не может быть повреждена, есть наивысшее благо; таков Бог. Всякая же природа, которая может быть повреждена, — даже и она есть некоторое благо: ведь порча может нанести ей ущерб лишь через удаление и умаление того, что есть благо.

Против ниспровергателей Закона и Пророков

7. То же, что называется злым, суть либо пороки благих вещей, каковые вне и помимо благих вещей не могут иметь самостоятельного бытия в чем-то ином, либо казни на грешников, уклоняющихся от красоты праведности. Но и самые пороки также служат во свидетельство благодати природ. Ибо злое по причине порока есть в действительности благое по природе

своей. Подлинно, порок противен природе, поскольку причиняет природе ущерб, и он не причинял бы ущерба, если бы не умалял ее благодати. Следовательно, зло есть не что иное как отъятие блага. И потому оно может существовать лишь в некоем благе, и если не в совершенном благе (так как совершенно благое пребывает беспорочным и не подверженным изменению, как то Бог), то все-таки — в благе, так как только умалением блага причиняет ущерб. И потому благое без злого может существовать, как, например, Бог и вообще высшие небесные силы, злое же без благого не может. Ведь если оно ничему не причиняет ущерба, то оно не есть зло, если же причиняет ущерб, то умаляет благо. И если наносит ущерб весьма тяжкий, то все же имеет еще благо, которое оно умаляло бы. Если же исчерпает его, то тогда от природы не останется ничего, чему можно было бы повредить. И это уже не будет злом, от которого бы наносился ущерб, коль скоро не будет природы, благо которой умалялось бы повреждением.

Против послания манихея по имени Фундамент

38. Вам остается спросить (ведь именно это обыкновенно бывает последним возражением), откуда возникло то зло, о котором я говорил, что и мне оно ненавистно. Пожалуй, отвечу вам, если прежде вы скажете, откуда суть оные блага, каковые и вы принуждены похвалить, буде не захотите коснеть в глухоте сердечной. Но зачем стану я это спрашивать, коли мы обоюдно признаём, что все, как-нибудь и сколько-нибудь благое, от одного только Бога имеет свое бытие, Он же всесовершенно благий? Итак, вы сами дайте отпор манихею, полагавшему, что столь многие и столь великие блага, которые мы упоминали и по справедливости восхваляли: мир и согласие частей во всякой природе, телесная крепость и сила живых существ и прочее, что уже наскучило сызнова повторять, — что сии пребывали на примерещившейся ему объятай тьмою земле каким-то таким образом, чтобы быть насильственно отлученными от того самого Бога, Которого он сам признает Творцом всего благого. Ибо не видел он этих благ, покуда разглядывал то, что претило ему: это как если бы кого-то, напуганного рыком льва и видящего, как тот влечет и терзает туши животных или тела людей, ставших его добычей, обуял бы вследствие некоего ребяческого малодушия столь великий страх, что, примечая одну лишь свирепость и кровожадность льва, прочего же в нем обинуясь и как бы вовсе не замечая, он объявил бы природу сего животного не только злом, но великим злом, — понятно, что тем более преувеличенным, чем

он сам боязливее. А если бы ему часто приходилось видеть льва, чья свирепость укрощена, в особенности же — если бы он никогда прежде не был этим зверем напуган, тогда он был бы волен спокойно и безтрепетно созерцать красоту льва и отзываться о ней с похвалою. К сему прибавлю лишь то, что особенно близко касается до нашего предмета: может статься, что некая природа нехороша лишь в чем-то, а хулу навлекает на себя целиком, хотя очевидно, что образ подлинного, живого зверя, даже когда в лесах он наводит страх, много превосходит подражательный и поддельный образ, который, будучи нарисован на стене, стяжает похвалы. Итак, пусть он не обольщает нас сим заблуждением и не делает нас слепцами, не способными к созерцанию природных образов, когда даже и сии он хулит так, что понуждает нас огульно порицать то, что он вовсе не в праве хулить огульно.

Пруденций

Аврелий Пруденций Клемент родился в Испании в 348 г., а умер после 405 г. Никаких сведений о его жизни, кроме того, что сообщает он сам в “Предисловии” к своим стихотворениям, не имеется.

“Предисловие” — краткая автобиография. Написана она исключительно по благозвучию трехстрочными строфами, ранее в латинской поэзии не употреблявшимися: гликоней, асклепиадов стих, большой асклепиадов стих.

Двенадцать “Повседневных гимнов” (из которых здесь приведен “Гимн на пение петуха”) относятся преимущественно к тем часам дня, в какие предписывались молитвы в воспоминание событий, о которых говорится в Новом Завете, а также к некоторым событиям обыденной жизни. Написаны они девятью различными лирическими размерами.

В поэмах Пруденция излагается учение о богочеловечестве Иисуса Христа и обличаются учения еретиков и иудеев. Поэме “О Божестве” предшествует небольшой гимн “О Троице”, написанный дактилическим гексаметром. “Борьба в душе” (“Психомехия”), самая известная из поэм Пруденция, изображает борьбу добродетелей и страстей в душе человека. Эта поэма в литературном отношении очень интересна тем, что это первый пример чисто аллегорического произведения в латинской литературе. “Психомехия” вызвала много подражаний на протяжении средневековья. Поэма “Против Симмаха” в двух книгах — подробное обличение языческих верований, направленное против современника Пруденция, знаменитого оратора Симмаха.

“Книга о венцах” — гимны о мучениках и мученицах первых веков христианства. При составлении этих гимнов Пруденций пользовался как устными преданиями, так и сочинениями церковных писателей. 14 гимнов этой книги написаны двенадцатью стихотворными размерами (см. “Мучение Агнии”).

Совсем особое место занимают 49 четверостиший, относящихся к событиям Ветхого и Нового Заветов. Четверостишия носят общее название — “Двойное подкрепление” и снабжены особыми заглавиями. Вероятнее всего, это — подписи к изобра-

жениям для украшения стен храма. Все они написаны дактилическим гексаметром.

“Послесловие” заканчивает весь цикл стихотворений Пруденция и примыкает к заключительным словам “Предисловия”. Написано оно двустихиями из усеченных трохаических диметров и усеченных ямбических триметров.

Пруденций писал в то время, когда, несмотря на официальное признание главенства христианской религии, римская поэзия была всецело проникнута языческими традициями, которым следовал не только такой номинальный христианин, как Авсоний, но и сам Пруденций. Однако Пруденций был убежденным и ревностным христианином, и его поэтические произведения носят, по существу, характер страстной проповеди новой религии; его справедливо следует считать создателем латинской христианской поэзии, а его “Повседневные гимны” представляют собою новый, особый вид литературы, который впоследствии завоевал себе первенствующее место в произведениях христианских стихотворцев. Вместе с тем Пруденций не только не порывает связи с языческой римской литературой, но, будучи верным поклонником лучших ее произведений, продолжает следовать их поэтике. Главными образцами для него служат Вергилий и Гораций. Две основы мирозерцания Пруденция — христианство и уверенность в могуществе и величии Рима — определяют содержание его творчества. Пруденций богато одарен творческой фантазией и, даже перефразируя римских поэтов, создает свои собственные живые и яркие картины. Пруденций оказал огромное влияние на латинскую поэзию средневековья, но средневековые авторы были уже не в силах опираться на те античные основы, на которых твердо стоял вдохновенный Аврелий Пруденций Клемент.

Предисловие

- Пятьдесят миновало лет.
 И, коль верен мой счет, сверх того год седьмой
 Неба круговорот мне подает быстрого солнца свет.
 Близок жизни предел, и дни,
 Что мне богом даны,— это дни старости.
 Но какую же я пользу принес в этот свой долгий век?
 Во младенчестве плакал я,
 Школьной розгою бит. Тога потом меня
 Совратила, и лгать не без греха я научился в ней.
 10 После буйный разгул и с ним
 Дерзкий вместе разврат (стыдно и горько мне!)
 Юношу запятнал и осквернил грязью и мерзостью.

- Скоро тяжбы судебные
Захватили меня, и неумная
Страсть к выигрышу дел мне принесла тяжкие горести.
Дважды мне привелось затем
В славных быть городах права блюстителем,
Защищая в суде честных людей, карою злым грозя.
Государь, наконец, мне дал
30 Высший воинский чин¹ и приобщил к своим
Приближенным меня и приказал в свите своей мне быть.
Пролетели года и жизнь,
Поседели мои к старости волосы,
И уж я позабыл давние дни консульства Салии —
Год рождения мой. С тех пор
Много зим протекло, много и роз в лугах
Расцвело, как о том мне говорит снег головы моей.
Но какой же тут в этом прок,
30 Будь то благо иль зло, после телесной мне
Смерти, если мою бrenную плоть смерть уничтожит всю?
Я скажу: "Кто бы ни был ты,
Мир ты тот потерял, что был тебе так мил.
Не от Бога, чьим ты будешь теперь, все, что влекло тебя".
Скинет перед кончиною
Все безумье свое грешная пусть душа
И, коль нет добрых дел, голосом пусть Богу воздаст хвалу.
Днем пусть гимны поет душа,
Да и каждую ночь славит пусть Господа,
Исповедует пусть без ересей веру вселенскую,
40 Рушит храмы язычников,
Повергает во прах, Рим, твоих идолов,
Воссылает хвалу мукам святых, славит апостолов
Мне ж да будет дано писать,
Узы тела забыв и уносясь душой
Ввысь, куда полетит, с уст исходя, слово последнее.

Гимн на пение петуха

Пернатый провозвестник дня
Рассвет грядущий нам поет,
И пробудитель наших душ,
Всех к жизни нас зовет Христос.
"Бросайте ложа, — Он гласит, —
С дремотой, ленью, немощью;
И с чистым сердцем, бодрые,
Смотрите: Я уже в дверях".
С восходом солнца светлого

- 10 Уж поздно покидать постель,
Коль не до поздней ночи вы
Усердно поработали.
Птиц громкое чириканье
Под самой нашей кровлею,
Что пред восходом слышится,
О нашем говорит Судье.
Объятых ночи сумраком,
Укрытых одеялами,
Торопит пробудиться нас
- 20 При самом наступленье дня,
Чтоб с ветерком, повеявшим
В зари мерцанье утреннем,
Мы бодро принялись за труд
С надеждою на светлый день.
Сон, временно даруемый,
Есть вековечный смерти знак:
И, точно темной ночью, мы
Храпим, в грехах погрязнувши. •
Но глас Христа, с высот небес
- 30 Раздавшись, предвещает нам
Дня наступленье светлого,
Чтоб мы не предавались сну
И чтобы нерадивыми
Мы жизнь свою не кончили
В греховных заблуждениях,
Забыв о свете истинном.
Известно ведь, что демоны
Ночами рыщут темными,
А с пеньем петуха вразброд
- 40 Со страху разбегаются.
Их сонму ненавистен свет
Божественный Спасителя,
Что, прерывая ночи мрак,
Разит ее приспешников.
Им ведомо, что это знак
Надежды, нам обещанной,
И, бремя сна откинув прочь,
Мы Бога ждем пришествия.
- 50 Открыл же этой птицы смысл
Спаситель, предсказав Петру,
Что трижды отречется он
До крика петушиного².
Содеян был грех, прежде чем
Глашатай дня грядущего
Людскому роду свет явил

- И положил предел греху.
Отступник горько плакался
На уст своих нечестие,
Хотя душой и мыслию
60 Хранил он веру чистую.
И никогда впоследствии
Он так уж не обмолвился
И, пенье петуха познав,
Безгрешным стал и праведным.
С тех пор мы твердо веруем,
Что в час покоя нашего
Гласит петух нам радостно
Христово воскресение.
Власть смерти ныне свергнута
70 Власть Ада уничтожена,
Власть света победила тьму,
И день изгнал ночную тень.
Пусть смолкнет все нечистое,
Пусть сон объемлет черный грех,
Пусть преступленье смертное
Заснет и не пробудится.
И пусть на смену дух живой
Весь промежуток времени,
Для ночи остающийся,
80 За труд принявшись, бодрствует.
И с плачем Иисуса мы
Все призовем молитвенно:
Усердное молебствие
Сердца пробудит чистые.
Довольно спать, свернувшись:
Глубокое забвение
Гнетет нас, давит, мучает
Пустыми сновиденьями.
Ничтожной ведь и вздорною
90 Мы, будто в непробудном сне,
Мирскою грезим славою.
Проснитесь! Зрите истину!
Утехи, радость, золото,
Успех, богатство, почести,
Все зло, что соблазняет нас,
Наутро уничтожится.
Развей же Ты наш сон, Христос,
Разбей оковы ночи нам,
От древнего греха избавь
И озари нас светом вновь.

Гимн Троице

Троица вышняя — Бог, животворная сила в трех лицах.
Мудрость Бога Отца — его явление в Сыне;
Дух же святой бытие из уст его вечных имеет,
Но и не старше Отец, и его божество не превыше.
Ибо премудрый Господь всегда источал неизменно
Слово, которым творит от века веков поколенья.
Слово идет от Отца, остальное исходит от Слова:
Во человека оно облекаясь, его оживляет
И обращает к Отцу и на правильный путь наставляет.
10 Дух же Божественный все завершает, сам будучи Богом:
Верным народам готов он подать благодатную милость
И переносит во плоть Отца и Христа совершенство.

О венцах

Мучение Агнии

В гробнице римской Агнии прах сокрыт,
Бесстрашной девы, мученицы святой.
Вблизи от башен дева в земле лежит³,
Храня квиритов и благодая им,
И защищает также и странников,
Коль с чистым сердцем к ней обращаются.
Двойной венчает девы чело венец:
В награду девства честных ложесн ее,
Во славу смерти самоотверженной.
10 Гласит преданье, что с юных лет она,
Едва достигнув возраста брачного
И возлюбивши всею душой Христа,
Не поклонялась идолам, ревностно
Храня святую веру в Спасителя.
Хоть искушали всячески Агнию,
Но, не поддавшись лъстивым словам судьи,
Ни пытке страшной, коей грозил палач,
Она осталась непоколебимою,
Отдавши тело на истязания,
20 И не пугала даже и смерть ее.
Тогда свирепый грозно сказал тиран:
“Коль, презря муки, кару легко несет
И жизнь не ценит вовсе она, то ей,
Себя обрекшей девству, дороже стыд.

- Так пусть же ввергнут прямо в притон ее,
Коль не склонится пред алтарем она
Богини-девы и оскорбительно
Минерву дева не прекратит хулить.
Толпой сейчас же юноши бросятся
- 30 С рабыней новой там позабавиться".
"Христос, — сказала Агния, — чад Своих
Не забывает: Он охранит златой
Стыд, данный свыше, и не оставит нас.
Он страж невинных и не допустит мой
Пятнать священный дар целомудрия.
Коль хочешь, кровью ты запятнаешь меч,
Но плоти блудом не осквернишь моей".
Услышав это, повелевает он
Поставить деву на угол улицы.
- 40 Но, отвернувшись, мимо толпа идет,
Чтоб взглядом дерзким не оскорбить ее
И не увидеть места позорного.
Один, однако, из проходивших там
Не постеснялся, всякий отбросив стыд,
Святую деву нагло разглядывать.
И вот летучий, словно как молния,
Огонь сверкает прямо в глаза ему.
Он, ослепленный пламенем, падает,
Дрожа и корчась там в площадной пыли.
- 50 И поднимают тут полумертвого
Друзья, рыдая, как над покойником.
Но, как на праздник, дева торжественно
Шла, воспевая Бога Отца с Христом,
За то, что чистой и непорочною
Из нечестивых рук она вырвалась,
Победоносно девство храня свое.
Передают нам, что, по мольбе людей,
Она просила, чтобы вернул Христос
Слепому зренье и не карал его.
- 60 И ожил дерзкий, снова увидя свет.
То было первым шагом для Агнии
В чертог небесный. Вскоре дается ей
Ступить и дальше: в гневе воскликнул враг
Ее кровавый: "Я побежден? Иди
И обнаженным, воин, мечом приказ
Исполни властный ты повелителя!"
Но лишь узрела Агния грозного
С мечом солдата, радостно молвила:
"Как я ликую, что появился здесь
- 70 Воитель дикий, мрачный и яростный,

- А не бессильный и не изнеженный
И раздушенный, женственный юноша,
Который мог бы похоронить мой стыд.
Вот мой желанный, вот мой возлюбленный!
К нему я кинусь, брошусь в объятия
И пламя страсти я утолю его:
Приму я грудью все его лезвие,
Глубоко в сердце острый я меч вонжу.
И, став Христовой верной невестой, ввысь
80 Из тьмы взнесусь я в области горние.
Владыко, двери неба отверзи мне,
Для земнородных раньше закрытые,
Христе, прими же душу рабы Твоей
Как жертву Богу, девство хранившую".
Потом смиренно молит она Христа,
Чтоб ей на шею, долу склоненную,
Скорей смертельный пал роковой удар.
Ее надежду воин рукой своей
Исполнил тотчас, сразу ей сняв главу,
90 И муку казни предупредила смерть.
Освобожденный ввысь воспаряет дух.
Летя на волю в воздух; и ангелы
Ведут на небо светлым путем ее.
И удивляет Агнию дольний мир:
С высот небесных зрит она тьму внизу,
С улыбкой видя солнца вращение,
Все, что объемлет в круговороте мир,
Что вихрем мрачным жизни уносится,
Что суетою века охвачено:
100 Царей, тиранов, власть и достоинства,
Почет и чванство, глупо надутое,
И к серебру и золоту злую страсть,
Что всех доводит до преступления,
Дворцы со всем их великолепием.
Одежд расшитых роскошь презренную,
Досаду, ужас, похоть, опасности,
Унынье в смену радости временной,
И гнев, и пламя дымное зависти,
Что помрачает честь и надежды все,
110 И то, что хуже всяческих бед людских, —
Весь мрак тумана грязный язычества.
И попирает все это Агния
Пятой и топчет змея главу ногой;
И он, который в ярости ядом все
Земное полнит и погружает в ад.
Теперь, стопою девственной попранный,

120

1. Адам и Ева⁵

2. Авель и Каин⁶

3. Ноӱ и номон⁷

6. Сон Фараона⁸

Дважды коров семерых и по семь дважды разных
Видел во сне фараон, и они для земли предвещали

Семь урожайных годов и столько же с ними бесплодных.
Это толкует ему патриарх по Христову внушенью.

25. Ангел Гавриил, посланный к Марии⁹

Бога приход возвестить с Отца престола нисходит
Вестник его Гавриил и, нежданно явившись в обитель
Девы, вешает: "Зачнешь ты от Духа Святого, Мария,
И родишь ты Христа от Него, благодатная Дева".

Послесловие

- Господу Творцу несет
Кто честен, верует, стыдлив, невинен
Совести своей дары,
Которыми душа его обильна.
Деньги отдает иной
На пропитанье беднякам и нищим.
Мы же ямбы быстрые
И легкодвижные несем трохеи,
Раз мы чужды святости
10 И неимущим помогать не в силах.
Но угодно Господу
Внимать не величавой нашей песне.
В доме у богатого
По всем углам стоит повсюду утварь:
Кубок золотой блестит,
Начищенных тазов там много медных,
Есть и глиняный горшок,
Тяжелое серебряное блюдо,
Есть и кость слоновая
20 И кое-что из дуба или вяза.
Все бывает надобно,
Посуда всякая нужна в хозяйстве;
Дом ведь обставляется
И ценным так же, как и деревянным.
В Отчем доме я Христу
Служу сосудом только жалким, бренным
Для ничтожных нужд его,
И он стоять в углу мне позволяет.
Так что только глиняным
30 В чертог спасенья даром мы вступаем.
Но ведь и презренное
Всегда для Бога ценно приношение.
В помощь да послужит то,
Что я всегда Христа устами славил.

¹ Вероятнее всего, здесь разумеется условное, а не действительное военное звание, и Пруденций нес какую-то не военную, а гражданскую службу.

² Матф. 26, 34 и 69—75; Лук. 22, 34 и 56—62; Ин. 13, 38, и 18, 17 и 25—26.

³ Мученица Агния была погребена за Номентскими воротами Рима. При ее гробнице находятся “катакомбы Агнии”.

⁴ Один венец — шестеричная награда за девственность, другой — сто-ричная награда за мученическую кончину. Пруденций имеет в виду притчу Христа о семенах (Матф. 13, 8): “Иное упало на землю добрую и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать”.

⁵ Быт. 3.

⁶ Быт. 4.

⁷ Быт. 8.

⁸ Быт. 41.

⁹ Лук. 1, 26—35.

Павлин Ноланский

Понтий Мероний Павлин, один из выдающихся латинских христианских писателей конца IV и начала V в., родился в 353 и умер в 431 г. Павлин происходил из знатной и богатой римской семьи. Родился он в городе Бурдигале (Бордо) в Аквитании, где и получил первоначальное образование, обучаясь затем риторике и поэтическому искусству под руководством знаменитого Авсония, впоследствии учителя и будущего императора Грациана (367—383 гг.). Будучи одним из любимых учеников Авсония, считавшего его исключительно даровитым поэтом, Павлин в первый период своей жизни начал блестящую светскую карьеру, но затем, женившись на богатой и усердной христианке Терасии, сделался и сам ревностным христианином. Потеряв сына, умершего через несколько дней после рождения, Павлин удалился вместе с женой в Испанию, принял монашество и в конце 393 г., распродав все свое имущество и раздав деньги бедным, стал священником в Барциноне (Барселона). Решительный отказ от светской жизни и строгий аскетизм Павлина были горячо одобрены такими прославленными деятелями христианской Церкви, как Августин, Иероним, Амвросий и Мартин. Когда Павлин приехал в Рим, он был с почетом принят там и народом, и знатью, но, почувствовав недоброжелательство к себе папы Сириция и некоторых служителей Римской Церкви, переселился в Нолу (в Кампании), где и оставался в сане епископа до самой своей смерти. Жена его Терасия с ним не рассталась, но, посвятив себя монашеской жизни, была ему верной помощницей в его христианской деятельности, о чем свидетельствуют некоторые из посланий Павлина, написанные от лица их обоих и подписанные "Paulinus et Terasia rescatores" (грешные Павлин и Терасия). Своей усердной деятельностью и милосердием Павлин заслужил глубокий почет и любовь не только окружавших его христиан, но и язычников и евреев, глубоко огорченных его смертью. О жизни и подвигах Павлина сложилось немало рассказов и легенд, далеко не всегда достоверных. Одна из таких легенд передана Григорием Великим (Диалоги, III, гл. 1); в ней рассказывается о том, как Павлин, не имея возможности освободить сына одной женщины, попавшего в плен к вандалам в Африке, дал продать себя самого в рабство.

Из произведений Павлина дошли до нас только те, какие были написаны им во второй половине его жизни, а из более

ранних сохранились лишь шуточные записки со стихами о посылке некоему Гестидию птиц и устриц, да несколько строк из стихотворной перифразы утраченного сочинения Светония о царях (в 19-м письме Авсония Павлину). Все прочие сочинения Павлина написаны им уже после его обращения в христианство.

Из прозаических сочинений Павлина наибольший интерес представляют его 50 писем, или посланий разным лицам, в числе которых мы находим Сульпиция Севера и Августина. В них он рассуждает о Промысле, о повреждении человеческой природы, о ходатайстве святых пред Богом, о молитве за умерших, об иконопочитании и др., но избегает касаться более сложных вопросов христианского богословия. В письмах Павлина находятся и ценные сведения из области гражданского и церковного быта. Среди этих писем выделяется письмо Лицентию, в котором он убеждает Лицентия пренебречь мирскими соблазнами и стать истинным христианином. Большая часть этого письма написана в стихах, которые, как, очевидно, думает Павлин, лучше могут убедить Лицентия, чем прозаическая проповедь; заканчивается это письмо таким искусным дистихом:

Будь же здоров, но живи, посвящая жизнь Богу, не миру
Смертному: истинна жизнь, если для Бога живешь.

Из дошедших до нас более чем тридцати стихотворных произведений Понтия Меропия Павлина видно, что он обладал крупным поэтическим дарованием. Поэтическим искусством Павлин владел в совершенстве и, без сомнения, научился в совершенстве сочинять такие фокусные стихи, какими умел писать его учитель Авсоний; но в своих глубоких и серьезных произведениях он совершенно чужд какого бы то ни было вычурного мастерства.

Из классических латинских поэтов основными образцами для стихов Павлину служили Гораций и Вергилий. Особо следует отметить стихотворные парафразы 1, 2 и 136 псалмов (стихотворения 7, 8 и 9-е по счету Миня). Начало первой парафразы взято прямо из начального стиха второго эпода Горация ("Beatus ille qui procul negotiis..."):

Beatus ille qui procul vitam suam
Ab impiorum segregarit coetibus...

(в славянском переводе: "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых").

Здесь печатаются два письма из стихотворной переписки Павлина с его учителем Авсонием. Огорченный тем, что Павлин отказался от блестящей риторской карьеры и поселился монахом в Испании, Авсоний послал ему несколько писем в стихах, которые дошли до Павлина с большим опозданием. Павлин отвечал длинным посланием, три части которого написаны тремя разными стихотворными размерами.

Переписка Павлина с Авсонием

Послание Авсония к Павлину (Авсоний, "Послания", 25)

- Вот и в четвертом письме я несу к тебе те же упреки,
Твой охладелый слух тревожа ласковой речью.
Но ни единый доселе листок от друга Павлина
Мне не порадовал глаз начертаньем приветного слова.
Чем заслужили отвержение это несчастные строки,
Долгим таким и надменным таким презреньем казнимы?
Недруга недруг — и тот на своем привечает наречьи
Грубом, и слово приветов звучит средь лязга оружий.
Камни дают человеку ответ; от сводов пещеры
10 Звук отлетает; леса оглашаются призрачным эхом;
Стонет прибрежный утес; ручей лепечет журчащий;
Колкий кустарник шумит жужжаньем гиблейского роя;
В береговых камышах пробегает мусический трепет¹
И с верховым ветерком сосновая шепчется хвоя.
Стоит чуткой листвы коснуться летучему Эвру,
Как Диндимейский напев огласит Гаргарийские рощи².
Нет в природе немот. Ни одна поднебесная птица,
Зверь ни один не лишен языка: шипят, пресмыкаясь,
Змеи; подобием голоса дышат подводные твари;
20 Звоном удару ответит кимвал; проснется в подмостках
Гул под пятой плясуна; взревет тугие тимпаны;
Мареотийские сестры поднимут Изидину бурю³;
И не умолкнет вовек в сени додонской дубравы⁴
Меди бряцающий звон, которым тяжкие чаши
Мерно дают послушный ответ ударяющим прутьям.
Ты же, словно рожден в безмолвном Эбаловом граде⁵,
Словно мемфисский тебе Гарпократ уста запечатал⁶,
Ты, Павлин, молчишь и молчишь... Твой стыд мне понятен:
Чем промедление дольше твое, тем глубже провинность,
30 Чем стыднее молчать, тем труднее нарушить молчанье,
Долгом долг отплатив: так праздность питает пороки.
Что же мешает тебе написать хоть два краткие слова,
Только "привет" и "прощай" — два слова, несущие радость?
Я не прошу, чтобы ты расширял на длинных страницах
Ткань бесконечных стихов иль сплетал многословные речи.
Разве лаконяне встарь одной-единственной буквой,
Хоть и скрывавшей отказ, не смягчили царского гнева?⁷
Дружба и в краткости есть — Пифагор, многократно рожденный,

- Так говорил; и когда перед ним со спорщиком спорщик
40 В долгих тягались словах, ответ он давал односложно:
“Да” или “нет”. О, лучший предел любых красноречий!
Нет ничего короче и нет ничего полновесней
Двух этих слов, чтоб принять, что надежно, отвергнуть,
что зыбко.
Только молчание — зло, а краткость — залог убеждения.
Впрочем, тогда зачем же я сам пишу так пространно?
Две несхожие есть ошибки, и обе опасны:
Много болтать и много молчать: виновны мы оба.
Но не могу я молчанье хранить, потому что свободна
Дружба моя, и правда для нас дороже ласкательств.
50 Милый, милый Павлин, ужели ты так изменился?
Так изменило тебя чужое далекое небо,
И Пиренеев снега, и васконские дикие чащи?
О, иберийцев земля, какую проклясть тебя клятвой?!
Пусть пунийцы тебя разорят, Ганнибал тебя выжжет.
Пусть с войною к тебе вернется изгнанник Серторий!
Как! неужель отчизны красу, сената опору
Скроет навек бильбийская глушь, калагуррские скалы
Или сухая Илерда, над пенной водой Сикориса⁸
По каменистым холмам разбросавшая груды развалин?
60 Вот где решил ты, Павлин, зарыть и сенатскую тогу,
И остальные дары, какими почтен ты от Рима!
Кто ж, разрушитель дружб, запретил тебе вымолвить слово?⁹
Пусть за это язык его будет вовек бессловесен,
Будет безрадостна жизнь, пусть сладкие песни поэтов
Слух не ласкают его, ни скорбная нега свирели,
Крик зверей, мычание стад, щебетание птичье,
Или же та, что скрылась из глаз в пастушьей дубраве
И утешает людей, повторяя их жалобы, — Эхо!
Скорбен, нищ, одинок, пусть бродит он, речи лишенный,
70 В корчах альпийских хребтов — таков, как по древним
преданьям
Некогда Беллерофонт блуждал, обезумлен богами,
По бездорожным путям, где ни люда, ни следа людского.
Вот пожеланье мое! беотийские музы¹⁰, услышьте
Эту мольбу, и певца воротите латинским камням.

¹ Этот стих (по-латыни: “Est in arundineis modulatio musica ripis” поставил эпиграфом к одному из своих стихотворений Ф.И.Тютчев:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах...

² Гаргар — городок на малоазийском берегу, в местах экстатического культа богини Кибелы-Диндимены.

³ Сistrы — трещотки, культовый инструмент служителей Изи́ды, почитаемой в Египте; Мареотида — озеро близ Александрии.

⁴ В Додоне (Эпир) был оракул, представлявший собой медные чаши, по которым со звоном ударяли колеблемые ветром медные прутья; гадатели толковали этот звон.

⁵ “Эбалов град” — Амиклы, старинный лаконский город, где, по преданию, во избежание паники запрещалось говорить о приближении врагов; воспользовавшись этим, спартанцы захватили его врасплох.

⁶ Гарпократ — греческое имя египетского бога Гора, сына Изи́ды; он считался богом молчания.

⁷ Македонский царь послал в Спарту гонца с угрозой: “Если я вступлю в Пелопоннес, я сотру ваш город с земли!”. Спартанцы ответили царю одним словом: “Если!” (на лаконском диалекте оно обозначается одной буквой: “э!”).

⁸ Перечисляются местности в северной, припиренейской Испании (Иберии), где жил Павлин.

⁹ Авсоний подозревает, что на Павлина дурно влияет его христианка-жена.

¹⁰ Гора Геликон, обитель муз, находится в Беотии.

Послание Павлина к Авсонию

Вот уж ко грубым жнецам подошло и четвертое лето,
 Да и мороз леденил столько же раз все кругом,
 Но от тебя не читал я за это же время ни слова
 И не видал я совсем рукописаний твоих,
 Вплоть до того как пришло, но счастье мне, снова посланье
 И долгожданное вновь я получаю дары.
 Правда, из разных цветов тройное письмо твое свито,
 Но во единую ткань сплел ты страницы его.
 Всяческих горечь твоих упреков мне подсластила
 10 Искренность их, и любовь строгость смягчила судьи:
 Мягкое слово отца мне умерило резкость укоров
 Ласкою, и приговор твой не обидел меня.
 К выговору твоему я вернусь однако, но веский
 Пусть героический стих будет меня защищать.
 Опережают его теперь только несколько ямбов
 И отвечают тебе разным посменно стихом.
 Я посылаю привет стихом элегическим; дальше
 Путь уступая другим, он замолкает сейчас.
 Зачем велишь ты к музам, мной отвергнутым,
 20 Отец мой, снова прибегать?
 Каменам, право, с Аполлоном места нет
 В сердцах, Христу приверженных.

С тобой в согласье прежде, в меру сил своих,
Но не с твоею мощью, звал
Глухого из пещер Дельфийских Феба я,
А с ним и муз божественных
И Бога даром слова одарить меня
В нагорьях и лесах просил.
Теперь с иною силою сильнейший Бог
30 Мне нравы изменить велит,
За дар Свой с человека ныне требуя,
Чтоб жизнь Отцу мы отдали.
Делам ничтожным предаваться в праздности
И вздорным сочинениям
Он запрещает нам законом собственным.
И зреть велит нам свет Его,
Какой уловки мудрецов и риторов
Да и поэты нам темнят,
Сердца пустыми заражая мыслями
40 И оснащая лишь язык.
Не направляют нас они к спасению
И к истины познанию.
Но кто способен правду иль добро познать,
Не зная блага высшего,
Огня добра, истока правды — Господа,
Который зрим лишь во Христе?
Он — истинный нам светоч, наш жизненный,
Мощь, доблесть, ум, рука Отца,
Он солнце правды, благ источник, Бога цвет,
50 Создатель мира, Божий сын,
Податель жизни смертным людям, смерти смерть,
Наставник добродетели.
Он — Бог наш, человеком ставший ради нас,
И, дав свою одежду нам,
Людей навеки сочетавший с Господом
Взаимным единением.
И вот, когда Он озарил сердца людей,
Блеснув с небес сиянием,
Смывает злую грязь Он с тела нашего
60 И обновляет души нам.
Родник утех бывалых заменяет Он
Водою чистой радости,
Себе ж велит отдать, по праву Господа,
Сердца, уста и наши дни.
Стремится мысли, веру обратить к Себе
Со страхом и любовью.
Пустые бури, что вздымает жизни труд
В путине века нашего,

- Смиряет вера в Бога и в грядущий век.
70 Что нами, видно, презрено,
Не отвергает вера как ничтожное,
Но убеждает, что ценней
На небе отданное Господу Христу,
Который большим нам воздаст,
Чтоб то, что дали мы иль, лучше, вверили,
Нам возместить сторицею.
Должник надежный, Он своим верителям
Долги отдаст с избытками,
80 И с прибылью от Бога тот окажется,
Кто пренебрег имуществом.
Того, кто Богу предан честно, искренне
И кто Ему доверился,
Ты совращенным не считай бездельником,
Не обвиняй в нечестии.
Христианину можно ль нечестивым быть?
А благочестье свойственно
Лишь христианам, ибо нечестив лишь тот,
Кто во Христа не верует.
И, в благочестии наставляемый, могу ль
90 Я не считать отцом тебя,
Кого я почитать и восхвалять всегда
Обязан волей Господа?
Ты воспитал, возвысил, научил письму
И слову, тогу дал мне, честь,
Ты вывел в люди, ты кормил и пестовал,
Патрон, учитель, мой отец.
Но вот за то, что долго я отсутствую,
Коришь меня и сердишься.
100 Но, по нужде ли это, иль по прихоти,
Все это извинительно.
Прости же другу, коль живу я с пользою,
Поздравь, коль всем доволен я.
То, что отсутствую я из отечества целых три года,
Что для блужданий своих я другие края себе выбрал,
Вовсе о нашем забыв содружестве в годы былые,
Сердит тебя, и меня отечески ты упрекаешь.
Я понимаю твои задушевные чувства и мысли
И благодарен тебе за гнев, порожденный любовью,
Я бы хотел, чтоб просьба твоя о моем возвращеньи
110 Мне исполнимой была. Но могу ль я подумать об этом,
Если молитвы свои воссылаешь ты вовсе не к Богу,
Но в своей тщетной мольбе обращаешься к музам Кастальским?
Волею их не вернешь к себе ты меня и в отчизну:
Вздорную просьбу твою, с какой прибегаешь ко вздорным

Музам глухим, унесет у тебя дуновение ветра.
Эти пустые мольбы развеются вихрями бури
И в облаках пропадут, коль не Богу ты их посылаешь,
Не проникая в чертог Царя Небесного звездный.

- Ежели ждешь ты меня, воззри на Того ты с молитвой,
120 Кто потрясает грозой небес огневые высоты,
Молнией блещет тройной и вотще не грохочет громами,
Кто ущедряет с небес дождями и солнцем посевы,
Кто надо всем и во всем нераздельно всегда и повсюду —
Сей вездесущий Христос, управляющий всем мирозданием,
Тот, Кто и держит и движет умы, Кто и время и место
Определяет всем нам. А коль Его воля желаньям
Нашим противна, склонить к измененью ее помогает
Наша мольба. Что меня укорять? Коль тебе не угодно
Дело мое, то оно, не во грех будь сказано, Божье:
130 Богу угодно мои направлять и улаживать мысли.
Ибо, коль вспомнить, каким я был в предыдущие годы,
То я сознаюсь себе, что теперь совершенно иным я
Стал, чем в то время, когда не считали меня совращенным,
Хоть я и был совращен, туманами лжи ослепленный,
Бога не ведал, глупец, и питался тлетворною пищей.
Это простительно мне, ибо тем скорее дано мне
Было познать, что меня обновляет верховный Создатель.
И по-иному совсем я живу; не увидят, надеюсь,
140 Здесь повреждение ума, в заблуждение впавшего, раз я
Сам откровенно признал и сознался по собственной воле
В том, что я жизнь изменил не по собственному разумению.
Мной руководит теперь новый разум, не прежний мой разум,
Но обратившийся в мой по воле Бога, и если
Видит достойными Он и мысли мои и поступки,
Благодарю я тебя и тебя первым делом я славлю
За наставленье тому, что Христу оказалось угодным.

- Вот почему поздравлений я жду от тебя, а не жалоб,
Раз твой питомец Павлин, взращенный твоими трудами,
Бывший за сына тебе, чего отрицать ты не станешь,
150 Даже считая меня совращенным, так изменился,
Что угождает Христу, оставаясь, однако, при этом
Верным Авсонию; он прославит тебя непременно
И принесет тебе плод с твоего же дерева первый.

- Так что не сетуй, прошу, не губи величайшей награды
И не гнушайся добром, которого сам ты источник.
Нет, не мятежен мой ум, но ведь также я чужд одинокой
Жизни, которую вел, как ты пишешь, в Ликийских пещерах
Всадник Пегаса¹; хотя иные, ведомые волей
Бога, в пустыни идут, подобно философам древним,
160 Для размышлений и муз, как и ныне те, кто душою

- Чистою принял Христа, усердствуют, так поступая.
Не скудоумие их и отнюдь не врожденная дикость
Гонит в пустынных местах обитать, но стремление к вышним
Звездам небесным влечет взирать на Бога, глубины
Истины зреть и досуг, без всяких забот, безмятежный
Предпочитать, а шум площадей и хлопот беспокойство,
Все, что враждебно дарам, посылаемым Господом Богом,
Воле Христа и любви к спасению, их ужасает.
Следуют Богу они, на дар уповая, который
- 170 Всем, кто надежду хранит, Создатель воздаст непременно,
Если мирской суете их никак одолеть не удастся
И коль их пламенный ум доступное взорам отвергнет,
Чтобы проникнуть он мог в незримые таинства неба.
Видимо тленное нам, а вечное скрыто от взоров,
И мы надеждой живем на то, что лишь мысли доступно:
Но что является нам под разными видами в мире,
Что соблазняет наш взор телесный, мы презираем.
Мнение, однако же, тем присуще такое, которым
Истины свет и добра уже воссиял и открылась
- 180 Века грядущего жизнь и дней ничтожество наших.
Но коли слава моя не столь велика, то зачем же
Славиться мне? Я по вере своей уповаю. Однако,
Если живу я еще на таком прелестном и щедром
Взморье, откуда ж к нему явилась внезапно такая
Ненависть? Пусть бы мое к нему отвращение стало
Праведным! Ради Христа возлюблю я свое унижение.
Богом мой дух укреплен: малодушию он не поддастся,
Презрел я здешнюю честь, но Христос мне ее возмещает.
Не поноси же моих, почтенный родитель, занятий,
- 190 Будто бы ложных; меня попрекать перестань ты супругой,
Иль сумасбродством: мой ум смятением Беллерофонта
Не поражен, а жена мне Лукреция, не Танаквила².
Не забывал я, как ты говоришь, и отчего неба:
Кто созерцает, как я, единого высшего Бога,
Помнит о небе всегда. И мы, отец мой, поверь мне,
Не забываем о нем, да и разума мы не теряем,
Живучи в людных местах. И труды наши, право, достойны
Благочестивых людей; ни один ведь народ нечестивый
Бога не может познать. Хотя и многие страны
- 200 Без просвещения живут, никаких не зная законов,
Где же обычаев нет, хоть и диких? Иль чем нечестивость
Может чужая во вред быть честным? Зачем же твердишь ты
Мне о васконских глухих ущельях³, домах в Пиренеях
Снежных, где будто бы я прикован к испанской границе.
Где мне пристанища нет ни в городе или в деревне
Этой богатой страны, простертой до края земного,

- Где виден солнца закат в глубины вод океана?⁹
 Но, коль судьбой занесен я в берлоги разбойников, все же
 Не огрубел я у них, обратившись в такого же точно,
 210 Как и они, дикаря, и свирепости их не набрался.
 Чистого сердца никак порок не коснется, зараза
 Не запятнает души благочестивой; и кто беспорочно
 В дебрях Васконии жизнь проводит среди нечестивых,
 Нравов не портит своих, находясь между этих жестоких
 Жителей. Но почему ж васконцем меня обозвал ты,
 Если живу, как и жил, не у них, а в соседстве прекрасных
 Я городов, на местах цветущих и полных народа?⁹
 Но, если мне бы пришлось в краю поселиться васконцев,
 220 То почему же тогда это племя, узнав мои нравы,
 Зверский свой норв сменить на наш не могло бы обычай?⁹
 Если жилище мое в городах иберийских далеких
 Ты помещаешь, в стихах отводя ему лишь захолустье,
 И попрекаешь меня Калагуррой гористой и в скалах
 Бильбилой скрытой, и холм ты поносишь пологий Илерды⁴,
 Будто бы в этих краях я живу, как изгнанник бездомный,
 Вне и дорог и домов, не считаешь ли это богатством
 Ты Иберийской земли, по незнанию Испанского края,
 Где пресловутый Атлант стал когда-то поддерживать небо
 И, возвышаясь теперь горой на земельных пределах,
 230 Против Кальпы стоит, двойным омываемой морем⁵?
 Бильбила и Калагурра с Илердою малого стоят
 Тем, кто привык к Барциноне и Цезарьвагусте прелестной⁶
 И к Тарраконе, с высот взирающей гордо на море.
 Что исчислять города, укрепленные в землях прекрасных,
 Служит где гранью двойной счастливой Испании море,
 Бетис течет в океан, Ибер — в Тирренские волны⁷,
 Соединяя в одно разделенные воды морские
 Там, где по кругу земли мировая проходит граница?⁹
 Иль, коль описывать ты принялся бы, мой славный
 наставник,
 240 Области, где ты живешь, замолчишь ли ты блеск
 Бурдигалы⁸,
 Вместо нее предпочтя закоптелых описывать бойев⁹?
 А проводя свой досуг и нежась в марóйальских термах¹⁰,
 И наслаждаясь житьем под сенью тенистого леса,
 Где полюбился тебе уют прекрасного места,
 Разве ты в курной избе или в хижине, крытой соломой,
 Там обитаешь в глуши, как бигерр, одетый овчиной?¹¹
 Разве, о консул, презрев своего горделивого Рима
 Стены высокие, ты пески отвергаешь вазатов¹²?
 Если поместье твое процветает в пиктонских угодьях¹³,
 250 Мне ль горевать, что в Равран перешло авсонийское ныне¹⁴

Кресло курульное, иль что уж ветошью стала трабея¹⁵,
Блеск коей все же горит в столице латинской Квирина¹⁶
И среди цезарьских тог, расшитых пальмами также,
Все продолжает сиять не тускнеющим золотом вечно,
Твой охраняя почет, который не может увянуть?
Или когда ты живешь в своем луканском поместье,
В доме, который готов со строениями Рима поспорить¹⁷,
Скажет ли кто, перепутав места соседние, будто
Переселился теперь в кондатскую ты деревушку¹⁸?

260 Хотя надо многим шутить и выдумывать всякое можно,
Но ведь чесать языком да и злобно еще зубоскалить,
Иль оскорбительно льстить, отпуская коварно остроты,
Их приправляя притом ядовитою желчью насмешки,
Это поэтам идет, но ничуть отцу не подходит.
Ибо и честь и любовь стремятся к тому, чтоб наветы
Сплетен, до чистых ушей проникающих, добрым отцовским
Уничтожались умом и чтоб он в сердцах вкорениться
Им не давал и отверг зловредные вымыслы черни.
В том, чтобы жизнь изменить и оставить привычные нравы,
270 Нет вины: что ведет нас к лучшему — благо. И если
Я изменился, то знай, что это мой долг и желанье.

Если добро на порок, на нечистое то, что священо,
Скромность на роскошь, и честь на постыдную ложь я меняю,
Я малодушен, отвержен и слаб: пожалей же ты друга,
Столь развращенного: гнев в душе да пробудит отцовской
Нежность, которая вновь образумить должна непременно
Блудного сына, на путь наставляя суровым внушеньем.

Но, коль ты слышишь, как я иду по пути, что избрал я,
Сердце свое посвятив благому Богу и чтимой
280 Власти Христа, как за Ним я следую с полною верой,
Как убежден я, что Бог уготовил навеки награду
Смертным на зло, что они при жизни своей претерпели,
Я полагаю, отцу разумному это по сердцу:
Он не сочтет заблуждением жить по заветам Христовым
Христианину. И мне по душе эта жизнь и нисколько
Не досаждают: глупцом для идущих другою дорогой
Пусть буду я, коль решение мое для предвечного Бога
Будет разумным. Ведь век человеческий краток, и тело
Бренно, а сам человек вне Христа — лишь призрак и пепел:
290 Что одобряет он или хулит, ничтожно, как сам он;
Гибнет он сам, и его заблуждения с ним погибают,
И приговоры его умирают вместе с судьбою.

Но, если мы в отведенный нам срок не заботимся вовсе
С должной тревогою жить по премудрым Христа наставленьям,

Поздно будет о том горевать человеку по смерти,
Что, опасаясь пустых человеческих бредней зловредных,
Грозного он суда, ни судьи не страшился, который
Вечного Бога престол одесную Отца занимает
И, надо всеми Царя, придет по скончании века,
300 Чтобы свой суд беспристрастный творить над народами всеми
И чтобы каждому мзду воздать по делам и поступкам.
Верую я и страшусь; и спешу, коли будет дано мне,
Все прегрешенья свои искупить до смертной кончины.
И, в ожиданье ее, содрогается полное веры
Сердце мое, и душа ожидает грядущего в страхе,
Как бы в заботах пустых о теле она не погрязла
И не осталась к нему привязанной в час, как в разверстом
Небе труба возгремит, а ей невозможно подняться
Будет на легких крылах, навстречу Царю улета
310 В сонмах блаженных святых в пространства небесного выси,
Где они все воспарят, мирские сбросив оковы;
К звездам высоким стремясь и, летя к ним без всяких усилий,
По облакам пройдут они легким между созвездий,
Чтобы царя воспевать небесного в безднах воздушных,
Воинством славным своим Христа восхваляя и славя.

Но опасаясь того и боюсь я, что день мой последний
Сонным застанет меня и погрязшим в бесплодных заботах,
Если я жизнь проводить буду, тщетными занят трудами.
Как же мне быть, если вдруг, пока я, как во сне, забываюсь,
320 Передо мною Христос засияет в чертогах эфирных
И, пораженный лучами его, нисходящего долу
С неба отверстого, я, ослепнув от света, унылых
Буду убежищу искать в ночной темноте непроглядной?
Чтоб не явились во мне недоверие к истине, или
К нынешней жизни любовь и к мирским влеченье утехам,
Или тревоги забот, я решил все эти соблазны
Предотвратить и конец положить им в оставшейся жизни;
Богу на будущий век я верил все, что имею,
И ожидаю теперь со спокойной совестью смерти.
330 Коль ты доволен, поздравь ты друга с богатой надеждой,
Если же нет, то Христу предоставь ты все это одобрить.

¹ "Всадник Пегаса" — Беллерофонт, впавший после своих подвигов в безумие и скрывавшийся от людей. См. ст. 191 сл.

² Лукреция — жена Коллатина, родственника римского царя Тарквиния Гордого, оскорбленная сыном Тарквиния и лишившая себя жизни. Классический пример супружеской верности и доблести. Танаквила — жена римского царя Тарквиния Приска. Пример властной и честолюбивой женщины.

³ “О васконских глухих ущельях” — эти горные ущелья находятся в северо-восточной части Тарраконской Испании, где жили дикие васконы, предки нынешних басков.

⁴ Калагурра, Бильбила, Илерда — города в Тарраконской Испании.

⁵ “Против Кальпы” — в Африке, против нынешнего Гибралтара.

⁶ Барцинона — Барселона. Цезарьавгуста — Сарагоса. Тарракона — Таррагона.

⁷ Бетис — Гвадалquivир. Ибер — Эбро.

⁸ Бурдигала — Бордо.

⁹ Бойи — кельтское племя.

¹⁰ “В маройальских термах” — лат. Maroialum, в Оверни.

¹¹ Бигерры — народ в Аквитании.

¹² Вазаты — народ в Аквитании.

¹³ “Пиктонские уголья” — в области пиктов, кельтского племени, к югу от нижнего течения Луары (Пуату).

¹⁴ Равран — в Аквитании (Ром). Авзонийское — римское. “Кресло курульное” — почетное кресло консула.

¹⁵ Трабея — парадная одежда консула.

¹⁶ “В столице... Квирина” — в Риме.

¹⁷ Луканское поместье — на побережье южной Италии.

¹⁸ “В кондатскую... деревушку” — в Аквитании.

Иоанн Кассиан

Преподобный Иоанн Кассиан по праву именуется отцом галльского монашества, впервые сформулировавшим и теоретически обосновавшим духовный и практический идеал монашеской жизни на Западе.

Сведения относительно его происхождения и ранних лет жизни крайне неопределенны и скудны. Он родился, вероятно, около 365 г. в Малой Скифии (современная Добруджа в Румынии), хотя некоторые исследователи считают его родиной Южную Галлию (Прованс). Косвенные признаки указывают на то, что он происходил из христианской семьи и получил довольно основательное образование. Еще в очень юном возрасте, будучи семнадцати или восемнадцати лет от роду, он ощутил призвание к монашеской жизни (возможно, под влиянием своего ближайшего друга и названного брата Германа) и, вместе с последним, отправился в Вифлеемский монастырь в Палестине, где принял монашество. Здесь он провел два года (по-видимому, в 382—383), после чего, воодушевленный рассказами о подвигах египетских отцов-пустынников, испросил разрешение покинуть свой монастырь и, вместе с Германом, провел более десяти лет, странствуя по монастырям, киновиям и скитам Нижнего и Среднего Египта, где он общался со многими замечательными подвижниками, бережно собирая их духовный опыт.

Первоначально Кассиан и Герман предполагали сразу отправиться во внутренние области Египта, однако от этого намерения их отговорил случайно встреченный ими епископ г. Панефиза Архебий, предложивший им для начала познакомиться с жизнью старцев, обитавших в солончаковой прибрежной пустыне близ этого города. Общение с этими старцами укрепило их в желании продлить свое пребывание в Египте (вопреки данному ими обещанию в непродолжительном времени возвратиться в Вифлеемский монастырь, каковое они нарушили из соображений высшей духовной пользы), и они, посетив еще нескольких старцев, также подвизавшихся в дельте Нила, близ Панефиза и Диолкоса, двинулись на юг, достигнув Скита, расположенного в Ливийской пустыне, южнее Мареотского озера, — одной из трех знаменитых египетских пустынь, где селились монахи (две другие — это

Фиваида и Каламон). Здесь они поселились в общине, опекаемой пресвитером аввой Пафнутием, где оставались почти безотлучно (если не считать краткой поездки в Вифлеем за необходимым благословением на дальнейшее пребывание в Египте) до того момента, когда в Александрии разразился оригенианский кризис.

По-видимому, Кассиан, в отличие от Руфина и Палладия, не добрался до Фиваиды, однако он неоднократно упоминает о Каламоне (или, иначе, Порфирионе), а также говорит о своих посещениях Нитрийского монастыря (находившегося в сорока милях от Александрии и в восьмидесяти пяти милях от Скита) и, что особенно важно, — расположенной неподалеку от Нитрии пустыни Келлий, где именно в эти годы жил Евагрий Понтийский. Хотя прямых указаний на то, что Кассиан встречался с Евагрием, нет (за исключением одного упоминания о некоем брате родом из Понта в *Instit.* 5, 32), однако такая встреча была возможна — тем более, что в сочинениях Кассиана исследователи обнаруживают явные следы влияния учения Евагрия.

После того, как Александрийский епископ Феофил в 399—400 г. начал гонение на т. наз. “оригенистскую ересь” среди египетских монахов, жертвой которого стали многие обитатели Скита, Келлий и Нитрии, вынужденные бежать частью в Палестину, а частью — в Константинополь, Иоанн Кассиан и Герман также покинули Египет и оказались в Константинополе, где преследуемые монахи надеялись заручиться сочувствием и поддержкой св. Иоанна Златоуста, для которого это, действительно оказанное им, заступничество окончилось низложением, ссылкой и смертью.

Иоанн Златоуст рукоположил Иоанна Кассиана во диакона, а Германа — во пресвитера, и они оставались в ближайшем окружении Константинопольского епископа до его ссылки. Весною 405 г. они были посланы в Рим с письмом к папе Иннокентию, объяснявшим незаконность низложения Иоанна Златоуста, однако папа, сочувствовавший Иоанну, не мог повлиять на его судьбу. Возвращение в Константинополь для Кассиана и Германа уже не имело смысла, и они остаются в Риме. Вероятно, Герман спустя какое-то время здесь же и умер, а Кассиан провел в Риме в общей сложности около десяти лет, сблизившись в этот период или несколько позже с будущим папой Львом, дружеские отношения с которым он поддерживал до самой смерти. После 415 г. он поселился в Массалии (Марселе), где, по свидетельству Геннадия, основал два монастыря, мужской и женский, устроенных по образцу египетских и палестинских монашеских обществ. Около 435 г. Иоанн Кассиан скончался.

Главные сочинения Иоанна Кассиана были написаны им в последний, марсельский, период жизни и преследовали конкрет-

ную цель: познакомить западное монашество с практическим и духовным опытом и укладом жизни восточных монахов. В 419—426 гг. он пишет 12 книг “Об установлениях киновий и о средствах против восьми главных грехов” (“De institutis coenobiorum et de octo principalium vitiorum remediis”) — своего рода устав, или “правило”, монашеской жизни, который имел преимущество перед уже известными на Западе уставом св. Пахомия (в переводе бл. Иеронима) и правилами св. Василия Великого (в переводе Руфина), так как был адаптирован к условиям здешней жизни и климата, и который послужил материалом для всех последующих попыток подобной кодификации, вплоть до анонимного “Правила учителя” и знаменитого “Правила” св. Бенедикта Нурсийского. Примерно в это же время им были написаны 24 “Собеседования Отцов”, воспроизводящие беседы на духовные темы с пятнадцатью знаменитыми старцами, которые сам Кассиан имел с ними во время своего пребывания в Египте. Кроме того, в 429—430 гг. он, по просьбе Льва, тогда еще — архидиакона Римского, написал антинесторианский трактат “О воплощении Господа” (“De incarnatione Domini contra Nestorium”).

“Собеседования отцов”, которые на протяжении многих веков оставались излюбленным душеспасительным чтением западного монашества и о которых с высочайшей похвалой отзывался даже такой великий восточный учитель духовности, как Иоанн Лествичник, действительно являются сочинением исключительной глубины и серьезности. За счет обращения к диалогической форме ему удается раздвинуть рамки уже складывающегося к этому времени жанра “патериков”: в отличие от Руфина или Палладия, авторов двух не менее известных сочинений, описывающих жизнь египетских пустынножителей, он не просто по крупицам собирает сведения и предания о знаменитых подвижниках или рассказывает о том, что ему удалось увидеть собственными глазами, но упорно и целенаправленно ищет ответов на наиболее острые и важные вопросы, касающиеся достижения духовного и нравственного совершенства. Так что в книге Кассиана читатель имеет дело уже не столько с примерами и образцами высокого благочестия, сколько с прямыми поучениями, хотя здесь находится место также и для подобных “примеров”, располагающих к подражанию или предостерегающих от ошибок, и для назидательных историй, взятых из жизни, и даже для чисто бытовых подробностей жизненного уклада египетского монашества. О том, что таков был его принципиальный и сознательный выбор, свидетельствуют слова самого Кассиана, который, предвзяв книги “Установлений”, предупреждает, что не станет рассказывать о чудесах святых Отцов, поскольку чудеса, возбуждая удивление, мало способствуют святой жизни, тогда как целью его книги является указание путей к исправлению нравов и духовно-

му совершенству. Эта сдержанность по отношению к чудесам (разумеется, не отрицающая интереса к ним или веры в чудеса как таковые) обличает в Кассиане человека, еще не принадлежащего к миру средневековой культуры, в чем легко убедиться, сравнив атмосферу его книг с той атмосферой ожидания чуда, которая характерна для сочинений Григория Великого, Беды и особенно — Григория Турского.

Впрочем, требование сдержанности и умеренности во всем было едва ли не самым главным уроком, вынесенным Кассианом из общения со старцами, поскольку он не устает предостерегать своих читателей от любых эксцессов в духовной жизни, будь то неумеренность в соблюдении постов, в молитве или умерщвлении плоти. Не случайно первые две беседы, открывающие “Собеседования Отцов”, посвящены дару распознавания духов, в основе которого лежит добродетель умеренности.

Язык Кассиана отличает ясность и правильность. Однако его пристрастие к длинным и излишне громоздким периодам, бесчисленные повторы и многословие, с которым он может варьировать одну и ту же мысль или образ, свидетельствуют о том, что Кассиан был, скорее, прилежным учеником, нежели мастером стиля, подобным Августину или Иерониму. Впрочем, все недостатки стиля искупаются поразительной искренностью Кассиана, а также новизной и важностью обсуждаемых им предметов.

Собеседования Отцов

Первая беседа аввы Моисея¹

Об усмотрении и цели монаха

1. Когда в пустыне Скитской², где обретаются наичестнейшие во иночестве отцы и где обитает всяческое совершенство, мы, вместе с аввою Германом (с которым оставались неразлучны от самого времени нашего новобранчества и от начальных шагов на поприще духовного ратования, деля кров и в киновии³, и в пустыне, так что все кругом, указывая на нашу тесную дружбу и единство помыслов, говорили, что у нас в двух телах заключен один ум и одна душа), — так вот, когда мы, желая укрепить себя наставлением от аввы Моисея, который даже между тамошними прекрасными цветами выделялся особенно сладостным благоуханием благодаря не только аскетическим подвигам, но и созерца-

тельной добродетели, умоляли его об этом и в один голос слезно упрашивали авву подать нам таковое назидательное слово, хотя, конечно, нам была хорошо известна эта его духовная непреклонность, ни в коем случае не позволявшая ему отверзать врата духовного совершенства ни для кого, кроме тех, кто воистину преисполнен решимости и со всяческим сокрушением сердечным просит его об этом (дабы не получилось, что, сообщая всем без разбору — пусть даже того не желающим или жаждущим недостаточно пылко, — вещи насущнейшие, каковые должны быть доступны лишь людям, со страстью взыскующим совершенства, он, разглашающий эти тайны пред людьми недостойными и высоко им внимающими, повстречался бы с порочным высокомерием или со злостным отступничеством), — то в конце концов старец, уставший от наших просьб, согласился и стал говорить так:

2. Все, — сказал он, — ремесла и занятия имеют некий *σκοπός*, то есть усмотрение, и *τέλος*, то есть цель⁴, оглядываясь на которые человек, с усердием подвигающийся в каком-либо ремесле, с готовностью и терпением переносит все тяготы, опасности и убытки.

Ведь и земледелец, не прячась ни от палящих лучей солнца, ни от снега и града, неустанно рыхлит пашню, снова и снова взрывая лемехом неподатливые комья земли, покуда имеет в виду свой *σκοπός*, состоящий в том, чтобы ее, очищенную от терний и освобожденную от всякого сорного бытия, размельчить, сделав сыпучею, словно песок, — в уверенности, что иначе он не достигнет своей цели, то есть богатого урожая плодов и обильных хлебов, благодаря чему он сам впоследствии сможет вести безбедную жизнь или приумножит свое богатство. И он охотно опустошает амбары, наполненные зерном, с неукоснительною заботою препоручая оное взрыхленным браздам, ибо не считается с теперешними затратами ввиду будущих жатв.

Да и те, которые промышляют торговлею, не страшатся никаких опасностей, угрожающих на море, и не боятся никаких испытаний, покуда к цели их увлекает надежда на прибыль.

Равно как и люди, воспламененные честолюбивым стремлением добиться успеха на поприще ратной службы, не придают значения возможности гибели и опасностям дальних походов, покуда видят перед собою цель: почести и могущество, — и их не отпускают тяготы сражений, покуда они стремятся достичь поставленной цели, то есть воинской славы.

А стало быть, и наше призвание имеет свой собственный *σκοπός* и свою цель, ради которой мы не только без усталости, но даже и с охотою подымаем всяческие труды и благодаря которой нас не удручает глад постов, радует изнурительность бдений, не пресыщает постоянное чтение Писаний и размышление над ними,

не пугают непрестанные труды, нагота и лишения и не отвращает даже самый страх пред сим пустынным уединением. Ради этого вы и сами без колебаний отринули родительскую любовь, покинули отчий край и отказались от радостей мира, чтобы, пройдя столько стран, вы смогли, наконец, прийти к нам, людям простым и темным, обитающим в этой унылой пустыне.

Поэтому ответьте мне сами, в чем состоит усмотрение ваше, или же цель, которая вас побуждает к тому, чтобы все это переносить с великою радостью?

3. И поскольку он упорно желал узнать наше мнение об этом вопросе, мы отвечали, что претерпеваем сие ради Небесного Царствия.

4. Он же молвил в ответ:

Добре, о цели вы метко сказали. Однако в первую голову вам следует знать, в чем должен состоять наш *σκοπός*, то есть наше усмотрение, неукоснительно придерживаясь которого, мы оказываемся в силах достигнуть цели.

И когда мы чистосердечно сознались в своем неведении, он продолжал:

Во всяком, как я уже говорил, ремесле и во всяком занятии имеется упреждающий их *σκοπός*, то есть усмотрение души, или неуклонное устремление ума. И лишь только тот, кто со всяческим рвением и упорством держится оно, может достигнуть цели, стяжав желанный плод. Ведь и земледелец, имея целью, как я сказал уже, жизнь в спокойствии и достатке, обеспеченном богатым урожаем хлебов, исполняет свое усмотрение, то есть очищает поле от всякого терния и от всевозможного бесполезного бытия, ибо уверен, что не обретет он отдохновения в достатке, каковое и есть его цель, если только то, что желает он иметь в своем пользовании, не предвосхитит он прежде в своих трудах и в своем уповании.

Также и купца не покидает стремление приобретать товары, благодаря чему он, к своей вящей выгоде, может скопить богатство, ибо напрасно он ожидал бы прибыли, если бы прежде не избрал ведущего к ней пути.

И те, кто желает удостоиться почестей мира сего, сначала решают, на какой службе или в каком сословии следует им подвизаться, чтобы, безошибочно выбрав именно то поприще, которое сулит им надежду на успех, достигнуть вожденной цели, то есть высокого положения.

Так что целью нашего странствия действительно является Царство Божие. Однако нам нужно особенно тщательно разобратъ, в чем должен состоять наш *σκοπός*, ибо если бы мы не уяснили себе этого с тою же очевидностью, то напрасно бы из-

нуряли себя своими усилиями, поскольку для идущих без дороги существуют лишь тяготы пути, но никак не подвижение вперед.

И видя, что мы все еще не разумеем, старец объяснил:

Цель нашего подвижничества есть, как мы уже сказали, Царствие Божие, или Небесное Царствие, тогда как *σκοπός*, то есть усмотрение наше, есть чистота сердца, без каковой никому не дано достигнуть до оной цели. И вот, придерживаясь этого усмотрения и нацелив на это наш взор, мы, словно бы руководствуясь верною линией, направляем наш путь прямо к цели. И чуть только намерение наше хоть на самую малость уклонится от этого усмотрения, мы тотчас же должны вновь возвращаться к нему взором, как бы поверяя оное неким правилом, которое направляет все наши усилия к одной только этой вехе и немедленно поправляет нас, стоит нашему уму хоть немного уклониться от избранного направления.

5. Так люди, навывчные в меткой стрельбе, желая блеснуть своим искусством перед лицом земного владыки, состязаются в метании стрел или дротиков в небольшие щитки, на каковых обозначены соответствующие награды, твердо зная при этом, что не смогут достигнуть цели, то есть желанной награды, если прежде не нацелят свой взор на нее, но непременно овладеют ею в том случае, если им удастся удержать взятый прицел. И если бы они ненароком потеряли ее из виду, то тогда бы они, не чуя ее, постоянно бы ошибались в прицеле, уклоняясь от нужного направления, но при этом не сознавали бы, что отступили от выверенной прямой, так как уже не имели бы верного знака, который подтверждал бы правильность взятого направления или указывал на его ошибочность. <...>

Точно так же обстоит дело и с нашим призванием, цель которого есть, по слову Апостола, вечная жизнь, ибо у него сказано так: *плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная*⁵; *σκοπός* же есть чистота сердца, каковую он не напрасно называет освящением и без каковой невозможно было бы достичь упомянутой им цели. Он мог бы выразить это и другими словами: *σκοπός* ваш есть чистота сердца, а цель — вечная жизнь. <...>

Итак, нам надлежит всеми силами стремиться к тому, что может направить к этому *σκοπός*, то есть к чистоте сердца, а того, что нас от него отвлекает, следует избегать как пагубного и вредоносного. Ибо именно ради него мы все делаем и все переносим, ради него покидаем родителей, отчизну, почести, богатство и улады мира сего, и всякое удовольствие, — чтобы, стало быть, удержать в себе неизменную ту чистоту сердца. И если бы она постоянно не находилась пред нашими взорами, то это не только делало бы тщетными и безосновательными все

наши усилия, понуждая нас расточать их впустую и без всякого толку, но к тому же и возбуждало бы в нас всевозможные ложно направленные и порочные помыслы. <...>

16. Герман:

Отчего же случается, что даже и вопреки нашей воле и, паче того, даже помимо сознания нашего в нас закрадываются посторонние помыслы, и притом — столь скрытно и неприметно, что не только их отогнать, но даже просто осознать и обнаружить есть непомерно трудное дело? Возможно ли уму совершенно освободиться от них и уже никогда более не подвергаться вторжению этих лукавых помыслов?

17. Моисей:

Не бывает так, чтобы уму не докучали такие помышления, однако допустить их или отринуть возможно всякому, кто об этом старается. Возникновение их не вполне зависит от нас, но зато одобрение их или выбор остаются за нами. Но хотя мы сами сказали, что уму невозможно не подвергаться нашествию помыслов, однако отсюда не следует, что мы должны приписывать их исключительно внешним воздействиям или тем духам, которые сияются нам их внушить. Иначе в человеке не оставалось бы свободного произволения, и мы утратили бы попечение о собственном исправлении. Но, повторяю, большей частию в нашей власти сделать эти помыслы лучше, и от нас зависит, будут ли в наших сердцах возникать благочестивые и духовные помыслы или же плотские и земные. Для того ведь и прибегаем мы к постоянному чтению Писаний и непрестанному размышлению над ними, чтобы через это мы получали возможность вспоминать о духовном; для того и входит в наш обиход пение Псалмов, чтобы мы черпали оттуда раскаяние и чтобы наш немощный разум не помышлял о земном, но созерцал небесное. Если же мы, по своему нерадению, этим пренебрегаем, то тогда неизбежно наш ум, закосневший в грязи пороков, уклонится в сторону плоти и падет окончательно.

18. Такого рода труженичество духа недаром уподобляется жерновам, которые вращает своим напором, заставляя крутиться, стремительный ток воды. Они не могут прекратить свою работу, будучи понуждаемы к этому натиском воды, однако во власти хозяина решить, будут ли они перемалывать пшеницу и ячмень или же полосу.

Точно так же и ум, подвергающийся воздействию окружающей жизни и кружимый изливающимися на него отовсюду потоками искушений, не мог бы быть вовсе свободен от тревожащих его помыслов. Но при этом он должен заранее позаботиться о

том, какие из них он допустит и какие из них приготовит себе, приложив к сему всяческое старание и усердие. Ведь если мы, как уже было сказано, постоянно обращаемся к размышлениям над Священным Писанием и наставляем нашу память на воспоминание духовных вещей, на стремление к совершенству и упование на будущее блаженство, то возникшие по необходимости будут духовными и принудят наш ум задерживаться на тех самых предметах, о которых мы размышляли. Однако если мы, по лени или по небрежению, позволим порокам и празднословию овладеть нашим умом или будем поглощены земными заботами и ненужными тревожениями, то отсюда неизбежно произрастут своего рода плевелы, которые зададут губительную работу также и нашему сердцу, ибо, согласно речению Господа, где будет сокровище наших дел и наших устремлений, там обязательно пребудет и сердце наше⁶.

19. И вот что нам надобно знать раньше всего: помыслы наши происходят от трех начал, от Бога, от диавола и от нас самих. Они бывают от Бога, когда Дух Святой удостоивает посетить нас Своим просвещением, побуждая нас устремиться к высшему, или когда Он очищает нас целительным покаянием, если мы, вследствие недостатка рвения, в чем-то менее преуспели или были побеждены, или когда Он открывает нам небесные тайны и обращает нашу волю и нашу решимость к лучшим делам.

Так было тогда, когда царю Артаксерксу, наказанному Господом, внушено было просмотреть летопись его царствования, благодаря чему тот припомнил заслуги Мардохея и возвеличил его высочайшими почестями, а позже отозвал свой жестокий приказ об истреблении иудейского племени⁷. Или когда Пророк говорит: *Послушаю, что скажет Господь Бог*⁸. Или другой Пророк: *И сказал мне Ангел, говоривший со мною*⁹. Или когда Сын Божий обещает, что придет к нам вместе с Отцом и обитель у нас сотворит¹⁰. И другое: *не вы будете говорить, но Дух Отца будет говорить в вас*¹¹. Или у Сосуда избрания¹²: *Вы ищите доказательства на то, Христово ли говорит во мне*¹³.

И от диавола в нас зарождается целый ряд помыслов, когда тот силится обольстить нас сладостью пороков или уловить в западню, с изощренным лукавством выдавая зло за добро или преображая себя для нас в ангельский зрак¹⁴. Или когда евангелист повествует: *И во время вечера, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его*¹⁵. И далее: *после сего куска вошел в него сатана*¹⁶. Или еще, Петр говорит к Анании: *для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому*¹⁷? И то же самое, что читаем мы и в Евангелии¹⁸, много раньше возведено было через Екклесиаста: *Если дух власть имущего воспалится на тебя,*

*то не оставляй места твоего*¹⁹. А также то, что в третьей книге Царств говорится к Богу против Ахава от лица нечистого духа: *я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его*²⁰.

А от нас они происходят тогда, когда мы естественным образом припоминаем то, чем мы занимаемся, или занимались прежде, или о чем мы слыхали. И об этом блаженный Давид говорит: *Я размышлял о днях древних, о летах веков минувших, и припоминал, и в ночи беседовал с сердцем моим, и пытал душу мою*²¹. И еще: *Господь знает мысли человеческие, что они суетны*²². Или: *Помышления праведных — правда*²³. Также и в Евангелии Господь говорит фарисеям: *Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?*²⁴

20. Стало быть, необходимо, чтобы мы постоянно имели в виду эту тройственность причин, и все возникающие в наших сердцах помыслы подвергали тщательному различению²⁵, перво-наперво прослеживая их начало, причину и исток, чтобы затем, смотря по тому, кто их возбуждает, решить, какие из них мы должны допустить, и тем самым сделаться, как нам и заповедал Господь, менялами добрыми²⁶, высшая опытность и искусство которых состоит в умении определить, какое злато является чистым, или, как мы его называем, червонным, а какое недостаточно очищено огнем, и безошибочно отличать дешевый медный денарий, который под блеском позолоты выдает себя за драгоценную монету, и не только знать толк в монетах, на которых отчеканены лики правителей, но еще и распознавать среди них наметанным глазом те, на которых изображение подлинного царя запечатлено не так, как это принято, и, наконец, прилежно следить за показаниями весов, чтобы вес тех монет не был меньше положенного.

А на то, что сие мы должны соблюдать также и в жизни духовной, указывает нам слово Евангельское, приводящее в пример того же менялу. Прежде всего, как только в наши сердца закрадется некое побуждение или нам внушена будет какая-нибудь мысль, мы должны самым тщательным образом рассмотреть, действительно ли они очищены божественным и небесным огнем Святого Духа, а не происходят от иудейского суеверия или от гордой собою мирской философии, лишь по внешности представляясь благочестивыми. А исполнить сие мы сможем в том случае, если станем поступать по слову Апостола: *не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они*²⁷.

Ибо подобным образом бывали введены в заблуждение даже те, кто, уже после принятия монашества, соблазнялся блестящею речью и какими-нибудь учениями философов, обманывающими их ложным сверканием злата, и начинали внимать им с чувством почтительным и благоговейным, а те в один миг обольщали их

пустою видимостью и, как людей, обманутых поддельными монетами из меди, навсегда оставляли нищими и удрученными, возвратив их к мирской суете или увлекши к заблуждениям еретиков и к самонадеянным мнениям.

Такое несчастье постигло, как читаем мы в книге Иисуса Навина, Ахора, который прельстился золотым слитком и похитил его из стана аллофилов, чем заслужил проклятие и был осужден на вечную смерть²⁸.

Во-вторых, нам надлежит с превеликим тщанием следить, чтобы нас не обманывала драгоценность металла, когда к чистейшему золоту Писаний прилагается дурное истолкование. Так лукавейший диавол тшилсЯ обольстить, словно обыкновенного человека, даже Господа, Спаса нашего, когда, злонамеренным толкованием искажая слова, каковыЕ должны были пониматься применительно к лицу всех праведников вообще, он пытался их приложить нарочито к Тому, Кто отнюдь не нуждался в защите ангелов, говоря Ему: *Ибо Ангелам Своим заповедал о Тебе — охранять Тебя на всех путях Твоих. На руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею*²⁹. Так лукавым своим толкованием переиначивает он драгоценные словеса Священных Писаний, извращая их смысл на обратный и пагубный, дабы, под видом притворного золота, вручить нам изображение лика тирана.

А еще он пытается провести нас с помощью поддельных монет, поощряя нас предаться со страстиЮ исполнению какого-нибудь благочестивого дела, что, имея видимость добродетели, приводит к порокам, так как исходит сие не из законоположных монетных дворов древних Отцов: он обольщает нас неумеренными и несвоевременными постами, или непосильными бдениями, или неуставными молитвами, или неподобающим чтением, и через то увлекает к погибельному концу. Иногда же он склоняет нас к тому, чтобы мы, из благочестивых побуждений, растрачивали свое время на прием посетителей и на посещение других, чтобы выманить нас таким образом из духовного затвора монастыря и из благодетельного покоя уединения, и внушает нам принимать близко к сердцу заботы и волнения набожных и нуждающихся в поддержке жен, чтобы затем, уловив монаха в эти силки, из которых ему невозможно вырваться, отвлечь его на заботы, губительные для него. Или же он побуждает нас, под предлогом возможности преподать наставление многим и стремления к пользе духовной, возжелать священнического служения, отвращая нас через это от смирения и строгости избранной нами жизни.

И хотя все это враждебно нашему спасению и призванию, однако внешний покров милосердия и благочестия, которым все это облечено, с легкостью вводит в обман людей неосмотрительных и неопытных. В самом деле, ведь эти деяния подделываются

под монеты истинного царя, ибо на первый взгляд кажутся исполненными благочестия, однако такие монеты чеканились не законопоставленными монетчиками, то есть честными и православными Отцами, и выходят не из главного денежного двора государства, то есть не из поучений оных Отцов; они изготовлены воровски, с помощью демонского обмана, и подбрасываются людям неопытным и несведущим, чем наносят им же ущерб.

Поначалу такие дела кажутся необходимыми и полезными, однако если позднее они начинают угрожать твердости нашего призвания и словно бы угрызают самый состав нашей духовной жизни, уподобляясь какому-нибудь необходимому, однако в соблазн вводящему уду (пусть даже несущему столь важную службу, как правая рука или нога), то все же, ради спасения, следует отсечь их и выбросить вон. Ибо лучше лишиться единого уда, отказавшись от исполнения одной какой-нибудь заповеди и от ее плодов, но зато оставаясь в прочих здоровым и твердым, чтобы, подобно увечному, войти в Небесное Царствие, нежели, утвердившись в единой заповеди, впасть в некий соблазн, который, став губительною привычкою, отвращает нас от строгости правила и от дисциплины избранной нами жизни и наносит такой ущерб, что, ни в коей мере не возмещая будущие убытки, даже и все бывшие плоды и все прежние наши деяния, составляющие как бы единое тело, обрекает на то, чтобы быть им спаленными в гееннском пламени³⁰.

Об обольщениях подобного рода было весьма тонко сказано также и в книге Притч: *Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти*³¹. Или еще: *Злой причиняет вред, хотя бы он и смещивал себя с праведным*³², то есть, иными словами, диавол обманывает нас, хотя бы и прикрываясь личиною святости. *Ибо он ненавидит слово остерегающего*³³, то есть дар распознавания, который исходит от слов и наставления древних Отцов.

21. Подобному обольщению в недавнем времени поддался, как мы знаем, даже авва Иоанн из Ликона³⁴. Ибо когда он, уже будучи изнуренным и расслабленным телом, отсрочил приятие пищи двухдневным постом, то ему, когда он после этого собрался, наконец, подкрепить свои силы, явился диавол в образе ужасного эфиопа и, бросившись ему в ноги, сказал: "Прости меня, ибо это я понудил тебя принять на себя подобную тяготу". Из чего сей великий муж, столь много усовершенствовавшийся в распознавании духов, уразумел, что, под предлогом воздержания, бывшего неуместным, оказался обманут плутнями диавола и обременен столь тяжким постом, что подверг свое утомленное тело напрасному изнурению, каковое могло повредить даже и самому духу его. Иными словами, он был введен в заблуждение поддельной

монетою, покуда, воздавая честь изображенному на ней лику истинного царя, мало думал о том, должным ли образом он отчеканен.

Последний же навык доброго менялы, который, как мы сказали уже, состоит в определении веса, применяется в том случае, когда мы, самым тщательным образом рассмотрев все, что помышление наше побуждает нас предпринять, и, водрузив сие на весы нашей души, взвешиваем с великою точностью, исполнено ли оно благочестия, утягчено ли оно страхом Божиим, чистыми ли вызвано помыслами, или же его делает легковесным человеческое бахвальство и влечение к новизне, и, наконец, не убавило ли веса заслуг и не подточило ли их пустое тщеславие? И, взвешивая все это подобным образом непрестанно и принародно, то есть поверяя его деяниями пророков и апостолов, должны мы иное из этого удержать, коли в нем не обнаруживается никакого изъяна, несовершенства и недостатка при сравнении с сими, а иное, имеющее пороки, несовершенства и недостаточный вес, со всяческим тщанием и осмотрительностию отвергать.

22. Итак, нам понадобятся эти четыре, как уже было сказано, способа распознавания, чтобы, во-первых, не сомневаться нам относительно самого вещества, подлинное ли это золото или поддельное и, во-вторых, чтобы те помышления, которые лишь прикрываются видимостию благочестия, мы отбрасывали прочь, словно подложные и поддельные монеты (ибо подобным образом можем мы распознать и отвергнуть те монеты, на которых подделанное изображение царя выбито не так, как положено, и те, где на чистом золоте Писаний порочным и еретическим толкованием напечатлен не лик истинного царя, но лик самозванца), а те, коих вес и достоинство сдается медною ярью, делающею их легковеснее старинного образца, отклоняли бы, как монеты ущербные, неполноценные и неполновесные, и, наконец, чтобы мы не впадали в порок, всеми силами остерегаться которого побуждает нас заповедь Господа, дабы через него не была у нас воровски похищена всякая награда и всякое воздаяние за наши труды: *Не хороните сокровище ваше в земле, где моль и ржа истребляет и где воры подкапывают и крадут*³⁵.

Ведь что бы ни делали мы в расчете на славу земную, все это, как узнаем мы из поучения Господа, есть сокровище, хранимое нами в земле, и, значит, оно, как бы прахом укрытое и зарытое в землю, будет всенепременно либо расхищено всякими демонами, либо источено едкой ржою тщеславия, либо изглодано молью гордыни, что не оставляет припрятавшему сие ни малейшей надежды на выгоду или пользу. А стало быть, мы должны непрестанно осматривать укромнейшие уголки нашего сердца и с величайшею чуткостию испытывать следы всего, что туда прони-

кает, дабы какой-нибудь страшный духовный зверь, какой-нибудь лев или змий, проходя, не оставил бы там незаметно губительные следы и, из-за нашего небрежения помыслами, не проложил бы тропу в святилище нашей души и для прочих, поспешающих следом за ним. И так, час за часом, минуту за минутой взрыхляя почву нашего сердца евангельским плугом, то есть непрестанным воспоминанием о Господнем кресте, сможем мы истребить в себе логова хищных зверей и ядовитых гадов.

23. Тут старец, заметив, как нас изумило все сказанное и каким ненасытным огнем воспламенили нас речи его, на мгновение умолк, удивленный нашей горячностью, а после прибавил:

Поскольку к столь долгому разговору подвигла нас, дети мои, лишь ваша настойчивость, и пылкость нашей беседы, внушающая столь пламенный дух нашим словам, объясняется собственным вашим воодушевлением, то для того, чтобы и сам я мог окончательно удостовериться в том, что вы и вправду стремитесь постигнуть науку духовного совершенства, хочу я поведать вам еще кое-что о сей наивысшей способности распознавания духов, то есть о даре, который среди всех дарований духовных занимает верховное положение и удерживает первое место, и подтвердить превосходство и пользу этой способности не только обыденными примерами, но также рассказами и советами древних Отцов.

Ведь я помню, что и прежде не раз загорался желанием нечто от учения этого донести до людей, точно так же слезно испрашивавших подобного наставления, однако мне это не удавалось — до того оскудевало во мне не только что разумение, но даже и самый дар речи, что ничего иного не оставалось, кроме как отослать их, ничтоже утешив. Ибо признаки эти с очевидностью указывают на то, что благодать Господня внушает словеса наставляющим лишь в меру заслуг и ревности внемлющих.

Но поскольку остаток ночи не позволяет нам исполнить сего, то давайте-ка лучше предадимся телесному отдохновению (каковому пришлось бы отдать все целиком, если бы мы отказались уступить ему в малом), отложив разговоры об этом предмете на завтрашний день или вечер, чтобы тогда уже рассмотреть его по порядку и во всей полноте. Ведь именно в этом и подобает самым сведущим в распознавании духов наставникам проявить свою ревность прежде всего, доказав примером собственного терпения свою способность к таковому распознаванию, чтобы, толкуя о той добродетели, которая есть матерь всякой умеренности, не впасть им самим в противоположный оной порок неумеренности и не посрамить поступками и делами сути и существа добродетели, которую превозносят они на словах. Так что пусть этот дар распознавания духов, о котором предполагаем мы, сколько позволит Господь, разузнать, с самого начала поможет

нам в том, чтобы мы, рассуждая о его совершенстве и об умеренности, каковая добродетель по преимуществу присуща ему, не превысили меры в продолжительности беседы.

Сими словами блаженный Моисей завершил наш разговор и пригласил нас, отнюдь еще не насытившихся и жадно прильнувших слухом к его устам, немного вкусить сна, предложив нам прилечь на тех же циновках, на которых мы сидели, а под головы, вместо подушек, подложить *эмбримии*. Эти эмбримии, представляющие собою довольно толстые стебли папируса, собранные в длинные и узкие пуки и равномерно перевязанные поперек через каждые полторы стопы, в зависимости от обстоятельств, то служат братьям, собравшимся за трапезой, невысокими сиденьями, заменяющими скамьи, то используются спящими в качестве изголовия, доставляя голове не слишком жесткую, упругую и удобную опору. И они отлично подходят монахам для всех этих нужд не только потому, что они достаточно мягки и что на изготовление их почти не затрачивается средств и труда (ведь на берегах Нила папирус растет повсюду), но еще и потому, что они очень легкие, так что их, в случае надобности, ничего не стоит убрать в сторону или снова придвинуть.

Тут, наконец, мы, повинувшись приказанию старца, принуждены были обратиться ко сну, хотя этот отдых и был нам в тягость, ибо мы в одинаковой мере возбуждены были радостью, доставленной нам описанной выше беседой, и окрылены ожиданием обещанного разговора.

Вторая беседа аввы Моисея

О распознавании духов

1. Когда же мы вкусили предутреннего сна и, радуясь воссиявшей для нас, наконец, заре, вновь принялись просить обещанного рассказа, блаженный Моисей начал так:

Как вижу, вас распаляет столь пылкое желание, что, боюсь, даже то весьма краткое время, которое счел я за благо отнять от духовной беседы и употребить на восстановление телесных сил, не принесло вашей плоти отдохновения. Однако я, при виде этой вашей горячности, испытываю еще большее беспокойство. Ведь необходимо, чтоб, исполняя столь трудное обязательство, возымел я тем большее попечение о благочестии, чем более настойчиво вы от меня сего домогаетесь. Ибо сказано: *Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою; и, протягивая руку свою, помни, что и тебе надлежит приготовить ему подобное*³⁶.

Вот почему, собираясь приступить к разговору о силе и свойствах дара распознавания духов, о котором зашла речь в нашей ночной беседе и на котором мы оную и прервали, я считаю уместным прежде всего привести в подтверждение замечательной силы этого дара суждения Отцов, чтобы после того, как мы узнаем, что они думали и говорили об этом предмете, напомнить об ошибках и обольщениях живших как в давние поры, так и совсем недавно людей, которые, вследствие своего небрежения этим даром, попадали в губительные ловушки, а затем уже, сколько удастся нам, рассмотреть пользу и выгоды, проистекающие из обладания оным. Обсудив же все это, мы попытаемся научиться тому, каким образом можем мы всего более преуспеть в стяжании этого дара и в пестовании его, приняв в рассуждение всю его благотворность и благодатность.

Ибо это не какая-нибудь из обыкновенных способностей, которую можно было бы приобрести откуда угодно с помощью одного лишь человеческого усердия; нет, она может быть сообщена нам лишь благодаря божественной щедрости, коль скоро и у Апостола мы читаем, что она принадлежит к числу наивысших даров Духа Святого: *Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом,* — и чуть ниже: *иному распознавание духов.* А затем, завершив этот перечень духовных харизм, он присовокупляет: *Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно*³⁷.

Итак, вы видите, что дар распознавания есть отнюдь не земной и отнюдь не малый дар, но наивысшая награда божественной благодати. И если инок не будет всеми силами стремиться к нему и не обретет способности безошибочно распознавать посещающих его духов, то непременно окажется, что он, словно путник, блуждающий в глухой ночи и в устрашающем мраке, будет не только впадать в опасные ямы и рывтины, но без конца спотыкаться даже на ровной, прямой дороге.

2. Помню, в те поры, когда я был еще отроком, мне случилось жить в тех же самых краях Фиваиды, где насельничал и блаженный Антоний³⁸. И однажды пришли к нему некие старцы, чтобы побеседовать с ним о совершенстве. Но хотя собеседование их продлилось от вечерних часов и вплоть до рассвета, однако один только этот вопрос поглотил у них большую часть ночи. Ибо дольше всего им пришлось выяснять, какая из добродетелей или какой из монашеских подвигов может инока навсегда сохранить от вреда, чинимого кознями и обманами диавола, то есть кратчайшей дорогой и твердой поступью подвести его к вершине совершенства.

Каждый тогда выдвигал суждение в меру собственного своего разумения, и иные предполагали, что сие заключается в том, чтобы ревностно предаваться постам и бдениям, поскольку-де через оные дух, устремляя себя к достижению чистоты сердца и тела, утончается и легче соединяется с Богом; иные же утверждали, что сие есть презрение ко всяким вещественным благам, ибо если бы дух совершенно от оных освободился, то тогда, никакими силками уже не стесняемый, он поспешнее подвигался бы к Богу; а иные почитали необходимым отшельничество, то есть уход от мира и пустынное уединение, пребывая в котором можно было бы короче общаться с Богом и теснее прилепиться к Нему; ну, а некоторые стояли на том, что необходимо творить дела любви, или милосердия, так как, по их словам, именно творящим сие Господь особенно обещал даровать Небесное Царство: *"приидите, блаженные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня"*³⁹, — и прочее.

И хотя они продолжали подобным же образом рядить о том, что наиболее верный путь к Богу может быть приготовлен теми или этими добродетелями, так что большая часть ночи ушла у них на сие разыскание, однако блаженный Антоний подвел подо всем этим окончательную черту, молвив:

"Все, вами названное, необходимо и полезно для алчущих Бога и пылко желающих приникнуть к Нему. Однако приписать всему этому решающее значение воспрещает нам наглядный пример падения многих мужей. Ведь слишком часто случалось нам видеть, как иноки, подвергавшие себя самым суровым постам и бдениям и являвшие чудеса пустынного жительства, а также те, чей отказ от владения каким бы то ни было имением доходил до того, что они не имели в запасе ни единого денария или пропитания хотя бы на день, равно как и те, которые со всяческим благочестием посвящали себя делам милосердия, вдруг бывали обмануты и уже не могли увенчать свои подвиги подобающим завершением, так что лучшие их устремления и похвальное житие получали постыдный конец.

Если бы мы проследили причину всех этих крушений и обольщений, то тогда мы смогли бы вполне уяснить себе, что же именно в первую голову приводит нас к Богу. Ведь хотя в тех мужах и расцветали поименованные добродетели, однако отсутствие одного только дара распознавания духов воспретило им в оных окончательно утвердиться. Так что нет никакой иной причины для их падения, помимо той, что они, не усвоив наставления старцев, не умели снискать себе смысла распознавательного, каковой научает монаха шествовать царским путем, обвиняясь обеих крайностей, и не позволяет им ни заноситься вправо, в сторону добродетелей, то есть, проявляя излишнее рвение, превышать в

неоправданной самонадеянности надлежащую меру, ни, потакая себе, оступаться влево, к порокам, то есть, прикрываясь необходимостью упражняться во власти над плотию, закосневать в губительной хладности духа. Ведь способность распознавания есть то, что в Евангелии именуется оком и светильником тела, когда Спаситель наш говорит: *«Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно»*⁴⁰. И это из-за того, что именно оно, подвергая рассмотрению все без изъятия поступки и помыслы человека, озирает и озаряет светом все, что тому подобает делать. И если бы названная способность у человека была неисправною, то есть не уснащенною правильным суждением и достоверным знанием или же обольщенною каким-либо ложным мнением и предрассудком, то тогда бы и все наше существо она делала помраченным, то есть затмевала бы всякую зоркость ума и наши поступки, обволакивая их мраком пороков и тьмою страстей. Ведь ежели, говорит Он, *«свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?»*⁴¹ Ибо ни у кого не вызывает сомнения, что из-за одного лишь ошибочного суждения нашего духа, объятого ночью неведения, и дела, и помыслы наши, которые взвешивает распознавательная способность, все более погрязают во тьме грехов.

3. Взять, к примеру, того мужа, который первым, по присуждению Божию, удостоился царствовать над народом Израиля: ради того, что не обладал он тем оком распознавательным, сей муж оказался низложен даже и со своего престола, словно все существо его было во тьме. Ибо он, обманутый этим своим светильником, источающим тьму заблуждения, решил, будто жертвы его Богу любезнее, нежели послушание повелениям Самуиловым, и навлек на себя немилость именно тем, чем надеялся непременно вернуть себе Божие благоволение⁴².

Та же самая неискушенность в науке распознавания побудила Ахава, царя Израиля, после празднования величайшей победы, что была ему ниспослана милостью Божией, порешить, будто лучше выказать свое милосердие, чем со всею суровостию исполнить Божию волю и то приказание, которое ему представлялось жестоким. И когда он, умягченный такими помыслами, захотел, в неразборчивой своей снисходительности, сгладить жестокость победы мягкосердечием, то подвергся неумолимой кончине, словно бы помраченный всем своим существом⁴³.

4. Вот что такое распознавание, которое именуется не только светильником тела, но даже солнцем, когда у Апостола говорится: *солнце да не зайдет во гневе вашем*⁴⁴. Оно зовется также и окормлением жизни нашей, согласно написанному: *Без окормле-*

ния они осыпаются, словно листва древесная⁴⁵. Его в высшей степени справедливо называют советом, без которого властью Писания воспрещается нам приступать к какому бы то ни было делу, так что даже духовное вино, которое *веселит сердце человека*⁴⁶, не дозволяется нам вкушать без полагаемой этим советом меры, согласно сказанному: *с советом все твори, с советом пей вино*⁴⁷, — и еще: *Как город разрушенный и без стен, так и муж, который делает что-то без совета*⁴⁸. Насколько пагубно для монаха бывает отсутствие этого дара, показывает тот пример и тот образ, который приводится в сем свидетельстве, уподобляющем такового инока граду сокрушенному и лишенному стен.

На нем утверждается мудрость, на нем покоятся разумение и смысл, без которых мы не могли бы ни выстроить наш внутренний дом, ни собрать в нем богатства духовные, по слову Писания: *мудростью создается дом, и разумом воздвигается, и смысл наполняет покои его всяческим драгоценным и прекрасным имуществом*⁴⁹. Оно есть та твердая пища, которую могут вкушать только лишь совершенные и возмужалые, ибо сказано: *твердая пища свойственна совершенным, чей смысл навыком приучен к распознаванию добра и зла*⁵⁰. Оно признается настолько полезным и необходимым для нас, что Писание даже уподобляет его слову Божию и свойствам оного: *Ибо слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и оно распознает помышления и намерения сердечные*⁵¹.

Отсюда со всею очевидностью явствует, что без дара распознавания никакая вообще добродетель не может ни усовершиться, ни устоять”.

И тогда общим мнением, согласным с приговором блаженного Антония, было признано, что именно способность распознавания и есть то, благодаря чему инок уверенными стопами бесстрашно шествует к Богу, соблюдая неповрежденными все упоминавшиеся добродетели. С ее помощью инок может с наименьшей затратой сил взойти к высотам совершенства, без нее же достигнуть этих вершин не в состоянии многие, прилагающие к тому значительно больше усилий. Ибо способность распознавания есть родительница, блюстительница и повелительница всех добродетелей.

5. И дабы это определение, вынесенное в стародавние времена святым Антонием и другими отцами, подкрепить, как обещано, свежим примером, вспомним о том, чему сами вы давеча были свидетелями: как всего несколько дней назад был низвергнут от горних вершин в самую бездну старец Ирон, пятьдесят лет до того подвизавшийся в нашей пустыне. Он, как мы по-

мним, не имел себе равных в строгости воздержания и паче всех прочих здешних насельников стремился к затворнической жизни, проявляя в сем дивное рвение.

Так каким же образом и отчего, после стольких трудов и усилий, старец сей был обманут лукавым и своим столь тяжким падением поверг в самую горькую скорбь всех живущих в этой пустыне? Не оттого ли, что он, в недостаточной степени обладая способностью к распознаванию, предпочитал руководствоваться более своими собственными решениями, нежели советами и беседою братиев или наставлениями старших? Ибо он всегда с такою твердостью предавался неукоснительному воздержанию в посте и столь неотступно стремился к уединению и затворничеству в своей келии, что даже благоговение пред празднеством Пасхи никогда не могло подвигнуть его на участие в братской трапезе. И когда ради ежегодной торжественной трапезы все братия задерживались в церкви, он один не мог присоединиться к ним, чтобы не показалось, что он, вкусив хотя бы самую малость овощей, дал себе послабление.

Ведь, введенный в соблазн этим своим ошибочным мнением, он с величайшим благоговением принял ангела сатаны, словно тот был Ангелом света, и, с готовностью исполняя его приказание, позволил столкнуть себя в колодезь, глубину которого невозможно было измерить взором, ибо не усомнился в посулах ангела своего, уверявшего, будто ему, по заслугам его подвигов и добродетелей, это не сможет уже причинить решительно никакого вреда⁵². И чтобы доказать свою веру в это, испытав собственную неуязвимость, ненастною ночью он кинулся в оный колодезь, предполагая подтвердить заслугу своей добродетели тем, что выйдет из него невредимым. И еще горше то, что, когда братия с огромным трудом извлекли его оттуда, уже полумертвого, он, готовясь на третий день распрощаться с жизнью, продолжал столь упорно держаться своего заблуждения, что даже собственная гибель не могла убедить его в том, что он был обманут демонским лукавством. Вот почему лишь благодаря милосердию и человеколюбию тех, кто сожалел о его гибели ради заслуг, приобретенных им столькими трудами за столько лет пустынного жительства, все же удалось получить согласие пресвитера аввы Пафнутия на то, чтобы его не причислили к самоубийцам и не признали недостойным даже поминовения и погребальных почестей, оказываемых усопшим.

6. А что сказать о тех двух братьях, которые обитали в самых дальних пределах Фиваидской пустыни, где некогда жил и блаженный Антоний, и которые, неосмотрительно положившись на свою недостаточную распознавательную способность, отправились в странствие по бескрайним просторам безлюдной пустыни,

решив отказаться от всякой пищи, кроме той, которую ниспошлет им Сам Бог? Когда их, заплутавших в пустыне и уже умирающих с голоду, издали заметили мазики⁵³ (а это племя превосходит лютостью и жестокостью едва ли не все другие дикие народы, так как на пролитие крови их толкает не жажда добычи, как многие племена, но одна лишь свирепость нрава) и, вопреки природной своей лютости, поспешили навстречу с хлебом, то один из братьев, благодаря своей способности к распознаванию, с радостью и признательностью принял эту еду, как ниспосланную Богом, рассудив, что пища сия подана свыше и что не без вмешательства Божиего устроилось так, что те, которые всегда бывали рады человеческой крови, теперь протянули истощенному и изможденному пропитание, от которого зависела его жизнь. А другой, отказавшись от пищи, поскольку ее-де ему предоставили люди, так и помер голодной смертью.

Мы видим, что оба они поначалу руководствовались предосудительным суеверием, однако один, при споспешестве дара распознавания, исправил то, что предпринял по недомыслию и неосмотрительности, другой же, коснея в своем безумном заблуждении и будучи вовсе не искушенным в распознавании, добровольно навлек на себя смерть, каковую Господь желал от него отвести, ибо он не поверил, что по Божией воле устроилось так, что свирепые варвары, позабыв о своей жестокости, предложили им хлебы вместо мечей.

7. Упомянуть ли еще об одном брате, имя которого мне называть не хочется, ибо он жив, и которому на протяжении долгого времени являлся демон в сиянии ангельском, так что он, многократно обманывавшийся исходящими от того неисчислимыми откровениями, принимал его за посланца истины? Ведь, помимо прочего, тот все ночи напролет озарял его келию светом без посредства какого-либо светильника. Под конец же демон приказал ему принести в жертву Богу собственного сына, жившего с ним вместе в монастыре, чтобы, мол, через эту жертву ему сравняться заслугами с праотцем Авраамом. И наущением демонским он был доведен до того, что на деле совершил бы сыноубийство, если бы отрок, видя, как он непривычным образом затачивает нож и разыскивает веревки, чтобы спутать его, словно жертву, приготовленную к закланию, не догадался о готовящемся преступлении и не убежал от него в ужасе.

8. Много времени понадобилось бы на то, чтобы в подробностях рассказать об обольщении того месопотамского монаха, который, затворившись в одиночестве в келии своей, долгие годы предавался такому воздержанию, подражать которому в той стране мало кто смог бы, однако в конце концов был так обманут

дьявольскими видениями и снами, что после стольких трудов и подвигов, каковыми он превзошел всех насельничающих там иноков, пал самым прискорбным образом, обратившись в иудейскую веру и приняв обрезание крайней плоти. Ибо на протяжении долгого времени диавол, желая приучить его к видениям и через то склонить к доверию будущему обману, открывал ему всевозможные наиправдивейшие вещи, притворяясь провозвестником истины. А под конец он показал ему народ христианский, купно с родоначальниками религии нашей и веры, то есть апостолами и мучениками, помраченным и мерзким, и снедаемым немощью, и непотребным, племя же иудейское с Моисеем, патриархами и пророками показал, напротив, пляшущим в величайшем веселии и излучающим яркий свет, и убеждал его поспешить принять обрезание, если только угодно ему приобщиться к награде и блаженству последних.

Но, конечно, никто из этих мужей не оказался бы столь прискорбно обманут, если бы они постарались стяжать пресловутую способность распознавания. Так что примеры падения многих монахов ясно показывают, насколько губительно не обладать распознавательным даром.

9. В ответ *Герман* сказал:

И недавними примерами, и свидетельствами древних Отцов нам с исчерпывающею полнотою было доказано, что способность распознавания духов есть источник и корень всех добродетелей. И потому мы горим желанием услышать, каким образом надлежит добиваться обладания этим даром и каким образом возможно узнать, истинно ли нечто и от Бога ли исходит оно, или же оно ложно и исходит от диавола, дабы, по той евангельской притче, которую ты нам растолковал в предыдущей беседе и в которой повелевается нам сделаться сведущими менялами, мы, увидев отчеканенное на монете изображение истинного царя, сумели подметить, что изображение это запечатлено неправильным образом, и монету ту, как ты выразился во вчерашней беседе, прибегнув к расхожему слову, отбросить как подделку, руководствуясь тою опытностью, которую ты описал нам весьма красноречиво и полно и которую, как тобою было указано, совершенно необходимо обладать духовному и евангельскому меняле.

Ведь что пользы было бы сознать выгоды, проистекающие из этой способности или дара, если бы мы так и остались в неведении относительно того, как нам ее снискать и достигнуть?

10. На это *Моисей* отвечал:

Истинное распознавание достигается единственно через истинное смирение. И первым испытанием такового смирения окажется, если ты не только все то, что намереваешься сделать, но даже

и то, о чем лишь помыслишь, станешь представлять на суд старцев, чтобы, нимало не полагаясь на собственное суждение, всецело соглашаться с их приговором, из их слов узнавая, что надлежит почитать добрым, а что худым. Ибо такое наставление не только научит юношу прямо идти вперед по верному пути распознавания, но и упасет его от любых соблазнов и обольщений диавола.

Ведь никоим образом нельзя обольстить того, кто живет не по своему разумению, но подражая примеру старцев, и лукавому врагу не удастся обмануть неопытность того, кто не склонен из-за порочной стыдливости скрывать зарождающиеся в его сердце помыслы, но допускает или же отгоняет оные, руководствуясь зрелыми суждениями старших. Ибо стоит только открыться в дурном помысле, как он тотчас же утрачивает силу, и еще до того, как будет вынесен приговор распознавательную способностью, премерзкий змий, словно бы извлеченный на свет из мрачной подземной норы силою исповеди и выставленный на позорище, бежит, посрамленный, прочь. Ведь его губительные внушения имеют над нами власть лишь до тех пор, пока они заперты в нашем сердце.

И чтобы вам крепче усвоить истинность этой мысли, я поведаю вам о том, что случилось с аввой Серапионом²⁴ и что он сам весьма часто рассказывал в назидание младшим.

11. «Когда,— говорил он,— я был совсем еще юным отроком и состоял при авве Феоне, то по дьявольскому внушению я усвоил себе привычку, состоявшую в том, чтобы всякий день, после того, как в девятый час мы подкрепимся вместе со старцем, один хлебец украдкой прятать за пазуху, а ночью потихоньку его съесть без ведома старца. Таковую кражу я повторял без конца, как по попустительству собственной воли моей, так и вследствие неудержимости этого внушенного мне желания, однако как только сие преступное вожделение бывало утолено, я приходил в себя и гораздо более сокрушался о содеянном мною воровстве, нежели наслаждался съеденным.

И вот, в то время как я, со скорбью сердечной, был вынужден нести эту тягостную повинность, словно бы это были камни, взваленные на меня надсмотрщиками фараона, не решаясь, однако, вырваться из-под жестокого гнета и смущаясь открыться старцу в своем воровстве, случилось так, что по изволению Бога, пожелавшего избавить меня от сего рабского ига, в келию старца пришли некие братья, чтобы получить от него наставление. После того, как покончено было с трапезой, они приступили к духовной беседе, и старец, отвечая на заданные ими вопросы, принялся рассуждать о пороке чревоугодия и о тайных помыслах, объяснив природу оных и ту жесточайшую силу, каковою они

обладают, покуда не будут открыты. А тем временем я, пораженный его словами и терзаемый угрызениями уличенной совести (словно я думал, будто все это говорилось из-за того, что Бог открыл старцу тайну моего сердца), сначала стал потихоньку вздыхать, а затем, поскольку сердце мое все более сокрушалось, разразился откровенными рыданиями и слезами. При этом я вынул из-за пазухи, бывшей свидетельницей и соучастницей моего воровства, сухарик, который я стащил по греховной своей привычке, чтобы втихомолку его съесть, и, выложив его на стол, бросился наземь и исповедался в том, как я каждый день предавался тайноядению, а затем, проливая потоки слез, стал умолять, чтобы они испросили у Бога избавления моего из сего жестокого плена.

Тогда старец рек: «Будь же благонадежен, отроче, ибо исповедь твоя избавила тебя из плена сего даже и без моего заступничества. Днесь увенчал ты себя победою над своим врагом, тем решительнее повергнув его своим признанием, чем сильнее он прежде одолевал тебя из-за твоего молчания. И если бы враг сей не встретил отпора от тебя самого или еще от кого-то, то тем самым ты позволил бы ему и по сию пору властвовать над тобою, согласно словам Соломоновым: *Нескоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло*⁵⁵. А потому, после этого прилюдного твоего признания, сей поганый дух уже не сможет потревожить тебя, и отныне ужасный змий уже не устроит в тебе своего убежища, будучи исторгнут добровольным признанием из мрака сердца твоего на свет».

И не успел еще старец закончить сих слов, как у меня из-за пазухи явилась лампада зажженная и до такой степени наполнила келию серным духом, что от этого смрада мы едва могли усидеть на месте.

Тут старец возобновил свое увещание, молвив: «Се, Господь зримым образом подтвердил тебе истинность моих слов, чтобы ты увидел воочию, что возбудивший в тебе эту страсть соблазнитель извергнут из твоего сердца добровольным признанием, и чтобы это открытое его изгнание убедило тебя, что сделанный видимым враг впредь уже никогда не сможет водвориться в тебе».

И действительно, — продолжал он, — как старец и полагал, силою исповеди сей прекращена была власть надо мною той диавольской тирании, и она столь необратимо утратила свою действительность, что враг никогда не пытался даже просто напомнить мне об этом бывшем моем вожделении, и никогда после я не замечал за собою, чтобы что-то подталкивало меня, возбуждая во мне желание совершить подобное воровство”.

Ту же самую мысль мы находим и у Екклесиаста, где она превосходно выражена. *Если змей ужалит без заговаривания, то тогда у знахаря не будет достатка*⁵⁶, — говорит он, указывая, что всего губительнее укус змеи молчаливой, то есть что если посредством исповеди диавольские внушения и помыслы не будут открыты некоему знахарю, или мужу духовному, который умеет стихами Писаний тотчас же уврачевать рану и исторгнуть из сердца смертельный змеинный яд, то тот не сможет прийти на помощь тому, кому угрожает гибель.

Итак, легче всего мы можем сделаться сведущими в подлинном распознавании духов именно этим способом, состоящим в том, чтобы, следуя по пятам за старшими, мы даже не помышляли что-либо самостоятельно предпринять или распознать, полагаясь на наше собственное суждение, но совершали свой путь, во всем руководствуясь их советами или примером их доброй жизни. Укрепившись же подобными наставлениями, каждый сможет не только достичь совершенства в науке распознавания, но и останется неуязвимым для всех вражьих козней. Ибо нет другого такого порока, которым диавол столь же стремительно увлекал бы монаха в погибель, как тогда, когда убедит его пренебречь советами старцев и полагаться на собственное мнение и суждение.

Ведь коль скоро никакие ремесла или науки, доступные человеческому дарованию, которые служат лишь обустройству здешней временной жизни, то есть тому, что можно пощупать руками и увидеть глазами, не могут быть надлежащим образом освоены без обучения у наставника, то сколь же нелепо думать, будто наставника не требует только эта одна наука, сокровенная и незримая, которая постигается лишь самым чистым сердцем и ошибка в которой несет с собою не временный ущерб, который можно легко исправить, но проклятие души и вечную смерть!

Ибо денно и нощно здесь происходит сражение не с видимыми, но с невидимыми и безжалостными врагами, и не с одним или двумя, но против бесчисленных толпищ ведется духовная битва, поражение в которой тем более губительно для всех, что противник гораздо опаснее, а схватка незрима. А потому нам должно всегда идти по стопам старцев, соблюдая величайшую осмотрительность, и, отбросив покровы стыда, приносить к ним все, что возникает в наших сердцах.

12. Герман:

Главной причиной этой опасной робости, из-за которой мы стараемся утаить наши дурные помыслы, оказываются случаи, подобные тому, который, как слышали мы, произошел в Сирийских пределах⁵⁷, где во время исповеди некий брат простодушно поведал свои помышления одному старцу, пользовавшемуся вы-

дающей славою, а тот, впав в великое негодование, принял сурово его за них порицать. Вот почему происходит, что мы держим эти помыслы в себе и стыдимся открыться в них старцу, тем самым лишаясь возможности получить целебное снадобье.

13. Моисей:

Подобно тому, как не все юноши в одинаковой мере наделены духовным рвением или наставлены в науках и добронравии, точно так же и все старцы не могут в равной мере оказываться совершенными и достойнейшими. Ведь богатства старцев надлежит измерять не сединами, но усердием, проявленным в юности, и наградами, приобретенными предшествующими трудами. Сказано же: *Чего не собрал ты в юности,— как же можешь приобрести в старости твоей*⁵⁸? Ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется: мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости⁵⁹.

И посему нам надлежит идти по стопам не всех старцев, чьи главы убелены сединами и в пользу которых говорит единственно продолжительность жизни, но внимать советам и увещаниям только лишь тех, о которых нам ведомо, что юные годы их были отмечены похвальным и достойнейшим образом жизни и что они руководствовались не собственными самонадеянными суждениями, но советами старших.

Ведь есть и такие старцы (и, к прискорбию нашему, их большинство), которые, старясь в своей теплохладности и лени, усвоенных ими себе от юности, снискали себе уважение отнюдь не твердостью нравов, но дряхлостью лет. Именно к ним и обращена была укоризна Господа, молвившего через пророка: *Чужие пожирали силу его и он не замечал; седина покрыла его, а он не знает*⁶⁰. Их, повторяю вам, выдвинули в пример юношеству не достойное житие и не похвальная и заслуживающая подражания строгость подвижничества, но только преклонный возраст.

А лукавый враг, в соблазн юношам, возводит их седину в непререкаемый авторитет и, в коварстве своем, спешит обмануть примером их даже тех, которые могли бы быть наставлены на путь совершенства или их собственными, или чужими предостережениями, ввергая их либо в губительное равнодушие, либо в уныние смертное с помощью поучений и наставлений тех старцев.

Теперь же я намереваюсь подкрепить сказанное примерами, однако, чтобы не уподобиться нам тому старцу, который разгласил пороки брата, открывшегося ему, опущу имя действующего лица и изложу только суть дела, чтобы вы могли вынести отсюда полезный урок. Итак, случилось, что к некоему старцу, хорошо нам известному, пришел один юноша, не из числа нерадивейших, и, ища у него помощи и исцеления, простодушно поведал, как

ему докучают плотские помыслы и дух сладострастия, в надежде, что молитвы старца принесут ему облегчение страданий и уврачуют нанесенные ему раны. А вместо этого старец обрушил на него самую яростную хулу, объявив, что жалок и недостойн и не заслуживает даже имени монашеского тот, кого может соблазнять такого рода порочное вожделение, и так уязвил его своим порицанием, что тот покинул его келию в глубочайшем отчаянии и в смертной тоске.

Тогда-то и повстречал его, удрученного сею скорбью и в глубине души помышляющего уже не столько об исцелении, сколько об утолении своего вожделения, Аполлос⁶¹, достойнейший из старцев, который по выражению его лица и сокрушенному виду догадался о скорби и смущении, разрывавших его сердце. Старец принялся допытываться у него о причине такого его огорчения, однако тот на все ласковые уговоры не давал никакого ответа, так что старец, все более убеждаясь, что он не напрасно утаивает от него причину столь великого уныния, стал еще усерднее расспрашивать у него, чем же вызвано его тайное горе. В конце концов, уступив сим расспросам, тот сознался, что направляется в город, чтобы, раз уж, по мнению одного старца, монахом он быть не может и уже не имеет сил обуздать порывы плоти и найти лекарство от искушения, взять себе там жену и, покинув монастырь, возвратиться к мирской жизни.

Однако старец смягчил его ласковым утешением и признался, что и ему самому всякий день досаждают подобные же соблазны, волнуня и разжигая его, а потому тот не должен впадать в совершенное отчаяние или дивиться силе искушения, которое побеждается не столько нашими усилиями, сколько милосердием и благодатию Господа. А затем попросил его отложить задуманное на один-единственный день и, уговорив воротиться обратно в свою келью, сам тем временем с великой поспешностью отправился в монастырь⁶² вышереченного старца. И когда он приблизился к этой обители, то, воздев руки, со слезами произнес следующую молитву: "Господи,— сказал он,— Ты один еси милостивый судия сокровенных сил человека и врачеватель его немощей. Обрати же искушение одного юноши на старца сего, дабы он хотя бы в старости выучился снисходить к слабостям страждущих и сочувствовать юношеской нестойкости".

И вот, едва окончил он эту свою слезную молитву, как тотчас узрел ужасного эфиопа, стоящего против келии того старца и мечущего в него огненные стрелы, каковыми тот оказался тут же изранен, так что, выскочив из келии, стал кидаться из стороны в сторону, словно безумный или пьяный. Старец то забежал внутрь, то выбежал наружу, однако ему невтерпех уже было там оставаться, и он сремглав пустился бежать по той самой дороге, по которой ушел от него тот юноша.

Тут авва Аполлос, видя, что тот словно обезумел от бешенства, понял, что в сердце ему вонзилась та самая огненная стрела дьявола, которую он видел прежде, и что эта стрела невыносимым своим жжением приводила в смятение его ум и в смущение чувства, и, подойдя поближе, спросил: “Куда это ты поспешаешь, и что за причины понуждают тебя позабыть старческую степенность и бежать с юношескою прытью?” И поскольку тот, испытывая угрызения совести и смущаясь своего постыдного возбуждения, вообразил, что причина пожара в его груди обнаружена, и сперва не посмел дать никакого ответа осведомлявшемуся старцу, которому, как он думал, открыты тайники его сердца, то он продолжил: “Возвращайся-ка ты в келию и уразумей, наконец, что доселе ты либо просто не попадался дьяволу на глаза, либо же он тобою пренебрегал, и ты не был включен в число тех, с кем он принужден каждодневно сражаться и состязаться из-за их успехов и ревности. Ведь ты, после стольких лет монашества, впустую тобою потраченных, даже единой его стрелы, выпущенной в тебя, не то что отразить, но хотя бы вытерпеть один-единственный день не смог! А Господь попустил, чтобы ты был ею сражен, дабы ты хоть в старости узнал, как страдать чужой слабости, и на собственном примере выучился тому, как снисходить к нестойкости молодых. Ибо ты, приняв юношу, борющегося с дьявольским искушением, не только не укрепил его своим утешением, но, охваченного пагубным отчаянием, предал его в руки супостата, поскольку именно на тебе лежит вина за то, что он столь злосчастливым образом оказался отдан на растерзание оному. Самого же этого юношу враг, без сомнения, никогда не подверг бы столь яростному нападению (какого он не устаивал тебя вплоть до сегодняшнего дня), если бы, завидуя его будущему преуспеянию, не спешил предотвратить и расстронить своими огненными стрелами ту силу, которую видел в его душе, понимая, конечно, что весьма крепок тот, ополчиться против которого он счел делом стоящим. Так что теперь на своем опыте научись сочувствовать тем, кто пребывает в борениях и подвергается опасности, никогда не повергая их в гибельное отчаяние и не ожесточая их речами слишком суровыми, но, напротив, ободряя их кротким и ласковым утешением, по завету премудрого Соломона, гласящему: *Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убийство*⁶³ — и, по примеру Спасителя нашего, трости надломленной не преломлять и льна курящегося не загашать⁶⁴, но испрашивать у Бога такой благодати, благодаря которой ты и сам мог бы с уверенностью в своих силах и добродетели воспеть: *Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего*⁶⁵. Ибо никто бы не мог одолеть вражьих козни, не мог загасить и заглушить плотский жар, опаляющий нас огнем естества, если бы Божия благодать не помогала немощи нашей, не ограждала и не обороняла нас. И потому теперь, когда исполнилось сие спа-

сительное смотрение Господа, пожелавшего и того юношу избавить от оного губительного распаления, и тебе показать жестокость соблазнов, научив испытывать сострадание, обратимся вместе к Нему с молитвою, чтобы сей пламень, который, ради твоей собственной пользы, Господь счел возможным в тебе поселить, Он же повелел и отнять (*ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют*⁶⁶, Он унижает и возвышает, Он умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит⁶⁷), и чтобы обогненные дьявольские стрелы, которые Он, по моему заступничеству, позволил в тебя вонзить, Он же и загасил щедрою росой Своего Духа".

И вот, с тою же внезапностию, с какою, по Божиему соизволению, охватило его сие искушение, было оно от него Богом отведено по единой молитве старца, однако подвергшемуся сему наглядно было преподано, что он не должен не только осуждать открытых ему кем-либо пороков, но и проявлять хотя бы самую малость высокомерия по отношению к страданиям тех, кто пребывает в борениях.

Пускай поэтому вас ни в коем случае не отвратит и не удержит от сего, как уже было сказано, спасительного пути и от послушания старшим невежество или легкомыслие одного или нескольких старцев, седины которых лукавый употребляет для обольщения юношей. Надлежит, отбросив любые покровы смущения, во всем открываться старцам, с доверием принимая от них врачевание ран или примеры обращения и праведного жития. И если мы вовсе не будем пытаться что-либо предпринять по своему разумению и полагаясь на собственное мнение, то почувствуем их помощь и достигнем тех же высот.

14. Ну, а то, сколь любезно это мнение Богу, подтверждается и Священным Писанием, где не зря мы находим то же самое наставление. Ибо Господь не пожелал Сам наставить отрока Самуила, избранного Им, наукою божественной беседы, но устроил так, чтобы тот дважды с поспешностью обращался к старцу⁶⁸. Он предпочел, чтобы тот, кого Он призвал к собеседованию с Собою, получил наставление от того, кто восставал против Бога, однако был старше, и чтобы тот, кого Он еще прежде, Своим призванием, определил как найдостойнейшего, был научен назиданием старейшего. И это затем, чтобы испытать смирение того, кто призывался на божественное служение, и чтобы образ его покорности послужил примером для младших.

15. Точно так же и Христос, когда призвал Павла и беседовал с ним, мог бы сразу открыть ему путь совершенства, однако предпочел направить его к Анании, чтобы тот поведал ему о пути истины, говоря: *встань и иди в город; и сказано будет тебе*

там, что тебе надобно делать⁶⁹. Так что Он и его отсылает к старцу, рассудив, что ему лучше быть наставленным поучениями того, а не Его Собственными, чтобы, стало быть, то, что было бы правомерно в случае с Павлом, не послужило дурным примером потомкам, когда каждый, в своем самомнении, внушал бы себе, что и ему тоже следует получать наставления и назидания только от Бога, а никак не от старших.

Да и сам Апостол учит нас всеми силами избегать подобного самомнения, — и не только в своих писаниях, но и на деле, своим примером, когда рассказывает, что единственно для того отправился в Иерусалим, чтобы то благовествование, которое он, при споспешестве благодати Духа Святого и силою знамений и чудес, проповедовал язычникам, обсудить совместно со своими братьями и предтечами во апостольстве, представив его на их частный и как бы семейственный суд: *и предложил там ... благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался*⁷⁰.

Итак, найдется ли кто-нибудь, кто будет настолько самоуверен и слеп, чтобы дерзостно полагаться на свое собственное суждение и усмотрение, в то время как сам Сосуд избрания свидетельствует о том, что испытывал нужду в собеседовании с братьями во апостольстве? Откуда с совершенной очевидностью явствует, что Бог никогда не открывает путь совершенства человеку, который, имея, от кого получить поучение, пренебрег бы наукою и наставлением старших, придавая мало значения тому завету, какового нам надлежит держаться особо ревностно: *спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе*⁷¹.

16. Стало быть, вам подобает со всяческим рвением помогать обладания даром распознавания с помощью добродетели смирения, каковая может нас уберечь от обеих крайностей.

Ведь существует древнее изречение: ἀκρότης ἰσότης, то есть: противоположности сходятся. Ибо и чрезмерность постов, и обжорство приводят к одному и тому же концу, точно так же, как излишняя продолжительность бдений наносит монаху тот же ущерб, что и потакание постоянной сонливости. И неизбежно тот, кто проявляет излишество в воздержании, впадает в то же состояние расслабленности, в котором пренебрегающий воздержанием пребывает из-за своей нерадивости, так что нередко те, кого заведомо нельзя было уловить через чревоугодие, вводились, как мы знаем, в соблазн через неумеренные посты и, вследствие ослабления сил, поддавались той самой страсти, которую им прежде удавалось побороть. Равно как и неразумные еженощные бдения побеждали тех, кого нельзя было одолеть сонливостью.

Поэтому, по слову Апостола, говорившего, что с оружием правды, как с верным кормилом, следует обинтоваться того, что справа и слева от нас⁷², мы должны, руководствуясь распознавательною способностью, подвигаться вперед, держась середины между обеими крайностями, и так, чтобы в конце концов нам не споткнуться на указанном нам пути воздержания, но вместе с тем — не поддаться и вожделениям чрева, давая себе потачки.

17. Помню, что прежде я и сам нередко настолько утрачивал охоту к еде, что, когда я воздерживался от вкушения пищи по два и по три дня, то даже и тени мысли о ней мне не всходило на ум. Случалось также, что диавол своими кознями так отгонял от очей моих всякую дрему, что я на протяжении множества дней и ночей умолял Господа навевать на меня хотя бы самый короткий сон. В конце концов я увидел со всю ясностью, что отвращение к пище и сну угрожает мне большими опасностями, нежели лень и чревоугодие.

Итак, нам следует не только печься о том, чтобы, потакая плотским желаниям, не уступить губительной слабости и не позволить себе до назначенного срока вкусить пищу или дать себе волю в еде, не соблюдая в сем меры, но надобно также и давать себе отдых и подкрепление в положенные часы, даже если сие вызывает у нас отвращение. Ведь и та, и другая напасть учиняется подстрекательством диавола, и неумеренное воздержание таит в себе более опасный соблазн, нежели уступка обжорству. Ибо от последнего еще можно вернуться к строгой умеренности через спасительные угрызения совести, а от первого уже невозможно.

18. *Герман:*

Что же это за мера в воздержании, руководствуясь которой мы могли бы миновать обе эти крайности?

19. *Моисей:*

Как известно, об этом предмете нередко заходили разговоры у наших отцов. И, обсудив способы воздержания разных монахов, которые поддерживали свою жизнь, употребляя в пищу только овощи, или зелень, или плоды, остановились они на питании одним хлебом, наилучшею мерой которого положили две *паксамы*⁷³, то есть два малых хлебца общим весом никак не более фунта.

20. Это привело нас в веселие, и мы ответили, что никогда не считали сие мерою воздержания, так как такое количество хлеба мы никогда не могли съесть целиком.

21. Моисей же сказал:

Если вы желаете испытать силу этого правила, то постоянно держитесь сей меры, не вкушая сверх нее ничего скоромного и вареного⁷⁴ ни в воскресный или субботный день, ни по случаю посещения кого-то из братьев. Ведь эта добавка мяса не только позволяла бы монаху во все последующие дни довольствоваться меньшим количеством пищи, но и без всяких усилий вообще отказаться от очередной трапезы, поскольку его поддерживали бы те лишние яства, которые он вкусил. Однако сделать такое и отложить вкушение хлеба до следующего дня никоим образом не в силах был бы тот, кто постоянно довольствовался бы выше-названной мерою. И я помню, что наши старцы (а впрочем, и нам самим приходилось это испытывать) с таким трудом и борениями переносили подобное воздержание и с такими усилиями и гладом соблюдали указанную меру, что чуть ли не против собственной воли и не без вздохов и сожалений устанавливали себе этот предел.

22. Однако самое главное правило воздержания состоит в том, чтобы каждый, сообразуясь со своими телесными силами или возрастом, позволял себе столько пищи, сколько требуется для поддержания плоти, а не сколько потребует стремление к сытости. Ибо всякий, кто, не придерживаясь меры, то заставляет свое чрево сжиматься из-за суровых постов, то растягивает его излишествами в еде, в обоих случаях причиняет себе наибольший вред: Ведь если ослабленный вследствие недостатка пищи ум губит живую молитву, поскольку изнуренная плоть склоняет его к сонливости, то точно так же, и будучи отягощенным многоядением, он не сможет уже возносить к Богу чистых и легких молитв. Не сможет он также и сохранить в чистоте свое целомудрие, поскольку даже в те дни, когда ему кажется, что он очищает плоть самым строгим постом, вещество съеденной им ранее пищи поддерживает в нем огонь плотского вожделения.

23. Ведь то, что, вследствие обильной трапезы, скопилось во внутренностях, необходимо оттуда удалить и извергнуть по закону самого естества, каковое не терпит в себе избытка вредной и противной ему влаги. И потому нам следует очищать наше тело разумным и размеренным воздержанием в пище, дабы, коль скоро мы, оставаясь пока во плоти, не можем вовсе избегнуть сего естественного отправления, то хотя бы это происходило с нами как можно реже и эта влага оскверняла нас не чаще трех раз в течение года. Но и это должно происходить во время безмятежного сна, не нарушаемого никакими соблазнительными видениями, свидетельствующими о тайном сладострастии.

Вот почему разумная и постоянная мера в воздержании, о которой мы говорили и которая снискала одобрение наших отцов, состоит в том, чтобы ежедневно вкушению хлеба постоянно сопутствовало бы ощущение голода, что сохраняло бы тело и душу всегда в одном состоянии и не позволяло бы уму ослабеть из-за непосильного поста или отяжелеть от излишней сытости. Цель же такого рода умеренности состоит в том, чтобы после вечерни нам уже не ощущать съеденной пищи и даже не думать о ней.

24. Правда, достигнуть сего можно, лишь затратив большие усилия, так что те, чьи распознавательные способности несовершенны, предпочитают даже продлевать посты до двух дней, откладывая на завтра то, что им полагалось бы съесть сегодня, лишь бы только, когда они приступят к трапезе, ими овладела желанная сытость.

Вот и совсем недавно Вениамин, который, как вы знаете, прежде довольно долго жил в вашем граде, не желая ради равномерного очищения постоянно соблюдать эту скудную меру и съедать ежедневно по два хлеба, решил поститься по два дня кряду — с тем, чтобы, когда он приступит к трапезе, двойная мера насыщала бы его чрево, то есть, чтобы, съедая четыре хлеба, насладиться достигнутой сытостью, а переполнение чрева как бы уравновесить затем двухдневным постом.

И вы, без сомнения, помните, к чему привело его это упрямое стремление руководствоваться собственным разумением, а не заветами старцев. Он, покинув пустыню, вновь обратился к тщете мирской философии и суете века сего, и пример его падения подтверждает тот приговор древних отцов, о котором мы говорили ранее. Ибо своею гибелью он всех учит тому, что никто не может достигнуть вершин совершенства, полагаясь лишь на свои собственные мнения и решения, но всенепременно окажется обольщен губительным диавольским соблазном.

25. Герман:

Но каким же образом можем мы постоянно соблюдать эту меру? Ведь случается, что уже после того, как мы в девятый час разрешились от поста, нас посетят братья. И тогда нам придется либо нечто прибавить, ради их посещения, к установленной и обычной для нас мере, либо поступиться требованиями гостеприимства, каковое нам заповедано оказывать всем.

26. Моисей:

Нам надлежит с одинаковой ревностью соблюдать и то, и другое. Ведь ради нашей воздержности и чистоты мы должны с

особым тщанием придерживаться меры в еде, но, в то же время, ради любви к братьям мы должны проявить гостеприимство и уважение по отношению к пришедшим, ибо было бы негоже, если бы ты, предлагая в лице брата угощение Самому Христу, не вкусил вместе с ним пищи или отказался бы от трапезы с ним.

Однако мы избежим обвинений и в том, и в другом, если будем держаться того обычая, чтобы, съев в девятый час один из двух хлебцев, которые полагаются нам, согласно установленной правилом мере, другой — в ожидании гостей — мы припасали на вечер. Тогда, если нас посетит какой-нибудь брат, мы сможем вкусить сей хлебец вместе с ним, ничего не прибавив сверх обычной для нас меры. И благодаря такому порядку нас никогда не огорчит посещение брата, которое должно приводить нас в великую радость. Но при этом мы таким образом выкажем ему свое братолюбие, чтобы ни в чем не отступить от строгого воздержания.

Ну, а если никто не придет, то мы также можем беспрепятственно съесть свой хлебец, поскольку этим мы не нарушим установленной меры. И такая малость даже вечером не отяготит нашего чрева, так как первый хлебец мы уже съели в девятый час. А ведь именно это и происходит чаще всего с теми, кто, полагая, что придерживается более строгого воздержания, всю трапезу целиком переносит на вечер. Ибо недавно принятая пища не позволяет сохранить чистоту и легкость ума при вечерних и ночных молитвах. И потому весьма удобно и полезно для нас то, что для трапезы отведен нам девятый час, ибо, вкушая пищу в этот час, инок не только имеет легкое и пустое нутро во время ночных бдений, но уже бывает совершенно подготовлен даже и к вечернему богослужению, успев переварить съеденное.

Так Моисей даже дважды угостил нас пиршеством наставлений, ибо если в теперешнем своем слове он показал нам, что такое дар и сила распознавания, то в беседе давешней он разъяснил, в чем состоит смысл отречения от мира, а также усмотрение и цель монашеского призвания, чтобы то, к чему мы прежде стремились с таким духовным рвением и ревностью о Боге, однако словно бы с закрытыми глазами, теперь сделалось для нас яснее дня и позволило понять, до чего же прежде мы уклонялись от чистоты сердечной и от правильного пути. Ибо ведь даже обучение всем зримым искусствам в сем веке не может осуществляться без предумышленного усмотрения и достигать успеха без правильного видения цели.

¹ Моисей — ливийский пресвитер, которого следует отличать от другого знаменитого Моисея, также упоминаемого Кассианом, но жившего

раньше, — Моисея Эфиопянина, или Мурина, который первоначально был разбойником. Палладий в “Лавсаике” 74 называет Моисея мужем исключительной кротости и братолюбия, обладавшим даром исцелений.

² Счит — место уединения египетских пустынников, расположенное на плоскогорье, отделявшем Нитрийскую долину от Сухой реки, в трех днях пути от Нитрии. Основателем пустынножительства в Ските был преподобный Макарий Египетский. Возможно, что иногда Кассиан пользуется этим именем в расширительном смысле.

³ Киновия — монашеское “общезитие”, древнейшая форма монастырской жизни.

⁴ На русском языке трудно адекватно передать семантическое различие между греческими словами σκοπός и τέλος, которые у Кассиана переводятся как destinatio и finis. И то, и другое слово означает “цель”, однако в первом случае подразумевается ближайшая цель, т.е. практический план действий, как бы “прицел”, а во втором случае — конечная цель, causa finalis, и как бы уже результат попадания в цель. Мы переводим σκοπός как “усмотрение”, а τέλος и finis — как “цель”, хотя семантически правильная, очевидно, была бы и оппозиция “цель” — “конечная причина”.

⁵ Рим. 6, 22.

⁶ Ср. Матф. 6, 21.

⁷ См. Есф. 6, 1 и сл.

⁸ Пс. 84, 9.

⁹ Зах. 1, 14.

¹⁰ Ср. Ин. 14, 23.

¹¹ Матф. 10, 20.

¹² Т.е. у апостола Павла.

¹³ 2 Кор. 13, 3.

¹⁴ Ср. 2 Кор. 11, 14.

¹⁵ Ин. 13, 2.

¹⁶ Ин. 13, 27.

¹⁷ Деян. 5, 3.

¹⁸ Возможно, Матф. 5, 25?

¹⁹ Еккл. 10, 4.

²⁰ 3 Цар. 22, 22.

²¹ Пс. 76, 6-7 (по Септуагинте).

²² Пс. 93, 11.

²³ Притч. 12, 5.

²⁴ Матф. 9, 4.

²⁵ Здесь и в следующей беседе речь идет о даре распознавания духов (discretio spirituum). Само это выражение заимствовано из апостола Павла (см. 1 Кор. 12, 10) и традиционно переводится как “различение духов”, однако слово “различение” предполагает в данном контексте скорее идею опознания, чем разграничения, что явствует из той аналогии, которую ниже подробно рассматривает Кассиан; поэтому в дальнейшем мы переводим discretio как “распознавание”.

²⁶ Матф. 25, 27?

²⁷ 1 Ин. 4, 1.

²⁸ См. Ис. Нав. 7, где речь идет не об Ахоре, но об Ахане. “Аллофилы” — греч. слово, которым в Септуагинте обозначаются филистимляне.

²⁹ Ср. Пс. 90, 11-12; Матф. 4, 6.

³⁰ Ср. Матф. 18, 8.

- ³¹ Притч. 16, 25 (по Септуагинте).
³² Притч. 11, 15 (по Септуагинте).
³³ Там же.
³⁴ Иоанн Ликонский, или Иоанн Ликопольский — знаменитый старец, живший в келии на горе Лико. О своем посещении этого старца и о его пророческом даре рассказывает Палладий в “Лавсаике” 38-41; о его чудесах повествует также Руфин в “Жизни пустынных отцев”; о нем упоминает Августин в “Граде Божиим” 5, 26 и многие другие писатели.
³⁵ Матф. 6, 19.
³⁶ Притч. 23, 1-2 (по Септуагинте).
³⁷ 1 Кор. 12, 8-11.
³⁸ Антоний Великий умер ок. 355 г., перешагнув за столетний возраст.
³⁹ Матф. 25, 34-35.
⁴⁰ Матф. 6, 22-23.
⁴¹ Матф. 6, 23.
⁴² См. 1 Цар. 15.
⁴³ См. 3 Цар. 20.
⁴⁴ Ефес. 4, 26.
⁴⁵ Притч. 11, 14 (по Септуагинте).
⁴⁶ Пс. 103, 15.
⁴⁷ Притч. 31, 3 (по Септуагинте).
⁴⁸ Притч. 25, 28 (по Септуагинте).
⁴⁹ Притч. 24, 3-4 (по Септуагинте).
⁵⁰ Евр. 5, 14.
⁵¹ Евр. 4, 12.
⁵² Ср. 2 Кор. 11, 14.
⁵³ Мазики, или мазаки, — дикое племя кочевников, обитавшее в Нумидии.
⁵⁴ Речь идет, вероятно, об арсинойском пресвитере, авве Серапионе, настоятеле многих монастырей, под началом которого находилось ок. 10 тысяч монахов. Ему принадлежит пятое собеседование. О нем также рассказывает Палладий в “Лавсаике” 66 и Руфин в “Жизни пустынных отцев” 18.
⁵⁵ Еккл. 8, 11 (по Септуагинте).
⁵⁶ Еккл. 10, 11 (по Септуагинте).
⁵⁷ Т.е. в Палестине.
⁵⁸ Сир. 25, 5.
⁵⁹ Прем. 4, 8-9.
⁶⁰ Ос. 7, 9.
⁶¹ Аполлос — старец, слава которого соперничала со славой Иоанна Ликопольского. О его чудесах и его поучениях подробно рассказывает Палладий в “Лавсаике” 46. О нем упоминают и многие другие церковные историки.
⁶² В данном случае монастырь — это просто келья, место уединения.
⁶³ Притч. 24, 11 (по Септуагинте).
⁶⁴ Ср. Матф. 12, 20.
⁶⁵ Ис. 50, 4.
⁶⁶ Иов. 5, 18 (по Септуагинте).
⁶⁷ 1 Цар. 2, 6-7.
⁶⁸ См. 1 Цар. 3.
⁶⁹ Деян. 9, 6.
⁷⁰ Гал. 2, 2.

⁷¹ Второзак. 32, 7.

⁷² См. 2 Кор. 6, 7.

⁷³ Паксама (греч.) — небольшая сухая ячменная лепешка, наподобие матросских галет, которую нужно было размачивать перед едой. Название происходит от имени Паксамаса, писавшего о приготовлении пищи и, в частности, — о пище, употреблявшейся воинами во время походов.

⁷⁴ Вареной пищей обычно служила чечевица, приправленная небольшим количеством масла или меда.

Лев Великий

За всю историю западного христианства только два папы удостоились титула “Великих”, и первым из них был папа Лев I.

О его происхождении, месте и дате рождения почти ничего не известно. Вероятно, он родился в самом конце IV в. и, по некоторым свидетельствам, принадлежал к этрусскому роду. Расположенный высоко в горах к юго-востоку от Пизы город Вольтерра, по традиции, претендует на то, чтобы считаться местом его рождения, однако эта традиция документально никак не подкреплена. Сам папа впоследствии упоминал о Риме как о своей родине, что, впрочем, не обязательно предполагает, что он действительно был тамошним уроженцем: возможно, его семья, спасаясь от вторгшихся в Италию готов, переселилась в Рим в начале V в.

Очевидно, свою церковную карьеру будущий папа начал в ранней юности: трудно удержаться от соблазна отождествить с ним того упоминаемого Блаженным Августином аколута Льва, которому поручено было доставить африканским епископам послания, адресованные им папой Зосимом. Однако других указаний на его деятельность при папе Зосиме и его ближайших преемниках не сохранилось. Вместе с тем, в последние годы понтификата Целестина он уже занимал достаточно заметное положение в окружении папы, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что именно Лев, озабоченный необходимостью предупредить западных христиан об опасностях распространившегося на Востоке несторианства, обращается к Иоанну Кассиану с просьбой написать сочинение, разъясняющее православную точку зрения по христологическому вопросу. В предисловии к написанному в ответ на эту просьбу трактату “О воплощении Господа” сам Иоанн Кассиан, далеко превосходящий будущего папу Льва годами и славою, обращается к нему как к “почтенному другу” и именует его “украшением Римской Церкви и священства”.

Приблизительно в это время Льва рукополагают во диакона, и после смерти папы Целестина в 432 г. он становится ближайшим помощником и советчиком новоизбранного папы Сикста III, принимая самое активное участие в решении чисто богословских проблем (в частности, в полемике с пелагианами) и в политичес-

кой жизни. В эти годы авторитет архидиакона Римского настолько упрочился, что после кончины папы Сикста в 440 г. епископы Римской Церкви, проявив редкостное единодушие, направили своих посланцев к находившемуся в тот момент в Галлии с важной политической миссией Льву, призывая его безотлагательно возвратиться в Рим и занять папский престол.

Его рукоположение во епископа Римского состоялось 29 сентября 440 г., и по этому поводу новый папа произнес свою первую проповедь из числа тех, которыми он впоследствии неизменно отмечал годовщину своего вступления на Римскую кафедру. В этой проповеди он выразил благородную уверенность в своих силах, радостную готовность принять на себя обязанности, налагаемые высоким саном, и убежденность в своем божественном призвании. Всей своей последующей деятельностью папа Лев I, понтификат которого длился 21 год, доказал правоту подобной самооценки.

С самого начала папа Лев заявил о себе как непримиримый борец за чистоту христианской веры, предприняв решительные шаги для искоренения манихейства (принесенного в Италию беженцами из Северной Африки, подвергшимися преследованиям со стороны вандалов, приверженных арианству и одинаково нетерпимых к православным христианам и к манихеям), пелагианства (и той его формы, которая впоследствии получила название "полупелагианства") и монофиситской ереси еutihiana.

Не будучи выдающимся богословом, папа Лев, тем не менее, отличался безупречным чутьем в вопросах вероучения, а также исключительной принципиальностью, последовательностью и здравомыслием, позволявшими ему неизменно занимать правильную позицию в многочисленных богословских спорах эпохи. При этом в своих суждениях он всегда опирался на доскональное изучение спорной проблемы и отвергал какую-либо точку зрения как неправославную лишь после того, как получал исчерпывающие доказательства ее несостоятельности. Все это немало способствовало укреплению авторитета Римской кафедры в решении догматических вопросов. Хотя сам папа Лев в продолжение своего понтификата как правило избегал покидать пределы своей епархии, однако его легаты принимали деятельное участие в Константинопольском, Втором Эфесском и в Халкидонском соборе, а знаменитый *Томос* Льва Великого (догматическое послание к патриарху Константинопольскому Флавиану, 451 г.) лег в основу принятого в 451 г. Халкидонским собором вероопределения, опровергающего заблуждения как несториан, так и монофиситов.

Активная внешняя политика папы Льва, направленная на укрепление связей с Восточными Церквями, и в особенности блистательная победа на Халкидонском соборе придавали большую убедительность традиционным притязаниям Римской епископ-

ской кафедры на обладание особыми прерогативами, унаследованными непосредственно от апостола Петра как главы апостольской коллегии. Сам Лев Великий с чрезвычайной серьезностью относился к обоснованию этих прерогатив, однако очевидно, что именно масштабы его собственной личности позволили ему стать общепризнанным родоначальником средневекового папства.

Второе десятилетие понтификата Льва Великого было отмечено еще одним важным событием, благодаря которому папа снискал себе прочную славу спасителя отечества. В 452 г. гунны Аттилы, своею дикостью и свирепостью наводившие ужас даже на прочно обосновавшихся в Галлии готов, захватили северо-восточную Италию и готовы были двинуться на Рим. Надежды остановить их практически не было, однако император Валентиниан все же отрядил к Аттиле представительное посольство, в котором принял участие и сам папа. Вопреки ожиданиям, это посольство увенчалось полным успехом, который последующие историки объяснили присутствием папы и сверхъестественным заступничеством. Например, Павел Диакон сообщает о встрече варварского царя и римского первосвященника на берегах озера Гарда, близ Мантуи, следующее: "Рассказывают, что, когда по уходе епископа приближенные спросили Аттилу, отчего он, вопреки своему обычаю, обнаружил такую робость в отношении к папе Римскому, подчинившись едва ли не всем его требованиям, царь отвечал, что ему внушил робость не сам приходивший муж, но что он узрел стоящего подле него другого мужа в священническом облачении, еще более величественного видом и убеленного сединами, который обнажил меч и грозил ему страшную смерть, если он не исполнит всего, что от него требовали" (Hist. Rom. 14, 12, 2). Последующие поколения отождествили таинственного небесного заступника с самим апостолом Петром, а Рафаэль запечатлел эту сцену на стенах Камера делла Сегнатура в Ватикане.

Папа Лев I скончался 10 ноября 461 г. и был погребен в левой стороне портика базилики Св. Петра в Риме. В 688 г. его мощи были перенесены на более почетное место внутри самой базилики, а следующее перенесение мощей осуществили тогда, когда древняя Константинова базилика уступила место нынешнему собору, воздвигнутому по проекту Браманте и Микеланджело. Теперь его останки покоятся под алтарем, барельеф на котором изображает знаменитую встречу у озера Гарда.

Корпус сочинений Льва Великого составляют письма (значительная часть которых была, вероятно, просто составлена в его канцелярии) и проповеди, в большей степени, нежели письма, характеризующие его личность. В настоящее время признается аутентичность 96 проповедей папы Льва; большинство из них поддается точной датировке и относится к первым десяти-две-

надцати годам его епископства (возможно, в последующий период папа уже не мог уделять много времени проповеднической деятельности). Отличительной особенностью этих проповедей является краткость, очевидная при сравнении их, например, с проповедями Иоанна Златоуста или Кирилла Александрийского. На этом основании некоторые исследователи выдвигали предположение, что мы располагаем проповедями папы Льва не в полной, а лишь в сокращенной редакции. Однако более убедительна другая точка зрения, согласно которой "слова" Льва Великого — это, в большинстве случаев, не собственно литургическая проповедь, предполагающая толкование определенного евангельского или апостольского текста, а завершающее службу краткое пастырское увещание, разъясняющее духовный смысл соответствующего события или праздника, отмечаемого Церковью, и содержащее конкретные наставления верующим.

Стиль проповедей Льва Великого характеризует несколько холодная отточенность формы: очевидна приверженность автора к построению уравновешенных и изящных периодов, ритмическим каденциям и исчерпывающим параллелизмам. Однако в сравнении с лучшими образцами греческой гомилетики той же эпохи литературные достоинства проповедей папы Льва выглядят очень скромными: их не отличает ни яркая образность, ни метафизическая глубина, ни увлекающее слушателей воодушевление. Впрочем, сдержанность, краткость, ясность, строгость и простота этих проповедей должны были в полной мере отвечать потребностям паствы, к которой они были обращены, так что многие поколения западных проповедников рассматривали их как идеальный образец для подражания.

Слово 7

На Рождество Господа слово седьмое

1. Возлюбленные! Истинный благодетель и благоговейный почитатель сегодняшнего праздника — тот, кто не мыслит чего-либо ложного о Воплощении Господа или чего-либо неподобающего о Его Божественности, ибо столь же губительно отрицать в Нем подлинность нашего естества, как и отрицать Его равенство славе Отца. Итак, коли нам предстоит постигнуть смысл таинства Рождества Христова, в котором Он был рожден от Матери-Девы, то пусть рассеется сумрак земных понятий и с очей просвещенной веры¹ пусть будет совлечена пелена мирской мудрости, ибо мы опираемся здесь на Божественное свидетельство и следуем Божественному научению. Но, преклоним ли мы наш внутренний слух ко свидетельству Закона, к прорицаниям Про-

роков или к трубному гласу Евангелий², — истинно то, что провозгласил блаженный Иоанн, исполнившись Духа Святого: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца*³. Равно как и то, что сей же проповедник прибавил далее: *Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*⁴.

А значит, в том и в другом естестве пребывает все тот же Сын Божий, усваивающий присущее нам, не утрачивая Своего собственного, и в человеке обновляющий человека, оставаясь неизменным в Себе Самом. Ведь Божественность, которую Он делит с Отцом, не претерпела убыли всемогущества, и *рабский образ* не умалил образа *Божиего*⁵, ибо высшая и вечная Сущность, уничтожив Себя для спасения рода людского, тем самым и нас возвела в Свою славу, не покинув, однако, того, что составляло суть Ее бытия. Поэтому, когда Единородный исповедует Себя меньшим Отца⁶, Кому Он называл Себя равным⁷, то сим Он являет, что оба образа истинны для Него: неравенством удостоверяется человеческий, а равенством указывается на Божественный.

2. Итак, плотское рождение ничего не убавило от величия Сына Божия и ничего к нему не прибавило, поскольку сущность неизменяемая не может ни убывать, ни прирастать. Ведь то, что *Слово стало плотью*, вовсе не означает, будто природа Бога переменилась на плотскую⁸, но означает, что плоть была восприимчива Словом в единство Его Лица⁹. Во всяком случае, здесь под этим именем¹⁰ подразумевается весь человек, с которым во чреве Девы, оплодотворенном Духом Святым так, чтобы оному никогда не лишиться девства, Сын Божий соединился столь нераздельно, что Тот, Кто вне времени произошел от сущности Отца, во времени порожден был от чрева Девы. Ибо мы могли быть избавлены от оков вечной смерти не иначе как в том случае, если бы меж нами уничтожил Себя Тот, Кто у Себя по-прежнему пребывал Всемогущим.

Так что Господь наш Иисус Христос, рождаясь истинным человеком, однако же никогда не переставая быть истинным Богом, в Себе положил почин возникновению *новой твари*¹¹ и в образе рождения Своего даровал духовное начало человеческому роду, дабы, во упразднение последствий плотского рождения, без греховного семени стать родоначальником тех, кому уготовано возрождение и о ком говорится, что они *не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились*¹².

Но чей ум был бы в силах уразуметь это таинство или чей язык поведать о сей благодати? Беззаконие применяется в не-

винность, а ветхое в новое¹³, чужие усыновляются и сторонние вступают в права наследства. Из нечестивых они становятся праведными, из скупых щедрыми, из невоздержных чистыми, из перстных небесными¹⁴.

Что же знаменует сие изменение, как не *изменение десницы Всевышнего*¹⁵? Ибо Сын Божий пришел *разрушить дела диавола*¹⁶, и так смешал Себя с нами, а нас с Собою, что нисхождение Бога до человеческого стало возвышением человека до Божественного.

3. Однако, возлюбленные, при сей обращенной на нас милости Божьей, величие каковой невозможно выразить, христианам с особенным тщанием надобно остерегаться того, чтобы снова не ввергнуться в сети диавола и опять не запутаться в тех заблуждениях, от которых они отrekliсь¹⁷. Ибо ветхий враг, притворяясь ангелом света, не перестает расставлять повсюду силки обманов, стараясь о том, чтобы как-нибудь повредить веру уверовавших. Уж он-то знает, на кого воздействовать жаром похоти, кому внушить соблазны чревоугодия, к кому применить прельщения роскоши, кого опойть отравой зависти; ему известно, кого смутить унынием, кого уловить веселием, кого сломить страхом, кого совратить лестью. Он разузнаёт о привычках каждого, вникает в заботы, выведывает чувства и находит случаи навредить повсюду, где обнаруживает, что кто-то особенно чем-либо увлечен.

А многих из тех, кого ему удалось опутать прочнее, он приспособляет для осуществления своих собственных происков и использует их умения и уста для оболыщения прочих. От их имени он сулит исцеление от недугов, предсказание будущего, умиловивление демонов и изгнание духов. Прибавьте сюда и тех, которые врут, будто все обстоятельства человеческой жизни зависят от влияния звезд, и то, что находится во власти Божественной или нашей собственной воли, приписывают неотвратимой судьбе. Правда, при этом они, чтобы вернее нам навредить, клятвенно заверяют, будто последнюю изменить все-таки можно, если умиловивить враждебно расположенные светила. Так что это нечестивое измышление подрывает себя самое, ибо если предсказанное можно предотвратить, то тогда нет причин опасаться своей судьбы, если же оно неотвратимо, то тогда нету проку и в почитании звезд.

4. Из подобных предубеждений проистекает и тот непотребный обычай, по которому иные глупцы ежедневно поклоняются с возвышенных мест первым лучам встающего солнца, и даже между христианами многие почитают сие настолько благочестивым, что прежде, чем войти в базилику блаженного апостола

Петра, посвященную Единому Живому и Истинному Богу, они, поднявшись по ступеням, ведущим на возвышение верхней площадки, и обратившись лицом к восходящему солнцу, нагибают головы и кланяются сияющему кругу¹⁸.

И то, что сие происходит, отчасти из-за невежества, отчасти из-за языческого духа, печалит и удручает нас, поскольку даже если кто-то из них, паче чаяния, и поклоняется в большей степени Творцу прекрасного светила, нежели самому светилу, какое есть тварь, то все равно следует воздерживаться от самого этого способа богочитания, ибо когда его обнаруживает у нас тот, кто покинул многобожие, то разве он не будет держаться этой части былого своего заблуждения, полагая ее заслуживающей одобрения, коль скоро он видит, что ее разделяют с неверными и христиане?

5. Стало быть, из обихода верующих должен быть изгнан этот предосудительный и порочный обычай, и пусть почитание, которое надлежит воздавать Единому Богу, не смешивается с обрядами тех, которые поклоняются тварям. Ибо Божественное Писание глаголет: *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи*¹⁹. И блаженный Иов, человек, по словам Самого Господа, *справедливый и удаляющийся от зла*²⁰, говорит: *Смотря на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует, прельстился ли я в тайне сердца моего, и целовали ли уста мои руку мою? Это также было бы преступление, подлежащее суду, потому что я отрекся бы тогда от Бога Всевышнего*²¹.

Ибо что такое солнце и что такое луна, если не части видимого творения и не начала вещественного света, из которых одно более ярко, а другое более тускло? Ведь в соответствии с тем, как различаются время дня и время ночи, Создатель вложил в эти светильники разное качество, хотя еще до того, как они были устроены, шли своей чередой дни, без какого-либо участия солнца, и ночи, без какого-либо посредства луны²².

Но они создавались для нужд человека, которого еще только предстояло сотворить, чтобы это разумное существо не ошибалось ни в различении месяцев, ни в определении смены лет, ни в исчислении времени. Ибо через неравные отрезки различающихся по длительности часов²³ и через очевидные знамения разновременных восходов солнце завершало годы, а луна обновляла месяцы. Ведь написано, что в четвертый день Бог сказал: *да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю*²⁴.

6. Воспрянь же ото сна, человек, и сознай достоинство своего естества²⁵. Вспомни, что ты создан по образу Божию, каковой хотя и был опорочен в Адаме, однако восстановлен был во Христе. Относись к видимым тварям так, как должно к ним относиться и как ты относишься к земле, морю, небу, воздуху, источникам и рекам, а все то дивное и прекрасное, что обнаруживается в них, вменяй в похвалу и во славу Создателю. Не делайся поклонником светила сего, которому радуются птицы и змеи, звери и скоты²⁶, мошки и черви! Свет телесный осязай телесными чувствами, а всею силою ума вмести тот Истинный Свет, *Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*²⁷, и о котором Пророк говорит: *Придите к Нему, и просветитесь, и лица ваши не постыдятся*²⁸. Ибо если мы храм Божий и если в нас обитает Дух Божий²⁹, то насколько же больше то, чем всякий верующий обладает в своей душе, нежели то, чему он дивится на небесах!

Итак, я советую и наказываю вам это, возлюбленные мои, вовсе не для того, чтобы вы взирали с пренебрежением на творения Божии или усматривали нечто враждебное вашей вере во всем том, что благий Бог сотворил благим, но для того, чтобы вы разумно и воздержно наслаждались всяким родом творений и всем убранством этого мира³⁰, ибо, как сказано у Апостола, *видимое временно, а невидимое вечно*³¹.

Итак, поскольку рождены мы для настоящего, а возрождены для грядущего, то не будем прилепляться ко временным благам, но устремимся к вечным. А дабы могли мы яснее увидеть то, на что уповаем, познаем через размышление о таинстве Рождества Господа, что даровала Божественная благодать нашему естеству.

Вонмем слову Апостола, глаголющего: *Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе*³², а Он жив и царствует со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь.

¹ Ср. Ефес. 1, 17-18: "Чтобы Бог ... просветил очи сердца вашего".

² То есть к Священному Писанию в трех его главных разделах, которые составляют, соответственно, Пятикнижие Моисея (Закон), книги Пророков и Евангелия.

³ Ин. 1, 1-3.

⁴ Ин. 1, 14.

⁵ См. Филип. 2, 6-7.

⁶ Ср. Ин. 14, 28: "Отец Мой более Меня".

⁷ Ср. Ин. 10, 30: "Я и Отец одно".

⁸ Такой точки зрения придерживались аполинариане.

⁹ Имеется в виду ипостасное единство Второго Лица Троицы.

¹⁰ То есть под именем "плоть".

¹¹ Ср. 2 Кор. 5, 17.

¹² Ин. 1, 13.

¹³ То есть осуществляется возвращение от ветхого состояния первородного греха к состоянию невинности.

¹⁴ Ср. 1 Кор. 15, 49.

¹⁵ Пс. 76, 11.

¹⁶ 1 Ин. 3, 8.

¹⁷ Ср. 2 Петр. 2, 20.

¹⁸ Папа Лев осуждает здесь характерный для христианского Востока и, очевидно, распространившийся в Риме обычай молиться, обратившись лицом на восток (см. G. Martimort, *L'Église en prière*, P.—Tournai, 1961). Поскольку особый акцент он делает на том, что такое поклонение осуществлялось с “возвышенных мест”, то можно заключить, что он видит здесь воскрешение того ближневосточного языческого культа “высот”, который повсеместно осуждается в Ветхом Завете (см., напр., Лев. 26, 30; 3 Цар. 3, 2; 13, 2; 15, 14; 4 Цар. 17, 29 и 32; 18, 4; 23, 8-9; 2 Пар. 14, 3; 20, 33; Пс. 77, 58; Иезек. 6, 2 и др.). В то же время, он усматривает в этом обычае некую разновидность астрологии, близкую к практике манихеев, солнцепоклонство которых почти в тех же словах осуждал Августин (см. *Contra Faust.* 20, 6). Ср. F.J. Dölger, *Sol salutis*, 1; Achendorf, Münster, 1925.

¹⁹ Матф. 4, 10.

²⁰ Иов. 1, 8.

²¹ Иов. 31, 26-28.

²² Согласно книге Бытия, светила были созданы лишь в четвертый день творения.

²³ В римском исчислении времени продолжительность часа не была постоянной величиной, поскольку она определялась как одна двенадцатая часть светового дня (или, соответственно, ночи) и, следовательно, варьировалась в зависимости от времени года.

²⁴ Быт. 1, 14-15.

²⁵ Ср. у Августина, *Serm.* 185, 1 (PL 38, 997): “Воспрянь ото сна, человек: ради тебя Бог сделался человеком!” — что, в свою очередь, очевидно, является реминисценцией из апостола Павла; ср. Еф. 5, 14: “Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос”.

²⁶ Ср. Пс. 148, 10.

²⁷ Ин. 1, 9.

²⁸ Пс. 33, 6.

²⁹ См. 1 Кор. 3, 16.

³⁰ Ср. Быт. 2, 1, по Вульгате: “Так совершены небо и земля и все убранство (ornatus) их”.

³¹ 2 Кор. 4, 18.

³² Кол. 3, 3-4.

Слово 26

На Великий пост слово первое

1. Из Священной истории явствует, что давным-давно, когда еврейский народ и все колена израильские, в наказание за свои прегрешения, томились под тяжким филистимлянским игом, то они, вознамерившись одолеть этих врагов, укрепили свои душевные и телесные силы, наложив на себя пост¹. Ибо постигли они, что столь жестокое и прискорбное рабство заслужили через свое небрежение о Божественных заповедях и испорченность нравов и что напрасно взялись бы они за оружие, если бы прежде не сразились с собственными пороками. Посему, воздерживаясь от пищи и питья, они подвергли себя строгой епитимье и, дабы врагов своих победить, победили сперва соблазны чрева в себе самих. И достигли того, что свирепые супостаты и жестокие поработители отступили перед голодными, коих ранее покорили сытыми.

Стало быть, если и мы, возлюбленные мои, среди всех этих напастей и распрей желаем прибегнуть к тем же целебным средствам, то давайте станем лечиться подобным же соблюдением. Ведь и побудительная причина у нас почти та же самая, что была и у них, ибо они отражали нападения плотских врагов, ну, а мы, в большей мере, духовных противников. И если только последние через дарованное нам Божией благодатью исправление нравов будут побеждены, то тогда мы возобладаем и над силою плотских врагов, и через исцеление наше ослабнут те, кому позволили взять верх над нами не какие-то их заслуги, но наши собственные грехи.

2. Вот почему, возлюбленные мои, дабы осилить всех наших врагов, станем искать Божественной помощи через соблюдение заповедей небесных, сознавая, что никоим образом не возобладать нам над нашими недругами, если только не возобладаем мы также и над самими собою. Ведь и внутри нас происходит множество распрей, и *плоть желает противного духу, а дух желает противного плоти*². И если бы верх в этом споре одержали плотские вожделения, то дух постыднейшим образом уронил бы свое достоинство, а ведь будет весьма пагубно, если станет он рабствовать тому, над чем ему подобало бы властвовать. Если же ум, повинувшись Правителю своему, станет, горными милостями, попираť соблазны мирских вожделений и не попустит греху воцариться в своем брэнном теле³, то тогда разум удержит свое законное главенство, и в его укреплениях не пробьет бреши никакой соблазн духовного распутства. Ибо лишь тогда

человек обладает подлинным миром и подлинною свободой, когда плотию его правит дух-судия, духом же — Бог-Предержатель⁴.

И снадобие сие, возлюбленные мои, нам пристало, во исцеление, принимать во всякое время, дабы недремлющие враги были побеждены нашим неуклонным рвением. Однако в эти дни, когда лукавые недруги строят нам козни с особенно изощренным коварством, надлежит еще усерднее испрашивать оного и еще старательнее его применять. Ибо, ведая о наступлении священных дней Четыредесятницы⁵, в соблюдении которых все прошлые прегрешения упраздняются и все проступки заглаживаются, они всю силу ненависти своей нарочито направляют на то, чтобы готовящиеся отпраздновать Святую Пасху Господню оказались хоть в чем-то нечистыми и, вместо чаемого благоволения, навлекли на себя немилость.

3. Итак, возлюбленные, подходя к началу Сорокадневного поста, то есть к особенно ревностному послушанию Господу, мы как бы вступаем в состязание о деле благочестия, а потому приготавим души свои для сражений с искушениями, разумея при этом, что, чем упорнее мы будем стремиться к собственному спасению, тем яростнее должен оказаться натиск врагов.

Впрочем, Тот, Кто в нас, сильнее того, кто против нас⁶, и мы крепки Тем, на доблесть Которого мы уповаем. Ибо Господь для того попустил искустителю Себя искусить, чтобы мы наставлены были примером Того, с Чьею помощью обороняемся. А ведь Он, как вы слышали, победил супостата не могуществом силы Своей, но свидетельствами Закона⁷, чтобы тем самым и человека выше превознести, и супостата горше покарать, поскольку враг рода человеческого оказывался побежденным уже как бы не Богом, но человеком.

А значит, Он сразился тогда, дабы после и мы сражались; и Он победил, дабы и мы побеждали подобным образом. Ведь без опыта искушений, возлюбленные, не бывает подвигов добродетели, без испытаний не бывает веры, без противника не бывает соперничества и без сражения не бывает победы.

Сия наша жизнь протекает средь вражеских козней и битв. И если мы не хотим быть обмануты, то надобно быть бдительными, а если мы хотим победить, то надобно биться. Вот почему премудрый Соломон изрек: *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению*⁸. Ибо муж, преисполненный мудрости Божией и ведающий о том, что ревностное благочестие подразумевает нелегкую борьбу, заранее видел опасность сей битвы, и потому первым делом предостерег собирающегося вступить в эту битву от того, чтобы

искуситель, незаметно подкравшись, не сразил бы его сразу, застигнув врасплох.

4. Так что, возлюбленные, приступая к предстоящему нам состязанию в ведении сего, ибо мы были вооружены Божественными наставлениями, вонмем словам Апостола: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной*⁹. И не забудем о том, что и наши недруги понимают: против них оборачивается все то, что мы стараемся делать ради нашего собственного спасения, и уже самое наше стремление ко благу возбуждает врагов наших против нас.

Ибо между нами и ними тлеет столь застарелая распря, разожженная диавольской завистью, что они, отпавшие от тех благ, к коим мы, с Божьей помощью, устремляемся, мучаются уже самым оправданием нашим. А стало быть, если мы восстаем, то они падают, и если мы укрепляемся, то они ослабевают. И наши целебные снадобья подобны для них ядовитым укусам, так как исцеление наших ран их самих уязвляет. Итак, *станьте, возлюбленные*, — говорит вам апостол Павел, — препоясав чресла ума вашего истиною и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угабить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие¹⁰.

Узрите же, возлюбленные, какими мощными стрелами, какими несокрушимыми доспехами вооружил нас Вождь множества знаменитых триумфов и непобедимый Полководец христианского воинства. Он опоясал ваши чресла поясом чистоты и обул ноги в сандалии мира, поскольку непрепоясанный воин скоро одолевается тем, кто подстрекает его к распутству, а необутый легко бывает укушен змеем. Он дал щит веры для защиты всего тела и возложил на главу шлем спасения, а десницу вооружил мечом, то есть словом Истины, чтобы духовный ратник не только мог уберечься от раны, но и сам способен был поразить ополчившегося на него.

5. Итак, возлюбленные мои, давайте, положившись на эти доспехи, бестрепетно и бесстрашно вступим в предстоящее нам сражение, но так, чтобы на сем ристалище постов нам не удовольствоваться достижением лишь одной-единственной цели, думая, будто надлежит соблюдать только воздержность в еде. Ибо этого мало, если плотское существо истощается, а духовная крепость не умножается. Пусть, благодаря некоторому утеснению внешнего человека, внутренний восстанавливает силы свои, и пусть, по мере того как у плоти отнимается телесная сытость, ум подкрепляет себя духовными уладами.

Пусть кругом оглядит себя душа-христианка и подвергнет строгому испытанию глубину своего сердца. Пусть следит, чтобы там не укоренилась какая-нибудь вражда, не угнездилося какое-нибудь вожделение. Пусть невоздержность будет исторгнута целомудрием, а мрак лукавства будет рассеян светом правды. Пусть перестанет надмеваться кичливость, пусть образумится гневливость, пусть расщепятся стрелы прегрешений и пусть будет обуздана клевета языка. Пусть прекратится отмщение, а обиды — забудутся. И пусть, наконец, *всякое растение, которое не Отец небесный насадил, искоренится*¹¹. Ибо семена добродетелей хорошо прорастают в нас тогда, когда с нивы нашего сердца выполота всякая чуждая сорная трава.

А значит, если кто-то вспыхнул на другого такой жаждой мщения, что отправил его в темницу или заточил в оковы, то пусть поспешит простить не только невинного, но и того, кого почитает заслуживающим наказания, чтобы правильно применить оную заповедь из Господней молитвы: *И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим*¹². Каковую часть молитвенного испрошения Господь, Своим особенным указанием, представляет нам как условие, от которого зависит действительность всей молитвы: *Ибо если,— говорит Он,— вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный; а если не будете прощать людям, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших*¹³.

6. И посему, возлюбленные мои, памятуя о нашей немощи, ибо мы с легкостью впадаем во всякие прегрешения, давайте ни в коем случае не пренебрегать этим сильнейшим снадобием и этим действеннейшим лечением наших язв. Давайте отпускать, чтобы и нам было отпущено, давайте даровать прощение, которого сами просим, и не стремиться к отмщению, коли умоляем помиловать нас самих¹⁴. Давайте не останемся глухи к стенаниям нищих и давайте в безотлагательной помощи проявлять милосердие к нуждающимся, дабы и нам заслужить милостивое отношение на Страшном суде. И кто, при споспешестве Божией благодати, направит к сему совершенству все свое рвение, тот добросовестно исполнит священный пост, тот, отрекшись от закваски старой злобы, подойдет ко Святой Пасхе с опресноками чистоты и истины¹⁵ и, благодаря новой, достойной жизни, обретет радость в таинстве преобразования человека через Христа, Господа нашего, Он же со Отцем и Духом Святым живет и царствует во веки веков. Аминь.

¹ См. 1 Цар. 7, 6.

² Галат. 5, 17.

³ См. Рим. 6, 12.

⁴ Лат. *praeses*, букв. — “председатель судебной коллегии”.

⁵ Т.е. Великого поста, предшествующего празднованию Пасхи.

⁶ Ср. 1 Ио. 4, 4: “ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире”.

⁷ Евангельское чтение в первое воскресение Четыредесятницы (*Quadragesimae*) содержало рассказ об искушении Господа в пустыне (Матф. 4, 1-11).

⁸ Это слова не из кн. Премудрости Соломона, а из кн. Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 2, 1.9

⁹ Ефес. 6, 12.

¹⁰ Ефес. 6, 14-17.

¹¹ Матф. 15, 13.

¹² Матф. 6, 12.

¹³ Матф. 6, 14-15.

¹⁴ Ср. Лук. 6, 37: “Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете”.

¹⁵ См. 1 Кор. 5, 8: “Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины”.

Слово 42

О Страстях Господних слово четвертое¹

1. По заслугам ваших молитв, возлюбленные мои, вам должно быть, при споспешестве Господа, воздано то, что причитается вашему упованию, и пусть соделавший вас столь ревностными ко взысканию долга соделает и меня способным к оплате. Ибо давеча, говоря о Страстях Господних, мы дошли до того места евангельского рассказа, где повествуется, как Пилат уступил иудеям, нечестиво вопиявшим, чтобы Иисуса распяли. И когда исполнилось все, чему попустила свершиться соединенная с плотскою оболочкой Божественность², Сын Божий Иисус был пригвожден к принесенному Им Самим кресту вместе с двумя разбойниками, подобным же образом распятыми одесную и ошуюю от Него, дабы самый вид сего перекрестия предуказывал разделение, которое должно быть произведено во время Его Собственного суда над всеми людьми, поскольку вера раскаявшегося разбойника знаменовала лик тех, кому предстояло уверовать, а нечестивость богохульствующего предвосхищала лик тех, кому предстояло быть осужденными.

А значит, в Христовых Страстях заключается тайна нашего собственного спасения, и могущество Исккупителя сотворило для нас ступень к славе из орудия, которое ненависть иудеев готовляла для муки, каковую Господь претерпел ради спасения всех людей и так, что даже между гвоздями, удерживавшими Его

распятим на древе, Он молил у Отца снисхождения к убийцам Своим, говоря: *Отче! прости им, ибо не знают, что делают*³.

2. Князья же священнические, для которых Спаситель испрашивал прощения, ужесточали крестную муку жалами насмешек, и в Того, Кого они уже не могли истязать своими руками, метали словесные стрелы, говоря: *Других спасал, а Себя Самого не может спасти; если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него*⁴.

Из какого источника заблуждения, из какого омута ненависти испили вы, иудеи, отраву таких богохульств? От какого учителя вы услышали или какое учение вас убедило, что вам надлежало уверовать, будто Царь Израиля, будто Сын Божий — это тот, кто не дал бы себя распять или совлек свое тело с шипов, его пригвождающих? Сего никогда вам не возвещали ни тайны Закона, ни священные обряды празднования Пасхи, ни уста пророков, а между тем вам действительно и немало приходилось читать о том, что сказано было о мерзком нечестии вашего преступления и о добровольных Страстях Господа.

Ибо Он Сам глаголет через Исаию: *Я предал хребет Мой биящим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания*⁵. И через Давида: *И дали Мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили Меня уксусом*⁶. И еще: *Ибо псы окружили Меня, скопище злых обступило Меня, пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно было бы перечесать все кости Мои; а они смотрят и делают из Меня зрелище; делят ризы Мои между собою и об одежде Моей бросают жребий*⁷.

А дабы не думали вы, будто здесь была предуказана только череда ваших собственных преступных деяний, но ничего не возвещено о могуществе Распятого, коли тут не написано: *“Господь сошел со креста”*, — то для этого вы читаете: *Господь царствовал со древа*⁸.

3. Стало быть, Крест Христов подразумевает таинство истинного и предреченного жертвенника, где через искупительную жертву провозвещалось принесение в дар⁹ человеческого естества¹⁰. Здесь кровь непорочного Агнца расторгала завет ветхого вероломства¹¹, здесь попиралась вся злоба диавольского владычества и через уничижение гордыни торжествовало всепобедительное смирение¹², ибо настолько скорым было действие веры, что из распятых вместе со Христом разбойников тот, который уверовал в Сына Божия, вошел, оправданным, в рай.

Кто способен изъяснить тайну столь великого дара? Кто способен поведать о той могущественной силе, которая вызвала столь чудесное превращение? В кратчайший миг времени очища-

ется вина длительных преступлений: подвешенный на поперечине креста, в жестоких муках пребывающей в борении души, приходит ко Христу, и ему, на которого навлекло наказание его собственное нечестие, благодатию Христовой даруется венец.

4. А затем, вкусивши укуса, данного пресловутой виноградной лозою, переродившейся от того состояния, в котором ее насадил Творец, и обратившейся в горечь дикой, чужой лозы¹³, Господь молвил: *Совершилось*¹⁴, — то есть: “Исполнились Писания, и Мне нечего более ожидать от безумия буйствующих людей; Я сполна претерпел все то, что предрек для Себя. Осуществились таинства немощи, а ныне да будут явлены свидетельства силы”. После чего, *преклонив главу, предал дух*¹⁵ и опочил безмятежным сном, дабы на третий день воскреснуть во плоти.

Когда же Творец живота в этом таинстве отдавал Себя в жертву и когда от сего умаления Божественного величия содрогались устои всего мироздания, ибо все сотворенное Им проклидало нечестивое злодеяние, и сами стихии видимым образом выносили приговор виновникам оногo¹⁶, — то что ощущали тогда вы, иудеи, и что говорила вам ваша совесть? Какое смятение вас охватило, какая мука объяла ваши сердца, когда на вас пал приговор мироздания, а ваше нечестие уже не могло отказаться от совершенного преступления?

5. Итак, возлюбленные, поскольку столь велико милосердие Божие, что даже и из такого народа многие удостоились от Него оправдания через веру, равно как и нас, дотоле блуждавших в глубокой ночи ветхого невежества¹⁷, Он принял в общение протцев и в удел избранного народа, то будем подвигаться к вершине нашего упования, не мешкая и не охладевая духом, но, помышляя о том, какую ценою мы были искуплены из этого плена и из столь плачевного рабства и Чьею рукою выведены из них, будем прославлять Бога в телах наших¹⁸, дабы самую искренностью нашего обращения доказать, что Он обитает в нас.

А поскольку меж добродетелями нет ни одной, превосходящей достоинством благочестие милосердия и чистоту целомудрия, то вооружимся по преимуществу сими орудиями, дабы нам, превознесенным, словно двумя крылами, деяниями любви и сиянием стыдливости, по заслугам стать из перстных небесными¹⁹. И только тот, кто, при споспешестве Божией благодати, подобным желанием проникается и, в преуспевании своем, не о себе, но о Господе похвалется²⁰, — только тот надлежащим образом почитает Пасху. В двери его, запечатленные кровию Агнца и знамением креста, не вступает ангел-губитель²¹. Он не страшится египетских казней, и враги его бывают смыты теми волнами, которыми сам он спасен²².

Итак, возлюбленные мои, примем, очистившись духом и телом, предивное таинство спасения нашего и, избавившись от закваски ветхой злобы²³, с подобающим благочестием отпразднуем Пасху Господню, дабы никакие искушения не отлучили нас от любви Христа²⁴, Который, Кровию Своею все примиряя²⁵, возвратился в горнюю славу Отца, не оставив при этом Своим попечением смирения тех, кто Ему покорен, Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

¹ Проповедь произнесена 8 апреля 442 г.

² Лат. *temperata*. Имеется в виду божественная природа Сына, смешавшая себя с человеческой и как бы уступившая последней часть своей силы (подобно тому, как это происходит при смешении вина с водой).

³ Лук. 23, 34.

⁴ Матф. 27, 42.

⁵ Ис. 50, 6.

⁶ Пс. 68, 22.

⁷ Пс. 21, 17-19.

⁸ Пс. 95, 10. Глосса "со древа" является христианской интерполяцией, однако еще Иустин Мученик обвинял иудеев в том, что они намеренно опустили эти слова в еврейском тексте Псалма (см. *Dial. cum Tryph.*, PG 7, col. 645). См. также J. Daniélou, *Théologie du Judéo-Christeanisme*, p. 111.

⁹ Лат. *oblatio* — "анафора", "возношение Св. Даров".

¹⁰ Т.е. человеческой природы Христа.

¹¹ Т.е. того "соглашения" (завета) с дьяволом, который как бы заключил первый человек, нарушив заповедь Бога.

¹² Ср. Кол. 2, 14-15: "Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, ... отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою".

¹³ См. Иерем. 2, 21: "Я насадил тебя как благородную лозу, — самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы?"

¹⁴ Ио. 19, 30.

¹⁵ Ио. 19, 30.

¹⁶ Согласно Евангелию от Матфея, в момент крестной смерти Иисуса Христа "земля потряслась; и камни расселись" (27, 51); согласно Евангелию от Иоанна — "сделалась тьма по всей земле ... и померкло солнце" (23, 44-45).

¹⁷ Т.е. обратившихся из язычества.

¹⁸ Ср. 1 Кор. 6, 20.

¹⁹ Ср. 1 Кор. 15, 49.

²⁰ Ср. 1 Кор. 1, 31: "хвальныйся хвались Господом". Ср. также 2 Кор. 10, 17 и Иер. 9, 24.

²¹ Имеется в виду установленный Моисеевым законом обычай, согласно которому в праздник Пасхи косяки и верхние перекладыны двери в домах мажутся кровью закланного непорочного агнца. См. Исх. 12, 7. Ангел-губитель — это, несомненно, Аввадон, "ангел бездны", в христианской традиции отождествляемый с дьяволом.

²² Подразумеваются поразившие Египет казни, предшествовавшие исходу евреев из Египта, а также переход евреев через Черное море, в волнах которого гибнет войско преследовавшего их фараона. См. Исх. 7, 8-12, 32 и 14, 10-29.

²³ См. 1 Кор. 5, 7-8: "Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины". Еврейская пасха была праздником "опресноков".

²⁴ См. Рим. 8, 35.

²⁵ См. Кол. 1, 20.

Слово 45

О Страстях Господних слово седьмое¹

1. Хотя я и сознаю, возлюбленные мои, что празднество Пасхи заключает в себе столь высокую тайну, что сие превосходит не только немощное понятие моего собственного ничтожества, но и способности самых великих умов, однако я не должен, взирая на величие Божественного деяния, пасть от этого духом или постыдиться того служения, которое мне надлежит исполнять, ибо о таинстве человеческого спасения не подобает молчать, даже если и невозможно его изъяснить. Паче того, мы веруем, что, при споспешестве ваших молитв, мы получим и помощь Божией благодати, которая рососо вдохновения своего окропит бесплодие нашего сердца, дабы чрез послушание пастырских уст износилось то, что полезно для слуха благочестивой паствы. Ведь если Господь и Податель всех благ говорит: *Открой уста твои, и я наполню их*², — то и мы дерзаем обратиться к Нему словами пророка: *Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою*³.

Итак, возлюбленные мои, приступая к размышлению над евангельским рассказом о Господних Страстях, уразумевая мы, что промыслом Божиим было предустановлено, чтобы безбожные князья иудеев и нечестивые их священники, много раз искавшие повода возъяриться против Христа, получили власть осуществить свою ненависть только в праздник Пасхи. Ибо надобно было, чтобы в явном деянии обнаружилось то, что давно уже предвещалось в таинственном прообразовании, чтобы овца прознаменованное было заменено действительным⁴, чтобы одно жертвоприношение заместило собою все многообразие жертв. Ибо все установления относительно жертвоприношения агнца, каковые были даны через Моисея, пророчествовали о Христе и, по преимуществу, предвещали Его заклание.

А значит, дабы тени уступили место телесному и дабы подобия потускнели в присутствии подлинного, ветхое жречение уп-

раздняется новым таинством, жертва предлагается в жертву, кровь отменяется кровию и установленный Законом обычай праздника исполняется через то, что переменяется.

2. Вот почему, когда первосвященники созвали народных старейшин и книжников на нечестивый совет и когда их помыслы были всецело заняты попечением о том, как бы им возвести обвинение на Иисуса, эти учителя Закона отлучили себя самих от Закона и через собственное отступничество отняли у себя отеческие уставы. Ибо накануне праздника Пасхи те, кому полагалось украшать храм, омыwać сосуды, готовить жертвы и с особенно благочестивым рвением исполнять очищение, установленное Законом, вместо этого, одержимые буйством братоубийственной ненависти, отдаются одному лишь занятию и с единодушной жестокостью сговариваются на одно злодеяние! И чего же они достигнут казнью невинности и осуждением праведности, ежели не того, что и новые таинства не примут, и ветхие отринут? А значит, когда князья те пеклись о том, чтобы в священный день не случилось каких-либо беспорядков, то не о празднике радели они, но о преступлении, и попечение их служило не благочестию, но злодеянию. Ибо эти ревностные первосвященники и заботливые священнослужители опасались, как бы во время главного праздника не сделалось возмущение черни, вовсе не для того, чтоб народу не согрешить, а для того, чтоб Христу не избегнуть казни.

3. А между тем Иисус, верный решению Своему и непоколебимый в осуществлении Отчего промысления, Ветхий Завет завершал и зачинал Новую Пасху. Ведь покуда те, во дворце Каиафы, совещались между собою, как способнее им погубить Христа, Сей, пред учениками, возлегшими с Ним для вкушения вечери тайной, учреждал таинство Тела и Крови Своих и учил, какая жертва должна приноситься Богу. И при том даже самый предатель не был отлучен от сей тайны, дабы сделалось ясно, что вовсе не из-за какой-то несправедливости ожесточился тот, кто уже заранее был уличен в вероломном намерении. Ведь последний сам был для себя причиной к гибели и поводом к измене, так как следовал за диаволом, не желая следовать за Христом.

Так что Господь, словами: *Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня*⁵, — показал, что Ему известны помыслы предающего Его, но не смутил отступника суровым и прямым обличением, а обратился к нему с мягкой и молчаливою укоризною, дабы покаяние скорее могло исправить того, кого не удручило еще отчаяние. Почему же, злосчастный Иуда, ты не пользуешься таким милосердием? Ведь вот, Господь проявляет снис-

хождение к твоим умыслам, и Христос не указывает на тебя никому, кроме тебя самого, и ни имя, ни лицо твое не открываются, но слово истины и милосердия обращается лишь к тайникам твоего сердца! Тебе не отказано ни в чести апостольского звания, ни в приобщении Тайн. Так отступи же назад⁶ и, уняв свое бешенство, образумься! Вон, твои соученики, беспорочные и безвинные, ужасаются при возведении злодеяния, и каждый со страхом думает на себя, так как не объявлено, кто же именно повинен в измене. А ведь их тревога вызвана не угрожениями совести, но неуверенностью в человеческой стойкости, и они опасаются, как бы то, что каждый из них знал про себя, не оказалось менее истинным, чем то, что провидела Сама Истина. Ты же, средь этого смятения праведных, испытываешь терпение Господа, уверенный, что тебя покрывает твоя дерзость. Злодеяние ты усугубляешь бесстыдством, и тебя не пугает даже более ясное указание. Ведь в то время, как другие воздержались от пищи, в которой Господь полагает знамение, ты не отнимаешь руку от блюда, ибо не отвращаешь душу от преступления.

4. Далее же, возлюбленные, согласно рассказу Иоанна Евангелиста, последовало вот что: когда Господь, обмакнув кусок, протянул оный предателю, дабы явственно на него указать, диавол всецело овладел Иудой⁷, и того, кого прежде еще привязал к себе через злые помыслы, теперь подчинил себе через самое дело измены. Ведь хотя телом тот оставался с участниками вечера, однако мыслью он подготавливал ненависть священников, лживость свидетелей и ярость неразумной толпы. И тогда Господь, видя, на какое подлое дело отважился Иуда, молвил: *Что делаешь, делай скорее*⁸. И это был глас не повелевающего, но попускающего, и не устранившегося, но решившегося, — Того, Кто, обладая властью над всеми веками, показывает, что не дает отсрочки предателю и, ради искупления мира, так исполняет волю Отца, что не пресекает и не боится приготавливаемого гонителями злодейства.

А после того, как Иуда, наущаемый диаволом, ушел от Христа, отлучивши себя от единства общины апостольской, Господь, отнюдь не волнуемый страхом, но пекущийся лишь о спасении тех, кого Ему предстоит искупить, все то время, какое еще оставалось до прихода преследователей, посвятил, как повествует Иоанново Евангелие, таинственному собеседованию и священноучению, возводя очи горе и моля Отца за всю Церковь, чтобы все, кого уже дал или даст еще Сыну Отец, стали едины и неразлучно пребывали во славе Исккупителя. В конце же Он прибавил еще и эту молитву: *Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия*⁹. Что не следует понимать так, будто Господь Иисус желал отворотить от Себя страдания и смерть, таинства

которых он уже преподавал ученикам. Ибо Он Сам воспретил блаженному Петру, воодушевленному горячею и преданною любовью, обнажать против преследователей меч, сказав: *Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец*¹⁰? — дабы было верно реченное в Евангелии от Иоанна Господом: *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*¹¹, равно как и сказанное о Нем Самом апостолом Павлом: *Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное*¹². Ведь на то, чтобы люди спасены были через Крест Христов, была общая воля Отца и Сына и общее Их решение, и никакая причина не могла воспрепятствовать тому, что прежде век вечных милосердно было предрешено и незыблемо предопределено.

Ну а Тот, возлюбленные мои, Кто воспринял в Себя подлинного и цельного человека¹³, приобрел вместе с тем телесные чувства и душевные страсти¹⁴. И из того, что все в Нем было проникнуто таинственным и чудесным, вовсе не следует, будто Он плакал поддельными слезами, или с притворным гладом вкушал пищу, или спал неподлинным сном. Он был презрен в нашем ничтожестве, скорбел в нашей печали и распят был в нашем страдании. Ибо Милосердие подвергло Себя страстям нашей собственной смертности, дабы оную исцелить, и Крепость¹⁵ приняла ее на Себя, дабы оную победить. О сем же явственно пророчествовал Исаия, говоря: *Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились*¹⁶.

5. Итак, возлюбленные, когда Сын Божий говорит: *Отче, если возможно, да минует Меня чаша сия*, — Он говорит сие гласом нашего естества, ведет речь от имени человеческой немощи и боязни, дабы в предстоящих Ему страданиях укреплялась стойкость и изгонялся страх. А затем, как бы освободившись от этого порожденного нашею слабостью страха, в котором не подобает нам пребывать, Он перестает об этом просить и, уже в ином расположении духа, произносит: *Впрочем, не как Я хочу, но как Ты*¹⁷, — а затем еще раз: *Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя*¹⁸.

В этом слове, вымолвленном Главою, заключается спасение для всего Тела¹⁹; это слово всех верных наставляло, всех исповедников вдохновляло, всех мучеников венчало. Ибо кто был бы в силах превозмочь ненависть мира, смущения искушений или ужасы гонений, если бы Христос, за всех и от имени всех, не сказал Отцу: *Да будет воля Твоя!* Так пусть же слову сему

научатся все сыны Церкви, купленные дорогою ценою²⁰ и получившие оправдание даром²¹. И всякий раз, когда будет им угрожать суровое испытание, пусть они прибегают к помощи этого всесильного довода, дабы, одолев смятение страха, приобрести стойкость к страданиям.

Отсюда, возлюбленные мои, нам следует перейти к повествованию уже о самой череде Господних Страстей, однако, чтобы не утомлять вас избыточным многословием, давайте, разделив это общее бремя, отложим сие до среды. Да пребудет с молитвами вашими Божия благодать и да внушит она мне способность исполнить данное обещание, во имя Господа нашего Иисуса Христа, Он же жив и царствует со Отцем и Духом Святым во веки веков. Аминь.

¹ Проповедь произнесена в Воскресение 16 апреля 444 г. Она сохранилась в двух незначительно отличающихся друг от друга редакциях. Данный перевод основан на первой редакции.

² Пс. 80, 11.

³ Пс. 50, 17.

⁴ Ср. Ис. 53, 7: "как овца, веден был Он на заклание" (слав. "яко овьча веде ся на заколение"); ср. также Деян. 7, 32.

⁵ Матф. 26, 21.

⁶ Лат. *redi in integrum*, букв. — "возвратись к изначальному, невинному состоянию"; ср. юридический термин *restitutio in integrum* — "восстановление в правах [через снятие обвинения]".

⁷ Ср. Ин. 13, 27: "И после сего куска вошел в него сатана".

⁸ Ин. 13, 27.

⁹ Ср. Матф. 26, 39.

¹⁰ Ин. 18, 11.

¹¹ Ин. 3, 16.

¹² Ефес. 5, 2.

¹³ Речь идет о полноте человеческой природы во Христе.

¹⁴ Лат. *sensus corpori* и *affectus animi*. Русский язык на понятийном уровне не передает различия между чувством как физической способностью ощущения (напр., зрение, слух или ощущение боли) и чувством как душевным претерпеванием (напр., скорбь или страдание).

¹⁵ Лат. *virtus*, зд. — как "доблесть", "сила", "крепость".

¹⁶ Ис. 53, 4-5.

¹⁷ Матф. 26, 39.

¹⁸ Матф. 26, 42.

¹⁹ Под "телом Христовым" традиционно подразумевается Церковь как сообщество всех верующих.

²⁰ Ср. 1 Кор. 6, 20.

²¹ Ср. Рим. 3, 24: "Получая оправдание даром, по благодати Его".

Сидоний Аполлинарий

Гай Солий Сидоний Аполлинарий родился в 430 или 431 г. в Лугдуне (Лион), где и получил начальное образование, которое продолжал в Арелате (Арль), где его отец был одним из высших должностных лиц. По окончании учения, главными предметами которого были грамматика, риторика и поэзия, а затем философия и правоведение, Сидоний женился на дочери знатного уроженца Арвернской области (Овернь) Авита, провозглашенного в 455 г. римским императором. Вслед за Авитом Сидоний отправился в Рим, будучи уже известным поэтом, главную славу которому принес его панегирик Авиту в честь получения им консульского звания. Но осенью 456 г. Авит был свергнут с престола, и Сидонию пришлось вернуться в Галлию, где на исходе 458 г. императором был провозглашен Майориан, в честь которого Сидоний опять написал панегирик. В 461 г. Майориан был убит, и Сидоний, опасаясь распоряжавшегося римским престолом свева Рицимера, отстранился от политической деятельности и около семи лет провел в занятиях литературой; жил он в это время в своем имении Авитаке (Эйдат) и часто путешествовал по Галлии. В этот период своей жизни Сидоний все больше и больше сближается с представителями высшего духовенства Галлии (см. благодарственное послание епископу Фавсту). В 471 г. Сидоний возводится в сан епископа главного города арвернов (ныне Клермон-Ферран). Вскоре этот город был взят королем вестготов Эйрихом, и Сидоний отправился в ссылку в крепость Ливию, около границ Испании. К концу 476 г. Сидоний получил относительную свободу и в 476 или 477 г. снова вернулся на свою епископскую кафедру. Умер Сидоний около 486 г.

До нас дошли только те произведения Сидония, какие он сам подготовил для издания. Это 9 книг писем и 24 отдельных стихотворения, не считая еще 13 стихотворений, входящих в письма.

Сидоний Аполлинарий жил в то время, когда Римская империя доживала свои последние дни. Он всеми силами старался охранить римскую культуру в Галлии, прибегая для этого ко всем, бывшим в его распоряжении, средствам и не считаясь с тем, что для этой цели ему приходилось подчиняться тем представителям верховной власти, какие в его время постоянно сме-

няли один другого. Но, при всей неустойчивости политической деятельности Сидония, при всем стремлении к личному благополучию, он руководился желанием или, лучше сказать, мечтою о восстановлении могущества римской державы, при котором, как ему казалось, только и возможно процветание Галлии и, особенно, родной его Оверни.

16. Благодарение епископу Фавсту

Феба и всех девять муз с десятою к ним и Палладой,
Да и Орфея с водой баснословного конского тока¹,
С лирой фиванской², какой внимали послушные камни
И воздвигали под звук ее песни высокие стены,
Презри, струна; и теперь к святого отца прославленью
Ты вдохнови меня, Дух³, вошедший некогда в сердце
Древней Марии, когда, схватив тимпаны, Израиль⁴
Посуху путь совершал по впадине грозной пучины,
И, в ограждении стен водяных проходя безопасно,
10 Пыльные толпы людей твое торжество воспевали;
Руку Юдифи ведь Ты укрепил, когда ей обезглавлен
Был Олоферн и лежал на земле с перерубленной шеей,
Скрытую женщины мощь обнаружив при этом ударе;
Ты же росой из руна наполнил доверху чашу,
После ж, росой покрыв всю землю, руна не затронув,
Мощь в Гедеона вселил Ты, Дух, явившийся в звучных
Трубах, которых один лишь гром обеспечил победу;
Из Иесеева Ты, скотовода богатого, рода
Одушевил и царя, когда был без вожатых отослан
20 На колеснице ковчег завета врагом, пораженным,
Что на заду у него желваки отвратительно вспухли;
Некогда также Ты пел и трех отроков голосом, коих,
Ввергнутых в жаркую печь халдейского волей тирана,
Пламя не жгло, а росой орошало в огненном пекле;
Был и Иона Тобой вдохновлен, когда он, пробираясь
В чреве кита, воспевал поражавшие чудище песни
Так, что от этих псалмов, из уст исходивших добычи,
Или от тяжести той, что в его животе очутилась,
Кит заикал и, хотя был голоден, но песнопевца
30 Вырыгнул он, наконец, из пасти, зубами не тронув;
Силой двойной вдохновил Ты некогда грудь Елисея,
В день как на огненной был колеснице взнесен фесвитянин
Старец и, милоть свою разорвав, одарил ей пророка,
В пламенной сам улетев косматым возницей упряжке;
И, вознамерясь послать Илию второго на землю⁵,
Праведного Ты лишил Захарию благостно речи,
Вплоть до того как старуха-жена родила ему сына,

- Повелевая молчать о пророчестве этом пророку
Так же, как Ветхий Завет умолкает в лучах Благодати;
40 Ты же в явлении своем от Девы, без семени рождшей,
Бог до начала времен и Христос во времени сущий,
В плоть облаченный, но Сам Себя во плоти сотворивший,
Зренье даешь Ты слепым, хромым исцеляешь Ты ноги,
Слух возвращаешь глухим, немых одаряешь Ты речью,
И для того Ты пришел, дабы умершие люди
Встать с постели могли или даже оставить могилы;
И во плоти перенес Ты также телесные муки
И заушенья терпел, насмешки, удары и тернья,
Жребий, оковы и крест, желчь, гвозди, и раны, и уксус,
50 Смерть, наконец, но пришел для того, чтобы после, воскреснув,
Вырвать все то, что себе наш враг исконный присвоил
Нашего в силу греха, свершенного первой женою,
Строгий презревшей наказ и связавшей виною нас вечной.
Но, когда враг захотел Тебя погубить, не нашел он
Вовсе в Тебе ничего своего: потерял он
То, что Ева дала во грехе своем; рукописанье,
Коим введен был в соблазн человек, искуплено было.
Ты, непричастен греху, принес за грешников полный
Выкуп и, новый Адам, своей собственной ветхою смертью
60 Ты похищаешь и нас у смерти: смерть поправа смертью,
И оказалась она в свои же запутанной сети;
Ибо, преследуя всех без разбора — невинных, виновных,
Освободиться дала возможность даже преступным.
Праведных праху велел восстать совместно с Тобою
Ты в положенный срок, когда к давно погребенным
Вдруг искупление пришло, и жизнь, в них влитая снова,
Выбросила из могил облеченные плотью останки.
Дай же мне Фавста хвалить твоего, дай излить благодарность.
Коей и впредь я ему обязан. Ты же, святитель,
70 Будь воспеваем моей, пусть тебя недостойною, лирой.
Первой причиной хвалы, да и первым к ней побуждением
Служит мне то, что мой брат в его опасные годы
Был охраняем тобой и, с помощью Господа Бога,
Был безупречен и чист; всем этим всецело обязан
Он попеченьям твоим, ему это будет во благо,
Но это благо твое. Хвала, что с пути он не сбился,
Но, что и сбиться не мог, всецело твое это дело.
Кроме того же, когда пришлось побывать мне у Рейов⁶,
В пору как там бушевал Прокион⁷, а знойное солнце,
80 Все иссушая поля, их покрыло извивами трещин,
Гостем твоим оказался я там, истомленный, и встретил
Мир, дом, воду и тень, стол, благословенье и ложе.
Но превосходней всего было то, разумеется, благо,

- Что до святости тобою святой матери был я допущен⁸.
Оцепенел, сознаюсь, считая себя недостойным,
И покраснел я, главу склонивши благоговейно;
Встрепетал я тогда, как будто меня иль Израиль
Вел, сын Ревекки, иль влек Самуил длинновласый, сын Анны⁹.
Вот потому-то, тебя поминая немолчно в молитвах,
90 В малых стихах любовь великую мы возглашаем.
В Сиртах¹⁰ ли пламенных иль в песках неприютной пустыни,
В зеленоватой ли ты грязи болотной, иль скалы
Черные держат тебя одного в глубоких пещерах,
Где ты, как узник, живешь одиноко во мраке без солнца;
Иль, как отшельник, ушел ты в Альпы под грозные скалы,
Сном забываясь на миг, и дрожишь на дерне холодном
(Но и жестокий мороз никогда в тебе не осилит
И не умерит в тебе Христом зажженного пыла),
Всюду идешь ты, куда Илия, Иоанн повелели,
100 Иль два Макария, иль позвал достославный Пафнутий,
Или же Иларион, Ор, Аммон, иль Сармат приказали,
Или Антоний нагой в своей знаменитой тунике,
Что ему сделал его наставник из пальмовых листьев;
Или, как старый отец, ты приходишь в объятья Лирина,
Где ты, хотя утомлен, без отдыха снова и снова
Служишь наставником всем, о покое и сне забывая;
Пищи вареной почти не вкушаешь в своем воздержанье,
Только лишь туком псалмов облегчая свой пост непрестанный,
Братии всей говоря, какие сей низменный остров
110 В небо высоты вознес¹¹, каково житие на нем было
Старца Капрасия, как на нем прославились юный
Луп и честный отец Гонорат и достойнейший Максим,
Коего городом днесь и обителью правишь вторично,
Как настоятель и как епископ, немолчно хвалами
Славя Евхерия путь и Гилария вновь возвращенье;
Иль тебя держит народ, тебе вверенный, и, как ни мал он,
Смеет, когда ты при нем, противиться даже сильнейшим;
Иль ты тревожно следишь, какую больно иль пришелец
Пищей питается, как утоляет жажду и голод
120 Тот, кто томится в тюрьме и чьи ноги сжимают оковы;
Иль ты, печалясь о том, что останки нищих усопших
Без погребенья в земле загнить и заплесневеть могут,
Сам их в могилу несешь, не гнушаясь несчастного трупом;
Или же, видимый всем, с высоты ступеней алтарных
Проповедь ты говоришь, и народа тесные толпы
Внемлют тебе, услыхав целебное слово закона, —
Всюду в деяньях своих благим ты пребудешь мне Фавстом,
Чтимым, как Гонорат, и великим так же, как Максим¹².

12. Сенатору Катуллину¹³

Просишь ты, но мне, право, не под силу
 Воспевать фесценнинскую Диону¹⁴,
 Раз живу я среди полчищ волосатых,
 Принужденный терпеть германский говор
 И хвалить, улыбаясь против воли,
 Ободранных песенки бургундов,
 Волоса умастивших тухлым жиром.
 Хочешь знать, что стихам моим мешает?
 Грубым сбита варварским напевом,
 10 Шестистопный отвергла стих Талия,
 Поглядев на патронов семистопных¹⁵.
 И глаза твои счастливы, и уши,
 Да и нос назову я твой счастливым,
 Коль с утра в твоём доме не рыгают
 Чесноком отвратительным и луком
 И к тебе на рассвете, будто к деду
 Иль к супругу кормилицы и няньки,
 Не врываются толпы великанов,
 Для каких Алкиноя кухни мало.
 20 Но, потешив себя, умолкла муза,
 Стих оставив одиннадцатисложный,
 А не то его примут за сатиру¹⁶.

3. Книге¹⁷

Как утучняют посев, какая пора плодотворней
 Для урожая и стад, для винограда и пчел,
 Было поведано встарь Меценату в особой поэме;
 После ж посмел ты, Марон, брани и мужа воспеть.
 Мне же теперь будет Петр Меценатом нашего века:
 Я под звездою его по морю славы плыву.
 В свет он выпустит то, что одобрит, негодное скроет,
 Да и не фыркнет на нас носом он, что носорог.
 В путь, моя книга! Поверь: он честь мою охраняет;
 10 Отзыв такого судьи, даже нелестный, польстит.

18. Купанье в Авитаке¹⁸

Ежели наш Авитак почтишь ты своим посещеньем,
 То не хули ты его: каждому любо свое.
 Так воздымается он, что и с конусом в Байях поспорит,
 А на его высоте так же верхушка блестит.
 И говорливей воды, по склону сбегающей Гавра,
 С ближнего гребня холма весело струи журчат.

И опротивел бы пруд Лукрина Кампании пышной,
Коль увидала б она озера нашего гладь.

Красными берег ее украшен морскими ежами.

¹⁰ Но и у нас ты, мой гость, рыб красноперых найдешь.
Если захочешь со мной поделить ты сердечную радость,
То приходи: отдохнешь, словно бы в Байях, у нас.

19. Баня в Авитаке

В струи холодной воды окунитесь из бани горячей,
Чтоб разогретую в ней кожу свою освежить;
Но и в одну погружаясь лишь эту студеную влагу,
В озере плавать моем будете взорами вы.

20. Экдицию¹⁹

Близится день моего рожденья — ноябрьские ноны²⁰,
И не прошу я, велю: в гости ко мне приходи
Вместе с женою своей. Не медлите оба! Но после
Этого года вдвоем вы посетите меня.

21. Ночной улов

Первыми мне в эту ночь четыре рыбы попались;
Двух я оставил себе, двух и тебе я дарю,
Больших тебе отдаю и правильно я поступаю,
Ибо в душе у меня большая доля твоя.

Первое стихотворение называется в рукописях “Благодарение епископу Фавсту”. Епископ Фавст приобрел себе громкую известность строгостью жизни и христианским красноречием, будучи простым монахом, а затем игуменом монастыря на Леренских островах (у берега Средиземного моря, около г. Канн). В начале 462 г. Фавст был избран епископом г. Риез (в древней области Рейов). Он был крупным богословом и неукротимым противником арианства. В 481 г. подвергся преследованию Эйриха и прожил в заточении до самой его смерти в 484 г. Умер Фавст не ранее 490 г.

¹ “Конского тока” (fontis equini) — Иппокрены, источника, выбитого копытом Пегаса.

² “С лирой фиванской” (Ogygiatque chelyn) — лирой Амфиона, под звуки которой укладывались камни фиванских, или огигийских, стен.

³ Дух — третье Лицо христианской Троицы.

⁴ Говорится о чудесах Ветхого Завета. Ст. 6–10: переход евреев через Черное море (Исх. 14–15); ст. 11–13: убийство предводителя ассирийского войска, Олоферна, — Иф. 13, 8–10; ст. 14–17: Суд. 6, 36–40 и 7, 20–22; ст. 18–21: в этих стихах смешиваются два разных события — см. 2 Цар. 6 и 1 Цар. 5 и 6; ст. 22–24: Дан. 3, 48–51; ст. 25–30: Иона 2, 31–34; 4 Цар. 2.

⁵ События Нового Завета. Ст. 35–39: Лук. 1, 5–25; ст. 56 сл.: Колос. 2, 14; ст. 64–67: Матф. 27, 52.

⁶ “У Рейов” — в Риезе.

⁷ Прокион — созвездие Малого Пса, с восходом которого начинается самое жаркое время летом.

⁸ “Святой матери” — христианской Церкви. Сидоний говорит о крещении его Фавстом.

⁹ Израиль — Иаков (Быт. 35, 10). О Самуиле см. 1 Царств.

¹⁰ Сирты — заливы у берегов Африки, прогреваемые солнцем до дна.

¹¹ “Высоты вознес” — из Леренского монастыря вышли многие епископы 5 в., которых и перечисляет Сидоний.

¹² В этих стихах характерная для Сидония игра слов:

Quidquid agis, quocumque loci es, semper mihi Faustus,
Semper Honoratus, semper quoque Maximus esto.

Для посильной передачи этого риторического приема эти имена не только перечислены, но и переведены.

¹³ Стихотворение написано одиннадцатисложным Фалековым размером, обращено к другу детства Сидония Катуллину, бывшему вместе с ним на войне в Испании в 460 г. Катуллин был видным лицом при императоре Майориане. Написано в ответ на просьбу Катуллина сочинить эпиграмму в честь его свадьбы.

¹⁴ “Воспевать фесценнинскую Диону” — т.е. сочинять веселые стихи в честь Венеры.

¹⁵ “Семистопных” — т.е. огромного роста, в семь футов.

¹⁶ “Примут за сатиру” — намек на сатирические стихи, за которые Сидоний едва не заплатил в 459 г. (см. Письма, 1, 11 и Ешевский К.С., Аполлинарий Сидоний, М., 1855, с. 178–181).

¹⁷ Стихотворение посвящено секретарю Майориана Петру, которому Сидоний посылает как своему покровителю на просмотр панегирик Майориану. Начало этого стихотворения ср. с началом “Георгик” Вергилия. Ст. 8 восходит к Марциалу, I, 3, 5.

¹⁸ Авитак — поместье жены Сидония в Оверни. Сидоний сравнивает его со знаменитым римским курортом Байями (в Кампании) и с его окрестностями.

¹⁹ Стихотворение обращено к шурину Сидония, Экдицию.

²⁰ “Ноябрьские ноны” — 5 ноября.

Письма

Книга IV, Письмо 11

Сидоний приветствует своего Петра

1. Безмерно удручен я потерей нашего века, недавней утратой дяди твоего Клавдиана¹, равного которому нам вряд ли отныне придется увидеть. Ведь был он мужем заботливым, мудрым, ученым, красноречивым, проникательным из людей своего времени,

своей страны, своего народа; он неуклонно философствовал, не оскорбляя религии, и, хотя не отпускал бороды и, бывало, посмеивался над плащом и посохом, а то и возмущался ими, он, однако, отличался от приверженцев Платона только обликом и верою.

2. Боже мой! что же это было, когда мы постоянно собирались у него для того только, чтобы посоветоваться! Как он тотчас же без всякого колебания и досады принимал всех, считая лучшим для себя удовольствием, если случалось ему, при всей безвыходности из лабиринта каких-нибудь вопросов, обнаруживать сокровища своих знаний! А если сидело нас вокруг него много, то, давая всем возможность слушать и только одному, кого мы и сами, пожалуй бы, выбрали, право говорить, он каждому по очереди, а не беспорядочно и не без соответствующего изящного движения, предоставлял богатства своей учености.

3. Затем каждый его довод мы тут же встречали опровергающими его противоположными силлогизмами. Но он отражал все наши безрассудные возражения. Таким образом, ничто не принималось невзвешенным и недоказанным. Причиной нашего глубочайшего к нему уважения было то, что он без малейшей досады сносил косное упрямство иных людей. Для него оно было виною вполне простительной, а мы восхищались его неподражаемым терпением. Кто не пожелал бы посоветоваться по затруднительным вопросам с человеком, не гнушавшимся совместного исследования их даже с людьми невежественными и несведущими?

4. Вот немного о его науке. А найдется ли достойный глашатай прочих достоинств того, кто, постоянно памятуя об участии человека, утешал священнослужителей своим трудом, речами народ, ободрением удрученных, покинутых сочувствием, пленных выкупом, голодных пищей, нагих одеждой? Напоминать об этих и еще больших его заслугах я считаю излишним. Ибо свои благодеяния, какими он, совершенный бедняк, обогащал свою совесть, уповая на грядущее вознаграждение, он всячески старался утаивать.

5. Всем сердцем заботясь о своем старшем брате епископе, которого он любил, как сына, он почитал его, как отца. Но и тот взирал на него с великим уважением, находя в нем советника на судах, помощника в церковных нуждах, поверенного в делах, управителя поместий, сборщика податей, спутника при чтениях, толкователя при объяснениях, сотоварища в путешествиях. Так, неустанно соревнуясь, действовали они вместе, взаимно оказывая друг другу братскую доверенность и внимание.

6. Но к чему нам, в стремлении умерить нашу скорбь, всем этим разжигать ее еще сильнее? Поэтому, как мы и намеревались сказать, сложили мы, по слову Марона, "бездушному

праху"², т.е. не смогущему душевно отблагодарить, печальную и горестную песнь, не без труда, поскольку нам мешала долгая отвычка от сочинения стихов; однако нашу крайнюю прирожденную лень воспламенила тяжкая и слезная скорбь. Вот это грустное стихотворение:

Честь и скорбь принеся Мамерту брату,
Всех епископов славой изумлявший
Клавдиан здесь под дерном похоронен.
Он тройным озаряет нас сияньем —
Рима, Аттики и Христовой веры;
Все постиг он еще монахом юным,
Припадая в тиши к истокам знания.
Диалектик, оратор, стихотворец.
Геометр, музыкант, знаток Писанья,
10 Разрешавший труднейшие вопросы
И словесным мечом разивший ересь,
Угрожавшую вере православной;
Знал гласы он псалмов и, брату в радость,
Обучал он их пенью хор церковный,
Чтобы все согласованно звучало.
Учреждал он для праздников годичных
Весь порядок и чин церковных чтений.
И, второй лишь имея сан священный,
Он епископу брату был помощник,
20 Ибо тот, при своем верховном сане,
Возлагал на него свои заботы.
Ты же, друг мой читатель, огорчаясь,
Что он будто бесследно нас оставил,
Орошать перестань слезами мрамор:
Схоронить невозможно ум и славу.

Вот какие стихи я написал на смерть нашего общего брата, как только я прибыл. Ведь на похоронах его я не был; и я, однако, не совсем утратил возможность горько его оплакать. Ибо, пока я все размышлял и мне удалось облегчить свою томившуюся душу, дав волю слезам, я и сделал в эпитафии то, что другие делали на могиле. Итак, я написал тебе это, чтобы ты как-нибудь не подумал, будто я ценю содружество с одними лишь живыми, и чтобы ты не осудил меня за то, что я будто бы не вспоминаю постоянно о покойных друзьях так же, как о здравствующих. А, по правде сказать, из-за того, что у нас едва сохраняется смутная память даже и о живых, ты не без основания можешь заключить, как ничтожно мало найдется таких, кто любит умерших. Будь здоров.

Книга V, Письмо 12

Сидоний приветствует своего Кальминия³

1. Если до вас редко доходят наши письма, причиной тому не наша гордость, но непомерное могущество другого. Не расспрашивай об этом, потому что ваши собственные опасения могут объяснить наше вынужденное молчание. Я могу, однако, сожалеть открыто только о том, что, отделенные друг от друга столкновениями враждующих сил, мы не можем насладиться взаимным свиданием. Ты являешься беспокойным взорам отечества только тогда, когда страшная воля чужеземца заставляет прикрываться вас латами, а нас укреплениями. Тебя приводят сюда пленником, и ты принужден опорожнять свой колчан стрел, а глаза наполнять слезами; мы, однако же, не виним тебя, потому что твои желания направлены не туда, куда стрелы.

2. Но так как по временам, если не вследствие прочных договоров, то по крайней мере вследствие ненадежных перемирий, нам блестит надежда освобождения, я упрощаю тебя как можно чаще беседовать с нами в письмах, раз тебе известно, что осажденные граждане хранят к тебе дружбу, заставляющую забывать о ненависти к осаждающему. Будь здоров.

Книга V, письмо 17⁴

Сидоний приветствует своего Эрифий

1. Ты все таков же, мой Эрифий, и ни охота, ни город, ни деревенская жизнь не развлекают тебя настолько, чтобы с удовольствием не вспоминал мимоходом о литературе; поэтому пристрастие к ней не должно тебя отвращать от меня, который для тебя, как ты пишешь, надушен музами. Такое мнение, однако, очень далеко от истины и, очевидно, высказано тобою в шутку, если ты весел, или по дружбе, если ты строг. Впрочем, оно совершенно несправедливо, раз ты приписываешь мне то, что вряд ли вполне подходит даже и Марону, да и Гомеру.

2. Оставим это и поговорим о деле. Ты просишь послать тебе стихи, какие я сочинил, уступая твоему почтенному тестю, который в обществе ему равных живет так, что ему легко и повелевать, и повиноваться. Но, чтобы лучше понять эти прямо-таки пустяки, тебе хочется знать и место, и причины, их вызвавшие; так пеняй на себя, если предисловие будет многословнее самого сочинения.

3. Мы собрались у могилы святого Юста (тебе-то болезнь помешала быть с нами); перед рассветом совершенно было еже-

годное торжественное шествие при огромном стечении народа обоего пола, и обширная базилика не могла вместить присутствующих, несмотря на то, что крипта окружена просторными крытыми портиками. Монахи и белое духовенство, возносившее попеременно сладостное пение псалмов, отслужили заутреню, и мы разошлись в разные стороны, не отходя, однако же, далеко, чтобы быть наготове к третьему часу, когда священники должны совершать таинство.

4. От недостатка простора, теснящейся толпы и от множества горящих свеч мы задыхались; к тому же нас, бывших внутри церкви, томила и сырость позднего лета, хотя ее и умеряла свежесть предосеннего утра. И вот, когда разбрелись люди всех сословий, знатнейшие граждане сошлись у гробницы консула Сиагрия, отстоящей от церкви менее чем на перелет стрелы. Кто поместился под тенью решетки из высоких кольев, покрытой лозами уже зрелого винограда, кто сел на зеленом, но благоухающем цветами дерне.

5. Разговор шел приятно, весело, живо; ему придавало особенную прелесть то, что тут не было ни малейшего упоминания ни о властях, ни о податях, ни подозрительных слов, ни одного человека, какого можно было бы заподозрить. Кто мог занятно рассказать занимательный анекдот, того слушали с жадностью, хотя веселость слушателей часто прерывала рассказ. Однако этот долгий отдых наскучил, и захотелось чем-нибудь заняться.

6. Скоро мы разделились надвое по возрасту; одним на их крики приносят мячи, другим игральные доски. Игру в мяч начал я, потому что, тебе известно, я люблю эту игру не меньше книг. С другой стороны, мой брат Домниций, человек исключительно приятный и веселый, схватил кости и, гремя ими в рожке, будто сигнальной трубой, зазывал игроков. Мы же вместе с толпою школьников натешились вдоволь, чтобы здоровым движением размяться после долгого и утомительного стояния.

7. И славный Филиматий, по слову Мантуанского поэта,

Сам решив приложить свою руку к труду молодежи⁵,

решительно вмешался в толпу игравших в мяч. Он ведь был отличным игроком, когда был помоложе. Но теперь напор бегущих то и дело сталкивал его со середины поля и, вступив в игру, он не мог перехватить летящего мимо или падающего на него мяча, ни от него уберечься, и поэтому его часто сбивали с ног, и он с трудом поднимался после неловкого падения и первый вышел из игры, запыхавшись и разгорячившись. Да и печенка у него раздулась и сильно разболелась от утомления.

8. Тут же остановился и я, чтобы, кончив игру в одно время с ним, великодушно скрыть замешательство усталого брата. Так вот, мы уселись, и сейчас же испарина принудила его попросить

воды, чтобы умыть лицо; воду подали, а вместе с ней и мохнатое шерстяное полотенце, которое, вымытое от вчерашней грязи, случайно проветривалось на веревке, протянутой к растворенным половинкам двери привратника.

9. Отирая на досуге щеки, он сказал мне: "Мне бы хотелось, чтобы ты продиктовал какое-нибудь четверостишие об этой тряпке, которая так мне помогла". "Пожалуй", — отвечал я. "Но пусть и мое имя, — сказал он, — войдет в эти стихи". Я ответил, что и это можно сделать. "Так диктуй же", — сказал он. "Знаешь, — возразил я с улыбкой, — ведь музы могут рассердиться, если я вмешаюсь в их хор при стольких свидетелях". Он отвечал мне живо, но и вежливо, как подобает человеку пылкому и неистощимому источнику красноречия: "Смотри, сударь Соллий, как бы скорее не разгневался Аполлон, если ты с глазу на глаз будешь соблазнять его питомиц". Можешь представить, какие рукоплескания вызвал этот и неожиданный, и остроумный ответ.

10. Я не стал медлить и, подозвав своего писца, стоявшего вблизи вместе с табличками, сочинил такую эпиграмму:

Утром, когда выходить придется из бани горячей,
Иль когда пот увлажнит после охоты чело,
Пусть этой тряпкой лицо оботрет себе Филиматий,
И его влагу вопьет, словно как пьяница, шерсть.

И не успел наш Епитафий это записать, как нам сказали, что уже время идти, что епископ вышел из своего покоя, и мы поднялись. Будь снисходителен к этим стишкам, которых ты просил.

11. А то, более значительное стихотворение, какое вы оба заставили меня написать иносказательно, или образно на человека, не выносящего хороших дней, и которое будет отправлено завтра, просмотрите его тайком; и если оно понравится, благоволите его обнародовать, а если не понравится, уничтожьте и меня простите. До свиданья.

Книга VIII, Письмо 6

Сидоний приветствует своего Наматия⁶

1. Диктатора Юлия Цезаря, которого называют несравненным и опытейшим знатоком военного дела, постоянно привлекали занятия и сочинением, и чтением. И хотя в лице его, самого выдающегося человека его времени, знание ораторского искусства могло поспорить с военной славой, он, однако, считал себя недостаточно сильным ни в той, ни в другой науке, пока, по свидетельству вашего арпинца, не было признано его превосходство над остальными смертными.

2. Да и со мною, если допустимо сопоставлять великое с малым, при всем между нами несходстве, случилось, в мою собственную меру, нечто сходное. Это первым делом следует признать тебе, от забот которого больше всего зависит как моя слава, так и моя скромность. Флавий Никетий, человек благороднейшего происхождения, высокого звания, отменных заслуг и самый замечательный из наших соотечественников по своему благоразумию и вместе с тем опытности, превозносит, как я вижу, непомерными хвалами произведения моего теперешнего сборника, провозглашая к тому же, что я превзошел большинство молодых, да и некоторых стариков, в разного рода сочинениях и военных успехах, будучи еще в цветущем возрасте.

3. Конечно, поскольку это можно сделать без хвастовства, я радуюсь мнению такого выдающегося мужа, если он прав, и его любви, коль он ошибается: кто же, право, из наших современников не окажется пред делами предков полным бездельником, а пред их речами бессловесным младенцем? Ибо ведь дарованиями в этих искусствах правитель веков наделил по преимуществу древние века; когда же, с годами одряхления мира, дарования эти истощились и стали бесплодными, они в наше время и лишь у немногих являют что-либо удивительное и достопамятное.

4. Однако же, несмотря на первенство Никетия во всех науках и письменности и на мое к нему всегдашнее уважение, я опасаясь, что его суждение высказано с большим, чем того требует истина, пристрастием. И я не стану поэтому отрицать своего частого присутствия на его блестящих выступлениях, о которых мне, пусть это и может показаться взаимной любезностью, следует хоть немного и бегло упомянуть.

5. Я слушал его в молодости и чуть ли не мальчиком, когда мой отец как префект претория ведал судами в Галлии, именно в то время, как, при исполнении им этой должности, облаченный в трабею консул Астерий⁷ торжественно отворил двери года. Я находился у курульного кресла и, хоть не стоя в стороне, по своей знатности, но, конечно, не сидя, по своему возрасту; и, вмешавшись в толпу ближайших к консулу простых граждан, был очень от него близко. И вот, как только, ни мало не помедлив, раздали не малую спортулу⁸ и были вручены фасции⁹, все собрание галлов обратилось к виднейшим ораторам с просьбой выступить в эти предшествующие празднеству утренние часы, пока с нетерпением и в молчании ожидалось наступление дня, и подобающим похвальным словом почтить передачу новому консулу заслуженных им фасций.

6. Видные люди немедленно увидели Никетия; когда же его стали просить не потихоньку и не каждый порознь, а все наперебив, он сначала стыдливо покраснел и скромно опустил голову. И эта его скромность, еще раньше, чем его красноречие, обес-

печила ему величайший успех. Говорил он стройно, веско, горячо, с большой силой, с еще большим красноречием, с величайшим искусством, и напоенное сарранскими соками¹⁰ одеяние с пальмовой вышивкой между звенящими блестками еще больше разукрасил и цветами, и золотом своей речи.

7. Около этого времени был опубликован, по выражению децемвиров, закон о тридцатилетней давности, решительными постановлениями которого пресекалась всякая тяжба, затянувшаяся за шестое пятилетие. Этот закон, ранее в Галлии неизвестный, оратор, о коем мы говорим, приказал применять по инстанциям, обнародовал в судах, объявил тяжущимся сторонам и внес в документы многолюдного, но редко заседающего собрания с немногими замечаниями и с большими похвалами.

8. Кроме того и в других случаях, наблюдая за ним незаметно, — а таким образом легче всего изучать человека, — я мог оценить ученость Никетия, когда консульское правление провинциями управлялось его советами. Чего же больше? Я не слышал ничего, чего не пожелал бы сказать и сам, ничего, чем бы я не восхищался.

9. По причине всех этих достоинств, сосредоточенных в этом человеке, я радуюсь, что одобрил меня такой, всеми восхваляемый цензор. Каково бы ни было его суждение обо мне, оно чрезвычайно важно; если я уверен в его справедливости, оно настолько же меня успокаивает своей благожелательностью, насколько, будь оно враждебным, меня бы ужасало. Вообще я твердо и непременно решил, познакомившись с ним в полной мере, или давать поводья молчанию, или обуздывать свою болтовню. Итак, если я доверяю тому, о ком я говорю, я буду речистее Афин, а если нет — молчаливее самих Амикл¹¹.

10. Но довольно говорить о моем друге. Ну а ты-то сам что теперь подделываешь? Мне ведь и о тебе искренне хотелось бы знать. Охотишься? Строишься? Живешь в деревне? Занят чем-нибудь из этого одним? Или то тем, то другим? Или всем одинаково? Что до Витрувия или Колумеллы, то, идешь ли ты по стопам кого-нибудь из двух, или их обоих, ты поступаешь прекрасно. Ведь ты можешь отлично следовать и тому и другому, став и выдающимся сельским хозяином и архитектором.

11. Что же до занятий охотой, то я очень тебе советую увлекаться ею как можно меньше. Ты ведь, право, напрасно заманиваешь на рогадины кабанов, которых с помощью множества преданных тебе собак, да и без них, ты способен скорее гнать, чем подгонять. И отлично: надо извинить твоих собачек, раз они боятся приближаться к зверям страшным и могучим; одного я не понимаю, как ты оправдываешь то, что они при их робости, сердцебиении, редких шагах и постоянном лае, гоняются за курносими козами, а равно и за пугливыми ланями.

12. В конце концов тебе, неизменному охотнику, выгоднее опутывать сетями и тенетами крутые утесы и удобные для потаенных логовищ рощи; и ты как-никак стыдишься опрометью скакать по полям и высматривать оларийских зайчиков¹², которыми редко удастся тебе поживиться на охоте и которых не стоит травить сворами собак в открытом поле. И не лучше ли будет погоняться за ними, когда тебя и твоего отца посетит наш Аполлинарий.

13. Шутки в сторону: расскажи мне, как ты живешь, что у тебя делается. Но вот, только хотел я закончить свое письмо со всей его болтовней, как вдруг — вестник от Сантонов; в течение нескольких часов разговора о тебе, я достоверно от него узнал, что вы подали сигнал флоту о выступлении и что ты, то как матрос, то как солдат, блуждаешь по извилистым берегам Океана против изогнутых саксонских миопаронов¹³, на которых скольких бы ты ни насчитал гребцов, всех их считай главарями морских разбойников: все они приказывают, подчиняются, учат и учатся разбою. Из-за этого я теперь и убеждаю тебя всеми силами всячески беречься.

14. Этот враг из всех врагов самый свирепый. Нападает он неожиданно, ускользает, коль ждешь его; ты наготове, он не готовится, беспечных поражает; проследит, коль преследует, коль бежит, убегает. К тому же кораблекрушения его изощряют, а не страшат. Борьбу с морем саксы не только хорошо знают, но сдружились с нею. Ибо если даже буря и мешает их нападению, то она и не дает увидеть собирающихся напасть, и они средь волн и грозных подводных камней весело переносят опасности в надежде на внезапную высадку.

15. Кроме того, прежде чем поднять паруса для возвращения с материка на родину и вытащить с чужого дна цепкие якоря, у них есть обычай умерщвлять в жестоких и равных для всех мучениях каждого десятого из пленников, обычай тем более мрачный, что основан на суеверии; при этом несправедливая смерть обреченной на гибель толпы оправдывается справедливым жребием. Такими жертвами они исполняют обеты; и не столько очищенные этим жертвоприношением, сколько оскверненные святотатством, они думают, совершая нечестивое убийство, что поступают благочестиво, если более требуют с пленника мучений, чем выкупа.

16. Вот почему я многого боюсь, разного опасаясь, хотя еще большее должно бы, наоборот, меня ободрять: во-первых, ты выступаешь под знаменами народа-победителя; затем, люди мудрые, к числу которых ты по праву относишься, никогда, я уверен, не поступают опрометчиво; в-третьих, что касается верных, но отдаленных друзей, они часто беспокоятся даже о безопасном,

так как того, что происходит вдали от них и внушает им сомнения, они склонны бояться и предугадывать всякие неудачи.

17. Но ты скажешь, пожалуй, что нечего так опасаться того, чего я так страшусь. Это, правда, справедливо; но не ложно и то, что мы больше беспокоимся за тех, кого сильнее любим. Ради этого, однако, я умоляю, как можно скорее осчастливь меня известиями о себе и уйми мое тоскливое волнение. Ибо никогда не смогу я перестать с ужасом думать о бедах, грозящих в пути друзьям, притом еще получившим приказ идти в сражение, пока не буду иметь благоприятных о них известий.

18. Я послал тебе по твоей просьбе логисторика Варрона и хронографа Евсевия; если дойдет до тебя их напильник, то, или в перерыве между стражами, поскольку ты на военной службе, или если случится тебе быть свободным, ты сможешь, почистив оружие, воспользоваться этим для того, чтобы снять со своих уст ржавчину речи. Будь здоров.

¹ Клавдиан — Мамерт Клавдиан, священник церкви во Вьенне. До нас дошло его сочинение о душе (см. Ешевский, с. 13, сл.).

² Энеида, VI, 213: "Плакать, последний долг отдавая бездушному праху".

³ Письмо к Кальминию относится, вероятно, к началу 474 г., ко временному перемирию между овернцами и готами Эйриха, вместе с которыми принуждены были сражаться и жители Аквитании (см. Ешевский, с. 291 сл.).

⁴ В этом письме говорится о церковном празднике 2 сентября в Лугдуне (Лионе).

⁵ Энеида, V, 499.

⁶ Наматий, которому написано это письмо, был, по-видимому, начальником флота Эйриха; родом он был, вероятно, из Италии, что видно из того, что Сидоний (§ 1) называет Цицерона "вашим арпинцем". Никитий, о котором говорится в первой части письма (§ 2—9), был сначала оратором (адвокатом), а потом советником претория.

⁷ Астерий — консул 449 г.

⁸ Спортула — денежные подарки.

⁹ Фасты — таблички из слоновой кости с именами консулов.

¹⁰ "Сарранские соки" — пурпуровая краска (Сарра — древнее название города Тира).

¹¹ По преданию, в Амиклах (в Пелопоннесе) во избежание ложных слухов было запрещено говорить о приближении врагов. Название "молчаливые" применялось и к итальяским Амиклам на побережье Тирренского моря. Сервий в комментарии к Энеиде, X, 564 приводит и другое объяснение такого названия итальяских Амикл.

¹² Оларийских (или олиарийских) — т.е. на острове Олиаре в области Сантонов (Олерон у берегов Бискайского залива).

¹³ Миопароны — легкие каперские суда.

Сальвиан

Какие-либо определенные биографические сведения об этом писателе отсутствуют. Время написания главного его сочинения “О мироправлении Божьем” относят обычно к самой середине V в. (439—450 гг.). Исходя из того, что произведение это принадлежит перу зрелого человека и писателя, предполагают, что Сальвиан родился либо в самые последние годы IV, либо в начале V в. Дожил Сальвиан, по-видимому, до глубокой старости, поскольку Геннадий в своем каталоге “О знаменитых мужах” (гл. 68), датированном 490—495 гг., сообщает о нем как о живущем.

Место рождения Сальвиана спорно. Несколько ранних комментаторов считали, что он родился в Африке. Они ссылались на отдельные места “Мироправления” (VII, 12—13 и др.). Однако другие места этого сочинения, особенно же VI книга, заставляют предположить, что он родился скорее где-то вблизи Рейна — в Трире или в Кельне. Родители его принадлежали, по-видимому, к галло-романской аристократии. Судя по его сочинениям, он хорошо знал жизнь и нравы верхов современного ему общества. Сальвиан был женат и имел дочь — об этом говорится в четвертом из девяти сохранившихся его писем.

Геннадий, сообщая о последних годах жизни Сальвиана, называет его священником марсельской церкви. До переезда же в Марсель он жил в Лерэне, монастыри которого привлекали многих будущих крупных церковных сановников. Предполагается, что годы жизни в Лерэне сыграли большую роль в духовном и творческом формировании Сальвиана.

Помимо сочинения “О мироправлении Божьем”, до нас дошло сочинение “Против алчности” в четырех книгах и девять писем. Девятое письмо, под псевдонимом Тимофея и под заглавием “Ко вселенской Церкви”, предпослано сочинению “Против алчности”, в котором Сальвиан бичует пороки духовенства.

Основное произведение Сальвиана “О мироправлении Божьем” (“De gubernatione Dei”), в древнейших списках носящее название “О произведении и справедливости Божьей” (“De providentia et iustitia Dei”), состоит из 8 книг, из которых последняя осталась незавершенной. Первые две книги составляют как бы теоретическую основу сочинения. Следуя за классическим

произведением Лактанция “Божественные установления” (III в.), Сальвиан показывает мироправление и суд Божий на примерах из ранних книг Ветхого Завета и подтверждает его “свидетельствами”, взятыми из всей Библии. Начиная с III книги внимание Сальвиана переключается со священной истории на современность. Он старается доказать, что в бедствиях, обрушившихся на Римское государство накануне его окончательного падения, виновато не божественное Провидение, как склонны считать некоторые, а само римское общество, погрязшее в пороках. Отдельные места из последних книг сочинения, где Сальвиан бичует легкомыслие, пьянство, разврат высшего общества, звучат как настоящий памфлет.

Сочинение Сальвиана отличает известный демократизм: он с сочувствием пишет о бедняках, которым особенно тяжело приходится от общественных несчастий. Обвиняя римлян во всех смертных грехах, Сальвиан противопоставляет им варваров, которым решительно отдает предпочтение.

Стиль Сальвиана не свободен от ошибок, свойственных его времени, но достаточно ясен, несмотря на обилие разнообразных риторических фигур, к которым писатель питает явную склонность.

О мироправлении Божьем

[Римляне и варвары]

(Книга V, главы 4 и 5)

4. Что же касается обращения готов и вандалов, то чем мы лучше их и почему нас нельзя сравнивать с ними?

В отношении любви и милосердия (а эту добродетель Господь учит ставить на первое место и указывает на нее не только через Священное Писание, но и Сам, говоря: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”¹) я бы сказал, что почти все варвары, которые принадлежат к одному племени и имеют одного короля, связаны друг с другом, почти же все римляне преследуют друг друга. В самом деле, какой гражданин у нас не ненавидит другого гражданина, кто вызывает полную расположенность к своему соседу? Все далеко друг от друга, если не местом, то сердцем, и даже объединенные одним домом, разъединены мыслями. О, если бы это худшее из всех зол касалось только сограждан и соседей: гораздо важнее, что родственники не чтут уз родства. В самом деле, кто платит близостью своим близким? Кто считает себя обязанным быть милосердным? Кого из родственников по сердцу или по

крови не снедает злоба, чье чувство не облито желчью, кого не казнит благополучие другого? Кто не считает чужое счастье своим несчастьем? Кому хватает своего счастья настолько, чтобы желать счастья другому? Многие же заражены теперь новым и страшным пороком: для полного счастья им нужно, чтобы другой был несчастен. А другое жестокое зло, которое исходит из того же источника и которое чуждо варварам и привычно римлянам, зло, которое заключается в том, что они разоряют друг друга налогами? Впрочем, не только друг друга: было бы гораздо сноснее, если бы каждый заставлял другого терпеть то, что он переносит сам; но хуже всего то, что большинство обирается меньшинством, и общественные подати обратились в частную добычу; так ведут себя не только высшие сановники, но и всякая мелочь, не только судьи, но и им подчиненные чиновники.

Найдется ли город, община или село, где не было бы столько же тиранов, сколько куриалов? Чиновники гордятся таким прозвищем, потому что оно дает им силу и почести; подобно этому воры радуются и торжествуют, когда их считают более ужасными, чем они есть на самом деле. Еще раз повторяю, существует ли такой город, в котором начальники не поглощали бы имущество вдов и сирот, а вместе с тем и всякую святыню? Священники имеют ту же участь, что вдовы и сироты, так как они или не хотят защищать себя, по причине своего звания, или не могут, вследствие своей невинности и смирения. Таким образом, у нас никто не считает себя в безопасности; и если вы исключите тех, которые по своей власти и связям стоят вне грабежа или сами участвуют в нем, то ни один человек не ускользает от алчности этого рода воров. При таких условиях безопасен только тот, кто имеет силу поставить другого в опасность.

5. Но, очевидно, среди стольких негодяев, грабящих честных людей, найдется кто-нибудь, кто пришел бы им на помощь, кто, как говорит Писание, исторгнул бы бедного и нищего из рук грешников. "Нет делающего добро, нет ни одного"³. Потому он сказал: "нет ни одного", что добрый человек — большая редкость. Кажется, что есть только один. В самом деле, кто поможет страждущим и бедствующим, если даже служители Господа не имеют сил сопротивляться насилию негодяев? Они или молчат, или говорят так, что лучше бы молчали; многих удерживает не отсутствие смелости, а расчет и политика. Они не хотят высказывать горькую истину, так как уши нечестивцев не могут ее вынести; они избегают ее и преследуют сказавшего ненавистью и проклятьями. Они не только не боятся и не уважают слов священника, но по своей необузданной гордости презируют его, и потому те, которые могли бы говорить, молчат, пока не трогают их самих. Они не хотят открыто показать силу истины, дабы не задеть нечестивцев и не побудить их к большим преступлениям.

ям. А между тем бедняки подвергаются грабежу, вдовы стонут, права сирот попираются до того, что многие из них, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, ищут убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований; они ищут — о, чудо! — у варваров римского человеколюбия, так как не могут вынести варварской бесчеловечности у римлян. И хотя они отличаются от тех, к которым бегут, и нравом, и языком, и им не нравится, так сказать, их неопрятный образ жизни, они предпочитают привыкнуть к варварскому быту, чем переносить жестокую несправедливость римлян. И, таким образом, мало-помалу они переселяются к готам, багаудам⁴ или к другим всюду господствующим варварам и не раскаиваются в том, что переселились. Ибо они предпочитают жить свободными под именем рабов, чем быть рабами под именем свободных. Некогда имя римского гражданина не только высоко ценилось, но и дорого покупалось; теперь же его отвергают и от него бегут, настолько оно считается презренным и даже почти ненавистным. Разве может быть большее свидетельство римской несправедливости, чем то, что лучшие люди, которым Рим обязан своей славой, доведены до того, что не хотят быть римлянами. Поэтому и те, которые не убежали к варварам, стараются стать варварами на месте; большая часть Испании и немалая часть Галлии, и, наконец, все, кто во всем римском мире оскорблен римской несправедливостью, перестали называть себя римлянами.

[Упадок нравов в Галлии]

(Книга VI, главы 13 и 15)

13. Эти места, однако, находятся далеко от нас, почти в другом мире⁵, и кажутся не относящимися к спору, когда я обращаю внимание на то, что даже в моей собственной стране, в Галлии, почти все люди высокого общественного положения сделались хуже от своих несчастий. Я видел сам людей знатного происхождения, занимавших почетные должности, разоренных, в разграбленной провинции, обнаруживших, однако, упадок нравов еще больший, чем расстройство их имущественного состояния. Опустошение страны было не настолько велико, чтобы не оставалось какого-нибудь средства поправить дела, но не было никакого средства исправить нравы. Римляне гораздо большие враги самим себе, чем их внешние неприятели, и, хотя варвары уже нанесли им поражение, они теперь сами довершают свое собственное разорение. Печально описывать то, чему я был свидетелем: почтенные старцы, престарелые христиане, несмотря на гибель, грозящую их положению, становятся рабами чувственных

наслаждений. Что должно быть первостепенным поводом для обвинения? Сан, возраст, имя христиан или опасность? Кто мог подумать, что со старыми людьми даже в мирное время возможны такие вещи, какие молодые могли позволить себе лишь на войне, а христиане не должны позволять никогда! Они предались наслаждению, забыв свой сан, свой возраст, веру и самое свое имя. И это были правители города, обожравшиеся, раскисшие от пьянства, с безумными возгласами, с головокружением от разгула, полностью потерявшие рассудок, или, скорее, так как это было их обычное состояние, — как раз в своем рассудке. Но то, что я сейчас скажу, еще хуже: даже разрушение города не положило конец их позорному поведению. Самый цветущий город Галлии⁶ варвары брали приступом не менее четырех раз. Легко узнать город, о котором я говорю. Первое падение должно было обратить граждан на путь раскаяния, чтобы вторичное падение не навлекло вторичного наказания. Но что последовало? Невероятная история! Пороки в этом городе возрастали вместе с постоянным повторением несчастий. Подобно тому сказочному чудовищу, головы которого отрастали по мере того, как их отрубали⁷, в самом замечательном городе Галлии пороки набирали силу от каждого удара, которым их наказывали. Можно подумать, что наказание, вместо того, чтобы положить конец преступлениям этого народа, действовало как производитель пороков. Но что тогда? Ежедневное приумножение грехов привело город к такому положению, что легче было истребить в нем всех жителей, чем найти хоть одного, свободного от греха.

Вот то, что касается этого города. А что можно сказать о другом, находящемся неподалеку и почти равном ему по значению⁸? Не испытывает ли он то же крушение состояний и падение нравов? Кроме всего прочего, в этом городе преобладают два главных общих всем порока — алчность и пьянство; пьянство достигает таких размеров, что однажды отцы города отважились покинуть пирушку только тогда, когда враги по существу были уже внутри стен города. Бог пожелал яснее показать им, почему они гибнут, так как даже в самый последний момент перед бедствием они вели ту самую жизнь, которая привела их к гибели. Я сам видел там плачевное зрелище, где не было никакой разницы между поведением пожилых и молодых людей. Нескромность в разговоре, легкомыслие, роскошь, склонность к пьянству делали их похожими друг на друга. Люди преклонного возраста, занимавшие почетные должности, видя, что им осталось недолго жить, пили так, как могут пить только очень крепкие люди. Силы, которой им не хватало на то, чтобы ходить, хватало на то, чтобы пить. Их дрожащие ноги обретали твердость, когда им нужно было танцевать. Чего же более? Вследствие всего, о чем я рассказал, они превратились в таких подонков, что на них

исполнились слова Священного Писания: "Вино и женщины развратят разумных"⁹. Ибо где так пьют, играют, безумствуют, там отрекаются от Христа. После всего этого можно ли удивляться, что они потеряли состояние, когда они уже давно потеряли ум! Никто не поверит, что этот город погиб от нашествия варваров, ибо смерть этого народа наступила раньше, чем их гибель от варваров.

15. Между тем подобные вещи случались в прошлом, есть сейчас и будут всегда. В самом деле, разве мы видим, что какой-нибудь город или провинция, завоеванные или разграбленные варварами, изменили свой образ жизни? Смирились ли, подумали ли о том, чтобы изменить нравы и исправиться? Таков уж римский характер: они гибнут, но не исправляются. У нас есть доказательство этого: три раза был разрушен первый город Галлии, три раза он служил как бы костром для своих жителей, но пороки после этого только возросли еще больше. Однако разрушение не было самым главным злом, которое испытал город; избежавшие гибели были подавлены нищетой. Тот, кого миновала смерть, стонал под бременем бедности. Одни, израненные, влачили жалкую жизнь: другие, наполовину обгоревшие, долго чувствовали на себе жестокие последствия ожогов. Одни погибали от холода, другие от наготы; огромное число людей погибло от болезней или от суровых холодов. Таким образом, смерть являлась в тысяче различных видов. Разрушение одного города стало всеобщим несчастьем. Я видел и не отказывал в своей помощи тем, которые бедствовали; везде валялись вперемешку трупы мужчин и женщин, нагие, истерзанные, являвшие печальное зрелище для жителей других городов и брошенные на съедение собакам и птицам. Тяжелый запах от гноившихся мертвых тел увеличивал смертность между живыми; смерть дышала смертью. Но что же вызвали все эти бедствия? Трудно представить, до чего могут дойти подобные люди: несколько знатных, уцелевших во время разорения города, как бы спеша на помощь разоренным, стали хлопотать перед императорами о разрешении на открытие игр в цирке.

Для изобличения такого бесстыдства я хотел бы обладать силой красноречия, соответственной делу, и в своем обвинении обнаружить столько же доблести, сколько заключено горестного в самом иске. Кто подскажет мне, с чего начать обвинение? Говорить ли мне о безбожии, о глупости, о распутстве, о бездумии? У этих людей имеется все это в полной мере. Разве существует более безбожная просьба, чем просьба к Богу о том, что должно Его оскорбить, или может ли быть глупее поступок, чем тот, когда думаешь, о чем просишь? Разве существует поведение беспутнее того, когда среди всеобщего плача просят об увеселениях, и можно ли быть таким безумным, чтобы, пребывая в

печали, не сознать ее? Меньше всего следует при этом обвинять человека в безумии, потому что преступление не зависит от воли, когда человек находится в припадке. Те же, о которых мы говорим, виновны вдвойне, так как они безумствовали, обладая рассудком. Таким образом, вы, жители Трира, желали восстановления игрищ? Вы, разоренные, порабощенные, потерпевшие поражение, после крови, мук, плена, после полной разрухи в городе? Что может быть горше такой глупости, что печальнее вашего безумия? Я считал вас несчастнейшими людьми из-за разорения, которое вы пережили; но просьба об игрищах делает вас в моих глазах еще более несчастными. Я думал, что вы во время грабежа и пожаров потеряли имущество, но не знал, что вы лишились при этом также рассудка и чувства. Итак, вы просите зрелищ, вы требуете у государей представления в цирках. Но для кого, для какого народа, для какого города? Для сожженного и погибшего города, для пленного и погибающего народа, который страдает и плачет? Ведь оставшиеся в живых оплакивают свою судьбу, дрожат от страха, обливаются слезами и погрязли в нищете; не знаешь, кому лучше — убитым или живым? Так бедственно положение оставшихся в живых, что они могут позавидовать несчастью павших.

Итак, ты, Трир, просишь публичных игр? Где же ты думаешь их устроить? Не на пожарище ли и пепле, не на костях ли и потоках крови погибших сограждан? Где же в целом городе ты найдешь место, не носящее на себе следов бедствия? Где не струится кровь, где не видно трупов или растерзанных членов тела? На ваш город наложена печать плена и ужаса, повсюду образ смерти. Спасшиеся остатки жителей лежат вместе с трупами погибших родственников, а ты просишь игрищ. Город почернел от пожара, а ты с праздничным лицом. Все плачут, а ты один смеешься. Все это вызывает суровый гнев Бога, а ты своими гнусными предрассудками еще более раздражаешь гнев Господень. Не удивляюсь бедствиям постигшим тебя. Город, который не исправился от трехкратного разорения, вполне заслужил и четвертый разгром.

¹ Ин. 13, 35.

² Куриалы — лица, входящие в городское управление и ответственные, главным образом, за поступление налогов.

³ Пс. 13, 3.

⁴ Багауды — галльские крестьяне и колоны, участники революционного движения, охватившего в III—V вв. Галлию и Северную Испанию. Слово кельтского происхождения, означающее в переводе “сжигатели”.

⁵ В предыдущих главах шла речь об африканских городах Цирте и Карфагене.

⁶ Как явствует из дальнейшего, Сальвиан имеет в виду Трир.

⁷ Такая оценка Трира совпадает с отзывами об этом городе у других писателей. Так, Авсоний ставит Трир по значению и блеску на четвертое место в империи, после Рима, Карфагена и Антиохии. Трир был резиденцией префекта Галлии.

⁸ Это может быть Майнц, Кельн или Мец.

⁹ Сир. 19, 2.

Седулий

Поэт Седулий, главное произведение которого “Пасхальное стихотворение” (“Carmen Paschale”) в продолжение всего средневековья пользовалось широкой известностью, родился во второй половине IV в. Место его рождения остается неизвестным, но происходил он, вероятнее всего, из Италии. Деятельность его относится ко времени правления Феодосия Младшего и Валентиниана, т.е. к V в. “Пасхальное стихотворение” написано Седулием в Греции, где он под руководством своего друга Македония изучил христианские догматы и, вероятно, стал священником. Кроме “Пасхального стихотворения”, из произведений Седулия сохранились два небольших стихотворения, прославляющих Христа; одно из них написано элегическим дистихом, другое четырехстопным ямбом. Последнее почти сплошь рифмовано и разделено на четырехстрочные строфы, каждая из которых начинается с новой буквы в порядке латинского алфавита. “Пасхальное стихотворение” разделяется на пять книг. В первой книге излагаются события Ветхого Завета, таинственно (“прообразовательно”) предвещающие события Нового Завета; во второй книге повествуется о жизни Христа; в третьей и четвертой излагаются чудеса и беседы Христа, главным образом по Евангелию от Матфея; пятая книга начинается с описания праздника Пасхи и кончается рассказом о смерти Христа. Все стихотворение, написанное красивым и ярким языком, послужило образцом для всей дальнейшей христианской поэзии. Седулий обнаруживает прекрасное знакомство с античной поэзией — Овидием, Вергилием, Луканом и даже Лукрецием, которым он во многом подражает, не теряя, однако, своей индивидуальности.

Пасхальное стихотворение

Кто бы ты ни был, вкусить желая пасхального брашна

И не гнушаясь возлечь с нами совместно за стол,
Брови не хмурь, если нас за своих ты друзей считаешь,

Но хитроумного ты не ожидай ничего.

А удовольствуйся тут торжеством и скромною пищей:

- Душу, не тело свое здесь ты насытишь скорей.
Если же ты увлечен стремлением к великолепию,
Роскошь несметных богатств предпочитай всему,
То наслаждайся тогда пирами знатных ученых,
10 Яства которых никак и перечислить нельзя.
Там ты найдешь и все то, чем только ни кормит их море,
Все, что плодится землей, все, что летит к небесам.
Соты медовые там в самоцветных желтеют корзинах
И золотятся, блестя в золоте чаш дорогих.
Мы же, довольствуясь тем, что растет у нас в огороде,
Овоши лишь подадим в глиняной плошке тебе.

Книга I

- Коль непрестанно поют стихотворцы язычников басни,
В слогe напыщенном их украшая трагическим воплем,
Или раба болтовней и любыми искусно стихами,
20 Иль непристойною все уснащая и мерзкою грязью,
И воспевают они преступленья былые и ловко
Выдумки передают, чертя на папирусе нильском,
Что же я, зная псалмы Давида и десятиструнной
Строй псалтири и то, как надо достойно и чинно
В хоре священном стоять, воспевая небесные выси,
Не прославляю чудес Христа, Спасителя славных?
Если о явном могу говорить, то Господа Бога
Сладостно всею душой и всем сердцем мне исповедать:
Он в меня душу и сердце вложил, одному Ему должно
30 Твари Его услужить, и Он нерушимо от века,
Неразделимо с Отцом, в небесных властвует высях,
Равен почетом Ему, равносилен и равноозвышен,
Силой и доблестью с Ним одинаков и царствует вечно,
Он изначален, един по державе и славе совместной,
И одинаково Их величие; Им ко спасенью
Путь указан, к дарам пасхальным открыта дорога.
Вот о чем буду я петь: внимательно слушайте это.
Стойко недужным умам окажите вы этим поддержку,
Тем, кого смертное зло бесплодных забот отравило
40 Ядом Кекроповым всех мудрований аттической мысли,
И, благовонный закон вдыхая жизненной силы,
Освободите себя от гнусной грязи афинской.
Что вам, Тезея сыны, в пещере блуждать лабиринта
И безысходно бродить в потемках Дедалова дома?
Дикий зачем виноград срывать вместо сладостных гроздьев
Или же, розы презрев, собирать полевую лаванду?

Можно ль от бронзовых ждать иль от мраморных вам
изваяний

Помощи, если немой отдаете вы душу камням?

Пылью покрытые вы поля песчаные бросьте,

50 Бросьте в пустынях вы жить, где плодов никогда
не приносит

Почва сухая, и там, из недр земли обгащенной,

Не извлекайте отрав, смертоносным напитанных ядом

Для преисподних глубин, но в благоуханные рощи,

Полные вечных цветов, и в блаженную область идите

Вдоль по священным струям, где божественной жизненной
влагой

Оживлены семена и где орошенные свыше

Радостно нивы растут, не стесненные тернием жестким,

Чтобы для Бога была от них обильная жатва

И урожай на полях сторицею житницы наполнил.

60 Боже всемогущий всегда, надежда единая мира,
Вышнего неба Творец, Создатель всего мироздания,
Ты, не дающий волнам многошумно поднимающейся бури
Натиском их потопить и разрушить прибрежные земли,
Ты заставляешь сиять и солнце и месяц рогатый,
Распределяя их свет между ночью и днем равномерно,
Ты лишь один и количество звезд и названия их знаешь,
Ведаешь знаменья, силу, места, и ход их, и скорость,
Ты из земли молодой тела различные создал,
Комья ее оживив и дав их членам дыхание,

70 Ты человека, запретным плодом соблазненного сладким,
Лучшею пищей живишь и, дав ему выпить священной
Крови, весь яд из него изгоняешь змеиной отравы,
Ты человеческий род (кроме тех, кто спасался в ковчеге),
В пенных погибший волнах, потопом застигнутый страшным,
Вновь воедино творишь, чтобы тайная сила явила,
При смертоносных грехах, главенство верховное древа¹
И обновление всех погружением в светлые воды;
Ибо Ты снова весь мир очищаешь единым крещением.

80 Ты мне спасительный путь укажи, что немногих ко граду
Узкой тропой ведет по горам, и святильником слова
Ноги мои освети, чтобы к жизни ведущей стезею
Я до овчарни достиг деревенской, где чистую добрый
Пастырь отару хранит, где Агнец Девы, сияя
Светлым руном, за собой ведет белоснежное стадо.
Не затруднителен путь за Тобою, Твоим повелениям
Следует все естество и, былой оставляя порядок,
Все, подчиняясь Тебе, свои изменяет обличья.
Если Ты нивам велишь золотиться в морозную пору,

- Вызовет в поле жнецов зима, повелишь винограду
90 Ты наливаться весной, в тот же час на цветущих лужайках
Грязный пойдет винодел топтать виноградные гроздья,
И подчинится вся смена времен божественной воле.
Этому веру дает несомненную древность и давних
Племя былое отцов, и этим вовеки нимало
Не умаляется мощь Твоих знамений, посланных с неба.
Только немного я поведать из этого смею
В повествованьи моем и, с душевным волненьем и страхом
В чащу лесную входя, коснусь я лишь нескольких веток.
Ибо, имей человек даже сотню уст и железный
100 Голос в груди, чтобы сто словес из нее вылетало,
Кто рассказал бы о всем, что числом своим превышает
Светлые звезды небес и влажные моря песчинки?
Долгую жизнь заслужил Енох², после Хаоса первый.
Много бесчисленных лет и веков довелось ему видеть,
Меру прейдя естества, земным уделенную тварям,
Но поразила и смерть, что рожденный ей не достался.
Немощным стало нутро одряхлевшей от старости Сары³,
Долгие годы ее истощили, детей не давала
Ей охладевшая кровь в ее увядающем теле.
110 Старше еще был и муж, но вот ее вялое чрево
Вздулось, она понесла и, от бремени в лоне холодном
Страхом объятая мать надежду великого рода,
Сына родив, наконец, его собственной грудью вскормила.
Богу его посвятил родитель в жертву, но овна
Вместо него заколол священного на всеожуженье.
Свят был сей праведный муж: он, высшей любовью объятый,
К сыну любовь превозмог и заклать его не усомнился.
Ведал он Бога завет, предвещая, что помощь в грядущем
Жертвы пасхальной придет и спасет, Свою кровь проливая,
120 Весь человеческий род добровольной кончиною Агнец.
В день, когда Лот⁴ покидал Содом, обреченный на гибель,
Стала столпом соляным супруга его, оглянувшись.
Кару она понесла заслуженно, ибо не может
Быть спасенным никто, кто, гибельный мир покидая,
Взоры назад обратит, и, достойною занят работой,
Пахарь осматривать вновь начнет борозду, обернувшись⁵,
Некогда куст пламенел терновый, огнем не палимый,
И, не сгорая, горел, а пожаром объятые ветви
Не были пищей ему, и ствол его жив оставался,
130 Не погибая в жару, но, листву его дружески грея
И обнимая ее, лизало могучее пламя.
Посох покорный змеей непокорною ожил и сразу,
В кольца свиваясь, пополз и, тройным языком угрожая,
Вздулся в чешуйчатый горб и, змей неприятельских разом

Пастью своей поглотив, снова сделался тростью сухою.

Моря лазурь раздалась, и проход в ней открылся
свободный

Между водой по бокам оголенного дна без обычных

Волн, покрывавших его, и всею толпой пешеходы

Посуху морем идут вперед по пучине безводной,

140 Как между мраморных стен по чуждой ступая дороге.

Необычайным путем проходя глубиною морскою,

Подготавлился народ тогда уже к тайне крещения;

Руководил им Христос. Возглашает пророк: над водами

Многими Господа глас раздается. А глас — это слово,

Слово же — это Христос, по согласным законам заветов

Правивший ими и путь открывший чрез древнюю бездну,

Чтобы учение впредь по открытым полям проходило.

Что расскажу я о том, как несметные толпы сбирали

Ангельский хлеб с небеси, с облаков изливавшийся нектар,

150 Как насыщался народ воздушною сладкою пищей,

Корм от дождей находя и еду получаю из ливней?

Мучиться стало опять томимое жаждою войско

При истощении земли от засухи долгой, и вовсе

Не было в почве воды, и надежда не только напиться,

Но даже выжить ушла, как вдруг из утеса сухого

Хлынул источник, струя по скале побежала безводной,

И напоил всех родник, из бесплодного мрамора выйдя.

Оживлены были все священным, таинственным даром:

Хлеб от Христа, и в камне Христос, и влага Христова.

160 Ангела видя, уста отверзла со страха ослица

И седоку, заревев своим зычным голосом, стала,

Как человек, говорить бессловесная эта скотина.

Над Гаваоном свой бег задержало на небе солнце

И отложило закат, неизменно пылая лучами

Дольше обычного днем, и луна, в нарушение порядка,

Медлила, стоя дотоль, пока враг уже не был осилен

С помощью Неба в бою, разъяренным мечом истребленный:

Видно уж было тогда светилам послушным, что имя

Войска вождя предвещает приход Иисуса грядущий.

170 Вороны встарь Илию кормили, как верные слуги

Пищу ему принося, не так, как хищная птица

Делает, глотку себе набивая прожорливым клювом,

Но, и голодный, еду доставлял ему в целости ворон,

Верный теперь Илии, неверный ранее Ною⁶,

Но еще больше чудес Илия, преисполненный Бога,

Миру явил и своей достойным наследником сделал

Собственной доблести он своего неизменного друга,

По вознесении своем на объятый огнями четверке,

180 Не оставлявшей следов на дороге к небесным светилам.

- Звездным он мчался путем, стремясь в колеснице блестящей
Истины высшей достичь, и был он торжественно встречен
На небе, не испытав кончины, положенной людям.
Так получил Илия заслуженно высшую почесть
На светоносной тропе по достоинству имени, ибо
Им он прославлен навек: если в нем изменить ударенье
В букве одной, то оно означает по-гречески солнце⁷,
Некогда Бог пожалел царя перед самой кончиной⁸
И, милосердно ему еще три пятилетия добавив
190 Волей своей, затворил он ворота, открытые настежь
Смерти, и жизнь повернул ему от заката к восходу.
Брошенный в море с ладьи и китом поглощенный, Иона⁹
Заживо в море отнюдь не погиб, не могилу нашел он,
Бывши от смерти спасен в глубинах звериного чрева,
Где не добычею стал, но по волнам безмерной пучины
В землю чужую приплыл, принесенный враждебною силой.
Духом небесным дыша, нечестивый обряд вавилонский
Презрели трое мужей и жестоко подвергнуты были
Муке погибельной все халдейского волей тирана:
200 Ахеменийскою он разожжен был яростью гневной,
Печи сильнее своей, в которую отроков ввергли.
Но не осилил костер их пылко горящего сердца:
Одолевают они огонь измышленной кары
Духа гореньем. О, сколь прославлены верные! Пламя
Огненной печи огнем потушено пламенной веры¹⁰,
Но поразила царя свирепого должная кара¹¹,
Бесчеловечно презрев благочестие, он, нечестивец,
Начал, подобно скотам, кормиться травой полевой
И, позабыв о дворцовых пирах, наедался он сеном;
210 Пил, припадая к ручьям до конца семилетнего срока;
Весь волосами оброс и блуждал по лесам и нагорьям.
Ярости той же полны повеления Дария были.
В гневе неистовом он громоздил на злодейства злодейства
И Даниила обрек неповинного, светоч евреев,
На растерзанье зверям голодавшим, но праведник диких
Сделал ручными: они святого не тронули тела,
Голод покорно стерпел; их жестокая злоба, унявшись,
Стихла, свирепая пасть забыла природную лютость,
И на добычу напасть укрощенные львы не посмели¹².
220 Где ж после этого все твои, природа, законы?
Кто столько раз нарушал права твои¹³, Чьим повеленьем
Ада не знал человек? Кто без мужнего ложа старуху
Плодную сделал; велел на алтарь добровольною жертвой
Овну пойти, а тело жены превратиться заставил
В столп соляной; допустил пожаром охваченным веткам
Не загореться в огне; Кто посох сделал змею;

- В море сухую провел дорогу; чудесно из тучи
Манну излил; из скалы исторгнул водный источник;
Четвероному дал говорить человеческой речью;
230 Ход светил задержал и суток течение замедлил;
Птицам кормить приказал человека; на огненных конях
В небо его перенес; уделил отягченному смертью
Три пятилетия; пловца при кораблекрушении во чреве
Чудища хищного спас; в огне печи раскаленной
Праведных влагой росы охранил; царя, как скотину,
Пас и травую питал; кто хищные, лютые пасти
Изголодавшихся львов укротил повелением властным?
Это соделал Творец, по слову Которого в мире
Явное, тайное все во вселенной живет и творится,
240 Все Ему служит, Его приказаниям следует строгим,
Все, покоряясь, Ему подчиняется беспрекословно.
Горе несчастным, кто вздор почитают, умом извращенным
Идолов чтят, хоть они изваяны ими, Творцом же
Пренебрегают, страшась того, что сделали сами!
Что за неистовство, что за безумие их обуяло,
Раз или птиц, или гнусных быков, иль извилистых змеев,
Или же полулюдей-полупсов человек обожает?
Ну а другие еще считают в своем ослеплении
Солнце отцом всех вещей, ибо ясно, что должною мерой
250 Свет излучает оно и все на земле озаряет,
Весь небосвод обегая; хотя по его же движениям
И переменам огня при его беготне непрестанной
Видно служителя в нем, а не Бога: оно по порядку
То появляется вновь, то опять на закате уходит,
Ночью сменяясь в черед, не всегда оставаясь повсюду.
И не сиял его свет с самого зарождения мира,
Бывшего целых два дня от начала без всякого солнца.
Молятся также луне, хоть и видят ее в разрастанье
И уменьшенье; звездам, прогоняемым утренним светом.
260 Эти — источники чтят, а те — очаги, но не смеют
Силы враждебные чтить, чтобы тотчас же жаркое пламя
Не иссушило воды, в борьбе одолев ее капли,
Или ничтожный огонь не угас от источников мощных.
Ставит иной алтари, корням поклоняясь древесным,
Иль учреждая пиры и ветви в слезах умоляя,
Чтобы детей его, дом, дорогой его сердцу, поместье,
Верность супруги, рабов и богатство они охраняли.
Чтишь ты, дубина, дубы, глухим ты кричишь понапрасну,
Просишь ответить немых, они же дома сберегают
270 Лишь при условии том, что топор из них сделает, бревна,
Чтобы могли поддержать они дома стропила и крышу,
Или, в дрова обратиться, стали греть в очагах тебе пищу.

Даже и овощи чтят иные, богов в огородах
В засуху поят водой, убежденные в том, что, растенья
Пересадивши к себе, божествам они верные слуги.

Совестно все-таки мне в священном стихотвореньи
Долго нечестье хулить, чтоб терновником нежных я лилий
Не заглушил и не стал подниматься на грядках фиалок
Темно-лиловых волчец или заросли цепких колючек.
280 И заблужденья людей и чудовищ их, право, довольно
Мы осмеляли уже, а вернее оплакали горько.

Начатый путь продолжать мне отрадно, высокую гору
Одолевая теперь. Поспешим же ко граду, оплоту
Нашей свободы скорей, где блещет, лучами сверкая,
Царского купол дворца, где всем воздают по заслугам.
Ищущий там обретет искомое, сняты засовы
Будут; тому, кто стучит с чистым сердцем, отворятся двери.
Камень отвергнутый там: собой завершает он высший
Угол и нашим очам являет дивное чудо —

290 Бремя его легко, отрадно нести его бремя.

Я изложил чудеса, что соделаны некогда были
Доблестью Сына Творцом при содействии Духа Святого,
В том же порядке, в каком идут они в Ветхом Завете.
Я излагаю теперь чудеса, что соделаны были
Сыном совместно с Отцом при содействии Духа Святого,
В том же порядке, в каком идут они в Новом Завете.
Вечно, во веки веков Божество остается единым:
Троицен Бог, но един, во Троице неразделимый.

Истинна вера в нее, но спасение этою верой!¹⁴

300 Арий несчастный отверг, который, кривыми путями
По бездорожью идти попытавшись, во мрачную яму
Рухнул и, вниз соскользнув, провалился в угрюмую бездну:
Разума так же лишен, как и срока заслуженной кары,
Был он и брюха лишен и внутренностей при кончине.

О, сумасшедший, права Отца предвечного смел он
Ко степеням приравнять человеческих почестей бранных!
Плоти закон у людей считает рожденного сына
Меньше отца, да и самый отец был ранее также
Сыном отца своего, а сын теперешний может

310 Вскоре родителем стать; так из рода в род постоянно
Новые дети идут и дедов число умножают.

Но ведь Господь наш — Христос, и Слово, и Доблесть,
и Мудрость,

Целое вкупе с Отцом, и Свет, исходящий от Света,
Единосущный Отцу, и Ему одинаково равный,
Всесовершенный вовек, рожденный, не сотворенный.
Он — всена начало. И как всегда почитается славным
Он во Отце, точно так же Отец во Сыне преславен,

- В Нем пребывая, а мир — творенье единого Бога;
Не потому, что верховен Отец над собственным Сыном,
320 Но потому, что верховен Отец в единении с Сыном.
“Я во Отце и Отец Мой во Мне”, — говорит он, и также:
“Я и Отец едино есма”. И Арий “едино”
Должен признать, а “есма” Савеллий принять во внимание.
Троицу не постигает один, а другой отвергает.
Оба неправы они, хотя и по-разному оба;
Словно сторонники школ различных, в напрасных усилиях
Руки свои обнажив, они бьются в отчаянной схватке,
Но доказать правоту учений своих неспособны.
Ловки они лишь на то, чтобы спорить, но их рассужденья
330 Глупы: пред Богом всегда пусты мудрования мира.
Тот многословен, тот скуп на слова, тот стоит, этот ходит,
Любит поплакать иной, а иной заливается смехом.
Разницы нет: все равно и те и другие безумны.
Мы же тем временем путь облегчаем беседою чинной,
Вера, надежда — мои спутники к высям на кручах —
Мне услаждают восход на гору небесной твердыни.
Вот уж со знаком креста святые трепещут знамена,
Стан уже блещет царя, трубный глас в небесах раздается;
Войску отверсты врата, да входят воители: громко
340 Вечности дверь вас зовет — Христа эта дверь знаменует.
Здесь золотые дары вы получите жизни бессмертной.
Ибо оружием вы Господним доблестно бьетесь,
Ваша начертана честь на челе. Я же честь и оружие,
Царь благой, у тебя несу, как последний носильщик.
Должное место мне здесь уготовь, в стенах сего града
Хижину малую дай, дабы мог обитать по заслугам
Я во священном краю, сопричисленный к сонму блаженных
Граждан, последним из них удостоенный жизни навеки.
Просьба моя велика, но ты ведь великое даришь:
350 Те унижают тебя, у кого остывает надежда.
Внемли моленью, Христе, Ты, Который, уже умиравший,
Мир восхотел оживить и некогда, сшедши на землю
С неба, принять на Себя соизволивший плоть человека,
Но, и облекшись во плоть, своей сущности не оставлявший.
Как человек говоря; об этом Матфей повествует,
Марк, аки лев, вопиет, оглашая пространства пустыни,
Точно священный телец, Лука возвещает законы,
Гласом орла Иоанн в небеса свое слово возносит¹⁵,
Четверо этих отцов — это четыре времени года,
360 Хором согласным везде прославляют Тебя во вселенной.
Так и двенадцатиглавый венец апостольской славы
Блещет, подобно часам и двенадцати месяцам года,
Неутомимо весь мир в служении Тебе озаряя.

Помню поэтому я о смертности ветхого мира
И поспешаю достичь жизни новой. Посеявши слезы.
Долгую радость пожну: семена засевав в Адаме
Слезные в горе о них, возликуем мы в радости скоро,
При появлении Христа снопы наши с поля собирая.

Название своего произведения Седулий объясняет в предпосланном ему прозаическом предисловии: "Я назвал,— говорит он,— это произведение «Пасхальным стихотворением» потому, что принесена была в жертву наша Пасха — Христос". К стихотворному тексту Седулий присовокупил и прозаический пересказ его, более подробный и порою служащий комментарием к содержанию стихов.

¹ Древо — крест, на котором был распят Христос.

² Енох был взят на небо еще при жизни (Быт. 5, 8–25; Евр. 11, 5).

³ Сара — жена Авраама (Быт. 17, 16 сл. и 22).

⁴ Лот — племянник Авраама (Быт. 19).

⁵ В дальнейших абзацах излагаются библейские события: ст. 127 — Исх. 3; ст. 132 — Исх. 4 и 7; ст. 136 — Исх. 14; ст. 148 — Исх. 16; ст. 152 — Исх. 17; ст. 160 — Числ. 22; ст. 163 — Ис. Нав. 10; ст. 170 — 3 Цар. 17 и 4 Цар. 2.

⁶ Неверный ранее Ною, так как выпущенный из ковчега ворон не вернулся назад (Быт. 8).

⁷ По-гречески "солнце" созвучно имени Илия.

⁸ 4 Цар. 20.

⁹ Ион. 1–2.

¹⁰ Дан. 3.

¹¹ "Царя" — Навуходоносора (Дан. 4).

¹² Дан. 6.

¹³ Краткое перечисление чудес, рассказанных в ст. 103–119.

¹⁴ Учение о Троице и опровержение учений Ария и Савеллия.

¹⁵ Так же обычно изображаются четверо евангелистов и в христианской иконописи.

Драконтий

Африканский поэт конца V в. Блоссий Эмилий Драконтий — один из тех авторов, в творчестве которых сосуществовали, не смешиваясь, христианская и языческая культурные традиции. Христианские и языческие стихи Драконтия в течение долгого времени не только переписывались, но и издавались порознь: первое полное издание, объединившее те и другие его сочинения, появилось только в XX в.

Христианские стихи Драконтия — это поэма в четырех книгах под заглавием “Хвала Господу”. По содержанию она скорее лирична, чем эпична: сквозного повествования в ней нет, поэт восхваляет милосердие Божие к роду человеческому сперва на материале ветхозаветной истории (кн. I), потом — новозаветной (кн. II), вслед за тем — на конкретных примерах покорности Божьим повелениям (кн. III, в которой сопоставляется длинный ряд библейских героев-самопожертвователей, начиная с Авраама, и не менее длинный ряд античных героев-самопожертвователей, начиная с Менекея, Кодра и Леонида, — разумеется, вывод делается в пользу первых) и, наконец, — изображая греховность современного человечества, к которому Бог так незаслуженно милосерд (кн. IV). Таким образом, поэма легко распадается на отрывочные эпизоды; наибольшей славой из них пользовалось описание шести дней творения в первой книге — в VII в. оно было даже издано отдельно, под редакцией испанского поэта Евгения Толедского. Эта часть поэмы приводится нами и здесь. Она обнаруживает любопытные отголоски античной поэзии: при изображении меняющегося облика творимого мира образцом автору служат “Метаморфозы” Овидия, а отдельные мотивы восходят к Лукану (описание змей), Стацию и Клавдиану. Стиль поэмы пышен и многословен, автор изощряется, вновь и вновь разными словами передавая одни и те же мотивы (например, зелье райского сада), поэтому повторения у него не редкость.

Языческие стихи Драконтия — это цикл 10 стихотворений под общим названием “*Romulea*”: два предисловия в стихах; три декламации — речь Геракла при виде отрастающих голов гидры, размышление Ахилла, выдавать или не выдавать Приаму тело Гектора, и controversia с запутанным судебным случаем “О статуе храброго мужа”; три эпиллия — о Гиласе, о похищении

Елены и о Медее и два эпиталямия, один из которых переведен ниже. Здесь стиль Драконтия становится еще изысканнее: он громоздит мифологические имена и намеки, называет богиню любви в соседних строчках то Дионей, то Венерой, то Кипридой и изъясняется так метафорически, что без всяких пояснений называет море "синим мрамором", а детей "залогом любви" — в переводе подобные тропы пришлось упростить. Этот пышный стиль позднеантичного барокко уже предвещает культ "темной поэзии" VI в. в Африке и в Тулузе.

В эпиталямий Иоанну и Витуле вставлено сетование поэта на свою горькую долю, в которой он ждет помощи от воспеваемых им родителей новобрачных. Другие подробности на этот счет содержатся в поэме "Хвала Господу" и в отдельном стихотворении под заглавием "Оправдание". Из них мы узнаем, что Драконтий, уже известный поэт и судебный оратор, в царствование вандальского короля Гунтамунда (484—496 гг.) был обвинен в государственной измене за то, что сочинил стихи в честь чужого властителя (несомненно, константинопольского императора), попал в тюрьму, вынес пытки и лишь с большим трудом, при помощи знатных заступников, был освобожден. Более о его жизни ничего не известно.

Кроме перечисленных произведений, Драконтию на основании стилистических признаков с довольно большой достоверностью приписываются еще два произведения языческого цикла: эпиллия об Оресте ("Трагедия Орест" — т.е. "поэма на тему, обработанную трагиками") и о юноше Пердики, по воле Венеры влюбившемся в свою мать и скончавшемся от любви ("Болезнь Пердики").

Хвала Господу

(Книга I)

Разве не чтит человеческий род творящего Бога?

В день шестой сотворенный, не стал ли он, волею Божьей,
Ныне владыкой всего, что создано в пять предыдущих?

В первый из дней был свет сотворен и тьма расточилась.

Свет был раньше небес, свет — ясного дня начинатель,

- 120 Свет — сияние сфер, свет — грань для сумрака ночи,
Свет — природы лицо, свет — вождь в хороводе стихийном,
Свет — всех красок отец, свет — ясного солнца подарок,
Свет — украшение звезд, свет — желтой луны полумесяц,
Свет — зарница небес, свет — мира святое начало,
Свет — пыланье огня, свет — вестник великого срока,
Свет — первозданье творца, свет — ключ целомудренной

- жизни,
Свет — земледельцам привет, свет — страждущим
ласковый отдых,
Свет — половина времен, свет — мера течения суток,
Свет поставил в начале вещей творимого мира
130 Славимый нами Господь Всеблагой, безупречный Создатель.
Света сего не затмит ночной угрожающий сумрак,
Свету сему раскрывается все, что дееся в мире;
Света Творец Сам светом явил начало творенья:
Свет в начале явив, дал светлую людям надежду.
В свете покоится мир — и свет предшествовал миру,
Солнца путям круговым и блеску его огневому,
Ибо светом Господь осиял все творенье Господне.
День второй покатуя твердь изгибает над миром.
Мощным потоком под ней разливаются горные реки —
140 И потекли благодетельных вод круговые потоки
Там, где в своде небес пылает эфирное пламя.
Трижды блаженна вода, заключенная в своде небесном,
Ибо воздвиг и вознес ее к высям Господь-Громовержец!
В смежных пределах своих замкнулися обе стихии:
Влага не гасит огня, и огонь, пламенеющий в тверди,
Водному хладу не враг: сохраняют и тот и другая
Цельной природу свою, покорны Господним уставам,—
И нераздельны они, и неслитны вовек пребывают.
Третий день распростер морей лазурные глади:
150 Мир захлестнул седой океан необъятным разливом,
164 И судоносная зыбь всколебалася пенной волною.
151 Этот же день явил из воды и твердую сушу:
Встала над морем земля, разделяя безмерные хляби,
В шар сплотилась она и повисла в пустынном пространстве.
Неба кружащийся свод осенял ее, воды питали —
Быстрая влага несла основанья для будущей суши,
И оседали они, сухие, из водной утробы,
В землю — покуда не мать. Рассыпался песок по песчинкам,
Глина слипалась в комки, тяжелели булыжные камни,
Горы вставали стеной, прорезались глубокие реки,
160 Распростирались равнины, дугой выгибались заливы,
Нагромождались бугры, щетинились грозные скалы.
Круто взлетал неприступный утес, опускались долины,
163 Их окружали холмы, возвышаясь гряда за грядой,
165 И, за отрогом отрог, межевались луга по низинам,
А у подножий ложились поля, орошенные щедро.
Зеленью всходит трава, пробиваются к свету побеги,
Свежей одета листвою, зеленеет младая олива,
Зреют плоды на ветвях впервые родящих деревьев,
170 Лавр награду растит красноречью грядущих поэтов.

- Плещ, извиваясь, ползет, и лозы кистятся кистями,
И раскачавшись, как бич, ударяют по пальмовым веткам;
А виноград, обвивая кусты, покрывая поляны,
Брызжет соком хмельным из низко свисающих гроздьев.
Все цветет и дышит вокруг земным ароматом,
Но хоть земля и одна, дыханье ее многовидно —
Сколько трав и цветов, столь много и благоуханий!
Мир в цвету, как Индия, был богат и роскошен:
Соки по травам текли, первородным гонимые солнцем.
- 180 Есть в подсолнечной сад, четырьмя орошенный реками,
Весь распестренный цветов амброзийных ковром
многоцветным,
Благоухающий запахом трав, увяданья не знавших,
Божьей земли вертоград, совершеннейший всех вертоградов.
Здесь не сменяется лето зимой, здесь год многоплоден,
Здесь многоцветна земля, разукрашена вечной весной,
Здесь, словно хор, деревья стоят в одеянии веселом;
Сучья в свежей листве сплелись тенистой стеною,
Всех деревьев плоды свисают бременем с веток,
И на траве вроссыпную лежат. Ни жгучее солнце
- 190 Не опаляет тех мест, ни ветры его не колеблют,
Ни налетающий вихрь коварной неистовой бури;
Этой земли ни лед не скует, ни град не изранит,
И не покроет лугов сединою морозною иней.
Нет, здесь воздух так ласков и свеж, он нежным дыханьем
Веет от ясно струящихся вод Господнего сада,
Кудри деревьев легко шевелит, и в ответ дуновеньям
Ходит под деревом тень от трепещущих веток и листьев,
Зыблется зелень-краса и кивают плоды налитые, —
Ибо весна, вековечно царя, укрощает порывы
- 200 Ветра, и листья щадит, и плодам доспевать позволяет.
Пчелы, и те без труда здесь лепят ячейки из воска —
Каждое дерево здесь медвяным нектаром дышит,
Он проступает росой, он каплями капает в листья,
Словно в раскрытые чаши, суля исцеленье болящим...¹
- 206 Вот и заря четвертого дня взошла над волнами,
И заалел небосклон стыдливый румянцем рассвета.
Тут-то солнце зажглось, лучась сияющим шаром,
И заливая весь мир живительным пламенем света:
- 210 Все улыгнулись стихии навстречу живящему жару.
Вслед за солнцем взошла и луна, его порожденье,
Черные сумраки тьмы спеша расточить и рассеять,
Трепетный свет и сладкий покой неся мирозданию.
Небо ночное ясней, когда полумесяц дремотный
То округлится сполна, то вновь становится узким.
И, наконец, просиял небосвод многозвездным убранством:

Каждая в небе звезда обрела назначенье, название,
Место в эфире свое, восходы свои и закаты,
Меру свою и предел, свой огненный блеск и сверканье,
220 Свой предназначенный путь в окружностях горного неба.
Нет их сонму числа, и свет их пламенно-ясен,
Но неспособны они затмить сияние солнца,
Тонут они в потоках лучей дневного светила,
Меркнут, скрываясь из глаз, сколь ни светлые,—

так светозарно

Солнце, которое мир из безмерного делает зримым,
Солнце, живящее жаром своим небо, море и сушу,
Божьих творение сил,— то солнце, которое ходит
В двух полушариях сферы небес, покорствуя Богу,
Богу, что движет миры и над ними грохочет громами,
230 Божьему слову служа, по Божьему движась уставу,—
Солнце, воитель Господень, который и месяц и звезды
В небо ведет молодое над миром, впервые весенним,
С этого раннего дня и впредь на вечные веки.

В пятый день явились на свет живые создания.

Струи воды сплотились в плоть, натянулись в жилы,
Влага мышцами стала, течение застыло костями,
И заблестели глаза, как капли, замерзшие льдинкой.
Сколько струек в воде, столько рыбок выплыло в море,
Резвой игрой веселясь в его бескрайней лазури,
240 И от подводного их дыханья волна зарябила.

А для еще не рожденных зверей, насельников суши,
Пищей готовые стать, взлетели пернатые птицы,
Шумом плещущих крыл наполняя отзывчивый воздух
И оглашая его разногласным, но сладостным пеньем,
В коем звучала хвала Создателю птичьего рода.
Каждой птице — свое оперенье: одна в белоснежных
Перьях, та в багреце, а третья в шафранном наряде,
Золотом блещет четвертая, в искорках крылья у пятой,
А на груди и на шее горит переливчато яхонт.

250 Эту — пышный хохол украшает, ту — звонкое горло:
Видом невзрачна она, но пенье прекраснее перьев.
Ровный цвет у одной, у другой — разноперый и пестрый,
С птицы на птицу бежит разноцветный узор оперенья,
И на воздушных струях распластаны мощные крылья.

День шестой листву на ветвях и траву меж цветами
Выметал, и пронизались поля острями колосьев,
Лес зеленеет в весенних кудрях, шумливые гнезда
В сучьях таятся, и крик щебетливый летит отовсюду.

Крыльями воздух пичуги не бьют, не парят в поднебесье,—
260 Крепко в листьях засев, колышутся с листьями вместе,

- Не выпуская из цепких когтей упругую ветку.
Роща весенним теплом зовет их лелеять потомство:
В гнездах, пригретые ими, твердеют круглые яйца,
В них созревают птенцы, пушатся, дышать начинают,
Клювом стучат, трещит скорлупа, птенец подрастает,
Кормится, рвется в полет и неловкими крыльями машет...
- 270 Мир, как пастбище, был, но пастись на нем некому было,
И на цветущих лугах без пользы бы старились травы,
Если бы мать-земля скота для пастбы не родила.
Вот молодые бычки наставили свежие рожки,
Бык пошел по полям, а за ним — послушная телка,
Быстрый помчался олень, потрясая ветвистой красой,
И легконогий конь, товарищ грядущих сражений.
Вышли свирепые львы из недр земли беспощадной,
И простодушные овцы, коварным волкам на поживу,
И за трепещущей ланью хрипящие псы устремились.
- 280 Вепрь, напенивши пасть, вострит свой клык смертоносный
И, раздувая бока, замышляет жестокую драку —
Чтоб из утробы своей изгнать массилический голод²
Или чтоб вепрь-соперник к нему не нагрянул войною.
Все породы скотов и все породы животных
По первозданным лугам кочуют, никем не хранимы.
Ходят звери, горам подобные ростом и видом, —
Вот гадюка шипит и ядом капает с десен,
И по расщелинам скал чешую пятнистую вьется;
Губит дыханьем она: еще не коснувшись зубами³,
- 290 Свистом шипящим одним она сеет мгновенную гибель;
Но из нее же зато и целебное варится зелье.
А для того, чтоб не все против всех, не всегда и повсюду
Бились, Господь указал для каждого место и время.
Обуревают их буйная ярость, но в разную пору —
Лев не вечно свиреп, скорпион ядовитое жало
Взносит не вечно, грозясь, не вечно смертельны укусы
Змей, и не вечно дракон, изгибаясь, готовится ранить.
Волны морские не вечно шумят, не вечно на сушу
Льется солнечный зной; жар слабеет от времени года
- 300 И от земной широты, а море от срока до срока
Тоже смиряет валы, и зыбь сменяется гладью.
Небо — и то не всегда грозит нам грохочущим громом:
Тучи уйдут, и в тиши чередой выплывают светила...
- ...Всем созданиям венец — существо, одаренное мыслью,
- 330 Обликом Бог и достоинством Бог, творится из глины:
В мир он приходит царить, но сам он — смиреннейший
в мире.
Он над природою царь, над природою, все породившей,
Сам же он не был рожден ни землею, ни влагой морскою,

Ни небесами, ни звездным огнем, ни воздухом чистым —
 Нет, Владыка-Творец владыку творимого создал,
 Член за членом слепив его тело из дольного праха,
 Персть, не имевшая вида, сплотившись в телесную форму,
 Обликом став человек, а образом — Божье подобье.
 Тело сие без души пребывало недолгое время,
 340 Но дуновение вдруг пробегает по глиняным членам,
 И согревается алая кровь, наполняя предсердье,
 Всходит румянец к щекам, становится розовой кожа,
 В плоть превращается прах, вся кость наполняется мозгом,
 И, как колосья в полях, прорастают на темени кудри.
 Вот из темных глазниц замерцали жемчужные очи,
 Вот из сплетений грудных издает создание голос,
 Радостно славя Творца за радость быть сотворенным;
 Вот он обводит глазами вокруг — дивится, как пышно
 Цветом покрыты поля, дивится, как чистые воды
 350 Рек четырех, волнами звеня, струи завивая,
 Льются в зеленых берегах по полям и под сенью дубравной,
 И на себя самого дивится: и кто он, и что он,
 Хочет спросить в простоте, а к кому обратиться, не знает,
 И для чего он живет, и за что получил в обладанье
 Мир и обитель сию средь цветущего царства природы...

Эпиталамий Иоанну и Витуле

Ныне хочу я, певец, опьянеть италийскою песней⁴,
 Брачный восславив чертог благородного Фабиев рода.
 Если бы этот удел дала мне благая Фортуна —
 Я бы достойным себя показал и ушел бы с победой.
 Вновь бы я к жизни воскрес, возродившись не телом,
 но духом,
 И воспевал Иоанна и Витулы свадебный факел,
 Лавром кудри увив и миртом чело украшая.
 Я бы поведал о том, как властительны брачные клятвы,
 10 Как на любовный их зов нисходит благая Венера,
 Вслед за собою ведя хороводы Амурова войска.
 Юный Амур! Он нежен, жесток, самовластен и ласков,
 Он молчалив и речист, он миролюбив и воинствен,
 Гол и вооружен, зол и мягок, неистов и кроток,
 Сеет любовь на лету, оттого он и дорог Венере.
 Всем он знаком: не его ли стрелой Ахилла родитель,
 Славный потомок Эака, вспылал любовию к нимфе?⁵
 И не его ли огнем горел Аполлон-словодержец,
 К Дафне любезной стремясь, а Вакх, индийский владыка,
 20 Ясное видя лицо диктейской возлюбленной девы?

И не от этих ли стрел вскипело неистовство страсти
В Марсе, когда, возжелав белорукую деву-весталку,
Римлянам он подарил на вечные веки Квирина,
Ради него собравши богов в надзвездном сенате?

- Ах, тому, кто томится в тюрьме, не к лицу песнопения!
Но и молчать в столь праздничный день не пристало поэту.
Пусть же правдивую песню мою здесь отроки грянут,
В лад руками плеща, пусть нежные девы ударят
Бубнам в грубое дно, и пусть дуновенье дыханья,
30 Движимо легким перстом, прозвучит по скважинам флейты;
Пусть мусический плектр⁶ коснется струны сладкозвонной,
Вслед людским голосам звуча говорливою лирой.
Пусть библиады сатирам, а нимфы дадут гименейам⁷
Руки, пусть в хоровод дриады пойдут и напей,
Пусть ореады и фавны, вакханты и девы-наяды
Соединятся по воле Амура, под властью Дионы!
Пан козлоногий на дудке двойной подыграет припрыжке,
Пьяный Силен с осла своего кивнет благослонно,
Пусть поцелуй с поцелуем сливается в розовых губках,
40 Жилы поют, и язык небывалые шепоты учит.
А шаловливый зубок прикусом живит наслаждение.
Нежная грация пусть сплетает весенние стоны,
Пусть целомудрие чистое, строгого мужа отрада,
Пестрые рвет цветы по лугам и венки завивает,
Лилии в них сочетав с гиацинтом, фиалкой и розой,
Пусть ее щеки горят розоватым жемчужным румянцем,
Пусть в ее сардском меду кипят ситифийские травы⁸ —
Так идалийский юнец сливает усладу с отравой,
Роза шипами грозит, в сиропе таится лекарство,
50 И защищает пчелиное жало пчелиные соты.
Так же и девичий стыд — не схлынет он раньше, чем дева
Ногти супругу в лицо не вонзит, охраняя невинность,
И не почует сама, что кровавою ранена раной —
В первый раз причастившись священному пламени жизни.
Так вчерашние дети становятся взрослыми ныне,
Так человеческий род соблюдает закон вековечный.
Пусть же на них, новобрачных, прольются несчетные блага —
Столько благ, сколько пальм осеняют их свадьбу ветвями!
Пусть седовласая Честь, и Верность, и чистая Радость
60 Легкие руки сплетут в ожидании скорых потомков.
Вот и Юнона спешит, благие блюдушая браки,
С нею нисходит на зов прядильщица шерсти, Минерва,
Вместе справят они торжество святое Дионы.
Юноши, пойте о них! Подпевайте, юные жены!
Вторьте, отроки, в лад, и нежные отроковицы!
Пойте о них, ветераны любви, почтенные старцы —

Кто не поет о любви, тот еще не расцелся с любовью,
Ибо и белых седин не щадят Купидоновы стрелы.

- Я же, увы, в темнице моей не в силах настроить
70 Лиру и песнь завести (ведь песни меня и сгубили!) —
И вдалеке я томлюсь от песен любезной Киприды,
Полон сомнений, тревог, смятенья, отваги и страха.
Так усталый от битв, на покой удалившийся воин,
Весь рубцами покрытый, лелеющий томные раны,
Стоит ему услыхать боевые зовущие трубы —
Боль проходит, гнев приходит, рубцуются шрамы,
Вновь занимается дух боевой, он рвется к оружию,
Дух боевой целебней лекарств, он к Марсу взывает,
И от грохочущих труб наливаются силою члены.
- 80 Или как резвый скакун, к ипподромному призванный бегу,
След круговой оставляющий в быстрокопытном полете,
Баловень шумных побед, опьяненный стремительным скоком,
Слишком умчится вперед, окутанный облаком пыли
Из-под сверкающих спиц, под пенье оси колесничной,
Вдруг сбивается с ног, на него налетают колеса,
Пыл обращается в боль, друзья и враги на трибунах
Стонут и плещут, кипя, а коня уже тащат в конюшню;
Но лишь услышит опять он колеса, и конское ржанье,
И рукоплещущий цирк от первых рядов до последних —
- 90 Тотчас уши насторожит и вытянет шею,
Тотчас понурую голову вскинет и весь затрепещет,
Оземь копытами бьет, оглашает ржанием стойло,
Землю у ног своих орошает брызгами пены,
Ищет зубами удила, забывает минувшие раны,
Рвется из стойла и бросается вскачь в запоздалом порыве.
Или как певчая птица, попавшая в тайную петлю,
Звонким пеньем своим оглашавшая некогда рощу
И услаждавшая слух земледельцев в их тяжких работах,
Вмиг замолкает в плену, тоскуя глубокой тоскою
- 100 О миновавшей свободе, о роще, о воздухе вольном,
Наглухо в горле замкнув трепетанье певучего звука;
Если же вдруг заслышит она щебетанье подруги —
Песня рвется на свет из пленной груди, как из вольной,
Словно поет она, сев на суку в зеленой дубраве;
Но и в такой ее песне звучат стенания жалоб.
- Вот таков же и я: из темницы взирая на праздник,
Скромную песню свою сплетаю возлюбленной паре,
Чтобы бряцанием струн прославить два славные рода.
Понтифик Опатриан и товарищ его Статулений,
- 110 Оба — мужи, непорочные нравом, смиренные духом,
Благочестивые сердцем священнослужители храма,
Оба — доверьем сильны в высоких дворцовых палатах:

- Первому тайны свои Палатин доверяет лакийский⁹,
И посвящен второй в святыни данайского дома.
Кровь их родов сочетается днесь — да будет ей благо!
Как не лелеять мечту, что от этого знатного брака
Выпадет милость и мне, певцу, одетому в тогу?
Мне ведь в доле моей больше всего от сознания,
Что меж такими людьми не вспомнил никто о поэте,
120 Скрытом в мрачной тюрьме. Но если меня и терзают
Беды мои, то и вам забвение ваше не в радость:
Вам наказание — стыд, сотрясающий тело и душу,
Стыд, что с вашим умом и с вашей изысканной речью
Вы позабыли певца, презрев его скромную музу.
Много ли проку — спасти от смерти того, кто истерзан,
Чтобы оставить его в тюрьме умирать постепенно?
Невелико преступленье, которым навлек я немилость,
Но злоязычье людское меня клеветой уязвило,
Преувеличило зло и из легкого сделало тяжким.
130 Вместо того, чтоб прощенье обрести, обрел я гоненье,
И обратилась в гнев достохвальная царская милость.
Но Всемогущий Господь умягчает сердца властелинов
И милосердьем Своим их учит прощенью и миру.
Что ж? когда от царя получу я прощенье и волю,
Между тем как ваши уста промолчат бесполезно, —
Кто же ваши тогда сохранит имена для потомства?
Но не хочу печально кончать я брачную песню —
Лучше о том я шепну, что сделает мать Диона,
Свадебный кончив обряд и готовя отплыть в Каралы¹⁰.
140 Вступит она в Эолов чертог, и умолит владыку
Бурные ветры унять над лазоревым мрамором моря,
В парус попутно дохнуть и направить морские течения
Так, чтоб достигнул корабль невинно сардинских пределов.
И не откажет Эол законный Кипридиной просьбе:
Двинется в путь по волнам в одеянии пышном Венера,
Следом за ней — тритоны-юнцы и нимфы морские,
Пенный хор nereid, и питомцы старинного Форка¹¹ —
Рыбы подводных пучин, и с ними киты-исполины;
Выплывут из глубины чудовища недр потаенных
150 И понесутся, резвясь, по вскинутым пенистым гребням.
Вот среди них Галатея, верхом на игривом дельфине,
Брызнет соленой росой струистой волны на Нептуна,
Бог встряхнет бородой, и смехом зальется Диона.
А легкокрылый Венерин стрелок, паря над зыбями,
Сеет розы в волнах и пускает огнистые стрелы
В поезд богини любви, и холодные синие воды
Пламенем жарким горят, и стихии приветствуют свадьбу.

Полно! Песне конец; а о чем промолчал я сегодня,
В должный о том я поведаю срок для любезных потомков.

¹ Следующий стих в рукописях испорчен.

² Массилы — племя, жившее в бесплодных степях Северной Африки.

³ Ср. Лукан, Фарсалия, IX, 724—726:

И испускающий свист и всех устрашающий гадов,
Кто до укуса убьет, — их всех себе подчиняет,
Царь безграничных пустынь — василиск, и без яда губящий.

⁴ Идалия — город на Кипре, посвященный Венере.

⁵ Пелей, отец Ахилла, был мужем нимфы-нериды Фетиды.

⁶ Плектр — металлическая или костяная палочка, которой играющий на лире бряцал по струнам.

⁷ Библиады, напей и т.д. — нимфы долин (напей), гор (ореады), лесов (дриады), вод (наяды).

⁸ Сардинский мед пользовался известностью еще при Горации. Ситиф — город в Африке.

⁹ Палатин — императорский дворец в Риме (лацийский — более изысканная форма, чем “латинский”); “данайский дом” — греческий, т.е. константинопольский двор.

¹⁰ Каралы (Кальяри) — порт в Сардинии, куда, по-видимому, должны были отплыть после свадьбы Иоанн и Витула.

¹¹ Форк — сын Нептуна; Галатея — одна из нерид, олицетворение спокойного, безбурного моря.

Максимиан

Максимиан Этрусский — поэт, имеющий немало оснований притязать на столь удобное для историков литературы звание “последнего поэта языческой античности”. Он жил в первой половине VI в.; жил в Италии, а не в провинции, как его африканские поэты-современники; писал в традиционном жанре элегии и в традиционном стиле элегии — настолько традиционном, что когда в 1501 г. его стихи были найдены и опубликованы, то издатель решил, что в его руках стихи первого римского элегика Корнелия Галла; наконец, содержание его стихов прямо-таки символично для “заката античности” — это непрерывные воспоминания и рассуждения о миновавшей юности и горькой бессильной старости.

Максимиан происходил из этрусского рода (об этом он дважды упоминает в переведенной нами элегии — в ст. 5 и 40). В другой элегии он говорит, что жил в Риме, был известным судебным оратором и смолоду получил славу как поэт. Его покровителем был знаменитый Боэтий, “изыскатель глубоких предметов”, как его величает Максимиан. В третьей элегии поэт описывает, как когда-то впервые влюбился в девушку-сверстницу, но природная робость и сопротивление родителей мешали их встречам, как Боэтий, узнав об этом, рассмеялся и по доброте душевной устроил им возможность видаться, и как тотчас по исчезновении препятствий всякое желание покинуло их сердца, они расстались, а Боэтий дружески поздравил его с первой победой над любовной страстью. По-видимому, Максимиан занимал высокое положение при дворе остготских королей (его имя упоминается в переписке Кассиодора), а в преклонном уже возрасте он возглавлял посольство к Константинопольскому двору (к сожалению, дата этого посольства неизвестна); с упоминания об этом посольстве начинается переведенная нами элегия.

Максимиан оставил небольшой сборник из шести элегий: первая содержит общие скорбные рассуждения о былой юности и печальной старости; вторая посвящена некоей Ликориде, которая больше не хочет любить седого поэта, хоть и сама уже седая; третья (пересказанная выше) и четвертая — воспоминания о юношеских любовных приключениях; пятая, переведенная нами, представляет собою кульминацию этого контраста молодых же-

ланий и старческого бессилия; шестая служит кратким эпилогом. Из этого образа видно, что главным в элегической традиции для Максимиана была эротическая топика, которую он всячески использует и развивает. В частности, наша элегия начинается как подражание самой откровенной из “Любовных элегий” Овидия (III, 7 — о приступе бессилия), но средняя часть элегии с ее “погребальным плачем” по фаллу (смягченном в переводе) уже выходит из всяких овидиевских рамок, а заключительная часть, рисующая космическую мощь плотской любви, достигает почти религиозного пафоса. Именно это искусство разработки и гиперболизации традиционных мотивов делает Максимиана поэтом и позволяет рассматривать его стихи как настоящую поэзию. Любопытно, что так ценили его уже в средневековье: его элегии усердно читались и изучались в средневековых школах, несмотря на самое, казалось бы, неподходящее для школьного чтения содержание.

Элегия V

Послан когда-то я был государем в восточную землю —
Мир и союз заключить, трижды желанный для всех.

Но между тем как слагал я для царств условия мира,
Вспыхнула злая война в недрах души у меня.

Ибо поймала меня, потомка этрусского рода,
В сети девица одна греческим нравом своим.

Ловко делая вид, что она влюблена в меня страстно,

Этим пленила она: страстно влюбился я сам.

Часто ко мне под окно она по ночам приходила,

¹⁰ Сладко, невнятно звучал греческих песен напев.

Слезы лились, бледнело лицо, со стоном, со вздохом —

Даже представить нельзя, как изнывала она.

Жалко мне стало смотреть на муки несчастной влюбленной,

И оттого-то теперь жалок, несчастен я сам.

Эта девица была красива лицом и пристойна,

Ярко горели глаза, был изощрен ее ум;

Пальцы — и те у нее говорили, и лира звенела,

Вторая искусной руке, и сочинялись стихи.

Я перед нею немел и, казалось, лишался рассудка,

²⁰ Словно напевом сирен замороженный Улисс.

И, как Улисс, ослеплен, я несся на скалы и мели,

Ибо не мог одолеть мощи любовных искусств.

Как рассказать мне о том, как умело она танцевала

И вызывала хвалу каждым движением ног?

Стройно вились надо лбом завитками несчетными кудри
И ниспадали волной, белую шею прикрыв.

Воспламеняли мой взгляд упруго стоящие груди —

Каждую можно прикрыть было ладонью одной.

Дух трепетал при виде одном ее крепкого стана,

30 Или изгиба боков, или крутого бедра.

Ах, как хотелось мне сжать в объятиях нежное тело,

Стиснуть его и сдавить, так, чтобы хруст по костям!

“Нет! — кричала она, — ты руками мне делаешь больно,

Слишком ты тяжко налег: так я тебя не сдержу!”

Тут-то я и застыл, и жар мои кости покинул,

И от большого стыда жилы ослабили мои.

Так молоко, обращаясь в творог, истекает отстоем,

Так на текучем меду пена всплывает, легка.

Вот как пал я во прах — незнакомый с уловками греков,

40 Вот как пал я, старик, в тускской своей простоте.

Хитростью Троя взята, хоть и был ей защитой Гектор, —

Ну, а меня, старика, хитростью как не свалить?!

Службу, что вверена мне, я оставил в своем небреженье,

Службе предавшись твоей, о жесточайший Амур!

Но не укор для меня, что такую я раною ранен —

Сам Юпитер, и тот в этом огне пламенел.

Первая ночь протекла, отслужил я Венерину службу,

Хоть и была тяжела служба для старческих лет.

А на вторую — увь! — меня покинули силы,

50 Жар мой угас, и опять стал я и слаб, и убог.

Так; но подруга моя, законной требуя дани,

Не отставала, твердя: “Долг на тебе — так плати!”

Ах, оставался я глух и к крикам, и к нежным упрекам:

Уж чего нет, того нет — спорить с природой невмочь.

Я покраснел, я оцепенел, не мог шевельнуться —

Стыд оковал меня, страх тяжестью лег на любовь.

Тщетно ласкала она мое охладевшее тело,

Тщетно касаньем руки к жизни пыталась воззвать:

Пальцы ее не могли возбудить того, что застыло, —

60 Холоден был я, как лед, в самом горниле огня.

“О! — восклицает она, — неужели разлучница злая

Выпила всю у тебя силу для сладостных битв?”

Я отвечал ей, что нет, что сам я казнюсь, угрызаясь,

Но не могу превозмочь сладостью скорбь моих мышц.

“Нет, не пытайся меня обмануть! — возражает подруга, —

Знай, хоть Амур и слепой — тысячи глаз у него!

Не береги своих сил, отдайся игре вожделенной,

Мерзкую скорбь изгони, к радости сердце стреми!

Знаю: под гнетом забот тупеют телесные чувства —
70 Сбрось же заботы на миг: будешь сильней и бодрей”.

Я же, всем телом нагим разметавшись на ложе любовном,
В горьких, горьких слезах вот что промолвил в ответ:
“Ах, злополучнейший я! Я должен признаться в бессилье,
Чтоб не казалось тебе, будто я мало люблю!

Не заслужило мое вожденье твоих порицаний —
Нет, только немощь моя наших несчастий виной.

Вот пред тобою оружие мое, заржавелое праздно —
Верный слугитель, тебе в дар я его приношу.

Сделай, что в силах твоих, — вверяюсь тебе беззаветно:
80 Если ты любишь меня, сможешь ты сладить с врагом”.

Тут подруга моя, вспомнив все ухищрения греков,
Ринулась — жаром своим тело мое оживить.

Но, увидав, что предмет любви ее мертв безвозвратно

И неспособен восстать к жизни под бременем лет,

С ложа вскочила она и бросилась снова на ложе,

И об утрате своей так зарыдала, стеная:

“Труженик нашей любви, отрада моя и опора,

Лучший свидетель и друг праздничной нашей поры,

Ах, достанет ли слез оплакать твое унижение,
90 Песню сложу ли, твоих славных достойную дел?

Изнемогающей мне так часто спешил ты на помощь,

Огонь, снедавший меня, в сладость умел превратить;

Ночь напролет на ложе моем мой лучший блюститель,

Верно делил ты со мной счастье и горе мое.

Наших полуночных служб неусыпный надежный участник,

Свято хранил ты от всех тайны, что ведомы нам.

Ах, куда же твоя расточилась жаркая сила,

Сила ударов твоих, ранивших сладко меня?

Ныне ты праздно лежишь, совсем не такой, как когда-то, —

100 Сникнув, опав, побледнев, ныне ты праздно лежишь.

Не утешают тебя ни игривые речи, ни ласки,

А ведь когда-то они так веселили тебя!

Да, это день похорон: о тебе, как о мертвом, я плачу —

Тот, кто бессилен вершить долг свой, тот истинно мертв”.

Этому плачу в ответ, и жалобам тяжким, и стонам,

Так я, однако, сказал, колкость смешав и упрек:

“Женщина, слезы ты льешь о моем бессильном оружьи —

Верно, тебе, а не мне эта утрата больней!

Что ж, ступай себе прочь, дели со счастливыми счастье:

110 Много дано вам усад, ты в них хороший знаток”.

- В ярости мне отвечает она: "Ничего ты не понял!
Дело сейчас не во мне — мир в беспорядок пришел!
Тот, о ком я кричу, — он рождает людей и животных,
Птиц и всякую тварь — все, что под солнцем живет.
Тот, о ком я кричу, сопрягает два пола в союзе —
Нет без него ни жен, ни матерей, ни отцов.
Тот, о ком я кричу, две души сливает в едину
И поселяет ее в двух нераздельных телах.
Ежели этого нет — красота не утеха для женщин,
120 Ежели этого нет — сила мужчин ни к чему.
Ежели этот предмет не дороже нам чистого злата,
Вся наша жизнь — тщета и смертоносная ложь.
Ты — и веры залог, и тайны надежный хранитель,
Ты — драгоценнейший клад, всякого блага исток.
Все на земле покорно тебе, что высоко и низко:
Скиптры великих держав ниц пред тобой склонены.
Не тяжела твоя власть, но радость всем, кто подвластен:
Лучше нам раны и боль, нежели немилость твоя.
Мудрость сама, что над миром царит, размеря порядок,
130 Не посягает ни в чем на достоянье твое.
Дева, ложась под удары твои, тебя прославляет:
Ей, пронзенной тобой, сладостно кровью истечь.
Слезы глотая, смеется она раздирающей боли,
Рада над телом своим видеть твое торжество.
Ты гнушаешься всем, что скудно, бессильно и вяло:
Даже и в нежной игре мужества требуешь ты.
Служай тебе и разум людской, и мышцы людские;
Самое зло, и оно власти покорно твоей.
Тщетно тебя одолеть враждебные сияют силы —
140 Труд, холода и дожди, ссоры, коварство и гнев.
Нет — и жестокому ты укрощаешь душу тирану,
И окровавленный Марс кроток становится вновь.
Нет — и когда сокрушил гигантов Юпитер перуном,
Ты из казнящей руки ласково вынул перун.
Нет — пред тобою и тигр признает владычество страсти,
Пред тобою и лев станет и нежен и мил.
Мощь необорна твоя, а милость твоя несравненна —
Сладко с тобой победить, сладко тебе уступить.
Даже в бессилье своем ты вновь исполняешься силой —
150 Снова готов побеждать, снова готов уступать.
Ярость твоя коротка, а нега твоя бесконечна —
Смерть свою духом поправ, вновь оживаешь и вновь".

Это сказав, удалилась она, пресытившись скорбью,
Я же остался лежать, словно мертвец, на одре.

Боэтий

Аниций Манлий Торкват Северин Боэтий родился в Риме около 480 г. и умер в Павии в 524 г. Осиротев после смерти своего отца, принадлежавшего к одной из знатных и богатых римских фамилий, Боэтий, благодаря заботам сенатора Симмаха, на дочери которого он впоследствии женился, получил отличное образование, заверщенное им в Афинах. Современник Боэтия, историк Кассиодор, в послании, написанном от лица остготского короля Теодориха, говорит, обращаясь к Боэтию: "Так ты вошел в школы афинян, далеко находясь от них, так к сонму одетых в греческие плащи ты приобщил тогу, дабы наставления греков сделать учением римским... Ты передал потомкам Ромула все замечательное, что даровали миру потомки Кекропа. Благодаря твоим переводам итальянцы читают музыканта Пифагора и астронома Птолемея, сыны Авсонии внимают знатоку арифметики Никомаху и геометру Евклиду, теолог Платон и логик Аристотель спорят на языке Квирина, и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в обличии римлянина. Какие бы науки и искусства ни создала силами своих мужей красноречивая Греция, все их от тебя одного Рим принял на родном своем наречии. Всех их ты сделал ясными посредством отменных слов, прозрачными — посредством точной речи, так что они предпочли бы твое произведение своему, если бы имели возможность сравнить свой труд с твоим" (Зубов В.П. Аристотель. М., 1963, с. 225). Войдя в доверие Теодориха, Боэтий достиг высоких государственных должностей и в 510 г. получил звание консула. Но, возбудив своим возвышением зависть приближенных Теодориха, Боэтий был обвинен в государственной измене, ввергнут в темницу в Павии и затем предан мучительной казни. Боэтий был последним римским неоплатоником, ознакомившим средневековых писателей с греческой философией и, главным образом, с логическими учениями Аристотеля. Его учебники по логике послужили основанием преподавания в средневековых школах. Но самым замечательным сочинением Боэтия, в котором проявилось его крупное литературное дарование, было "Утешение от Философии" ("De consolatione Philosophiae"), написанное им в тюрьме. Это сочинение оказало громадное влияние на мыслителей средневековья и Возрождения, и в частности на Данте, поместив-

шего Боэтия в “Божественной комедии” среди великих мудрецов на небе Солнца (“Рай”, X, 124–129). Данте в своих сочинениях постоянно ссылается на “Утешение от Философии” и пересказывает слова Боэтия. Самый известный из этих пересказов — восклициание Франчески да Римини (“Ад”, V, 121–123): “Тот страждет высшей мукой, кто радостные помнит времена в несчастии”. “Утешение от Философии” состоит из пяти книг (или глав) беседы между заключенным в темнице Боэтием и явившейся к нему Философией. По своей форме оно относится к жанру античной “сатуры”, т.е. сочетанию прозы и стихов, подобно сатуре Сенеки на смерть императора Клавдия, “Сатурам” Петрония и, наконец, сочинению Марциана Капеллы “О бракосочетании Меркурия и Филологии”. По своему содержанию “Утешение от Философии” примыкает гораздо ближе к античным образцам, чем к позднейшей христианской литературе. Говоря о непостоянстве земного счастья, о благе, доставляемом человеку добродетельной жизнью, о том, что злой человек всегда несчастен, Боэтий берет свои доказательства из античных источников и ни разу не обращается к источникам христианским. Несмотря на это, Католическая Церковь не только одобрительно отнеслась к “Утешению от Философии”, но даже канонизировала Боэтия (под именем Северина) как мученика. Этому способствовала и его мученическая смерть по приказу арианина Теодориха, и его христианско-теологические сочинения, как подлинные (по свидетельству Кассиодора), так и приписываемые ему.

“Утешение от Философии”, впервые изданное в 1473 г. в Нюрнберге, постоянно переиздается и в подлиннике, и в переводах на разные языки. На русский язык оно было переведено иеромонахом Феофилактом и издано в Петербурге в 1794 г.

Утешение от Философии

Книга I

- I. Прежде слагал я стихи в расцвете силы духовной,
Ныне, увы, принужден петь я на горестный лад.
Все же к писанью меня угнетенные нудят Камены
И орошают уста мне они скорбным стихом.
Спутниц ведь этих моих утешить ничем невозможно,
И не удастся никак их отпугнуть от меня.
Бодрой, счастливой моей они юности славою были
И утешают теперь тяжкую старость мою.
Сделался я стариком, повергнутый роком надменным,
10 И одолело меня в годы преклонные зло.

Кудри густые мои преждевременно стали седыми,
И одряхлело уже тело в морщинах мое.
Радостна смерть для людей, коль она не в светлые годы
Явится, но подойдет, старческой внемля мольбе.
Неумолима, увы, и глуха она к воплям несчастных,
Не закрывает она, злобная, плачущих глаз.
Тешила раньше Судьба меня вздорная легкой удачей,
Но в это время едва я не сложил головы.
Ну а теперь, как лицо ее лживое сделалось мрачным,
20 Тягостно тянутся дни жизни постылой моей.
Что вам, друзья, называть меня было вечно счастливым?
Тот, кто упал, никогда поступью твердой не шел.

I. Пока я сам с собою это обдумывал и выводил свою слезную жалобу при помощи стилия, увидел я представшую над головой моей исполненную высокого достоинства жену с глазами горящими и несравненно более зоркими, чем у людей, живой окраски и неистощимой мощи; хотя обликом своим была она столь вековечна, что никоим образом нельзя было счесть ее нашей современницей, а рост ее был неопределим. Ибо то приноравливала она его к обычному человеческому размеру, то, казалось, упиралась теменем в небо; когда же она поднимала голову выше, то проникала в самое небо и пропадала из человеческих взоров, ее озирающих. Одежда ее была искуснейшим образом сплетена из тончайших нитей в неразрывную ткань, сотканную ею, как я позднее от нее самой узнал, собственноручно. Одежда эта, подобно закопченным картинам, казалась окутанной неким мраком забытой древности. На нижнем ее краю выткана была греческая буква П, а на верхнем — Θ¹. А между буквами изображены были там ступени, как на лестнице, по которым шел подъем от начала низшего к высшему. Однако же эта ее одежда была изодрана некими руками и растащена по кусочкам, какие только кто мог ухватить. И в правой руке держала она книжные листы, а в левой — жезл. Лишь только увидела она стихотворческих муз, стоящих перед моим ложем и облакающих в слова мои рыдания, то слегка нахмурилась и, с разгоревшимися от гнева глазами, — Кто, — сказала, — позволил распутным актеркам приблизиться к этому страдальцу, раз они не только не утоляют печалей его никакими лекарствами, но еще разъедают их сладкими отравami? Ведь это они, засоряя бесплодными терниями, обильную жатву разума губят и умы людей приучают коснеть в их недуге, а не избавляют от него. Но если бы, как это вам привычно, ласкательства ваши соблазняли человека суетного, мне бы не было это столь невыносимым: это нисколько не подрывало бы моих стараний; а вы совращаете человека, воспитанного учениями элэатов и академиков? Но уходите-ка прочь, сирены, зачаровывающие

до смерти, и предоставьте заботиться о нем и врачевать его моим музам.

Потрясенный этими словами пресловутый хор склонился долу и, покраснев в раскаянии от стыда, печально удалился за порог. А я со взором, затуманенным слезами, и будучи не в силах распознать, кто была эта, столь властно повелевающая жена, оцепенел и, потупив глаза в землю, стал в молчании ждать, что же наконец намерена она делать. Тогда она, приблизясь ко мне, села на край моей постели и, глядя на мое тяжко огорченное и опущенное долу лицо, посетовала о моем душевном смятении в таких стихах:

- II. О, как тупеет душа в бездне глубокой,
Как ослепленная мысль, света не видя,
В мраке крошечном себе выхода ищет!
Но от земной суеты нет избавленья
И непомерно растет злая забота.
Некогда вольным он был, в небе открытом
Вышние видел пути, взором привычным
Смело смотря, наблюдал Солнца сиянье,
Хладной Луны изучал все перемены,
10 Да и движенья планет, в их обращеньи
Взад и вперед, постигал, как победитель,
Зная, какими они ходят путями.
Ведал и то, почему шумные ветры
Бурно вздымают валы в моря пучинах,
Дух вращает какой твердь небосвода,
Иль почему, на закат двигаясь, Солнце
Утром день золотит вновь на востоке;
Что управляет весны поступью нежной,
Как украшает она землю цветами,
20 Кто заставляет плоды осенью поздней
Зреть и лозу наливать гроздь виноградный.
Тайны природы умел распознавать он
И объяснял он ее действий причины.
Ныне, повержен, лежит он в отупеньи,
Стянута шея его тесною цепью,
Долу поникнул, скорбя в тяжких оковах
И цепenea в земных помыслах вздорных.

II. — Но теперь, — сказала она, — надо тебя лечить, а не попрекать. — И, обратив на меня пристальный и внимательный взор, — Ты ли, — сказала, — тот, кто некогда вскормленный моим молоком, вскормленный моею пищей, достиг мужественной твердости? Да ведь я вручила тебе и такое оружие, какое, если бы только ты его не забросил, обеспечило бы тебе несокрушимую

стойкость. Узнаешь ли ты меня? Что ты молчишь? От стыда или от изумления ты не говоришь? Я предпочла бы, чтобы от стыда, но, как я вижу, поразило тебя изумление.— Когда же она увидела, что я не только молчу, но вовсе лишился языка и онемел, тихонько приложила к моей груди руку и сказала:

— Ничего опасного: он страдает простой сонной болезнью, обычной при расстроенном воображении. Он немного забылся и легко опомнится, раз был со мною знаком раньше. Чтобы помочь ему в этом, протрем-ка мы ему очи, затуманенные облаком сутенных забот.

Сказав так, отерла она мои залитые слезами глаза скомканным краем своей одежды.

III. Тут разошелся туман, прояснилось мое помрачение,
Вновь засияли глаза светом разума.

Так, если Кавр налетит, облака густой пеленою

Небо затянут и дождь непрерывный льет,

Скроется Солнце, а звезд еще в небесах не явилось,

Ночь на землю тогда опускается.

Если же дунет Борей из пещеры фракийской, на тучи

Бросившись бурно, то вновь засияет день

Освобожденный, и Феб, сверкнув внезапно лучами,

Блеском их прояснит изумленный взор.

III. Только тут развеялись тучи моей печали, вдохнул я небесный воздух и стал способен распознать лицо моей целительницы. И вот, взглянув и пристально на нее посмотрев, вижу я перед собой кормилицу мою, Философию, на попечении которой находился я с малолетства.

— Зачем же,— говорю,— ты, о наставница всех добродетелей, явилась в уединенное мое заточение, спустившись с высоты небес? Или и тебя вместе со мною преследуют лживыми клеветами?

— Могла ли я,— отвечала она,— покинуть тебя, мой питомец, и не помочь тебе общими нашими силами нести тяжкое бремя, возложенное на тебя ненавистниками моего имени? Да ведь Философии не подобало оставить без сопровождения неповинного путника. Мне ли бояться клеветы и ужасаться ей, точно чему-то неслыханному? Неужто ты думаешь, что только теперь, при извращении нравов, мудрость донимают гонениями? Не случилось ли мне и в древние времена, еще до моего Платона, не раз вступать в сражение с отчаянной глупостью? А при его жизни наставник его, Сократ, не с моей ли помощью одержал победу над беззаконной смертью? Когда и толпа эпикурейцев, и стоиков, да и всякие другие старались разграбить его наследие и, не взирая на мои возражения и сопротивление, растаскивали

его, как добычу, изодрали они собственноручно сотканную мою одежду и, оторвав от нее лоскутья, ушли в уверенности, что я им всецело подчинилась. Поскольку у них видны были кое-какие следы моего облика, их сочили за моих близких, а недомыслие вовлекло некоторых из них в заблуждения невежественной толпы. А если неведомы тебе ни бегство Анаксагора, ни отравы Сократа, ни мучения Зенона, поскольку они для тебя чужие, то ты мог, однако, знать о Каниях, Сенеках, Соранах, память о которых не стерлась и не затмилась. Их повергло в гибель не что иное, как то, что они, следуя моим заветам, своими поступками явно отличались от нечестивцев. Поэтому нечего удивляться, если в этом море житейском нас отовсюду обуревают напасти, при которых главное — не угождать порокам. И, несмотря на многочисленность войска порочных, к нему, тем не менее, следует относиться с презрением, потому что оно не руководимо никаким вождем, но лишь мечется всюду в отчаянном и безрассудном заблуждении. Если когда-нибудь, построив войска, нападет на нас кто сильнееший, то наша водительница стягивает свои силы в крепость, а те занимаются расхищением бесполезных пустыков. А мы посмеиваемся над грабителями всяких ничтожнейших мелочей, не обращая внимания на всю эту бешеную суматоху, огражденные таким оплотом, какого безудержной глупости нет и надежды достичь.

- IV. Всякий, кто, в тишине живя спокойно,
 Рок надменный попрали ногою твердой,
 Презирая и счастье, и несчастье,
 Может бодро смотреть на все и смело:
 Не страшит его в море ярость вихря,
 Горы волн поднимающего к небу,
 Ни Везувий изменчивый, когда он
 Изрыгает из жерла дымный пламень
 Или рушит громады крепких башен,
 10 Поглощая их огненным потоком.
 Что страшиться несчастным злых тиранов,
 Негодующих в бешенстве бессильно?
 Ни на что не надейся, не пугайся,
 И ничтожного гнев обезоружить.
 Кто ж боязнь объят или желаньем,
 Раз нет твердости в нем и силы духа,
 Тот бросает свой щит и, сокрушенный,
 Сам кует для себя цепей оковы.

IV. — Понятно ли тебе это, — сказала она, — и проникает ли в душу? Или ты *ὁνος λύρας*?²² Что ты плачешь, что льешь

слезы? ἐξαύδα μῆ κευθε νόα³. Если ждешь от целительницы помощи, покажи свою рану.

На это я, собравшись с духом:

— Неужели надо еще напоминать и недостаточно видна жестокость безжалостной ко мне Судьбы? Неужто тебя не поражает самый вид этого места? Разве это книгохранилище, какое ты сама себе определила как надежнейшее обиталище в моем доме? То, где ты, часто бывая со мною, вела ученую беседу о делах человеческих и божественных? Таков ли был мой облик, таково ли выражение лица, когда я исследовал вместе с тобою тайны природы, когда ты чертила мне палочкой пути светил, когда ты руководила моим поведением и строем всей моей жизни, согласно небесному распорядку? Это ли воздаяние мне за то, что я тебе повиновался? А между тем устами Платона ты объявила нерушимым такое суждение: “Государства будут благоденствовать, если будут править ими либо любомудры, либо правители окажутся покровителями мудрости”⁴. Ты устами того же мужа внушала, что необходимым условием устройства государства является отстранение от кормила городов граждан бессовестных и развращенных, дабы они не доводили до ничтожества и гибели людей благонамеренных. Поэтому, следуя такому суждению, пожелал я применить в области государственной деятельности те знания, которые получил от тебя при наших уединенных занятиях на досуге.

Да, при исполнении своей государственной должности я заботился исключительно о благе всех благонамеренных людей: тому свидетели ты и Бог, приобщивший тебя умам мудрецов. Из-за этого-то возникли тяжкие и непримиримые раздоры и, как следствие независимости моих мыслей, постоянное мое презрение к негодованию сильнейших, ради соблюдения законности. Сколько раз противостоял я Конигасту, когда тот порывался отнять имущество у бессильных; сколько раз не допускал я начальника королевского двора, Тригвиллу, до задуманного и почти уже совершенного им насилия; сколько раз несчастных, постоянно угнетаемых бесконечными кознями своевольной алчности варваров, защищал я от опасностей своею властью! Никогда никто не отвратил меня от закона к беззаконию. Гибелью имений провинциалов — то ли от грабежей частными лицами, то ли от государственных налогов — огорчался я не меньше самих потерпевших. Когда назначенная во время жестокого неурожая принудительная и невыполнимая скупка хлеба обрекала на очевидную нужду провинцию Кампанию, я, ради общего блага, осмелился с ведома короля ополчиться на префекта претория и добился отмены этой скупки. Консуляра Павлина, состояние которого надеялись и страстно стремились пожрать дворцовые псы, я вызволил из самой разверстой их пасти. Стараясь уберечь консу-

ляра Альбина от наказания по заранее обдуманному обвинению, возбудил я ненависть доносчика Киприана. Не довольно ли, как видно, нагромоздил я против себя раздражения? Но я должен был быть в большей безопасности у других, раз из любви к справедливости ничем не обеспечивал свою безопасность у придворных. Какие же доносчики меня погубили? Среди них был Василий, которого, уже отрешенного от должности, побудили сделать на меня донос обременявшие его долги. А когда Опилион и Гауденций были присуждены по королевскому приговору к ссылке за их бесчисленные и многообразные преступления и когда они, не желая этому подчиниться, укрылись в священном храме, и это стало известно королю, он отдал приказ, чтобы, если они в назначенный день не покинут Равенны, их изгнали, заклеив им лбы. Что можно было еще придумать при таком суровом приговоре? А между тем в тот же самый день от этих же доносчиков был принят донос на меня. Так что же? Этого ли заслужили мои достоинства? Или оправдывает таких обвинителей заранее измышленное осуждение? И Судьбе нисколько не стыдно, если не обвинения невинного, то бессовестности обвинителей?

Но ты спрашиваешь, в чем же состоит преступление, в каком меня обвиняют? Говорят, что я хотел спасти сенат. Ты желаешь узнать, каким образом? Меня чернят тем, что я помешал доносчику представить доказательства виновности сената в оскорблении величества. Как же ты, моя наставница, об этом судишь? Отвести ли мне это обвинение, чтобы не устыдить тебя? Но такова была и будет моя неизменная воля. Повиниться? Но окажется тщетным старание помешать доносчику. Назвать ли мне незаконным стремление спасти сенат? Правда, он своими обо мне постановлениями обратил это в незаконное. Но постоянный безрассудный самообман не может унижить цены заслуг. И я не считаю позволительным Сократово правило, как и о сокрытии истины, так и о допустимости обмана.

Но, как бы то ни было, я оставляю это на суждение твое и мудрецов. Я сделал последовательную и правдивую запись этого дела, дабы не забыло его потомство. Но о подложных письмах, избличающих мою надежду на свободу Рима, стоит ли говорить? Их ложь сразу бы обнаружилась, если бы мне было дано уличить в ней самих доносчиков, что во всех делах имеет наибольшую силу. Ибо на какую свободу оставалось нам надеяться? О, если бы хоть какая-нибудь была возможна! И я ответил бы им словами Кания, который, когда Гай Цезарь Германик обвинил его в том, что он знал о предпринятом против него заговоре, ответил ему: "Если бы я это знал, ты бы об этом не узнал". При всем этом скорбь не настолько притупила мой дух, чтобы жаловаться мне на нечестивцев, отважившихся на злодеяния против

добродетели; но меня крайне удивляет их надежда на успех задуманного. Ибо желать худшего — это, пожалуй, свойственный нам порок, но возможность исполнения всякого преступного замысла на глазах Бога — прямо чудовищна. И не напрасно задал такой вопрос один из твоих приверженцев: “Если,— сказал он,— Бог существует, то откуда же зло? И откуда же добро, если Бога нет?” Не следовало бы считать нечестивыми людьми тех, которые жаждут крови всех благонамеренных и сената в целом и желали погубить и меня, в котором они видели поборника благонамеренных и сената. Но разве того же ожидал я и от сенаторов? Ты помнишь, я думаю, всегдашняя моя руководительница и в словах, и в делах, помнишь, говорю, с каким презрением к собственной опасности отстоял я в Вероне невиновность всего сената, когда король, жаждавший поголовного истребления сенаторов, старался перенести на все их сословие обвинение, изобличавшее в оскорблении величества одного Альбина.

Ты знаешь, что я излагаю дело правдиво и никогда своею славой не похвалялся. Всякий ведь сознающий свои заслуги умаляет их достоинство, каждый раз выставляя их на вид и получая за них награду. Но ты видишь, какая участь постигла мою безупречность. Вместо наград за истинную доблесть я подвергся ложному обвинению наказаниям. И какое явное сознание в преступлении побуждало когда-нибудь судей к такой единодушной жестокости, чтобы ни один из них не смягчился или по свойственному человеку заблуждению, или от неведения каждого о своей участи? Если бы говорили, что я намеревался сжечь святые храмы, или заколоть нечестивым мечом священнослужителей, или подготовлял убийство всех благонамеренных людей, то и тогда бы следовало меня наказать после личного моего признания и изобличения перед судом. Теперь же, когда я удален почти за пятьсот миль и лишен защиты, осужден я за чрезмерную преданность сенату на смерть в заточении. О, заслуженные, подобный моему поступок нельзя вменить в преступление. Ничтожество этого обвинения видно было самим доносчикам. Чтобы очернить меня еще каким-нибудь злодеянием, они, в обход заботы о достоинстве, измыслили, что я осквернил себя замыслом поругания святынь. А между тем ты, мне присущая, не допускала гнездиться в душе моей привязанности к вещам преходящим, а, при твоём попечении, святотатство было с тобой несовместимо: ты ведь повседневно напояла и уши мои, и мысли пифагорейским изречением $\epsilon\pi\omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omega$ ⁵. Не пристало прибегать к помощи презреннейших вдохновителей мне, которого ты старалась довести до такого совершенства, что он уподобился бы Богу. Кроме того, безупречная святыня моего дома, общество честнейших друзей и, наконец, добродетельный тесть мой Сим-

мах, столь же чтимый, как и ты сама, очищают меня от всякого подозрения в злодействе.

Но какое нечестие! Все клеветники уверены в том, что причина такого ужасного преступления — ты, а я оказываюсь причастным злодеянию именно потому, что, будучи напоен твоими наставлениями, я воспринял твои предписания. И так уважение к тебе послужило мне только к тому, что ты волей-неволей терзаема моим бедствием. К тому же несчастья мои усугубляет еще и то, что большинство людей обращает внимание не на действительные заслуги, а на удачу в них и считает благонамеренным лишь то, что счастливо завершается. Поэтому доброго мнения скорее всего лишаются несчастные. О теперешних пересудах в народе, о всех разногласных и разнородных толках досадно и вспоминать. Скажу только, что всего тяжелее переносить, когда несчастных, обвиняемых напрасно, считают страдающими по заслугам. Так вот и я, лишенный всего имущества, отрешенный от почетных должностей, покрытый позором, понес кару за злодеяние. И кажется мне, вижу я шайки нечестивцев, исполненных радости и веселья; каждого отъявленного негодяя грозящим новыми коварными доносами; благонамеренных людей поверженных ужасом моего бедствия; каждого преступника побуждаемым безнаказанностью за злодейство и за исполнение его получением награды, а невинных лишенными не только безопасности, но даже и защиты. Поэтому побужден я воскликнуть:

- V. О Создатель звездного свода небес,
Занимающий вечно стоящий престол,
Ты вращаешь стремительно вышнюю твердь
И светилам законы велишь соблюдать,
Дабы полным блистаньем сияла Луна,
Когда против огней она Феба стоит,
Затмевая меньшие звезды собой;
А когда приближается к брату она,
Непременно должна убывать и бледнеть.
10 Да и Геспер, который вечерней порой
За Тобою дрожащие звезды ведет,
Должен, как Люцифер, бледнее гореть,
На востоке когда появляется Феб.
Ты, сдувающий листья морозной зимой,
Умеряешь сиянье короткого дня,
А к приходу знойной летней жары
Сокращать начинаешь ночные часы.
Руководишь Ты сменю года времен,
И всю зелень, какую уносит Борей,
20 Возвращает дыханием нежным Зефир,
А посев, за которым Арктур наблюдал,

Летом Сириус жжет на высоких стеблях.
 Ничему не дает вековечный закон
 Нарушать своевольно веления его.
 И, своим подчинив приказаниям все,
 Ты, Правитель, одним только людям дела
 Предоставил без должной управы свершать.
 Почему же иначе обманчиво так
 Все меняет Судьба и достойных гнетет,
 30 Избавляя от кары виновных людей?
 На высоком престоле пороки сидят,
 Попирая святыню надменной пятой,
 Не давая невинным свободно дышать.
 Доблесть светлая ввергнута в мрачную тьму,
 Справедливый же муж обречен выносить
 Участь злодея.
 Не карают ничем нарушителей клятв,
 Их обман прикрывается краскою лжи.
 А когда они вздумают силы собрать,
 40 Пред которыми всюду трепещет народ,
 То им любо себе подчинять и царей.
 Пошади же несчастных людей на земле,
 О Зиждитель законов природы вещей!
 Созданий Твоих не последняя часть,
 Мы ведь носимся, люди, на волнах Судьбы.
 Умерь Ты, Правитель, их бурную мощь
 И, царя над безмерною бездной небес,
 Нерушимым законом Ты земли свяжи.

V. Спокойно выслушав все то, на что я горько жаловался, она сказала:

— Когда тебя увидела я в горе и в слезах, я тотчас поняла, как несчастен ты в своем заточении. Но сколь длительно это заточение, я до твоей речи не знала. Но как бы далеко ты ни был от отечества, ты не только выслан, но и сбился с дороги; и если ты предпочитаешь считать себя изгнанником, то ты скорее сам себя изгнал. Ибо никому не дано было бы тебя изгнать. Ведь, если ты помнишь, в каком отечестве суждено было тебе родиться, ты знаешь, что им управляет не многовластие, как это некогда было у афинян, но $\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\omicron\iota\rho\alpha\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\sigma\tau\acute{\iota}\nu$, $\epsilon\iota\varsigma\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ ⁶, которого радует многочисленность граждан, а не их удаление: быть руководимым его уздой и подчиняться правосудию есть высшая свобода. Или тебе неизвестен тот старинный закон твоего государства, по которому запрещено применять изгнание к тому, кто захотел в нем обосноваться? Ибо тому, кто огражден его защитой и оплотом, нечего опасаться потерпеть изгнание. Но кто не пожелает в нем оставаться, тот, следовательно, не пожелал также и быть его достойным. Поэтому не

так сокрушает меня вид этого места, как твой собственный вид⁷. И я забочусь не столько о стенах твоего книгохранилища, украшенного слоновою костью и стеклом, сколько о состоянии твоей души, в которую вместила я не книги, но то, что придает книгам ценность, — мысли, некогда помещенные мною в эти книги. И хотя ты о своих заслугах на общее благо сказал и правду, но, в сравнении с их большим числом, мало. О честности или бесчестности взведенных на тебя обвинений ты упомянул то, что всем известно. Злодейства и коварства клеветников ты счел нужным коснуться вскользь потому, что об этом лучше и подробнее будет известно из уст все обсудившего народа. Ты жестоко поносил и несправедливость поступка сената. Горевал ты о навете на меня. Плакал также потерю доброго мнения о себе. Потом воспламенила тебя скорбь на Судьбу и ты роптал на несправедливость воздания за заслуги. Наконец, ты голосом раздраженной музыки взмолился о воцарении на земле такого же порядка, что и на небе. Но потому, что тебя охватило такое волнение чувств и рвут тебя на части горе, гнев и тоска, ты сейчас в таком состоянии духа, что тебе еще не годятся более сильные лекарства. Поэтому начнем со слабейших, чтобы то, что привело тебя в такое волнение и бурное смятение, утихло, и ты смягчился от более нежного на тебя воздействия и стал способен к принятию снадобий крепчайших.

- VI. Кто под Рака звездой, когда
Зноем Феб распалит ее,
Доверяет обильный сев
Бороздам непитательным,
Тот, Церерой обманутый,
Пусть идет желудей искать,
Никогда ты в тенистый лес
Не ходи за фиалками,
Коль ревет Аквилон в вой
10 На полях обездоленных.
Жадной ты не спеши рукой
Рвать побег весенних лоз,
Коль кистей виноградных ждешь,
Ибо Вакх только осенью
Нам дарует плоды свои.
Всякий долг исполнять велит
В надлежащее время Бог
И порядок, налаженный
Им самим, не дает менять.
20 Потому-то, коль что-нибудь
Опрометчиво бросит строй,
То поплатится горестно.

VI. Прежде всего позволь задать тебе несколько вопросов о состоянии твоей души и попытаться определить, каким способом надо тебя лечить.

— Спрашивай,— говорю я,— о чем угодно, по твоему усмотрению, и я готов тебе отвечать.

— Тогда ответь мне,— сказала она,— не думаешь ли ты, что существующий мир есть создание случайное, или же в нем есть какое-нибудь разумное начало?

— Да нет,— говорю,— я никоим образом не полагал, что такое стройное творение движется каким-то случайным произволом. Я ведь знаю, что им руководит его создатель Бог, и не было ни одного дня, когда бы я усомнился в справедливости этого мнения.

— Да,— сказала она,— ибо ты только что об этом пел и плакался, что одни только люди непричастны божественной заботе. Ибо ты нимало не сомневался в том, что все остальное управляется разумно. Но, право, я крайне изумлена, почему, держась такой здоровой мысли, ты болеешь. Исследую однако поглубже: не понимаю, где тут изъян. Но скажи мне, раз ты не сомневаешься в том, что миром руководит Бог, то по каким же, по-твоему, правилам?

— Мне,— отвечаю,— не совсем понятен твой вопрос, и я даже не в состоянии на него ответить.

— Разве я,— говорит она,— обманулась в наличии у тебя какого-нибудь изъяна, через который, точно в трещину крепкой стены, проскользнула тебе в душу бушевающая тебя болезнь? Но скажи мне, помнишь ли ты, каково конечное назначение вещей? Или куда направлено стремление всей природы?

— Я слышал об этом,— говорю,— но печаль притупила мне память.

— Но каким образом тебе известно, откуда все произошло?

— Я это знаю,— говорю я,— и признаю существование Бога.

— Как же возможно, что ты, познав начало вещей, не знаешь конечного их назначения? Правда, таковы бури страстей, такова их сила, что они могут человека как-то поколебать, но вот одолеть его и всецело себе поработить они не могут. Но я хотела бы, чтобы ты мне вот еще на что ответил: помнишь ли ты, что ты человек?

— Как же,— говорю,— мне этого не помнить?

— Итак, можешь ли ты определить, что такое человек?

— Не спрашиваешь ли ты о том, известно ли мне, что я живое существо, разумное и смертное? Знаю и таковым себя сознаю.

На это она:

— И ничем иным ты себя не признаешь?

— Ничем.

— Теперь мне ясна, — сказала она, — иная и главная причина твоей болезни: ты позабыл о своей собственной сущности. И так я полностью распознала и существо твоего недуга, и подход к восстановлению твоего здоровья. Ибо потому, что ты совсем обеспамятел, ты и загоревал о себе как изгнаннике и как о лишенном своего имущества. А потому, что не ведаешь конечного назначения вещей, ты и считаешь негодяев и нечестивцев преуспевающими счастливыми. И потому, что ты забыл, какими правилами руководишь мир, ты полагаешь, что все эти превратности судеб текут без управителя: это существенные причины не только болезни, но и смерти. Но, благодарение творцу-спасителю, ты еще не целиком отвержен природой. У нас имеется вернейшее средство для твоего спасения — истинное суждение о руководстве мира: то, что ты веришь в подчинение его не игре случая, но божественному разуму. Итак, не страшись ничего. И вот от этой крохотной искорки воссияет уже животворный жар. Но, поскольку более сильные снадобья применять еще не время, а природа умов такова, что при всяком совращении их они заражаются ложными умствованиями, от которых поднимается затмевающий взоры истинного разума туман, я попытаюсь развеять его умеренными средствами, дабы, по рассеянии мрака обманчивых страстей, ты мог бы познать сияние истинного света.

VII. Тучею черной
Скрытые звезды
Лить никакого
Света не могут.
Коль налетает
Австр на пучину
И омрачает
Солнечный облик
Зеркала моря,
10 То перед взором
Тотчас мутятся
Чистые воды,
Грязью покрыты.
Часто течение
Мчащихся быстро
Горных потоков
Останавливает
Камень упавший,
Став им преградой.
20 Ты же, коль хочешь
Быть озаренным
Истины светом
И не сбиваться

С верной дороги,
Брось все улады,
Брось всякий страх ты
И без надежды
Будь беспечален:
Ум затуманен
30 И не свободен
И в этих оковах.

¹ Греческие буквы означают философию практическую (деятельную) и теоретическую (умозрительную).

² Осел, слушающий лиру.

³ Илиада, I, 363.

⁴ Платон, Государство, V, 473 D.

⁵ Следуй богу.

⁶ “Единый властитель, единый царь” — слегка измененная цитата из Илиады, II, 204.

⁷ Ср. Цицерон, Речь за Цецину, XXXIV, 100: “Изгнание — не наказание, а убежище и гавань для наказуемых; из желания избегнуть какого-нибудь наказания или несчастья люди меняют почву, т.е. избирают другую родину, другое место жительства. Вот почему ни в одном нашем законе не найдете, чтобы какие бы то ни было преступления, как в остальных государствах, наказывались изгнанием” (Пер. Ф. Зелинского).

Кассиодор

Магн Аврелий Кассиодор Сенатор родился около 490 г. и был, таким образом, лет на десять моложе Боэтия, которого он знал и глубоко почитал. Он происходил из знатного рода, дед (или прадед) его защищал Рим во время вандальского нашествия, отец был префектом претория, т.е. чем-то вроде первого министра при Одоакре. Кассиодор начал службу квестором уже при Теодорихе готском, был в 514 г. консулом, потом начальником королевской канцелярии, а после смерти Теодориха в 526 г. — префектом претория при его преемниках Эвтерихе, Амаласунте, Теодахаде и Витиге. Его умение оставаться у власти в течение столь долгого времени в кипевшей интригами обстановке готского двора обличает в нем немалую политическую гибкость. Наконец, в 540 г. Кассиодор отказывается от политической деятельности, покидает двор, уезжает в свое родовое имение на юге Италии и основывает там монастырь Вивариум (получивший название от тамошних садков с живой рыбой), которым управляет сам. Год смерти его точно неизвестен, но дожил он до глубокой старости: в сочинении “О правописании” он упоминает, что ему уже минуло 92 года.

Таким образом, жизнь Кассиодора как бы распадается на две части: в качестве префекта претория он ревностно проводил основную линию политики Теодориха — попытку слияния готов с римлянами и создания из тех и других единого мощного государства, способного сменить рухнувшую Западную империю; после же удаления от дел он с таким же усердием берется за устройство своего монастыря, работу над уставом монастырской жизни и за литературную деятельность. В этой области он явился предшественником Бенедикта Нурсийского: первой обязанностью монахов он счел не физический труд, а заботу о своем умственном и духовном развитии: первоначально он намеревался даже создать в Риме академию для изучения богословских наук, но, как он сам говорит во введении к сочинению “Об изучении наук божественных и человеческих”, войны и прочие смуты, вызванные нашествием Юстиниана на Италию, не позволили этого, и он заменил свой план созданием большой библиотеки в своем монастыре, к работе в которой он ревностно побуждал монахов. Особенно поощрял он работу переписчиков (по его терминологии —

гии, “антиквариетов”), говоря, что своим трудом они “борются тростником и чернилами против коварных козней дьявола и на-носят ему столько ран, сколько слов Господних они переписывают”. Он не запрещает и изучения светских наук, но ставит их на второе место и советует овладеть только самыми их началами; одобряет занятия лечебным делом и — для малоспособных к научным занятиям — садоводство, земледелие и рыболовство.

От Кассиодора дошло до нас довольно много произведений. Наибольший интерес представляет собрание писем и указов, писанных и редактированных им самим, изданное, незадолго до его удаления от дел, в двенадцати книгах под заглавием “Разное”: это богатейший живой материал по истории первой четверти VI в. К сожалению, только в сокращенном изложении Иордана дошел до нас труд Кассиодора “История готов”; сохранившиеся же “Хроника” и “Трехчастная история” представляют собой лишь компиляции из произведений Иеронима, Руфина и других писателей, касающиеся всемирной и церковной истории. Чисто богословские темы разработаны в обширном “Истолковании псалмов” и в небольшом сочинении “О душе”, в котором, между прочим, Кассиодор вдается в фантастические этимологии, считая, например, что *anima* (“душа”) происходит от греческого *ἄνιψα* (т.е. нечто, находящееся не в крови, в отличие от животных, у которых душа находится в крови), тогда как *animus* (“дух”) — от греческого *ἄνεμος* (“ветер”). Наибольшее же значение для всех последующих веков имело его сочинение “Об изучении наук божественных и человеческих”, послужившее основой уставов многих монашеских орденов.

Кассиодор отлично владел латинским языком, искусно используя различные его стили, о чем сам говорит в предисловии к “Разному”.

Разное

Предисловие

(§§ 1–7) Ввиду того, что я заслужил благосклонность людей образованных благодаря как нашим с ними беседам, так и моим безвозмездным услугам, но отнюдь не моим действительным достоинствам, они стали уговаривать меня объединить в одно собрание мои писания, каковые я, часто занимая почетные должности, рассылал с целью разъяснения различных дел, и сделать это для того, чтобы наши потомки в будущем оценили и тяготы моих трудов, предпринятых ради пользы общества, и неподкупную добросовестную мою деятельность. Я говорил им, что у меня

такого желания нет, ибо то, что казалось приемлемым в качестве ответа на настоятельные мольбы просителей, впоследствии покажется читателям неуместным; сверх того, говорил я, следовало бы припомнить слова Флакка¹, указывающего, какие опасности грозят слову, высказанному поспешно, между тем как от меня все требуют именно быстроты,— думаете ли вы, что я могу сказать что-то, о чем впоследствии не придется пожалеть? Всегда бывает неотесанной та речь, которая не оттачивается обдуманно и длительно и пользуется словами, недостаточно к ней подходящими. Дар речи дан нам всем: но искушен в ней тот, кто умеет определить, искусен писатель или нет. Поэтам для их сочинений предоставляется девятилетний срок; мне же не дается ни часа, ни мига. Только я начну какое-нибудь дело, оно прерывается криками, и его приходится делать в спешке, так что начатое не может быть закончено с надлежащей осмотрительностью: один торопит меня частыми и недоброжелательными возражениями, другой терзает описаниями своих тяжких бедствий, а некоторые осаждают яростными распрями и раздорами. Как вы можете при таких условиях требовать красноречивых посланий, если я едва успеваю подобрать нужные мне слова? Ведь даже по ночам кружат надо мной несказанные заботы о том, будет ли доставлено в города продовольствие, чего больше всего требует народ, радеющий о своем желудке, а не об услаждении слуха; потому-то я вынужден пробегать умом по всем провинциям и всюду расследовать неполадки, ибо недостаточно приказать воинам, что они должны делать, если за исполнением приказа не следит бдительный судья. Поэтому прошу я вас, друзья, не любите меня так, чтобы ваша любовь пошла мне во вред; а мне следует не поддаваться вашим уговорам, ибо послушание им принесет мне больше неприятностей, чем славы.

Но мои друзья все упорнее стояли на своем, говоря: “Все знают, что ты занимал должность префекта претория, а за этим почетным званием всегда как бы по пятам следуют различные государственные обязанности: от занимающего эту должность требуют определения расходов на войско, с него же спрашивают снабжение народа продовольствием в любое время года, на него же возлагаются тяготы судебных решений и на него же, как мы видим, наваливается безмерное бремя соблюдения законов; одним словом, с этим почетным званием связано решение почти всех дел. Сколько же времени ты можешь урвать от трудов на пользу государства, если все, чего требует общественное благо, как бы стекается в одни и те же руки? Прибавим еще, что нередко усложняются и дела по квестуре, и даже время досуга отнимают постоянные размышления, и когда ты уже обливаешься потом от обременяющей тебя ноши, правители возлагают на тебя и такие почетные обязанности, с которыми не справляются

судьи, нарочно к этому приставленные. И все это ты делаешь совершенно безвозмездно, и, по примеру твоего родителя, не принимаешь от надеющихся на твою помощь ничего, кроме трудностей, и, воздерживаясь от вознаграждения, ты своим заступничеством как бы продаешь просителям все, не беря с них за это ничего...”

(§§ 12—18) Моя осмотрительность, сознаюсь, была побеждена: я не мог долее противиться столь многим разумным мужам, когда увидел, что обвиняют меня лишь из любви ко мне. Теперь будьте же снисходительны, читатели, и если вы встретите какое-либо неосторожное высказывание, запишите его на счет тех, кто меня уговаривал, ибо суд надо мной должен вершить тот, кто решился меня обвинять. И то, что мне удалось найти из всего, что я должен был в свое время писать по поводу различных государственных дел, занимая должности квестора, начальника канцелярии и префекта, я распределил по дважды шести книгам, чтобы, с одной стороны, интерес читателя возбуждался разнообразием дел, а с другой стороны, его ум оживлялся надеждою на приближение конца. Я не хотел, чтобы другим пришлось выносить то, что часто приходилось испытывать мне при назначении на должности, и посылать неотглаженные и необработанные письма; ведь их иногда требуют так внезапно, что едва можно успеть их написать. Поэтому формулы назначения на должность я собрал в шестой и седьмой книгах, чтобы и я сам мог их использовать впоследствии, и преемникам моим оказал помощь в трудные минуты: ведь то, что написано мною в прошлом, пригодится и в будущем — я изложил в этих письмах лишь то, что относится не к лицам, а к самим должностям.

В качестве заголовка для этих книг, указателя их содержания, провозвестника их порядка и самого краткого названия для всего сочинения я избрал слово “Разное”. Мне ведь приходилось писать не одним и тем же слогом, обращаясь с увещаниями не к одним и тем же лицам: один удовлетворяется речью многословной, другому по вкусу средний стиль, а с третьим, не опьяненным ароматом искусства речи, следует говорить, заботясь только о доказательности, так что иногда человек опытный в своей речи вынужден избегать именно того, что нравится ученым ценителям. Поэтому прекрасно сказали наши предки: следует говорить так, чтобы ты мог убедить слушателей выполнить то, что намечено тобой. Ведь древняя мудрость различала три вида красноречия: низменный, который обслуживает обычную беседу; средний, не разбухший от многословия, но и не иссохший от скудости, а стоящий между тем и другим и ограничивающий себя одному ему присущими пределами изящества; и третий, возвышающийся до вершин беседы с умами изысканными. Очевидно, соответственно различию лиц избирается тот или иной способ речи, как бы из-

ливаясь из одних и тех же уст, но поступая туда из различных источников. Однако красноречивым может быть назван только тот, кто готов мужественно взяться за любое дело, будучи как бы опоясан этой тройной доблестью. Ведь нам приходится говорить то с правителями, то с придворными, то с людьми самых низких сословий. Одним надо отвечать поспешно, другим следует предлагать продуманный ответ, так что поистине мы правильно называем “разным” то, что создается столь различными способами. Мы принимаем эти древние правила и постараемся соизмерять с ними наш слог; поэтому мы скромно обещаем давать слог “низкий”, постараемся безупречно соблюсти и “средний”, “высокого” же, стремящегося, в силу своего благородства, ввысь, мы достигнуть не надеемся. Впрочем, пусть умолкнут недопустимые эти наши предисловия: совершенно неуместно вводим мы наши рассуждения о самих себе, между тем как нам следует скорее подождать ваших суждений о нас.

Книга I, Письмо 24

Ко всем готам Теодорих-король (508 г.)

Готам скорее приходится сообщать о возможности вступить в бой, чем побуждать их к этому: ведь для воинственного племени высшая радость — заслужить похвалу. Кто жаждет доблестью стяжать славу, тот трудностей не боится. Поэтому, с помощью Бога, под чьим покровительством процветают все наши начинания, мы решили в целях общей пользы направить войско в Галлию, дабы и вы имели повод показать себя, и мы могли, согласно нашим намерениям, вознаграждать вас за подлинные заслуги; ибо достойное хвалы мужество в пору досуга незаметно и пока оно не имеет возможности проверить себя, блеск его достоинства скрыт от глаз. И потому мы дали распоряжение через нашего военачальника Нанда, чтобы вы, во имя Божие, выступили в поход в восьмой день до ближайших июльских календ обычным порядком, в достаточной мере снабженные оружием, конями и всем необходимым, чтобы показать, что в вас жива доблесть отцов ваших, и чтобы успешно выполнить наше повеление. Приучите ваших юношей к науке Марса; пусть они на вашем примере увидят, какое наследие должны они передать своим потомкам: ибо чему не научишься в юности, того и в зрелом возрасте знать не будешь. Коршуны, всегда питающиеся добычей, своих птенцов, еще юных и слабых, выбрасывают из гнезда, чтобы они стали такими, какими хочет их видеть материнская любовь. А вы, кому и природа дала силу, и кого подстрекает любовь к

доброй славе, постарайтесь оставить после себя таких сынов, каких, как нам известно, имели ваши отцы.

Книга I, письмо 28

*Ко всем готам и римлянам
Теодорих-король (507–511 гг.)*

Достоин уважения тот государственный строй, при котором во всем видима заботливость короля. Слава нашего времени — восстановление древних городов: они — украшение мирных лет и защита от военных опасностей. Поэтому настоящим нашим распоряжением мы приказываем на будущее время: если кто-нибудь на своем поле найдет любые каменные глыбы, пригодные для построения городских стен, пусть добровольно и без промедления сдаст их в распоряжение властей: он доподлинно сделает их своим достоянием, если принесет таким образом пользу всему своему городу. Ибо что может быть приятнее, чем видеть, как растет общественное благоустройство там, где польза каждого заключается в том, что полезно для всех? Кроме того, случается, что потери возмещаются тому, кто их потерпел, с большой выгодой для него; нередко бывает, что возмещение оказывается больше потери, и человек часто умножает собственный достаток щедростью к своему ближнему, если таковы условия времени.

Книга III, письмо 7

*Достопочтенному Януарию,
епископу Салонскому², Теодорих-король*

Чтить и соблюдать справедливость мы повелеваем всем, наипаче же тем, кто возвеличен почетным священным саном: они должны ближе всех стоять к благодати высшей, ибо они наиболее далеки от мирского стяжательства.

Некий Иоанн обратился к нам со слезной мольбою и жалобой: Ваше священство взяло у него для наполнения светильников шестьдесят бочонков масла, и он требует подобающего возмещения. Это — желание справедливое, если к нему не примешивается что-либо постороннее. Справедливость же требует блюсти во всех делах, особенно же в тех, кои предлежат очам Божиим. Не следует нам думать, что Бог не ведает, откуда Он получает дары, если Он не карает сразу за подношения, полученные путем обмана. Поэтому, если вы увидите, что жалоба истца обоснована, то из уважения к справедливости, которую вы сами проповедуете, следуя святому закону, без промедления примите меры,

чтобы ему было возмещено все, что требуется по закону. Пусть никто не жалуется, что ему нанесли ущерб вы, которому следовало, напротив, скорее предоставить ему средства помощи. Посему будьте бдительны, чтобы, не совершая обычно проступков в делах важных, вы не оказались — чего да не будет! — погрешающими в малом.

Книга I, письмо 31

Народу римскому Теодорих-король

Мы хотим, чтобы зрелища были для народа услодой и радостью, и то, что устроено (как известно) для отдохновения души, не должно вызывать взрывов гнева. Мы ведь берем на себя такие тяжкие расходы не для того, чтобы ваши сборища превращались в шумные распри, а чтобы они были украшением времен мирных. Откажитесь же от чуждых вам нравов; пусть голос толпы будет подлинным голосом Рима, услаждающим наш слух; раздоры же не порождают веселья и не отрадою порождены. А произошли ваши раздоры тогда, когда вы провинились перед чужеземцами; не затевайте же буйных склок, от которых, как вы видите, другие уже отказались³. Поэтому мы постановили нашим эдиктом, чтобы тот, кто осмелится без основания извергать грубые оскорбления против какого-либо сенатора, знал, что он будет, согласно закону, вызван к префекту города, и по выяснении его проступка будет оглашен приговор и исполнено наказание. А чтобы всякие начатки разлада были вырваны с корнем, мы предписываем пантомимам показывать свое искусство только в назначенных для этого местах, о чем вас будет извещать распоряжение, данное префекту города; это поведет к тому, что вы с должной сдержанностью будете участвовать в городских увеселениях. Ведь у нас нет более горячего желания, чем то, чтобы вы сохранили унаследованные от предков правила поведения и чтобы все те похвальные качества, которые вы имели издревле, под нашим правлением возрастали. Так, у вас есть обычай единогласно оглашать воздух сладкозвучными возгласами, чему с удовольствием внимают даже дикие звери: ваши голоса благозвучнее органа, и весь театр откликается на них, подобно гармонии кифары, так что можно скорее принять это за пение, чем за крики. Разве допустимы при этом раздоры и яростные распри? Откажитесь же, возрадовавшись, от безумия и, возвеселясь, уймите гнев. Тем самым и нравы чужеземцев могут быть удовлетворены, если они услышат, сколь благопристойно выражаете вы свое одобрение.

Об изучении наук божественных и человеческих

27. ...Итак, изучение древних да будет нашим делом, чтобы все изложенное ими во множестве рукописей мы в самой краткой форме (как уже сказано) собрали и сообщили во втором томе. И то, что они измыслили для изощренных хитросплетений, мы с похвальным благочестием воспроизведем для исследования истины: то, что там скрыто и высказано мимоходом, должно быть здесь честно передано для достижения правильного понимания. Это дело, по моему мнению, необходимое, но если принять во внимание все обстоятельства, то и в высшей степени трудное: охватить в двух книгах богатейшие источники наук божественных и человеческих. Следует вспомнить стихи Седулия:

Просьба моя велика, но Ты ведь великое даришь:
Те унижают Тебя, у кого остывает надежда⁴.

28. ...Если же некоторым братьям по простоте ума их окажется не под силу изучить то, что вкратце изложено во второй книге — ведь всякая краткость влечет за собой темноту⁵, то для них достаточно усвоить в целом порядок подразделений всего сущего, их цели и ценность, чтобы они с тем большим рвением стали стремиться к познанию закона божественного. Пусть из различных писаний святых Отцов они узнают, где они смогут утолить свой голод изобильнейшей пищей. Лишь бы у них было влечение к чтению и искреннее желание дойти до постижения истины. Тогда спасительная усидчивость сделает учеными тех, кого на первых шагах испугало глубокомыслие читаемых ими книг; ибо не только неученые, но даже те, кто и читать не умеет, получают от Бога премудрость.

Нам следует знать, что разум дается не только науками, но что Бог дает совершенную мудрость, кому захочет. Ибо если бы познание блага было заключено только в науках, то не могли бы обладать совершенной мудростью те, кто наук не знает. Но поскольку многие неграмотные достигают истинного познания и получают истинную веру от вдохновения свыше, то, несомненно, Бог дарует чистым и благочестивым умам то, что полагает для них полезным.

Но если кому-либо из братьев, по слову Вергилия:

Крови холодный поток мне близ сердца препятствовать станет...

— и он не сможет изучить в совершенстве ни человеческих, ни божественных наук, но все же обладает некоторыми познаниями, то пусть изберет для себя следующий стих:

Пусть мне всегда будут милы поля и потоки в долинах⁶.

Ибо отнюдь не чуждое для монахов занятие — разводить сады, трудиться в полях и радоваться изобилию плодов земных: ведь и псалом 127 гласит: “Ты будешь есть от трудов рук твоих; блажен ты и благо тебе” (пс. 127, ст. 2).

[Далее Кассиодор рекомендует читать сочинения римских авторов о сельском хозяйстве.]

Когда вся эта пища готовится для странников и больных, она становится небесной, хотя по виду кажется земной. Разве это не так, если мы возвращаем силы истощенным, улаживая их нежными плодами, питая голубиным мясом или рыбой, утешая сладостью меда? Ибо если Господь учил во Имя Свое напоить бедняка хотя бы чашею холодной воды (Матф. 10, 42), то насколько милосерднее давать различным нуждающимся вкусную пищу, за которую вы на Страшном суде получите многократную награду! Не следует пренебрегать ни единым случаем помочь человеку, где это возможно.

29. И вот зовет вас к себе местность, где расположен монастырь Вивариум, чтобы там было все приготовлено для приема странников и нуждающихся: есть там у вас по соседству и обильно орошенные сады, и струи богатой рыбою реки Пеллены; она не устрашает бурным течением, но и не слишком мелководна; она течет, умеряемая искусством, так, как это требуется и для орошения ваших садов, и для работы мельниц; она дает воду, когда это нужно, а когда потребность удовлетворена, она вновь отступает. Таким образом, она как бы по благочестию выполняет свою обязанность, не обременяя нас навязчивостью, но и не уклоняясь от своего дела, когда нам это потребно.

Море тоже находится от вас так близко, что можно даже ловить рыбу разными способами; а пойманных рыб, если захочется, можно пустить в виварии: ибо я, с божьей помощью, устроил там водохранилища, где под надежными запорами живет множество рыб; хранилища эти настолько похожи на прибрежные пещеры, что ни одна рыба не чувствует себя в неволе: она может добывать себе пищу и скрываться в привычных убежищах. Я велел также устроить купальни, полезные для телесных болезней; туда спокойно втекает вода из прозрачных ручьев, приятная и для питья, и для мытья. Поэтому в ваш монастырь скорее будут стараться попасть посторонние, чем вам самим захочется отправляться из него куда-то вдаль. Правда, как вы знаете, все это — улады здешней жизни, а не надежда верующих: они преходящи, она же пребывает бесконечно. Но, находясь здесь, мы можем легче направить ввысь наши стремления, которые приведут нас в царствие Христово...

И вот, если вам в монастыре Вивариуме (как можно надеяться) с помощью Божией привычка к жизни в монашеской общине

даст достаточное образование, очистит души от всякой скверны и побудит стремиться к высшему, то на горе Кастелле⁷ найдутся для вас сокровенные убежища, где вы можете под защитой Господа проводить блаженную жизнь в качестве отшельников — ибо есть там отдаленные, подобные пустыне, места, окруженные и крепко замкнутые древними каменными стенами. Вам, уже искушенным и испытаннейшим, возможно будет избрать эти обиталища, если в сердце вашем вы почувствуете, что готовы к такому подвигу. Читая Писание, вы выберете тот или этот путь, поняв, чего вы хотите и что сможете вынести. И, сохраняя воздержанность в беседах, тот, кто не имеет силы поучать других словом, пусть подает им поучительный пример святостью своей жизни.

¹ Гораций, Наука поэзии, 386—390.

² Салоны — город в Далмации, принадлежавшей тогда остготскому царству.

³ Римляне издавна увлекались зрелищами, и в цирке не раз дело доходило до драк между слишком ревностными “болельщиками”; но на этот раз зачинщиками выступили, по-видимому, готы, за что им и пеняет Теодорих.

⁴ Седулий, Пасхальное стихотворение, I, 349—350.

⁵ Гораций, Наука поэзии, ст. 26.

⁶ Вергилий, Георгики, II, 484 и 485.

⁷ Кастелл — гора в Бруттии (на перешейке Скиллаче), где стоял монастырь Вивариум.

Венанций Фортунат

Венанций Фортунат (Venantius Honorius Clementinus Fortunatus), которого можно назвать либо последним римским, либо первым средневековым поэтом Франции, родился около 530 г. в окрестностях г. Тревизо (лат. Tarvisium), в северной Италии, а умер в Галлии после 600 г. Он обучался в школах Равенны, где еще удерживалась былая латинская ученость, и был одним из образованнейших людей своего времени. Первые стихотворные произведения Фортуната посвящены прославлению христианских святых Равенны. В 60-х годах V в. Фортунат отправился в Галлию на поклонение гробнице св. Мартина и совершил большое путешествие, пристраиваясь в качестве поэта при дворах разных франкских королей, посвящая им и их приближенным льстивые панегирики, подобно будущим средневековым трубадурам. В течение долгого времени Фортунат оставался при дворе короля Сигиберта в г. Меце (лат. Divodurum), куда попал на его свадьбу с дочерью короля вестготов Брунгильдой. Этому бракосочетанию Фортунат посвятил большую эпитуламу, в которой новобрачных, сочетавшихся по чину христианской Церкви, прославляют тем не менее Венера и Купидон (VI, 1). Купидон поражает своей стрелой сердце короля Сигиберта и торжественно объявляет об этом Венере:

Радостно он говорит Венере: "Окончил я битву!
Новый повержен Ахилл и теперь пылает любовью,
Жарко горит Сигиберт, объятый страстью к Брунгильде".

Затем Купидон начинает восхвалять Сигиберта, воспевая его знатность, его доблести, а Венера, в ответ ему, прославляет красоту Брунгильды, которая, по ее словам, не только прекраснее всех речных нимф, но, будучи жемчужиной Испании, превосходящей все драгоценные камни, является новою Венерой.

Такие напыщенные похвалы, взятые из арсенала языческой мифологии, несомненно, были по вкусу знатым варварам, даже если многое в латыни Фортуната оставалось им малопонятным. В других своих хвалебных стихотворениях Фортунат не так злоупотребляет мифологическими образами, но все-таки даже в эпитулации Евсевии, в которой говорится, что она заслужила христианское бессмертие (non es mortua Christo), Фортунат сравнивает

ее и с Минервой и с Венерой (IV, 28). Однако в некоторых стихотворениях он чувствует и должную меру, сообразуясь со вкусами своих покровителей и не прибегая к чрезмерным преувеличениям их заслуг; таковы, например, стихи о Бодегизиле (VII, 5) и королеве Теудехильде (VI, 3).

После пребывания в Меце Фортунат побывал и в других городах и замках, в которых пользовался гостеприимством франкских королей и знати, в том числе короля Хильпериха и королевы Фредегонды, в честь которых сочинил большой панегирик, где он использовал уже не мифологические, а библейские образы. Написал он им и утешительное послание по случаю смерти их сыновей, в котором дает картину природы, оживающей ко дню весеннего праздника Пасхи (IX, 3).

По окончании своих странствий по Франции Фортунат прибыл в г. Тур, где сблизился с будущим историком франков, епископом Григорием Турским, а затем обосновался в г. Пуатье (лат. *Pictava*), где вошел в милость нейстрийской королевы Радегунды, принявшей монашество и основавшей в Пуатье женский монастырь, игуменьей которого стала приятельница Радегунды, молодая Агнеса. Поселившись в Пуатье, Фортунат принял духовное звание и стал духовником Радегунды, а затем, уже незадолго до своей смерти, получил и сан епископа.

Ко времени пребывания Фортуната в Пуатье, где он скончался, относятся лучшие и наиболее искренние произведения Фортуната, а также прозаическое жизнеописание умершей в 587 г. Радегунды и, вероятно, другие прозаические жития святых. Бездомный италиец, принужденный искать себе пристанища при дворах варварских королей, непрерывно воевавших друг с другом, обрел наконец спокойное убежище при женском монастыре и мог прекратить свои непрерывные скитания, найдя себе надежный приют, в котором был обеспечен не только кровом и пищей, но и прекрасными условиями жизни. В обществе умной, образованной и приветливой дочери вестготского короля и ее духовной дочери Агнесы, поручивших ему управление всеми мирскими делами богатого монастыря, Фортунат мог отдаваться не только умственным, но и житейским интересам и удовлетворять свои вкусы к обильному и даже изысканному столу, бывшему всегда к его услугам. Сама Радегунда, соблюдавшая по всей строгости установленный ею монастырский устав и неуклонно выполнявшая все обязанности простой монахини, отнюдь, однако, не чуждалась общества и умела принимать у себя в обители не только людей нуждающихся и обремененных заботами, но и людей, привыкших к жизни богатой и обеспеченной. То довольство, которым мог наконец насладиться Фортунат, отражено лучше всего в его небольших стихотворениях книги XI, обращен-

ных к Радегунде и Агнесе, и в двух начальных стихотворениях книги VIII.

Слава, которой пользовался Фортунат при жизни, сопутствовала ему и после смерти. Это видно из его краткой биографии, написанной в VIII в. ученым монахом Павлом Диаконом, считающим Венанция Фортуната “никем не превзойденным поэтом” (*nulli poetarum secundus*) и посвятившим ему эпитафию, в которой он восхваляет его светлый ум, находчивость, изящный язык, достойную жизнь и называет красой стихотворцев. Два стихотворения Фортуната (II, 2 и 6) и до сей поры входят в обиход католического богослужения.

Поэтические произведения Фортуната составляют: 1) Житие св. Мартина в четырех книгах, написанных между 573 и 576 гг.; 2) Одиннадцать книг разных стихотворений, из которых в первые восемь книг входят стихотворения, написанные до 576 г.; в книге 9 — стихи 577—584 гг.; в книгах 10 и 11, изданных после смерти Фортуната, — позднейшие его стихотворения, кончая 591 г.; 3) к этим книгам добавляется еще приложение из подлинных стихотворений Фортуната и стихотворений, ему приписываемых.

Писал Фортунат главным образом дактилическими гексаметрами и элегическими дистихами, но есть у него стихи, написанные и другими размерами. Имеются у него и акrostихи, и другие искусственные по форме стихотворения.

Сочинения Фортуната сохранились во многих списках, из которых один, относящийся к VIII в., хранится в Ленинградской государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

О страстях Христовых

Знамена веют царские,
Вершится тайна крестная.
Создатель плоти плоть принял —
И предан на мучения.

Пронзили тело гвоздзя,
Прибили к древу крестному.
Спасенья ради нашего
Здесь Жертва закаляется!

И се — копье безжалостно
Терзает плоть священную.
Вода и кровь излились —
И смыта скверна древняя.

Исполнились, исполнились
Давидовы речения,
Языкам возвещавшие:
“Се Царь ваш с древа правит вас!”

О древо, древо дивное,
Убор твой — пурпур царственный,
Сподобилось, блаженное,
Святых касаться членов ты.

О древо благодатное,
Весы, что выкуп взвесили,
За нас сполна отмеренный,
Отъяв стяжанье адово.

Струишь благоуханье ты,
Ты сладостнее нектара,
О древо, плод принесшее
Триумфа всепобедного.

Свят Агнец, свят и Жертвенник
Той муки достославнейшей,
Что жало смерти вырвала
И в смерти жизнь открыла нам!

Никетию, епископу Треверскому, о замке над Мозеллой

Высится гордо гора, над крутым нависая обрывом,
И подымает главу на берегу среди скал.
Между нагорий нагих вздымает лесистые гребни
И нерушимо царит грозной вершиной утес.
Пользу приносят холму по долинам идущие пашни
Узкой земли полосой всюду на склонах его.
С бурной Мозеллой течет вокруг берега маленький Родан,
Рыбою наперебой вдоволь питая поля.
Грабят повсюду они, эти реки-скитальцы, пищу
10 Вкусную, Медиолан, ею снабжая твой стол.
А разольется река, еще больше становится рыбы:
При половодье ее легче и ближе ловить.
Радует жителей вид борозды с изобильным посевом,
И плодovitый послать молят они урожай.
Пахарю тешит глаза богатая в будущем жатва:
Он уже видит вперед, что ему лето сулит.

- Весело смотрят поля, зелеными заросшие густо,
Сладко глядеть на покров мягкий окрестных лугов.
Пастырь, апостольский муж посетил эти села Никетий,
20 Да и овчарню всему стаду желанную дал.
Башнями он тридцатью оградил этот холм отовсюду
И укрепления возвел там, где был ранее лес.
Идя от гребня холма, его стены везде обнимают
Вплоть до Мозеллы, где круг их замыкает вода.
А на вершине скалы построен дворец величавый
И возвышается там, будто гора на горе.
Было угодно стеной опоясать широкое поле,
Где только это жилье, прямо, как замок, стоит.
Мраморным строем колонн дворцовая держится кровля,
30 Видны откуда суда, летом бегущие вдаль.
Тройственным рядом аркад еще окружен этот замок:
Кажется сверху, что он крышею площадь покрыл.
Башня пред нами стоит на склоне противоположном:
Это святыня — ее войско в оружие хранит.
Там и баллиста с двойным для метанья камней устройством:
Смертный удар нанеся, вновь она может разить.
По водостокам крутым поток, извиваясь, несется,
Жернов крутя, и всему мелет народу муку.
Сладкие лозы развел ты, Никетий, на склонах бесплодных,
40 И виноградник цветет там, где колючки росли.
Здесь привитые растут плодовые яблони всюду,
Запахом пестрых цветов полнят округу они.
Все это мы в твою честь теперь восхваляем и славим:
Столькие блага несешь ты, щедрый пастырь, стадам.

VI. 3. О королеве Теудехильде

- Славная отрасль ствола блестящего царского древа,
Коему имя дала предков высокая честь!
Быстро по свету летит рода вашего новая слава:
Здесь подвизается брат, там — с ним совместно отец.
Но, несмотря на весь блеск благородных прадедов славы,
Большой гораздо еще вы заслужили почет.
Вы обладаете всем, что хвалят в родичах ваших:
Ты, Теудехильда, собой древний украсила род.
Славы достоин твой ум живой, благочестивый, радушный:
10 Род возвеличила ты прелестью доброй души.
Светлою властью своей ты ненависть вырвала с корнем,
И не боянь, а любовь ты порождаешь у всех.
Мягко твой голос звучит, из ласковых уст вылетая,
Сладостней меда слова нежной беседы твоей.

Женщин и девушек всех достоинством ты побеждаешь,
И благочестием их ты превосходишь всегда.
Коль незнакомый придет, ты его принимаешь радушно,
Будто уже угодил прежде он предкам твоим.
Щедрой десницею хлеб ты сеешь нищим убогим,
20 И ведь сторицей за то снимешь потом урожай.
А поделаясь с бедняком, всегда ты останешься сытой:
Пищей, какую даешь, кормишь себя самое.
Все переходит Христу, чем делишься ты с нищим,
Хоть и незримый для всех, не оскудеет твой дар.
Раз приближается день последний брэнного мира,
То в общей гибели, верь, лучшее ты избрала.
Восстанавлиешь ты вновь щедротами церкви святые:
Дом созидает Христу, Он — созидает тебе.
Стройшь ему на земле, а Он тебе — на высотах:
30 Ты получаешь взамен лучшее на небесах.
Твой без убытка талант останется, посланный к звездам:
Множишь богатства свои жертвами добрыми ты.
Не унижаешь себя ты жизнью для Господа Бога:
Царство земное твое будет твоим в небеси.
Долгим да будет твой век на благо мирскому народу,
И да прославишься ты радостным светом заслуг!

VII. 5. О Бодегизиле

Даже коль в скудной груди я таил бы словесное море,
Граф Бодегизил, тебя я бы не смог восхвалить.
Благодеянья твои все мысли мои захватили,
И, забывая себя, быть я желаю твоим.
Лишь удостоился я познать твой благодостный облик,
Речь твоя, словно елей, вновь оживила меня.
Сладкой беседой своей насытил ты мое сердце,
Вдоволь питая его щедрыми яствами слов.
Кормят другие людей лишь одною телесною пищей,
10 Досыта кормишь меня пищей духовною ты.
Так невозможно фалерн подсластить сытою медовой,
Как услаждает мою душу трапéза твоя.
Сколь утешителен ты для тех, кого издавна любишь,
Если меня в один час в друга себе превратил?
О, как хотелось бы мне прославить всю твою доблесть,
Но о великом нельзя жалкому мне говорить.
Я спотыкаюсь, бедняк, под бременем подвигов стольких,
Лучше скажу я о тех, кем управляешь ты сам.
Ты ведь Массилии дал своей властью великое счастье,
20 И прославляет она вечно правленье твое.

- Да и Германия с ней справедливо тебе рукоплещет:
Области обе хвалить не прекращают тебя.
Спорят они о тебе и твоей доброте непрерывно:
Та призывает к себе, эта не хочет отдать.
Бедных ведь ты никогда не лишишь справедливой защиты
И не даешь богачу взяткой себя подкупить.
Ты без вины не казнишь, не спасаешь ты виноватых,
И в приговорах твоих лицепрятия нет.
Разум твой прозорлив, в душе твоей светоч сияет,
30 Неугасимо твоей чести сверкает венец.
Мудрым потоком твое красноречье целебное мчится,
Ты источаешь из уст реки сокровищ благих.
Ежели ты как-нибудь трудом истомленного видишь,
Ты, как египетский Нил, речью его оросишь.
Знаешь ты все и блюдешь отечества твердо законы,
Можешь распутать любой хитросплетенный клубок.
Ты принимаешь к себе, всеми чтимый, голодные толпы
И не допустишь уйти, не накормив, никого.
Если в деревню придешь, народ на обед прибегает,
40 И угощаются все гостеприимно тобой.
Будь же здоров и живи на радость всем долгие годы,
И всенародно твоя да прославляется власть!

VIII. 2. О своем отъезде

- Мне на заре в этот день придется в дорогу пуститься,
Надобно выполнить долг мне на заре в этот день.
Путь указывает отец, прославленный Герман епископ,
Мать не пускает, но мне путь указывает отец.
Оба — и мать, и отец — любви преисполнены к Богу
И привязались ко мне оба — и мать, и отец.
Все же дорожке мне мать, хоть отец и более славен
В подвигах жизни своей, все же дорожке мне мать.
Мыслью о нем и о ней, и когда они шествуют оба
10 Ко благочестью, то я мыслю о нем и о ней.
Как и ему, так и ей на пользу их подвиги будут,
И помогают они как и ему, так и ей.
Оба сердечно влекут: повеленьям и той, и другого
Я повинуюсь: они оба сердечно влекут.
Нет, не уйду я отсель: хоть и новые храмы увижу
Взором телесным, но сам — нет, не уйду я отсель.
Здесь я останусь навек и сердцем, и всею душою,
И, возвращаясь сюда, здесь я останусь навек.
Вооруженье дает мне небесное мать на дорогу
20 И на прибыток себе вооруженье дает.

IX. 3. Утешение Хильпериха и Фредегонды

После неистовых бурь и грозной с небес непогоды,
После того, как сковал землю жестокий мороз,
После ненастья и вьюг пронзительных в зимнюю пору,
После того как в полях ветер свирепый ревел,
Вновь возвращается в мир благодатное теплое время
И растопляется лед милым дыханьем весны.
Снова цветут на лугах везде благовонные травы,
И покрывается лес новой зеленой листвою.
10 Сладкие гроздья плодов отягчают древесные ветви,
И улыбаются всем нивы и пашни опять.
Так же, владыки, и вы после вашей горькой утраты
Вновь ободритесь, прошу, и не скорбите в тоске.
Вот уже мягкие дни возвращает нам Пасха Христова,
И оглашается все громкой молитвой людей.
Пусть же высокий дворец озарит благодатная радость,
Пусть с вами вместе справлять праздник и слуги пойдут.
И да пошлет вам Господь всемогущий здоровье и счастье,
Чтобы надолго могли вы над отчиной царить.

X. 9. О своем плавании

Раз королями верхом у стен Меттийской твердыни¹
Был я замечен, и бег остановил я коня.
Там от владык получил приказ я поплыть по Мозелле,
Быстро на веслах идя вниз по бурливой реке.
Тотчас на легкий челнок пловец вскочил и отчалил;
Даже без ветра неслась лодка, скользя по воде.
А по реки берегам таятся подводные камни,
Русло сжимая ее и поднимая валы.
Билась о камни ладья, на них на бегу натываясь,
10 И захлебнуться легко в бурной стремнине могла.
Но, когда выбрался я из этой пучины, приятно
Было смотреть на поля и на веселый их вид.
К водовороту потом я несусь при впадении Орны²,
И облегчает теперь путь мой двойная струя.
Сильный теченья напор заставляет нас плыть осторожней,
Чтоб вместе с рыбами нам не очутиться в воде.
Вдоль берегов, где везде дымятся кровли поселков,
Я достигаю затем устья и Суры-реки.
После, высоты холмов миновав и долин углубленья,
20 Мы по теченью реки к Сары³ подходим струям.
Я дохожу и до стен высоких столицы Тревиров
Мощной, что славой своей там города превзошла.

- Далее этой рекой мы к высотам подходим сената,
Где и развалины их честь сохраняют свою.
Нам отовсюду видны с вершинами грозными горы,
И, в облака уходя, острые скалы торчат.
Круто вздымаются их утесы с обрывами в небо,
Всюду шершавой грядой тянутся к небу холмы.
И не бесплодную здесь лежит каменистая почва,
30 Но плодородная; с гор влага струится вина.
Лозами всюду холмы покрыты, куда ни посмотришь,
И ветерок шелестит, их овевая листву.
Скалами сжаты, растут густые кусты винограда,
И наслаждается взор пестрою их чередой.
Между угрюмых камней поселяне возделали почву,
На серовой земле ярко краснеет лоза.
Гроздья медвяные там рождаются из жесткого щебня,
Любо в бесплодных камнях им наливаются вином.
С лысой вершиною кряж виноградники там покрывают
40 И каменистый хребет сенью зеленой порос.
Гроздья цветистые тут срезает с лоз виноградарь,
Кисти висящие рвет, сам над обрывом висят.
Вдоволь и взор мой, и вкус усладил я пиршеством пышным,
Следуя вдоль берегов радостной этой страны.
В Контрое после нашел я ладьями богатую пристань⁴,
Где возвышал в старину голову славный оплот.
После того я туда подхожу, где сливаются реки —
Пенистый Рена поток с плодной Мозеллы водой.
Весь этот путь я прошел, в изобилии рыбой питаюсь:
50 Ею там воды кишат для королей и владык.
Но, чтобы мне на пути никакой не лишиться улады,
Музы питали меня, в уши мне песня лилась.
Громкие звуки рогов оглашали окрестные горы
И отражались опять от нависавших камней.
Медь начинала вдали издавать приветливый шепот,
И от нагорных кустов он уходил в камыши.
То раздавалось кругом дребезжанье, то нежное пенье:
Так, отдаваясь от скал, медные трубы звучат.
Тот и другой берега сочетает сладкая песня,
60 И на холмах, и в реке голос единый поет.
Милость владык — отыскать, чем народ они могут потешить,
Это находит всегда тот, кто печется о нем.
Скоро затем подхожу к укреплениям я Антонака,
Не загружая ничем, кроме себя, челнока.
Там, хоть и много садов виноградных к нему примыкает,
И хлебородных полей также немало найдешь.
Но тем не менее вся эта область не этим богата:
Большой добыток народ там собирает в реке.

В дни же, когда короли решат посетить этот город
70 И во дворце у себя праздничный пир задают,
Смотрятся сети, в каких из заколов ловится семга;
Рыбам подсчеты ведет, в крепости сидя, король.
Он рукоплещет, когда из омута выскочит рыба,
И поздравляет ловцов, видя с добычею их.
Рад он удаче, и весь его двор во дворце веселится:
Сладко смотреть на улов и насладиться едой.
А за столом короля — прибывший на Рен чужеземец,
И сотрапезники все славят и хвалят его.
Пусть же Господь, господа, дарует нам зрелища эти,
80 Вам же народу дарить надо счастливые дни.
Ласковым взором своим вы радости всем доставляйте,
Чтобы величием всех вам осчастливить своих.

XI. 13. Корзиночка с каштанами

Эту корзиночку я из ивовых прутьев, поверьте,
Сплел, дорогие мои мать и благая сестра.
В ней деревенские в дар подношу теперь из деревни
Вам я каштанов плоды вкусные, с дерева сняв.

¹ Меттийская твердыня — город кельтского народа медиоматриков, носивший до V в. н.э. имя Divodurum, в средние века Mettis, а теперь Metz (Мец). Очень вероятно, что от слова Mettis происходит и прилагательное metticus, засвидетельствованное у Плиния (XIV, 35) и Колумеллы (III, 10, 20) в сочетании mettica vitis, или ива. Эта “меттийская лоза” отмечается в словарях как неизвестный сорт винограда; но, вероятно, это виноград, из которого выделялось вино на Мозеле, как и теперешний мозельвейн.

² Орна (Орн) — левый приток Мозеля.

³ Сара — приток Мозеля.

⁴ Контруа (Contruа) — ныне Гондорф.

Григорий Великий

Первые биографические сведения о римском папе Григории I Великом дает его современник Григорий Турский. "Он принадлежал к одному из первых сенаторских родов, с юности был благочестив, на свои собственные средства основал в Сицилии шесть монашеских общин, а седьмую — в Риме, и дал им столько земельных угодий, чтобы им хватало на ежедневное пропитание, остальное же имущество распродал и деньги раздал бедным; он, ходивший прежде по городу в сирийских шелках, усыпанных драгоценными камнями, стал носить скромное платье и был посвящен в качестве седьмого диакона в помощь папе для служения престолу Господа" (Григорий Турский, X, 1). Григорий Великий родился около 540 г., в молодости занимал должность городского претора, а после посвящения был послан в качестве папского нунция в Византию, где пробыл с 579 по 585 г. (там он сдружился с испанским епископом Леандром, братом Исидора Севильского). По возвращении в Рим Григорий стал аббатом монастыря, основанного им в своем собственном доме.

В 590 г. в Риме произошло наводнение, и его последствием была эпидемия (чумы или холеры), от которой умерло множество людей, в том числе папа Пелагий II. На его место народ и духовенство избрали Григория. Он пытался уклониться от этой трудной должности, скрылся из Рима, писал к византийскому императору с просьбой не давать согласия на его избрание, но тщетно.

Григорий занимал папский престол 14 лет, до самой своей смерти в 604 г., и оказался крайне энергичным и рачительным правителем не только в чисто церковных делах, но и в делах хозяйственных и политических. Он заботился о снабжении Рима хлебом и о раздаче его беднейшему населению, сам посещал церковные имения, разбросанные по Италии и Галлии, в письмах своих (которых сохранилось около 900) входит во все подробности хозяйства и финансов. Ему не раз приходилось брать на себя переговоры с враждебными Риму лангобардскими королями и спасать город от разрушения и грабежа немалыми выкупами. Несмотря на эту загруженность "мирскими делами", на которую он часто сетует, Григорий усердно выполнял свои папские обязанности, много проповедовал и писал; ему хотелось даже

самому поехать миссионером к далеким англосаксам, а когда это не удалось, он отправил к ним своего ученика Августина (впоследствии — епископа Кентерберийского).

Григорий пользовался славой высокообразованного и ученого человека: об этом пишет не только Григорий Турский, но и такие эрудиты, как Исидор Севильский и Павел Диакон. Действительно, его речи, проповеди и даже деловые письма обнаруживают владение богатой лексикой и разнообразными риторическими приемами. Можно думать, что он был знаком даже с греческим языком (хотя бы по своему пребыванию в Константинополе), хотя сам он это и отрицал. Однако в декларативных своих высказываниях он относился неодобрительно и к занятиям грамматикой и риторикой, и к изучению античных классиков: он считал “недостойным поступком подчинять слова небесного пророка грамматике Доната” (письма, V, 53) и порицал военского епископа Дезидерия за то, что он обучает своих учеников грамматике по произведениям язычников (письма, XI, 34); возможно, впрочем, что это был протест лишь против чисто формального изучения риторики и ее бессодержательных упражнений. Сам Григорий ссылается в своих писаниях только на Библию и не цитирует даже чтимых им Амвросия и Августина.

Толкованию Библии посвящены самые большие произведения Григория: 35 книг толкований на книгу Иова, известные под названием “Нравственные поучения” и посвященные Леандру (это посвящение приведено ниже), и более популярно написанные “22 проповеди на книгу пророка Иезекииля” и “40 проповедей на евангельские тексты”. Но гораздо большую известность приобрели два других его произведения: “Пастырский устав” — руководство и наставления для священников и “Диалоги о житии и чудесах италийских Отцов” — четыре книги очень просто и даже примитивно (в расчете на самых необразованных читателей) изложенных легенд о Бенедикте Нурсийском и других подвижниках. Четвертая книга “Диалогов” посвящена обсуждению вопроса о судьбе бессмертной души после смерти тела; здесь впервые в средневековой литературе используются “видения”, ставшие впоследствии распространенным самостоятельным жанром (IV, 37–38), и выдвигается учение об “очистительном огне”, из которого впоследствии развилось представление о чистилище, ставшее догматом в западном католичестве, но оставшееся чуждым греческому православии. Григорию приписывают также сочинение нескольких церковных гимнов и установление твердого порядка богослужения, для которого им были написаны “Сакраментарий” (текст мессы) и “Антифонарий” (текст хорových песнопений; известный термин “григорианское пение” происходит как раз от его имени), но эти сведения нельзя считать достоверными.

На Великий пост

Поста уставы славные
Открыты волей горнею;
Христос, уставщик Истины,
В том дал пример и правило.

Тем Моисей сподобился
Законы дать блуждающим;
Тем Илия до звезд достичь
Возмог в квадриге огненной.

Тем Даниил, смиритель львов,
Проникнул в тайны Божии;
Тем Иоанн прославился,
Друг Жениха возлюбленный.

В них явлен путь для праведных:
Открой нам путь сей, Господи,
Умножь в нас силу твердую,
Дай свет духовной радости.

Проповедь перед народом

Подобает нам, возлюбленные братья, трепетать перед теми ударами бича Божия, коих прежде мы должны были страшиться в грядущем и кои мы испытываем ныне. Пусть же скорбь наша открывает нам двери к покаянию, и пусть жестокость сердец наших смягчена будет самой той карой, которую мы претерпеваем. Как предсказано свидетельством пророка, “Меч доходит до души” (Иерем. 4, 10); ибо вот пронзен острием гнева небесного весь народ и одного за одним уносит внезапная гибель. И не предваряется смерть недугом, но, как видите воочию, медлительность недуга опережает сама смерть.

Пронзенный ударом похищается раньше, чем успевает обратиться к покаянным стенаниям. Помыслите же, каким предстанет перед лицом строгого Судии тот, кому уже не дано срока оплакать содеянное им. Ибо не постепенно отторгаются от нас жители нашего города, но гибнут многие одновременно. Пустыми остаются дома, на погребение чад своих взирают родители, и их наследники на дороге к гибели опережают их.

Пусть же каждый из нас ищет прибежища в покаянных стенаниях, пока ему, до смертельного удара, еще дано время рыдать. Воскресим перед очами нашего ума все, что мы, заблуж-

даясь, совершили, и все, что содеяли недостойного, наказываем своими слезами. “Предстанем лицу его со славословием” (Пс. 94, ст. 2)¹. Так же наставляет нас пророк: “Вознесем сердца наши и руки к Богу (Плач Иерем. 3, 41). Вознести к Богу сердца и руки означает — усердие молитвы нашей достойно укрепить свершением добрых дел. Ибо воистину подает нам, трепещущим в страхе, подает верную надежду Тот, Кто через пророка возглашает: “Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был” (Иез. 33, 11). Посему пусть никто, видя безмерность грехов своих, не отчаивается. Ибо трехдневным покаянием стерты были в прах долголетние грехи ниневитян (Иона, 3), и разбойник покаявшийся принял в своем смертном приговоре в награду жизнь (Лука, 23).

Изменим же сердца наши и уверуем, что мы уже получили то, о чем просим; ибо скорее склоняется судия к исполнению просьбы, если просящий сам исправился от своей порочности; и перед мечом, грозящим столь страшной карой, будем в мольбах своих настойчивы; ведь настойчивость, людям обычно досаждающая, праведному судии угодна; ибо Бог благой и милосердный хочет, чтобы своими мольбами мы исторгли у Него помилование, а гневаться на нас, как мы того заслуживаем, Ему не угодно. Потому Он и говорит через псалмопевца: “Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня” (Пс. 49, 15). Итак, сам Бог свидетельствует о Себе, что Он хочет сжалиться над призывающими Его, раз повелевает нам Его призывать.

Посему, любезнейшие братья, с сокрушенными сердцами и совершив дела покаяния, завтра на рассвете четвертого (*quartae feriae*) праздничного дня соберемся для молебствия в семи шествиях в порядке, указанном далее, с благоговением и слезами.

Пусть никто из вас не выходит на поля для работ земледельческих, пусть никто не предпринимает никаких дел; но, собравшись в храм Пресвятой Матери Божией, мы, все, кто вместе грешили, вместе станем оплакивать наши злые деяния, дабы строгий Судия, видя, что мы за свои грехи себя наказуем, Сам пощадил нас и отказался от предуготованного нам смертного приговора.

Молебственное шествие (*litania*) духовенства выходит из церкви святого Иоанна Крестителя, шествие мужчин-мирян — из церкви блаженного мученика Марцелла, монахов — из церкви мучеников Иоанна и Павла, шествие служительниц Божиих — из церкви блаженных мучеников Космы и Дамиана, замужних женщин — из церкви блаженного первомученика Стефана, вдов — из церкви блаженного мученика Виталия, шествие бедняков и детей (*infantium*) — из церкви блаженной мученицы Цецилии.

Предисловие к “Книге нравственных поучений, или Толкованиям на книгу Иова”

*Достопочтенному и святейшему брату Леандру,
сотоварищу по сану епископскому, Григорий,
раб рабов Божиих*

Некогда, брат мой блаженнейший, познакомился я с тобой в граде Константинопольском, когда меня удерживали там поручения, данные мне Апостольским престолом, а тебя привело туда же участие в посольстве по делам вероисповедания визиготов; тогда-то я поверял ушам твоим все, что во мне самом мне не нравилось: ведь я в ту пору уже долго оттягивал решение полностью обратиться к благодатной вере и после того, как стремление к небесному уже коснулось меня своим дыханием, я все еще почитал за лучшее в быту оставаться мирянином (Иоанн Диякон, 1, 27)². Мне уже было ясно, чего я должен искать, повинувшись любви к вечности, но укоренившиеся во мне привычки брали верх и убеждали меня не изменять внешнего образа жизни. Между тем, как до тех пор мой разум принуждал меня хотя бы по виду служить повседневным мирским делам, из этих самых забот мирских стало проистекать для меня многое, что было мне противно, и я оказался связан с миром уже не только по виду, но — что хуже — и своими мыслями. Стараясь убежать от всего этого, я направился в пристань монастыря и, покинув дела мирские — на что я тогда надеялся, но тщетно, — спасся нагим из крушения жизненного корабля. Однако часто бывает, что челн, небрежно закрепленный у причала, волны, если разразится гроза, отрывают даже от берега надежнейшей бухты. Так и я, согласно церковному уставу послушания, внезапно опять оказался в пучине мирских дел; и так как не сумел я ухватиться за тишину монастыря так крепко, как это следовало, я оценил ее, уже утратив. Ибо, когда в силу добродетели послушания от меня потребовали принять обязанность служения Святому престолу, я взял на себя, видя положение Церкви, то, от чего я бы снова обратился в бегство, если бы это можно было сделать безнаказанно. После же того, как я упорно отказывался и сопротивлялся — ибо тяжко служение Престолу, — к нему присоединилось еще и бремя пастырских забот. И терпеть все это мне еще труднее потому, что, чувствуя себя ко всему этому неспособным, я не могу найти утешения в уверенности в себе. Да и судьбы всего мира поколебались, бедствия все учащаются, ибо близится срок³;

а мы сами, кто — как обычно полагают — усердно служили только таинствам духовным, опутаны сетью внешних забот. И вот в то самое время, как я приступил к служению Престолу, произошло со мной, без моего ведения, то, я что я, приняв на себя бремя своего сана, должен был поселиться во дворце, полном земной роскоши; и сюда последовали за мной многие братья мои из монастыря, движимые братским милосердием. Произошло это, как я вижу, по Божьему соизволению; ведь их пример все время удерживал меня, подобно якорному канату, возле мирного берега проповеди, когда непрекращающийся прибой мирских дел бросал меня то туда, то сюда. Ведь в их общину я убегал, как в надежнейшую пристань в заливе, от бремени земных дел и тревог. Между тем как меня, расставшегося с монастырем, отрешенного от прежней покойной жизни, мое служение как бы пронзало острием моих обязанностей, общение с ними в беседе и усердном чтении оживляло меня своим бодрящим дуновением.

И вот этим братьям — да, как ты помнишь, и по твоему внушению — пришло на ум обратиться ко мне с просьбой истолковать книгу блаженного Иова, и — насколько сама Истина дарует мне сил для этого дела — раскрыть им тайны, столь неизмеримо глубокие. К своей и без того трудной просьбе прибавили они еще вот что: чтобы я не только извлек из слов, излагающих историю Иова, их аллегорический смысл, но и развил дальше смысл этих аллегорий в сторону упражнений нравственных; к тому же просили они настоятельно подтверждать отвлеченные мысли свидетельствами Священного Писания, а приведенные свидетельства, если они подчас покажутся им слишком сложными, разъяснять особо, включая добавочные толкования их.

Диалоги о житии и чудесах италийских Отцов и о вечной жизни души

Предисловие

Однажды, когда я был особенно подавлен беспокойной назойливостью некоторых мирян, которым мы нередко вынуждены разрешать разные их деловые вопросы — чего мы, несомненно, делать не обязаны, — я отыскал укромный уголок, целителя печали, чтобы мне воочию раскрылось все то, что мне было неприятно в моей должности, и чтобы все обстоятельства, обычно заставлявшие меня страдать, совокупно предстали перед моими глазами.

И вот, когда я, глубоко огорченный, уже долго сидел в молчании, ко мне подошел любезнейший сын мой, диакон Петр, связанный со мной узами теснейшей дружбы с первых дней цветущей юности и мой сотоварищ по изучению слова Божия.

Видя, что я погружен в глубокую скорбь, он сказал: “Что случилось с тобой, что повергло тебя в столь чрезвычайную печаль?” “Скорбь,— ответил я,— снедающая меня ежедневно, уже обветшала, ибо стала мне привычной, и в то же время свежа, ибо непрерывно возрастает. Несчастная душа моя, израненная земными заботами, вспоминает, какой она была некогда в монастыре, как все преходящее лежало во прахе ниже ее и сколь высоко она парила над всем, что подвержено изменению; только о небесном помышляла она, и, еще связанная плотью, разрушала ее границы, погружаясь в созерцание; даже о смерти, которую почти все люди считают мучительной карой, мыслила она с любовью, видя в ней врата, ведущие в жизнь, и награду за труды. А теперь из-за моих пастырских обязанностей должна она постоянно заниматься делами мирскими и, уже вкусив некогда столь прекрасный покой, оскверняться пылью дел земных. И когда она, уступая требованиям множества людей, распыляется по всяким мелочам внешнего мира, то, даже если ей и удастся вернуться к себе самой, она, без сомнения, уже утратила часть своей ценности. Вот я и взвешиваю все то, что я терплю, и сравниваю с тем, что потерял. Когда же я оцениваю мою утрату, бремя, лежащее на мне, становится еще тяжелее. Так я ношу то туда, то сюда по волнам великого моря, и челн души моей колеблут мощные порывы страшной бури, а вспоминая мою прежнюю жизнь, я как бы бросаю взгляд назад, вижу берег и тяжко вздыхаю. А что всего печальнее — меня, беспомощного, все дальше уносят огромные морские валы, и мне уже почти не видна покинутая мной пристань. В этом-то и состоит падение души, что сперва, утратив какое-либо благо, прежде ей принадлежавшее, она еще помнит о своей утрате, потом, опускаясь все ниже, о ней забывает, и, наконец — в ее памяти не остается ничего из всего того, что приобрела она когда-то путем деятельных упражнений. Поэтому-то, как я сказал, мы, уплывая все дальше, уже теряем из глаз пристань тишины, нами покинутую. Порой же увеличивает мою скорбь и воспоминание о житии тех людей, которые всей душой отделились от жизни нашего века. Чем больше я помышляю о том, как высоко стоят они, тем яснее понимаю, как низко я опустился. Почти все эти люди стали угодны Творцу, ведя жизнь, отрешенную от мира, и чтобы юность их душ не увяла от соприкосновения с делами человеческими, всемогущий Бог не захотел обременять их тяготами мира сего”.

Чтобы яснее передать, о чем мы с Петром повели беседу, я изложу наши вопросы и ответы поименно.

[Диалоги, образцы которых мы приводим, носят разный характер: одни из них представляют собой исторические рассказы о мужественных людях, погибших за христианскую веру в столкновениях с лангобардами, чему свидетелем мог быть и сам Григорий; в другие вносится элемент чудесного — таким исповедникам христианства оказывается помощь свыше; далее, есть рассказы исключительно поучительного, а некоторые — почти сказочного характера.]

Книга I, глава 12

Беседа о чудесах

[Григорий рассказывает Петру о чуде, совершенном пресвитером Севером: Севера пригласили к умирающему, желавшему покаяться перед смертью; Север пошел к нему не сразу, заканчивая какое-то дело в монастыре, когда же он отправился в путь, его встретили по дороге родственники больного и сказали, что он уже умер. Север, почувствовав себя виновным в том, что больной умер без покаяния, пошел в его дом, долго молился и плакал у его тела и воскресил его; воскрешенный прожил неделю, принес покаяние, причастился и спокойно умер.]

После этого между Петром и Григорием состоялась беседа о значении чудес.]

Петр. Весьма удивительно все то, что до сих пор, как я вижу, было от меня скрыто. Но как же мы объясним то, что таких мужей теперь встретить невозможно?

Григорий. Я полагаю, Петр, что и в наше время живет много таких людей; из того, что они не совершают таких чудес, нельзя заключать, что они не таковы, как те, кто их совершает. Истинная ценность жизни состоит в добрых деяниях, а не в явных чудесах: ибо многие, хотя они чудес и не совершают, ничем не хуже тех, кто их совершает.

Петр. А из каких признаков, спрошу я тебя, мне может стать ясным, что есть такие люди, которые, хотя чудес и не совершают, тем не менее подобны совершающим чудеса?

Григорий. А разве ты не знаешь, что апостол Павел — брат апостолу Петру, первому из апостолов на апостольском престоле?

Петр. Конечно, я это знаю и не сомневаюсь в том, что он, хотя и самый младший из всех апостолов, однако больше всех потрудился.

Григорий. Как ты сам хорошо помнишь, Петр ходил по морю (Матф. 14), а Павел на море потерпел кораблекрушение (II Кор. 11). Значит, Павел не смог переплыть на корабле ту самую стихию, по которой Петр прошел пешком. Из этого явствует, что их сила в совершении чудес была различна, но по достоинству своему на небесах они равны.

Петр. Очень по душе мне, скажу я, все то, что ты говоришь. Теперь я твердо знаю, что надо высоко ценить не чудеса, а всю жизнь человека. Но так как само совершение чудес свидетельствует о добродетельной жизни, прошу тебя рассказать мне о том, что было до нашего времени, чтобы напитать меня, жаждущего, примерами жизни людей благочестных.

[Этой беседой заканчивается первая книга “Диалогов”; исполняя просьбу Петра, Григорий посвящает всю вторую книгу рассказам из жизни Бенедикта Нурсийского.]

Книга III, глава 27

О сорока крестьянах, которые отказались вкушать жертвенное мясо и за это были убиты лангобардами

Около пятидесяти лет тому назад, как свидетельствуют те, кто могли присутствовать при этих событиях, сорока крестьянам, взятым в плен лангобардами, было приказано вкушать жертвенного мяса. Когда же они стали упорно сопротивляться и не захотели даже прикоснуться к кощунственной пище, лангобарды, державшие их в плену, стали угрожать им смертью, если они откажутся есть мясо животных, принесенных в жертву. Они же, возлюбив жизнь вечную больше, чем временную и преходящую, остались верны своему решению, и за свою твердость были все вместе убиты. Разве же они не заслуживают названия мучеников? Они, которые, чтобы не оскорбить своего Творца вкушением запретной пищи, предпочли кончить свою жизнь под мечами врагов?

Книга III, Глава 12

О Фульгенции, епископе Утрикуланской области⁴

Фульгенцию, епископу, управлявшему Утрикуланской церковной общиной, крайне враждебен был свирепейший король Тотила. Когда он со своим войском стал приближаться к этой местности, епископ позаботился о том, чтобы послать ему через своих клириков приветственные подношения и, если возможно, смягчить дарами его безрассудную ярость. Но когда король увидел эти дары, он отнесся к ним с презрением и, разгневавшись, приказал своим подчиненным схватить этого епископа, крепко его связать и привести на допрос к королю. И когда жестокие готы, как бы посланцы свирепости королевской, схватили его, то, окружив его со всех сторон, велели ему стоять, не сходя с

места, и начертили на земле круг, за пределы которого он не смел сделать ни шага. Когда слуга Божий, стиснутый готской стражей и заключенный в начертанный круг, стал сильно страдать от жгучего солнца, внезапно засверкали молнии, загремел гром и хлынул такой сильный ливень, что те, кому было поручено его сторожить, не смогли выдержать напора дождевых потоков. И в то время, как началось сильнейшее наводнение, внутрь начертанного круга, в котором стоял слуга Божий Фульгенций, не упало ни одной капли. И когда об этом возвестили свирепому королю, то его жестокая душа поколебалась, и он почувствовал величайшее почтение к тому, чьей казни он еще недавно жаждал в ненасытном бешенстве.

Так всемогущий Бог, вопреки высокомерным помышлениям людей плотских, являет чудеса своего могущества через людей незаметных; и тех, кто надменно восстает против повелений истины, сама истина через людей смиренных заставляет склонить голову.

[В начале этой главы Григорий сообщает, что об этом случае рассказал ему один старый клирик, который жив и до сих пор.]

Книга I, глава 3

О монахе-садоводе

Феликс, прозванный Горбатым, — ты сам его хорошо знал, — который еще недавно стоял во главе этого самого монастыря⁵, рассказывал мне о братии его много историй, достойных удивления: некоторые его рассказы, приходящие мне на память, я опушу, ибо спешу поговорить о другом. Но один я передам, ибо пройти мимо этого его рассказа считаю невозможным.

Жил в этом монастыре некий монах высокой добродетели и был он садоводом. Поводился к нему ходить вор, перелезавший через изгородь и тайком уносивший с собой овощи. И монах, хотя сажал много, но собирал мало и видел, что некоторые гряды потоптаны, другие разорены. Обходя весь сад кругом, он заметил то место в изгороди, через которое обычно проникал вор, а гуляя по саду, увидел змею и приказал ей: “Следуй за мной”. Дойдя до воровского перелаза, он дал ей такое повеление: “Именем Иисуса приказываю тебе сторожить этот проход и не позволять вору войти”. Змея тотчас же растянулась во всю длину возле изгороди, а монах вернулся в свою келью.

В полуденный час, когда вся братия отдыхала, вор, как обычно, пришел и влез на забор; но когда он уже спускал ногу, чтобы войти в сад, он внезапно увидел, что растянувшаяся у забора

змея преградила его путь; задрожав от страха, он упал навзничь, но зацепился завязками башмака за один из кольев забора и висел головой вниз, пока не вернулся садовод. В свое обычное время садовод пришел, нашел вора, висящего вниз головой, и сказал змее: "Благодарение Богу, ты исполнила мой приказ; теперь удались". И змея тотчас же уползла.

Подойдя к вору, монах сказал: "Ну что же, брат мой? Бог отдал тебя в мои руки. Зачем ты столько раз обворовывал монахов, разрушая их труды?" И сказав это, он отцепил ногу вора от кола изгороди, на котором тот висел, и поставил его на землю без всякого повреждения. Потом сказал ему: "Следуй за мной". Он довел его до входа в сад и те овощи, которые вор намеревался украсть, дал ему сам, сказав при этом с величайшей кротостью: "Иди и не воруй больше. А когда будешь нуждаться, приходи сюда ко мне и то, что ты, совершая грех, старался похитить, я обещаю тебе дать добровольно".

Петр. Никогда, как я вижу, не знал я до сих пор, что в Италии жили отцы духовные, совершавшие чудеса.

Книга III, глава 20

О Стефане, пресвитере провинции Валерии, которому диавол помогал снять сапоги

Муж достопочтенной жизни, по имени Стефан, близкий родич нашего диакона и церковного казначея Бонифация, был пресвитером в провинции Валерии⁶. Однажды, вернувшись домой из какой-то поездки, он обратился с небрежными словами к своему слуге, говоря: "Пойди-ка сюда, диавол, разуй меня". В ответ на эти слова завязки его походных сапог стали сами развязываться с чрезвычайной быстротой, так что было ясно — его приказа послушался сам диавол, которого он только позвал и коему велел стащить с него сапоги. Как только пресвитер увидел это, он страшно испугался и стал кричать громким голосом: "Уходи, злосчастный, уходи! Я же не с тобой говорил, а с моим слугой". Услыхав эти слова, диавол сейчас же отступил, и оказалось, что завязки, которых большая часть уже распустилась, остались не до конца развязанными.

Из этого рассказа можно видеть, сколь хитрыми уловками наш исконный враг, всегда присутствующий в вещах материальных, упорно следит за нашими помыслами.

Книга III, глава 36

***О тех, коих якобы ошибочно считают
рассставшимися с телом, о призвании и
возвращении монаха Петра и о видении некоего
инока***

Григорий. Когда, о Петр, подобное происходит, то это, если правильно рассудить, не ошибка, а предупреждение свыше. Ибо горнее Милосердие по щедрой милости своей соизволяет, чтобы некоторые, даже по выходе из тела, возвращались в него и, увидев, убоялись адских мучений, в которые не верили, когда слышали о них.

Некий иллирийский монах, который в этом городе вместе со мною проживал в обители⁷, рассказывал мне, будто ему в прежнее время, когда он еще жил в пустыне, стало известно, что как-то монах Петр, родом из Иберийской земли⁸, живший с ним в обширном безлюдном краю, называемом Евасою, еще раньше, чем удалился в пустыню, был поражен болезнью, как явствует из собственного его рассказа, и скончался; но затем в скорости, возвращенный в тело, свидетельствовал, будто узрел адские казни и множество мест огненных. Передавал он также, что видел некоторых из сильных мира сего, подвешенных над этим пламенем.

Когда и его уже повели, чтобы погрузить туда же, вдруг, говорит он, появился ангел сверкающего вида, который запретил окунуть его в огонь. И сказал ему ангел: "Выйди и тщательно соблюдай себя в течение последующей жизни". После сих слов в члены его стало постепенно возвращаться тепло и, пробудясь от вечного сна смерти, рассказал он все, что происходило вокруг него. В последующее же время он так угнетал себя постами и бдениями, что самое его обращение свидетельствовало о виденных им и устраивших его мучениях, если бы даже язык его умолчал о них. Так совершилось над мертвым, по дивной милости Божией, что он не умер.

Но так как человеческое сердце бываетотячено великою жестокостью, то это предъявление адских мук не для всех одинаково полезно. Именитый муж Стефан, которого ты хорошо знал, самолично рассказывал мне, что, пребывая по некоторой причине в городе Константинополе, он, пораженный болезнью, скончался. Пока искали врача и умастителя, чтобы вскрыть его и набальзамировать, и в тот день не смогли найти, тело его лежало непогребенным в течение следующей ночи. Низведенный в разные части ада, увидел он многое, о чем раньше слышал, но

не верил. Но когда его поставили перед восседавшим там судиею, тот его не принял и сказал: "Не этого я приказал привести, но Стефана-кузнеца". Немедленно же возвратили его в тело, а Стефан-кузнец, живший по соседству, с ним, в тот же час скончался. Так оправдались слышанные им слова, как это было доказано самою смертью Стефана-кузнеца.

Года три тому назад от поветрия, опустошившего город сей великою смертною, во время коего воочию видели, как с неба падали стрелы и поражали отдельных людей, скончался, как ты знаешь, оный Стефан. В том же городе нашем некий воин, пораженный болезнью, принял конец. Испустив душу, лежал он бездыханный, но вскоре очнулся и рассказал, что с ним было. Говорил же он, как многим тогда стало известно, будто там был мост, под которым протекала река черная и мрачная, источавшая невыносимо зловонный пар. На противоположном же берегу растилались луга приятные и зеленеющие, испещренные благоуханными полевыми цветами; на них виднелись сонмы людей, облаченных в белые одежды. Такое было в этих местах сладостное благовоение, что самый аромат сладостью своею насыщал расхаживающих там и живущих. Там же были отдельные жилища, исполненные сильным сиянием; там воздвигался некий дом, изумительной роскоши, который, казалось, строился из золотых кирпичиков, но чей был этот дом, он узнать не мог. Были на берегу означенной реки некие обиталища, но до одних доходили поднимавшиеся оттуда зловонные пары, других же источаемое рекою зловоние вовсе не касалось.

Мост сей служил для следующего испытания: если бы кто из неправедных хотел перейти по оному, он падал в мрачную и зловонную реку; праведные же, на коих не было вины, могли свободным и спокойным шагом проходить по нему в места приятные.

Он передавал также, будто видел там Петра, начальника церковной челяди, умершего года четыре тому назад, помещенного внизу в место претемное с привязанным к нему и придавившим его тяжелым грузом. Спросив, отчего это происходит, он, по его словам, услышал то, что помнили мы все, знавшие Петра в этом церковном доме и осведомленные о делах его. Ибо было сказано: "Потому он претерпевает сие, что, получая приказ о наложении какого-либо наказания, он наносил удары более из любви к мучительству, чем из послушания". Что это было именно так, известно всякому, знавшему его.

Там же он, как уверял, видел некоего героя-иноземца, который, дойдя до того моста, перешел по оному с уверенностью, соответствовавшей чистоте его земной жизни. Он свидетельствовал и о том, что узнал на этом же мосту вышеупомянутого оного Стефана: когда этот пожелал перейти, нога его поскольз-

нулась, и он до середины тела свалился с моста; некие пречерные мужи, вынырнувшие из реки, стали тащить его вниз за чресла, другие же мужи, в белое одетые и прекрасные, — вверх за руки. Пока происходила эта борьба, кто это видел, вернулся в тело и ничего не узнал о том, что случилось со Стефаном. Этим видением дается понять относительно жизни Стефана, что в нем боролись прегрешения плоти с раздачей милостыни. Из того, как его за чресла тащили вниз, а за руки вверх, ясно видно, что он любил милостыню, но не во всем противостоял плотским порокам, которые и тянули его книзу. Но что из двух одолело в нем на испытании пред тайным Судиею, это скрыто и от нас, и от того, кто видел и был возвращен. Достоверно, однако, что оный Стефан, узрев, как я рассказывал выше, части преисподней и вернувшись, далеко не совсем исправил свое поведение; и вот через много лет вышел он из тела на борьбу жизни со смертью.

Из этого можно заключить, что, когда показуются людям адские казни, это совершается над одними для предупреждения, над другими для сведения: дабы те увидали зло, которого должны опасаться, а эти тем строже наказывались, что не пожелали избежать адских казней, хотя видели и изведали оные.

Петр. Что это значит, что в месте приятном чей-то дом, казалось, воздвигался из золотых кирпичиков? Смешно было бы поверить, что в будущей жизни мы будем нуждаться в подобных металлах.

Книга III, глава 37

***Что означает построение дома в местах
приятных, и о Деусдедите, чей дом якобы
воздвигался в субботу, и о наказании содомитов***

Григорий. Кто же из здравомыслящих поймет это так? Но кто бы ни был тот, для кого строилось это жилище, тем, что там показано, с ясностью истолковывается то, что здесь говорится. Ибо относительно заслужившего награду вечного сияния щедростью милостыни, безусловно явствует, что он из золота построил жилище свое. Но скажу то, о чем я прежде позабыл: воин, видевший это, рассказывал, что отцы и юноши, девочки и мальчики носили золотые кирпичики для построения дома. Из этого явствует, что те, кому здесь было оказано милосердие, сами являются там пособниками для прославления милостивца.

По соседству с нами жил тоже некто по имени Деусдедит, из духовного звания, изготовлявший обувь. О нем некто другой видел в откровении, будто для него воздвигался дом, но стро-

ители якобы работали только в день субботний. Расспросив впоследствии подробно о жизни мужа сего, ясновидец узнал, что весь освободившийся от ежедневного заработка излишек в одежде или в съестных припасах он обыкновенно по субботним дням относил в церковь блаженного Петра и раздавал неимущим. Из этого ты поймешь, что недаром строение его дома подвигалось по субботам.

Петр. В этом отношении я вполне удовлетворен. Но, прошу тебя, скажи мне, как мы должны понимать, что до обиталищ иных доходил зловонный пар, иных же он не мог коснуться, и что означает, что он видел мост и реку?

Григорий. Из изображений вещей постигаем мы, о Петр, значение причин. Итак, он узрел, что праведные проходят по мосту в места приятные, ибо весьма узок путь, ведущий в жизнь (Матф. 7, 14). И видел он реку, бегущую, зловонную, ибо ежедневно стекает отсюда в преисподнюю скверна плотских грехов. И до жилищ иных доходил зловонный пар, иные же не могли быть им затронуты, ибо некоторые совершают много добрых дел, однако затронуты плотскими грехами и мысленными вожделениями. И вполне справедливо, что там зловонный пар окружает тех, которым здесь нравилось зловоние плоти. Поэтому и блаженный Иов, постигнув, что оное вожделение плоти состоит в зловонии, произнес изречение о блудливом и сладострастнике, говоря: "Пусть лакомится им червь" (Иов. 24, 20). Относительно же тех, кои очищают сердце от всякого плотского вожделения, совершенно ясно, почему обиталищ их не касается зловонный пар. И еще следует отметить, почему ему привиделись именно зловоние и пар: потому что плотское вожделение затуманивает разум, им пораженный, так что он не видит сияния вечного света, но снизу, откуда он черпал наслаждение, он получает наказание в виде мрака.

Петр. Можно ли доказать, опираясь на Священное Писание, что плотские грехи наказуются зловонием?

Григорий. Можно. Ибо из свидетельства книги Бытия мы узнаем, что "пролил Господь на Содом дождем серу и огонь" (Быт. 19, 24), дабы и огонь пожег их, и зловоние серы умертвило. Горя запретною любовью к легко совратимой плоти, погибли они сразу от пожара и зловония, дабы в наказании своем постигли они, что предали себя вечной смерти ради наслаждения зловонием.

Петр. Признаюсь, у меня нет больше вопросов относительно того, в чем я сомневался.

Книга IV, глава 39

Имеется ли очистительный огонь после смерти

Петр. Я хотел бы узнать от тебя, следует ли верить в то, что после смерти существует очистительный огонь.

Григорий. Господь говорит в Евангелии: “Ходите, пока есть свет” (Ин. 12, 95); и через пророка сказано: “Во время благоприятное я услышал тебя и в день спасения помог тебе” (Исх. 49, 8). Так же говорит апостол Павел: “Вот, теперь время благоприятное; вот, теперь день спасения” (II Кор. 6, 2). Соломон говорит то же: “Все, что может рука твоя делать, по силам делай: ибо в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости” (Екклес. 9, 10). И Давид говорит: “Велика милость Его к нам” (Пс. 116, 2).

Из всех этих изречений можно видеть, что человек предстанет на судилище таким, каким он выйдет отсюда. Но можно верить в то, что для некоторых не тяжких прегрешений еще до суда существует очистительный огонь, ибо истина глаголет: “Если кто скажет хулу на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем” (Матф. 12, 32). Из этого речения можно понять, что некоторые грехи могут быть прощены в этом веке, а другие в будущем; ибо если отрицается возможность прощения относительно одного греха, то, следовательно, относительно других сказано, что они могут быть прощены. Однако, как я уже сказал, следует верить, что это касается только малых, совсем незначительных грехов, как-то: постоянное празднословие, неумеренный смех, отсутствие заботы о своих семейных делах — эти поступки некоторые люди совершают, не видя в них греха, другие, однако, совершают их, зная, что должны бы избегать их; иногда же незначительные грехи совершаются людьми по неведению, но после смерти и они отягощают душу, если в этой жизни остались не прощены. Ибо апостол Павел, называя Христа “основанием”, прибавляет: “Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, каждого дело обнаружится... ибо в огне все открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть” (I Кор. 3, 12–13). Хотя можно понимать эти слова и так, что они подразумевают огонь печалей, испытываемых нами уже в этой жизни; но если кто относит их к будущему очистительному огню, то он должен это тщательно обдумать: ведь апостол сказал, что спастись этим огнем может не тот, кто кладет на основание железо, медь или свинец, т.е. грехи большие и тяжелые, и поэтому не поддающиеся прощению; а вот дерево, сено и солома суть грехи легкие, которые огонь без труда пожирает. И все же следует знать, что даже и от самых малых грехов никто не получит

очищения, если он, находясь еще в этой жизни, не заслужит добрыми делами прощения в будущей.

¹ Текста, приведенного Григорием, в современной латинской Псалтири под № 92, 2 не имеется; сходное выражение есть в Пс. 95, ст. 2 (в русском переводе — Пс. 94, ст. 2).

² Иоанн Диякон — составитель жизнеописания Григория I.

³ В словах Григория “бедствия учащаются, ибо близится срок” отражена вера в близкий конец мира и Страшный суд, оживившаяся в “темные века”.

⁴ Утрикуланская область — Отриколи.

⁵ Дело идет о Фунданском монастыре в Лации, близ Аппиевой дороги, ныне — Фонди.

⁶ Провинция Валерия — область в Апеннинских горах, к востоку от Рима.

⁷ В римском монастыре св. Андрея, основанном Григорием.

⁸ Иберийская земля — Испания.

Григорий Турский

Григорий Турский, родившийся в 538 г. в аквитанском городе Августонемет, был одним из наиболее ярких писателей меровингской эпохи. Он происходил из очень знатного рода, в котором святость сделалась чуть ли не семейной традицией (сам Григорий, получивший при рождении имя Георгий Флоренций, впоследствии взял себе новое имя в честь своего прадеда, св. Григория, епископа Лангрского) и который дал Галлии многих епископов (как не без гордости сообщает Григорий, только в городе Туре почти все епископы, за исключением пятерых, принадлежали к его семье). Отец Григория умер рано, и мать отдала мальчика на попечение его дяди Галла, епископа Овернского. В этот период Григорий, чудесным образом исцелившийся от недуга у раки св. Иллидия, принимает решение посвятить себя Богу.

Начатое Галлом образование юного Григория продолжил Авит (архидиакон, а затем, после смерти Галла, епископ Овернский), которого всю свою жизнь Григорий почитал как отца. Это образование носило скорее духовный, чем светский характер, что наложило свой отпечаток на последующую литературную деятельность Григория. Он не владел греческим языком, был лишь поверхностно знаком с классическими римскими авторами и сам сознавался, что не вполне тверд даже в латинской грамматике: путается в определении рода существительных и ошибается в предложном управлении (см. *De gloria beatorum confessorum. Praef.*). В этой связи примечательна беседа, которую Григорий однажды, уже в зрелые годы, имел со своей матерью: жалуясь ей на то, что его слог похож на речь неотесанного простолюдина, он услышал в ответ, что именно это и сделает его книги доступными и понятными многим.

Ок. 564 г. Авит рукоположил Григория в диакона, а в 573 г. Григорий, по единодушному желанию жителей Тура, был избран епископом этого города, хранящего память о св. Мартине. С этого момента Григорий оказывается в самом центре политической жизни своей эпохи. Его избрание совпало с очередной вспышкой войны между двумя внуками основателя меровингской династии, Хлодвиг, Сигибертом и Хильперихом, спустя два

года завершившейся гибелью Сигиберта и захватом Тура Хильперихом.

В последующие десять лет Григорий мужественно противостоял Хильпериху, защищая его собственного сына от притеснений отца, себя самого — от лживых наветов недоброжелателей и чистоту христианского учения о Троице — от еретических измышлений короля. Однако после 584 г., когда Хильперих был убит, а Тур перешел сначала под власть бургундского короля Гунтрамна, а затем Хильдеберта II (сына Сигиберта), для Григория наступили более спокойные времена, и он смог не только завершить начатые ранее сочинения, но и написать ряд новых, не пренебрегая при этом и своими прямыми епископскими обязанностями. Умер Григорий в 595 г., окруженный всеобщей любовью и почитанием, и почти сразу же после смерти провозглашен был святым.

Главным и наиболее известным сочинением Григория, прославившим его имя, явилась “История франков” (*“Historia francorum”*) в десяти книгах. Следуя устоявшейся традиции, он начинает свое повествование от сотворения мира, опираясь на общедоступные источники — прежде всего, на церковные истории Евсевия Кесарийского и Орозия (кн. 1). Вторая книга, посвященная завоеванию франками Галлии, также содержит в себе мало оригинального: она основана на истории того же Орозия и на несохранившихся сочинениях еще двух историков V века — Рената Фригидерия и Сульпиция Александра. В третьей и четвертой книгах события доводятся до 575 г., ставшего переломным и в жизни самого Григория. Материалом для этих книг послужили главным образом устные предания и рассказы. И, наконец, последние книги, представляющие наибольший интерес для историков, посвящены описанию событий, о которых Григорий знает не понаслышке и в которых он сам, в силу своего положения, принимал деятельное участие.

Современные исследователи держатся не слишком лестного мнения о масштабах исторического дарования Григория. Его упрекают в неумении проследить логику развития событий и отличить значимое от маловажного, в непоследовательности и сбивчивости, в некритическом отношении к устным источникам и небрежности в ссылках на письменные. Однако все это никоим образом не умаляет исторической ценности его сочинения. Наделенный от природы живым и пытливым умом, Григорий обнаруживает поразительный вкус к живописным подробностям и деталям, убежденность в значимости индивидуального человеческого опыта и способность ощутить и передать драматизм описываемых событий.

Все вышеназванные особенности характерны и для других сочинений Григория, в число которых входят семь книг “о чудесах”

(“Miraculorum libri VII”) и примыкающие к ним “Жития Отцов” (“Vitae patrum”) в одной книге. Его рассказам о чудесах святых и мучеников совершенно не свойственно то почтительное дистанцирование от описываемых предметов, которое является обычным признаком агиографического жанра: он непринужденно сплетает их из того, что читал или слышал от добрых людей, и того, чему сам был свидетелем, не забывая упомянуть о своем собственном отношении к виденному и слышанному. Причем богатство его собственного опыта особенно поразительно и заставляет думать о формировании совсем нового мироощущения: если в евангельском мире чудеса остаются чем-то исключительным и всегда совершаются во знамение чего-то определенного, то в мире Григория они становятся чуть ли не фактом повседневной, обыденной жизни.

Слог Григория действительно не отличается той классической безупречностью и изяществом, которые были свойственны языку многих более ранних христианских писателей, хотя Григорий напрасно уподобляет себя быку в палестре и ослу на поле для игры в мяч, когда равняет себя со своими предшественниками: грамматические ошибки в его сочинениях были старательно исправлены и изглажены многими поколениями переписчиков и издателей, а явные варваризмы украшают собою главным образом прямую речь персонажей Григория. Впрочем, некоторая синтаксическая небрежность, характерная для его стиля, создает немалые трудности для его переводчиков.

История франков

Предисловие

С тех пор, как изучение благородных наук в городах галльских пришло в упадок или, вернее сказать, пресеклось, и когда совершалось немало деяний как праведных, так и нечестивых, когда свирепствовала дикость язычников, росло неистовство королей, когда еретики нападали на церкви, а православные их защищали, когда вера Христова во многих пылала, а в иных едва теплилась, когда сами церкви то обогащались дарами людей благочестивых, то разграблялись нечестивцами, — в такое время не нашлось ни одного искусственного в красноречии знатока словесности, который бы изложил эти события или прозаическим складом, или мерным стихом; потому и сетовали многие не раз, говоря: “Горе дням нашим, ибо угасло у нас усердие к наукам, и нельзя найти в народе такого человека, который бы на своих страницах поведал всем события наших дней”.

Внимая постоянно таковым речам и подобным им, я, заботясь, чтобы память о прошлом достигла разума потомков, не решился умолчать ни о расприх злодеев, ни о житии праведников, хоть слог мой и неискусен; особливо же побудили меня к этому слова наших людей, много раз с удивлением слышанные мною: “Немногие понимают философствующего риторика, но многие — говорящего в простоте”. И почел я за лучшее ради удобнейшего летоисчисления положить сотворение мира началом первой моей книге, перечень главам которой я здесь и прилагаю...

О кончине Святого Мартина¹

(книга I, глава 48)

На втором году правления Аркадия и Гонория с миром почил во Христе святой Мартин, епископ Турский, человек, преисполненный добродетели и святости, много помогавший слабым людям. Умер святой Мартин на 81 году своей жизни и на 26 году своей епископской службы в Кандах², деревне своей епархии. Умер он в полночь, в воскресенье, в консульство Аттика и Цезаря³. А во время его смерти многие слышали торжественное пение в небесах, о чем мы подробнее рассказали в первой книге сочинения о его деяниях⁴.

Когда сей угодник Божий, как мы сказали, занемог, то собрались в деревне Канды жители Пуатье и также жители Тура, чтобы присутствовать при его кончине. После же смерти его между жителями обоих этих городов поднялся большой спор. Жители Пуатье говорили: “Наш этот монах, у нас он сделался аббатом, мы требуем передать его нам. С вас достаточно того, что, когда он был епископом, вы слушали его речи, были участниками его трапез, вас он укреплял благословением, вас преисполняли радостью чудесные его деяния. Достаточно с вас всего этого, нам же пусть будет дозволено взять хотя бы его бездыханное тело”. На это жители Тура отвечали: “Если вы говорите, что нам достаточно его чудес, так знайте, что, когда он был у вас, он больше совершил их, нежели здесь. В самом деле, не перечисляя всех чудес, достаточно сказать, что у вас он воскресил двух умерших, у нас — одного. Он сам часто говорил о том, что чудотворная его сила была большей до получения сана епископа, нежели после получения этого сана. Вот почему необходимо, чтобы он совершил по смерти то, чего не сделал для нас при жизни. Ведь Бог взял от вас, а нам дал. Действительно, если следовать древнему обычаю, то по Божьему велению он должен быть похоронен в том городе, где он был посвящен в сан епископа. Но если вы требуете его тело на том основании, что оно по праву принадлежит его монастырю, то вспомните, что первым-то его монастырем был миланский”.

Во время этого спора солнце зашло, и наступила ночь. Тогда они задвинули засовы на дверях и, положив тело святого Мартина посредине, стали на страже с двух сторон его. Жители Пуатье могли бы поутру силою унести тело святого Мартина, но всемогущий Бог не пожелал, чтобы город Тур лишился своего покровителя.

И вот в полночь всем отрядом жителей Пуатье овладел сон, и во всей их толпе не было ни одного бодрствующего. И когда жители Тура увидели, что жители Пуатье заснули, они схватили брренное тело своего святого, и одни выбросили его через окно, а другие приняли, стоя снаружи. Поместив тело на корабль, весь отряд жителей Тура поплыл по реке Вьенне. Когда же корабль вошел в русло Луары, они направились к городу Туру с громким пением хвалебных гимнов и многих псалмов. От пения их жители Пуатье проснулись и, не обрета сокровища, которое они охраняли, в смущении воротились домой.

Если кто спросит, почему после смерти епископа Катиана и до святого Мартина был в Туре только один епископ, по имени Литорий, пусть он знает, что из-за сопротивления язычников город Тур на долгое время был лишен священного благословения. Потому что в то время христиане совершали богослужение тайно и скрытно; тех же христиан, которых язычники обнаруживали, они либо избивали бичами, либо убивали мечом...

О епископе Сидонии (книга II, главы 21–22)

...После кончины епископа Епархия⁵ епископом становится Сидоний⁶, бывший префект, по своему положению в свете знатнейший муж, происходивший от первых сенаторов в Галлии, так что даже император Авит отдал ему свою дочь в жены. Был святой Сидоний так красноречив, что часто мог без подготовки говорить проповеди на любую тему с большим блеском и без всякого затруднения. Однажды, когда его пригласили на праздник в церковь упомянутого монастыря⁷, и он отправился туда, у него бессовестным образом унесли книжку, по которой он обычно служил мессу. Сидоний в одно мгновение собрался с мыслями и так отслужил всю праздничную службу, что все присутствующие дивились, а стоявшим близко казалось, будто с ними говорит не человек, а ангел. Об этом мы подробнее рассказали в предисловии той книги, в которой мы поместили мессы, сочиненные Сидонием⁸. Так как Сидоний отличался замечательной набожностью и, как мы упоминали, принадлежал к числу первых сенаторов, он нередко тайком от жены уносил из дома серебра-

ную посуду и раздавал ее бедным. Но когда она узнавала об этом, она сильно его бранила, и тогда Сидоний, выкупив посуду у бедняков, приносил ее домой.

О пленении Аттала (книга III, глава 15)

...А Теодорих⁹ и Хильдеберт¹⁰ заключили между собой союз и поклялись в том, что ни один из них не выступит в поход против другого; а для того, чтобы договор был прочнее, они обменялись заложниками. Среди заложников много в то время было сыновей сенаторов. Когда же между королями вновь вспыхнула ссора, заложники были обречены на рабскую службу в государстве, и каждый, кому их отдали под надзор, использовал их как рабов. Однако многие из них бежали и воротились на родину, но некоторые остались в рабстве. Среди них был Аттал, племянник блаженного Григория¹¹, епископа Лангрского; он также попал в рабство, и его назначили сторожить лошадей. А служил он у одного варвара¹² в Трирской области.

Наконец, блаженный Григорий послал на розыски Аттала своих слуг. Как только они нашли Аттала, они предложили его хозяину подарки за него, но тот отказался от них, говоря: "Человек из такого рода стоит десяти фунтов золота!" Когда слуги Григория возвратились домой, то некий Леон, который служил поваром у епископа, обратился к нему со словами: "Если бы ты мне разрешил, я бы, верно, мог его вызволить из плена". Так как его хозяин обрадовался этому предложению, то Леон прямо отправился на место и хотел тайно похитить мальчика. Но это ему не удалось. Тогда он, взяв с собой одного человека, сказал ему: "Пойдем со мной, и продай меня в дом того варвара, пусть плата за меня будет тебе наградой, только бы я смог свободно выполнить то, что задумал". Поклявшись, этот человек пошел вместе с Леоном и, продав его за 12 золотых, удалился. Когда покупатель стал расспрашивать нового слугу, что же он умеет делать, тот ответил: "Я умею очень хорошо готовить все, что нужно для господского стола; и едва ли можно найти равного мне в этом деле. Ведь правду я тебе говорю — даже если короля ты пожелаешь угостить обедом, то и королевский стол я тебе смогу приготовить, и никто не сделает это лучше меня". Хозяин ему в ответ: "Вот уже приближается день солнца" (так обычно варвары называют день Господень), "в этот день будут приглашены в мой дом соседи и мои родственники. Состряпай же мне, прошу тебя, такой обед, чтобы они поразились и сказали бы: даже во дворце короля ничего лучше мы не видывали!" А слуга говорит: "Пусть только мой господин прикажет доставить мне

побольше цыплят, и я сделаю так, как ты приказываешь". Когда было подготовлено все, что просил слуга, наступило воскресенье, и состряпал он великолепный обед с изысканными блюдами. После того как все поели и похвалили обед, родственники ушли. Хозяин же проявил милость к этому слуге и вверил ему власть над всем добром, каким владел. Хозяин его любил и поручил ему самому распределять хлеб и мясо всем другим его товарищам-слугам.

По миновании года, когда хозяин вполне уже полагался на него, Леон пошел на луг, находившийся неподалеку от дома, и взял с собой сторожа при лошадях, мальчика Аттала. Он лег вместе с ним на землю, но на расстоянии от него, причем оба они лежали спиной друг к другу, чтобы никто не видел, как они разговаривают, и сказал ему: "Настало время нам подумать о родине. Вот почему я тебя предупреждаю: этой ночью, когда ты пригонишь лошадей в конюшню, не поддавайся сну, но, как только я тебя позову, ты выйди, и мы отправимся в путь". Как раз в тот день варвар-хозяин созвал многих своих родственников на пир, и среди них был зять варвара, женатый на его дочери. В полночь, когда все встали из-за стола и легли спать, Леон с напитком последовал за хозяйским зятем в его комнату, предлагая ему выпить. Тот обратился к нему со словами: "Скажи мне, доверенный моего тестя, если ты имеешь здесь такую силу, то когда же у тебя появится желание взять хозяйских лошадей и пуститься в путь на родину?" Говорил он это, забавляясь, ради шутки, и Леон ответил ему тоже шутя, однако ответил правду: "Да, пожалуй, этой самой ночью, коли будет на то воля Господня". А тот ему: "Ну, пусть только мои слуги меня стерегут, чтобы ты не унес ничего из моего добра". Так, смеясь, они расстались. Когда все заснули, Леон позвал Аттала и, после того как оседлали лошадей, спросил, есть ли у него меч. "Нет, — ответил тот, — у меня есть только это маленькое копье". И Леон вошел в комнату своего хозяина, взял его щит и копье. Тот спросил, кто здесь и что ему надо? — а Леон ответил: "Это я, Леон, твой слуга, я бужу Аттала, чтобы он скорей поднимался и выводил коней на пастбище; а он спит, как пьяный". Хозяин в ответ: "Делай, как знаешь", — и с этими словами он снова заснул. А Леон вышел из дома, дал мальчику оружие и увидел, что ворота усадьбы, которые он с наступлением ночи запер, вбив в них молотком клинвя, для охраны лошадей, теперь по Божьей воле открыты. Воздав благодарность Господу, они, захватив с собой оставшихся лошадей и, кроме того, один узел с одеждой, отправились в путь.

Когда они добрались до реки Мозель и собирались ее переплыть, их задержали какие-то люди. Оставив им лошадей и одежду, они, лежа на щитах, переплыли реку. Достигнув проти-

воположного берега, беглецы, пользуясь ночной темнотой, укрылись в лесу. Была уже третья ночь, как они продолжали свой путь, не евши. Но тут по воле Божией они нашли дерево с обильными плодами, называемое в просторечии сливой. Поев и несколько восстановив силы, они отправились далее, держа путь в Шампань. Во время этого пути они слышали цокот скачущих лошадей и воскликнули: "Бросимся на землю, чтобы нас не увидели приближающиеся сюда люди!" К счастью их, тут оказался большой куст ежевики, за него-то они и легли с обнаженными мечами, чтобы, если их заметят, тотчас отбиваться от недобрых людей. Когда же и те всадники подошли к этому месту и остановились около ежевичного куста, то один из них, пока лошади мочились, промолвил: "Беда! сбежали эти мерзавцы, и никак их не найти! Но клянусь, если я их найду, то прикажу одного повесить, а другого изрубить мечом". Говоривший эти слова был, конечно, тот самый варвар: он ехал из Реймса и разыскивал их, и непременно настиг бы их на дороге, если бы ему не помешала ночь. Пришпорив лошадей, преследователи ускакали; беглецы же в эту ночь достигли города¹³, вошли в него и у встречного там человека спросили, где находится дом священника Паулелла; и тот им его указал.

Когда они проходили через площадь, звонили к заутрене, так как было как раз воскресенье. Они постучали в дверь священника и вошли к нему, и юноша рассказал о своем хозяине. Священник на это сказал: "А ведь сон мой, выходит, был вещий: видел я этой ночью, как прилетели два голубя и сели на моей руке, и один из них был белый, а другой черный". А юноша сказал священнику: "Да простит нас Господь в этот святой день, но дай нам, умоляем, чего-нибудь поесть¹⁴, ведь четыре дня мы не брали в рот ни мучного, ни мясного". Священник, спрятав у себя молодых людей, дал им кушанье, приправленное вином и хлебом, а сам ушел к заутрене. За ним последовал и варвар, который не переставал разыскивать юношей, но священник его обманул, и тот ушел. Ибо священник находился в дружбе с блаженным Григорием. А юноши, подкрепив свои силы едой и пробыв в доме священника два дня, отправились в путь и, наконец, добрались до самого святого Григория. При виде юношей Григорий обрадовался, расплакался на груди своего племянника Аттала; а Леона со всем его потомством отпустил на волю, дав ему в собственность землю, на которой он прожил с женой и детьми все дни своей жизни.

Восстание Гундовальда¹⁵

IV. 24. О кознях епископа Теодора

Вторично возникла новая вражда против епископа Теодора¹⁶. А именно, из Константинополя в Марсель приехал Гундовальд, который считал себя сыном короля Хлотаря¹⁷. О происхождении этого человека я вкратце расскажу. Родился он в Галлии и получил хорошее воспитание, локоны его по обычаю франкских королей ниспадали на плечи; когда его обучили наукам, мать представила его королю Хильдеберту¹⁸ с такими словами: "Вот твой племянник, сын короля Хлотаря; так как отец его ненавидит, возьми его к себе, ведь он одной с тобой плоти". Хильдеберт же, не имея сыновей, взял его и держал при себе. Об этом сообщили королю Хлотарю, и он послал к брату гонцов со словами: "Отпусти мальчика, пусть вернется ко мне". Тот немедленно отправил юношу к брату. Хлотарь, увидев его, приказал подстричь ему волосы, говоря при этом: "Такого сына у меня не было!" А после смерти короля Хлотаря его взял к себе король Хариберт. Затем вытребовал его к себе Сигиберт, снова подстриг и отослал в город Агриппину, который теперь называется Кельном. Он же оттуда бежал и, снова отпустив волосы, ушел к Нарситу¹⁹, который тогда управлял Италией. Там он женился, породил на свет сыновей и приехал в Константинополь. Оттуда он, как говорят, спустя много времени, по приглашению некоего человека вернулся в Галлию и, пристав к берегам Марселя, был принят епископом Теодором.

Получив от Теодора лошадей, Гундовальд присоединился к герцогу Муммолу. Муммол же тогда находился, как мы сказали выше²⁰, в городе Авиньоне. Герцог же Гунтрамн²¹ схватил епископа Теодора и отдал его за это под стражу: он обвинял его в том, что епископ впустил в Галлию чужестранца, желая этим отдать королевство франков под власть императора. Но епископ, говорят, предъявил письмо, подписанное рукою вельмож короля Хильдеберта²², и сказал: "Я сделал только то, что было приказано моими господами и вельможами". Епископа содержали под стражей в келье и не разрешали приближаться к церкви. Но однажды ночью, когда епископ усердно молился Господу Богу, келья его осветилась ярким светом, так что граф, стороживший его, сильно испугался: над головой епископа виден был в течение двух часов огромный светящийся нимб. А утром граф рассказал об этом своим остальным товарищам. После этого епископа Теодора вместе с епископом Епифанием, который тогда, бежав от лангобардов, находился в Марселе, и которого также причисляли к этому делу, привели к королю Гунтрамну. Король их допросил и нашел невинными. Однако приказано было их содержать под

стражей; здесь после долгих мучений и скончался епископ Епифаний. Гундовальд же удалился на остров в море, ожидая исхода дела. А герцог Гунтрамн вместе с герцогом короля Гунтрамна поделил имущество Гундовальда и, говорят, увез с собою в Клермон немалое количество серебра, золота и прочих вещей.

45. О свадьбе Ригунты, дочери Хильперика

Между тем наступили сентябрьские календы, и к королю Хильперiku прибыло от готов великое посольство. Сам же Хильперик уже вернулся в Париж и приказал взять многих из слуг, принадлежавших королевским имениям, разместив их по повозкам; многих, которые плакали и не хотели уезжать, он приказал держать в тюрьме с тем, чтобы легче их потом отправить при дочери в Испанию. Говорят, что многие, боясь разлуки с родителями, удавились от такой горькой доли: ведь сына разлучали с отцом, мать — с дочерью, и они отъезжали с громким плачем и проклятиями: плач стоял в Париже такой, что его можно было сравнить с плачем египетским²³. Многие же люди более знатные, которых силою заставляли ехать, оставили завещание и, отдав свое имущество церквям, попросили вскрыть эти завещания, тотчас как только невеста прибудет в Испанию, — как если бы они уже были в могиле. Тем временем прибыли послы короля Хильдеберта, заклиная короля Хильперика ничего не уносить из городов, принадлежавших отцу его Сигиберту, а ныне принадлежащих Хильперiku, ни из сокровищ Сигиберта, коими тот одаривал его дочь, а также не касаться ни слуг, ни лошадей, ни вьючного скота и никакой другой вещи такого рода. Рассказывают, что один из этих послов был тайно умерщвлен, но неизвестно кем; однако подозрение падало на короля. Король же Хильперик, пообещав ничего этого не трогать, созвал знатных франков и остальных преданных людей и отпраздновал свадьбу своей дочери.

Передав ее послам готов, он дал за ней большое богатство. Мать ее тоже принесла много золота, серебра и одежды, так что при виде этого король даже подумал, что у него ничего больше не осталось. Королева²⁴, заметив его беспокойство, обратилась к франкам и сказала: “Не думайте, люди, будто я что-то взяла из сокровищ прежних королей: все, что вы здесь видите, — это из моей собственности, так как и славнейший король часто меня одаривал, и сама я скопила некоторые вещи своим старанием, и очень много принесли мне дохода уступленные мне имения, как натурой так и деньгами; да и сами вы часто дарили меня подарками. Вот откуда все, что вы видите теперь пред собой; из государственной же казны воистину ничего здесь нет”. Так она успокоила короля. Действительно, такое множество было добра,

что золото, серебро и прочие украшения поместили на пятидесяти повозках. Также и франки доставили много подарков, одни — золото, другие — серебро, некоторые — лошадей и очень многие — одежду; каждый сделал подарок, какой мог. И девушка после слез и поцелуев уже сказала “прощай”, как вдруг, когда она выезжала из ворот, сломалась одна ось у повозки, и все сказали: “В недобрый час!” — ибо некоторыми это было принято за предзнаменование.

Наконец, выехав из Парижа, она приказала разбить палатки в восьми милях от города. А ночью поднялись пятьдесят человек и, взяв сто самых лучших лошадей, столько же золотых уздечек и две большие цепи, убежали к королю Хильдеберту. И на протяжении всего пути каждый, кто мог, убегал и уносил с собою все, что удавалось взять. Во время пути была взыскана немалая сумма на расходы с различных городов, ибо король приказал ничего не давать из казны для этого путешествия, а все оплачивать за счет бедных. Так как король боялся, как бы его брат²⁵ или племянник²⁶ не причинили девушке какой-либо неприятности, он велел, чтобы в пути ее сопровождало войско. А находились при ней знатные мужи: герцог Бобон, сын Муммола, и его жена как подружка невесты, далее Домигизил и Ансовальд и майордом Ваддон, бывший граф Сента; остальных же людей было свыше четырех тысяч. Прочие герцоги и королевские служители, находившиеся при ней, оставили ее в Пуатье, эти же продолжали с ней путь, как могли. На этом пути они столько расхитили и нагнали, что и рассказать нельзя. А именно, они грабили хижины бедных, опустошали виноградники, даже лозы с гроздьями ломали и уносили, отнимали скот и все, что могли найти, не оставляя ничего на своей дороге: исполнились слова пророка Иоила: “Что оставила саранча, съела гусеница; что оставила гусеница, съел жук; что оставил жук, съела ржа”²⁷. Так случилось и тут: град уничтожил остатки от мороза, засуха пожгла остатки от града, и войско унесло то, что осталось от засухи.

VII. 9. О том, как Ригунта была задержана Дезидерием

Между тем Ригунта, дочь короля Хильперика, прибыла в Тулузу с вышеописанным богатством. Видя, что она уже приближается к готской границе, она начала замедлять свое путешествие; да и окружающие говорили ей, что здесь следует задержаться, так как они-де устали от дороги, одежда у них грязная, обувь порвана, и даже украшения на лошадях и повозках, на которых они до сего времени передвигались, попортились.

Лучше все это сперва привести в порядок, а там отправиться в путь, чтобы предстать перед женихом во всем блеске, а не являться на смех готам оборванцами. И вот, пока они задерживались по этим причинам, до слуха герцога Дезидерия доходит известие о смерти короля Хильперика. Тут-то он, собрав самых отважных своих людей, вторгся в город Тулузу, унес найденные у королевы сокровища, а ее поместил в каком-то доме, наложив на дверь печать и поставив туда стражу из смелых людей, а на пропитание королеве оставил лишь немного денег до своего возвращения. Сам же Дезидерий поспешил к Муммолу, с которым он заключил союз два года тому назад.

10. О том, как Гундовальд был провозглашен королем

Муммол же в то время находился вместе с Гундовальдом, о котором я упоминал в предыдущей книге, за стенами города Авиньона. Гундовальд с упомянутыми герцогами отправился по пути в Лимож, прибыл в деревню Брива-Курреция²⁸, где, по преданию, покоился святой Мартин, ученик нашего Мартина, и там его подняли на щит и провозгласили королем. Но когда в третий раз его обносили по кругу, тогда, говорят, он упал, так что его едва могли удержать стоящие по кругу люди. А Ригунта сидела в базилике святой Марии Тулузской.

26. О том, как Гундовальд объехал города

Гундовальд хотел отправиться в Пуатье, но не решался, так как слышал, что против него уже выступило войско²⁹. Но в городах, принадлежавших некогда королю Сигиберту, он принимал присягу на имя короля Хильдеберта; в остальных же городах, принадлежавших Гунтрамну или Хильперiku, жители приносили клятву в верности ему самому. После этого он прибыл в Ангулем и, приняв от жителей присягу и одарив вельмож, уехал в Перигё. Тяжко он тогда оскорбил епископа³⁰ за то, что тот не принял его с почетом.

28. О том, как войско Гунтрамна двигалось вперед ³¹

Войско Гунтрамна, выступив из Пуатье, отправилось дальше за Гундовальдом. За войском последовали многие жители Тура корысти ради, но в пути подверглись нападению жителей Пуатье; некоторые были убиты, многие же — ограблены, и вернулись обратно, а за ними и те, которые присоединились к войску еще раньше. Войско подошло к реке Дордонь и стало ожидать известий о Гундовальде. А с Гундовальдом были, как я уже сказал, герцог Дезидерий и Бладаст с Ваддоном, майордомом королевы Ригунты. Особенно близко к нему стояли епископ Са-

гиттарий и Муммол; Сагиттарий этот уже получил обещание на должность епископа Тулузы.

30. О послах Гундовальда

И вот Гундовальд направил к своим друзьям двух послов; тот и другой были духовными лицами. Из них один, аббат города Кагора, спрятал письмо, которое он получил, в выдолбленной дощечке и залил его воском. Но люди короля Гунтрамна поймали аббата, нашли у него письмо и привели его к королю; аббата сильно избили и посадили в тюрьму.

32. О других послах Гундовальда

Тогда Гундовальд вторично отправил двух послов к королю, по обычаю франков, со священными веточками, чтобы никто к послам не прикасался и чтобы по выполнении поручения они вернулись с ответом. Но они действовали неосторожно и, прежде чем явиться лично к королю, многим объясняли цель своего приезда. Слух об этом быстро дошел до короля; вот почему их связали и привели к королю. Тогда, не смея отрицать, зачем, к кому и кем они были посланы, они сказали: "Гундовальд, недавно приехавший с Востока и считавший себя сыном вашего отца, короля Хлотаря, послал нас к тебе, чтобы получить причитающуюся ему часть королевства. Если же она не будет вами возвращена, знайте, что он придет с войском в эту область. Ведь к нему присоединились все храбрейшие мужи той галльской земли, которая простирается за рекой Дордонь". И говорит Гундовальд так: "Когда сойдемся мы на одном бранном поле, тогда Господь покажет, сын я Хлотаря или нет".

Тогда король, вспыхнув гневом, приказал их растянуть на дыбе и сильно бить: если правду они сказали, то чтобы яснее ее подтвердили, а если таят они в глубине сердца какую-либо хитрость, то чтобы вырвать у них тайну из-под пыток силою. И когда пытка стала непосильной, они сказали, что племянница его, дочь короля Хильперика³² вместе с епископом Тулузы Магнульфом отправлена в изгнание; все ее богатства отняты самим Гундовальдом; и все вельможи короля Хильдеберта потребовали, чтобы сам Гундовальд был королем; а главное, пригласил Гундовальда в Галлию сам Гунтрамн Бозон, когда несколько лет назад был в Константинополе.

34. О том, как Гундовальд пришел в Комменж

И вот, когда Гундовальд услышал, что к нему приближается войско, он, покинутый герцогом Дезидерием, перешел вместе с епископом Сагиттарием и герцогами Муммолем и Бладастом Га-

ронну и устремился к Комменжу. А город этот был расположен на вершине одинокой горы, у подножия коей бил большой источник, заключенный в очень крепкую башню; к этому источнику из города по подземному ходу спускались люди и незаметно черпали из него воду. Придя в этот город в начале Великого поста, Гундовальд обратился к жителям со следующими словами: “Знайте, что все в королевстве Хильдеберта избрали меня королем, и у меня есть немалая поддержка. Но так как брат мой, король Гунтрамн, двинул против меня огромное войско, то должны вы укрыть за крепостными стенами города продукты и весь свой скарб, чтобы не погибнуть от голода, пока Божественное милосердие не окажет нам поддержки”. Жители поверили его словам и укрыли в городе все, что смогли, а сами стали готовиться к сопротивлению.

В это время король Гунтрамн послал письмо Гундовальду от имени королевы Брунгильды, в котором предлагалось ему распустить войско по домам, а самому отступить к городу Бордо и там провести зиму. А написал он это письмо с хитростью, чтобы точнее узнать о том, что Гундовальд делает.

Итак, когда Гундовальд находился в городе Комменже, он обратился к жителям со словами: “Вот войско уже приближается, выходите же, чтобы оказать сопротивление”. И когда жители вышли, люди Гундовальда захватили ворота и закрыли их, оставив жителей вместе с их епископом за городскими воротами. И разграблено было все, что можно было найти в городе; а там был такой запас хлеба и вина, что если бы они сопротивлялись упорно, то продуктов хватило бы на много лет.

35. Ограбление базилики святого Винценция, мученика

А в это время герцоги короля Гунтрамна узнали, что Гундовальд находится по ту сторону реки Гаронны с большим войском, и с ним — те самые сокровища, которые он унес у Ригунты. Тогда они совершили нападение и на конях переплыли Гаронну; некоторые из войска потонули в реке, а остальные вступили на берег и, ища Гундовальда, наткнулись на верблюдов с большим грузом золота и серебра и на измученных лошадей, которых он бросал по дорогам. Потом герцоги узнали, что Гундовальд со своими людьми находится за стенами города Комменжа; и, оставив повозки и всякую поклажу с простым людом, они решили преследовать его самого с более сильными воинами, переплывшими Гаронну.

Во время своего пути они пришли к базилике святого Винценция, что в области Ажан; говорят, здесь этот мученик принял свои мучения во имя Христа. Они нашли ее наполненной различными драгоценностями, принадлежавшими жителям, ибо те

надеялись, что христиане не нанесут оскорбления базилике такого великого мученика. Двери ее были крепко закрыты. Так как подошедшее войско не могло открыть двери храма, оно тут же подожгло их. После того, как двери сгорели, они унесли все добро и все убранство, которое могли найти в ней, вместе со священной утварью. Но многих там настигло Божественное возмездие. А именно, у большинства по воле Божией горели руки, и от них шел густой дым, как обычно при пожаре. В некоторых вселился злой дух, и они в диком неистовстве громко призывали мученика. Очень многие схватились друг с другом и ранили себя собственными копьями. Остаток войска продолжал свой путь с великим страхом.

Что же дальше? Собравшись около Комменжа — так ведь я назвал этот город, — весь отряд расположился лагерем в пригородной деревне и там, разбив палатки, остановился. Опустошали вокруг всю область; но некоторые из войска, обуреваемые непомерною жадностью, углублялись подальше и были убиваемы жителями.

36. О разговоре Гундовальда с войском

Многие же взбирались на холм и часто разговаривали с Гундовальдом, браня его и говоря: “Не ты ли тот маляр, который во времена короля Хлотаря размалевал дворы и своды молельни? Не ты ли тот, которого жители Галлии часто звали Балломером³³? Не ты ли тот, которого франкские короли за непомерные притязания подстригли и выгнали? Скажи же, несчастнейший из людей, кто тебя привел в эти места? Кто тебе внушил такую дерзость, что ты осмелился дойти до границы наших господ и королей? Если кто тебя пригласил, назови того громким голосом. Вот перед твоими глазами уготованная стоит смерть, которую ты долго искал, вот перед тобой ров погибели, в который тебя бросят вниз головой. Назови имена твоих спутников и выдай тех, кто тебя пригласил”.

А Гундовальд на это подходил близко и, стоя на воротах, отвечал: “Что меня отец мой возненавидел, это каждому известно; известно и то, что он меня подстриг, а потом подстригли и братья. Оттого-то я и сблизился с Нарситом, префектом Италии, там женился и стал отцом двух сыновей. После смерти жены я с детьми приехал в Константинополь. Императоры меня приняли очень радушно, и там я жил до сего времени. Когда был в Константинополе Гунтрамн Бозон, я его расспрашивал, беспокоенный, о делах моих братьев; и я узнал, что род наш сильно обезлюдел, и от корня нашего остались только короли Хильдеберт и Гунтрамн, то есть брат мой и сын моего брата; король Хильперик и сыновья его умерли³⁴, остался только один малыш;

брат мой Гунтрамн детей не имел, а Хильдеберт, наш племянник, не был еще в силе. Все это тщательно изложив, Гунтрамн Бозон пригласил меня сюда, говоря: "Приходи, ибо тебя зовут все знатные мужи в королевстве Хильдеберта, и никто не посмеет слова молвить против тебя. Ведь все мы знаем, что ты сын Хлотаря, и если ты не придешь, то в Галлии никого не останется, кто мог бы править королевством". А я, дав ему много подарков, взял ж него в двенадцати священных местах клятву о том, что пребуду здесь невредим. Вот почему я прибыл в Марсель, и там меня принял с величайшим радушием епископ, так как у него были письма от знатных лиц из королевства моего племянника; а оттуда по желанию патриция Муммола переехал в Авиньон. Гунтрамн же (Бозон), забыв о клятве и о своем обещании, отнял у меня мои богатства и присвоил себе. Знайте, что я такой же король, как и брат мой Гунтрамн; и если ваш ум переполнен такой лютой ненавистью ко мне, то отведите меня к вашему королю, пусть он признает меня своим братом и делает то, что ему захочется; если же вы этого не захотите, то дайте мне уйти туда, откуда я пришел. Я и вправду уйду, никому не причинив обиды. А чтобы убедиться в том, что это правда, спросите Радегунду из Пуатье и Инготруду³⁵ из Тура, и они подтвердят вам, что я говорю правдиво". Так он говорил, а многие сопровождали его слова бранью и упреками.

37. Об осаде города

Прошло уже пятнадцать дней с начала осады, и Левдегизил³⁶ готовил новые машины для разрушения города; а были это телеги с таранами, покрытые фашинами и досками, под защитой которых продвигалось войско для разрушения стен. Но когда они приближались, то на них обрушивалось столько камней, что все, кто приближался к стене, падали. На них выливали чаны с горячей смолой и жиром, сбрасывали горшки, наполненные камнями. Но с наступлением ночи сражение стало невозможным, и враги вернулись в лагерь. Был с Гундовальдом некий Хариульф, человек богатый и могущественный, чьих подвалов и складов много было в городе; из его запасов они, главным образом, и питались. Бладаст же, напротив, видя происходящее и боясь, что Левдегизил в случае победы их погубит, поджег епископский дом и, в то время как осажденные сбегались тушить пожар, обратился в бегство и исчез.

Утром войско вторично поднялось к бою. Оно сделало вязанки из прутьев, чтобы заполнить глубокий ров на восточной стороне; но этот способ не увенчался успехом. А епископ Сагиттарий часто кружил по стенам с оружием и много раз бросал со стены собственноручно камни во врага.

38. О гибели Гундовальда

Наконец, когда осаждающие увидели, что они ничего не могут сделать, они тайно отправили послов к Муммолу со словами: "Признай своего господина и оставь, наконец, свое вероломство. Что за безумие на тебя напало, что ты связался с неизвестным тебе человеком? Ведь жена твоя в плену, а сыновья твои уже убиты; куда ты катишься, разве не ждет тебя гибель?" Муммол, получив это послание, сказал: "Вижу я, власть наша уже приходит к концу, и могущество рушится. Одно остается: если бы я был уверен, что жизнь моя будет вне опасности, то я мог бы освободить вас от большого труда".

После ухода послов епископ Сагиттарий вместе с Муммоллом, Хариульфом и Ваддоном устремился в церковь, и там они взаимно поклялись, что если им пообещают сохранить жизнь, то они нарушат дружбу с Гундовальдом и выдадут его врагам. Снова пришли послы и обещали им сохранить жизнь. Но Муммол сказал: "Только пусть так и будет: я его выдам в ваши руки, а сам, признав своего господина королем, поспешу к нему". Тогда послы обещали, что, если он это сделает, они примут его с любовью, и если даже не смогут вымолить у короля ему прощения, то укроют его в церкви, чтобы спасти ему жизнь. Подтвердив обещание клятвой, послы удалились.

А Муммол с епископом Сагиттарием и Ваддоном пришли к Гундовальду и сказали: "Ты знаешь, мы клялись тебе в верности; так вот, послушай наш спасительный совет: выйди из этого города и предстань перед своим братом, как ты сам этого часто желал. Ведь мы уже говорили с этими людьми, и они сами сказали, что король не хочет лишаться твоей поддержки, так как мало осталось людей из вашего рода". Гундовальд, поняв их хитрость, залился слезами и сказал: "По вашему зову занесло меня в эту Галлию; и часть моего богатства, состоящего из большого количества золота, серебра и разных драгоценностей, находится в Авиньоне, а другую часть унес Гунтрамн Бозон. Я же с Божьей помощью во всем положился на вас, доверил вам свой замысел, вас хотел иметь помощниками. Теперь же, если вы в чем-либо мне солгали, будь вашему поступку Бог судей: ибо сам он и рассудит мое дело"³⁷. Как только он произнес эти слова, Муммол сказал: "Ни в чем мы тебя не обманываем. Вот, смотри: у ворот стоят самые храбрые мужи в ожидании твоего прихода. Теперь же сними мой золотой пояс, которым ты опоясан, чтобы не казалось, что идешь ты в гордыне своей; и своим опояшься мечом³⁸, а мой верни". И тот отвечал: "Ясны мне твои слова: ты хочешь отнять у меня твой подарок, который носил я в знак

твоей дружбы". Но Муммол клятвенно уверял, что с ним ничего дурного не случится.

И вот, когда они вышли за ворота, его приняли Оллон, граф Буржа и Бозон. А Муммол вернулся со своими спутниками в город и накрепко закрыл ворота. Когда Гундовальд увидел, что его предали в руки врагов, сказал он, подняв в горе руки и глаза³⁹: "О вечный Судия и истинный мститель за невинных, о Господь наш, от коего исходит всякая справедливость, кому неужгодно ложь, в ком нет никакого коварства⁴⁰ и никакой злой хитрости, Тебе я вручаю мое дело, молясь о том, чтобы Ты не замедлил отомстить тем, кто меня, невинного, предал в руки врагов⁴¹". После этих слов он, осенясь крестом Господним, пустился в путь с названными людьми.

Когда они были уже далеко от ворот, Оллон толкнул его и, так как вал городской здесь спускался круто, Гундовальд упал, а Оллон воскликнул: "Вот вам ваш Балломер, звавший себя сыном и братом короля!" Метнув копье, он хотел пронзить его, но копье отскочило от выпуклого панциря, не причинив вреда; Гундовальд встал и попытался взойти на холм, но тут Бозон, пустив в него камень, разбил ему голову, и Гундовальд упал замертво. И подошел весь народ, и, воткнув в него копья и связав ему ноги веревкою, протащили его по всему лагерю; у него вырвали волосы и бороду и оставили его непогребенным на том самом месте, где он был убит.

На следующую ночь знатные люди тайно унесли все сокровища, какие могли найти в городе, вместе с церковной утварью. Утром же, когда открыли ворота и впустили войско, они предали мечу весь народ, не щадя даже священников и их прислужников в самих церковных алтарях. Когда они всех перебили, так что не осталось никого из мужского пола, они сожгли весь город вместе с церквями и остальными зданиями, не оставив ничего, кроме голой земли⁴².

¹ Мартин Турский (336–397 гг.) — епископ города Тура, основатель монастыря близ города Пуатье.

² Деревня Канды находится между Туром и Анжером.

³ Т. е. в 397 г.

⁴ Григорий Турский, Житие святого Мартина, I, гл. 4–5.

⁵ В 471 г.

⁶ Аполлинарий Сидоний, известный писатель, епископ с 472 г.

⁷ Монастырь около Клермона.

⁸ Книга не сохранилась.

⁹⁻¹⁰ Теодорих (486–533 гг.) и Хильдеберт I (511–558 гг.) — сыновья Хлодвига, основателя династии Меровингов; первый владел Австразией (столица — Мец), второй Нейстрией (столица — Париж).

¹¹ Прадед Григория Турского со стороны матери.

- ¹² “Варвар” в языке 6 в. — не римлянин, франк.
- ¹³ Имеется в виду Реймс.
- ¹⁴ В воскресенье до мессы не разрешалось есть.
- ¹⁵ В 582 г.
- ¹⁶ Епископ города Марселя.
- ¹⁷⁻¹⁸ Хлотарь I (497—561 гг.) — третий сын Хлодвига, сперва правивший Суассонской областью, а после смерти Хильдеберта I объединивший под своей властью все франкское королевство; перед смертью он разделил его между сыновьями, отдав Сигиберту Австразию, Хильперiku Нейстрию, а Гунтрамну Бургундию.
- ¹⁹ Нарсит (точнее Нарсес) — евнух византийского императора Юстиниана, завоеватель и правитель Италии.
- ²⁰⁻²¹ Муммол и Гунтрамн Бозон были герцогами бургундского короля Гунтрамна, но поссорились с ним; Муммол скрывался в Авиньоне, Бозон перешел к Хильдеберту II Австразийскому.
- ²² Австразийский король Хильдеберт II, сын Сигиберта (убитого в 576 г.), был в это время (582 г.) десятилетним ребенком.
- ²³ Исх. 12, 30.
- ²⁴ Фредегунда — жена Хильперика, героиня “войны двух королей”, жертвой которой пал брат Хильперика, Сигиберт Австразийский.
- ²⁵⁻²⁶ “Брат” — Гунтрамн Бургундский, “племянник” — Хильдеберт II Австразийский.
- ²⁷ Иоиль I, 4.
- ²⁸ Ныне Брив-ля-Гайярд, в департаменте Коррез.
- ²⁹ Войско короля Гунтрамна, которому принадлежал захваченный Гундовальдом Марсель.
- ³⁰ Епископ Картерий.
- ³¹ Войско Гунтрамна разорило город Пуатье, перешедший на сторону Гундовальда.
- ³² Ригунта, о поездке которой в Испанию говорилось выше.
- ³³ Балломер — прозвище Гундовальда, упоминавшееся в предыдущих книгах.
- ³⁴ Неточность: в 582 г., когда Гундовальд поднял мятеж, Хильперик Нейстрийский еще был в живых.
- ³⁵ Радегунда — вдова Хлотаря I: Инготруда — мать епископа Бетрамна из Бордо, родственница королевского дома.
- ³⁶ Полководец Гунтрамна, руководивший осадой Комменжа.
- ³⁷ 1 Цар. 24, 16.
- ³⁸ Пс. 45, 4.
- ³⁹ Второзак. 4, 19.
- ⁴⁰ Ин. 1, 47.
- ⁴¹ Дан. 3, 32.
- ⁴² После гибели Гундовальда Муммол был убит по приказу короля Гунтрамна; так же погибли Ваддон и Хариульф.

Книги чудес

Пролог

Иероним, пресвитер и, вослед апостолу Павлу, добрый учитель Церкви, рассказывает, как его привели на суд Вечного Судии и, распластав, преждестoko высекли в наказание за то, что он слишком часто предавался чтению Цицероновых хитростей и Вергилиевых вымыслов, и как он, пред лицом святых ангелов, Самому Владыке сущего поклонялся, что никогда впредь не станет читать и никогда более не будет изучать ничего, кроме того, что было бы признано достойным Бога и полезным для назидания Церкви¹. Но и апостол Павел говорит: *Будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию*². И в другом месте: *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим*³. А стало быть, этого нам и должно держаться: писать и проповедовать то, что назидает Божию Церковь и благочестивым наставлением насыщает алчущие умы для познания совершенной веры. Ибо не подобает пересказывать лживые басни или повторять богопротивные мудрствования философов, дабы, по присуждению Господа, не подвергнуться наказанию вечной смерти.

Опасаясь сего и намереваясь поведать о чудесах, сотворенных святыми, нечто по сей день еще малоизвестное, я отнюдь не желаю попасться в эти силки и позволить им опутать меня. Так что я не пишу ни о бегстве Сатурна⁴, ни о гневе Юноны, ни о блуде Юпитера, ни об обиде Нептуна, ни о скипетре Эола⁵, равно как и о сражениях, кораблекрушениях и царствах энеадов⁶; я молчу о купидоновых выстрелах и об Асканиевой прелести⁷, о песнях, слезах и жестокой смерти Дидоны⁸, о мрачном преддверии царства Плутона, о бесстыдном похищении Прозерпины и о трех головах Цербера; я не стану заводить речь ни о болтливости Анхиса⁹, ни о разумности Итакийца¹⁰, ни о хитрости Ахилла, ни о коварстве Синона¹¹; я не поведаю ни о предостережениях Лаокоона¹², ни о мощи Амфитрионида¹³, ни о споре, плаваниях и конечной гибели Ясона¹⁴; я не стану описывать вид Евменид¹⁵ или всяческих чудищ, ни прочие выдумки басен, которые сей сочинитель¹⁶ лукаво измыслил или изобразил героическими стихами.

Но, взирая на все это, как на зиждущееся на песке и готовое тотчас же рухнуть, давайте лучше обратимся к Божественным и Евангельским чудесам, откуда начинается и Евангелист Иоанн, говоря: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало*

быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть¹⁷. И следом за тем: *И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца*¹⁸. А о том, что предстояло Ему в Вифлееме родиться, у пророка сказано так: *И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле*¹⁹. Это же говорил и оный Нафанаил в Галилейской Кане: *Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев*²⁰. Сей же есть и Спасение мира, о чем говорит Симеон: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое*²¹.

Книга 1

О славе блаженных мучеников

Глава первая

О Рождестве Господа нашего Иисуса Христа в Вифлееме

Когда Господь наш Иисус Христос родился по плоти во граде Вифлеемском, во дни царя Ирода, то, по свидетельству Евангельскому, пришли в Иерусалим волхвы с востока, говоря: *Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему*²², и прочее. В Вифлееме же есть глубокий колодезь, из которого, сказывают, черпала воду преславная Дева Мария. И заглядывающим в него часто бывает явлено знаменитое чудо: чистым сердцем там показывается звезда, которую видели волхвы.

Когда паломники приходят туда и наклоняются над устьем колодца, их головы накрывают льняною холстиною, после чего тот, чьи заслуги позволяют сие, видит, как звезда движется по поверхности воды от одной стенки колодца к другой, так, как обыкновенно перемещаются звезды по небесному кругу. И хотя смотрят многие, однако видима она лишь для тех, в ком более здравый дух.

Мне самому доводилось встречать людей, утверждавших, что они ее видели. А недавно наш диакон рассказывал, что смотрел вместе с пятью мужами, но она явилась только двоим.

Глава вторая

О чудесах Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа

Господь же наш Иисус Христос во плоти, каковую воспринял от Девы, соблаговолил явить людям много чудес. Зачерпнув воды, Он обратил ее в вино²³; отогнал ночь от очей слепых и

наполнил их светом²⁴; направил шаги расслабленного, отменив немощь его²⁵; унял горячку больных, умерив их жар²⁶; исцелил страждущего водяною болезнью, так что опухлость его спала²⁷; властью уст святых повелел прокаже сойти²⁸; скорченную демоном женщину выпрямил, вопреки негодованию иудеев²⁹; по водам, так что воды не разверзались, прошел³⁰; кровотечение женщины через ее прикосновение к спасительному воскрисию прекратил³¹. И совершил еще многое другое, о чем говорится в священном Евангельском повествовании.

Но если многих небесным и спасительным повелением Он исцелил для жизни, то троих, возвратив их из преисподней смерти, Он воскресил к жизни: дочь начальника синагоги в доме ее поднял³², единственному сыну вдовицы восстать повелел³³ и Лазаря вызвал из гроба³⁴.

Глава третья

О Страстях, Воскресении и Вознесении Его

А затем воспаленные злобою иудей, оклеветав Его лживыми наветами, Праведного послали на смерть и приговорили к распятию на кресте. Бог же Отец воскресил Его в третий день из мертвых, избавив от скорби смерти³⁵. Ибо невозможно было Его удержать средь мертвых, как говорит апостол Петр³⁶.

После чего, послав Параклита и напатав апостолов небесным учением, победителем Он вознесся на небеса, обещая, через свидетельство ангелов, возвратиться вновь для суда, как о том говорится в повести об апостольских деяниях: *Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо*³⁷.

Глава четвертая

Об апостолах и блаженной Деве Марии

После дивного торжества Вознесения Господа, каковое сокрушило главу диавольской злобы и возбудило души верующих к созерцанию небесного, святые апостолы Господа и Спасителя нашего вместе с Его блаженною Матерью Марией собрались в одном доме и все выложили на середину, чтобы никто не называл что-либо своим, но чтобы все полюбовно владели всем, как рассказывается в священной повести о деяниях апостолов³⁸. А затем они рассеялись по разным странам, чтобы проповедовать слово Божие.

А когда блаженная Дева Мария завершила Свой земной путь, ибо уже отзывалась от мира сего, все апостолы собрались

из разных краев в дому Ее. И когда они услышали, что Ей предстояло быть взятой от мира, то бодрствовали вместе с Нею. И вот, Господь Иисус явился со ангелами Своими и, приняв душу Ее, предал оную Михаилу Архангелу, а затем удалился вновь.

На рассвете же апостолы подняли тело Ее на носилки и положили его во гроб, и стерегли, ожидая прихода Господа. И вот, снова предстал пред ними Господь, повелевший, чтобы взято было тело Ее и во облаче перенесено было в рай, где ныне, соединившись с душою, Она ликует вместе с избранными Его, наслаждаясь вечными блаженствами, коим не будет конца³⁹.

Глава пятая

*О Кресте и чудесах его в Пиктавии*⁴⁰

Крест Господень, каковой обретен был царицей Еленой⁴¹ в Иерусалиме, чувствуется с тех пор в среду и пяток⁴². Частицы его испросила царица Радегунда⁴³, заслугами и верою не уступающая Елене, и с благоговением поместила их в Пиктавийском монастыре, который она основала своею заботою. А затем она снова послала слуг в Иерусалим и по всей восточной стране. Они же, обходя гробы святых мучеников и исповедников⁴⁴, ото всех уносили частицы мощей, каковые помещены были в серебряный ковчег вместе со Святым Крестом, откуда сподобились мы видеть множество чудес.

Из оных же я прежде всего расскажу о том, которое Господь соблаговолил явить там во дни Своих Страстей⁴⁵. В пяток пред Святою Пасхою, когда все стояли на всеошном бдении без свечей, около третьего часа ночи пред алтарем явился малый светоч, вроде искры, а затем, увеличиваясь в размерах и повсюду разливая сверкающее сияние, мало-помалу стал воспарять выспрь. И сделался великий светильник⁴⁶, освещавший темную ночь и стоящий на всеошной службе люд. Он сиял и в небе, постепенно угасая, а затем, озарив светом землю, исчез от изумленных взоров.

Сам же я часто слышал, что даже лампы, которые возжигали перед этими мощами, начинали бурлить под воздействием Божественной силы и так переполнялись маслом, что до краев наливали подставленную снизу посуду. И однако, по своему худоумию, я не подумал бы в это поверить, если бы мою неразумную косность не разубедила сама эта сила, явленная прямо в моем присутствии. Так что я стану говорить о том, что видел воочию.

Когда я посещал могилу святого Илария⁴⁷, у меня бывал благочестивый повод для беседований с вышеназванною царицею. И вот, придя в монастырь и засвидетельствовав свое почтение

царице, я простерся ниц, чтобы поклониться Кресту и святым мощам. Окончив молитву, я встал. А одесную от меня помещалась затепленная лампада, и поскольку я еще прежде приметил, что из нее постоянно падали капли, то, Бог свидетель тому, я решил, что чашка ее разбита, так как под нее была подставлена раковина, куда собиралось вытекающее масло. Тогда, обратившись к настоятельнице, я сказал: "Неужели тобою овладела такая духовная леность, что ты не можешь позаботиться о цельной лампадке для зажигания масла, вместо того, чтобы ставить разбитую, из которой оно вытекает?" А она отвечает: "Это не так, мой господин, ибо ты видишь силу святого Креста". Тут я, призадумавшись и припомнив все, что слышал раньше, обернулся к лампаде и вижу, что она бьет ключом, наподобие вскипающего котла, а ее содержимое прибывает и струями изливается через устье, все сильнее и сильнее, — для того, как я мыслю, чтобы посрамить мое маловерие. Так что за какой-нибудь час из чашки, которая не вмещала и квартария, натекло больше секстария⁴⁸. И от изумления я молчал, а затем поклонился силе покланяемого Креста.

А одна девица по имени Хродегильда, по смерти отца проживавшая в окрестностях города Кеноманики⁴⁹, была наказана слепотою. И после того, как она, по распоряжению царя Хильпериха⁵⁰, еще при блаженной царице Радегунде, помещена была на послушание в названную обитель, она, по наказу самой блаженной, молилась перед святым ковчегом. Как-то раз, совершая там всеобщее бдение вместе с другими монахинями, она, после того, как настало утро и все удалились, осталась одна, простертой на том же месте, и задремала. И во сне ей привиделось, будто нечто отверзло очи ее и будто одному ее оку возвращено было здравие, тогда как другим она продолжала скорбеть. Внезапно ее разбудил звук отпираемой двери, и она прозрела на один глаз, что, несомненно, было даровано силою святого Креста. Бесноватые, хромые и другие недужные также очень часто исцелялись на этом месте. Но довольно о сем.

Глава шестая

Об обретении гвоздей

Превосходящие красотою и благородством любые металлы гвозди Креста Господня, которыми удерживались блаженные члены, были найдены царицею Еленою после обретения самого святого Креста. И двумя из них она даже уснастила императорскую уздечку, чтобы их силою вернее обращались в бегство враждебные племена, если те выступят против государя⁵¹. Что, как мы знаем, провозвещал и пророк Захария, рекший: *Будет то, что коню в рот вложено, Святыню Господа*⁵².

В те времена Адриатическое море колебалось великими бурями, и столь часто там случались кораблекрушения и тонули люди, что его прозвали пожирателем мореплавателей. И тогда заботливая царица, печалась о гибели этих несчастных, повелела один из четырех гвоздей опустить в море, уповая на милосердие Господа, ибо Тот мог легко усмирить буйное бушевание волн. После чего на море воцарилась тишь, и впоследствии мореходам посылались лишь покойные ветры. Потому и поныне моряки почитают освященное море и всегда, готовясь отправиться в плавание, предаются постам, молитве и распевают Псалмы.

А причина того, что Господних гвоздей было четыре, заключается в следующем: два из них было вбито в ладони, а два — в ступни. И вызывает недоумение, отчего же были пригвождены ступни, которые казались скорее висящими на Кресте, чем стоящими. Однако на устье одного хорошо виден сделанный там паз для малой дщицы. И к этой дщице святые стопы пригвождены были, как у стоящего человека.

Спрашивают еще, что было изготовлено из оных гвоздей. Из двух, о которых нами уже было сказано ранее, были устроены удила, третий был брошен в море, а четвертый, по слухам, был укреплен на главе статуи Константина, которая, как рассказывают, воздымается превыше всего в городе, чтобы все, над чем она возвышается, было как бы увенчано сим оплотом спасения, словно шеломом⁵³.

Уверяют, что и оные удила обладают великою силою, ибо не приходится сомневаться в том, что император Юстин испытал ее на глазах у людей и показал своим ближним. Ибо, морочимый неким кудесником в отместку за отнятые деньги, он объявлял, какие неодолимые соблазны внушала ему демонская тень на протяжении двух ночей, но когда в третью ночь укрепил на главе удила, то враг не имел уже более возможности навредить, так что, обнаружив виновника этих соблазнов, он его поразил мечом.

А самим нам было явлено, сколь велика сила Древа сего⁵⁴, вот при каких обстоятельствах. Пришел к нам один человек и показал весьма ветхий плат из чистого шелка, утверждая, что им в Иерусалиме был обернут Господень Крест. И поскольку мы, по невежеству своему, сочли сие не заслуживающим доверия и все старались выпросить, откуда это ему была такая благодать, чтобы сподобиться этого, так как мы знаем, что за все то время, которое поклоняются сему Святому древу, не только никто ничего подобного не удостоился, но что даже тех, кто дерзал слишком близко к оному приступить, отгоняли плетьюми, то в ответ он поведал следующее: "Когда я ушел из Иерусалима, то повстречался с аввою Футой, который был в великой милости у императрицы Софии⁵⁵, ибо ему, как наместнику, поручила она весь Восток. Я поступил к нему под начало, а когда возвращался с

Востока, получил от него мощи святых и сей плат, в который в то время был завернут святой Крест⁷.

После того, как тот муж мне все рассказал и отдал сей плат, я надумал, сознаюсь, вымыть его и давать испить воду страждущим лихорадкой; а те, при споспешестве Божией силы, вскоре исцелевали. После чего я разрезал его на множество кусочков и давал их монахам в благословение. Часть же уделил одному настоятелю, который, придя ко мне вновь два года спустя, клятвенно уверял, что от одного исцелились двенадцать бесноватых, трое слепых и двое расслабленных. А одному немому он вложил этот плат в рот, и чуть только сей коснулся языка его и зубов, то сейчас же восстановил голос и речь. И к тому, чтобы мы свято этому верили, побуждает нас самое обетование Господа, гласящее: *Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите,— и будет вам*⁵⁶.

Глава седьмая

О копии, терновом венце и столпе

Надобно также сказать о копии, трости, губке, терновом венце и столпе, к которому был привязан Господь и Искупитель в Иерусалиме. К этому столпу приходят многие люди, исполненные веры, и, сплетая тесемки, обвязывают их вокруг столпа, а затем забирают с собою в качестве благословения, чтобы впоследствии те помогали от разных недугов. Рассказывают также, что терние венца видят как бы процветшим, и даже если бы показалось, что листья на нем засохли, то все равно на другой день оно зеленеет вновь Божественной силою.

Также и от гроба, в котором покоилось тело Господне, исходит дивная сила, так что часто земля там сама собою наполняется сияющим светом, а затем, унесенная оттуда, смачивается водою, и из нее изготавливают и рассылают во все края света небольшие лепешки, от которых обыкновенно недужные обретают здравие. Особого же изумления достойно то, что очень часто они отгоняют змей. Однако что это я, безрассудный, дерзаю о них говорить, ежели и без того должно веровать, что все, до чего прикасалось Священное Тело, становится освященным?

Глава восьмая

*О нешвеной ризе Христовой*⁵⁷

О хитоне же Тела Святого, не сшитом, а целиком сотканном сверху, о котором, по пророчеству Давида, метали жребий⁵⁸, возвещает Евангельское свидетельство. Ибо сказано: *Разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий*⁵⁹.

И я не могу умолчать о том, что слышал об этом хитоне Непорочного Агнца от неких людей. А они рассказывали, что хранится он в городе Галатее⁶⁰, в базилике, посвященной святым Архангелам. Город тот будто бы расположен в ста пятидесяти милях от града Константинопольского, а в базилике есть потаенная крипта, и там, в деревянном ковчеге, держат запертой эту ризу. Паломники и верующие очень ревностно чтят этот ковчег, который достоин сего, ибо содержит ту ризу, которая удостоилась прикасаться к Телу Господню и оное облачать.

Глава девятая

О чудесах базилики блаженной Девы Марии, воздвигнутой императором Константином

Мария, преславная Родительница Христа, почитаемая Девою как прежде чадорождения, так и после чадорождения, была, как мы уже говорили ранее, под пение ангельских хоров перенесена, вослед Господу, в рай. Блещет карасотою Ее базилика, чудесным способом выстроенная императором Константином. Ведь когда к ней подвезли колонны, то из-за огромных размеров их никак не могли поднять, потому что они были по шестнадцать стоп в обхвате, и люди изо дня в день изнуряли себя бесплодными усилиями. И тогда зодчему явилась в видении Пресвятая Дева и сказала: "Не печалься, ибо Я покажу тебе, как воздвигнуть эти колонны". И показала ему, какие приспособить машины, как подвесить блоки и как протянуть веревки, прибавив: "Возьми себе в напарники трех отроков из школ, чтобы с их помощью ты мог все это исполнить". Когда же тот, пробудившись, устроил все, как было велено, то призвал трех отроков из школ и с величайшею быстротою установил колонны. Народу же оставалось взирать на столь дивное чудо, когда то, что множество сильных мужей не могло поднять, трое отроков малолетних приподнимали безо всяких усилий.

Посвященное же Ей празднество отмечается в середине одиннадцатого месяца⁶¹. Ведь в молельне Марциакского собора в Арвернской области⁶² хранятся Ее реликвии. Как-то раз, когда подоспел этот праздник, я прибыл туда, чтобы отслужить всенощную. И когда, темной ночью, я поспешал в молельню, то еще издали завидел столь яркий свет, изливающийся из окон, что решил, будто там зажжено множество лампад и свечей. И вот, думая, что кто-нибудь из паломников уже опередил нас и начал всенощную, я подхожу к двери, стучу, но не обнаруживаю никого и понимаю, что дверь заперта на ключ и все погружено в безмолвие. Что же делать? Посылаем за сторожем, чьею обязанностью было запирать засовы, чтобы тот достал ключ и отпер. Пока же его не было, мы снаружи затеплили свечку. А

тем временем дверь отворилась сама собою, и когда мы вошли, то, как я мыслю, из-за мрака моих прегрешений, свет, которому мы дивились, стоя снаружи, при появлении нашей свечи померк. Однако внутри не видать было ничего, что могло породить такое сияние, опричь силы Преславной Девы.

Глава десятая

Достопамятное чудо с отроком иудейским

А теперь, ради укрепления истинной христианской веры⁶³, я поведаю о том, что произошло на Востоке. Сын одного иудея, бывшего стеклоливом, обучался грамоте вместе с христианскими детьми. И однажды, когда в базилике Блаженной Девы Марии служили праздничную обедню, сей иудейский отрок, вместе с другими детьми, приступил к причащению преславных Тела и Крови Господних. А после того, как он принял святыню⁶⁴, в веселии воротился домой и, застав отца за работою, между объятиями и лобзаниями радостно поведал ему о том, как приобрелся. Тот же, выказав себя ненавистником не только Христа Господа, но и собственных законов, рек: “Коли ты причастился вместе с теми детьми, позабыв благочестие предков, то, в отмщение за поруганный Моисеев закон, сделаюсь я для тебя жестоким губителем”. После чего, схватив отрока, ввергнул его в жерло пылающего горнила и, подбавив еще дров, чтоб оно разгорелось пуще, остановился.

Однако и здесь было явлено то милосердие, которое некогда трех еврейских отроков, брошенных в халдейскую печь, окропило облаком росным⁶⁵. Ибо то же самое милосердие не позволило сгнить и этому отроку, вверженному в самое пекло и лежащему средь раскаленных угольев. А тем временем мать услышала, что отец порешил сжечь их общего сына, и прибежала его вызволять. Но когда увидала она, что из разверстого жерла пещного взмывают языки всепожирающего пламени, то сбросила наземь свой головной убор и, распустив власы, огласила весь город воплями о своем несчастьи. Когда же христиане прознали о том, что было содеяно, то все сбегались на это жестокое зрелище и, выгребя жар из жерла печи, обнаружили отрока словно бы возлежащим на мягчайшем пухе. Когда же он был извлечен наружу, то все изумились тому, что он невредим, и град огласился криками, и весь народ благословил Господа. А иные стали требовать, чтобы виновника сего злодеяния бросили в тот же огонь. И когда он был брошен туда, то огонь поглотил его целиком, так что от костей его едва оставался след.

Затем христиане стали допытываться у отрока, какая сень оградила его средь огня, он же отвечал: “Та жена, что сидит на престоле в базилике, где я принял хлеб от стола, и

прижимает к груди младенца, — это она накрыла меня платом своим, чтобы огонь меня не пожрал”. Откуда с несомненностью явствует, что ему явилась Пресвятая Дева Мария.

Вследствие же сего дитя, познавши истинную христианскую веру⁶⁶, уверовало во имя Отца и Сына и Духа Святого, и с родительницею своею они были омыты спасительною водою, возродившись заново⁶⁷. А по их примеру в том граде спаслись многие иудеи.

Глава девяносто первая

О святой Евлалии

Преславная Евлалия⁶⁸, пострадавшая во граде Эмерите⁶⁹, в день своей памяти являет народу великое чудо. Пред ее алтарем, там, где покоятся святые мощи ее, растут три дерева (правда, не знаю, какой породы). И хотя память ее страстей празднуется в середине десятого месяца⁷⁰, так что они стоят обнаженные и без лиственного убранства, однако в самый тот день, при просветлевшем небе, они покрываются сладостными цветами, которые видом подобны крылатой голубке, — в ознаменование того, что ее святая душа в образе голубицы достигла небес, а блаженное тело ее, уже бездыханное и лишенное всяких покровов, мягкой куделью покрыл падающий с небес снег.

И если деревья производят чудо сие обычным и беспрепятственным образом, то народ узнает, что год у него будет свободным от тягот и обильным плодами. Если же цветы появятся позже обыкновенного, то народ понимает, что это случилось по его вине, а потому, до того, как они распустятся, люди повергаются ниц у гроба мученицы, с жалобами и стенанием умоляя о том, чтобы сподобиться им узреть обычайную благодать. И они не приступают к пению псалмов, покуда она не будет явлена. И если слезы людские умиловят мученицу, то вскорости на деревьях распускаются подобные драгоценным камням цветы, которые, расточая сладчайшее благоухание, своим появлением веселят и своею сладостию ободряют душевные скорби.

А после того, как они будут бережно собраны и отнесены в базилику ко священнику, народ, ликуя, устраивает крестный ход; ибо известно, что и сами эти цветы нередко помогали недужным.

Глава девяносто пятая

О семи спящих в Ефесе

История же семи братьев, которые уснули во граде Ефеском, такова. Во времена императора Декия⁷¹, когда на христиан воздвиглось гонение⁷², были схвачены семеро мужей и приведены пред очи властителя. Имена же их суть Максимиан, Малх, Мартиниан, Константин, Дионисий, Иоанн и Серапион⁷³. Всячески-

ми речами их склоняли к вероотступничеству, однако те ни в какую не соглашались. Император же, ради красоты их, предоставил им время на размышление, чтобы им не тотчас погибнуть. А они затворились в некоей пещере и обитали там много дней. Лишь кто-нибудь один из них выходил наружу, запасал пропитание и доставлял все необходимое. Когда же император вновь прибыл в тот град, то они обратились с мольбою ко Господу, чтобы Тот соблагОВОЛИЛ избавить их от этой напасти, и, сотворивши молитву, улеглись на земле и погрузились в сон. И когда император узнал, что они остались в той пещере, то, по изволению Божиему, приказал, чтобы вход в нее завалили большими камнями, говоря: "Пусть там и сгинут, раз не хотели пожертвовать нашим богам". Пока же сие творилось, некий христианин записал на свинцовой скрижали их имена и мученичество и украдкою спрятал оную на входе в пещеру перед тем, как его завалили.

И вот, по прошествии многих лет, когда, даровав Церквям мир, к власти пришел Феодосий Христианин⁷⁴, воспрянула нечестивая ересь саддукеев, отрицавших грядущее воскресение⁷⁵. В те поры некий ефесский житель, вознамерившись соорудить под той самой горою загон для овец, стал отваливать камни, чтобы сладить из них ограду, и, не зная о том, что происходило внутри пещеры, освободил вход в нее; однако он так и не проведал о том, какую тайну она хранила в себе. Господь же ниспослал семерым мужам дух жизни, они воскресли и, полагая, что проспали всего только ночь, отправили отрока, бывшего между ними, купить съестного. И когда тот, подойдя к городу, увидал над городскими вратами знамение преславного креста и услышал, как народ клянется именем Христовым, то пришел в изумление. А когда он протянул деньги, бывшие у него со времени Декиева, то был схвачен торговцем, сказавшим ему: "Потому как ты нашел сокровища, спрятанные в старинные времена". А поскольку тот отпирался, то был отведен к епископу и судье города. Когда же они стали его допрашивать, он, вынуждаемый необходимостью, раскрыл сокровенную тайну и отвел их к пещере, где пребывали те мужи. И когда епископ вступил в нее, то обнаружил свинцовую скрижаль, где записано было все, что они претерпели, и, побеседовав с ними, безотлагательно послал известить императора Феодосия. Тот прибыл на место и почтил их земным поклоном, а они обратились к государю с такими речами: "Явилась, о славный Август⁷⁶, ересь, которая силится своими прельщениями отвратить христианский народ от Бога, утверждая, что-де не будет воскресения мертвых. И дабы ты знал, что всем нам, согласно апостолу Павлу⁷⁷, придется предстать пред Христовым судом, Господь повелел нам воскреснуть и об этом тебе возвестить. Смотри же, чтобы тебе не отпасть и не отлучить себя от Царствия Божиего".

Вняв сему, император Феодосий восславил Господа, не попустившего погибнуть людям Своим. А мужи после этого улеглись на землю и уснули, и когда император захотел изготовить им гробницу из золота, то ему в видении воспрещено было делать это. И мужи те по сей день покоятся в том же месте, накрытые шелковыми и холщевыми плащаницами, но обо всем этом подробнее повествуется в их страстях, которые мы, с помощью одного сирийца⁷⁸, переложили на латынь⁷⁹.

¹ Этот знаменитый рассказ, связанный с пребыванием бл. Иеронима в Палестине на заре его монашеской жизни, приводится в письме Иеронима к Евстохион (см. Epist. 22, 30).

² Рим. 14, 19.

³ Ефес. 4, 29.

⁴ Согласно римской мифологической традиции, Сатурн, свергнутый с престола своим сыном Юпитером, спасается бегством в Лаций, где правит Янус, и становится соправителем последнего.

⁵ Очевидно, имеется в виду данная Эолу Зевсом (Юпитером) власть над ветрами.

⁶ Энеады — собственно, потомки Энея; здесь, очевидно, — троянцы, вместе с Энеем покинувшие Трою и, после долгих скитаний, обосновавшиеся в Италии.

⁷ Асканий (или Юл) — сын Энея и Креусы.

⁸ Дидона — карфагенская царица, с которой встретился в своих странствиях Эней. Когда Эней покинул ее, она, не вынеся разлуки с любимым, покончила с собою.

⁹ Анхис — отец Энея. Вероятно, речь здесь идет о несдержанности Анхиса, разгласившего тайну своего брака с Афродитой (Венерой).

¹⁰ Т.е. Одиссея.

¹¹ Синон — двоюродный брат Одиссея, коварно убедивший троянцев принять в дар деревянного коня.

¹² Троянский прорицатель Лаокоон настойчиво уговаривал троянцев отказать от подаренного ахейцами деревянного коня.

¹³ Т.е. Геракла (Геркулеса).

¹⁴ Ясон — предводитель аргонатов в походе за “золотым руном”.

¹⁵ Эвмениды — эринии (фурии), устрашающего вида богини мести и угрызений совести.

¹⁶ Очевидно, Вергилий, из “Энеиды” которого в основном и почерпнуты упоминаемые выше Григорием имена и мифологические сюжеты, хотя возможно, что Григорий имел в виду некий собирательный образ эпического поэта.

¹⁷ Ин. 1, 1-3.

¹⁸ Ин. 1, 14.

¹⁹ Мих. 5, 2.

²⁰ Ин. 1, 49.

²¹ Лук. 2, 29.

²² Матф. 2, 2.

²³ См. Ин. 2, 1-10.

²⁴ См. Матф. 9, 27-31; Лук. 18, 35-43; Ин. 9, 1-11.

- ²⁵ См. Матф. 9, 2-7; Лук. 5, 18-25.
- ²⁶ См. Ин. 4, 49-52.
- ²⁷ См. Лук. 14, 2-4.
- ²⁸ См. Лук. 5, 12-13.
- ²⁹ См. Лук. 12, 10-16.
- ³⁰ См. Матф. 14, 22-32.
- ³¹ См. Матф. 9, 20-22; Лук. 8, 43-48.
- ³² См. Лук. 8, 41-42, 49-56.
- ³³ См. Лук. 7, 11-16.
- ³⁴ См. Ин. 11, 1-45; 12, 17.
- ³⁵ Ср. Деян. 2, 22-36.
- ³⁶ См. Деян. 2, 24: "Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его".
- ³⁷ Деян. 1, 11.
- ³⁸ См. Деян. 4, 34.
- ³⁹ Рассказ об успении и вознесении Девы Марии, по всей видимости, основан на апокрифе "Об успении блаженной Девы Марии" (*De transitu beatae Mariae Virginis*), приписывавшемся Мелитону Сардскому. Григорий Турский первым среди латинских Отцов прямо говорит о том, что не только душа, но и тело Девы Марии было взято на небеса. Однако в самом скором времени представление о телесном вознесении Девы Марии на небеса становится преобладающим в Галльских Церквах и закрепляется в литургической практике. Что касается Католической Церкви в целом, то догмат о телесном вознесении Девы Марии был принят ею только в 1950 г.
- ⁴⁰ Пиктавия — населенная пиктами область в Галлии, совр. Пуату, центром которой был город Пиктава (совр. Пуатье).
- ⁴¹ Елена — мать императора Константина Великого. Крест был найден во время совершенного ею паломничества в Святую Землю (326 г.).
- ⁴² Четвертый и шестой дни богослужебной седмицы, отмечавшиеся постом.
- ⁴³ Радегунда — супруга Лотаря I, впоследствии принявшая монашество и канонизированная Западной Церковью. Ум. в 587 г.
- ⁴⁴ Различие между "мучениками" и "исповедниками" заключается в том, что последние не претерпели мученической смерти, однако почитаются как святые.
- ⁴⁵ Т.е. в Страстную седмицу.
- ⁴⁶ Лат. *Phagus*, т.е. Фарос (Александрийский маяк) как собирательное имя для маяка вообще.
- ⁴⁷ Епископа Илария Пиктавийского.
- ⁴⁸ Секстариий — мера жидких и сыпучих тел, квартарий — четверть секстариия.
- ⁴⁹ Город в Галлии, ныне Ле-Ман.
- ⁵⁰ Хильперих I, сын Лотаря.
- ⁵¹ Т.е. императора Константина Великого.
- ⁵² Зах. 14, 20. В синодальном переводе: "В то время даже на конских уборах будет начертано «Святыня Господу»".
- ⁵³ Образ "шлема спасения" заимствован из Священного Писания, см. Ис. 59, 17; ср. Ефес. 6, 17 и 1 Фес. 5, 8.
- ⁵⁴ Т.е. Крестного древа.
- ⁵⁵ Супруга императора Юстина II.
- ⁵⁶ Мар. 11, 24.

⁵⁷ Нешвенная риза — цельнотканая, бесшовная одежда (хитон), в которую облачен был Христос перед смертью, прообраз священнической фелони.

⁵⁸ См. Пс. 21, 19.

⁵⁹ Ин. 19, 24.

⁶⁰ Город, упоминаемый только Григорием. Может быть, какой-то город в провинции Галатия?

⁶¹ В системе отсчета месяцев года с марта, которой придерживался и Григорий, одиннадцатый месяц — это январь. В Галлии праздник Успения Пресвятой Девы Марии действительно отмечался 18-го января.

⁶² Совр. Овернь.

⁶³ Букв. — кафолической (всеобщей, общепринятой), т.е. правоверия — в противоположность вероучениям еретиков и схизматиков; обычный для латинских Отцов термин для обозначения ортодоксального христианства.

⁶⁴ Здесь — термин, обозначающий пресуществленные хлеб и вино.

⁶⁵ См. Дан. 3.

⁶⁶ См. прим 63.

⁶⁷ Т.е. приняли крещение и родились к новой жизни.

⁶⁸ Евлалия — одна из наиболее почитавшихся в Испании святых, пострадавшая в 4 в. Ей посвящен один из гимнов Пруденция ("О венцах", 3), впервые изложившего историю ее страстей.

⁶⁹ Эмерита — город в Лузитании, совр. Мерида.

⁷⁰ Т.е. в декабре.

⁷¹ С 249 по 251 г.

⁷² Император Декий (Деций), ратовавший за возрождение древнеримской государственной религии и римских обычаев, видел в христианах серьезное препятствие для осуществления своей политики. Поэтому объявленное им гонение на христиан отличалось не столько своею жестокостью, сколько масштабами, ибо затрагивало буквально всех христиан империи, причем были учреждены даже особые комиссии для розыска тех, кто уклонялся от принесения жертв языческим богам.

⁷³ В православной агнографической традиции называются несколько иные имена. Кроме того, Григорий нигде не говорит о юношеском возрасте братьев (особо подчеркивавшимся в восточной традиции, где их называют "отроками", а не "мужами", как у Григория), а также не упоминает о собаке, разделившей судьбу братьев.

⁷⁴ Император Феодосий II (Младший), 408—450 гг.

⁷⁵ В восточной традиции называется имя основателя этой ереси — Феодор, епископ Гайский или Эгский.

⁷⁶ Август — титул римских императоров.

⁷⁷ См. 2 Кор. 5, 10.

⁷⁸ По свидетельству самого Григория, этого сирийца звали Иоанн.

⁷⁹ Критическое издание этого вольного переложения жития семи спящих отроков эфесских осуществлено в кн.: Monumenta Germaniae historica. Scriptores, Bd. 7, 2, Hannover., Lips. 1920, S. 757-769.

Исидор Севильский

Среди писателей VI—VII вв. севильскому епископу Исидору (570—638 гг.) принадлежит особое место, сопоставимое с местом Августина в культуре IV—V вв. Деятельность Исидора непосредственно связана с той политикой укрепления испанской государственности, которую проводило вестготское королевство после отказа короля Реккареда от арианства (587 г.) и принятия вестготами римско-католического исповедания. Эта политика требовала идеологической консолидации общества, и епископ Севильи взял на себя задачу систематизации всего накопленного к тому времени знания и изложения его в понятной для современников форме. Его труд приобрел огромное историческое значение для всего позднего средневековья, став главным источником образованности для ряда поколений и тем самым во многом определив интеллектуальный кругозор средневекового человека и методы его мышления.

Сообразуясь с общим стремлением толедского двора встать вровень с “ромейской” империей, для чего проводилась и редакция законов, и чеканка монет с королевским изображением, Исидор предпринял своеобразную “реставрацию” латинской культуры IV—V вв., используя для этого еще не угасшую в Испании и в соседней с ней Африке античную и христианскую традицию. В распоряжении Исидора, как это удастся установить, были позднеантичные комментарии к школьным авторам, схолии, справочные пособия типа грамматик и словарей, а также произведения латинской патристики и некоторых классических писателей, что позволило ему осуществить работу, завещанную еще Августином в сочинении “О христианской науке”.

Сжато и упрощенно, в небольших хрониках (“Хроника”, “История царей готов”), изложениях Библии (“О рождении и смерти отцов”), в аллегорических толкованиях (“Некоторые аллегории Священного Писания”) и морально-назидательных сборниках (“Сентенции”), а также в естественнонаучных трактатах (“О порядке творений”, “О природе вещей”) и, наконец, в огромной толковой энциклопедии (“Этимологии, или Начала”) Исидор знакомил своих современников с историей, географией, космологией, антропологией, теологией, грамматикой, предлагая читателю собранные им отовсюду знания как твердую норму,

оправданную авторитетом христианской и античной традиции. Отбирая сведения у тех и других писателей без предвзятой вражды к языческой литературе, Исидор стремился установить конечную, бесспорную истину о каждом предмете. При этом не только многие определения и факты, но и сами методы подхода к материалу оказывались взятыми из античной науки. Двумя такими методами были аналогия и этимология, разработанные эллинистическими грамматиками и превращенные Исидором в универсальный инструмент научного анализа. Этимология как поиск первооснов дала ему возможность представить все знание как сумму первоэлементов, а аналогия позволила установить связь между макро- и микромиром. Трактаты Исидора приняли вид терминологических исследований, разъясняющих смысл и содержание главнейших понятий, которыми оперировал средневековый человек. Широкое использование в них греко-римских источников не означало, конечно, возврата к античному миропредставлению, но определяло тем не менее качества того материала, из которого потом синтезировалась европейская культура. Оно наложило отпечаток и на духовный облик самого Исидора, которому стала ближе статическая безмятежность стоической морали, чем мистика Григория Великого или взволнованная динамика Августина: свой опыт самоанализа, составленный в форме риторического увещания ("Синонимы"), Исидор заканчивает заимствованным у Цицерона гимном разуму и фактически не оставляет места христианской аскезе. Призыв "познай свою природу" для него важнее призыва "переделай ее".

Потомки ценили Исидора не только как ученого, но и как стилиста, называя "исидоровским" возвышенный слог риторической молитвенной прозы. В "Божественной Комедии" его имя названо рядом с Бедой Досточтимым:

За ним пылают, продолжая круг,
Исидор, Беда и Рикард с ним рядом,
Нечеловек в превышей из наук.

(*"Рай"*, X, 130—132; пер. М. Лозинского)

История о царях готов, вандалов и свевов

Пролог

1. О священная Испания, вечно счастливая мать вождей и народов, прекраснее ты всех земель от запада до самых индусов. Ты теперь по праву царица всех провинций, излучающая свет не только западу, но и востоку. Ты — честь и краса мира, слав-

нейший край земли, в котором изобильно процветает в великой радости славное готское племя.

2. По заслугам одарила тебя милостивая природа плодovitостью всего живого. Ты богата ягодами, ты — сила неиссякаемая, тебя радуют жатвы, ты одета нивой, осенена оливами и разукрашена узором лоз. Цветут твои луга, зеленеют горы и побережья обильны рыбой. Лежишь ты в самой лучшей стране света, не выгораешь летом от солнечного жара и не чахнешь от ледяного холода, но, окруженная умеренным небесным поясом, питаешься счастливыми зефирами. Рождаешь ты все, что есть плодоносного в пашнях, драгоценного в металлах, красивого и полезного в живых существах. Не хуже ты тех потоков, которые славятся своими знаменитыми стадами.

3. Не сравнится с тобой ни Алфей¹ своими конями, ни Клитумн скотом, хотя мчит крылатые квадриги Алфей, посвященный олимпийским пальмам, и огромных быков приносил некогда Клитумн в жертву капитолийцам. Даже в Этрурии не найти таких жирных пастбищ, как у тебя, и рощам Молорха ты не дивишься, полная пальм, и не боишься признать своих коней в беге на годовых скачках. Богата ты полноводными реками и желта от золотоносных потоков. У тебя источник конеродный. У тебя руно от природного пурпура пламенеет, как тирский багрянец. У тебя камень, сверкающий среди мрака обрывистых гор, светится блеском солнца, которое рядом.

4. Богата ты и реками, и драгоценными камнями, и пурпуром, рождаешь ты и правителей, и то, что прилагается к власти. Ты столь же щедра на украшения вождям, сколь счастлива бываешь рождать их. Уже в давнее время тебя законным путем полюбил златой Рим, глава народов, и хотя в первый брак тебя взяла эта римская доблесть², однако процветающее готское племя после многих побед по всей земле захватило тебя силой и полюбило, и до сих пор наслаждается прочной властью среди царских островов и многих богатств.

Начало истории

1. Несомненно, что племя готов очень древнее; некоторые возводят его происхождение к Магогу, сыну Иафета, судя об этом по сходству последнего слога и заключая так, главным образом, из слов пророка Иезекииля. Ученые, напротив, привыкли чаще называть их "геты", чем "Гог и Магог"³. Их описывают как очень храбрый народ, который стремился опустошить даже Иудею.

2. На нашем языке их имя истолковывается "покрытые", и этим указывается храбрость. И в самом деле, ни одно племя на

земле не доставило Римской империи столько хлопот, как они. Ведь их даже Александр велел избегать, их боялся Пирр, и Цезарь страшился. На протяжении многих веков ими правили сначала вожди, а затем цари. По порядку их царствования следует излагать последовательный ход событий и соединять куски из рассказов о том, под каким именем они правили и как действовали.

3. В год XII до установления эры¹, когда Гней Помпей и Юлий Цезарь начали гражданскую войну за власть, готы пришли в Фессалию на помощь Гнею Помпею против Цезаря. В войске Помпея сражались эфиопы, индусы, персы, мидяне, греки, армяне, скифы и иные восточные народы, собранные против Юлия, однако мужественнее всех сопротивлялись Цезарю готы. Рассказывают, что Цезарь, пораженный их числом и доблестью, уже думал о бегстве, если бы ночь не положила конец сражению. Цезарь тогда сказал, что Помпей не умеет побеждать, а Цезарь не может быть побежден, потому что если бы Помпей умел побеждать, то с такими стойкими силами он одержал бы сегодня верх над Цезарем.

4. Эра CCXCIV. В первый год царствования Валериана и Галлиена готы спустились с альпийских гор, где они жили, и опустошили Грецию, Македонию, Понт, Азию и Иллирик. Почти пятнадцать лет они держали в своей власти Иллирик и Македонию, пока император Клавдий не разбил их и они не вернулись на свои места. Августа Клавдия римляне почтили почестями за то, что он отогнал от границ республики такое сильное племя. Ему поставили золотой щит на форуме и золотую статую на Капитолии.

¹ Алфей — самая большая река в Пелопоннесе, протекающая через Олимпию, где происходили знаменитые состязания; Клитумн — река в средней Италии; рощи Молорха — немейский лес. Молорх — бедняк, который, по мифу, принял у себя Геракла, когда тот шел на охоту за немейским львом.

² Проникновение римлян в Испанию относится к эпохе Второй пунической войны (218–201 гг. до н.э.), вторжение готских племен — к 409 г. н.э.

³ Гог — упоминаемый в Библии вождь, который, по пророчеству Иезекииля (гл. 38–39), должен был прийти с севера и опустошить Иудею. Магог, сын Иафета — внук библейского Ноя (Быт. 10).

⁴ Исидор в “Этимологиях” (V, 36) приводит следующее определение “Эры”: “Эра отдельных лет установлена Цезарем Августинном, когда он впервые стал цензором и произвел перепись римского мира (29 г. до н.э.). Название “Эра” взято потому, что весь римский мир обязывался платить налог (aes). Битва Цезаря и Помпея при Фарсале произошла в 48 г. до н.э.

ЭТИМОЛОГИИ

Книга VI

Глава 3. О библиотеках

1. Библиотека получила название от греческого слова, потому что в ней хранятся книги. Ведь “библион” — в переводе значит “книга”, а “тека” — “хранилище”.

2. Библиотеку Ветхого Завета заново собрал писец Ездра, действовавший по божественному вдохновению, когда иудеи возвратились в Иерусалим после того, как Закон погран был халдеями¹. Он исправил все поврежденные язычниками тома Закона и разделил весь Ветхий Завет на 22 книги, чтобы книг в Законе было столько же, сколько есть букв.

3. У греков первый создал библиотеку, как полагают, Писистрат, афинский тиран². Потом афиняне ее пополнили, но после пожара Афин Ксеркс увез ее к персам³, и лишь много лет спустя ее вернул в Грецию Селевк Никанор.

4. С тех пор цари и государства усердно занимались сравнением разночтений в томах и заставляли толковников переводить их на греческий язык.

5. Потом Александр или его преемники стали печься об устройстве библиотек, где бы имелись все книги, и больше всего стараний прилагал к этому Птоломей по прозвищу Филадельф, весьма тонкий ценитель всякой литературы⁴. Подражая Писистрату в его заботах о библиотеке, он собрал у себя не только языческие книги, но и Божественные Писания. При нем ведь в Александрии было 70 тысяч книг.

Глава 4. О переводчиках

1. Он испросил также и у священника Елеазара писания Ветхого Завета и позаботился, чтобы 70 толковников переложили с еврейского на греческий язык те книги, которые хранились в александрийской библиотеке.

2. Толковники были посажены поодиночке в отдельные помещения, однако действием Святого Духа они перевели все так, что в каждой рукописи все вплоть до порядка слов совпало с прочими.

3. Были и другие переводчики священных книг с еврейского языка на греческий: Аквила, Симмах, Феодотион, а также был и неизвестно чей просторечный перевод, называемый “Пятое издание” без упоминаний переводчика.

4. После них Ориген⁵ положил великий труд и выпустил шестое и седьмое издание, сличив их с прежними изданиями.

5. Пресвитер же Иероним, знаток трех языков⁶, перевел те же книги с еврейского языка на латинский и дело свое выполнил весьма искусно, так что его перевод не даром предпочитают прочим, потому что он и в словах более точен, и мысли излагает яснее и, как христианский толкователь, более правильно.

Глава 5. О том, кто первый привез книги в Рим

1. В Рим большое количество книг впервые привез Эмилий Павел после победы над македонским царем Персеем⁷, а вслед за ним Лукулл — из понтийской добычи⁸. После них Цезарь поручил Марку Варрону устраивать как можно больше библиотек.

2. Общественные библиотеки, греческие и латинские, учредил в Риме впервые Поллион⁹ и поставил там в атриуме изображения писателей, роскошно украсив его отнятой у врага добычей.

Глава 6. О том, кто учредил библиотеки у нас

1. У нас первый, кто старался подражать Писистрату в любви к священной библиотеке, был мученик Памфил¹⁰, чью жизнь описал Евсевий Кесарийский. В своей библиотеке он собрал около 30 тысяч томов.

2. Иероним и Геннадий¹¹ по всей земле собирали [сочинения] церковных писателей, установили между ними последовательность и в кратком перечне на свитке дали описание их трудов.

Глава 7. О тех, кто много писал

1. У латинян бессчетное число книг писал Марк Терренций Варрон¹². У греков хвалят и славят также Халкентера¹³ за то, что он сочинил столько книг, что любому из нас не под силу даже переписать их своей рукой.

2. Из наших же грек Ориген, трудившийся над толкованием Писаний, превзошел множеством своих сочинений и греков, и римлян. Иероним признается, что отобрал 6 тысяч его книг.

3. Выше всех, впрочем, и по уму, и по знаниям, стоит Августин¹⁴, потому что столько, сколько написал он, никто не в силах не только написать, но даже и прочесть, хотя бы и тратил на это день и ночь.

¹ Возвращение Ездры в Иерусалим (около 450 г. до н.э.) описано в Библии, в I и II кн. Ездры.

² С именем Писистрата (6 в. до н.э.) связано превращение Афин в один из главных культурных центров Эллады, его инициативе приписывается редактирование гомеровских поэм, установление драматических состязаний и т.д.

³ Речь идет о греко-персидских войнах (480 г. до н.э.). Селевк Никатор (Победитель) — полководец Александра Македонского, основатель царства Селевкидов.

⁴ Птолемей Филадельф — египетский монарх 3 в. до н.э.

⁵ Ориген — знаменитый богослов и философ 3 в. н.э.

⁶ О Иерониме см. настоящий сборник.

⁷ В 168 г. до н.э.

⁸ В 66 г. до н.э.

⁹ Асиний Поллион (76—5 г. до н.э.) — близкий друг Октавиана Августа, оратор и поэт, выстроил в 38 г. до н.э. великолепную библиотеку.

¹⁰ Памфил (3 в.) — основатель богословской школы в Кесарии, почитатель Оригена; он приобрел для своей школы библиотеку Оригена. Евсевий Кесарийский — церковный историк 3—4 вв.

¹¹ Геннадий из Массилии, богослов конца 5 в.; расширил и продолжил составленный Иеронимом каталог христианских писателей.

¹² Марк Теренций Варрон Реатинский (116—28 гг. до н.э.) — плодовитейший римский автор, написавший 620 книг. От его сочинений сохранились фрагменты.

¹³ Халкентер (Медноутробный) — прозвище знаменитого грамматика Дидима (1 в. до н.э.), которому приписывалось 3500 сочинений.

¹⁴ Об Августине см. настоящий сборник.

Синонимы, [или] о стенании грешной души

Пролог второй

Исидор приветствует читателя

3. Недавно мне в руки попал листок, который называют “Синонимы”, и его вид внушил мне мысль и самому составить жалобный плач для себя или для других горемычных. Писал я, конечно, не в подражание слогу того сочинения, а водимый собственным желанием.

4. Кто бы ты ни был, не ленись, прочти его, и когда коснутся тебя превратности мира, то сам рассуди себя строгим судом и сразу поймешь, за что в этом веке терпишь ты невзгоды и получаешь праведное воздаяние. Тут показаны лица двоих: плачущего человека и увещающего разума.

Книга I

5. Душа моя стеснена во мне, дух мой горит, сердце мятется, скорбь душевная овладела мной. Скорбь душевная гнетет меня,

и, окруженный всеми бедами, заваленный тяготами, зажатый напастями, осажденный невзгодами, беззащитный перед несчастьем, задавленный скорбями, я нигде не обретаю утешения, не нахожу доводов для оправдания этой муки, не вижу указания, как избавиться от бедствия, не могу привести доводов, чтобы умалить боль, не знаю, куда идти, чтобы избежать смерти, повсюду преследует меня мое несчастье, ни в доме, ни вне его не отступает от меня моя беда.

6. Куда бы ни пошел я, злоключения мои настигают меня, куда бы ни обратился, тень моих бед сопутствует мне; как от телесной тени, не могу убежать от несчастий моих. Человек-то я неименитый, темный, низкого рода, знаемый только сам по себе, знакомый только самому себе; никому никогда не причинял я зла, ни на кого не клеветал, ни с кем не враждовал, никого не беспокоил, жил среди людей, ни с кем не ссорясь. И вот все спешат опорочить мою жизнь, неистово злобствуют, ополчаются против меня и строят мне ковы, тянут к гибели, натапливают на опасность, на самую жизнь мою покушаются.

7. Никто не покровительствует мне, не встает на защиту, не заступает, не помогает в бедах; я всеми людьми оставлен, все, завидя меня, бегут прочь или преследуют, разглядывают как несчастливца, и я сам не знаю, какая хитрость скрыта за их миролюбивыми словами. Лстивой речью они прикрашивают свое тайное зложелательство и языком говорят одно, а в сердце помышляют другое. Делом разрушают то, что обещают устами. Нося вид благочестия, ходят с отравленной душой. Злокозность облачают в притворную доброту, за простодушием прячут лукавство, юлят, изображая дружбу, лицом показывая то, чего нет на сердце. Кому верить? На кого положиться? Кого считать своим ближним? Где теперь вера? Вера погибла, вера отнята, чистой веры нет.

Если ничто не делается по закону, если судят без всякой правды, если не смотрят на справедливость и законному праву ни в чем не верят, если все правосудие отменяется, то гибнут законы, и суд вершит любостязание.

22. О человек, почему столь недоверчив ты к своему духу? Почему так ослабел умом? Зачем оставил всякую надежду и потерял веру? Зачем пал духом? Почему повергся в такое малодушье? Почему дал сломить себя невзгодам? Оставь печаль, перестань печалиться, гони печаль от себя прочь, не впадай в уныние, не смей предаваться унынию, вырви из сердца боль, от духа убери боль, сдержи натиск боли, не упорствуй в боли, побеждай боль духа, побеждай боль ума.

23. Как? Каким образом? Каким способом? Какими средствами? Каким путем? Каким искусством? По какому совету? Каким разумом?

24. Всеми средствами, всей силой, всем разумом, со всей доблестью, со всем искусством, со всем разумением, со всей рассудительностью и со всей настойчивостью ве́ди борьбу против плотских досаждений. Во всех случаях будь тверд, все переноси терпеливо, спокойно сноси все превратности. Не смотри на свое положение, как на особенное. Не думай, что только у тебя такая скорбь, не смотри на свое бедствие так, как будто оно постигло только тебя. Взгляни на других, с кем приключилось то же самое, обрати взор на несчастье тех, кому выпало какое-либо горе. Пока будешь помнить о чужих невзгодах, спокойнее станешь переносить свои, ведь примеры других людей умирят боль, и в чужих бедах человек весьма легко находит себе утешение.

25. Что ты жалуешься на жестокость вынесенных решений? Зачем так скорбишь из-за причин, навлекших на тебя опасность? Страдания твои не новы, есть у тебя примеры несчастий. Сколько людей уже попадало в такие обстоятельства, в такие бедствия! То, что многие сумели вынести, один должен сносить с терпением! Не долго длится мука этой жизни. Смертен и тот, кто мучает, и тот, кто мучается. Страдание века сего имеет конец.

Книга II

2. Самого себя познай человек, познай, кто ты, откуда твое начало, почему ты родился и на какую потребу произведен на свет, [познай], как ты устроен, в каких условиях воспитан и для чего сотворен в этом мире. Помни свое звание, храни чин, свойственный твоей природе. Будь таким, каким ты сотворен, кем создал тебя бог, каким устроил тебя творец, каким положил тебе быть создатель...

67. Учись тому, чего не знаешь, чтобы не оказаться тебе негодным наставником; сначала стань слушателем, а уже потом наставляй: звание учителя прими, пройдя науку. Если услышишь что-либо доброе — расскажи, если выучишься хорошему — обучи. Не ослабевай в усердии учиться и учить. Знание, вошедшее в твое ухо, излей через рот. Твоя мудрость приумножится, если поделишься ею с другими. Мудрость растет, когда ее дарят, и умалется, когда ее удерживают. Знание, щедро раздаваемое, становится полнее, и чем больше его черпают, тем оно обильнее.

68. Словам, однако, пусть предшествуют поступки. Делом исполняй то, что провозглашаешь устами, примером подтверждай то, чему учишь на словах. Будь не только наставником, но и подражателем добродетели. Тогда прославишься ты, когда сам выполнишь то, чему учишь. Словесные похвалы мало что значат, если с ними не соединены поступки. Учительствуя, сам не стре-

мись к безмерной человеческой славе. Наставляя других, наблюдай и за собой. Так обучай, чтобы не утратить тебе благодати смирения. Смотри, чтобы похвалы не сразили тебя самого, пока ты учишь и воспитываешь других. Когда обучаешь, не употребляй неясных слов, говори понятно, не вызывай недовольства простолудина и не оскорбляй [слуха] людей сведущих.

69. Речь наставника должна соответствовать восприятию слушателя, раздаваемое учение должно быть сообразовано с нравами. Лекарство, которое следует применять, зависит от того, каковы раны. Каждого нужно обучать так, как этого требует род его занятий. Нужно разумеать, что лица несхожи и что у каждого надо вызвать рвение. О вещах обычных рассказывай всем, о редкостных — лишь самым лучшим, о явных возвещай пред всеми, о тайных — лишь пред немногими. Об иных вещах бывает нужда поведать многим, о других — только нескольким.

70. Всегда будь готов отдать себя учению и пусть не остается у тебя праздничного времени, времени, когда бы ты ничего не творил. Пусть не протекает ни одного часа, в который бы ты не предавался изучению наук. Непрестанно и открыто проповедуй слова добрые. А если видишь, что знаний недостает тебе, то спрашивай у других, потому что от сопоставлений непонятное делается ясным и трудности исчезают, когда проведено бывает сличение...

75. Если получишь приказ делать зло, не мирись с этим. Если прикажут тебе поступать дурно, не повинуйся. От какой бы власти ни исходил приказ, никогда не соглашайся творить зло, хотя бы постигло тебя за это наказание, хотя бы грозили тебе муки и ждали тебя пытки. Умереть не так страшно, как выполнить губительный приказ. Пусть лучше убьет тебя человек, чем быть тебе прокляту на Вечном суде. Ведь виновными в грехе признаются не только совершающие грех, но и сочувствующие ему, поэтому не свободен от преступления и тот, кто поступает по чужому велению. Подчиняющийся злу не отличается от того, кто производит зло, одинаковая кара связывает и творящего, и угождающего ему.

Альдхельм

Альдхельм был первым латинским поэтом англосаксонского происхождения. Потомок знатного рода, он начал свое образование под руководством ирландского наставника Майлдуба, а закончил его под руководством африканца Адриана, начальника кентерберийской школы, основанной присланным из Рима архиепископом Теодором. И Теодор, и Адриан знали греческий язык (Теодор сам был грек и учился в Афинах); Альдхельм перенял от них эти знания и даже, по его словам, читал некоторые книги Библии по-еврейски. Эта образованность, редчайшая в пору “темных веков”, доставила Альдхельму громкую славу: Этельвальд, будущий король Мерсии, воспевал его в латинских стихах, а Беда Досточтимый посвятил ему панегирик в своей “Истории”. Родился Альдхельм около 650 г., был монахом в Мальмсбери, после поездки в Рим в 690 г. стал аббатом этого монастыря, в 705 г. сделался епископом в Шерборне и умер в этом сане в 709 г.

Наиболее любопытное произведение Альдхельма — сто “Загадок” в стихах, расположенных в последовательности объема: четверостишия, потом пятистишия, шестистишия и т.д.; самая длинная загадка насчитывает 83 стиха. Их сопровождало посвящение с акростихом и телестихом: “В тысяче строчек сложил Альдхельм сие сочиненье”. Образцом для Альдхельма были “Загадки Симфосия” — сто загадок-трехстиший, сочиненные в Африке в V–VI вв. и получившие широкую популярность в варварской Европе; еще до Альдхельма им подражал неизвестный ирландский поэт в так называемых “Бернских загадках” (начало VII в.), также известных Альдхельму и использованных им. Предметы загадок Альдхельма — главным образом, животные, травы, камни, звезды, небесные явления, утварь, оружие и т.п.; последняя загадка посвящена отвлеченному понятию “тварь”. Стиль загадок, в соответствии с жанром, вычурен и темен, в нем всюду чувствуются следы ирландской выучки с ее стремлением к непонятности и сложности. Как источник естественнонаучных сведений Альдхельму служат сочинения Исидора Севильского; часты библейские мотивы (в таких темах, как яблоко, змея, голубь и пр.). Загадки Альдхельма пользовались

большой известностью и, в свою очередь, вызвали ряд подражаний (Татуина, кентерберийского архиепископа; Хветбрехта, друга Беды Досточтимого). Секрет англосаксонской моды на загадки, по-видимому, лежит в том, что они напоминали читателю формы и мотивы его родного фольклора: вспомним широкую распространенность загадки-“кеннинга” как стилистического приема в скандинавской поэзии.

Кроме “Загадок”, Альдхельму принадлежит огромное сочинение “Похвала девственности” с параллельным прозаическим и стихотворным текстом (по образцу “Пасхального стихотворения” Седулия), посвященное аббатиссе Максиме, — стиль его еще более высокопарен и темен, чем в “Загадках”. Стих Альдхельма отличается редкой для его времени правильностью; в нем много реминисценций из Вергилия и Седулия, есть следы хорошего знакомства с Овидием, Горацием, Теренцием, Персием, Ювеналом, Луканом, Ювенком и более поздними поэтами: слава учености была Альдхельмом заслужена. (Это не мешает ему в “Загадках” путать слова *camelus* — “верблюд” и *Camillus* — имя римского полководца Камилла). Альдхельм сочинил также много надписей для церковных зданий и предметов обихода, и несколько гимнов ритмическим стихом.

Загадки

I. Земля

Общей кормилицей всех, кто на свете живет, повсеместно
Я называюсь, и впрямь никакие бесстыдные дети
Так не терзают сосцов материнских, как грудь мою зубом.
Пышно я летом цвету, зимою холодною мерзну.

II. Ветер

Видеть меня никому и руками схватить невозможно,
Резкий голоса звук разношу я сейчас же далеко,
Грохотом страшным гремя, дубы сокрушать я способен,
Ибо я весь небосвод и все на земле потрясаю.

III. Облако

Цвет изменяя, бегу, покидаю и небо и землю,
Ни в небесах постоянного нет, ни на суше мне места.
Нет никого, кто бы так терпел постоянно изгнанье,
Но зеленеет весь мир, орошенный дождем моих капель.

IV. Природа

Существовать без меня ничто, поверь мне, не может,
Но и обличье мое и лицо навеки сокрыто.
Кто же не знает, что мной руководится все мирозданье,
Весь небосвод, и движенья луны, и сияние солнца?

V. Радуга

Дочкой Тавмантовой я считаюсь по древним сказаньям,
Но я открою сама, откуда на деле я родом:
Солнца румяный приплод, рождена дождевою я тучей,
Но, хоть и весь небосвод озарю, не вздымаюсь ко звездам.

VII. Судьба

Некогда пел поэт, своим красноречием славный:
“Бросимся вместе туда, куда Бог и Фортуна прикажет!”
Древние люди меня госпожой называли напрасно,
Ибо всем миром один управляет Христос милосердный.

XXI. Напильник

Тело в морщинах мое, и все оно бурой покрыто
Ржавчиной, ибо я тру шершавый металл заскорузлый.
Золото также лощить мне привычно и мрамора глыбы,
Будучи тверже всего, я ровняю любую поверхность.
Голоса нет у меня, и я лязгаю с визгом и скрипом.

XXII. Соловей

Разнообразно звучит, заливаясь, мой голос певучий,
И никогда не издаст мой клюв хрипящего звука,
Цвет мой невзрачен, но песнь отнюдь моя не презренна.
Я неустанно поко, судьбы не пугаясь грядущей:
Пусть меня гонит зима, но ведь летом опять прилечу я.

LXXIX. Солнце и луна

Нам не Юпитер отец, Сатурна мерзостный отпрыск,
Коего, в песнях хваля, превозносят облыжно поэты,
И не Латона на свет на Делосе нас породила.
Вовсе не Цинтия я, да и брата не звать Аполлоном,
Горнего нас породил верховный владыка Олимпа,
Что восседает теперь на престоле небесной твердыни.
Мы меж собою на равных правах мироздания делим,
Правя теченьем ночей и движением дней управляя.

Если бы брат и сестра вековым их не ведали ходом,
Хаос покрыл бы, увы, непомерной все сущее тьмою
И воцарился бы мрак Эреба кромешного в мире.

ХС. Роженица близнецов

Шесть очей у меня и слышу шестью я ушами,
Пальцев десятью шесть на теле своем я имею;
Если бы даже отнять из них четырежды десять,
Все-таки вижу, что мне четырежды пять остается.

ХСVII. Ночь

Черное тело мое — цветоносной земли порождение,
Плодного я ничего не рожаю утробой неплодной,
Хоть и вещают певцы в стихах своих, будто бы мною
Порождено Евменид преисподнее, мрачное племя.
Вовсе мне не под стать воплощенье вещественных тварей,
Только я тьмою своей объемлю все мирозданье.
Вечно враждебно мне то, что всем на радость — сиянье
Солнечных Феба лучей, озаряющих все поколения.
Злобным разбойникам я всегда пребываю любезна,
Ибо стараюсь укрыть в своем их сумрачном лоне.
Мне дорогую сестру воспел, как известно, Вергилий:
“Всюду идя по земле, она голову в тучах скрывает.
Чудище, страшное всем, у которого сколько всех перьев,
Столько ж и бдительных глаз, а под ними (и вымолвить дивно)
Столько же и языков; столько уст и ушей у ней столько ж.
Ночью меж небом она и землею летает во мраке”.

ХСIX. Верблюд

Некогда консулом был я римским, воином конным,
Законодателем встарь, когда управлял государством,
Ныне же я на горбах тащу тяжелейшую ношу,
И тяготит меня груз своей непомерной громадой.
Я устрашаю теперь коней табуны рогоногих,
И убегают они от четвероногого зверя,
Только завидят мое непомерное, страшное тело.

Беда Досточтимый

Беда, прозванный Досточтимым, родился в 672 или в 673 г. в окрестностях монастырей Веармут и Ярроу. Точное место его рождения неизвестно, но, по традиции, считается, что он родился в деревушке Монктон, в двух милях от Ярроу. В 680 г. Беда был отдан в монастырь Веармут, а когда в 681 г. был основан монастырь в Ярроу, подчиненный тому же настоятелю, Беда был переведен туда под начало наместника Кеолфрида. Вскоре разразилась эпидемия чумы, от которой пострадали оба монастыря, причем в Ярроу из всей братии в живых остались лишь отец наместника и маленький Беда.

Поначалу, лишившись братии, Кеолфрид решил читать псалмы без антифонов во все время суток, кроме вечерни и утрени, однако не смог выдержать этого решения более недели и благословил читать псалмы с антифонами, как обычно; так вдвоем с мальчиком, они служили по полному чину, пока не подросла помощь. Это единственный эпизод из жизни Беды, известный нам, помимо того, что он сам счел нужным сообщить о себе, завершая “Церковную историю англов”, по примеру Григория Турского, своей краткой биографией.

Беда провел в Ярроу всю свою жизнь и написал там все свои книги. Вероятно, своими способностями он рано начал выделяться среди братии, потому что, как он сам говорит о себе, он был рукоположен во диакона в 19 лет (за 6 лет до срока, установленного канонами). В 703 г., в 30 лет, он был рукоположен во пресвитера.

Жизнь его была тихая, размеренная — жизнь монаха, состоящая из молитвенного правила и исполнения послушаний, среди которых, как он сам пишет, всегда для него было “наслаждением учиться, или учить, или писать”. Беда почти не выезжал из Ярроу: только два раза он покинул монастырь — однажды посетил Линдисфарн и, возможно, в 733 г. навестил в Йорке своего ученика и друга Эгберта, епископа Йорского.

Событием, сильно потрясшим Беду, был отъезд Кеолфрида, его духовного отца и наставника в течение 35 лет, в Рим (716 г.), где тот, по благочестивому обычаю того времени, хотел закончить свои дни. Расставание с ним произвело столь тягостное впечатление на Беду, что в течение нескольких месяцев он

не мог возобновить работу над комментариями на Евангелие от Марка, которыми был тогда занят.

Беда продолжал свои ученые занятия до самой смерти. Последняя его работа — перевод Евангелия от Иоанна на древнеанглийский язык, законченная им на смертном одре, — до нас не дошла. По свидетельству его ученика, ставшего позднее настоятелем Веармута и Ярроу, Беда умер под праздник Вознесения; додиктовав последнюю главу перевода Евангелия от Иоанна, он троекратно перекрестился с молитвой: “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу”. Это было 26 мая 735 г.

26 мая некоторое время было днем памяти Беды, но так как на этот день также приходилась служба св. Августину, первому архиепископу Кентерберийскому, то память Беды стали отмечать 27 мая. В конце VIII в. были обретены нетленные мощи Беды, что в те времена равнялось официальной канонизации. Беда рано стал известен как “Досточтимый”. По преданию, когда некий монах составлял эпитафию Беде, эпитет “Досточтимый” был подсказан ему ангелом.

На протяжении всего периода средних веков значение Беды как церковного писателя постоянно подчеркивалось теми, кто использовал его сочинения. Алкуин прославил его в своей поэме “Святые Йорской Церкви”. Перечисляя различные комментарии Беды на Св. Писание, он приводит любимую фразу самого Беды: “Он шел по стопам святых Отцов”. Бонифаций, епископ Майнцский, просил прислать его сочинения в помощь своей миссионерской работе во Фризии, называя Беду “свечой Церкви, зажженной Духом Святым”. В IX в. Ноткер Заика из монастыря Сен-Галлен отзывался о нем как о “новом солнце Запада, призванном просветить весь мир”. А вот высказывание, хотя достаточно позднее, кардинала Беллармина (XV в.), процитированное папой Львом XIII в документе, по которому Беда признавался Учителем Церкви: “Беда просветил Запад, Дамаскин — Восток”. Это сравнение показывает, что к XV в. Беда считался не только историком Церкви, что отражает древние воззрения на его труды.

Учебники, самые ранние произведения Беды, долгое время считались лучшими в школах Западной Европы. Сочинения Беды по хронологии переписывались и использовались в тех монастырях, где был особенно велик интерес к астрономии. Его таблицы Пасхалий были незаменимы для составления литургического календаря на каждый год. Выводы, сделанные Бедой в области естествознания на основе наблюдений и подтвержденные экспериментально, не пересматривались вплоть до XVII века. Беда был первым историком, который повел отсчет времени от Рождества Христова. “Церковная история англов”, дошедшая до нас в более чем 150 списках, остается наиболее известной и

читаемой его книгой и по сей день. Эта книга является едва ли не единственным источником по ранней истории Англии. Комментарии на Св. Писание и проповеди, которые сам Беда всегда ставил на первое место в списке своих сочинений, сейчас, к сожалению, наименее известны и читаемы.

В творчестве Беды автобиография тесно переплетается с историей, потому что история христианства для него — это история в лицах.

“Жизнь отцов настоятелей Беармута и Ярроу” написана до 716 г. Это уникальное свидетельство о жизни самого известного монастыря Англии конца VII в., воссоздающее духовный облик его подвижников — основателя монастыря Бенедикта Бископа и его преемника Кеолфрида — и содержащее сведения о строительстве монастырских храмов и об иконах, их украшавших, о монастырских библиотеках и земельных владениях, о повседневной жизни братии. В период после XI в. это произведение Беды стало образцом для монахов-хронистов, составлявших истории своих обителей.

“Житие св. Катберта” было составлено Бедой на основе более раннего текста, написанного неизвестным монахом из монастыря Линдисфарн. Каждая глава “Жития” — это исследование жизни епископа-отшельника, почти современника Беды, в свете Св. Писания. Работая над новым вариантом “Жития”, Беда тщательно проверял все, что было известно об этом прославленном нортумбрийце, а затем отдал свой труд для прочтения братии Линдисфарнского монастыря, помнившей своего епископа и настоятеля. Но точность жизнеописания человека, который жил и умер на памяти современников Беды, не была для него самоцелью: он стремился связать каждое событие из жизни Катберта с евангельским идеалом и раскрыть, насколько это возможно, сокровенную жизнь подвижника во Христе.

Последнее сочинение Беды — “Церковная история англов”, завершенная в 731 г., — величайший исторический труд, созданный не в Риме или в Византии, а в варварском мире. “Церковная история” — это богословие, приложенное к повествованию о прошлом. Рассказ о событиях, имевших место давно или недавно, призван открывать Божий Промысел в истории и повседневности.

“Церковная история англов” имеет жесткую структуру, основанную на периодизации, восходящей к бл. Августину: мировая история (и соотношенная с нею история Англии) разделяются на шесть “веков”, соответствующих шести дням Творения, а также шести возрастам человека.

История англосаксов отнесена к шестому “веку”, на который проецируются пять “веков” человечества (отсюда — пять книг “Церковной истории”). Первый “век”, согласно Бедо, начался

после грехопадения Адама, которое было началом истории, и продолжался до Ноя. Это первый возраст каждого человека, младенчество. Соответственно, первая книга “Церковной истории” — о младенчестве англосаксов как христиан. Центральное место в ней отведено миссии Августина, который был послан проповедовать Евангелие англосаксам и крестить их, то есть родить их в Духе. Второй “век” — от Ноя до Авраама — был детством человечества, временем, когда был изобретен язык. Вторая книга “Церковной истории” повествует о первом поколении англосаксонских христиан, о начале Церкви и кончается временем первой проповеди Евангелия в Нортумбрии. Третий “век”, от Авраама до Давида, — юность человечества, соответствует первым десятилетиям жизни Нортумбрийской Церкви, описанной в третьей книге, тогда как четвертый “век”, от Давида до переселения Вавилонского, возраст зрелости, соотносится с четвертой книгой, где описан приезд в Британию Феодора Тарсянина и Адриана, способствующих устроению единой Английской церкви. Пятый “век”, время старости, от переселения Вавилонского до Рождества Христова, когда человечество переживало частые катастрофы, потому что одряхлело. В последней книге “Церковные истории” Беда под 729 годом записал, что появились две кометы, предрекающие жестокие несчастья миру. Это для Беды означало, что мир клонится к своему упадку, потому что находится в возрасте немощной старости и близится к смерти. Шестой и седьмой “века” жизни человечества текут как бы параллельно: шестой проходит на земле, седьмой начинается на небе.

Те, для кого смерть явилась лишь переходом к вечной жизни, победили эти возрасты мира, они восхищаются в седьмой “век” Вечной Субботы и ожидают восьмого “века” Воскресения, в котором они будут царствовать с Господом.

Каждая из пяти книг “Церковной истории” содержит жития святых, уже пребывающих в седьмом “веке” Вечной Субботы со всей Церковью Торжествующей и ожидающих восьмого “века” Воскресения. Таким образом, история маленькой Англии становится отражением Божественного Промысла в отношении всего человечества.

Жизнь отцов-настоятелей Веармута и Ярроу

Книга I

Бенедикт Бископ, благочестивый последователь Христов, вдохновленный благодатью свыше, основал монастырь в честь блаженнейшего Петра, первого среди апостолов, на северном бе-

регу реки Веар, ближе к ее устью, с помощью досточтимого и святого короля Эгфрида, пожертвовавшего землю для этого монастыря. В течение шестнадцати лет, несмотря на многие болезни и бремя странствий, Бенедикт управлял им с такой же заботой и добросовестностью, с какой отнесся к его постройке. Приведем слова блаженного папы Григория, сказанные в похвалу одноименному отцу: "Был муж достопочтенной жизни, по имени и благодати Бенедикт (благословенный), который от самого отрочества хранил чистоту сердца. Чистотою нравов он возвышался над летами и не подчинял души своей никакой страсти"¹. Бенедикт происходил из благородного английского семейства, и его ум — не менее благородный, чем его рождение, — был постоянно устремлен к жизни небесной. Ему было около двадцати пяти лет и он был одним из военачальников короля Освиу, когда тот пожаловал ему во владение земли, приличествующие его положению. Но Бенедикт оставил преходящее богатство, чтобы обрести вечное, презрел службу у земного правителя с ее тленными наградами, чтобы сражаться за Истинного Царя и обрести венец в Его Небесном граде. Он оставил свою родину, дом и семью, ради Христа и Св. Евангелия, чтобы получить сторицею и наследовать жизнь вечную². Он отверг узы земного брака, чтобы, совершив славный подвиг воздержания, в Царствии Небесном следовать за непорочным Агнцем девственности³. От отказавшись родить чад по плоти, будучи предуготован Господом воспитывать Ему сынов, вскормленных духовным учением, для жизни вечной.

Итак, Бенедикт покинул родину и отправился в Рим, где, во исполнение своего давнего и горячего желания, посетил гробницы апостолов и поклонился их святым мощам. Вернувшись домой, он искренно посвятил себя тому, чтобы сделать известными насколько возможно широко те обычаи церковной жизни, которые он узнал, полюбил и привык исполнять в Риме. Затем Альхфрид, сын вышеназванного короля Освиу, решил отправиться в паломничество к "Дому апостолов" и вознамерился взять с собой Бенедикта. Но от поездки Альхфрида удержал его отец, Освиу, принудив его остаться в своей стране и королевстве. Бенедикт же, юноша, имевший от природы склонность к благому, не оставив начатого путешествия, с величайшей поспешностью отправился в Рим. Это происходило в правление блаженной памяти папы Виталиана. На этот раз, как и прежде, Бенедикт немало наслаждался приобретением полезных знаний. Пробыв в Риме несколько месяцев, он отправился в Лерин⁴, где поступил в число братии, принял постриг, принес монашеские обеты и следовал учению Устава с надлежащим тщанием. После двухлетнего обучения монашеской жизни, вновь побуждаемый любовью к пер-

вому из апостолов, он решил еще раз пройти по городу, освященному присутствием мощей св. Петра.

Вскоре после этого на Лерин прибыло торговое судно, и Бенедикт смог осуществить желаемое. В это время Эгберт, король Кантии⁵, послал из Британии в Рим мужа по имени Вигхард, избранного для хиротонии во архиепископа. Вигхард был воспитан в Кантии учениками папы Григория, приехавшими из Рима; он был сведущ во всех тонкостях церковного устройства. Эгберт весьма желал, чтобы Вигхард был рукоположен во архиепископа, рассчитывая, что если у него будет архипастырь из его собственного народа, говорящий на его языке, то он и его подданные смогут глубже постичь учение и таинства своей веры, получая наставления от своего сородича и соплеменника и слушая их не через переводчика, а на своем родном языке. Вигхард приехал в Рим, но прежде чем он был рукоположен, он и его спутники стали жертвами внезапно приключившейся болезни. Папа не пожелал, чтобы это благочестивое посольство верных закончилось неудачей из-за смерти посланных, и, посоветовавшись, избрал одного из своих собственных братьев, чтобы тот отправился в Британию как архиепископ. Он выбрал Феодора, мужа, одаренного церковным и светским знанием и свободно говорящего латыни и по-гречески. В спутники и советчики ему папа назначил Адриана, столь же деятельного и благоразумного, сколь и Феодор. Оценив достоинства Бенедикта, его мудрость, благочестие и усердие, папа поручил новопоставленного архиепископа и его спутников его заботам. Папа приказал Бенедикту прервать свое паломничество, которое тот предпринял ради Христа, и вернуться на родину из соображений большей пользы, дабы сопроводить к Эгберту учителя истины, которого король так сильно желал видеть и которому Бенедикт мог служить двояко: как проводник на пути домой и как переводчик во время проповеди. Бенедикт поступил так, как его просили. Путешественники прибыли в Кантию, где были приняты очень благосклонно. Феодор был возведен на архиепископский престол, а Бенедикту вверили монастырь св. Петра, настоятелем которого позже стал Адриан.

После двухлетнего настоятельства в этом монастыре Бенедикт снова уехал из Британии в Рим. Это было его третье путешествие, завершившееся так же благополучно, как и предыдущее. Он привез множество книг по всем отраслям божественного знания. Некоторые из них были куплены им по сходной цене, другие были даром щедрой дружбы. По дороге домой он забрал во Вьенне ранее купленные книги, вверенные заботам его друзей. Достигнув Британии, Бенедикт подумал, что он мог бы навестить Кенвалха, короля западных саксов, который был его другом и чья доброта неоднократно выручала его. Однако в это время Кенвалха постигла внезапная и скорая смерть. Поэтому Бене-

дикт отправился к своим соплеменникам и, направив стопы свои к месту своего рождения, пришел к Эгфриду, королю Нортумбрии. Он рассказал королю все, что он делал с тех пор, как юношей покинул родину; он не скрыл от короля желания, к которому побуждала его пылкая вера: основать в этих местах монастырь; он изложил все, что он узнал о Церкви и монашеской жизни, живя в Риме и других местах; он поведал королю, сколько священных книг и св. мощей блаженных апостолов и мучеников он привез в Британию. И столь великую милость снискал Бенедикт у короля, что тот немедленно пожаловал ему из своих собственных земель участок земли величиной в семьдесят фамилий и велел ему построить там монастырь в честь св. Петра, первоверховного пастыря Церкви. Монастырь был построен, как я отметил в начале, на северном берегу реки Беар, у ее устья, в год Рождества Христова шестьсот семьдесят четвертый, второго индикта и в четвертый год правления короля Эгфрида.

Спустя год после начала работ по постройке монастыря, Бенедикт отправился морем в Галлию в поисках каменщиков, которые могли бы возвести ему каменную церковь по образцу любимых им римских церквей. Он нашел таковых, нанял их и привез их с собой в Британию. И так велико было его усердие в трудах из любви к блаженному апостолу Петру, в честь которого было начато это строительство, что через год после закладки фундаментов церковь была подведена под кровлю, и можно было вообразить, как в ней будет совершаться торжество литургии. Когда работы приближались к завершению, Бенедикт послал доверенных людей в Галлию, чтобы они привезли оттуда стекольщиков-ремесленников, в ту пору в Британии неизвестных, — чтобы застеклить окна в церкви, на хорах и в часовнях⁶. Стекольщики приехали, как их просили, но они не просто выполнили порученное; они помогли англам самим узнать и научиться искусству стеклоделания. Это искусство оказалось бесценным для изготовления лампад и многих других церковных сосудов. Бенедикт также был благочестивый собиратель всего необходимого для службы в церкви и в алтаре, например, Св. Сосудов и облачений, и позаботился о том, чтобы то, что нельзя приобрести в Британии, было бы доставлено из заморских стран.

Бенедикт был неутомим в своих попытках обеспечить свой монастырь всем необходимым: украшения и иконы, которые он не мог найти в Галлии, он выискивал по всему Римскому миру. Как только основанная им обитель начала жить упорядоченной жизнью, по Уставу, он отправился в Рим в четвертый раз, возвратившись оттуда с большим количеством духовных сокровищ, чем когда либо прежде. Во-первых, он вернулся со множеством разного рода книг. Во-вторых, он привез великое собрание св. мощей блаженных апостолов и христианских мучеников, которые

вскоре наполнили столь великой благодатью многие церкви англов. В-третьих, он ввел в своем монастыре способ пения молитв и псалмов и совершения службы, согласно обычаям, принятым в Риме. Для этого папа Агафон по просьбе Бенедикта предложил ему в качестве регента канонарха собора св. Петра и настоятеля монастыря св. Мартина, по имени Иоанн. Бенедикт привез его с собой в Британию и поставил его во главе хора своего монастыря. Иоанн не только научил монахов чину пения, принятому в церквях Рима, являясь для них живым примером, но и вверил большую часть своих поучений письму. Эти записи до сих пор хранятся в память о нем в монастырской библиотеке. Четвертым — и немаловажным — даром, который привез Бенедикт, была грамота досточтимого папы Агафона, дающая привелегии монастырю. Она была получена с разрешения Эгфрида, по его желанию и увещанию. Грамота эта утверждала полную безопасность и независимость монастыря посредством пожалования ему вечного освобождения от вмешательства извне. В-пятых, он привез много икон, изображающих святых, для украшения церкви св. Петра, которую он построил: образ блаженной Богородицы и Приснодевы Марии и образа двенадцати апостолов, которые он поместил вокруг центральной арки, по самому ее краю, на деревянной раме, идущей от стены к стене, а также картины, изображавшие события из Евангельской истории, которыми он украсил южную стену, и сцены из видения Страшного суда блаженного евангелиста Иоанна для северной стены. Таким образом все, кто входил в церковь, даже те, кто не умел читать, могли, в какую бы сторону они ни смотрели, созерцать сладчайший лик Христа и Его святых, хотя бы на картине, чтобы более твердо вкоренить в ум Воплощение Господне. Когда же перед самыми их глазами оказывалось изображение Страшного суда, они могли исследовать свою совесть со всей подобающей строгостью. <...>

Книга II

<...> еще через четыре месяца Бенедикт, победитель греха и доблестный подвижник, сам был побежден телесной немощью и приблизился к своему последнему часу. И вот наступила холодная ночь, задули зимние ветры; но для святого мужа вскоре должен был наступить день вечного блаженства, света и покоя. Братия собралась в церкви, погруженные в бдение среди ночной тьмы, молились и пели псалмы, облегчая этим скорбь, которую они испытывали от ухода их духовного отца, постоянным словословием Богу. Некоторые из них оставались все время в келии, где Бенедикт, немощный телом, но сильный духом, с нетерпением ожидал ухода смерти и начала жизни вечной. Для облегчения его страданий священник читал ему Евангелие в течение этой и

предыдущих ночей. Св. Причастие Тела и Крови Господней было принесено ему как напутствие, когда приблизился час смерти. И так эта святая душа, испытанная и усовершенная жгучей болью долгого, но спасительного страдания, покинув земное горнило плоти⁷, излетела к славе вечного блаженства. Псалом, который в этот миг пели для Бенедикта, свидетельствует о том, что его душа победно вступила в Небесное Царство без препятствия или задержки от злых духов. Ибо в сумерки братия собрались в церкви и пели псалмы по порядку, и они дошли до восьмьдесят второго псалма, который начинается словами: "Боже! Не премолчи, не безмолвствуй и не оставайся в покое..."⁸ Общий смысл всего псалма в том, что враги имени Христова, плотские и бесплотные, не прекращают своих попыток разрушить и уничтожить Церковь Христову и каждую душу в ней, какой бы верной эта душа ни была; но, напротив, они сами будут обращены в бегство и приведены в смятение и погибнут для вечности, побежденные Самим Господом, Которому никто не может считать себя равным, ибо Он один выше всего земного. В том, что этот псалом пели в тот самый миг, когда душа Бенедикта покидала тело, было справедливо усмотрено правосудие Божие, чтобы с Божией помощью ни один враг не мог возобладать над святым. Этот исповедник веры почил в Боге накануне январских Ид⁹, в шестнадцатый год от основания монастыря. Он был похоронен в церкви блаженного апостола Петра. Таким образом, и по смерти он не был удален плотью от того, кого он всегда почитал во время своей земной жизни и кто отверз ему врата Рая. Бенедикт управлял монастырем, как мы сказали, в течение шестнадцати лет, первые восемь лет сам, без назначения наместника, остальное время — с помощью святых и досточтимых Эостервине, Сигфрида и Кеолфрида <...>

Третий из них, Кеолфрид, был мужем острого ума, трудолюбивым и деятельным, отличался зрелостью суждений, ревностной верой. Прежде Кеолфрид, как мы отмечали выше, по благословению и с помощью Бенедикта основал монастырь св. Павла, наблюдал за его строительством и возглавлял его в течение семи лет. Затем оба монастыря оставались под его мудрым управлением в течение двадцати восьми лет; точнее, он был настоятелем одного монастыря — св. апостолов Петра и Павла, — расположенного в двух местах. Кеолфрид позаботился о скорейшем доведении до конца всех значительных дел благочестия, начатых его предшественником; среди других необходимых трудов, которые ему выпало совершить во время своего длительного настоятельства, он построил несколько часовен. Он также увеличил запас церковной утвари Св. Сосудов и разного рода облачений. Он удвоил количество книг в обоих монастырских библиотеках с ревностью, равной той, которую проявил Бенедикт при их ос-

новании. Он прибавил три списка нового перевода Св. Писания к списку старого перевода, который он привез из Рима. Одну из этих Библий Кеолфрид взял с собой в качестве пожертвования, когда отправился в Рим в старости, две другие завещал своим монастырям. <...>

<...> когда Кеолфрид стал стар и достиг полноты дней, он понял, что немощи преклонного возраста сделали его неспособным поддерживать дольше, словом или делом, необходимую духовную высоту в тех, кто был ему подчинен. Он долго обдумывал это и наконец решил, что будет лучше, если, основываясь на изложенном в монастырской грамоте, содержащей привилегии, и в уставе св. Бенедикта¹⁰, братия выберут одного из своей среды, который бы более подходил для настоятельства. Это он и поручил им сделать. В отношении же себя, у него было намерение посетить гробницы св. апостолов в Риме, куда он ездил с Бенедиктом, когда был молод. <...>

Сначала вся братия воспротивилась его решению, упав на колени и умоляя его со слезами и рыданиями, но в конце концов Кеолфрид настоял на своем. И столь велико было его желание, что он отправился в путь спустя всего три дня после того, как открыл братии свое тайное намерение, ибо он боялся (и его страхи оправдались), что может умереть, не достигнув Рима. В то же время он хотел избежать задержки со стороны своих друзей и знатнейших мужей, которые его очень почитали. Не хотел он также и получать деньги, за которые он не был бы в состоянии сразу вознаградить дарителей, потому что имел обыкновение всегда давать за предложенный ему дар столь же ценностей немедленно или немного времени спустя. Потому накануне июньских Нон¹¹ — это было утром четвертого дня, как только в церкви Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а также в церкви св. Петра была отслужена литургия, на которой все присутствовавшие духовно соединились в причастии Св. Тела и Крови Господней, — Кеолфрид немедленно приготовился к отъезду. Все братия собрались в церкви св. Петра, и, после того как сам Кеолфрид воскурил ладан и произнес молитву перед Престолом, он дал каждому из присутствующих целование мира, стоя на ступенях алтаря с кадилом в руках. Из церкви братия, прерывая литании плачем, перешли в часовню блаженного мученика Лаврентия, которая стояла напротив, перед кельями братиев. Кеолфрид попрощался со всеми в последний раз, побуждая их к сохранению взаимной любви и исправлению обидчиков, как предписано Евангелием. Он предложил всем, кто в чем-либо сильно провинился перед ним, благодать своего прощения и милости; он просил всех, кого он, возможно, слишком сурово убеждал, примириться с ним и молиться за него. Отъезжающие и провожающие их братия вышли на берег реки; снова Кеолфрид

дал всем целование мира среди плача и слез. Все преклонили колени, и, помолившись, Кеолфрид и его спутники поднялись на корабль. Диаконы церкви св. Петра взошли на корабль вместе с ними, неся зажженные свечи и золотой крест. Переправившись через реку, Кеолфрид поклонился кресту, сел на коня и отправился в путь <...>

Кеолфрид, как было сказано прежде, торопился к "Дому апостолов", но был сражен болезнью и окончил дни свои прежде, чем прибыл в Рим. Он успел доехать только до Лингоны¹², примерно в третьем часу дня, и в десятый час того же дня душа его вознеслась ко Господу. На следующий день он был похоронен со всеми подобающими почестями в церкви Трех Братьев Мучеников¹³ под слезы и стенания не только восьмидесяти или более ангелов, которые были его спутниками, но также и местных жителей, взволнованных тем, что столь достойный старец лишился награды в виде исполнения своего желания. И никто не мог удержаться от слез при виде некоторых спутников Кеолфрида, отправившихся в путешествие без своего духовного отца, в то время как другие оставили желание отправиться в Рим, предпочитая вернуться домой, чтобы рассказать о его погребении; иные же из неумирающей любви к усопшему решились поселиться у его могилы среди людей, чей язык был им непонятен.

Житие св. Катберта

Глава 1

*О том, как отроку Божию Катберту через младенца
было дано предсказание епископства*

Начнем описывать житие и чудеса блаженного отца Катберта, обратясь к священным словам пророка Иеремии, который, прославляя состояние совершенного отшельничества, говорит: "Благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит, ибо Он наложил его на него"¹⁴. Воспламененный сладостью этого блага, муж Божий Катберт с юных лет принял на себя иго монашеского обычая, и, как только выдалась возможность, он также обратился к отшельнической жизни, радуясь тому, что немалое время он проводит в молчании, не слыша людских бесед и предаваясь созерцанию Бога. Но для того, чтобы это могло произойти с ним в более зрелом возрасте, небесная благодать с первых лет отрочества постепенно побуждала его обратиться на истинный путь, ибо до восьми лет, до возраста, идущего первым после младенчества и начинающего собой отрочество, Катберт обращался умом только к детским играм и за-

бавам, так что о нем можно свидетельствовать словами блаженного Самуила о самом себе в том же возрасте: Катберт "еще не знал тогда голоса Господа, и еще не открылось ему слово Господне"¹⁵. Это сказано в провозглашение хвалы отрочеству того, кто, достигши зрелого возраста, познает Господа совершеннее и примет слово Божие открытым слухом сердца. Итак, Катберт увеселялся, как мы сказали, забавами и шумными играми и, как требовал его возраст, жаждал участвовать в детских сборищах и играть вместе со всеми. От природы Катберт был подвижен и имел живой ум; когда дети состязались в игре, он обычно превосходил их, так что подчас, когда прочие уставали, он оставался неутомим и оглядывался, ликующий, словно победитель, ища кого-нибудь, кто желал бы с ним бороться снова. Когда дети занимались прыжками, бегом, борьбой или какими-нибудь другими телесными упражнениями, он гордился тем, что побеждал всех своих ровесников и даже некоторых более старших детей. Ибо, когда он был младенцем, то по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал, когда же он стал мужем, то совершенно оставил младенческое¹⁶. И притом Божественное Правосудие сначала соизволило воспитать возвышенность отроческого духа через столь же достойного учителя. Вот как блаженной памяти епископ Трумвине передавал сообщенное ему самим Катбертом. Однажды на некоем поле толпа безрассудных детей занималась обычной борьбой, в которой принимал участие и Катберт, и, так как состязающимся всегда присуща подвижность, многие из них изгибали члены свои против приличествующего природе состояния. Внезапно один из маленьких мальчиков, трех лет, подбегает к Катберту и серьезно, словно старец, начинает побуждать его не предаваться играм и шуткам, но подчинить ум и тело постоянству. Когда же Катберт презрел его увещевания, мальчик в горести упал на землю, заливаясь слезами. Подбежали и прочие дети, чтобы утешить его, но он продолжал плакать. Дети спросили его, что это с ним вдруг случилось, что побудило его к столь великим рыданиям. И мальчик воскликнул, наконец, обращаясь к утешавшему его Катберту: "Что ты, святейший предстоятель и пастырь Катберт, творишь противное и сану своему, и природе? Не пристало тебе, тому, кого Господь от рождения предназначил быть наставником добродетели даже и для старейших тебя, играть среди детей!" Катберт, имевший от природы склонность к благу, выслушал это с большим вниманием и, утешив опечаленного ребенка добрыми и ласковыми словами, оставил тут же пустые игры и возвратился домой. С того времени он стал проводить более воздержную жизнь и начал возрастать духом. Без сомнения его душу внутренне научал Св. Духом Тот, Чей глас достиг его слуха чрез уста младенца. Неудивительно, что резвость одного ребенка могла быть сдержана через другого по

воле Бога, Который, обличая пророка в беззаконии, пожелал дать разумные слова бессловесной ослице, во славу Которого правдиво сказано: "Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу"¹⁷.

Глава 3

О том, как, изменив направление ветров молитвой, Катберт вернул к берегу плоты, унесенные в море

С того времени отрок, преданный Богу, как позже о нем самом свидетельствовали его друзья, в бедах молясь Господу, часто удостоивался защиты ангельским предстательством, равно как и другие, находившиеся в беде, о которых он молился, ибо вызывающий к благодетельному милосердию Божию услышан был Тем, Кто обычно слышит вызывающего к Нему нищего и от всех скорбей избавляет его. Был монастырь, находившийся недалеко от устья реки Тин, на южном ее берегу, некогда мужской, а ныне, поскольку со временем, как это случается, положение вещей изменилось, принадлежащий честному собранию дев, служащих Христу. И вот, однажды рабы Христовы издали сплавляли по реке бревна, связанные в плоты, для нужд монастыря. Они уже достигли места, находящегося напротив этого монастыря, и попытались вытащить плоты на берег, как вдруг западный ветер, поднявшись неожиданно, унес плоты и стал увлекать их к устью реки. Когда братия из монастыря увидели это, они спустили на воду несколько лодок и старались помочь тем, кто оказался в беде на плотах, но, побежденные силой течения реки и свирепостью ветров, ничего не смогли сделать. Потеряв надежду на человеческую помощь, они прибегли к Божественной, вышли из монастыря и, пока плоты качались в море, собравшись на ближайшей к воде скале, преклонили колени, смиренно моля Господа о тех, кого видели навлекшими на себя столь великую опасность смерти. Но Провидением Божиим их молитвы долго оставались без ответа, очевидно, для того, чтобы было открыто, сколь велик дар молитвы у Катберта. Ибо на противоположном от монастыря берегу реки стояла немалая толпа народа, среди которого находился сам Катберт. И когда эти люди увидели, что плоты, на которые печально смотрели монахи, уже так далеко были унесены в море, что казались пятью малыми птицами, качающимися на волнах, они начали высмеивать монашескую жизнь, словно происходящее с монахами, унесенными в море, было возмездием за то, что они, отвергая законы мирской жизни, ввели новые и неизвестные законы жития. Катберт же воспрещал насмешникам ругаться, спрашивая: "Что делаете, братия, злословя тех, кого видите уже влекомыми к смерти? Не лучше ли было из человеколюбия молиться Господу об их спа-

сении, чем радоваться их беде?» Но они, возмутившись против него грубым сердцем и устами, сказали: «Пусть никто из людей за них не молится, пусть никого из них не милует Бог, потому что они лишили людей их старых обычаев, и никто не знает, как молиться по-новому». Получив такой ответ, Катберт сам преклонил колени, чтобы помолиться Господу, склонился головой до земли, и тотчас изменилось направление ветров, которые повернули плоты с управлявшими ими монахами и, к их радости, выбросили их на берег в удобном месте около самого монастыря. Увидев это, народ устыдился своего неверия, веру же досточтимого Катберта превозносили должным образом и с тех пор не переставали восхвалять ее, так что некий добродетельный брат нашего монастыря, от которого я сам узнал эту историю, рассказывал, что он слышал об этом в присутствии многих от одного из той толпы, мужа весьма простого и совершенно неспособного измыслить неправду.

Глава 4

О том, как, находясь среди пастухов, Катберт видел душу святого Айдана, возносимую к небу ангелами

Когда благодать Христова, управляющая жизнью верных, пожелала, чтобы раб ее принял на себя более суровый подвиг для того, чтобы оказаться достойным славы более высокого воздаяния, Катберту выпало на долю охранять в далеких горах вверенный ему скот. Однажды ночью, когда товарищи его спали, а он, бодрствуя по обычаю, упражнялся в молитве, Катберт внезапно увидел, что ночной мрак расторгнут видимым издалика столбом света, поднимающимся к небу; он увидел, как внутри этого светового столба хоры ангельского воинства устремились к земле и через малое время возвратились в свое небесное отечество, неся с собой душу, исполненную необыкновенной благодати. Возлюбленный Богом юноша был весьма поражен этим видением и захотел подчиниться благодати духовного упражнения и заслужить жизнь вечного блаженства среди достойных мужей; он тотчас же воздал Богу хвалу и благодарение и братскими увещаниями побуждал своих товарищей к восхвалению Господа, говоря: «Эй, несчастные, те, кто предался сну и лени, не достойны видеть свет вечно бодрствующих слуг Христовых. Вот, я сам, хотя и малое время, молясь, бодрствовал в полночь, увидел столь великие чудеса Божии. Врата неба отверзлись, и туда в окружении ангелов была введена душа некоего святого. Теперь, когда мы пребываем в дольнейшем мраке, он созерцает непрерывно славу горних обителей и Царя их, Христа. И я полагаю, что я видел некоего епископа, или святого, или лучшего из верных мужей, который был возносим на небо в сиянии такого света, в окружении столь-

ких двухсотниц хоров ангельских". Сказав это, муж Божий Катберт немало воспламенил сердца пастухов к почитанию Божественной славы. Когда же настало утро, он узнал, что душа предстоятеля Линдисфарнской церкви Айдана, мужа особенно высокой добродетели, была разрешена от уз плоти и устремилась к Царству Небесному в то самое время, когда Катберту было это видение. И Катберт, немедленно оставив скот, который пас, его владельцам, решил удалиться в монастырь.

Глава 7

О том, как Катберт, оказывая гостеприимство ангелу, искал земного хлеба, чтобы подать гостю к столу, и заслужил в награду от того хлеб небесный

Когда через несколько лет королю Альхфриду угодно было для спасения своей души пожаловать авве Еате некое поместье в своем королевстве, именуемое Рипон, вышеназванный авва, взявши с собой некоторых братьев, включая и Катберта, воздвиг в том месте постройки, потребные для монастыря, установив там же правила общежития, что и в Мельрозе. Когда слуга Божий Катберт был поставлен во главе гостинников, он оказал гостеприимство Ангелу Господню, посланному, чтобы проверить его верность принесенным обетам. Выйдя рано утром из внутренних строений монастыря к гостинице, Катберт нашел некоего юношу, сидевшего там, и, думая, что тот принадлежит к роду человеческого, тотчас же принял его по обычному закону человеколюбия. Ибо он подал юноше воды, чтобы умыть руки, сам умыл ему ноги, вытер их полотном, а омытые теплой водой руки его смиренно поместил к себе за пазуху, чтобы согреть их; он также попросил гостя остаться до третьего часа и подкрепиться трапезой, чтобы не путешествовать голодным и не утомляться от голода и зимней стужи. Ибо Катберт почитал гостя человеком, утомленным ночной дорогой и метелью и завернувшим на рассвете в монастырь, чтобы отдохнуть. Гость отказался от трапезы и ответил, что должен быстро отправиться в путь, потому что до места, куда он спешил, было далеко. После долгих и многих уговоров Катберт все же упросил его остаться, заклиная его именем Господним. Когда, по исполнении молитв третьего часа, пришло время трапезы, Катберт накрыл стол, принес кушанья и сказал гостю: "Очень прошу тебя, брат, кушай, а я принесу теплого хлеба, ибо надеюсь, что он только что испекся". Когда Катберт возвратился, то не нашел гостя, которого оставил за трапезой; он стал высматривать следы его, чтобы узнать, куда тот ушел, но никаких следов нигде не увидел, хотя землю недавно устлал свежий снег, который легко выдавал следы идущего и показывал, куда удалился путник. Муж Господень, изумившись

и вопрошая себя о случившемся, убрал стол в кладовую. Когда же он вошел в комнату, тотчас почувствовал удивительное благоухание. Оглянувшись по сторонам, чтобы увидеть, откуда происходит столь приятный запах, Катберт увидел три теплых хлеба необычной белизны и приятности, лежащие рядом. Оробев от такого чуда, он сказал себе: "Вижу, что тот, кого я принимал, был Ангел Божий, пришедший питать, а не питаться. Вот, он принес сюда хлебы, которые не в состоянии произвести земля. Ибо они превосходят лилии белизной, розы запахом и мед вкусом. Отсюда явствует, что эти хлебы были не произведены бренной землей, но принесены из рая наслаждений. И неудивительно, что отказался есть пищу людей на земле тот, кто наслаждался хлебом вечной жизни на небе". Итак, муж Божий Катберт, вдохновляемый явленным ему чудом, с того времени еще больше начал упражняться в делах добродетели; и с умножением его подвигов возросла и небесная благодать. С тех пор он часто удостаивался видеть ангелов и беседовать с ними и, когда был голоден, подкреплялся пищей, уготованной для него Господом. В обращении Катберт был приветлив и любезен; когда он, преподавая присутствующим примеры благочестивой жизни, рассказывал о деяниях прежде живших отцов или о том, какими духовными дарами его наградила божественная благодать, он говорил об этом со смирением, стараясь передать это прикровенно, как если бы это произошло с более достойным человеком. Однако те, кто слушал его, понимали, что он говорит о себе самом, по примеру Учителя Языков¹⁸, который иногда открыто повествует о своих подвигах, а иногда говорит как если бы о другом человеке: "Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет восхищен был до третьего неба"¹⁹ и тому подобное.

Глава 10

О том, как Катберт всю ночь молился, стоя в море, и морские животные служили ему, когда он вышел на берег; и брат, который все это видел, расслабленный от страха, был исцелен молитвой Катберта

В то время, когда святой муж в этом же монастыре восходил от силы к силе, возрастая в совершении подвигов и знамений, и слава о делах его распространялась повсюду, жила благочестивая жена и мать служанок Христовых, звавшаяся Эббе, управлявшая монастырем в местечке Колдингем. Она была уважаема всеми за высоту веры и происхождения, ибо была она единокровной сестрой короля Освине. Эббе послала просить мужа Божия, чтобы он удостоил ее и ее монастырь посещения и поучений. Он не мог отказать в этой просьбе рабе Господней. Итак, Катберт пришел

в Колдингем и оставался там несколько дней, проповедуя всем путь истины и возвещая о нем как словом, так и делом. По своему обыкновению он выходил из монастыря, когда все спали, чтобы помолиться в одиночестве, и после долгого ночного бдения возвращался назад к часу общей молитвы. Однажды ночью один из братьев этого монастыря, увидев, что Катберт молча уходит куда-то, тайно отправился вслед за ним, желая узнать, куда тот пойдет и что хочет делать. И вот, наблюдающий последовал за Катбертом, а тот, выйдя из монастыря, спустился к морю, на берегу которого возвышались монастырские постройки, и, войдя глубоко в море, так что вода доходила ему до самой шеи, охваченный духовным трепетом, воздел руки и провел ночь в бдении, воспевая хвалы Богу под шум морских волн. Когда же наступил рассвет, Катберт вышел на берег и снова начал молиться, преклонив колени на песке. В то время, как он молился, из глубины морской появились два зверька, которые в народе зовутся "морские выдры". Они, распростершись перед ним на песке, своим дыханием стали согревать его ноги и очень трудились, вытирая их своей шерстью. Послужив таким образом мужу Божию и приняв от него благословение, они скользнули назад в родные волны. Сам же Катберт, вернувшись в монастырь, исполнил с братией песнопения, полагавшиеся по уставу. Брат, который наблюдал за Катбертом из укрытия, лишившись сил из-за охватившего его необыкновенного страха, шатающейся походкой едва вернулся домой по причине угнетавшей его немощи. Ранним утром он, подойдя к Катберту, распростерся на земле, со слезами умоляя простить его неразумие, не сомневаясь в том, что Катберт знал, что он сделал этой ночью и за что он так страдает. Катберт сказал ему: "Что с тобой брат? Что ты сделал? Неужели ты попытался подсмотреть мой ночной путь? Я буду снисходителен к твоему поступку только при одном условии: обещаю, что до моей кончины ты никому не скажешь, что ты видел". В этом намерении Катберт, несомненно, следовал примеру Того, Кто, явив на горе ученикам величие своей славы, сказал: "Никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых"²⁰. Обещание было дано; Катберт благословил брата и отпустил ему вину, сняв с него болезнь, в которую тот впал по безрассудству. Брат скрывал это чудо в молчании, пока Катберт был жив, а после смерти его он постарался рассказать об этом многим.

Церковная история англов

Кн. I, гл. 7

В это время также пострадал в Британии св. Альбан, о котором святой Фортунат²¹, упоминая блаженных мучеников, пришедших ко Господу от всех пределов земли, сказал в "Похвале девам" следующее:

Плодородная Британия порождает славного Альбана²².

Когда нечестивые правители провозгласили жестокие указы против христиан²³, Альбан, будучи тогда еще язычником, оказал гостеприимство некоему пресвитеру, бежавшему от преследователей. Когда Альбан увидел, что этот муж день и ночь проводит в молитвах и бдениях, то внезапно, удостоившись посещения Божественной благодати, начал подражать его примеру веры и благочестия и мало-помалу, вразумляемый его сительными поучениями, оставив тьму идолослужения, всем сердцем принял Христа. Когда вышеназванный пресвитер прожил у него несколько дней, дошло до ушей злочестивого правителя, что в доме Альбана скрывается исповедник Христов, для которого, однако, еще не пришло время мученичества. Правитель тут же послал своих воинов, чтобы они усердно искали его там. Когда посланные подошли к жилищу святого мученика, св. Альбан немедленно отдал себя в руки солдат вместо своего гостя и наставника, надев его одежду, то есть плащ с капюшоном, который тот носил, как священнослужитель, и, связанный, был приведен к судье.

Случилось так, что в тот час, когда Альбан был введен к нему, судья стоял у алтаря и приносил жертвы демонам. Когда он увидел Альбана, то сразу был охвачен гневом, потому что тот по своей воле предпочел отдать себя в руки воинов и подвергнуть себя опасности ради гостя, которого принимал. Судья приказал подтащить Альбана к изображениям демонов, перед которыми он сам стоял, и сказал: "Так как ты счел, что лучше спрятать мятежника и святотатца, чем выдать его воинам, чтобы тот, кто презирает наших богов, мог понести заслуженное наказание за свое богохульство, ты понесешь то наказание, которое предназначалось для него, если попытаешься отречься от исполнения наших обрядов". Св. Альбан, по своей воле объявив себя христианином перед гонителями веры, ничуть не испугался угроз правителя, но облекся в доспехи духовной брони и открыто отказался повиноваться его приказам. Судья спросил его: "Из какой ты приходишь семьи или народа?" Отвечает Альбан: "Что тебе до того, какого корня я отрасль? Но если ты желаешь узнать истину о моей вере, знай, что я уже христианин и посвятил себя

служению Христу". Судья сказал: "Я спрашиваю о твоём имени, которое ты должен сказать мне без промедления". И святой сказал: "Мои родители называли меня Альбаном, и я всегда поклоняюсь и служу Богу истинному и живому, сотворившему весь мир". Тогда судья, охваченный яростью, сказал: "Если ты желаешь наслаждаться блаженством вечной жизни, не откладывая, принеси жертву великим богам". Альбан ответил: "Жертвы, которые вы приносите демонам, не могут ни подать помощь тем, кому они предназначены, ни принести исполнения желаний и прошений тем, кто молится этим демонам. Напротив, тот, кто приносит жертвы идолам, получит в качестве воздаяния вечные муки ада".

Услышав это, судья, движимый сильнейшей яростью, приказал бить святого исповедника Божия, надеясь, что бичеваниями скорее, чем словами, сможет размягчить постоянство его сердца. Альбан же, подвергнутый жесточайшим пыткам ради Господа, напротив, даже радостно вынес их. И когда судья ясно увидел, что он не сможет при помощи пыток ни одолеть его, ни отвратить от христианской веры, то приказал обезглавить мученика.

Когда Альбана вели на смерть, он и стража подошли к полноводной реке, которая текла между городской стеной и местом казни. Он увидел там немалую толпу народа, обоих полов, различных возрастов и состояний, которая без сомнения, по Божию внушению, собралась посмотреть на добровольное страдание блаженного исповедника и мученика. Все эти люди столпились на мосту, так что до вечера нельзя было перейти реку. Одним словом, почти все вышли из города, а судья остался там в одиночестве, без своих слуг. Итак, св. Альбан, обратив мысли свои к скорейшему мученичеству, подошел к водному потоку и возвел очи к небу; тотчас же русло реки пересохло, и Альбан увидел, что волны замедлили свой бег и дали путь его стопам. Среди тех, кто видел это, был и палач, который должен был казнить Альбана; он поспешил к месту казни, побуждаемый, несомненно, Божественным велением, и, бросив обнаженный меч, который крепко держал в руке, пал к ногам святого, страстно желая удостоиться смерти вместе с мучеником или вместо того, кого ему было приказано убить.

Итак, когда он стал из преследователя братом в истине и вере и бросил меч на землю, среди палачей произошло естественное замешательство; в это время достойнейший исповедник Божий взошел вместе с народом на гору, которая находилась в пятистах шагах от места казни и была, как и полагается, приятна и красива, украшена, как вышивкой, различными цветами и одета травами; нигде она не была ни недоступной, ни крутой, ни обрывистой, но Природа выровняла ее склоны со всех сторон, так что они плавно спускались к морю, и предназначила ее для освяще-

ния кровью блаженного мученика. Взойдя на гору, св. Альбан помолился, чтобы Бог дал ему воду, и тут же у ног его забил неиссякающий источник, заключенный в свое русло; так что все признали, что даже водный поток служит мученику Божию. Ибо не могло так случиться, чтобы мученик, не оставивший воды в реке, захотел получить ее на вершине горы, если бы не увидел в этом пользы. Река, воздав почести святому и исполнив долг любви, вернулась к своему природному руслу, но оставила после себя свидетельство своей службы. И вот, в этом-то месте доблестнейший мученик был обезглавлен и принял венец жизни, который Господь обещал любящим его. Но тому, кто коснулся нечестивыми руками честной шеи, не было позволено радоваться смерти святого; ибо глаза его упали на землю одновременно со главой блаженного мученика.

Затем там был обезглавлен и воин, удержанный Божиим произволением от убийства святого исповедника Божия; из этого, несомненно, следует, что, даже не будучи омытым в струях крещения, он очистился в струях своей крови и удостоился войти в Царствие Небесное. Тогда судья, потрясенный новостью о столь великих чудесах Божиих, немедленно приказал прекратить преследования, начав воздавать почести пролитой крови святых, хотя прежде он верил, что может мучениями отвратить их от преданности Христу. Св. Альбан пострадал в десятый день Июльских календ²⁴ около города Веруламий²⁵, который теперь у англов называется Верламакэстир, или Вэклингакэстир; в этом месте позднее, когда для христиан вновь наступили мирные времена, была воздвигнута удивительная и прекрасная церковь, достойная его мученичества. Там до сего дня происходят исцеления больных, и место это не перестает прославляться чудотворениями. <...>

Кн. I, гл. 25

Подкрепленные утешением блаженного отца нашего Григория²⁶, Августин²⁷ и бывшие с ним рабы Христовы вновь отправились на проповедь Слова Божия и достигли Британии. В это время правил в Кантии могущественный король Эдильберт. Владения его простирались до великой реки Хумбра²⁸, разделяющей земли южных и северных англов. В восточной же области Кантии есть большой остров, называемый Танатос²⁹, величиной, по мерам, принятым у англов, равняющийся шестистам фамилиям. Этот остров отделяется от материковой земли рекой Вантсуму³⁰, которая имеет в длину три стадии, всего два брода и соединяется с морем двумя устьями. И вот здесь высадились раб Господень Августин и его спутники, мужи, которых пришло почти сорок. По предписанию блаженного папы Григория, Августин взял

переводчиков из народа франков и, посылая к Эдильберту, велел сказать, что он пришел из Рима с евангельским благовестием и, без всякого сомнения, обещал тому, кто его примет, вечную радость на небесах и царство бесконечное с Богом живым истинным в будущем веке. Услышав это, король приказал оставить приехавших на том острове, на который они высадились, и снабдить их всем необходимым до тех пор, пока он не решит, как с ними поступить. Ибо и прежде известия о христианской вере доходили до него, так как жена его была христианкой из франкского королевского рода, именем Берта. Эдильберт получил ее от ее родителей с условием, чтобы она, приехав в сопровождении своего наставника, епископа Лиутхарда, могла соблюдать неизменными обряды своей веры.

Через несколько дней король приехал на остров и, расположившись под открытым небом, приказал Августину и его спутникам прийти на это место для беседы с ним. Дело в том, что Эдильберт остерегался встречи с ними в каком-либо доме, боясь, что они, зная какое-нибудь вредоносное колдовство, смогут победить его при помощи злых чар. Но Августин и его сотоварищи пришли, наделенные не бесовской, но Божественной силой, неся серебряный крест как хоругвь, а также образ Господа Спасителя, написанный на доске; и пением литаний они молили у Господа вечного спасения для себя, а равно и для тех, ради кого и к кому они пришли.

И когда, по приказу короля, пришедшие сели и проповедали ему и всем воинам его свиты Слово Жизни, Эдильберт сказал: "Прекрасны слова и обещания, принесенные тобою, но, поскольку они для нас новы и неизвестны, я не могу дать согласие оставить все то, чему я столь долгое время поклонялся вместе со всем народом англов. Но поскольку вы прибыли к нам после долгих странствий и хотите разделить с нами то, что, насколько я понимаю, вы считаете истиной и благом, мы радушно окажем вам гостеприимство и позаботимся доставить все, необходимое для жизни. Мы также не запрещаем вам присоединять к вашей вере всех, кого вы обратите во время проповеди".

Эдильберт дал Августину и его спутникам пристанище в городе Доруверн³¹, который был столицей всего его государства, и, как обещал, снабдил их повседневным пропитанием и не запретил проповедовать. Рассказывали, что они приблизились к Доруверну, неся, по своему обычаю, Св. Крест и образ Великого Царя Господа нашего Иисуса Христа, воспевая созвучными голосами следующую литанию: "Молим Тя, Господи, во всем милосердии Твоем, да отвратится от нас ярость Твоя и гнев Твой от града сего и от дома святого Твоего, ибо мы согрешили Тебе. Аллилуйа".

Кн. I, гл. 26

И когда Августин и его спутники поселились в отведенном им месте, они стали подражать жизни апостолов в Первоначальной Церкви; они посвятили себя непрерывным молениям, бдениям и пощениям, проповедуя, кому могли, Слово Жизни; презирая все сокровища этого мира, как чуждые им, они принимали от тех, кого учили, только то, что казалось им жизненно необходимым; они сами следовали в жизни тому, что проповедовали, и были готовы на страдания, хотя бы и до смерти, полагая душу за ту истину, которую возвещали. К чему промедление? Некоторые уверовали и крестились, удивляясь простоте их безгрешной жизни и сладости их небесного учения. Была близ этого города, к востоку от него, церковь в честь св. Мартина, построенная в старину, еще в то время, когда в Британии жили римляне. В этой церкви королева, которая, как уже говорилось, была христианкой, имела обыкновение молиться. В этой-то церкви Августин с братией стали собираться для псалмопения, молитвы, отправления служб, проповеди и крещения. Когда же сам король обратился в христианство, они получили большую свободу строить или восстанавливать церкви и проповедовать везде.

И когда среди прочих сам король, восхищенный честнейшей жизнью святых мужей и сладчайшими обетованиями, истинность которых они подтверждали многочисленными чудесами и знамениями, уверовав, крестился, многие начали приходить, чтобы услышать Слово Божие, и, уверовав, оставляли обычаи предков и присоединялись ко Святой Христовой Церкви. Рассказывали, что король, хотя и радовался их вере и обращению, никого, однако, не принуждал к принятию христианства, но только окружал верующих более сердечной любовью, как общников Царствия Небесного вместе с ним.

Ибо он узнал от своих учителей и наставников на пути спасения, что поклонение Христу должно быть добровольным, а не принудительным. Он не замедлил подарить своим учителям место жительства, соответствующее их положению, в Дорувэрне, своей столице, а также предоставил им различного рода необходимые владения.

Кн. 2, гл. 9

В это же время народ нортумбрийский, то есть англы, живущие к северу от реки Хумбра, вместе со своим королем Эдвином принял Слово веры, проповеданное Павлином³², о котором мы упоминали ранее. Очевидно, власть этого правителя в земном царстве увеличилась, в предзнаменование принимаемой им веры и Царствия Небесного, так что он, как никто прежде из живших

английских правителей, привел под свою руку все провинции Британии, в которых жили как англы, так и бритты. Эдвин подчинил власти англов даже острова Мевании³³, о которых говорилось выше. Первый из этих островов, лежащий южнее, больше по размерам и богаче по урожаю и изобилию плодов, чем второй, и имеет величину девятьсот шестьдесят фамилий, по мерам, принятым у англов; второй остров имеет пространство в триста и более фамилий.

Вот каков был повод, побудивший этот народ к принятию христианства. Вышеназванный король был связан узами родства с королями Кантии, ибо он взял в жены Эдильбургу, дочь короля Эдильберта; у нее было еще и другое имя — Тата. Когда Эдвин, будучи женихом, просил через посланников разрешения на этот брак у ее брата Эадбальда, который тогда правил Кантией, то получил следующий ответ: не подобает девицу-христианку отдавать в жены язычнику, чтобы вера и таинства Небесного Царя не оскорблялись союзом с королем, который совершенно чужд поклонения Истинному Богу. Когда посланники передали Эдвину эти слова, он обещал, что не будет делать ничего, противного христианской вере, которую исповедовала девушка; напротив, он объявил, что она сможет соблюдать обряды своей веры по обычаю, принятому у христиан, вместе со всеми, кто с ней придет, будь то мужчины или женщины, священники или слуги. Не отвергал он и того, что и сам примет христианскую веру, если, однако, она будет признана более святой и достойной Бога, когда ее исследуют мудрейшие среди нортумбрийцев.

Невеста была обещана и послана к Эдвину; и, согласно договору, был рукоположен во епископа муж Богом возлюбленный Павлин; он приехал в Нортумбрию с Эдильбургой, чтобы ежедневными увещаниями и причастием Св. Небесных Таин укреплять ее и ее спутников, дабы они не могли оскверниться в обществе язычников.

Епископ Павлин был рукоположен архиепископом Юстом³⁴ в двенадцатый день Августинских календ³⁵, в год от Рождества Христова шестьсот двадцать пятый. Он прибыл в свите вышеупомянутой девицы для совершения брака по плоти, но сам всей душой желал призвать народ, к которому он пришел, к познанию истины по гласу апостольскому: “да единому мужу чистую деву представит Христу”³⁶. И когда Павлин прибыл в эту страну, он много, с Божией помощью, потрудился, чтобы сохранить от вероотступничества приехавших с ним и, если сможет, проповедью обратить и других людей из язычников к благодати христианской веры. Но, как сказал Апостол, многое время он трудился, проповедуя Слово Божие “для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа...”³⁷.

На следующий год пришел в эту страну некий убийца, зовущийся Эумер, посланный королем западных саксов, по имени Квикхельм, надеявшимся лишить короля Эдвина одновременно и жизни, и короны. У Эумера был обоюдоострый отравленный кинжал, чтобы Эдвин умер от яда, если рана, нанесенная кинжалом, не станет причиной его гибели. Эумер прибыл к королю в первый день Пасхи, на реку Дерувент, где находился тогда королевский дворец. Он вошел к Эдвину как бы передать послание от своего господина; собираясь передать притворное послание лукавыми устами, Эумер внезапно встал и, выхватив кинжал из-под одежды, бросился на короля. Это увидел вернейший слуга короля, Лилла, и, не имея в руках щита, чтобы спасти короля от смерти, быстро загородил короля своим телом и приняв на себя колющий удар, но вражеский кинжал был вонзен с такой силой, что ранил Эдвина и сквозь тело убитого воина. Дружинники тут же, обнажив мечи, напали на убийцу, и в этой схватке нечестивый кинжал умертвил одного из воинов, по имени Фортхере.

В эту же святейшую ночь Господней Пасхи королева родила дочь, названную Эанфлед. И когда король в присутствии епископа Павлина возблагодарил своих богов за рождение дочери, епископ принес благодарение Господу Иисусу Христу и начал объяснять королю, что обратил свои молитвы к Нему, чтобы королева произвела на свет младенца благополучно и без больших страданий. Обрадованный этими словами, король пообещал отречься от идолов, чтобы служить Христу, если Господь сохранит ему жизнь и даст победу в битве против короля, от которого был послан ранивший его убийца. В залог того, что он исполнит обещанное, король посвятил Христу свою новорожденную дочь и отдал ее епископу Павлину; она была крещена в святой день Пятидесятницы, первая из народа нортумбров, а с нею одиннадцать других членов ее семьи.

Спустя некоторое время король излечился от раны, нанесенной ему прежде, и, собрав войско, вышел против народа западных саксов; начав войну, он или убил, или покорил всех, кто, как он узнал, тайно замышлял погубить его. Однако, вернувшись домой, Эдвин поступил опрометчиво, не желая тут же принять Таинства христианской веры, хотя больше не поклонялся идолам с тех пор, как пообещал, что будет служить Христу. Сначала он решил более глубоко научиться основам христианской веры от самого Павлина, мужа достойного, а также побеседовать со своими советниками, которых он считал мудрецами, и узнать, что они думают об этом деле. Но и сам Эдвин, будучи мужем весьма проникательным, часто проводил долгое время, сидя с сомкнутыми устами, но в глубине сердца много беседовал сам с собой о том, что ему надлежит делать, в какую веру обратиться.

Кн. 2, гл. 12

<...> небесное знамение, которого Эдвин был удостоен по милости Божией, когда он жил в изгнании у Рэдвальда, короля англов, немало способствовало обращению его ума к предсказанному ранее принятию и пониманию спасительного учения Христа. Когда Паулин увидел, сколь тяжело склонить гордыню королевского духа ко смирению спасительного пути и принятию Таинства Животворящего Креста, он для спасения короля и его народа остался в Нортумбрии, произнося слова увещаний к людям и слова молений к милосердию Божию. Наконец, что кажется правдоподобным, Паулин узнал в духе, что за знамение было некогда явлено королю. Затем, не откладывая, он тотчас напомнил Эдвину об обете, который тот дал и поклялся выполнить после явленного ему знамения, если, избавившись от угрожавших ему в то время бед, добьется королевского трона.

Знамение же было таково. Когда Эдвина преследовал правивший до него Эдильфрид, пришлось ему скрываться в течение многих лет, скитаясь под видом странника по разным королевствам. Наконец, Эдвин пришел к Рэдвальду и умолял его, чтобы тот сохранил его жизнь от козней столь могущественного преследователя. Спустя некоторое время Эдильфрид узнал, что Эдвин появился в этом королевстве и живет как друг у Рэдвальда вместе со своими приверженцами. Эдильфрид отправил к Рэдвальду посланников, посуливших тому большие деньги за убийство Эдвина; но это никоим образом не помогло. Тогда Эдильфрид отправил второе посольство, затем третье, предложил серебро как более щедрый дар и вдобавок объявил Рэдвальду войну.

Король Рэдвальд, или испугавшись его угроз, или подкупленный подарками, поддался на уговоры и пообещал, что либо он сам убьет Эдвина, либо выдаст его посланникам Эдильфрида. Некий вернейший друг Эдвина, узнав об этом, вошел в покои, где Эдвин готовился ко сну (ибо был первый час ночи). Вызвав его из его покоев, друг подробно рассказал Эдвину, что король пообещал с ним сделать, и вдобавок сказал: "Если ты пожелаешь, в этот же час я выведу тебя из королевства и доставлю в такое место, где ни Рэдвальд, ни Эдильфрид тебя не найдут". Эдвин ответил: "Благодарю тебя за твою доброту, однако я не могу совершить предлагаемое тобой, то есть, чтобы я нарушил союз, который я первый желал заключить со столь великим королем, когда Рэдвальд не сделал мне ничего дурного и ничем не обнаружил своей враждебности. И если мне придется умирать, лучше уж, чтобы меня предал смерти он, а не кто-нибудь другой,

менее благородный. Да и куда я теперь побегу — я, человек, который уже много лет скитается, кружа, по всем областям Британии, чтобы избежать козней врагов?” Когда его друг ушел, остался Эдвин в одиночестве, сидя под открытым небом перед королевскими палатами. Он сильно смущался умом, не зная, что ему делать или куда направить свои стопы.

И когда Эдвин, безмолвный, долго томился духом и тайный огонь сжедал его, внезапно он увидел во мраке ночи приближающегося к нему человека, лицо и одежда которого были ему незнакомы. Но, неожиданно увидев неизвестного, Эдвин нимало не испугался. Тот, подойдя, приветствовал его и спросил, почему в такой час, когда все удалились на отдых и объаты глубоким сном, он один, бодрствуя, сидит опечаленный, на камне. И Эдвин, в свою очередь, спросил, что ему за дело, проводит ли он ночь на улице или в доме. Незнакомец в ответ сказал ему: “Не думай, что мне неизвестна причина твоей печали и бессонницы; я знаю точно, почему ты сидишь на улице один, кто ты и отчего печалишься, и каких несчастий, ожидающих тебя в будущем, страшишься. Но скажи мне, если бы нашелся человек, который освободил бы тебя от этих несчастий и убедил бы Рэдвальда не выдавать тебя на погибель твоим врагам, какую награду пожелал бы ты дать ему?” Эдвин ответил, что отдаст все, что может, за эту услугу. “А что, если он пообещает, — продолжал незнакомец, — что, когда твои враги будут уничтожены, ты действительно будешь королем, так что превзойдешь могуществом не только своих потомков, но и всех прежде живших королей народа англов?” Эдвин, возбужденный настойчивостью этих распросов, не колеблясь пообещал, что того, кто окажет ему такие благодеяния, он сам вознаградит по достоинству. Тогда незнакомец спросил в третий раз: “Если бы тот, кто предрек тебе, что столь великие и значительные блага и вправду выпадут тебе на долю, смог также дать тебе совет относительно твоего спасения и жизни, лучше которого никто из твоих родителей или родственников никогда не слышал, согласился бы ты повиноваться ему и принять его спасительные увещания?” Эдвин тотчас же пообещал, что во всем будет следовать учению того, кто приведет его к королевской короне, избавив от всех несчастий. Получив этот ответ, собеседник Эдвина немедленно возложил правую руку ему на голову, сказав: “Когда этот знак будет снова явлен тебе, вспомни это время и наш разговор и не замедли исполнить то, что сейчас обещаешь”. И произнеся это, как рассказывают, незнакомец внезапно исчез из виду, так что Эдвин понял, что это был не человек, как он ему явился, но дух.

И когда царственный юноша все еще сидел там, обрадованный доставленным ему утешением, но весьма озабоченный и размышляющий с тревогой о том, кто был или откуда пришел тот,

кто так с ним говорил, подошел к нему вышеупомянутый друг его, приветствуя его с радостным лицом: "Встань и войди в дом; успокойся и оставь опасения; предай покою тело и дух; ибо настроение короля переменилось, он желает не зло тебе сотворить, но сохранить обещанную тебе верность. Те намерения, о которых я раньше говорил тебе, Рэдвальд тайно открыл королеве, и она отговорила его от этого, предостерегая от беды, потому что не приличествует столь великому королю продавать за золото лучшего своего друга, находящегося в несчастии, мало того, честь свою, которая человеку драгоценнее любого украшения, погубить из любви к деньгам". Чего же более? Рэдвальд поступил, как сказано; не только не выдал изгнанника враждебным ему послам, но и помог ему достичь трона. Ибо, когда послы вернулись домой, он собрал большое войско, чтобы одолеть Эдильфрида. Тот вышел навстречу Рэдвальду с неравными силами (ведь Рэдвальд даже не дал ему времени собрать и объединить свое войско) и был убит в сражении на границе с Мерсией, на восточном берегу реки, которая называется Идла; в этой же битве пал и сын Рэдвальда, звавшийся Регнхере. И так Эдвин, в соответствии с явленным ему видением, не только избежал козней своего врага-короля, но после его гибели наследовал ему в славе царствования.

Когда же Павлин проповедовал Слово Божие, король не решился уверовать и, как мы говорили, иной раз часами, не замечая бега времени, сидел один и усердно сам с собою совещался, чтобы понять, что делать и какой религии следовать. Вошедши к Эдвину в один из дней, муж Божий возложил ему на голову правую руку и спросил, узнает ли он этот знак. Когда король, дрожа, хотел упасть к его ногам, тот поднял его и голосом, который показался знакомым, обратился к королю: "Вот, ты Божией милостью избежал руки врагов, которых боялся. И вот, щедротами Того же, ты получил королевство, которого желал. Теперь сделай то третье, что обещал ты выполнить, не откладывая. Прими веру и исполняй предписываемые обряды ради Того, Кто спас тебя от твоих земных врагов и возвысил тебя, удостоив земного царствия. И если отныне ты желаешь подчиниться воле Того, Кто указывает тебе это через меня, то Он избавит тебя от нескончаемых мучений ада и сделает вместе с собою общником Своего вечного царства на небесах".

¹ Св. Григорий Великий, Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души, кн. 2, гл. 1.

² Мф. 19, 29.

³ Ср. Откр. 14, 4.

⁴ Основан св. Гоноратом в 411 г. Важный центр античной и христианской учености.

⁵ Кент.

⁶ Подтверждается данными археологических раскопок на месте монастыря.

⁷ Ср. Пс. 11, 17.

⁸ Пс. 82, 1. В Вульгате 82-й псалом начинается словами: "Deus, quis similis erit tibi?" ("Господи, кто подобен Тебе?").

⁹ 12 января.

¹⁰ Св. Венедикт Нурсийский (480?–550?), составитель Устава, получившего распространение в Западной Европе, основатель монастырей Субиако и Монте-Кассино в Италии.

¹¹ 5 июня.

¹² Лангр, в Бургундии, недалеко от Дижона.

¹³ Свв. Спевсипп, Елевсипп и Мелевсипп (161–180). Память 16/29 января. В Лангре их память почиталась с 5-го в., в их честь там были построены церковь и монастырь.

¹⁴ Плач Иер. 3, 27–28.

¹⁵ 1 Цар. 3, 7.

¹⁶ Ср. 1 Кор. 13, 11.

¹⁷ Пс. 8, 3.

¹⁸ Ап. Павел.

¹⁹ 2 Кор. 12, 2.

²⁰ Мф. 17, 9.

²¹ Венанций Фортунат (ок. 535–600?), еп. Пиктавийский, христианский поэт.

²² MĦna. Auct. Ant. IV, 1 (Carmina. VIII, 3), 185.

²³ Мученичество св. Альбана датируется 305 г., когда в Британии закончились Диоклетиановы гонения (303–305 гг.).

²⁴ 22 июня.

²⁵ Сент-Олбэнс.

²⁶ Св. Григорий Великий, Двоеслов (540?–604), папа Римский, пославший в 596 г. миссионеров в Британию для обращения англосаксов в христианство.

²⁷ Св. Августин (ум. 604), первый архиеп. Кентерберийский, возглавлял первую группу миссионеров, посланных в Британию св. Григорием Великим.

²⁸ Р. Хамбер.

²⁹ Тэнет, остров в устье р. Темза.

³⁰ Вантсум — досаксонское название Темзы.

³¹ Кентербери.

³² Св. Павлин (ум. 644), еп. Йоркский, прибыл в Британию в составе второй группы миссионеров, присланной св. Григорием Великим. в 601 г.

³³ О-ва Англсей и Мэн.

³⁴ Св. Юст (ум. 627), архиеп. Кентерберийский, прибывший со второй группой миссионеров в 601 г.

³⁵ 21 июля.

³⁶ 2 Кор. 11, 2.

³⁷ 2 Кор. 4, 4.

СОДЕРЖАНИЕ

С.С.Аверинцев. Латинская литература IV-VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций.	3
Иларий Пиктавийский. <i>О.Е.Нестерова</i>	19
Изъяснение таин. Книга 1. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	21
Марий Викторин. <i>О.Е.Нестерова</i>	36
Против Ария. Книга 2. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	38
Амвросий Медиоланский. <i>И.П.Стрельникова</i>	55
Вечерняя песнь. Песнь о мучениках. Песнь на третий час. <i>Пер. С.С.Аверинцева</i>	57
Письмо об алтаре Победы. Утешение на смерть Валентиниана II. <i>Пер. И.П.Стрельниковой</i>	59
О девственницах. Книга 2. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	70
Шестоднев. Книга 3. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	83
Иероним. <i>И.П.Стрельникова</i>	97
Письмо 1. К пресвитеру Иннокентию о семижды пораженной мечом. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	99
Письмо 57. К Паммахию о наилучшем способе перевода. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i>	104
Письмо 125. К Рустику о добрых иноках и худых. <i>Пер.</i> <i>О.Е.Нестеровой</i>	118
О знаменитых мужах. Письмо к Евстохии. Письмо к Марцелле о кончине Леи. Письмо к Магну, великому оратору города Рима. <i>Пер. И.П.Стрельниковой</i>	135
Августин. <i>Т.А.Миллер</i>	147
Исповедь. <i>Пер. Т.А.Миллер</i>	152
Об учителе. <i>Пер. В.В.Бибихина</i>	170
О природе блага против манихеев. Против ниспровергателей Закона и Пророков. Против послания манихея по имени Фундамент. <i>Пер. О.Е.Нестеровой</i> . . .	204
Пруденций. <i>Ф.А.Петровский</i>	209
Предисловие. Гимн на пение петуха. Гимн Троице. О венцах. Надписи к историческим картинам. Послесловие. <i>Пер. А.Ф.Петровского</i>	210
Павлин Ноланский. <i>Ф.А.Петровский</i>	220
Переписка Павлина с Авсонием: Послание Авсония К Павлину. <i>Пер. М.А.Гаспарова</i>	222
Послание Павлина к Авсонию. <i>Пер. Ф.А.Петровского</i>	224

Иоанн Кассиан. О.Е.Нестерова	233
Собеседования Отцов. Первая беседа аввы Моисея: Об усмотрении и цели монаха. Вторая беседа аввы Моисея: О распознавании духов. Пер. О.Е.Нестеровой.	236
Лев Великий. О.Е.Нестерова	270
Слово 7. На Рождество Господа слово седьмое. Пер. О.Е.Нестеровой	273
Слово 26. На Великий пост слово первое. Пер. О.Е.Нестеровой	279
Слово 42. О Страстях Господних слово четвертое. Пер. О.Е.Нестеровой	283
Слово 45. О Страстях Господних слово седьмое. Пер. О.Е.Нестеровой	287
Сидоний Аполлинарий. Ф.А.Петровский.	292
Благодарение епископу Фавсту. Сенатору Катуллину. Книге. Купанье в Авитаке. Баня в Авитаке. Экдицию. Ночной улов. Пер. Ф.А.Петровского.	293
Письма. Пер. Ф.А.Петровского	298
Сальвиан. И.П.Стрельникова.	308
О мироправлении Божьем. Пер. под ред. И.П.Стрельниковой.	309
Седулий. Ф.А.Петровский	316
Пасхальное стихотворение. Книга 1. Пер. Ф.А.Петровского	316
Драконтий. М.Л.Гаспаров.	326
Хвала Господу. Пер. М.Л.Гаспарова	327
Эпиталамий Иоанну и Витуле. Пер. М.Л.Гаспарова	332
Максимиан. М.Л.Гаспаров	337
Элегия 5. Пер. М.Л.Гаспарова.	338
Бозтий. Ф.А.Петровский	343
Утешение от Философии. Книга 1. Пер. Ф.А.Петровского .	343
Кассиодор. М.Е.Грабарь-Пассек	357
Разное. Об изучении наук божественных и человеческих. Пер. М.Е.Грабарь-Пассек.	358
Венанций Фортунат. Ф.А.Петровский.	367
О страстях Христовых. Пер. С.С.Аверинцева	369
Никетию, епископу Треверскому, о замке под Мозеллой. О королеве Теудехильде. О Бодегизиле. О своем отъезде. Утешение Хильпериха и Фредегонды. О своем	

плавании. Корзиночка с каштанами. Пер. <i>Ф.А.Петровского</i>	370
Григорий Великий. М.Е.Грабарь-Пассек.	377
На Великий пост. Пер. <i>С.С.Аверинцева</i>	379
Проповедь перед народом. Предисловие к "Книге нравственных поучений, или Толкованиям на книгу Иова". Пер. <i>М.Е.Грабарь-Пассек</i>	379
Диалоги о житии и чудесах италийских Отцов и о вечной жизни души. Пер. <i>М.Е.Грабарь-Пассек и Б.И.Ярхо</i>	382
Григорий Турский. О.Е.Нестерова	394
История франков. Пер. <i>В.Д.Савуковой.</i>	396
Книги чудес. Пер. <i>О.Е.Нестеровой</i>	413
Исидор Севильский. Т.А.Миллер.	427
История о царях готов, вандалов и свевов. Этимологии. Синонимы, [или] о стенании грешной души. Пер. <i>Т.А.Миллер</i>	428
Альдхельм. М.Л.Гаспаров.	437
Загадки. Пер. <i>Ф.А.Петровского</i>	438
Беда Досточтимый. М.Р.Ненарокова	441
Жизнь отцов-настоятелей Веармута и Ярроу. Житие св. Катберта. Церковная история англов. Пер. <i>М.Р.Ненароковой</i>	444

Научное издание

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Российской Академии наук*

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
IV-VII ВЕКОВ

Технический редактор Т.И.Мишутина

ЛР № 020961 от 17.02.95 г.

Формат 69х90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Академическая.
Печать офсетная. Печ. л. 29,5. Тираж 1000 экз.

Специализированное издательско-торговое предприятие "Наследие"
121069, Москва, ул. Поварская, 25 а.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 91

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ IV—VII ВЕКОВ

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
IV—VII ВЕКОВ

